

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Артиллерии, инженерных войск и войск связи

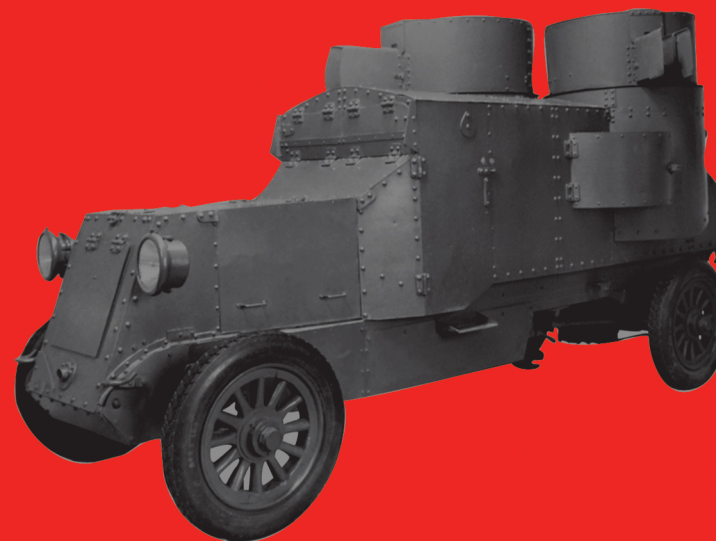
Адрес музея: 197046, Санкт-Петербург,
Александровский парк, 7.
Тел./факс: (812)498-09-32, 232-02-96
E-mail: artillery@yandex.ru
www.artillery-museum.ru

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции
17–19 мая 2017 года

Часть II

Департамент культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции**

17–19 мая 2017 года

Часть II

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2017

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС

Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук

Война и оружие

Новые исследования и материалы

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN 978-5-7937-1432-7

© ВИМАИВиВС, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© СПбГУПТД, 2017

Н.А. Власов (Санкт-Петербург)

ВОПРОС УНИФИКАЦИИ Артиллерийского вооружения Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны*

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ война поставила перед членами противостоявших друг другу военно-политических блоков ряд совершенно новых задач в области строительства вооруженных сил. Одной из них являлась унификация систем вооружения, призванная дать существенный военно-экономический эффект. Переговоры о подобной унификации велись, в частности, между военными ведомствами Германии и Австро-Венгрии с 1915 по 1918 гг. Несмотря на то что в общем и целом они не увенчались успехом, их исследование представляет большой интерес в свете общих тенденций развития военно-технического сотрудничества в XX в.

Проблема создания единых систем артиллерийского вооружения, как и в целом военно-техническое сотрудничество Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны, относится к числу весьма малоизученных и в отечественной, и в зарубежной историографии тем. Единственной работой, в рамках которой затрагивается вопрос унификации артиллерии Центральных держав, является фундаментальная монография М.Х. Орнера «Австро-венгерская артиллерия с 1867 по 1918 гг.»¹ В связи с этим представленное исследование опирается, в первую очередь, на материалы фондов военного министерства Австрийского военного архива.

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 15-01-00220 «Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны: проблемы и уроки».

Военно-техническое сотрудничество Центральных держав начало развиваться еще до 1914 г., однако носило скорее эпизодический характер. И германские, и австро-венгерские вооруженные силы были оснащены практически полностью оружием отечественного производства. Однако уже в первые месяцы Первой мировой войны ситуация начала стремительно меняться. Австро-Венгрия, располагая более слабой военной промышленностью, нуждалась в поставках различных типов вооружения из Германии. В частности, весьма значительной была потребность в артиллерийских орудиях, потери которых в первые месяцы войны оказались очень высокими. Возможности немецкого союзника в данной сфере, однако, были ограниченными. Только в январе 1915 г. в Австро-Венгрию были отправлены 12 горных орудий системы «Эрхардт», предназначенных изначально для Османской империи.

Одна из главных проблем в сфере поставок пехотного и артиллерийского вооружения заключалась в том, что калибры основных систем Германии и Австро-Венгрии не совпадали друг с другом. В частности, к числу наиболее распространенных австро-венгерских артиллерийских орудий на начало Первой мировой войны относились полевая пушка М.5/8 калибра 80 мм (в реальности 76,5 мм), полевая гаубица М.99 калибра 100 мм (в реальности 104 мм) и тяжелая гаубица М.99/4 калибра 149 мм². В германской армии «рабочими лошадками» являлись 77-мм полевая пушка FK 96 п/А и 105-мм легкая гаубица ІеFH 98/09. Основными калибрами тяжелой артиллерии были 150 и 210 мм³.

Это делало практически невозможным взаимное использование боеприпасов. Поставка орудий без достаточного количества снарядов к ним в результате оказывалась бессмысленной. Между тем, именно производство боеприпасов являлось большой проблемой для германской военной промышленности. Проблема еще больше усугублялась в связи с тем, что к концу 1914 г. значительных масштабов достигло перемешивание германских и австро-венгерских частей на Восточном фронте. Известны случаи, когда отдельные австрийские батареи включались в состав германских подразделений. Это существенно усложняло организацию снабжения.

Естественным выходом из данной ситуации представлялась унификация калибров артиллерийского вооружения обеих

стран. Это существенно упростило бы снабжение подразделений на фронте и сделало бы возможными оперативные взаимные поставки орудий и боеприпасов. Вполне логичным следующим шагом выглядела унификация артиллерийских систем в целом – мера, которая могла бы дать значительный военно-экономический эффект в условиях нараставшего дефицита ресурсов.

Начало данному процессу, однако, было положено в сфере пехотного вооружения. Австро-венгерская армия стояла перед выбором новой винтовки, и логичным представлялось согласование действий с германским союзником. В марте 1915 г. в военном министерстве в Вене состоялось под председательством министра совещание с немецкими представителями. На переговорах был достигнут некоторый прогресс, однако вскоре выяснилось, что принятие на вооружение любого нового образца неизбежно приведет к временному снижению темпов производства, что в сложившейся ситуации было неприемлемым для австро-венгерского военного руководства. В результате проект был положен под сукно. По словам свидетеля этих событий австрийского генерал-майора О. Пфлуга, возглавлявшего в годы войны Артиллерийский отдел Верховного командования армии, в итоге «состоялись лишь войсковые испытания небольшого числа этих винтовок, перевооружение же армии не было проведено, поскольку вскоре пришли к выводу, что переход оружейных фабрик на производство новой винтовки поставит под угрозу снабжение армии и создаст такие перерывы в поставках, которые было бы безответственно допускать (...) “единая винтовка” осталась экспериментом»⁴. Примечательно, однако, что было принято принципиальное решение об использовании в новой винтовке «немецкого» калибра 7,9-мм⁵.

Летом 1915 г. опыт было решено распространить и на артиллерийское вооружение. Глава австро-венгерского генерального штаба и фактический главнокомандующий Ф. Конрад фон Гётцендорф адресовал военному министру А. фон Кробатину предложение начать переговоры с германской стороной по поводу единого артиллерийского вооружения. Соответствующее предложение было в начале июня отправлено из Вены в Берлин: «Прошу Ваше Превосходительство разрешить начать в области артиллерийского вооружения обмен мнениями, аналогич-

ный тому, который уже привел в области пехотного вооружения к весьма воодушевляющему результату. Переговоры должны охватить весь комплекс артиллерийских систем. (...) Если появится возможность в отношении новых конструкций прийти к единым образцам, это, без сомнения, принесет очень большие преимущества»⁶.

Впрочем, Конрад сразу же обрисовал основную проблему переговоров: «...границы обсуждения сужены наличием у нас уже принятых на вооружение новых образцов»⁷. По сути, совершенно свободно мог обсуждаться только вопрос о введении единого полевого орудия. Полевые гаубицы, 100-мм пушки, 150-мм пушки и горные пушки являлись «готовыми конструкциями, от которых мы не можем отказаться, в связи с чем было бы большим успехом побудить немецкое командование к принятию на вооружение некоторых из этих типов»⁸. Циклы перевооружения артиллерии в Германии и Австро-Венгрии не совпали друг с другом. В то время как в монархии Габсбургов смена образцов стартовала еще до 1914 г. и к началу войны уже шла полным ходом, немцы приступили к ней только спустя некоторое время.

В своем ответе на австрийские предложения летом 1915 г. германская сторона заявила, что в целом приветствует данную инициативу, но не видит оснований спешить с совместными проектами, пока не будет накоплен достаточный опыт, а у крупных предприятий не появится возможность осуществить переход на новые образцы без ущерба для текущего производства⁹. Тем не менее, немцы пошли на расширение информационного обмена и предоставили союзникам подробные технические требования к новым образцам германской артиллерии. Кроме того, были установлены прямые контакты между ключевыми инстанциями – военно-техническим комитетом (Militärtechnisches Komitee, МТК) в Австро-Венгрии и комиссией по испытанию артиллерии (Artillerie-Prüfungskommission, АПК) в Германии.

Немцы вернулись к идее единого артиллерийского вооружения год спустя, когда доводы в пользу унификации стали еще более весомыми. 20 июня 1916 г. прусский военный министр написал своему австро-венгерскому коллеге о том, что считает «невыразимо важным, чтобы между обеими союзными державами была достигнута договоренность по меньшей мере относительно единства калибра и баллистических характеристик важней-

ших типов орудий»¹⁰. Предлагалось не только начать переговоры, но и передавать друг другу для испытаний опытные образцы новейших артиллерийских систем.

У австрийской стороны это предложение в целом встретило положительный отклик. Однако из четырех запрошенных немцами 104-мм пушек М.15 австрийцы согласились предоставить только две, и те в неопределенные сроки. Встреча между представителями обеих сторон была назначена на октябрь 1916 г. В дальнейшем с австрийской стороны последовало предложение не ограничиваться артиллерией, а обсудить унификацию различных видов вооружения. Немцы согласились обменяться мнениями по поводу пехотного и кавалерийского вооружения, инженерных средств, телеграфного оборудования и автомобилей¹¹.

В преддверии этих переговоров в Вене состоялось два предварительных совещания. Первое, 16 августа, констатировало желательность унификации в любом, пусть даже ограниченном, объеме: «Целью введения единых систем вооружения является взаимное использование ресурсов обеих стран для производства орудий и боеприпасов и упрощение снабжения фронтов боеприпасами. (...) Следует стремиться к тому, чтобы: 1) ввести по возможности одинаковые типы орудий (как минимум с одинаковыми стволами) и одинаковые боеприпасы, 2) предусмотреть возможность взаимного использования снарядов орудий одних типов, как минимум добиться того, чтобы части снарядов, произведенных в одном государстве, после минимальной доработки могли быть использованы во втором»¹².

Однако, рассматривая конкретные типы орудий, участники вынуждены были констатировать, что по большинству позиций могут лишь предложить германским партнерам принять на вооружение австро-венгерские образцы. Так, по поводу 75-мм горных орудий М.15 в итоговом документе совещания предлагается «рекомендовать Германии сделать нашу эффективную горную пушку основой парка своей горной артиллерии»¹³. Легче всего, по мнению участников совещания, будет достигнуть соглашения по поводу полевых пушек, поскольку работы в обоих государствах находятся на достаточно ранней стадии. В целом ряде случаев (например, 104-мм пушки) предлагалось проверить, подойдут ли к ней германские боеприпасы близких калибров. При этом только 210-мм гаубица М.16 была изначально рассчитана

на немецкие снаряды. Всего в рамках совещания было рассмотрено 14 артиллерийских систем; в большинстве случаев какие-либо изменения в конструкции были признаны невозможными.

Второе совещание состоялось 3 октября, и состав участников оказался еще более представительным. Основное внимание было уделено тем типам орудий, где перспективы сотрудничества представлялись наиболее реальными – в частности, полевым пушкам. В то же время было принято решение в случае, если в этой сфере на переговорах не будет достигнуто быстрого прогресса, продолжать разработку своих образцов «без оглядки на Германию»¹⁴.

В этих условиях неудивительно, что переговоры в конечном счете не привели ни к какому значимому результату. На совещании, состоявшемся 9 октября, было принято решение проверить возможности использования для орудий союзника боеприпасов калибра 150 и 305 мм. Кроме того, стороны декларировали готовность при планировании обновления парка орудий того или иного типа принимать во внимание уже имеющиеся у союзника образцы. В процессе работы были подробно рассмотрены технические характеристики целого ряда типов артиллерийского вооружения, однако существенных договоренностей достичь не удалось. Весьма неприятным для австро-венгерской стороны стал очевидный дисбаланс между объемами производства орудий в Германии и монархии Габсбургов – цифры отличались почти на порядок. Это оставляло австрийцам еще меньше надежд на то, что немцев удастся убедить принять на вооружение разработанные союзником образцы. По мнению М.Х. Ортенера, одной из основных задач германской стороны на переговорах было заставить своих партнеров увеличить объемы военного производства¹⁵.

Жирную точку в этой истории поставил генерал-квартирмейстер германского верховного командования сухопутных войск Э. фон Людендорф. 12 октября он направил Конраду телеграмму, в которой недвусмысленно дал понять, что объемы производства для него важнее качества орудий – т. е. фактически о принятии австрийских образцов для германской армии не может быть и речи¹⁶.

Тем не менее, это не означало полного прекращения переговоров. По крайней мере, обмен опытом продолжался. Австрийс-

кая сторона получила для испытаний две немецкие 130-мм пушки. В апреле 1917 г. военное министерство в Вене предложило берлинским коллегам ежемесячно обмениваться отчетами о разработке и испытаниях новых систем вооружения. Этот обмен должны были дополнить «устные совещания уполномоченных, участие в испытаниях, осмотр фабрик и прочие мероприятия»¹⁷. В подобном информационном обмене были заинтересованы обе стороны, в первую очередь немцы, которые внимательно изучали опыт использования на фронте новейших австро-венгерских орудий. Кроме того, германская сторона приняла решение закупить значительное количество австро-венгерских горных пушек М.15 (в монархии Габсбургов эти орудия широко применялись в том числе как средство непосредственной поддержки пехоты). Эти поставки, начавшиеся весной 1917 г., так и не достигли больших масштабов – к июню следующего года фирма «Шкода» отгрузила лишь 60 орудий¹⁸ – однако стали единственным ощутимым результатом переговоров о едином артиллерийском вооружении.

В начале 1917 г. в Берлине состоялось совещание германских и австро-венгерских представителей, посвященное разработке новой техники. Немецкая сторона заявила здесь о подготовке проекта бронированной гусеничной боевой машины (будущий танк А7V). Гости из Вены, однако, отнеслись к германскому проекту скептически и отказались присоединиться к нему, назвав «дорогостоящей и малоэффективной конструкцией»¹⁹.

В первой половине 1918 г. была сделана последняя попытка достичь более серьезного успеха в области артиллерии. На новом этапе переговоров предметом обсуждений стали в первую очередь полевые орудия. Однако проблема заключалась в том, что в Австро-Венгрии уже была разработана новая полевая пушка – таким образом, это направление также оказалось бесперспективным. Несмотря на усилия обеих сторон и обилие предложенных на переговорах конкретных мероприятий, объективно условия для быстрого успеха отсутствовали. Была создана совместная комиссия, которая должна была заниматься новыми проектами единых типов артиллерийских орудий, однако до конца войны ее деятельность не принесла результатов²⁰.

Таким образом, переговоры об унификации артиллерийского вооружения не увенчались серьезным успехом. Помимо при-

веденных выше, была и еще одна причина их провала, на которую справедливо указывает Р. Вегс: «...факт, что в области производства оружия господствовало несколько фирм, желавших сохранить свою конкурентоспособность на мировом рынке, препятствовал экономическому сотрудничеству»²¹. Промышленное лобби резко возражало против того, чтобы принимать на вооружение образцы, разработанные иностранными конкурентами.

Тем не менее, эти переговоры представляют огромный интерес в контексте дальнейшего развития военно-технического сотрудничества. Во второй половине XX в. совместная разработка образцов военной техники и унификация систем вооружения стали широко распространенной практикой, в первую очередь в рамках военно-политических альянсов. Австро-германские переговоры 1915–1918 гг. стали одним из первых проектов в этой области, в некоторой степени опередившим свое время.

¹ Ortner M.C. Die österreichisch-ungarische Artillerie von 1867 bis 1918. Technik, Organisation und Kampfverfahren. Wien, 2007.

² Schindler J. Austria-Hungary in the First World War // King of Battle. Artillery in World War I. Leiden-Boston, 2016. P. 129.

³ Zabecki D. German Artillery in the First World War // King of Battle... P. 108.

⁴ ÖStA-KA, Ms Ca 7. Bewaffnung und Munition. S. 73.

⁵ Gabriel E. Die Hand- und Faustfeuerwaffen der Habsburgischen Heere. Wien, 1990. S. 145.

⁶ ÖStA-KA, AOK Op. Abt. Op. Akten 1916. Op. Nr. 32585.

⁷ ÖStA-KA, KM Präs. 32-9/1 (1916), Präs. Nr. 28381 v. 23.10.1916.

⁸ Ibid.

⁹ ÖStA-KA, AOK Op. Abt. Op. Akten 1916. Op. Nr. 32585.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² ÖStA-KA, KM Präs. 32-9/1 (1916), Präs. Nr. 28381 v. 23.10.1916.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ortner M.C. Op. cit. S. 630.

¹⁶ Ibid. S. 629.

¹⁷ ÖStA-KA, AOK Op. Abt. Artillerie-Gruppe 1917. Op. Nr. 66974.

¹⁸ Ortner M.C. Op. cit. S. 632.

¹⁹ Spielberger W.J. Kraftfahrzeuge und Panzer des österreichischen Heeres 1896 bis heute. Stuttgart, 1976. S. 336.

²⁰ Ortner M.C. Op. cit. S. 633.

²¹ Wegs R. Die österreichische Kriegswirtschaft 1914–1918. Wien, 1979. S. 122.

А. Волошин (Ополе, Польша)

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СТРУКТУРЕ КОМПУТА ЛИТОВСКОЙ АРМИИ В 1698–1717 ГОДАХ

В О ВРЕМЯ Великой Северной войны (1700–1721) произошли преобразования в военной сфере, которые коснулись следующих плоскостей: 1) организация и финансирование армии – образовались зачатки профессиональных или квази-профессиональных армий; 2) введение нового оружия (в том числе винтовки с ударно-кремневым замком и штыка), что стало причиной изменений в структурных подразделениях армии – часть их была ликвидирована, создавались новые, а главное – начала увеличиваться численность пехоты; 3) изменения в стратегии и еще более значительные – в тактике (линейное построение частей)¹. Такие изменения в Великом княжестве Литовском протекали значительно медленнее, чем в других армиях, участвующих в вышеупомянутом конфликте. Убедительно звучат слова монаха Яна Олешевского, который оценил шведскую армию во время маневров последней под Вильно 14 мая 1702 г., заключая, что *«при пехоте и пушке трудный это враг для армии нашей»*² литовской.

В статье проанализирована структура литовской армии в 1698–1717 гг. на основании реализованных компутов (смет), без учета проводимых в армии редуций, а равно проектов увеличения или сокращения войск³. В первую очередь определена процентная доля отдельных формирований в армии в целом, с разделением на роды войск. Далее представлено деление на автораменты (наборы) во всей армии и в отдельных родах войск. В конце осуществлен анализ удела отдельных формирований в автораментах.

Великое княжество Литовское не имело постоянной полевой армии, и, в случае угрозы, призыв каждый раз требовал отде-

льного решения сейма, который определял как численность вооруженных сил, так и средства на их содержание⁴. На сейме составляли резолюцию – «ординацию войска», которую утверждал примас (или первый сенатор) и депутатский маршал. Сберегали таковую в так называемом *scriptum ad archivum*, в котором хранили решения сейма, остающиеся на некоторое время тайными, ввиду их большого значения для обороноспособности страны. Эти постановления не были известны также послам сейма, утверждались же они законодательными актами (конституциями), чтобы подчеркнуть факт единогласного принятия решений. Впоследствии «ординация войска» не передавались в Коронный архив в Кракове, а оставались в распоряжении канцлеров. Содержали они следующие элементы: 1) согласие на набор определенного числа солдат каждого рода войск; 2) период их службы; 3) величину жалованья (жолда); 4) общие издержки содержания; 5) сопоставление утверждаемых на военные цели налогов. Гетманы на основании ординаций разрабатывали подробную смету – компут (с лат. *computus* – вычислять, считать). Штат создаваемой армии, начиная от смерти Сигизмунда III Вазы, утверждался сеймом и содержал: 1) реестр частей каждого из родов войск; 2) численность частей и имена их командиров⁵.

Со времен Владислава IV при формировании армии пунктуально соблюдалось разделение на автораменты. Национальный авторамент состоял главным образом из кавалерийских частей: гусарских, пятигорцев, панцирной и легкой конницы с выделением татарских и валашских формаций, а также казачьих – с конца XVII в. Немногочисленную пехоту национального набора традиционно называли венгерской. Отряды формировались товарищеской системой на основании так называемого листа пшиповедного, за исполнение которого отвечал ротмистр, т. е. командир хоругви. Шляхтичи являлись к нему или же в городские, уездные, земские учреждения, в которых формировалась хоругвь, приводя с собой подготовленных и экипированных людей, что позволяло быстро мобилизовать армию. Численность формируемых частей была небольшой, под конец XVII в. редко превышая 100 солдат. Не слишком сложной была также структура отрядов, опирающаяся на 1–3-конные почты и штаб, состоящий из двух-трех офицеров и сигнальщика. Хоругви конницы

во время военных действий соединялись в полки как тактико-операционные единицы⁶.

Более сложным было создание частей иноземного авторамента, к которому относились рейтары, аркебузиры, драгуны и немецкая пехота. Происходило это посредством заключения договора, так называемой капитуляции, с офицером, который обязывался сформировать и снабдить regiment или самостоятельную компанию, к тому же часто на собственный счет. Солдат вербовали согласно системе «вольного бубна», т. е. призывая добровольцев из числа свободных людей и крестьян из государственных имений, которых затем распределяли по «компаниям»⁷. О трудностях с быстрым формированием этого рода частей в 1708 г. информировал генерал-майора Юзефа Франтишка Сапегу его подчиненный, командир regimenta Вильгельм Антоний Штейн. Жаловался также на большие кадровые нехватки, так как, кроме исполнения своих обязанностей, он должен был заменять оберштерлейтенанта (подполковника), майора, полкового интенданта и адъютанта⁸. В рейтары и драгуны в меру охотно вербовалась шляхта. Пехоту надо было создавать и подготавливать почти от основ, что значительно удлиняло время формирования отрядов. Старались вести вербовку за пределами Речи Посполитой, чтобы избежать сложной подготовки. Структура regimentов иностранного набора была значительно более расширена в сравнении с частями национального авторамента. В отношении численности, а тем самым и боевого потенциала, первые решительно уступали regimentам и полкам других европейских государств. При этом считалось, что они являются более мобильными на поле битвы⁹.

Как заметил Генрик Виснер, численность литовской армии под конец XVII в. была обусловлена в основном высотой налоговых постановлений, но не была напрямую следствием их равнодействующих¹⁰. К так называемым военным налогам относились шпунтовое, шеляжное, еврейский и татарский подушные налоги, хиберна, литовские пошлины, табачная монополия, а в некоторые годы ведения Великой Северной войны также доходы с имений Сапег и нойбургских владений¹¹. Численность армии определяли на основе ставки жалования, предназначенного для одного рядового, которую для пехоты и драгун называли порциями, а в коннице – конями. Офицеры, унтер-офицеры

и ремесленники оплачивались из общей суммы, предназначенной на прокормление регимента или хоругви (многократность порций рядовых, начиная от 1,5). Таким образом, вычисляли так называемые слепые порции, процентное отношение которых в иностранном наборе достигало 12–15 %, а в народном – 20–25%. Фактический численный состав регимента мог быть дополнительно занижен из-за злоупотреблений во время периодических смотров армий (ликвидаций). Фальсификации обеспечивали получение жалованья для полного состава регимента¹². Поэтому на основании сметы трудно проверить настоящую численность литовской армии или ее структуру. К тому же распределение порций в формированиях пехоты или кавалерии, народного и иноземного авторамента было различным. Необходимо было бы провести подробное исследование реестров отдельных хоругвей и региментов. Если же речь идет об артиллерии, то она образовывала отдельный корпус, не включаемый в компут (полевая, драгунская, гарнизонная артиллерия, регимент пехоты), и финансировалась из квартиры¹³.

Здесь следует вспомнить о некоторых подразделениях, о которых шла речь в смете. Пятигорцы и панцирные учитывались вместе, ввиду их похожей организации, способа рекрутирования и вооружения. Пятигорцы частично отличались от панцирных оснащением: копьем (2,2–3 м), называемым рогатиной, а иногда доспехом, сходным с гусарским¹⁴. Венгерскую пехоту с середины XVII в. вербовали согласно системе «вольного бубна» так же, как иноземные части, но ее организация и структура оставались притом неизменными¹⁵. Литовские драгуны в принципе были перемещающимися верхом пехотинцами. Об этом свидетельствует несколько фактов. Во-первых, их обеспечение в системе порций, а не коней. Во-вторых, они действовали по правилам военного устава пехотинцев, правда приспособленным к существующим условиям¹⁶. Сандомирский чашник Станислав Дунин-Карвицкий на Варшавской Вальной раде 1710 г. констатировал, что драгуны, хоть ездят они верхом, сражаются по-старому (т. е. в немецком стиле) в пешем строю, а не французском – т. е. верхом и в пешем строю или только верхом¹⁷. Однако обучение их все-таки было двояким¹⁸, чтобы в открытом поле они смогли сражаться верхом, а на пересеченной местности – пешим порядком¹⁹. В источниках можно встретить сообщения о двух типах

драгун, так называемых пеших, о которых упоминали минский староста Кшиштоф Завиша и региментарий Якоб Сигизмунд Рыбинский²⁰, а равно конных, о которых писали в своих письмах Михал Сервеций Вишневецкий и Григорий Антоний Огинский²¹. Однако в случае обоих литовских гетманов имели они в виду русских драгун. Что интересно, во время происходивших под Варшавой боев 24 октября 1705 г. генерал литовской артиллерии Кшиштоф Казимир Сенницкий, командовавший также литовскими драгунами, которые сражались в пешем строю вблизи Пражского моста, велел спешить русских и саксонских драгун. Однако когда этого потребовала обстановка, распорядился сражаться верхом²².

Структуру литовской армии в последние годы XVII в. и во время продолжающегося гражданского конфликта между Сапегами и литовскими республиканцами можно реконструировать на основании договора, заключенного 20 декабря 1698 г. под Пузевичами. На основании его решений рассчитали численность литовской армии согласно смете, утвержденной на Варшавском сейме 1690 г., который предусматривал 7870 коней и порций²³ (см. табл. 1 и 2).

Представленный при расчете в 1698 г. компут литовской армии предполагал перевес пехоты над кавалерией, что было обусловлено предпосылками войны с Турцией и необходимостью иметь в меру многочисленную пехоту и драгун для проведения осад крепостей. В кавалерии гусары составляли $\frac{1}{5}$ личного состава, а во всей армии – $\frac{1}{10}$. Доминировали формации пятигорцев и панцирных, составляющие почти половину кавалерии и $\frac{1}{5}$ всей численности армии. Сходной была численная и процентная доля остальных типов кавалерии – рейтар и легкой конницы. В пеших формированиях доминировала немецкая пехота – $\frac{1}{2}$ этого типа войск и $\frac{1}{3}$ всей армии; драгуны же соответственно – $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$. Немногочисленной была выполняющая вспомогательные функции венгерская пехота, которая в последующем подлежала сокращению. В 1698 г. более половины компута составлял иноземный авторамент, который доминировал в пехоте. В кавалерии же значимым был процент народного авторамента (табл. 2).

На Пацификационном сейме в Варшаве в 1699 г., с учетом Пузевицкого договора, была уменьшена численность гусарс-

Табл. 1

**Компут литовской армии 1698 г. (1690 г.)
и процентный состав отдельных формирований**

Тип формирований	Количество коней и порций	Состав в данном типе войск, %	Состав в общем коли- честве, %
КАВАЛЕРИЯ			
Гусары	620 (коней)	18,29	7,88
Пятигорцы и панцирные	1570 (коней)	46,31	19,95
Рейтары	600 (коней)	17,7	7,62
Легкая конница (ка- зачья, татарская, валашская)	600 (коней)	17,7	7,62
Итого	3390	100	43,07
ПЕХОТА			
Драгуны	1120 (порций)	25	14,23
Немецкая пехота	2660 (порций)	59,37	33,8
Венгерская пехота	700 (порций)	15,63	8,9
Итого	4480	100	56,93
ВСЕГО	7870	-	100

Табл. 2

Народный и иноземный авторамент в компуте 1698 г. (1690 г.)

Вид авто- раменты	Коли- чество коней	Коли- чество порций	Состав, %		Коли- чество коней и пор- ций в общем	Состав в общем коли- честве, %
	Кавал- лерия	Пехота	Кавал- лерия	Пехота		
Народный	2790	700	82,3	15,63	3490	44,35
Иноземный	600	3780	17,7	84,37	4380	55,65
Итого	3390	4480	100	100	7870	100

Источник: собственное сопоставление на основании Wimmer J. *Wojsko Rzeczy-
pospolitej w dobie wojny północnej (1700–1717)*. Warszawa, 1956. С. 143.

ких, пятигорских и панцирных хоругвей, рейтар и легкой конницы. Осталось только 1140 драгун, 2620 немецких пехотинцев и 600 венгерских пехотинцев²⁴, а соответственно свернуты формирования, которые доставляли трудности при вербовке. В действительности, однако, как Сапеги, так и литовские республиканцы сохранили хоругви народного авторамента²⁵.

После битвы под Олькенниками (18 ноября 1700 г.) литовское компутовое войско попало под контроль республиканцев. В силу так называемых олькенницких постановлений, принятых 24 ноября 1700 г., была утверждена смета армии в размере 7700 ставок жалования, а исполнение было поручено М.С. Вишневецкому как «генеральному полковнику Великого княжества Литовского»²⁶.

В 1700 г. в литовском войске заметно снизилась доля пехоты по отношению к кавалерии, которую признали за более пригодную для ведения военных действий на территории Великого княжества Литовского. Доминировали в последней пятигорские и панцирные хоругви, значимую часть начали составлять отряды легкой конницы. Сократился процент гусар, которые составляли $\frac{1}{10}$ сил кавалерии. Одновременно численность рейтар снизили наполовину. В пехотных частях по-прежнему доминировала немецкая пехота, однако несколько меньшими стали отряды драгун. Зато численность венгерской пехоты подверглась сокращению почти наполовину (табл. 3). В компуте 1700 г. отчетливо выросла доля народного авторамента, который составлял тогда $\frac{3}{5}$ армии. Было это следствием его численного увеличения. В пехоте же доминировал иноземный авторамент (табл. 4).

Продолжавшиеся с конца 1701 г. военные действия показали слабость литовской армии в столкновениях со шведскими силами. Поэтому на Люблинском сейме 1703 г., на котором «великая литовская булава» была отобрана у Казимира Яна Сапеги и передана М.С. Вишневецкому, был принят новый компут армии, увеличенный до 12 000 коней и порций²⁷.

В новом штате литовского войска по-прежнему некоторое численное превосходство над пехотой сохранила кавалерия, однако теперь это соотношение было ближе к распределению на почти равные части. В кавалерии доминировали пятигорские и панцирные части, хоть уже не так отчетливо, так как почти

Табл. 3

**Компут литовской армии 1700 г.
и процентный состав отдельных формирований**

Тип формирований	Количество коней и порций	Состав в данном типе войск, %	Состав в общем коли- честве, %
КАВАЛЕРИЯ			
Гусары	400 (коней)	9,09	5,19
Пятигорцы и панцирные	2700 (коней)	61,36	35,06
Рейтары	300 (коней)	6,82	3,9
Легкая конница (казахья, татарская, валашская)	1000 (коней)	22,73	12,99
Итого	4400	100	57,14
ПЕХОТА			
Драгуны	1300 (порций)	39,4	16,88
Немецкая пехота	1600 (порций)	48,48	20,78
Венгерская пехота	400 (порций)	12,12	5,2
Итого	3300	100	42,86
ВСЕГО	7700	-	100

Табл. 4

Народный и иноземный авторамент в компуте 1700 г.

Вид авто- раamenta	Коли- чество коней	Коли- чество порций	Состав, %		Коли- чество коней и пор- ций в общем	Состав в общем коли- честве, %
	Кавалерия	Пехота	Кавалерия	Пехота		
Народный	4100	400	93,18	12,12	4500	58,44
Иноземный	300	2900	6,82	87,88	3200	41,56
Итого	4400	3300	100	100	7700	100

Источник: собственное сопоставление на основании Comput woyska erygowanego WXLitt in A 1700. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów. Dz. VII. 81. С. 17–20; Errectia woyska WXL siedmiu tysięcy siedmiuset z podatków extraordinarynych przez repartitią na woiewódtwa y powiaty na teraznieyszym pospolitym ruszeniu zgromadzonym postanowiona w Olkennikach roku pańskiego tysiąc siedemsetnego m-ca novembra a[nn]o1700. Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie. Д. 2115. С. 65–73.

вдвое была увеличена численность легкой конницы и трехкратно – рейтар. Значительно снизилась доля гусар, так как их количество было увеличено только на 30 коней. В пехотных частях существенно увеличилась численность немецкой пехоты и драгун, зато отделения венгерской пехоты систематически уменьшались (табл. 5). Соотношение народного и иноземного автораментов во всей армии почти сравнялось, с незначительным перевесом последнего. Увеличилась его доля в пехоте и кавалерии, хоть в последней по-прежнему доминировали части народного набора (табл. 6).

В 1708 г. литовское компутовое войско перешло под власть Сапег. М.С. Вишневецкий заявил о своем переходе на сторону Станислава Лещинского и привлек за собой значительную часть государственной армии, которая соединилась с войском Сапег. В лагере под Геранонами 20 марта была принята новая смета армии²⁸.

Вновь изменилась тенденция в отношении увеличения численности пехоты в сравнении с кавалерией или хотя бы их уравнения. Возможно, это был результат объединения войск Сапег с регулярными частями М.С. Вишневецкого, так как в обоих формированиях доминировали конные отряды. Другой причиной этого явления могли быть поступившие рекомендации Карла XII, который, учитывая мобильность литовских кавалерийских частей, отдавал им предпочтение, пехоту же оценивал как очень слабую. Кавалерия составляла 60 % литовского войска, при этом в ее составе произошли значительные изменения. Удвоилась численность гусар, а рейтар – увеличилась наполовину. Небольшой рост наблюдался в отношении численности легкой конницы. Более чем на $\frac{1}{4}$ в отношении к 1703 г. снизилась численность пятигорцев и панцирных. В пехотных частях сравнялась численность немецкой пехоты и драгун, оставаясь у венгерской пехоты на том же уровне (табл. 7). В 1708 г. незначительно увеличилась доля иноземного авторамента. В пехоте она оставалась традиционно высокой, а в кавалерии благодаря увеличению количества рейтаров выросла до $\frac{1}{3}$ (табл. 8).

Людвик Констанций Поцей после того, как стал великим гетманом, сумел провести утверждение Варшавской Вальной радой 1710 г. огромного, принимая во внимание условия Литвы, шта-та, насчитывающего более 18 000 коней и порций. Первоначаль-

Табл. 5

**Компут литовской армии в 1703 г.
и процентный состав отдельных формирований**

Тип формирований	Количество коней и порций	Состав в данном типе войск, %	Состав в общем коли- честве, %
КАВАЛЕРИЯ			
Гусары	430 (коней)	6,72	3,58
Пятигорцы и панцирные	3300 (коней)	51,56	27,5
Рейтары	900 (коней)	14,06	7,5
Легкая конница (казачья, татарская, валашская)	1770 (коней)	27,66	14,75
Итого	6400	100	53,33
ПЕХОТА			
Драгуны	2000 (порций)	35,71	16,67
Немецкая пехота	3300 (порций)	58,93	27,5
Венгерская пехота	300 (порций)	5,36	2,5
Итого	5600	100	46,67
ВСЕГО	12 000	-	100

Табл. 6

Народный и иноземный авторамент в компуте 1703 г.

Вид авто- рамента	Коли- чество коней	Коли- чество порций	Состав, %		Коли- чество коней и пор- ций в общем	Состав в общем коли- честве, %
	Кавал- лерия	Пехота	Кавал- лерия	Пехота		
Народный	5500	300	85,94	5,36	5800	48,33
Иноземный	900	5300	14,06	94,64	6200	51,67
Итого	6400	5600	100	100	12 000	100

Источник: собственное сопоставление на основании Skrypt ad Archivum na Seymie Extraordinarynym w Lublinie A 1703. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów. Dz. II. 2033. С. 1–4; Skrypt ad Archivum na Seymie Extraordinarynym w Lublinie A 1703, ANK, Archiwum Sanguszków (далее: ASang.). Rękopisy. Д. 387. С. 52–55; Skrypt ad Archivum na Seymie Extraordinarynym Die July A 1703. Biblioteka Ksiąząt Czartoryskich w Krakowie. Д. 3996/III. С. 464–467; Comput Wojska WXL według scripts ad Archivum na Seymie Lubelskim danego ustanowiony 1703. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Д. 2023/II. С. 341–344.

Табл. 7

**Компут литовской армии в 1708 г.
и процентный состав отдельных формирований**

Тип формирований	Количество коней и порций	Состав в данном типе войск, %	Состав в общем коли- честве, %
КАВАЛЕРИЯ			
Гусары	820 (коней)	11,33	6,81
Пятигорцы и панцирные	2520 (коней)	34,81	20,93
Рейтары	1900 (коней)	26,24	15,78
Легкая конница (казачья, татарская, валашская)	2000 (коней)	27,62	16,61
Итого	7240	100	60,13
ПЕХОТА			
Драгуны	2100 (порций)	43,75	17,44
Немецкая пехота	2400 (порций)	50	19,94
Венгерская пехота	300 (порций)	6,25	2,49
Итого	4800	100	39,87
ВСЕГО	12 040	-	100

Табл. 8

Народный и иноземный авторамент в компуте 1708 г.

Вид авто- рамента	Коли- чество коней	Коли- чество порций	Состав, %		Коли- чество коней и пор- ций в общем	Состав в общем коли- честве, %
	Кавал- лерия	Пехота	Кавал- лерия	Пехота		
Народный	5340	300	73,76	6,25	5640	46,84
Иноземный	1900	4500	26,24	93,75	6400	53,16
Итого	7240	4800	100	100	12 040	100

Источник: собственное сопоставление на основании Komput Woyska WXL przy oddawaniu onego przez J.O. Xięcia Jmci Michała Wiśniowieckiego Kasztelana Wileńskiego Hetmana Polnego WXL pod władzę Wielkiej Buławy Jaś Wielm Jm Pana Kazimierza Sapielhy Wwdy Wileńskiego Hetmana W WXL ze dwóch dywizyji in Unum Corpus Złączonych redukowany iuxta mentem Rzptey do Dwunastu Tysięcy ludzi w Gieranonach 20 Mensis Marty A 1708. Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Д. 400.

ные установки предполагали даже 22 000 рядовых коней и порций, при этом, однако, не удалось ввести на постоянной основе систему жалования для офицеров, ликвидируя слепые почты и порции²⁹.

Л.К. Поцей сумел внести изменения также и в иноземный авторамент, основываясь при этом на саксонских образцах. Изменив существовавшую ранее тенденцию, сделал ставку на формирования пехоты в отношении 3 к 1 в сравнении с кавалерийскими. Немецкая пехота составляла более половины личного состава пеших частей, драгуны – $\frac{1}{3}$, а венгерская пехота была увеличена незначительно. В отношении кавалерии удержался перевес в пользу пятигорских и панцирных хоругвей ($\frac{1}{2}$ всего количества), при значительном проценте частей легкой конницы ($\frac{1}{3}$). Численность гусар была принята такая, что составила $\frac{1}{10}$ от кавалерии, зато вообще отказались от содержания дорогостоящих рейтар (табл. 9). Удел иноземного авторамента вырос до $\frac{2}{3}$ состава армии. Кавалерию, после отказа от рейтар, доля которых сократилась до ноля, в целом образовывали хоругви народного авторамента (табл. 10).

На Варшавском сейме 1713 г. было решено сократить литовское войско почти на 10 000 ставок. Поводом были финансовые трудности, а также политика Августа II, стремящегося к ограничению самоуправства великого гетмана литовского Л.К. Поцея³⁰.

В 1713 г. процентное соотношение пехоты и кавалерии уменьшилось в достаточной степени по сравнению с предыдущей сметой и приблизилось к показателям 1698 г. Численность гусар осталась такой же, но в уменьшенной смете их доля в кавалерийских частях выросла на $\frac{1}{4}$, во всей армии – наполовину. Несмотря на то что численность пятигорцев и панцирных снизилась, их доля в кавалерии и во всей армии значительно выросла. Одновременно вполнину сократили хоругви легкой конницы, так что составляли они $\frac{1}{4}$ кавалерии, зато их доля в войске осталась на том же самом уровне. Рейтар, как и в предыдущей смете, не было вообще. В пеших частях, однако, произошли серьезные сокращения. Немецкая пехота составляла половину этого типа формирований и $\frac{1}{3}$ личного состава армии, при этом ее уменьшили почти на 6000 ставок жалования. То же касалось драгун, численность которых сократили вдвое. Вопреки этому их доля значительно выросла и в целой армии осталась неиз-

**Компут литовской армии в 1710 г.
и процентный состав отдельных формирований**

Тип формирований	Количество коней и порций	Состав в данном типе войск, %	Состав в общем коли- честве, %
КАВАЛЕРИЯ			
Гусары	600	10,71	3,3
Пятигорцы и панцирные	3000	53,58	16,48
Рейтары	0	0	0
Легкая конница (казачья, татарская, валашская)	2000	35,71	10,99
Итого	5600	100	30,77
ПЕХОТА			
Драгуны	4000	31,75	21,98
Немецкая пехота	8000	63,5	43,95
Венгерская пехота	600	4,75	3,3
Итого	12 600	100	69,23
ВСЕГО	18 200	-	100

Табл. 10

Народный и иноземный авторамент в компуте 1710 г.

Вид авто- рамента	Коли- чество коней	Коли- чество порций	Состав, %		Коли- чество коней и пор- ций в общем	Состав в общем коли- честве, %
	Кавалерия	Пехота	Кавалерия	Пехота		
Народный	5600	600	100	4,76	6200	34,07
Иноземный	0	12 000	0	95,24	12 000	65,93
Итого	5600	12 600	100	100	18 200	100

Источник: собственное сопоставление на основании Komput Woyska WXL na 18 000. Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie. Д. 2625/II. С. 2–3; Komput y Zapłata Woysku Litewskiemu. Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Д. 413. Л. 17.

Табл. 11

**Компут литовской армии 1713 г.
и процентный состав отдельных формирований**

Тип формирований	Количество коней и порций	Состав в данном типе войск, %	Состав в общем коли- честве, %
КАВАЛЕРИЯ			
Гусары	600 (коней)	15,43	6,92
Пятигорцы и панцирные	2280 (коней)	58,64	26,3
Рейтары	0	0	0
Легкая конница (ка- зачья, татарская, валашская)	1008 (коней)	25,93	11,63
Итого	3888	100	44,85
ПЕХОТА			
Драгуны	2000 (порций)	41,85	23,08
Немецкая пехота	2379 (порций)	49,78	27,45
Венгерская пехота	400 (порций)	8,37	4,62
Итого	4779	100	55,15
ВСЕГО	8667	-	100

Табл. 12

Народный и иноземный авторамент в компуте 1713 г.

Вид авто- раamenta	Коли- чество коней	Коли- чество порций	Состав, %		Коли- чество коней и пор- ций в общем	Состав в общем коли- честве, %
	Кавал- лерия	Пехота	Кавал- лерия	Пехота		
Народный	3888	400	100	8,37	4288	49,48
Иноземный	0	4379	0	91,63	4379	50,52
Итого	3888	4779	100	100	8667	100

Источник: собственное сопоставление на основании Komput Woyska Rzeczypospolitey WXL przysłany W. Het. WXL od króla Jmci przez W. Załuskiego in martio 1713. Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Д. 1560/2. Л. 50–51v; Komput Królowi Jmci na Seymie an 1713 w Warszawie Specifice prezentowany. Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie. Д. 2625/II. С. 43–46.

**Компут литовской армии 1717 г. и процентный состав
отдельных формирований**

Тип формирований	Количество коней и порций	Состав в данном типе войск, %	Состав в общем коли- честве, %
КАВАЛЕРИЯ			
Гусары	400 (коней)	17,4	6,56
Пятигорцы и панцирные	1200 (коней)	52,17	19,67
Рейтары	0	0	0
Легкая конница (казачья, татарская, валашская)	700 (коней)	30,43	11,47
Итого	2300	100	37,7
ПЕХОТА			
Драгуны	1500 (порций)	39,47	24,59
Немецкая пехота	2000 (порций)	52,63	32,79
Венгерская пехота	300 (порций)	7,9	4,92
Итого	3800	100	62,3
ВСЕГО	6100	-	100

менной. То же произошло с венгерской пехотой, которую сократили на $\frac{1}{3}$, но ее процент в этом роде войск вырос наполовину, хотя увеличился только незначительно относительно всей армии (табл. 11). Произошло уравнивание народного и иноземного автораментов. В кавалерии остались только хоругви народного набора, а в пехотных частях доля венгерской пехоты выросла до $\frac{1}{10}$ благодаря значительному сокращению немецкой пехоты и драгун (табл. 12). Решения Немого сейма 1717 г. способствовали созданию постоянной литовской армии, смету которой установили в 6100 коней и порций³¹. Ее состав оставался неизменным почти 60 лет³².

Сохранился численный перевес пехоты над кавалерией. Количество гусар уменьшили на $\frac{1}{3}$ в сравнении с предыдущим штатом, возвращаясь к положениям 1700–1703 гг. Не повлияло это на процентное соотношение гусар и кавалерии и всей армии. Почти наполовину сократили число пятигорцев и панцирных, однако составляли они по-прежнему более половины кавалерии, хотя их доля в отношении всей армии незначительно

Народный и иноземный авторамент в компуте 1717 г.

Вид авторамента	Количество коней	Количество порций	Состав, %		Количество коней и порций в общем	Состав в общем количестве, %
	Кавалерия	Пехота	Кавалерия	Пехота		
Народный	2300	300	100	7,89	2600	42,62
Иноземный	0	3500	0	92,11	3500	57,38
Итого	2300	3800	100	100	6100	100

Источник: собственное сопоставление на основании Volumina legum. Prava, konstytucje y przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od Seymu Wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego Seymu uchwalone. T. 6. Wyd. Ohryzko J. Petersburg, 1860. С. 184–195; Skrypt ad Archivum circa seterminium per authoritem Seymu Traktatu w Warszawie postanowionego Anno Dni 1717. ANK. ASang. Archiwum Podhoreckie II. Д. 74. № 1; Skrypt ad Archivum circa determinium per authoritem Seymu Traktatu w Warszawie postanowionego Anno Dni 1717. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Д. 1072/II. Л. 1–2v; Skrypt ad Archivum circa determinium per authoritem Seymu Traktatu w Warszawie postanowiony, Anno Dni 1717. Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk. Д. 419. Л. 575–576.

упала. Если говорить о легкой коннице, то ее процентное участие в кавалерии выросло, а в отношении всего войска осталось неизменным. В пеших частях, несмотря на сокращение отдельных формирований, не произошло никаких изменений – ни в их структуре, ни в доле во всей армии. Численность драгун была сокращена на $\frac{1}{4}$, однако их доля в пехоте и армии осталась неизменной. В похожей ситуации были немецкая и венгерская пехота (табл. 13). В 1717 г. возвратились к тому, что значительный перевес во всей армии, как и в пехоте, был в пользу частей иноземного авторамента. Зато кавалерия традиционно в целом опиралась на народный набор (табл. 14).

В народном автораменте весь характеризующий период доминировали пятигорские и панцирные формирования, составляя около половины всего набора. Легкая конница достигла численности, которая позволила ей составить почти $\frac{1}{3}$ авторамента. Зато доля гусар приближалась к $\frac{1}{10}$ его состава. Подобная ситуация наблюдалась также в отношении венгерской пехоты (табл. 15).

Процентный состав отдельных формирований в 1698–1717 гг.

Народный авторамент (доля формирований, %)							
	1698	1700	1703	1708	1710	1713	1717
Гусары	17,77	8,89	7,41	14,54	9,68	13,99	15,39
Пятигорцы и панцирные	44,99	60,00	56,90	44,68	48,39	53,17	46,15
Легкая конница (казачья, татарская, валашская)	17,19	22,22	30,52	35,46	32,25	23,51	26,92
Венгерская пехота	20,05	8,89	5,17	5,32	9,68	9,33	11,54
Итого	100	100	100	100	100	100	100
Иноземный авторамент (состав формирований, %)							
Рейтары	13,70	9,38	14,52	29,69	0	0	0
Драгуны	25,57	40,62	32,26	32,81	33,33	45,67	42,86
Немецкая пехота	60,73	50,00	53,22	37,50	66,67	54,33	57,14
Итого	100	100	100	100	100	100	100

В иноземном автораменте более половины его состава составляла немецкая пехота (за исключением 1708 г.). Численность драгун преимущественно достигала около $\frac{1}{3}$ всего личного состава. Что касается рейтар, то происходили значительные колебания в их численности. В принципе их доля составляла около $\frac{1}{10}$ иноземного набора, а в 1708 г. – даже $\frac{1}{3}$, зато с 1710 г. их отрядов не было уже вовсе (табл. 15).

Подытоживая, следует констатировать, что с 1700 до 1710 гг. в составе литовского войска доминировали формирования кавалерии, а после Варшавской Вальной рады – пехотные части (как и в 1698 г.). В течение 1698–1717 гг. наблюдается тенденция к повышению в литовском войске доли иноземного авторамента, за исключением 1700 и 1708 гг. К последнему принадлежала большая часть пехотных формирований. Зато в кавалерии, где доминировали отряды народного набора, после 1710 г. доля иноземного авторамента снизилась до нуля.

¹ Black J. A Military Revolution? Military Change and European Society 1550–1800. London, 1991. С. 21–33, 40–87; Ero же. European Warfare 1660–1815. London,

1994. С. 38–44, 60–94; Maroń J. Wokół teorii rewolucji militarnej. Wybrane problem. Wrocław, 2011. С. 13–101.

² Oleszewski J. Abrys domowej nieszczęśliwości y wnątrznej niesnaski, woyny, Korony Polskiej y Wielkiego Xięstwa Litewskiego. Pro informatione potomnym następującym czasom przez iedną zakonną osobę świata pokazany y z załością wyrażony anno 1721. Kraków, 1899. С. 23.

³ В Библиотеке Польской Академии наук в Курнике (Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk, далее: ВКór.) в рукописи с номером 953 (л. 111–112) представлен компут литовского войска, который озаглавлен в каталоге рукописей «Comput woysk [...] W. X. Litt. anni 1706». Кажется, однако, что речь идет о проекте компута 1703 г.: 330 гусар, 3550 пятигорцев и панцирных, 16 хоругвей рейтар, 60 хоругвей легкой кавалерии, 3000 драгун, 2700 немецкой пехоты, 500 венгерской пехоты, 1500 из экспедиционных хоругвей литовских воеводств. Дает это 11 580 коней и порций с экспедиционными хоругвями (без 10 080) плюс 76 рейтарских и легких хоругвей.

⁴ Rachuba A. Siły zbrojne Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII wieku // Przegląd Wschodni. Т. 3. 1994. З. 3. С. 381.

⁵ Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej połowie XVII w. Warszawa, 1965. С. 22–23; Lengnich B. Prawo pospolite Królestwa Polskiego. Kraków, 1836. С. 357–358, 393; Encyklopedia wojskowa. Т. 4 / Ред. Laskowski O. Warszawa, 1934. С. 409–410; Gloger Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana. Т. 3. Warszawa, 1902. С. 74; Там же. Т. 4. Warszawa, 1903. С. 244.

⁶ Wimmer J. Op. cit. С. 23–25, 259–260; Его же. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej (1700–1717). Warszawa, 1956. С. 112; Wisner H. Wojsko litewskie I poł XVII wieku (cz. 3) // Studia i Materiały do Historii Wojskowości (далее: SMHW). Т. 21. Warszawa, 1978. С. 84.

⁷ Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej... С. 99–100; Его же. Wojsko polskie... С. 25–27; 274–278, 293–294.

⁸ Szteyn W.A. do Sapieha J.F. (Штейн В.А. к Сапеге Ю.Ф.), Wyrzutnik 22 III 1708 r. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее: AGAD). Archiwum Roskie. Korespondencja. Pudło LVII/28. С. 2–3.

⁹ Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej... С. 104–105, 111; Его же. Wojsko polskie... С. s. 292.

¹⁰ Wisner H. Op. cit. (cz. 1) // SMHW. Т. 19. Warszawa, 1973. С. 69.

¹¹ Postanowienie Generalne Stanów WXL, wieczne y nigdy nie poruszone na zjeździe walnym województw y powiatów pospolitym ruszeniem pod Olkiennikami uchwalone. ВКór. Д. 394. Л. 67.

¹² Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej... С. 108, 113–114.

¹³ Там же. С. 98.

¹⁴ Hundert H. Kilka uwag na temat chorągwi petyhorskich w wojskach Rzeczypospolitej w latach 1673–1683 // W panczerzu przez wieki. Z dziejów wojskowości polskiej i powszechnej / Red. Baranowski M., Gładysz A., Niewiński A. Oświęcim, 2014. С. 140. Нельзя, однако, согласиться с З. Хундертом, что пятигорцы были исключительно в Литве, хоть, несомненно, там их было значительно больше, чем в Польше. Название «пятигорцы» происходит от черкесских наемников, которые во второй половине XVI в. завербовывались на литовскую службу, рекрутируясь из Пятигорья, т. е. Пятигорска на Кавказе (Grala H. Czerkiesi i Nogajcy w służbie Rzeczypospolitej. Kilka uwag o najemnych i posiłkowych formacjach tatarskich w drugiej połowie XVI wieku // Prace Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej

w Częstochowie. *Zeszyty Historyczne*. Z. 5. 1998. C. 16). Название же панцирных происходит от носимой ими кольчужной брони (доспехов кольчужных), или просто кольчуги (Wimmer J. *Wojsko Rzeczypospolitej...* C. 155).

¹⁵ Wimmer J. *Wojsko polskie...* C. 287–288.

¹⁶ Łopatecki K. «Disciplina militaris» w wojskach Rzeczypospolitej do połowy XVII wieku. Białystok, 2012. C. 520–524.

¹⁷ Do Rady Warszawskiej zdanie JMP Karwickiego cześnika sandomierskiego // *Diariusz Walnej Rady Warszawskiej z roku 1710* / Изд. Mienicki R. Wilno, 1928. C. 343; Krokosz P. *Rosyjskie siły zbrojne za panowania Piotra I*. Kraków, 2010. C. 105.

¹⁸ Exercitia należące do Dragoniey tak konne iako y piechotne stosując się do tych które drukowane przysłane były od Jm Pana Generała Fleminga Dragońskim Regimentem do exercitowania się wydane 1710. Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie (dalej: BCzart.). Д. 1687. C. 419–423.

¹⁹ *Dragania, dragonia* // Linde S.B. *Słownik języka polskiego*. T. 1: (A-F). Warszawa, 1807. C. 521.

²⁰ Rybiński J.Z. do Sieniawski A.M. (Рыбинский Я.З. к Сенявскому А.М.), Копиецпол 21 XI 1708 г. (копия), Archiwum Narodowe w Krakowie (dalej: ANK), Archiwum Potockich z Krzeszowic. Zbiór Franciszka Kulczyckiego (dalej: AKPot.). 3362. C. 599; Zawisza K.S. *Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy wojewody mińskiego (1666–1721)* / Изд. Bartoszewicz J. Warszawa, 1862. C. 207, 316; Wagner M. *Podoficerowie armii koronnej w drugiej połowie XVII w.* // SMHW. T. 34. Warszawa, 1992. C. 86.

²¹ Wiśniowiecki M.S. do Radziwiłła K.S. (Вишневецкий М.С. к Радзивиллу К.С.), spod Drui 9 X 1704 г. AGAD. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów (dalej: AR). Dział V. 17503/II. C. 138; Ogiński G.A. do Sieniawski A.M. (Огинский Г.А. к Сенявскому А.М.), Bazalia 30 I 1709 г. BCzart. Д. 5905. nr 28155; Wagner M. *Op. cit.* C. 86; *Historia panowania Jana Kazimierza przez nieznanego autora*. T. 2 / Изд. Raczyński E. Poznań, 1840. C. 96.

²² *Relatia o potrzebie pod Warszawą die 24 8bris odprawionej ręką JP. Sinickiego Xciu Jm Hetmanowi czyniona*. BKór. Д. 1597. C. 69–70; *Relatia o Podieździe JP. Siennickiego pod Warszawą. Z obozu pod Kamieńczukiem 26 X 1705 г.* (копия). ANK. AKPot. 3362. C. 126–128.

²³ *Acta stanów Wielkiego Xięstwa Littenwskiego na pospolite ruszenie vigore laudum Wileńskiego 14. Augusti 1698 postanowionego między Ławnem a Puzewiczami w powiecie Grodzieńskim zgrupowanych anno Domini 1698. dnia 21. Decembris*. Wilno, 1699; Dybaś B. *W sprawie traktatu puzewickiego z 1698 roku i jego następstw* // *Zapiski Historyczne*. T. 53. 1988. Z. 3–4. C. 87–100.

²⁴ *Comput Infanterij, Dragonij, Piechot Węgierskich WXL według Traktatu Łomninskiego na Fundamencie Computu Wojska WXL na Seymie Warszawskim 1690 determinowanego postanowiony Ręką naszą podpisany w Warszawie 30 Janu 1699*, Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu (dalej: BOss.). Д. 2023. Л. 458v–459; Dybaś B. *Sejm pacyfikacyjny w 1699 r.* Toruń, 1991. C. 159–181.

²⁵ Ciesielski T. *Wojsko litewskie w latach 1698–1709* // *Wojny północne w XVI–XVIII wieku. W czterechsetlecie bitwy pod Kircholmem* / Ред. Dybaś B. Toruń, 2007. C. 167.

²⁶ *Postanowienie Generalne Stanów WXL...* BKór. Д. 394. Л. 66v–67.

²⁷ Rachuba A. *Sprawa obsady urzędów litewskich po Sapiebach w początkach XVIII wiek* // *Między wielką polityką a szlacheckim partykularyzmem. Studia z dziejów nowożytnej Polski i Europy ku czci Profesora Jacka Staszewskiego* / Ред. Mikuls-

ki K. Toruń, 1993. С. 256, 260; Poraziński J. Sejm lubelski w 1703 roku i jego miejsce w konfliktach wewnętrznych na początku XVIII wieku. Toruń, 1987. С. 96–101. Компутовое войско должны были поддерживать также частные отряды магнатов и литовское посполитое рушение силою около 6000.

²⁸ Ciesielski T. Op. cit. С. 174. Этот компут, видимо, как следует из донесений Карпа, создавался в результате ликвидации в объединенных армиях – литовской и сапегинской – части хоругвей (Карп J.M. do Radziwiłł K.S. (Карп Й.М. к Радзивиллу К.С.). Wilno 25 III 1708 г. AGAD. AR. Dz. V. 6465/I. С. 196). Первоначально сопротивлялся этому виленский воевода К.Я. Сапега, потому что, согласно первоначальной установке, армия должна делиться на полки, что ограничивало гетманскую власть (Карп J.M. do Radziwiłł K.S. (Карп Й.М. к Радзивиллу К.С.), Wilno 25 III 1708 г. AGAD. ARV. 6465/I. С. 206); М.С. Вишневецкий еще перед официальной передачей командования оставил в своем распоряжении гусарскую и панцирную хоругви, две рейтарские, две валашские и две драгунские (Карп M.J. do Radziwiłł K.S. (Карп Й.М. к Радзивиллу К.С.), Królewiec 30 IX 1707 г. AGAD. AR. Dz. V. 6465/I. С. 134–135).

²⁹ Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej... С. 365.

³⁰ Там же. С. 399–400.

³¹ Там же. С. 434.

³² Ciesielski T. Armia Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1717–1775. Komput, budżet i struktury organizacyjne oddziałów // Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI–XVIII wieku) / Ред. Górzyński S., Nagielski M. Warszawa, 2014. С. 61 i n.

П. Ф. Гезалов (Баку, Азербайджанская Республика)

АТТРИБУТЫ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

РАЗВИТИЕ и углубление традиций государственности в Азербайджане делают изучение символов власти одной из актуальных задач исторической науки¹. Государственность – это степень организации общества в границах определенной территории, свидетельствующая о таком уровне развития общества, когда налицо определенные традиции, обычаи, институты, атрибуты, характеризующие и обуславливающие стабильность и преемственность власти. Одним из основных элементов государственности является государственная атрибутика и символы власти главы государства. У правителей и великих империй, и малых государств были свои атрибуты власти.

Среди символов суверенности государства и атрибутов власти особое место занимают знамена и штандарты². В знаменной коллекции Национального музея истории Азербайджана, в фонде оружия и знамен хранятся девять знамен азербайджанских ханств и три личных штандарта самих ханов. В процессе захватнической политики царской России знамена азербайджанских ханств были отправлены в Санкт-Петербургский императорский дворец как трофеи. В 1924 г. их часть была передана в Азербайджанский государственный музей, нынешний Национальный музей истории Азербайджана³ (ил. 1).

Помимо штандартов (знамен), здесь хранятся также использовавшиеся в качестве символов власти бунчук и шешпар (шестопер, булава)⁴. Бунчук – символ власти последнего правителя Гянджинского ханства Джавад-хана (годы правления 1786–1804) из рода Зияд-оглу Каджар. Бунчук (ФОЗ 463) был взят русскими войсками под командованием генерала П.Д. Цициан-

Ил. 1. Знамена в экспозиции Национального музея истории Азербайджана (2-й этаж, Европейский зал)

нова после боя 3 января 1804 г.⁵ (ил. 2). Являвшийся одним из атрибутов власти Ибрагимхалил-хана – шешпар (ФОЗ 704) – не попал к русским властям и хранился в семье рода Гарабахских ханов. В 1928 г. предмет был передан в Музей истории Азербайджана одним из потомков хана Аллахйаром Джаванширом⁶ (ил. 3). Небольшие размеры и изящество исполнения показывают, что шешпар изначально был изготовлен в качестве символа власти, а не боевого оружия. Не случайно он имеет золотой цвет, всегда воспринимавшийся как символ величия и власти⁷. Сохранившиеся символы власти ханов представляют собой важнейшие инсигнии власти, *наглядно подтверждающие исторические традиции государственности в Азербайджане*.

В период средневековья происходило слияние представлений о государстве, Родине и личности верховного правителя в единое целое. Фактически служение хану означало служение Родине. Процесс становления и эволюционного развития символов власти начался еще до зарождения азербайджанской государственности. Атрибуты государственности ханств состояли из со-

Ил. 2. Бунчук – символ власти Гянджинского хана. НМИА (ФОЗ 463)

Штандарт президента имеет форму квадрата, состоит из трех цветных горизонтальных полос одинаковой ширины. В соответствии с цветами государственного флага верхняя полоса – голубого, средняя – красного, нижняя – зеленого цвета. По обеим сторонам в центре красной полосы изображен государственный герб Азербайджан-

ответствующих символов. Это трон; корона; скипетр; печать и фирман, оружие (сабля), монета, флаг и штандарт, бунчук, туг и шестопер.

На сегодняшний день в большинстве стран мира главы государств имеют свои символы власти. В Азербайджане это личный штандарт президента, утвержденный указом президента Азербайджанской республики; президентский знак – высшая награда республики, каковым является Орден Гейдара Алиева, и особый экземпляр конституции (ил. 4).

При утверждении личного штандарта главы государства возможно объединение государственного флага и герба или использование одноцветного полотна, на котором размещают герб государства или другой символ, олицетворяющий президентскую власть. В Азербайджанской Республике для президентского штандарта был выбран первый способ, т. е. объединение государственного флага и герба.

Ил. 3. Шешпар – символ власти Гарабахского хана. НМИА (ФОЗ 704)

кой Республики. Полотнище обрамлено золотистой бахромой. На древке прикреплена серебряная скоба с выгравированными фамилией, именем и отчеством президента и датами его пребывания на этом посту. Металлический наконечник имеет вид полумесяца с восьмиконечной звездой. Штандарт президента может иметь различные размеры (ил. 5).

Должностной военно-морской флаг президента – белое полотнище, в центре которого – наложенный на национальный

Ил. 4. Президент приносит присягу на особом экземпляре конституции

триколор государственный герб, по нижней кромке полотнища символическое изображение морских волн (ил. 6).

Местонахождением оригинала штандарта является служебный кабинет в резиденции президента. При вступлении в должность вновь избранного президента оригинал штандарта находится при нем. Дубликат штандарта поднимается над основной и другими резиденциями во время пребывания президента

в них, рядом с президентом при выступлении на официальных церемониях, устанавливается и поднимается на транспортных средствах главы государства.

Знаком президентской власти⁸ во многих государствах является *нагрудный знак президента, включающий в себя высший орден государства*. Главы многих стран на церемонию инаугурации надевают знаки высших государственных наград или их символическую копию.

Часто нагрудный знак представляет собой коллар (от англ. collar – воротник) – специальное мужское кольцо, символ власти и обязательств перед обществом. Массивная драгоценная цепь может быть одним из знаков президентства и вручаться вновь избранному главе государства во время инаугурации, вместе с

другими атрибутами. Использование знака определяется нормами службы государственного протокола. В торжественных случаях президент может надевать знак на шейной ленте, в обычное время предусмотрено ношение специальной розетки на лацкане. Исторически свои коллары имеют также мэры городов, судьи конституционного суда, главы семей с фамильными гербами. Иногда коллар изготавливают для каждого президента, иногда он создается в единственном экземпляре и передается вместе с должностью.

Во многих государствах президентским знаком является *высшая награда государства*, относится это и к Азербайджану. Орден Гейдара Алиева учрежден законом Азербайджанской Республики от 22 апреля 2005 г. № 896-III. До этого момента высшим орденом страны являлся «Истиггал» («Независимость») – утвержденный бывшим президентом Азербайджанской Республики, общенациональным лидером Гейдаром Алиевым 6 декабря 1993 г., под номером 754⁹. Впервые Орден Гейдара Алиева был вручен 28 апреля 2005 г. президенту Азербайджанской Республики Ильхаму Алиеву. Орден включает в себя звезду, знак и орденскую цепь. Изготовлено два варианта звезды и цепи – с изображением меча и без (ил. 7).

Ил. 5. Штандарт президента Азербайджанской Республики

Ил. 6. Должностной военно-морской флаг президента Азербайджанской Республики

**Ил. 7. Орден Гейдара Алиева, высшая награда
Азербайджанской Республики. Звезда, знак и орденская цепь**

Орденом награждаются граждане Азербайджана за выдающийся вклад в процветание, величие и славу Азербайджана; за мужество и отвагу, проявленные в деле защиты Родины и государственных интересов страны. Иностранцам орден вручается за выдающиеся заслуги перед Азербайджаном, за особые заслуги в деле претворения азербайджанской идеи, укрепления солидарности азербайджанцев всего мира, за особые заслуги в налаживании политических, экономических, научных и культурных связей Азербайджана с другими странами.

Звезда и цепь с изображением меча к Ордену Гейдара Алиева присваиваются в соответствии с пунктом 32 статьи 109 конституции (это находится в исключительной компетенции президента). Высшая награда государства носится на левой стороне груди в случае, если имеются другие награды. Орден Гейдара Алиева располагается выше этих орденов и нагрудных знаков.

При изготовлении ордена было использовано 533,29 г бронзы, 3,89 г серебра 999-й пробы, 57,42 г золота 750-й пробы, 6,42 г золота 999-й пробы, 8 бриллиантов общим весом 0,83 карата,

224 бриллианта общим весом 5,34 карата, 67 бриллиантов общим весом 1 карат (общее количество использованных бриллиантов – 299).

Восьмиконечная звезда ордена, предусмотренная для ношения на груди, изготовлена из серебра. Концы звезды изготовлены в виде цветочных лепестков. Расстояние между противоположными концами звезды составляет 82 мм. На поверхности звезды помещена круглая пластина с волнообразной окружностью. На звезде с мечом данная пластина, проходя через четыре

конца звезды, крепится на двух скрещенных мечах. Мечи изготовлены из серебра и покрыты позолотой. Длина каждого меча 82 мм, ширина 4 мм. К рукояти каждого из мечей крепится бриллиант. Посредине пластины с волнообразной окружностью на полированной пластине, расположенной на круглом медальоне, изображен барельеф Гейдара Алиева. Пластина изготовлена из золота 750-й пробы. Медальон обрамлен внутренним кольцом с сорока двумя бриллиантами. В

**Ил. 8. Орден Гейдара Алиева,
восьмиконечная звезда
для ношения на груди**

верхней части среднего кольца с нанесенной на нее красной эмалью золотыми буквами написаны слова «Гейдар Алиев», нижняя же часть украшена тремя бриллиантами внутри ромбовидного орнамента, между ними – две дугообразные полосы с нанесенной на них зеленой эмалью. Среднее кольцо окружено внешним кольцом голубого цвета с волнообразной окружностью; на нем внутри треугольных гравировок крепятся двадцать бриллиантов (ил. 8).

Знак Ордена Гейдара Алиева, который носится на шее, состоит из основания в виде четырехугольного орнамента с нанесенной на него белой эмалью. К элементам орнамента, вы-

полненным в виде звезд с нанесенной на них красной эмалью, крепятся бриллианты. На основании размещается четырехугольный орнамент с голубой эмалью. К каждому из четырех концов орнамента крепится бриллиант. Основание и размещенный на нем орнамент изготовлены из серебра и покрыты позолотой. В центральной части знака крепится пластина, изготовленная из золота 750-й пробы. Пластина покрыта эмалью темно-красного цвета. В центре пластины размещен изготовленный из золота 750-й пробы барельеф Гейдара Алиева. Барельеф обрамлен рамкой правильной геометрической формы в виде двух скрещенных квадратов. На поверхности квадратов крепятся сто двенадцать бриллиантов. Рамка изготовлена из серебра и покрыта позолотой. Высота знака 67 мм, ширина 67 мм. Цепь ордена состоит из пятнадцати элементов, выстроенных в определенном порядке. К данным элементам относятся:

1. Расположенные справа и слева от цепи две декоративные пластины, состоящие из скрещенных флагов и покрытые эмалью голубого, красного и зеленого цветов. В центре пластин изображен государственный флаг Азербайджанской Республики;

2. Расположенные справа и слева от цепи два четырехугольных орнамента, покрытых белой эмалью. В центре их размещен круглый медальон, обрамленный орнаментом с нанесенной на него красной эмалью. В центре медальона – вензель с инициалами Гейдара Алиева. На цепи с мечом под медальоном размещены скрещенные серебряные мечи;

3. Размещенные справа и слева от цепи, а также в ее верхней части три пластины, обработанные голубой, красной и зеленой эмалью, с изображением государственного герба Азербайджанской Республики.

Указанные элементы с помощью пластинок, украшенных ста двенадцатью бриллиантами (шестнадцать пластинок с семью бриллиантами на каждой), крепятся к широкой цепи.

В качестве неотъемлемого атрибута церемонии вступления в должность главы государства используется *особый экземпляр конституции*, оформленный в виде специального издания в единственном экземпляре. Официальное описание данного символа президентской власти в Азербайджане никогда не утверждалось. Книга переплетена кожей красного цвета, на обложке

размещен накладной герб республики и тиснение золотом. Ее постоянное местонахождение – библиотека президента.

Церемония принесения присяги и вступления в должность президента Азербайджанской Республики начинается с построения почетного караула. В зал вносятся государственный флаг и президентский штандарт. Затем председатель конституционного суда провозглашает президента Азербайджанской Республики по итогам президентских выборов. Председатель конституционного суда предлагает высшему должностному лицу произнести слова присяги на особом экземпляре конституции Азербайджанской Республики и Коране. Глава государства обращается с инаугурационной речью. В его честь гремит артиллерийский салют – 30 залпов. Это максимальное количество залпов в иерархии военных почестей, поскольку глава государства является верховным главнокомандующим. На этом официальная церемония заканчивается.

Первая конституция Азербайджана принята 19 мая 1921 г. на I Всеазербайджанском съезде Советов. Очередная редакция конституции Азербайджанской Республики, соответствующая Конституции СССР, была принята на IV Всеазербайджанском съезде Советов. Принятая 21 апреля 1978 г. последняя конституция Азербайджанской ССР, как и прежние, соответствовала основному закону СССР¹⁰.

После обретения Азербайджаном независимости создалась необходимость в подготовке новой конституции. Для этого под руководством президента Гейдара Алиева была создана специальная комиссия, проект основного закона вынесен на всенародное обсуждение. Азербайджанское общество, продолжая многовековые традиции государственности, руководствуясь принципами, отраженными в конституционном акте «О государственной независимости Азербайджанской Республики», желая обеспечить благополучие всех и каждого, утвердить справедливость, свободу и безопасность граждан, осознавая свою ответственность перед прошлым, нынешним и будущим поколениями, используя свое суверенное право, торжественно заявило о своих намерениях:

1. Защищать независимость, суверенитет и территориальную целостность Азербайджанской Республики;
2. Гарантировать в рамках конституции демократический строй;

3. Достичь утверждения гражданского общества;
4. Построить правовое, светское государство, обеспечивающее верховенство законов как выражение воли народа;
5. Обеспечить всем достойный уровень жизни в соответствии со справедливым экономическим и социальным порядком;
6. Сохраняя приверженность общечеловеческим ценностям, жить в условиях дружбы, мира и безопасности с другими народами и в этих целях осуществлять взаимовыгодное сотрудничество.

12 ноября 1995 г. решением всенародного референдума принята первая конституция независимого Азербайджана. Она заложила основы государственного устройства. Состоит из 5 разделов, 12 глав и 158 статей¹¹. Указом президента Гейдара Алиева 12 ноября стало праздноваться как День конституции.

¹ Əliyev İ., Məhərrəmov E. Azərbaycan Respublikasının rəmləri. Bakı, 2000.

² Чиркин Е. Государствоведение. М., 1999.

³ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I–V. СПб.; Тифлис, 1885–1891; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 4 т. СПб., 1871–1888.

⁴ Azərbaycan bayraqları. Kataloq. Bakı, 2005.

⁵ Бабаев Э.Т. Из истории Гянджинского ханства. Баку: Нурлан, 2003.

⁶ Azərbaycan Tarixi Şəxə Səmiyyətinin xəbərləri, 6-cı buraxılış. Bakı, 2007.

⁷ Лавренов В.И. Вексиллология. Учеб. пособие. Тверь, 2000; Бурков В.Г. Государственная геральдика и вексиллология: Россия, СНГ, Европа, Америка. СПб.: ЭГО, 2004.

⁸ Azərbaycan prezidenti İlham Əliyev Azərbaycan prezidentinin ştantarı (bayrağı) haqqında Fərman (Электронный ресурс). URL: <http://az.trend.az/news/politics/1295307.html> (Дата обращения – 15.09.2008).

⁹ Ордена и медали, президентская библиотека (Электронный ресурс). URL: http://files.preslib.az/projects/remz/pdf_ru/atr_ordenler.pdf; Azərbaycan Respublikasının Dövlət Rəmləri. R. Mehdiyevin redaktəsi ilə. Bakı: Çarşıoğlu, 2001.

¹⁰ Конституционное развитие Азербайджанской ССР. Баку: Изд-во Азербайджанского гос. ун-та, 1976; Азербайджанская ССР – суверенное государство в составе СССР. Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1971.

¹¹ Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası 12 noyabr 1995-ci ildə qəbul edilmişdir (24 avqust 2002-ci il tarixində olan dəyişiklik və əlavələri). Bakı: Qanun, 2003.

*О.А. Гоманенко, Е.Л. Головина, Е.Д. Владимирова
(Волгоград)*

УЧАСТИЕ ОСОАВИАХИМа В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЛИКВИДАЦИИ МИННОЙ ОПАСНОСТИ В СТАЛИНГРАДЕ И ОБЛАСТИ В 1943 ГОДУ*

ПО ОКОНЧАНИИ Сталинградской битвы территория Сталинграда и области представляла собой огромное минное поле, где находились самые разные взрывные устройства – как неразорвавшиеся снаряды, так и специально оставленные взрывоопасные предметы. По самым скромным подсчетам, фашисты заложили в Сталинграде около 200 тыс. мин (на улицах, в блиндажах, подвалах домов и т. д.). Опасность могли представлять детские игрушки, самопишущие ручки, часы – стоило прикоснуться к ним, как раздавался взрыв¹.

22 февраля 1943 г. приказ Народного комиссариата обороны СССР (НКО) определил порядок общего руководства работами по ликвидации минных полей, которое возлагалось на командующего войсками Приволжского военного округа С.А. Калинина. Приказом НКО определялись границы районов работ по разминированию, которое осуществлялось частями Сталинградской группы войск (СГВ). Обеспечение участников работ средствами связи, транспортом, горюче-смазочными материалами и продовольствием возлагалось на командование частей СГВ. К работам по разминированию, согласно приказу, привлекались все войсковые саперы и армейские инженерные части².

Однако, в связи с масштабами необходимых работ, было ясно, что силами только военных частей справиться с этой зада-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации Волгоградской области, проект № 16-11-34006 «Сталинградская группа войск. 1943–1944 гг.».

чей будет невозможно. Активной помощью военным в деле разминирования занималась областная организация Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ). 21 января 1943 г. Сталинградским городским Комитетом обороны было принято постановление о подготовке специалистов по разминированию полей и построек. Подготовка включала курсы для инструкторов по разминированию в Кировском районе Сталинграда, а также обучение специальных групп для разминирования минных полей и построек. Организация данных мероприятий возлагалась на председателя горсовета Д.М. Пигалева, секретаря обкома ВЛКСМ В.И. Левкина, председателя областного совета ОСОАВИАХИМа П.А. Гундырина, секретарей райкомов и председателей райисполкомов Ворошиловского, Красноармейского, Котельниковского, Верхне-Курмоярского, Тормосинского, Чернышевского, Кагановичского, Нижне-Чирского, Калачевского, Городищенского, Перелазовского районов³.

Курсы при областной организации ОСОАВИАХИМа начали действовать с января 1943 г. и велись по двум направлениям: подготовка инструкторов-специалистов по разминированию минных полей для районов, освобожденных Красной армией от немецких захватчиков; подготовка бойцов-саперов в учебных формированиях ОСОАВИАХИМа непосредственно в районах. Также выполнялась задача информирования населения о правилах определения минных полей и мерах предосторожности.

К 15 марта 1943 г. ОСОАВИАХИМом было подготовлено 96 инструкторов-специалистов, в том числе 35 чел. для освобожденных сельских районов. В это время не все районы смогли предоставить людей для обучения (Клесткий, Перелазовский, Сиротинский, Красноармейский и Верхне-Курмоярский). Сталинградским горсоветом, Котельниковским и Серафимовичским райсоветах ОСОАВИАХИМа к данному сроку было подготовлено 102 бойца-сапера. К середине марта на курсах обучалось еще 172 чел.⁴

Пока местное население проходило базовую подготовку в деле разминирования, части Сталинградской группы войск очищали поля для того, чтобы дать возможность колхозам и совхозам провести весенний сев⁵. При необходимости силы военных и гражданских минеров объединялись. Так, в Кагановичском

районе с конца марта 1943 г. работало четыре бригады саперов из местного населения. 2 апреля в район прибыл батальон по разминированию, который занимался особо сильно заминированными территориями⁶.

Опыт совместной работы обучавшихся разминированию на курсах ОСОАВИАХИМа и частей СГВ показал хорошие результаты в Сталинграде, где большая часть минных полей к апрелю 1943 г. была расчищена. Основная задача в городе теперь заключалась в поисках и ликвидации коварных «сюрпризов», оставленных противником. В сельской местности ситуация с минной опасностью продолжала оставаться сложной. Из районов поступало множество сообщений о подрывах местных жителей на минах⁷.

В это время продолжалось активное обучение населения. К 15 апреля 1943 г. ОСОАВИАХИМом в целом по Сталинградской области было подготовлено 157 инструкторов и 159 бойцов. Продолжалось обучение 297 чел.: 10 инструкторов и 287 бойцов-минеров⁸. Со второй половины марта 1943 г. во всех без исключения районах области проводилась подготовка населения по 12-час. программе, знакомившей с правилами поведения в местах, минированных противником, и правилами обращения с неразорвавшимися бомбами, снарядами и другими взрывоопасными предметами. Всего подобные курсы прошли 50 262 чел.⁹ На 1 июня 1943 г., к моменту, когда (в течение мая) основную часть войск СГВ вывели с территории Сталинграда, курсы подготовки инструкторов прошли более 500 чел.¹⁰

Стоит также отметить, что ОСОАВИАХИМ не занимался исключительно подготовкой специалистов по разминированию. Им осуществлялась большая разъяснительная работа по поведению в местах минирования среди населения области. В Сталинграде к середине апреля 1943 г. горсоветом ОСОАВИАХИМа было организовано 10 специальных выставок «Мины и их обезвреживание», на предприятиях и в учреждениях города прочитано около 100 лекций, в сельских районах – 30 лекций. Прослушали их около 6000 чел. Кроме того, были изданы листовки облсовета ОСОАВИАХИМа и плакаты-лозунги тиражом около 6000 экземпляров¹¹.

Результаты работы подготовленных ОСОАВИАХИМом минеров оказались значительными: с 15 января по 15 марта 1943 г.

они обнаружили и обезвредили 1713 противопехотных и противотанковых мин, «сюрпризов» и других взрывоопасных предметов¹². На конец апреля ОСОАВИАХИМовцами было извлечено и обезврежено около 15 000 взрывоопасных единиц¹³. К 1 июня 1943 г. силами местного населения, прошедшего курсы подготовки бойцов и инструкторов-минеров, было обезврежено и уничтожено около 50 000 взрывчатых объектов, в том числе противотанковые и противопехотные мины, «сюрпризы», авиабомбы, неразорвавшиеся снаряды, минометные мины и ручные гранаты всех марок¹⁴.

Городским советом ОСОАВИАХИМа к концу лета были организованы и действовали Центральный и Баррикадный минерные посты. Первый обслуживал Ворошиловский, Ерманский и Дзержинский районы, второй – Баррикадный. На постах велось круглосуточное дежурство трех инструкторов-минеров, с привлечением 28 бойцов-минеров. Центральный дежурный минерный пост работал достаточно оперативно. Он своевременно справлялся с заявками, поступавшими от строительных участков и хозяйственников, восстанавливавших заводы и фабрики. Следует отметить также случаи разминирования без предварительных заявок. На Баррикадном минерном посту наблюдалась нехватка специалистов, однако в целом это не отразилось на темпах проведения работ по разминированию. Так, в Сталинграде с августа по сентябрь 1943 г. по городу было снято и обезврежено 424 взрывоопасных единицы¹⁵.

Также специалистами ОСОАВИАХИМа летом 1943 г. были начаты работы по проверке и очистке от мин и снарядов школьных площадок. В срок (к началу учебного года) работы закончить не удалось, они завершились лишь в октябре 1943 г.¹⁶

Самая значительная часть работ по разминированию освобожденных районов была проведена в 1943 г. частями Сталинградской группы войск и организациями ОСОАВИАХИМа. Эта работа включала в себя подготовку специалистов-минеров, непосредственную деятельность по разминированию объектов, а также информирование населения о минных опасностях. Однако за год невозможно было полностью закончить эту работу. Поэтому расчистка Сталинграда и его окрестностей от взрывоопасных объектов продолжилась в 1944–1945 гг.

- ¹ Левкин В. Комсомольцы города-героя. М.: «Молодая гвардия», 1944. С. 80.
- ² ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). Ф. 171. Оп. 1. Д. 64. Л. 8.
- ³ Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. Волгоград: Издатель, 2003. С. 477.
- ⁴ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 293. Л. 7–7 об.
- ⁵ Там же. Л. 8.
- ⁶ Там же. Л. 9.
- ⁷ Там же. Л. 10.
- ⁸ Там же. Л. 11.
- ⁹ Там же. Л. 24 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 24.
- ¹¹ Там же. Л. 11 об.
- ¹² Там же. Л. 7 об.
- ¹³ Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-2129. Оп. 1. Д. 31. Л. 36.
- ¹⁴ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 293. Л. 23.
- ¹⁵ Там же. Л. 48.
- ¹⁶ Там же. Л. 48–48 об.

В.В. Горбунов (Барнаул)

ВООРУЖЕНИЕ ТЮРКО-САМОДИЙСКИХ ВОИНОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX ВЕКОВ*

К НАЧАЛУ эпохи средневековья (V–VI) основная часть населения юга Западной Сибири была самодийской. Эти племена таежных охотников осваивали данную территорию с рубежа эр. В середине VIII в. на эти земли начинают проникать тюркоязычные кочевники из Центральной Азии. Политической причиной переселения явилось падение II Восточно-тюркского каганата (744). В самом южном районе Западной Сибири – Лесостепном Алтае этот процесс фиксируется по погребальным памятникам второй половины VIII – первой половины IX вв. Они, с одной стороны, содержат погребения с одиночной ингумацией и кремацией, характерные для местного самодийского компонента, а с другой – ингумацию с конем, отражающую пришлый тюркский компонент, занявший господствующее положение. Это привело к формированию на территории Лесостепного Алтая новой тюрко-самодийской общности, получившей в археологии название сrostкинская культура¹.

В процессе создания нового объединения основная задача заключалась в завоевании всей территории Лесостепного Алтая, и она была решена к середине IX в. Затем во время расцвета Кыргызского и Кимакского каганатов (середина IX – середина X), чтобы сохранить фактическую независимость, тюрко-самодий-

* Работа выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

цы были вынуждены признать сюзеренитет первого из них. Об этом говорит соседство сrostкинских и кыргызских курганов на юго-западных рубежах в Алейской степи. В течение X в. под давлением киданей усиливается движение ряда центральноазиатских племен на запад, что приводит к ослаблению Кыргызского и Кимакского каганатов. Ареал сrostкинской культуры – наоборот, расширяется. Ее памятники появляются в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине. Это время (вторая половина X – первая половина XI) можно считать расцветом тюрко-самодийского объединения, когда оно проводило активную экспансию в северном и восточном направлении. Распад Кимакского каганата (1048–1049) привел к усилению кыпчакских племен, входивших ранее в эту державу. Их миграция на соседние земли во второй половине XI–XII вв. сократила ареал сrostкинской культуры, последние памятники которой локализуются в предгорьях и вдоль поймы реки Обь. В 1207 г. на территорию Лесостепного Алтая проникли монгольские завоеватели, которым и подчинились остатки тюрко-самодийского населения.

Весьма вероятно, что в арабо-персидских письменных источниках тюрко-самодийское объединение, оставившее памятники сrostкинской культуры, обозначается этнонимом КЕСИМ. «Они (кесим) являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков»². Судя по датировке археологических памятников, тюрко-самодийское объединение на юге Западной Сибири просуществовало около 450 лет, и, безусловно, во многом это было возможно благодаря высокому уровню развития вооружения и военного дела.

Комплекс вооружения, известный по находкам из памятников сrostкинской культуры, весьма разнообразен. Он включал оружие дальнего (луки и стрелы), среднего (копья) и ближнего (мечи, сабли, боевые ножи, кинжалы, боевые топоры, кистени) боя, а также доспех (панцири, шлемы, щиты). Данные боевые средства достаточно полно проанализированы в специальных работах³. Однако, самостоятельный интерес может иметь рассмотрение, с учетом новых материалов, вооружения населения сrostкинской культуры на раннем этапе развития (вторая половина VIII – первая половина IX), когда происходило становление его военных традиций.

Нами были собраны данные о 16 накладках от восьми луков, 107 наконечниках стрел, четырех наконечниках копий, девяти мечах, двух саблях, боевом ноже, кинжале, боевом топоре, трех панцирных пластинах от двух панцирей. Вся серия предметов вооружения происходит из пяти могильников (30 погребений), одного городища и двух случайных местонахождений. Кроме того из погребения в Кулундинской волости происходит бронзовая бляха-подвеска, изображающая пешего воина, стреляющего из лука. На нем показан панцирь, шлем и большой круглый щит, закинутый за спину⁴.

Луки. Остатки луков встречены в восьми погребениях на могильниках Иня-1 и Чингис-2⁵. На первом из них в погребении кургана № 3 сохранились остатки деревянной кибиты. Ее замеры показали, что длина лука составляла 120 см⁶. В каждой могиле найдены парные роговые накладки – частью целые, частью во фрагментах.

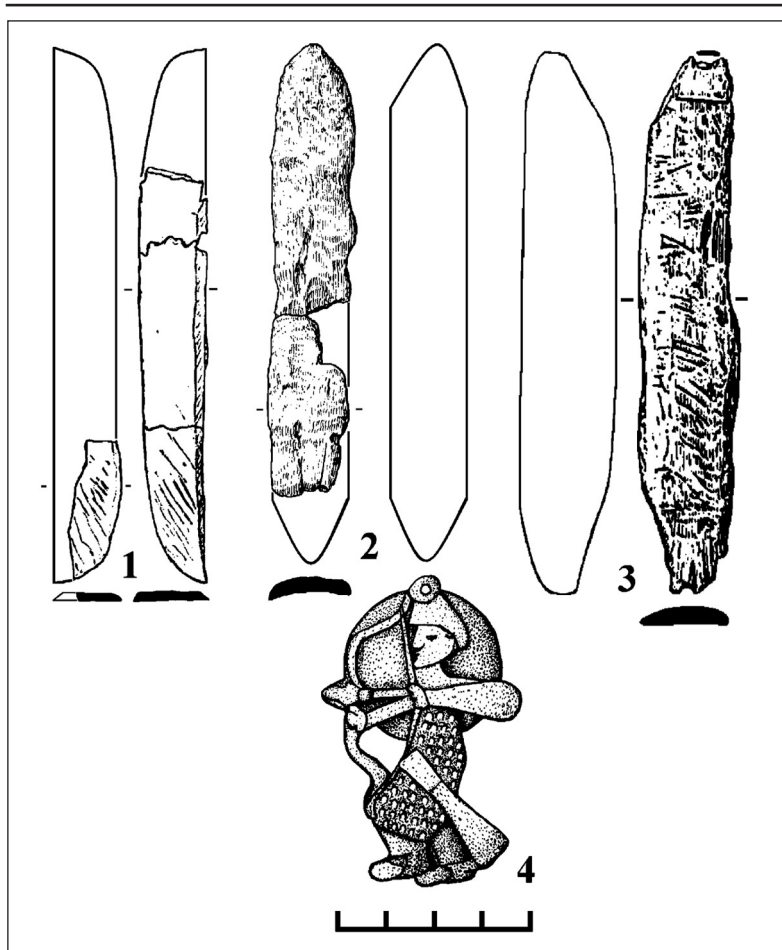
Все накладки являются срединными боковыми, так как располагались в средней части кибиты лука, называемой рукоятью, и крепились на нее с более широких боковых сторон. Накладки изготовлены из тонких пластин рога, толщиной 2–4 мм. Их длина составляет 10,3–11,3 см, но, вероятно, была немного больше, поскольку окончания повреждены. Ширина накладок достигает 1,7–2,7 см. По форме накладок в продольной плоскости можно выделить два типа:

тип 1. Сегментовидные. Пластина накладки имеет одну прямую сторону, а другую плавно изогнутую (ил. 1, 1);

тип 2. Трапециевидно-шестиугольные. Пластина имеет абрис трапеции, но за счет срезанных под острым или прямым углом окончаний приобретает вид шестиугольной фигуры (ил. 1, 2–3).

Накладки первого типа напрямую восходят к тюркским изделиям, известным еще с середины V в., и встречаются в сросткинских комплексах до середины X в. А вот накладки второго типа являются новой модификацией тюркских образцов, характерной для сросткинской культуры, и встречаются в ее памятниках до XII в. включительно. От тюрко-самодийского населения такие накладки заимствуют племена кимаков и кыпчаков⁷.

Судить о форме тюрко-самодийских луков можно по бляхе-подвеске из Кулундинской волости (ил. 1, 4). На этом предмете видно, что лук сложносоставной конструкции. Его плечи высту-

Ил. 1. Накладки луков (1–3) и бляха-подвеска в виде лучника (4)
из памятников сротскинской культуры. Иня-1:

1 – курган № 1, могила-1; 2 – курган № 17, могила-3;

3 – курган № 23, могила-1; Кулундинская волость: 4 – могила

пают за линию рукояти, окончания несильно изогнуты. Длина лука – от головы до колена воина, что в целом близко к размерам, указанным выше. Судя по длине накладок, такие луки имели короткую рукоять. Луки с двумя короткими боковыми накладками появляются у тюрков во второй половине V в. н. э. и в

дальнейшем заимствуются многими народами Евразии. В срос-
ткинских памятниках они применялись на протяжении второй
половины VIII–XII вв. н. э.⁸

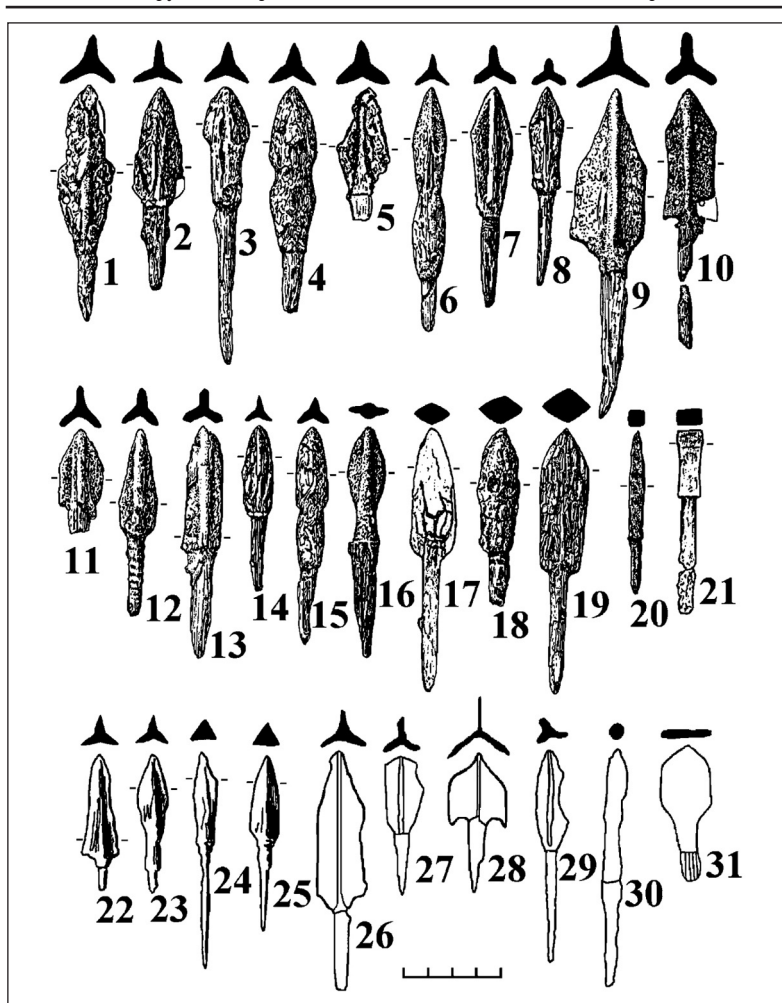
Стрелы. Остатки стрел встречены в 28 погребениях на мо-
гильниках Ближние Елбаны-V, Иня-1, Кулунда, Чингис-2⁹. В ос-
новном это железные наконечники и незначительные фрагмен-
ты деревянных древков. В четырех могилах найдено по одному
наконечнику стрел, в остальных – от 2 до 15. Для трех колчан-
ных наборов точное число стрел неизвестно. Серию составляют
целые экземпляры, частично и сильно разрушенные наконечни-
ки. Необходимую информацию можно получить о 73 изделиях.

Все привлекаемые для анализа наконечники изготовлены из
железа и имеют черешковый насад в виде круглого, реже гра-
неного стержня, который вставлялся в древко стрелы. Самыми
многочисленными в серии являются наконечники с трехлопаст-
ным пером, которое представляет собой тело, состоящее из трех
лопастей, в поперечном сечении имеющее форму трехлучевой
звезды. По наличию таких признаков, как абрис пера в продоль-
ной плоскости и конструкция упора, среди них можно выделить
следующие типы:

тип 1. Ярусные, пятиугольные – асимметрично-ромбические
(1 экз.). Общий силуэт пера наконечника составляют две фигу-
ры, переход между которыми (ярус) выражен плечиками-усту-
пами. Верхняя часть пера по абрису напоминает пятиугольную
фигуру, а нижняя – ромб, стороны которого преломляются бли-
же к острию. В нижних лопастях есть округлые прорези. Разме-
ры: общая длина наконечника 9,6 см, длина пера 6,3 см, наиболь-
шая ширина пера 2,2 см. Перо наконечника при переходе в чере-
шок снабжено кольцевым упором, приваренным под лопастями
(ил. 2, 1);

тип 2. Треугольные (6 экз.). Абрис пера наконечника напоми-
нает треугольную фигуру. Размеры: 8,3–11,4 x 5–6,8 x 1,6–2 см.
Перо при переходе в черешок снабжено монолитным шайбовым
упором, высота которого меньше или равна его ширине (ил. 2, 2,
22), или цилиндрическим упором, высота которого больше его
ширины (ил. 2, 3–4);

тип 3. Асимметрично-ромбические (12 экз.). Перо напоминает
ромб, у которого стороны преломляются ближе к острию. Разме-
ры: 8–11 x 3,7–5,4 x 1–2 см. С шайбовым упором (ил. 2, 7–8);

Ил. 2. Наконечники стрел из памятников сrostкинской культуры.
 Иня-1: 1, 18 – курган № 17, могила-3; 2, 14 – курган № 25, могила-1;
 3-4, 6, 8, 15, 19 – курган № 21, могила-3; 5 – курган № 3, могила-1;
 7 – курган № 15; 9, 13 – курган № 28, могила-1; 10 – курган № 9,
 могила-2; 11-12 – курган № 16, могила-1; 16 – курган № 13;
 17 – курган № 2, могила-1; 20 – курган № 7; 21 – курган № 1,
 могила-1; Ближние Елбаны-V: 22-25 – могила-6; Чингис-2:
 26, 30 – курган № 7; 27, 29 – курган № 3, могила-1; 28, 31 – курган № 1

тип 4. Ромбические (3 экз.). Перо наконечника имеет форму ромба, стороны которого преломляются примерно посередине. Размеры: 8,2–10 x 4,2–7,8 x 1,4–2 см. С шайбовым (ил. 2, 5) или цилиндрическим упором (ил. 2, 6);

тип 5. Шестиугольные (7 экз.). Перо наконечника имеет форму, близкую к шестиугольной фигуре. Размеры: 6–14,5 x 3,3–8 x 1,7–3,2 см. С шайбовым упором (ил. 2, 9, 26–27);

тип 6. Пятиугольные (5 экз.). Перо наконечника по абрису напоминает пятиугольную фигуру. Часть наконечников снабжена округлыми прорезями в лопастях. Размеры: 6–10,5 x 3–5,6 x 1,6–2,5 см. С шайбовым упором (ил. 2, 10–12, 28);

тип 7. Листовидные (4 экз.). Перо наконечника напоминает растительный лист и составляет фигуру, у которой боковые стороны сходятся по дуге, образуя острие. Размеры пера: 6,8–9 x 3,2–4,7 x 1,4–1,7 см. С шайбовым (ил. 2, 29) или цилиндрическим упором (ил. 2, 23);

тип 8. Килевидные (8 экз.). Перо наконечника напоминает киль корабля и составляет фигуру с параллельными боковыми сторонами, плавно сходящимися к острию. Размеры: 6,7–9,5 x 3,3–6,2 x 1–1,6 см. С шайбовым (ил. 2, 13–14) или цилиндрическим упором (ил. 2, 15).

Мало в серии трехгранных наконечников стрел, перо которых представляет собой трехгранное тело, в поперечном сечении имеющее форму треугольника. Среди них можно выделить два типа:

тип 9. Асимметрично-ромбические (2 экз.). Размеры: 8,8–9,5 x 4–5 x 1–1,2 см. С шайбовым упором (ил. 2, 24);

тип 10. Килевидные (1 экз.). Размеры: 7 x 3,8 x 1,1 см. С шайбовым упором (ил. 2, 25).

Более представительны четырехгранные наконечники стрел. Их перо представляет собой четырехгранное тело, имеющее в поперечном сечении форму ромба, квадрата или прямоугольника. Среди них выделяется четыре типа:

тип 11. Треугольные (3 экз.). Размеры пера: 11 x 3,5–5,5 x 1,4–1,9 см. С шайбовым упором (ил. 2, 17);

тип 12. Асимметрично-ромбические (12 экз.). Размеры: 7,4–11 x 4–8 x 1,4–2,2 см. С шайбовым упором (ил. 2, 18–19);

тип 13. Килевидные (1 экз.). Размеры: 6,8 x 4,5 x 0,6 см. С шайбовым упором (ил. 2, 20);

тип 14. Четырехугольные (1 экз.). Перо наконечника представляет собой четырехугольную фигуру. Размеры: 7,6 x 2,7 x 1,1 см. С цилиндрическим упором (ил. 2, 21).

Немногочисленны в серии круглые наконечники стрел, у которых перо представляет собой тело, близкое к конусу, имеющее в поперечном сечении форму круга. Они относятся к одному типу:

тип 15. Килевидные (4 экз.). Размеры: 8,3–10 x 5–5,8 x 1–1,2 см. Без упора (ил. 2, 30).

Редкими экземплярами являются двухлопастные наконечники стрел. Перо таких наконечников представляет собой тело, состоящее из двух лопастей, разделенных конусовидным стержнем и имеющее в поперечном сечении форму двухлучевой звезды. Они представлены одним типом:

тип 16. Листовидные (2 экз.). Размеры пера: 8,5–9,5 x 3,8–4,7 x 1,6–1,8 см. С цилиндрическим упором (ил. 2, 16).

Единичен в серии однолопастной наконечник стрелы. Его перо представляет собой уплощенное тело в виде одной лопасти, имеющее в поперечном сечении форму линзы, с почти параллельными сторонами. Выделяется один тип:

тип 17. Шестиугольные (1 экз.). Размеры пера: 5,8 x 4,6 x 2 см. Без упора (ил. 2, 31).

В рассмотренном стрелковом наборе тюрко-самодийских воинов преобладают трехлопастные наконечники стрел (8 типов, 46 экз.). Они являются основными небронебойными экземплярами и лишь изредка дополняются двухлопастными (тип 16) и однолопастными (тип 17) изделиями. Отличительной чертой набора следует признать разнообразие бронебойных наконечников стрел с пером трехгранного, четырехгранного и круглого сечения (7 типов, 24 экз.).

Большая часть сrostкинских наконечников стрел (типы 2–8) связана с наследием тюркской культуры V–VIII вв., меньшая часть (типы 1, 14, 15) связана с самодийским наследием предыдущей одинцовской культуры IV–VIII вв. Тип 17 несет в себе черты как самодийской (сечение), так и тюркской (абрис) традиций. Типы 9–13, 16 являются продуктом уже самой сrostкинской традиции. Для нее также характерно уменьшение доли наконечников крупных пропорций, увеличение доли бронебойных экземпляров и широкое внедрение шайбовых и цилиндрических упоров¹⁰.

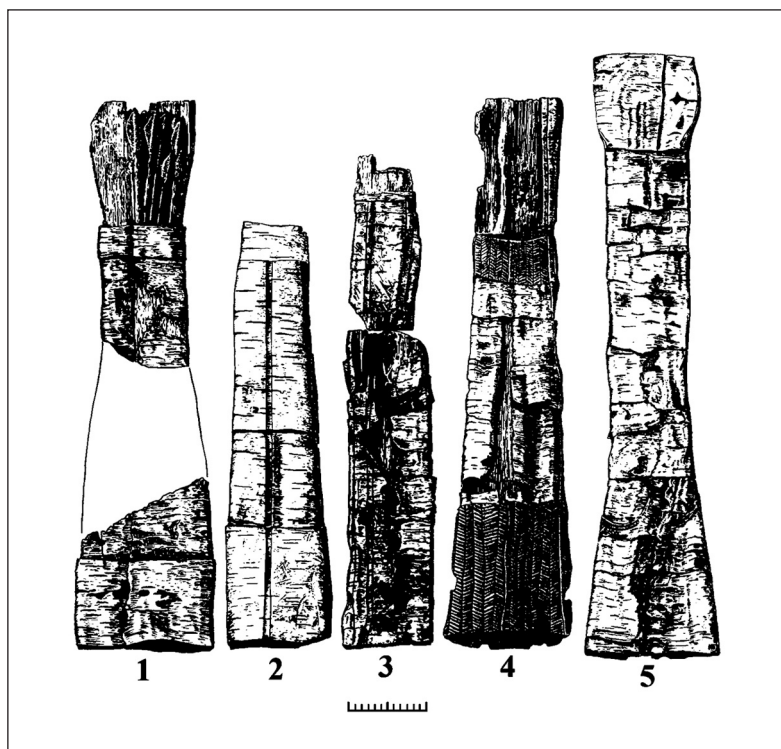
Хранились и носились стрелы тюрко-самодийских воинов в специальных цилиндрических футлярах – колчанах. Полный футляр вмещал до 15 стрел. На могильнике Иня-1 найдено восемь берестяных колчанов. Это футляры с карманом длиной 85,5–94,5 см у полностью целых экземпляров, в колчанах стрелы помещались наконечниками вверх (ил. 3). Колчаны подшивались, вместе с налучьем, на специальном стрелковом поясе, под наклоном, устьем вперед, пристегиваясь двумя портупейными ремешками. Такое положение хорошо видно на кулундинской бляхе (ил. 1, 4). Колчаны носились чаще с правой стороны пояса, реже с левой.

Копья. Остатки копий, представленные железными наконечниками, обнаружены в трех курганах и одном местонахождении. На могильнике Чингис-2 в насыпях найдено два наконечника: один сохранился почти целиком, а от другого только втулка¹¹. На памятнике Кулунда, в подкурганном захоронении найден один наконечник без древка, который стоял над головой погребенного. Данная вещь известна только по упоминанию в публикации¹². У с. Камышенка случайно обнаружен целый наконечник копья. Полная информация есть только по двум наконечникам, которые относятся к разным типам:

тип 1. Наконечник с однолопастным пером линзовидного сечения и вытянуто-ромбического абриса. Имеет коническую втулку, длина которой значительно превышает длину пера. На втулке прослеживается соединительный шов, основание наполовину разрушено. Размеры: общая длина 21,5 см, перо 7,3 x 2,4 x 0,4 см, втулка 14,2 x 3 см (ил. 4, 1);

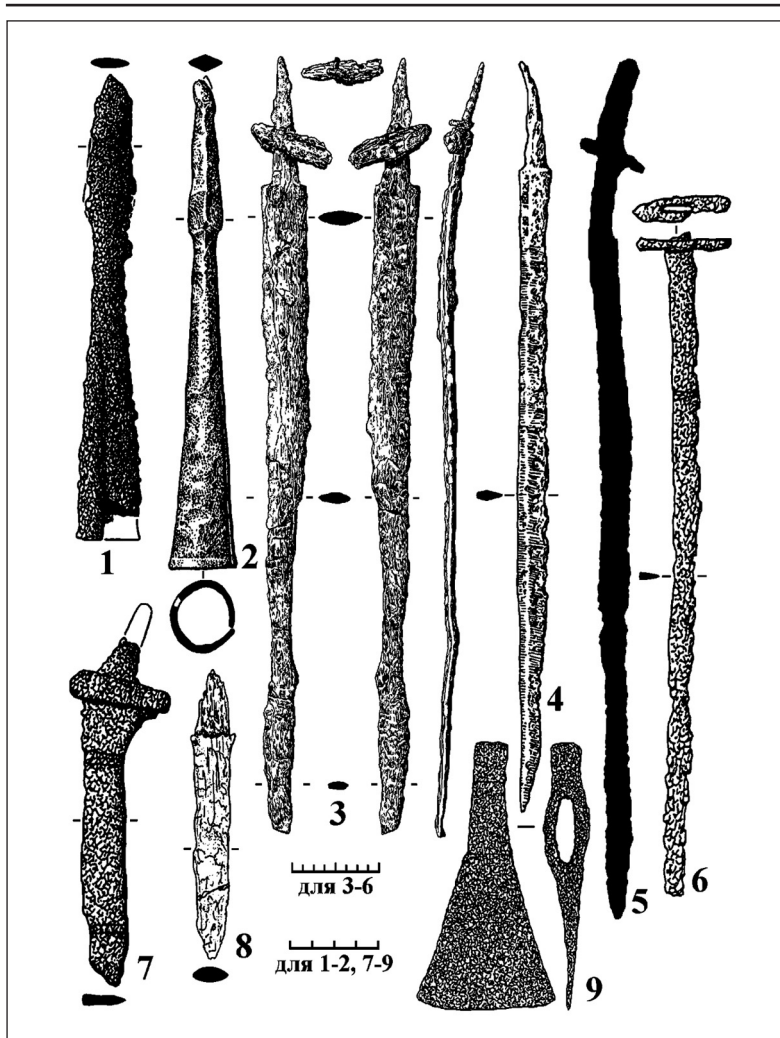
тип 2. Наконечник с четырехгранным пером ромбовидного сечения и килевидного абриса. Острие пера немного погнуто. Имеет длинную коническую втулку, на которой прослеживается соединительный шов. По основанию втулки идет поясок-валик. Размеры: общая длина 22,4 см, перо – 7 x 1,6 x 0,8 см, втулка – 15,4 x 3,1–3,3 см (ил. 4, 2).

Ближайшие аналогии типу 1 есть среди материалов единичной культуры IV–V вв. Вотивный экземпляр такого наконечника известен и в памятнике тюркской культуры V–VI вв. Однако здесь, скорее, стоит видеть самодийское наследие, поскольку тюрки в VII–VIII вв. уже не применяли подобные образцы. В середине IX в. наконечники типа 1 завершают свое развитие.

Ил. 3. Колчаны из памятника сrostкинской культуры Иня-1: 1 – курган № 16, могила-1; 2 – курган № 21, могила-3; 3 – курган № 23, могила-1; 4 – курган № 27, могила-1; 5 – курган № 28, могила-1

Происхождение типа 2 в сrostкинском комплексе вооружения явно связано с тюркской традицией, для которой характерно использование четырехгранных килевидных наконечников копий в предшествующее время. В сrostкинских материалах подобные наконечники встречаются до середины X в., когда окончательно сменяются изделиями с аналогичным пером, но более короткой втулкой. Можно сказать, что на раннем этапе развития тюрко-самодийского объединения воины использовали копьё-пики, имевшие наконечники с достаточно узким компактным пером, рассчитанным на глубокое проникновение. Из них экземпляры с линзовидным пером были менее эффективны, а с граненым – обладали наилучшими бронебойными качествами¹³.

Ил. 4. Наконечники копий (1-2), мечи (3-5), сабля (6), нож (7), кинжал (8) и топор (9) из памятников сrostкинской культуры.

Чингис-2: 1, 7 – курган № 7; 6 – курган № 3, могила-1;
 Камышенка: 2 – случайная находка; Иня-1: 3 – курган № 25,
 могила-1; 8 – курган № 2, могила-2; Усть-Калманский район:
 4 – случайная находка; Ближние Елбаны-V: 5 – могила-6;
 Кашкарагаиха-1: 9 – случайная находка

Мечи. Вещественные остатки железных мечей обнаружены на восьми объектах. Три меча найдены в погребениях могильника Ближние Елбаны-V. Информация по ним неполная. Об одном мече известно только, что он имел однолезвийный клинок, другой меч был представлен обломками, третье изделие известно по рисунку на плане могилы-кенотафа¹⁴. Два меча найдены в погребениях памятника Иня-1. Одно целое изделие располагалось в конской части ямы в ногах человека. От другого меча сохранилось лишь окончание однолезвийного клинка размерами 5 x 1,6 x 0,7 см, также лежащее среди костей коня. На памятнике Кулунда в парном погребении мужчин-воинов встречено сразу два меча. У северного скелета с левой стороны, вниз от таза, располагался прямой однолезвийный меч, украшенный «набалдашником», с рукояткой, обтянутой кожей. У южного скелета меч находился ниже левого плеча. Этим описанием информация по ним и ограничена¹⁵. Еще одна находка происходит из разрушенной могилы на памятнике Николаевка, где обнаружены обломки однолезвийного клинка размерами 37,8 x 3 x 0,7 см¹⁶. В Усть-Калманском районе случайно обнаружен целый меч. Для системного анализа можно привлечь лишь три меча, относящиеся к разным типам:

тип 1. Меч с двухлезвийным клинком линзовидного сечения и срезанным окончанием. Черен рукояти расположен под тупым углом к оси клинка и наклонен в сторону фронтального лезвия. К одной плоскости черена приварен штырь для фиксации обкладки рукояти. Меч снабжен цельным перекрестием, абрис которого в продольной плоскости напоминает прямоугольник. Размеры: общая длина 71,6 см, клинок – 60 x 4 x 1,2 см, черен – 11,6 x 2,5 x 0,8 см, перекрестие – 8 x 2,4 x 2,4 см (ил. 4, 3);

тип 2. Меч с однолезвийным клинком пятиугольного сечения и полусегментным окончанием. На одной стороне полотна, вдоль обуха, сохранились следы серебряной инкрустации. Черен рукояти изначально прямой, погнут. Без перекрестия. Размеры: общая длина 68,5 см, клинок – 58,2 x 3,2 x 0,8 см, черен – 10,3 x 2,2 x 0,7 см (ил. 4, 4);

тип 3. Меч с однолезвийным клинком, полусегментным окончанием и наклонным череном, снабженный перекрестием прямоугольной формы. Размеры: общая длина 80 см, клинок – 70 x 3,5 см, черен – 10 x 2,5 см, перекрестие – 7 x 1,5 см (ил. 4, 5).

Меч типа 1 по сочетанию таких признаков, как двухлезвийность и срезанное острие, находит отдаленные соответствия среди оружия сяньби II–III вв. и алан VII в. У самодийцев в IV–V вв. и у тюрков в VI–VII вв. бытовали двухлезвийные мечи с прямой рукоятью и острым окончанием клинка. В тюркском длинно-клинковом оружии V–VIII вв. встречаются изделия со срезанным острием и прямоугольным перекрестием, но они имеют однолезвийный клинок. Такой признак, как наклон рукояти, перешел к мечам от сабель, около рубежа VII–VIII вв. Не исключено, что меч типа 1 является переделкой обычного двухлезвийного образца с целью усилить его рубящую функцию. Однолезвийные мечи широко известны у самодийцев и тюрков в предшествующее время. Следует лишь отметить, что типы 2 и 3 по своим параметрам ближе к тюркскому оружию, нежели к более массивному самодийскому¹⁷.

Сабли. Находки сабель зафиксированы в двух погребениях. На памятнике Ближние Елбаны-V в 1925 г. была раскопана могила с железной саблей на левой руке умершего, только упоминаемой в публикации¹⁸. Другая сабля найдена в могильнике Чингис-2 справа от скелета человека. Информация о ней более полная¹⁹.

Сабля имеет однолезвийный слабоизогнутый клинок треугольного сечения и цельное перекрестие прямоугольной формы. Острие клинка и черен рукояти обломаны. Размеры: общая длина 62,5 см, клинок – 60,5 x 2,6 x 1 см, прогиб клинка – 1 см, черен – 2 x 2 x 0,5 см, перекрестие – 9 x 1,3 x 2,2 см (ил. 4, 6).

Аналогичные сабли известны по находке (без перекрестия) в тюркском погребении и по изображениям на изваяниях тюркских воинов VII–VIII вв. Поэтому появление сабли в ранних сrostкинских материалах связано с тюркской традицией. Похожие сабли, но с различными деталями крепления рукояти, есть у кимаков в IX–XI вв. Следует отметить, что у тюрко-самодийских воинов сабли появляются раньше²⁰.

Боевой нож. Данный вид оружия встречен только в одном погребении на памятнике Чингис-2. Железный нож лежал на правом боку умершего ниже пояса. Изделие имеет однолезвийный клинок вогнуто-пятиугольного сечения с острым окончанием. Черен рукояти наклонный, наполовину обломан. Основание клинка снабжено цельным перекрестием прямоугольной

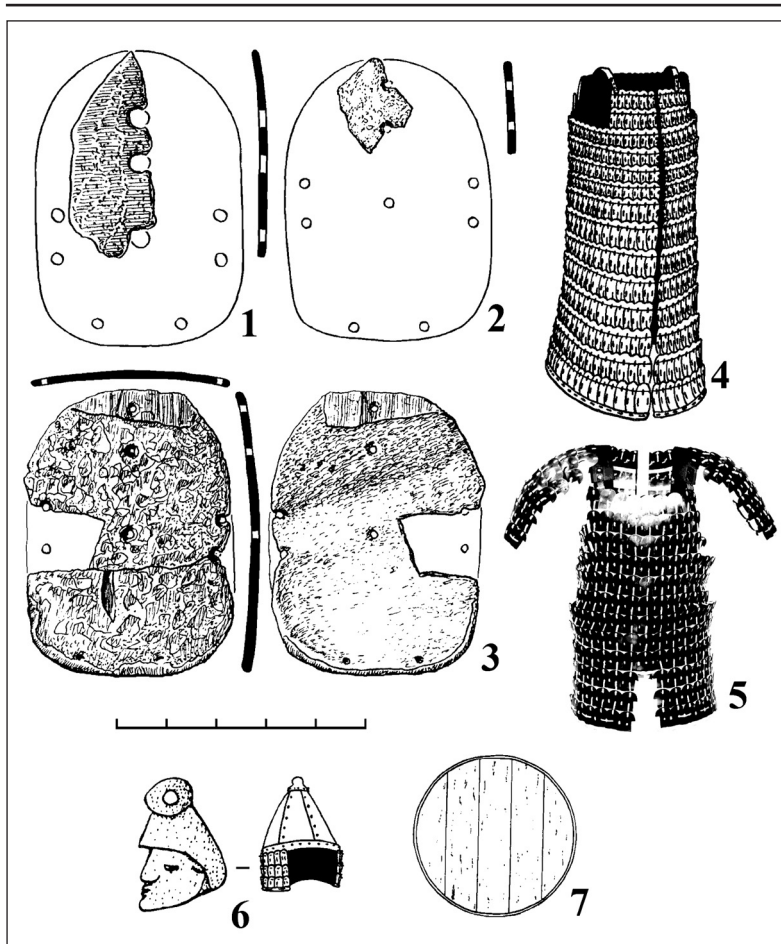
формы. Размеры: общая длина 17 см, клинок – 13,2 x 2,5 x 0,6 см, черен – 3,8 x 2 см, перекрестие – 5,4 x 1,6 см (ил. 4, 7). Боевые ножи, близкие публикуемому, но отличающиеся крестовидной формой перекрестия, известны у кыргызов и самодийцев в VII–IX вв. Изображения таких ножей присутствуют на тюркских каменных изваяниях VII–X вв. Их прототип без перекрестия известен в тюркском памятнике V–VI вв.²¹

Кинжал. Этот вид оружия также единичен. Он происходит из захоронения на могильнике Иня-1. Железный кинжал в деревянных ножнах лежал под правой кистью умершего. Изделие имеет двухлезвийный клинок килевидного абриса и линзовидного сечения. Черен рукояти прямой. Размеры: общая длина 13,1 см, клинок – 10,1 x 2 x 0,8 см, черен – 3 x 1,6 см (ил. 4, 8). Ближайшие аналогии публикуемому кинжалу встречены в памятниках тюркской культуры VII–VIII вв. Изображение такого кинжала есть на тюркском изваянии второй половины VIII – первой половины IX вв.²²

Боевой топор. Данный вид оружия единичен и случайно найден на городище Кашкарагаиха-1. Это железное изделие с трапециевидным клинком, овальным проухом и низким обухом. Размеры: общая длина 12,4 см, клинок – 7 x 6,5 x 1,2 см, проух – 3,4 x 2,2 x 1,8 см, обух – 2 x 1,6 x 1,6 см (рис. 4, 9). Такой экземпляр является прямым развитием тюркских боевых топоров VII–VIII вв., налицо уменьшение высоты обуха и сплющивание боковых сторон проуха²³.

Панцирь. Символические остатки панцирей встречены в двух погребениях на могильнике Иня-1. Они представлены одной почти целой железной пластиной и двумя фрагментами, судя по сохранившимся размерам и расположению отверстий, аналогичных изделий. Это позволяет предполагать, что все три пластины относятся к одному типу.

Панцирные пластины имеют овальную форму. Верхний и нижний края изделия закруглены, боковые стороны слегка выпуклы. В поперечном и продольном сечении пластины немного выгнуты. В них пробито девять сквозных отверстий: боковых две пары, по одной с каждой стороны; срединных: вертикальная пара у верхнего края и одно в центре; окантовочных: одна пара по нижнему краю (ил. 5, 1–3). Размеры: 5,8 x 4,2 x 0,15 см. Диаметр отверстий 2–4 мм. Такие пластины соединяются между со-

**Ил. 5. Панцирные пластины из памятника сrostкинской культуры
Иня-1: 1 – курган №3, могила-1; 2–3 – курган № 25, могила-1
и реконструкции панцирей (4–5), шлема (6) и щита (7)**

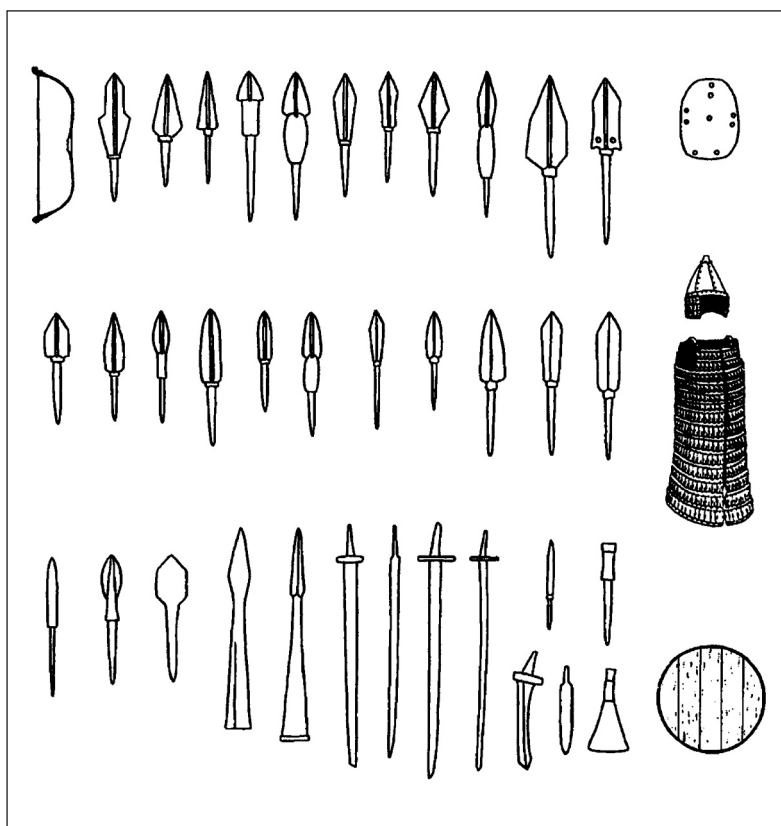
бой через систему отверстий при помощи ремешков, т. е. относятся к ламеллярной структуре набора панциря. Своей формой рассматриваемые пластины восходят к одинцовским (самодийским) образцам IV–V вв., а системой отверстий – к тюркским изделиям VII–VIII вв. Возможно, что данный тип создается на территории Лесостепного Алтая²⁴.

Судить о покрое панцирей тюрко-самодийских воинов можно по кулундинской бляхе. На ней изображен ламеллярный панцирь покроя «халат» без нарукавий (ил. 5, 4). Впрочем, как показало экспериментальное моделирование, пластины найденные на Ине-1, хорошо подходят и для панциря покроя «кираса» с короткими нарукавьями (ил. 5, 5), а также могли использоваться для сборки панцирей покроя «катафракта», которые изображены на более поздних произведениях сросткинской торевтики²⁵.

Шлем. В сросткинских памятниках вещественные остатки шлемов пока не найдены, но воин в шлеме изображен на кулундинской бляхе. На ней видно, что шлем имеет купол конической формы, наверху с шариком и открытую, довольно короткую бармицу (ил. 5, 6). Изображения конических шлемов известны по рисункам таштыкских, тюркских и кыргызских воинов III–X вв. и на болгаро-мадьярской торевтике VII–IX вв. Реальные шлемы такой формы встречены в погребениях кочевников Южного Урала IX–X вв.²⁶ Судя по находкам и более детальным изображениям эти шлемы имели купол секторной конструкции, соединяющийся заклепками, и чаще всего снабжались ламеллярной бармицей.

Щит. Его вещественные находки в сросткинских памятниках также пока не обнаружены, но изображение щита есть на кулундинской бляхе. Исходя из его пропорций можно заключить, что щит закрывал воина примерно в половину его роста и имел округлую форму, диаметром около 80 см (ил. 5, 7). Эти данные подтверждаются находками подлинных щитов из близких по времени и культурно памятников: изделие из согдийской крепости VII–VIII вв. и экземпляр из тюркского погребения VIII–IX вв. Оба щита изготовлены из деревянных плах, а согдийский имел еще и металлический кант. В Лесостепном Алтае обломки железного канта от щита найдены в погребении одинцовской культуры IV–V вв. Появление щитов в паноплии тюрко-самодийских воинов скорее связано с влиянием среднеазиатской военной традиции. Изображения щитов продолжают регулярно встречаться на сросткинской торевтике IX–XI вв.²⁷

В ранних погребениях сросткинской культуры прослеживается следующая взаимовстречаемость видов вооружения: 1) при-

**Ил. 6. Комплекс вооружения раннего этапа сrostкинской культуры
(вторая половина VIII – первая половина IX в.)**

сутствуют стрелы, иногда луки и кинжал – 18 раз; 2) присутствуют стрелы, мечи или сабли, встречаются панцири, луки, копья и боевой нож – 13 раз. Первую группу логично связать с легковооруженной конницей, набор которой включал оружие дальнего боя и мог дополняться коротко-клинковым оружием. Вторая группа соотносится со средневооруженной конницей, чей набор включал панцирь, копьё, длинно-клинковое оружие, лук со стрелами и мог дополняться коротко-клинковым оружием. Сюда надо добавить шлем и щит, известные по изобразительному источнику, и, видимо, боевой топор.

**Ил. 7. Тюрко-самодийский
средневооруженный всадник второй
половины VIII – первой половины IX в.
Реконструкция В.В. Горбунова,
рис. Г.Л. Нехведавичюса**

(ил. 7). Раннесросткинский комплекс оказал заметное влияние на повышение уровня военной оснащённости в западно-сибирском регионе и восприятие его населением многих переносимых средств нападения и защиты.

Подводя итог, отметим, что на раннем этапе своего развития сросткинский комплекс вооружения наиболее близок к тюркскому, с присутствием элементов самодийского наследия, но начинают выработываться и его своеобразные черты. Это проявилось в оформлении накладок луков и панцирных пластин, появлении новых типов наконечников стрел, модификации мечей и раннем внедрении сабель (ил. 6). В тюрко-самодийском войске увеличивается удельный вес средней конницы

¹ Горбунов В.В. Тюрко-самодийское взаимодействие в VIII–IX вв. на юге Западной Сибири (по материалам могильника Иня-1) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 19–21.

² Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 121.

³ Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 131; Его же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 197–198; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул,

2003. С. 93–94; Его же. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 96–97.
- ⁴ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. С. 8.
- ⁵ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Табл. II.-40–44, 53, 57, 66.
- ⁶ Уманский А.П. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Барнаул, 1970. Вып. 11. С. 56.
- ⁷ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. С. 17–18.
- ⁸ Там же. С. 25.
- ⁹ Там же. Табл. II.-36–47, 50–63, 65–67.
- ¹⁰ Там же. С. 38–44, рис. 76.-2–3, 77.-1–3, 78.-1.
- ¹¹ Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Средневековый могильник у села Чингис // Средневековые древности Западной Сибири. Омск, 1995. С. 139, 141, рис. 3.-18, 6.-17.
- ¹² Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 452.
- ¹³ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. С. 49–50, 53.
- ¹⁴ Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 148, табл. LVII.-II.
- ¹⁵ Радлов В.В. Указ. соч. С. 452.
- ¹⁶ Уманский А.П. Три находки кыргызского времени в Алтайском крае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 129, рис. 1.
- ¹⁷ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. С. 63–66.
- ¹⁸ Грязнов М.П. Указ. соч. С. 148.
- ¹⁹ Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Указ. соч. Рис. 1.-2, 5.-26.
- ²⁰ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. С. 69–70.
- ²¹ Там же. С. 78.
- ²² Там же. С. 81.
- ²³ Там же. С. 85.
- ²⁴ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. С. 46–47.
- ²⁵ Там же. С. 55, рис. 36.
- ²⁶ Там же. С. 72.
- ²⁷ Там же. С. 74–76.

А.В. Громов (Санкт-Петербург)

**КАВКАЗСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ ШАМИЛЯ.
ТРОФЕИ ИЗ СОБРАНИЯ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК
И ВОЙСК СВЯЗИ**

В СОБРАНИИ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) находится на сегодняшний день значительное число трофеев русско-турецких и русско-персидских войн XVIII–XIX вв., а также оружия (в том числе и орудий), взятого в боях с горцами Северного и Западного Кавказа в ходе так называемой Кавказской войны 1817–1859 гг.

Значительное число трофеев такого рода было доставлено из тифлисского арсенала в 70–80-х гг. XIX столетия *без окончательной атрибуции*, причем часть пушек проходит по документам как пушки горцев «времени Шамиля» – т. е. орудия *местной кавказской выделки*¹.

Как правило, нет указания ни на место их производства, ни на прочие (хотя бы косвенные) обстоятельства, способные пролить свет на происхождение таких пушек, их применение или особенности матчасти. Ни одного лафета таких орудий не сохранилось, а описания очевидцев чаще всего не упоминают таких подробностей либо касаются в основном самодельных горских лафетов под стволы *русских трофейных пушек*, время от времени применявшихся дагестанскими и чеченскими «партизанами» в боях с русскими².

В любом случае сохранившиеся трофеи (как в фонде ВИМАИВиВС, так и в других музеях России) нуждаются в описании, атрибуции и введении в научный оборот. Находящиеся в музеях орудия представляют собой ценнейший материальный

источник по артиллерии и военному делу горцев при Шамиле и его предшественниках.

И хотя тема орудий горцев (и производства орудий, в частности) поднималась уже не раз³, изучение материалов ВИМАИВиВС (как документов научного архива, так и самих орудий из фонда материальной части артиллерии (МЧА)) показывает, что эту тему нельзя признать на сегодняшний день закрытой.

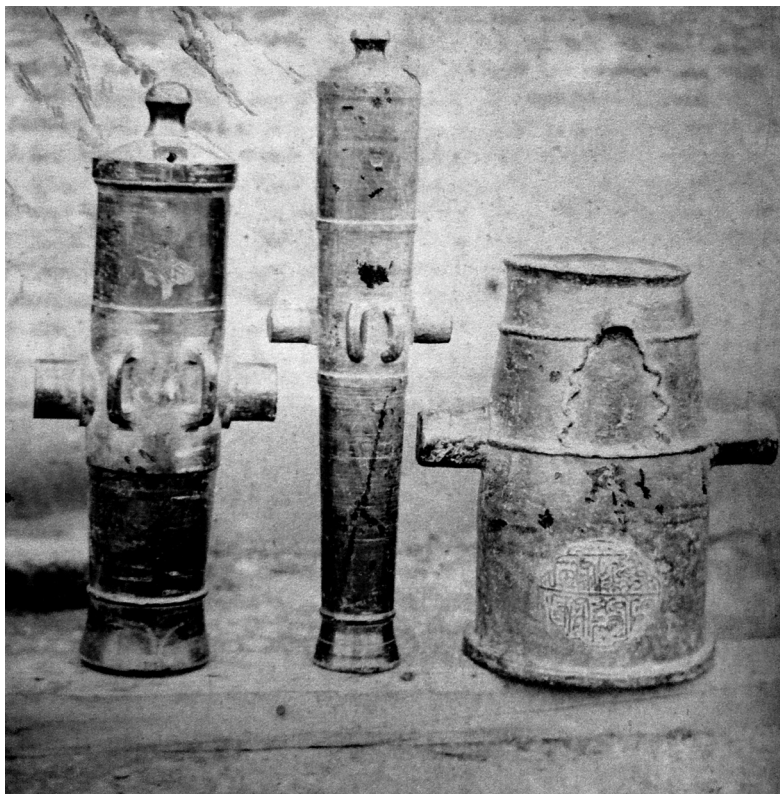
В частности, среди прочего обнаружены сразу три (!) небольших местных пушки маленького калибра (до 37 мм), по всем документам описанные как орудия Шамиля, хранившиеся до 1898 г. в доме наказного атамана Терского казачьего войска⁴. Эти орудия (№ МЧА 010/119, 010/120 и 010/121) представляют собой интересный памятник оружейного производства горцев и вместе с тем историческую реликвию, относящуюся к событиям завершающего этапа так называемой Кавказской войны.

Вообще попытки Шамиля завести у себя артиллерию отмечаются на страницах русских источников начиная с 1840 г.⁵ Хотя, конечно, технология производства местных орудий была кустарной, однако горцы довольно быстро набрались опыта, а после первых своих успехов на поле боя обзавелись и орудиями российского производства⁶.

И если первоначально, захватывая орудия, горцы старались их максимально испортить, сбросить в ущелье или же попросту увезти⁷, то с появлением в армии Шамиля первых русских солдат-дезертиров предпринимаются как попытки использовать имеющиеся трофеи, так и попытки отливки пушек своего образца⁸.

Орудия отливались из красной меди⁹ либо из чугуна¹⁰, а их размеры, как и калибры, не отличались единообразием. Так, в материалах архива ВИМАИВиВС обнаружена редкая фотография медной кавказской пушки калибром около 6 фунтов, захваченной русской армией на Кавказе¹¹. По документам о поступлении ее в фонды музея (само орудие, очевидно, было утрачено в ходе эвакуации в 1918 г.), данная пушка была взята в 1858 г. в экспедицию генерала И.А. Вревского на аул Анкратль¹² (ил. 1).

То, что у горцев были технологии для литья *чугунных* орудий, а также ядер – документально установленный факт. О переплавке русских чугунных пушек, не годных для применения, сборе ядер в местах боев с русскими (как и отливке собственных ядер и фальконетов из чугуна) сообщают источники¹³.

**Ил. 1. Фотография 1876 г.
Медная пушка кавказской выделки из аула Анкратль**

Но если самой боеспособной и качественной частью из артиллерии горцев были именно русские пушки и единороги, захваченные ими в ходе боевых действий, то информация об орудиях местного производства и реальном их применении вопиюще скудна. Почти все крупные успехи горцев в области артиллерии (взрыв арсенала в укреплении Ахты в 1848 г.¹⁴ и т. п.) связаны в основном с применением русских трофейных пушек обр. 1838 г., нередко также с наводчиками и расчетами из числа солдат-дезертиров.

Хотя известно, что небольшого размера пушки (происхождение их, возможно, было туземным или *персидским*) использова-

Ил. 2. Чугунный замбурек кавказского производства из музея в Махачкале

Ил. 3. Персидский замбурек из собрания ВИМАИВиВС, № МЧА 09/67

лись у горцев и ранее (т. е. до 1840 г.), их тип, калибр, размеры почти никак не отражены в описаниях очевидцев. Вероятно, они напоминали собой *замбурики* – небольшого калибра вьючные (и верблюжьи) пушки, в больших количествах применяемые у персов и у афганцев.

В частности, пушка из чугуна, находящаяся в Дагестанском государственном объединенном историко-архитектурном музее (Махачкала)¹⁵, представляет собой как раз аналог подобной пушки (ил. 2). По фотографиям явно видно, что ее *плоская, без винграда*, торель предназначена для *деревянной (ружейного типа) ложки, с вертлюгом (на манер кольца) и прикладом*. Аналогичный образец, сделанный в Персии и захваченный при Шамхоре 3 (15) сентября 1826 г., находится в фонде ВИМАИВиВС (№ МЧА 09/67) (ил. 3). Такие пушки (а точнее – наполовину ружья) были занесены афганцами в Персию еще в правление Сефевидов, произведя там настоящий фурор. Мода на них распространялась настолько быст-

ро, что уже при правлении Фатх Али-шаха их число в войсках Персии достигало нескольких сотен¹⁶.

Нередко эти стволы попадали и в руки горцев, так что у некоторых из них явно имелась возможность ознакомления с этими, пусть и весьма специфическими, орудиями.

Вопреки мнению некоторых исследователей¹⁷, никакого лафета (в привычном смысле этого слова) ствол из музея в Махачкале не имел и иметь не мог, но, очевидно, использовался с вертлюга, как и подобная горно-вьючная (или так называемая верблюжья) артиллерия в войсках Персии¹⁸. Вертлюг втыкался железным кольшком в твердый грунт или в дерево (сами персы часто стреляли прямо с седла, заставив верблюда лечь на землю), после чего, уперевшись плечом в приклад (в данном случае он вместе с ложей утрачен), *замбурекчи* наводил ствол на цель.

Кстати, по описанию персидского орудия № МЧА 09/67, к нему как раз имелось специальное верблюжье седло и деревянная ружейная ложа, утраченные впоследствии¹⁹. И очевидное сходство орудия из музея в Махачкале с подобными же стволами, отлитыми в арсенале в Тебризе, свидетельствует как раз об определенном влиянии персидской оружейной традиции.

Существовали при этом и небольшого калибра пушки, также с вертлюгом, но уже *без деревянной ложи*, вместо приклада *имеющие винград*. И они также использовались с вертлюга либо с седла, хотя источники обычно не конкретизируют, что именно из этих двух типов легких переносных орудий чаще всего применялось горцами. И, таким образом, в каждом отдельном случае мы не можем с уверенностью судить, о каком именно типе таких легких переносных орудий говорится в наших источниках. Кроме того, возможно, что для отдельных мелких пушек такого типа все же использовались лафеты полкустарного производного образца.

По крайней мере, уже в 1837 г. при обороне Тететля и Ашильты горцы активно используют «фальконеты» (распространенный термин для обозначения вьючных пушек небольшого калибра), а в мае 1839 г. при разгроме Те-шов-Хаджи русскими взят лафет из-под фальконета (сам ствол, по-видимому, горцам удалось увезти)²⁰. О самодельных, так называемых казачьих

(т. е. горных), пушках маленького калибра упоминают многие очевидцы или участники тех событий²¹. Правда, неясно – идет ли речь о подобных же стволах с ложами (замбуреках) или все-таки об орудиях в точном смысле этого слова.

Еще в 1859 г. при обороне Ведено у тилитлинского наиба Абдурахим-бека была самодельная пушка длиной в аршин (т. е. около 71 см), ядра которой по 20 штук сразу мог переносить один человек. Ее применение было неудачным – ядро не долетело до русских, упав в ауле и опрокинув котел с хинкалом²².

Не лучшим было применение и других самодельных пушек, что объясняется как недостаточной подготовкой местных расчетов, так и сравнительно невысоким качеством самодельного пороха для орудий²³. Горцы имели в избытке людей, обладающих личной храбростью или навыками партизанской войны, но для успешного развития артиллерийского дела у них не было ни серьезного боевого опыта, ни достаточно продолжительной (из поколения в поколение!) *традиции* в производстве и применении артиллерии.

Эта традиция еще с XV в. существовала и развивалась в Турции, а с середины XVI в. – также у персов²⁴, но изолированные общины Кавказа имели не так много шансов создать у себя что-либо равноценное шахскому арсеналу в Тебризе, а под давлением русских экспедиционных отрядов эта задача становилась почти и вовсе неисполнимой.

Между тем как Шамиль и Гази-Мухаммад, так и их рядовые сподвижники прилагали немислимые усилия для того, чтобы их артиллерия вышла на новый материальный и организационный уровень. И остается лишь удивляться тому, как войска Шамиля умудрялись довольно долго почти справляться с этой тяжелой и невыполнимой для них задачей. Во всяком случае, что удавалось горцам блестяще – это маневренность артиллерии и особенно маскировка ее на местности, инженерная подготовка позиций. По свидетельствам очевидцев и непосредственных участников тех событий, в каком-то смысле артиллерия Шамиля *не уступала* даже *российской*, а иногда и превосходила ее²⁵.

Также отметим, что отдельные из дошедших до нас орудий малых калибров выглядят очень и очень достойным образом. Вот только некоторые из них.

Ил. 4. Кавказская пушка, № МЧА 010/119

Ил. 5. Кавказская пушка, № МЧА 010/120

1) Ствол $\frac{1}{2}$ -фунт. (37-мм) гладкоствольной дульнозарядной пушки. № МЧА 010/119; № КЕУ 518 (ил. 4).

Чугунный. Без дельфинов и мушки.

Длина полная 76 см. (Длина до торели 70 см).

Калибр 37 мм.

Вес 30 кг.

Дульная часть: с расширением к дульному срезу.

Цапфы: без плечиков. Расположены посередине, чуть ниже центра оси ствола.

Запал: без раковины. Расположен перед торельным поясом.

Прицельное устройство: нет.

Винград: короткий, в виде закругленного конуса.

На дульной части – литой кольцевой пояс неправильной формы; два литых пояса аналогичной формы – в центральной части, около цапф; по всей длине ствола видны дефекты отливки и обработки точильным кругом (особенно заметные на казенной части). Есть раковины, забоины, канал ствола имеет следы износа.

Ил. 6. Кавказская пушка, № МЧА 010/121

2) Ствол $\frac{1}{2}$ -фунт. (35-мм) гладкоствольной дульнозарядной пушки. № МЧА 010/120; № КЕУ 688 (ил. 5).

Чугунный. Без дельфинов и мушки.

Длина полная 50 см. (Длина до торели 45 см).

Калибр 35 мм.

Вес 14 кг.

Дульная часть: прямая с расширением в виде литых поясов неправильной формы, расположенных за дульным срезом.

Цапфы: без плечиков. Расположены ближе к казенной части, по центру оси ствола.

Запал: без раковины. Расположен перед торельным поясом в небольшом круглом углублении со следами разгара.

Торельная часть: слегка закругленной формы.

Прицельное устройство: нет.

Винград: короткий, круглый, слегка неправильной формы.

На дульной части – литой кольцевой пояс неправильной формы; два литых фриза – в центральной части, около цапф; аналогичной формы фриз – на торельном поясе; по всей длине ствола видны дефекты отливки, хорошо виден литейный шов. Есть раковины, забоины, канал ствола имеет следы износа.

3) Ствол $\frac{1}{2}$ -фунт. (32-мм) гладкоствольной дульнозарядной пушки. № МЧА 010/121; № КЕУ 684 (ил. 6).

Чугунный. Без дельфинов и мушки.

Длина полная 57 см. (Длина до торели 50 см).

Калибр 32 мм.

Вес 28 кг.

Дульная часть: с литым утолщением у дульного среза.

Цапфы: простые, без плечиков, немного неправильной формы. Расположены посередине, ниже центра оси ствола.

Запал: с квадратной литой раковиной. Расположен перед торельным поясом.

Торельная часть: сложной формы, в виде литых кольцевых уступов.

Прицельное устройство: нет.

Винград: короткий, круглый, слегка неправильной формы.

На дульной части – литой фриз в виде кольца; два фриза аналогичной формы – в центральной части, около цапф; еще два фриза – в казенной части (в том числе один – на торельном поясе). На стволе хорошо виден литейный шов. Есть раковины и забоины.

Все три указанных орудия, судя по описи 1882 г., имели некогда на цапфах большой железный вертлюг, заканчивавшийся четырехгранным кованым стержнем для установки его на грунте либо в специальном выючном седле. Вертлюги, по-видимому, утрачены еще в годы эвакуации фондов ВИМАИВиВС в Ярославль (1918–1926).

Из документов следует, что орудия (как и упоминалось выше) долго хранились как боевые реликвии при доме наказного атамана Терского казачьего войска во Владикавказе и оттуда в 1898 г. были переданы в музей.

Нечто похожее можно увидеть на фотографии из аула Гуниб, опубликованной в свое время Х.М. Доного²⁶ (ил. 7): на памятнике (по-видимому, разрушен еще в годы Гражданской войны) находится несколько пушек малых и средних калибров. Однако почти все эти орудия *имеют дельфины*, и их калибр (до 6-фун. включительно) все же больше, чем у чугунных 1/2-фунт. пушек из фонда ВИМАИВиВС. Кроме того, исходя из имеющихся свидетельств (и по сохранившимся образцам таких пушек) вполне логично предположить, что орудия самых крупных калибров отлиты из красной меди (очень часто их отливали из бытовой луженой посуды), а «фальконеты» – из чугуна.

Однако несколько небольших орудий, запечатленных на фотографии, *не имеют дельфинов* и в целом очень напоминают ору-

Ил. 7. Памятник в Гунибе

дия, хранящиеся на экспозиции ВИМАИВиВС. Что позволяет делать уже определенные сопоставления относительно типологии таких пушек и особенностей литья.

Как сообщают русские источники, почти все пушки после отливки горцы обтачивали на точильном круге: запечатленное на фото (ил. 1) орудие имеет явные следы таковой обточки. Аналогичным образом обточены и некоторые чугунные пушки небольшого калибра (например, ствол с № МЧА 010/119), что дополнительно подтверждает их местное (т. е. дагестанское и чеченское) происхождение.

В отличие от не дошедшей до нас медной 6-фунт. пушки из аула Ункратль или чугунного замбурека из фондов музея в Махачкале эти орудия *не являются* непосредственным *подражанием* русским или персидским орудиям той эпохи, но очевидно воспроизводят одни лишь общие технологии производства и применения артиллерии, на доступном для оружейников имамата уровне.

Именно это и делает эти три, неприметные на первый взгляд, легкие пушки выдающимся памятником оружейного дела кавказских горцев 40–50-х гг. XIX столетия. И с исторической точки зрения, указанные орудия (№ МЧА 010/119, 010/120,

010/121) имеют непреходящую ценность для большинства народов Северного Кавказа.

¹ АВИМАИВиВС (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Ф. 3Р. Оп. 111. Д. 8. Л. 375, 377, 378; Оп. 112. Д. 4. Л. 282.

² О самодельных лафетах горцев см.: А.В. Воспоминания о былом // Военный сборник. 1872. №2. С. 341–342.

³ Вилинбахов В.Б. Артиллерия Шамиля // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР. Т. II. Махачкала, 1963. С. 159–172; Доного Х.М. Артиллерия в имамате Шамиля (1840–1859) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Пятая Международ. научно-практич. конф. 16–18 мая 2014 г. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 261–267.

⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 3Р. Оп. 111. Д. 8. Л. 375, 377, 378; Оп. 112. Д. 4. Л. 282.

⁵ Вилинбахов В.Б. Указ. соч. С. 159–172.

⁶ Всего, по словам Хаджи-Мурата, в 1851 г. у Шамиля было до 30 орудий русского производства (см.: Потто В. Гаджи-Мурат // Военный сборник. 1870. № 11. С. 180).

⁷ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи / Пер. А. Барабанова. М.-Л., 1941. С. 44.

⁸ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М., 1995. С. 71–72.

⁹ Гордин Я.С. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 229.

¹⁰ Доного Х.М. Указ. соч. С. 266.

¹¹ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 33. Л. 18.

¹² Название аула Анкратль (совр. Ункратль) – устаревший вариант написания (приводится по тексту архивного документа).

¹³ Абдурахман из Газикумуха... С. 107; АКАК. Т. X. С. 527; Дневник полковника Руновского... С. 1400; Руновский А. Записки о Шамиле пристава при военнопленном. СПб., 1860. С. 130–131; Солтан В. На Гунибе в 1859 и 1871 гг. // Русская старина. 1892. №5. С. 402.

¹⁴ Анучин. Защита укрепления Ахты и Самурского округа в сентябре 1848 года // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 26–33. СПб., 1858. С. 21.

¹⁵ Доного Х.М. Указ. соч. С. 266–267.

¹⁶ Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828. М., 2016. С. 37–38.

¹⁷ Доного Х.М. Указ. соч. С. 266–267.

¹⁸ Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Указ. соч. С. 37–41.

¹⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. Л. 192.

²⁰ Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. I. С. 467, 469.

²¹ Выдержки из записок Абдурахмана... С. 23; Шамиль и Чечня... С. 140.

²² Абдурахман из Казикумуха. Книга воспоминаний... С. 158–159; Выдержки из записок Абдурахмана... С. 28.

²³ Руновский А. Записки о Шамиле... С. 128–129.

²⁴ MoshtaghKhorasani, Manouchehr (2010). Persian Firepower: Artillery. Classic arms and militaria, Vol. XVII. Is. 2. P. 19–25; Qajar Studies: War and Peace in the Qajar Era // Journal of the Qajar Studies Association. London, 2005 и т. д.

²⁵ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 470.

²⁶ Доного Х.М. Указ. соч. С. 275.

С.В. Гуров (Тула)

БЛОКИ ОРУДИЙ И НЕУПРАВЛЯЕМЫЕ АВИАЦИОННЫЕ РАКЕТЫ ДЛЯ ПУСКОВЫХ УСТРОЙСТВ РЕАКТИВНОЙ АРТИЛЛЕРИИ

БЛОКИ ОРУДИЙ (БО, блоки) и неуправляемые авиационные ракеты (НАР), в основном, известны, как типы авиационных пусковых устройств и боеприпасов соответственно. Их носителями являются боевые самолеты и вертолеты¹. Однако, БО также применялись в конструкциях боевых машин (БМ) и наземных пусковых установок (ПУ) реактивных систем залпового огня (РСЗО) как созданных в рамках официальных работ, так и созданных в ходе ведения боевых действий самостоятельно представителями вооруженных сил, повстанческих групп (группировок) и (или) террористических организаций. Направляющие БО использовались в конструкции, по крайней мере, одного официально разработанного образца БМ² и, наиболее вероятно, в конструкциях самодельных БМ в Ливии и Сирии. НАР также применялись для пуска из вышеуказанных типов пусковых устройств³ и их вариантов со специально созданными пакетами направляющих.

Официально разработанная ПУ БО была принята на вооружение армий Великобритании, Канады, Норвегии⁴. Официально разработанная боевая машина с пакетом направляющих для НАР была принята на вооружение армии Италии⁵ и морской пехоты в Мексике⁶. Официально разработанные ПУ с пакетами направляющих для НАР были приняты на вооружение армий Бразилии⁷, Индонезии⁸, Хорватии⁹. Анализ имеющихся данных (точные данные не установлены) позволяет сделать вывод, что изученные типы систем также были проработаны в США (ПУ, ранее 80-х гг. XX в.)¹⁰, Швейцарии (ПУ и БМ)¹¹, Бельгии¹², Турции¹³, Южной Корее (ПУ)¹⁴ и Ираке (БМ)¹⁵. Вре-

менные рамки проведения работ по основным образцам представлены ниже.

Открытые данные о реальном боевом применении боевых машин с блоками орудий и со специально созданными пакетами для НАР, разработанными специалистами конструкторских бюро (отделов, организаций), в ходе проведенного открытого исследования не установлены. Обнаружены только факты наличия и, как правило, боевого применения самодельных боевых машин и пусковых установок рассмотренного типа в ходе войн и военных конфликтов в Абхазии, Ираке, Афганистане (БМ и ПУ), бывшей Югославии, Грузии, Приднестровье, Украине, Южной Осетии (БМ) (образцы с БО), а также Ливии и Сирии (образцы с БО и специально созданными пакетами направляющих). Как правило, стрельба велась из одиночных БМ и ПУ¹⁶.

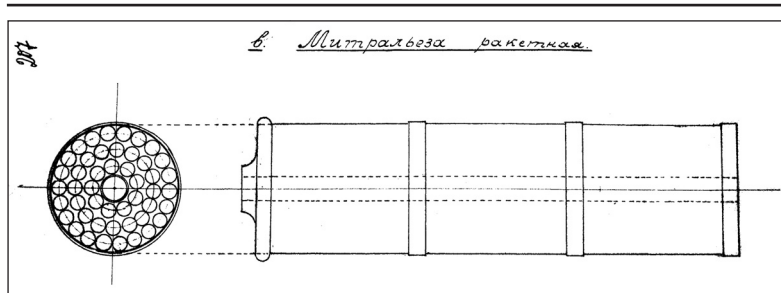
Таким образом, рассматриваемые системы могут быть полезны в так называемых «особых условиях», когда, в основном, существует нехватка вооружения или воевать приходится тем, что имеется в наличии.

По мнению академика Н.А. Макаровца, конкурентами изученных систем являются мобильные противотанковые ракетные комплексы (ПТРК)¹⁷. По мнению кандидата технических наук Б.В. Манчука, до сих пор не решены вопросы их тактики применения и организационно-штатной принадлежности. При необходимости проектирования таких систем надо будет учитывать тот факт, что все последние военные конфликты и войны носили локальный характер, во время которых не было широкого применения армейских соединений.

Каких-либо открытых данных о необходимости создания изученных типов систем на официальном уровне за последние 13 лет автором не установлено.

Возможно, наиболее перспективными могут быть системы для стрельбы модификациями НАР с блоками управления, а также в сочетании с противотанковыми ракетами¹⁸. При этом должен быть решен вопрос использования шасси с малошумными двигателями.

Прообразом современных БО, т. е. связки трубчатых направляющих в корпусе (обшивке, кожухе), для НАР можно считать метательный аппарат в виде митральезы ракетной, представленный Иваном Валентиновичем Воловским 19 апреля 1912 г.

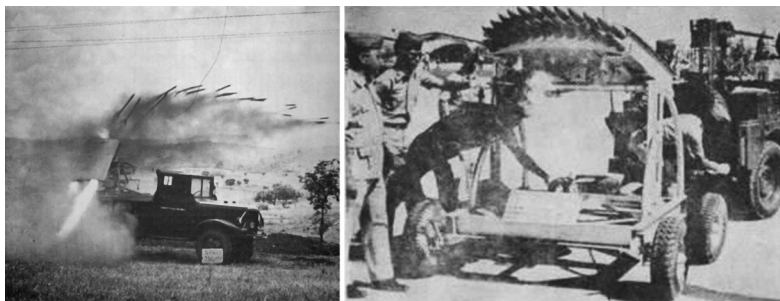

**Ил. 1. Митральеза ракетная.
Проект И.В. Воловского. Россия, 1912 г.**

вместе с другими проектами военного назначения в докладной записке военному министру. Его крепление должно было выполняться на аэропланах – с возможностью во время полета производить стрельбу по аэропланам и по неприятельской позиции¹⁹ (ил. 1²⁰).

Первые блоки орудий для НАР, в современном их понимании, создавались с 40-х гг. XX в.²¹

В рамках официальных работ в начале 70-х гг. XX в. на Филиппинах была создана Rancudo Rocket Gun – реактивная пусковая установка Rancudo. Боевая машина и пусковая установка были собраны с идентичными БО для 24-х НАР калибра 70 мм (2.75»). С 1949 г. такой блок орудий являлся вооружением американского перехватчика F-84D Sabre Dog. В 1958 г. 20 таких перехватчиков были экспортированы на Филиппины. В 1972 г. бригадный генерал Jose Rancudo²² предложил использовать такой блок орудий для создания установки (БМ), названной по его фамилии. Имеющаяся фотография стрельбы из БМ, якобы являющейся оригинальной, свидетельствует об аномальном полете НАР. Это объясняется тем, что при стрельбе при большом угле возвышения пакета направляющих начавшие работу ракетные двигатели при создавшейся силе тяги обеспечивали начальный полет ракет с недостаточной скоростью для придания им правильного направления полета. НАР успевали существенно опустить носовую часть (т. е. совершить «клевок»), прежде чем вышедшие на режим двигатели их разгоняли (ил. 2²³). Подобное явление – полет НАР вниз вскоре после пуска – имело место при стрельбе из самодельных БМ с пакетами направляющих

**Ил. 2. Варианты пусковой установки Rancudo Rocket Gun.
Филиппины, 1972 г.**

для НАР в Сирии²⁴ и на Украине при стрельбе прямой наводкой из БМ с БО²⁵.

В 70-х гг. в Аргентине специалисты компании EDESA создали боевую машину Yagara (по наименованию ядовитой змеи) на доработанном шасси автомобиля Chevrolet C-10. В качестве направляющих использовались направляющие БО LAU32/A или другой модификации для НАР калибра 70 мм. Для ведения стрельбы БМ вывешивалась на четыре домкрата, за счет регулирования которых выполнялось и горизонтирование БМ. Были собраны три боевые машины, экспортированные в Никарагуа. Утверждалось, что для стрельбы применялись 70-мм универсальные ракеты «Альбатрос», которые были либо НАР, либо созданы на основе НАР (ил. 3²⁶).

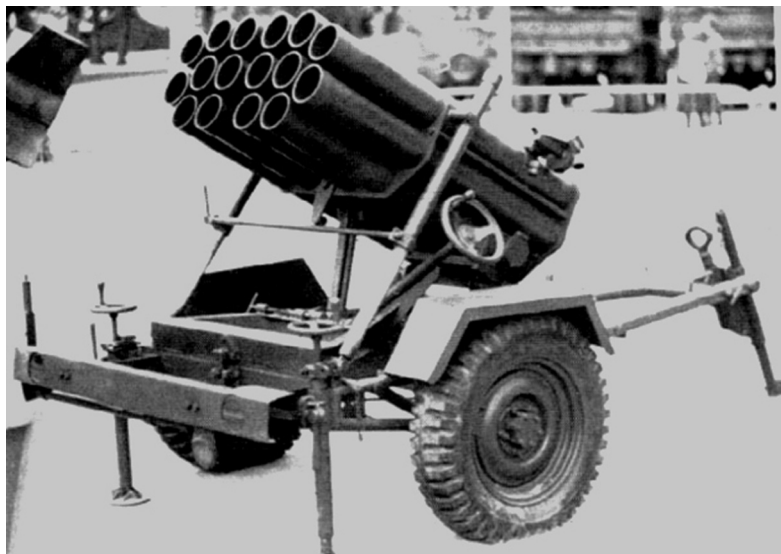
В 1976 г. в Италии началась разработка будущей полевой реактивной системы FIROS 6 для НАР калибра 51 мм специалистами фирмы SNIA BPD. В октябре 1981 г. система была готова к производству. Артиллерийская часть БМ могла быть смонтирована на доработанных шасси автомобилей 4x4 Land Rover, FIAT Campagnola, FIAT 40 PM10 и бронетранспортера FIAT-OTO 6614. В ее состав входил пакет из 48 трубчатых направляющих. Механизмы вертикального и горизонтального наведения были с ручными приводами. Стрельба могла выполняться залпом, частью ракет (2, 4, 8, 16, 24, 36) с интервалами между пусками или одиночными ракетами. Скорострельность – 10 НАР в секунду. Пуск выполнялся непосредственно из БМ или через кабель с удаления до 30 м (возможно, из ровика). Время ручного перезаряжания – 5 мин.²⁷

Ил. 3. Боевая машина Yagara. Аргентина, 70-е гг. XX в.

К первой половине 80-х гг. XX в. можно отнести работы специалистов бразильской компании AVIBRAS, которые создали пусковую установку LM-07/36 с возможностью пуска до 36 ракет залпом. Артиллерийская часть ПУ монтируется на одноосном прицепе, являющемся модернизированным вариантом прицепа X2A1. Вес незаряженной ПУ составляет 700 кг и приблизительно 1000 кг – заряженной. Длина установки составляет 3170 мм, ширина – 1670 мм, высота – 1190 мм. База составляет 1470 мм. Угол возвышения – от 0 до +50 град, угол горизонтального обстрела – ± 12 град. Стрельба осуществляется посредством прибора управления огнем, подсоединенного к установке через 50-м кабель. Установка принята на вооружение сухопутных войск Бразилии и экспортирована в ряд стран.

Для стрельбы предназначены ракеты SVAT-70 калибра 70 мм со складывающимися лопастями блока стабилизатора, которые, наиболее вероятно, являются или переименованными, или модернизированными НАР калибра 70 мм. Типы головных частей: осколочная AVC-70/AC, осколочно-фугасная AVC-70/AP, кумулятивно-осколочная AVC-70/AC/AP, кассетная со стреловидными поражающими элементами AVC-70/F,

Ил. 4. Пусковая установка. Бразилия, 80-е гг. XX в.

дымокурающая (снаряженная белым фосфором) AVC-70/FB, дымокурающая практическая AVC-70/EF, практическая с инертным снаряжением AVC-70/E (ил. 4²⁸).

В 80-х гг. XX в. для сил быстрого развертывания специалистами сухопутных войск США и BEI Defence Systems Company Inc (форт Уорс, штат Техас, США) была разработана интегрированная ракетная (реактивная) система быстрого развертывания RADIRS (Rapid Deployment Integrated Rocket System). Она разрабатывалась как экономичное средство (адаптация) для наземного пуска НАР HYDRA 70 калибра 70 мм для армии США с целью обеспечения тяжелой огневой мощи среди систем малого калибра для наземных сил. В целом, проводились работы по ПУ и БМ с 7- и 19-ствольными легковесными БО и специально созданными пакетами для (модифицированных) НАР со складывающимся оперением. Среди них:

- боевая машина с двумя 7-ствольными БО на доработанном шасси быстроатакующего автомобиля;
- боевая машина с тремя 19-ствольными БО на доработанном шасси высококомобильного многоцелевого колесного автомобиля;

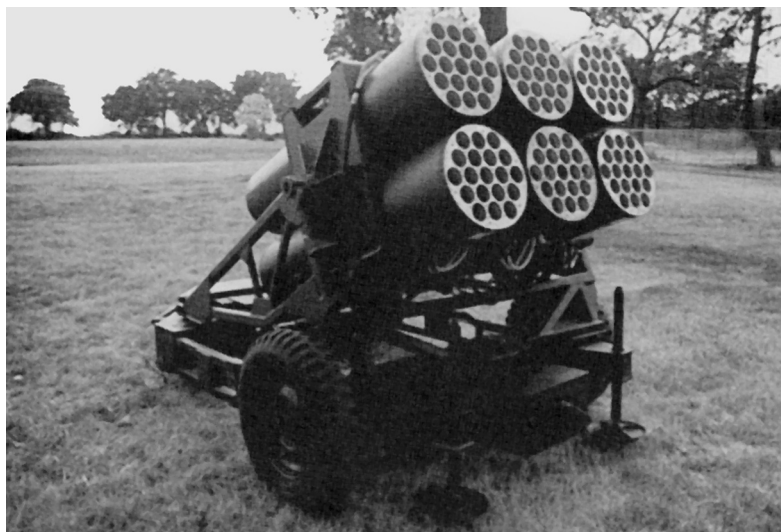
- боевая машина с шестью 19-ствольными БО на доработанном шасси 2,5-т грузового автомобиля;
- боевые машины с двумя 7- или 19-ствольными блоками орудий на доработанном шасси автомобиля малой грузоподъемности;
- ПУ с 7-ствольными М260 или 19-ствольными М261 БО на треножных станках или доработанных шасси серийных военных автомобилей;
- буксируемая ПУ с четырьмя 19-ствольными БО на лафете М42 или платформе счетверенной установки М55 для 12,7-мм пулемета;
- буксируемые ПУ с (до) шестью 19-ствольными БО на лафете 105-мм гаубицы М102 или на базе ПУ М91 для пуска химических реактивных снарядов;
- ПУ с пакетом направляющих с конфигурацией 5 рядов по 5 направляющих в каждом для монтажа на доработанных шасси серийных военных автомобилей;
- 4-ствольная ПУ для специальных сил или применения пехотой;
- 25-ствольная ПУ на универсальной установке.

Монтаж БО также выполнялся в конструкциях различных башенных установок, смонтированных на доработанных бронированных транспортных средствах.

Расчет для больших систем состоял из 4-х номеров. Для перезаряжания обычного варианта с 6-ю блоками орудий требовалось 10 мин. Скорострельность при стрельбе из одного 19-ствольного БО составляла приблизительно 0,5 с.

Для стрельбы предназначались ракеты со следующими типами головных частей: кассетной М261, снаряжаемой девятью кумулятивно-осколочными боевыми элементами; фугасной М151 весом 4,5 кг, комплектуемой многофункциональным взрывателем М433; кассетной со стреловидными поражающими элементами; кассетной М247 с кумулятивной ГЧ; осветительной М262; дымокурящей М264 (ил. 5²⁹).

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. специалисты греческой компании Advanced Technology Applications совместно с разработчиками из США и с Дальнего Востока³⁰ проводили работы по легкой реактивной пусковой установке наземного базирования. В конструкцию буксируемой ПУ входили шесть блоков орудий

Ил. 5. Пусковая установка системы RADIRS. США, 80-е гг. XX в.

LAU-68. Вес ПУ с незаряженными БО составлял 520 кг. Ширина – 1650 мм, а высота – 1810 мм. Из установки можно было вести огонь ракетами количеством до 84 штук за 4 с. Максимальная дальность полета ракеты составляла более 16 000 м. Специалисты компании предлагали автоматизированную систему управления огнем, в состав которой входил лазерный дальномер и баллистический вычислитель. Имеется информация об использовании наземных установок данного типа для вооружения ударных кораблей и батарей береговой обороны³¹.

Одни из первых установленных работ по использованию БО в конструкциях самодельных БМ и ПУ были выполнены во время войны в Афганистане (1979–1989). В частности, *«на БТР устанавливали вертолетный блок 80-мм НУРС³² “С-8”. ... Этот боевой гибрид несколько раз использовался в бою, и весьма успешно»³³*.

Также, по крайней мере во второй половине 80-х гг. XX в., у военнослужащих Советской армии в Республике Афганистан была самодельная стационарная подземно-надземная установка. Основанием для монтажа служил корпус бронемшины, частично закопанный в грунт в горной, малолесистой местнос-

Ил. 6. Советская самодельная стационарная подземно-надземная установка. Афганистан, вторая половина 80-х гг. XX в.

ти. Количество БО – 4 шт. (ил. 6³⁴). Стоит отметить, что как в то время, так и в настоящее время такая установка может быть легко уничтожена в результате стрельбы по ней из ручных противотанковых гранатометов, противотанковых и других видов ракетных комплексов, а также посредством пушечного и бомбового вооружений. Среди вооружения 56-й бригады была самодельная БМ «Метла-2», предложенная Александром Михайловичем Метлой. В кузове грузового автомобиля, «фронтального трудяги» Урал-4320Н была установлена срезанная башня от подбитой БРДМ-2 с пулеметом и на нее была наварена станина, служившая для монтажа 32-ствольного БО, снятого с подбитого вертолета советской разработки. В ходе применения в первых боях враг почувствовал ее эффективность и разрушительную силу³⁵.

В конце 80-х гг. прошлого века в ЦБП под руководством полковника В. Арчегова были разработаны два экспериментальных образца боевой машины-авианаводчика (известны сокращения БМА, БМАН, БОМАН (последнее не путать с одноименной машиной на базе БТР-80 с лазерной станцией подсвета (подсвет-

ки) «Клен»), предназначенной для точного целеуказания боевым вертолетам и самолетам-штурмовикам. Каждый танковый и мотострелковый батальон планировалось вооружить БМА. Ее серийное производство было налажено на заводе в Алма-Ате (ныне Алматы, Республика Казахстан³⁶). После выпуска 20 машин оно было прекращено по причине распада СССР.

В конструкцию БМ входили два БО БКП-Б812 для НАР С-8 калибра 80 мм. Количество направляющих в каждом блоке – 12 шт. По имеющимся данным, образец можно увидеть в 344 ЦБП (Торжок)³⁷.

В 80-х – начале 90-х гг. XX в. в Канаде специалистами канадского департамента национальной обороны была разработана реактивная система CRV 7 (Canadian Rocket Vehicle) для НАР калибра 70 мм. Производство системы выполнялось специалистами общества с ограниченной ответственностью Bristol Aerospace Limited. Возможно, это были или работы со специалистами из США, или попытка копирования американских образцов, упомянутых выше.

В состав основной системы входил заменяемый 19-ствольный блок орудий LAU-5003 весом 240,5 кг в заряженном состоянии или 19-ствольный БО VAL19 многократного применения.

Блоки орудий могли монтироваться в конструкциях следующих образцов: шесть 19-ствольных БО – в конструкции буксируемой ПУ на базе модернизированной гаубичной установки (вероятно, лафете гаубицы) или два 19-ствольных БО, смонтированных по обеим сторонам башенной установки, закрепленной на задней части доработанного высококомобильного многофункционального колесного автомобиля.

Для стрельбы применялись НАР калибра 70 мм. Двигатель развивал тягу 998 кг, время его работы составляло 2,2 с. Для заряда использовалось высокоэнергетическое (смесевое) твердое топливо НТРВ с 88 % твердого состава хлорнокислого аммония (перхлората аммония, $(\text{NH}_4)\text{ClO}_4$) и окиси железа. При наземном пуске максимальная дальность полета НАР составляла от 7500 до 14 000 м в зависимости от типа ее головной части и угла возвышения БО.

По данным начала 90-х гг. XX в., она предлагалась на экспорт. Находилась на вооружении сухопутных войск Канады, Норвегии, Великобритании³⁸.

Во время грузино-абхазского вооруженного конфликта (1992–1993) у бойцов Атарского батальона (абхазская сторона) была ПУ с БО для НАР С-5 советской разработки, снятым со сбитого грузинского вертолета Ми-24 также советской разработки. В качестве основания для крепления БО, предположительно, служил самодельный треножный станок³⁹.

Установлены данные о вариантах самодельных БМ и у грузинской стороны. Один из них на шасси боевой машины пехоты БМП-1 советской разработки с артиллерийской частью с блоком орудий Б-8М1 для неуправляемых авиационных ракет серий С-8 также советской разработки. Он находился в Поты (Грузия, 20.01.1992)⁴⁰ и на территории Абхазии в 1992 г. у сторонников грузинской стороны⁴¹.

Другой вариант самодельной БМ – на шасси боевой машины пехоты БМП-1 с артиллерийской частью, в конструкцию которой входил остаток блока орудий для НАР, соединенный механической связью со стволом орудия башни для обеспечения изменения угла возвышения. Изменение по углу горизонтального обстрела выполнялось за счет поворота башни или БМП⁴².

Во время военных действий в Югославии в 90-х гг. XX в. имелись самодельные боевые машины и железнодорожная установка (армия Республики Сербская Краина) (ил. 7⁴³), в конструкциях которых выходили блоки орудий. Ходовые части самодельных БМ – доработанные шасси двухосных грузовых автомобилей⁴⁴, автомобиля серии «УАЗ» советской разработки⁴⁵ и бронемашин⁴⁶.

В начале 90-х гг. XX в. во время конфликта в Хорватии ополчение Республики Сербская Краина эксплуатировало самодельную БМ с артиллерийской частью с одним блоком орудий УБ-32-57 для НАР калибра 57 мм советской разработки. Ходовая часть – доработанное шасси двухосного грузового автомобиля серии ТАМ-110⁴⁷.

В середине 90-х гг. XX в. военнослужащими войск Сербской Республики в Боснии и Герцеговине эксплуатировалась самодельная боевая машина также на доработанном шасси грузового автомобиля серии ТАМ-110. В конструкции артиллерийской части можно выделить два блока орудий УБ-16-57 для НАР калибра 57 мм советской разработки, стойку, основание, люльку,

представлявшую из себя стальной лист, прибор управления огнем и ряд других неидентифицированных конструктивных элементов⁴⁸.

В конструкцию железнодорожной установки самодельного бронепоезда входили два блока орудий L57-12 для НАР калибра 57 мм⁴⁹.

В 80-е–2000-е гг. в Афганистане находились следующие типы самодельных БМ с БО:

- на доработанном шасси автомобиля типа «открытый УАЗ» с артиллерийской частью с основанием, люлькой, приводом или приводами наведения, прицельными приспособлениями и двумя БО советской разработки⁵⁰;

- на доработанном шасси БРДМ с артиллерийской частью с основанием, блоком орудий советской разработки и механической связью с пулеметом башни для изменения угла возвышения. Изменение угла горизонтального наведения могло обеспечиваться за счет поворота башни или поворота самой боевой машины⁵¹.

Согласно данным второй половины 90-х гг. XX в., специалисты хорватской фирмы RH ALAN d.o.o. занимались сборкой мобильной, буксируемой ПУ M93A2 Carplja («Цапля») для стрельбы НАР класса «воздух – земля» калибра 127 мм с фугасной головной частью.

Ил. 7. Самодельная железнодорожная ПУ. Югославия, 90-е гг. XX в.

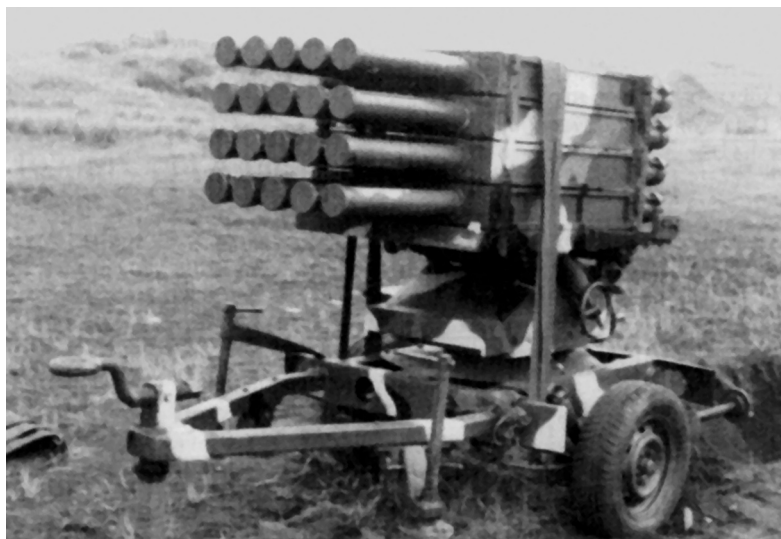
Артиллерийская часть монтировалась на шасси одноосного прицепа. В ее состав входили два пакета, в конструкции каждого из которых предусматривались направляющие, расположенные в пять рядов по четыре трубы в каждом. Максимальный вес системы – приблизительно 2000 кг. Расчет – три – пять номеров. В наземном варианте максимальная дальность полета НАР составляла 8000 м. Система находилась и до сих пор может находиться на вооружении хорватских сухопутных войск и хорватского совета по обороне⁵².

В 1998 г. на военной базе вооруженных сил Грузии в Кутаиси находилась самодельная боевая машина с артиллерийской частью, смонтированной на пулеметной башенке тягача МТ-ЛБ. В ее состав входил блок орудий УБ-16-57 для неуправляемых авиационных ракет калибра 57 мм советской разработки⁵³. В неустановленное время подобные работы проводились и в Азербайджане. В состав артиллерийской части, смонтированной на колесном шасси боевой машины (БРДМ), входил блок орудий УБ-32М для НАР калибра 57 мм⁵⁴.

По данным на начало 2000-х гг., специалистами государственного научно-технического центра артиллерии и стрелкового оружия Украины были разработаны боевые машины с 32-ствольным БО УБ-5-32 и 20-ствольным БО УБ-8-20 для НАР С5М1 калибра 57 мм и С-8М калибра 80 мм соответственно. Вес БО составлял 100 и 200 кг соответственно. Ходовая база БМ – доработанное шасси легкого грузового автомобиля с колесной формулой 4х4.

Для НАР могла быть применена фугасная или кумулятивная головная часть⁵⁵.

В первой половине 2000-х гг. на вооружении специальных сил индонезийской армии находилась буксируемая пусковая установка NDL-40 для НАР калибра 70 мм, разработанная во второй половине 80-х гг. XX в. В качестве ходовой базы может использоваться доработанное шасси грузового автомобиля. ПУ также может быть смонтирована на борту быстроходного патрульного корабля. В конструкцию пусковой установки входят 20 трубчатых направляющих. Посредством прицельных приспособлений обеспечивается стрельба прямой и непрямой наводкой. Максимальная дальность полета НАР при наземном применении – 8500 м. В результате одного залпа накрывается площадь разме-

Ил. 8. Пусковая установка NDL-40. Индонезия

ром 200 x 300 м. Установка буксируется грузовым автомобилем с колесной формулой 4x4 малой грузоподъемности (ил. 8⁵⁶).

К первой половине первого десятилетия XXI в. относятся отечественные разработки и испытание системы «Гром». В ее состав входил опытный образец будущей БМ на доработанном шасси боевой машины десанта БМД-1. В конструкцию пакета направляющих (явно одна из составляющих – отечественного блока орудий БКП-Б812⁵⁷) входили 12 трубчатых направляющих: два ряда по шесть труб в каждом. Опытный образец был предназначен для запуска НАР типа С-8. Известно о трех собранных опытных образцах и о двух предприятиях-разработчиках – ОАО «Авиаагрегат» (Самара) и ФГУП «ГНПП «Сплав» (Тула). Образцы установки были продемонстрированы во время проведения учений (ил. 9⁵⁸).

Согласно данным на 2006 г., в армии и силовых структурах непризнанной республики Южная Осетия находились самодельные боевые машины с универсальными блоками орудий для стрельбы неуправляемыми авиационными ракетами С-5 и С-8 калибров 57 мм и 80 мм соответственно. Ходовыми базами БМ были доработанные шасси грузовых автомобилей⁵⁹.

**Ил. 9. Момент стрельбы из опытной БМ системы «Гром».
Россия, 2000-е гг.**

По данным первого десятилетия XXI в., специалистами Южной Кореи проводились и до сих пор могут проводиться работы по модернизации варианта реактивной пусковой установки LAU97 бельгийской разработки с целью создания модернизированной боевой машины и управляемого реактивного снаряда (УРС), который мог поступить на вооружение в 2015 г.

Планировалась эксплуатация УРС на территориях островов Ваекпыеонг и Yeопруеонг в акватории Западного моря. Для пуска УРС предназначалась установка, из которой можно вести стрельбу 20 боеприпасами данного типа одновременно (вероятно, в залповой последовательности). Дальность полета УРС – 5–8 км. По словам военных, применение таких боеприпасов способно нанести ущерб 70 северокорейским судам на воздушной подушке, которые находятся на западном побережье⁶⁰.

Самодельные боевые машины с блоками орудий широко изготавливались и применялись ливийскими повстанцами во время военного конфликта в Ливии в 2011 г. Шасси их самодельных БМ – грузовые автомобили-пикапы (Toyota и др.). В конструкции артиллерийских частей БМ входили БО для НАР калибра 57, 68 мм и других типов, основные элементы орудий-

ной установки, а чаще стойка с лотком или основание с лотками (люлькой) для крепления блока орудий, ручные механизмы вертикального и горизонтального (не всегда) наведения, пульт управления огнем с кабелем для ведения огня из кабины или вне кабины автомобиля. Были варианты самодельных БМ с двумя пакетами направляющих – для пуска турбореактивных снарядов и НАР⁶¹.

Менее широко изученное направление развития вооружения имело место во время продолжающейся с 2011 г. войны в Сирии⁶².

17 декабря 2012 г. на выставке по случаю открытия после капитальной реконструкции опытно-экспериментального завода министерства оборонной промышленности (МОП) Республики Азербайджан экспонировались, в частности, многозарядные установки. Анализ имеющихся изображений 3-ствольной переносной и 15-ствольной установок – последней, предположительно, для монтажа на бронетранспортере (БТР) или бронированной разведывательно-дозорной машине (БРДМ) – позволяет сделать вывод, что они предназначены для НАР⁶³.

Одной из последних работ специалистов NIMR Automotive (ОАЭ) и Raytheon Company (США), RTN, является создание ракетного модуля на базе бронеавтомобиля NIMR 6x6 для 16 ракет TALON с лазерным наведением, разработанных на основе НАР, и 2-х ПТУР TOW.

Посредством дистанционного модуля вооружения можно выполнять пуски ракет TALON как в стационарном положении, так и при движении. В то же время датчик угла возвышения / целеуказания позволяет выполнять пуски ракет TALON и TOW с закрытых огневых позиций, обеспечивая поражение цели и живучесть машины (ил. 10⁶⁴).

Очередной полевой разработкой вооруженных сил Украины (ВСУ) является легкая РСЗО малой дальности. В конструкцию артиллерийской части БМ входят 2 БО Б-8/М/М1 (вероятно, Б8М-1⁶⁵), смонтированных на базе ПУ зенитно-ракетного комплекса «Стрела-10» (база МТ-ЛБ). В конструкцию каждого блока серии Б-8 входят 20 направляющих для ракет С-8 с максимальной дальностью полета около 6 км. Возможная причина разработки – необходимость создания системы для поражения целей на расстоянии до 2,5 км для соответствия требованиям интенсивного ближнего боя или нехватка вооружений у ВСУ⁶⁶.

Ил. 10. Демонстрационный образец опытной БМ для ракет Talon. ОАЭ, выставка IDEX-2015, 2015 г. Источник: Army Recognition

26 мая 2015 г. на выставке, посвященной Дню независимости Грузии, государственный научно-технический центр (НТЦ) «Дельта» под эгидой министерства обороны этой страны представил свои новые разработки. Среди них образец боевой машины для реактивных снарядов калибра 57 мм.

В конструкцию артиллерийской части входят два пакета по 13 направляющих в каждом. Артиллерийская часть смонтирована на разработанном специалистами НТЦ «Дельта» министерства обороны Грузии бронев автомобиле Didgori 2 (доработанном). По сути, на базе бронев автомобиля был смонтирован макетный образец «универсального ракетного модуля». В его конструкцию могут входить пакеты направляющих для ракетных боеприпасов трех типов – калибров 57 мм (вероятно, НАР серии С-5), 80 мм (вероятно, НАР серии С-8) и 107 мм (вероятно, турбореактивные снаряды, которые первоначально были разработаны для китайской реактивной пусковой установки Туре 63⁶⁷).

В предлагаемой конструкции использована идеология проектирования БМ РСЗО с артиллерийской частью с единым основанием (платформой) для монтажа транспортно-пусковых кон-

тейнеров для реактивных снарядов различных параметров (кальбра, длины, назначения)⁶⁸.

Табл. 1

Краткие технические данные НАР и их модификаций

Боеприпас / страна-разработчик	Калибр, мм	Длина, мм	Вес, кг	Максимальная дальность, м
НАР или модификация («Альбатрос») / -	70	1224	10,5	7500 (10 000 ⁶⁹)
НАР или модификация / Италия	51	1050 ⁷⁰	4,8 ⁷¹	6550
НАР SVAT-70 или ее модификация / Бразилия	70	-	8,5-9	7500–8000–8500
НАР / -	70	-	-	более 16 000
НАР / -	70	-	-	7500–14 000

Подготовленная автором фотогалерея по блокам орудий для БМ и ПУ опубликована на сайте «Ракетная техника»⁷², на котором также будут публиковаться обновленные материалы статьи⁷³.

¹ Рекламная листовка. Hydra-70. 2.75-inch (70 mm) family of rockets. © Copyright 2006 General Dynamics - Printed in U.S.A. (A064026); URL: <http://lockheedmartin.com/us/news/press-releases/2016/july/160712-mst-sikorsky-lockheed-martin-explores-adaptable-weapons-kit-for-international-BLACK-HAWK-helicopter.html>; Слободчиков В.Н., Прянишников О.В. Разработка НАРС и НАР // История вооружения авиации России / Под ред. академика Е.А. Федосова. М.: Изд. дом «Столичная энциклопедия», 2015. С. 71–73.

² URL: <https://www.sinodefenceforum.com/central-south-american-military-news-reports-data-etc.t6627/page-104>

³ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/afgan>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/lybia1>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/lybia2>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/lybia3>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/syria1>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/syria2>; <http://rbase.new-factoria.ru/news/aviacionnye-bloki-orudij-variant-suxoputnyx-rszo-fotoreportazh/>

⁴ Jane's Armour and Artillery 1991–1992. P. 691.

⁵ URL: https://www.forecastinternational.com/archive/disp_pdf.cfm?DACH_RECNO=355

⁶ Jane's Armour and Artillery 2005–2006. P. 962.

⁷ Jane's Armour and Artillery 1986–1987. London: Jane's Publishing Limited, 1988. P. 737.

⁸ Там же. P. 947.

⁹ Jane's Armour and Artillery 1997–1998. P. 770.

¹⁰ Гуров С.В. Реактивные системы залпового огня. Обзор. Изд. 1-е. Тула: Изд. дом «Пересвет», 2006. С. 332.

¹¹ Там же. С. 391–394; Jane's Armour and Artillery 1986–1987. P. 761; Jane's weapon system 1987–1988. P. 120–121; Rupert Pengeley. Shark breeding in Switzerland // International defense review. 1988. Vol. 21. № 4. P. 404.

¹² The LAU-97 Rocket Launcher // Там же. 1983. Vol. 16. № 2. P. 233.

¹³ Mark Hewish and Brigitte Sauerwein. IDEA '87 – Turkish procurement programs // Там же. 1987. Vol. 20. № 7. P. 951; Dan Boyle and Robert Salvy. Turkish defense modernisation: the stakes are unbelievably high // Там же. 1989. Vol. 22. № 6. P. 845; Murray Hammick. Shoot and scoot the evolution of battlefield rocket systems // Там же. 1990. Vol. 23. № 11. P. 1244; Jane's Armour and Artillery 2000–2001. P. 817.

¹⁴ Гуров С.В. Указ. соч. С. 281.

¹⁵ Jane's Armour and Artillery 2000–2001. P. 789.

¹⁶ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/news/aviacionnye-bloki-orudij-variant-suxoputnyx-rszo-fotoreportazh/>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/combat.shtml>; URL: <http://grani.ru/politics/world/europe/georgia/m.139768.html>; URL: <http://www.armamentresearch.com/wp-content/uploads/2014/01/ARES-Research-Report-No.-1-S-5-Rockets-in-Land-Warfare.pdf>

¹⁷ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/raketnaya-tehnika-na-territorii-kongessno-vystavochnogo-centra-patriot-v-ramkah-mezhdunarodnogo-voenno-tehnicheskogo-0>

¹⁸ URL: <http://www.roketsan.com.tr/en/urunler-hizmetler/hassas-gudumlu-fuzeler/cirit-275-lazer-gudumlu-fuze/>; <http://www.raytheon.com/capabilities/products/lgr/>; <http://mil-embedded.com/news/talon-laser-guided-rocket-certified-by-army-on-apache-helicopter/>; URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Low-Cost_Guided_Imaging_Rocket; URL: <http://www.janes.com/article/49352/idx-2015-raytheon-partners-with-nimr-on-talon> от 23.02.2014 г. (Jeremy Binnie, Abu Dhabi – IHS Jane's Defence Weekly).

¹⁹ АВИМАИВиВС (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Ф. 4. Оп. 39/3. Д. 704. Л. 203, 207.

²⁰ Там же. Л. 207.

²¹ Слободчиков В.Н., Прянишников О.В. Указ. соч. С. 71; URL: <http://strangernn.livejournal.com/306078.html?thread=5453470>.

²² URL: <http://www.paf.mil.ph/aboutus/cgpaf/biography/ltgenrancudo.html>. В источнике заимствования указана неправильно фамилия Rancudo вместо правильной фамилии Rancudo.

²³ URL: <http://strangernn.livejournal.com/306078.html?thread=5453470>; URL: <http://s015.radikal.ru/i331/1012/07/f77c8e82d67f.jpg>; URL: <http://strangernn.livejournal.com/306078.html>

²⁴ URL: https://thelede.blogs.nytimes.com/2013/05/13/video-appears-to-show-syrian-rebel-mutilating-a-soldiers-corpse/?_r=0

²⁵ URL: <http://ru-artillery.livejournal.com/407955.html>

²⁶ URL: <http://rufor.org/showthread.php?t=10271>; URL: <https://www.sinodefenceforum.com/central-south-american-military-news-reports-data-etc.t6627/page-104>; URL: <http://raigap.livejournal.com/353095.html>; URL: <http://strangernn.livejournal.com/998421.html>; URL: <http://bastion-opk.ru/2016/10/23/23-10-2016/>

- ²⁷ FIROS 6. 2" FIELD WEAPON SYSTEM // International defense review. 1980. Vol. 13. № 7. P. 1109; Jane's Armour and Artillery 1984–1985. P. 671; Forecast International. 2001. August; Jane's Ammunition Handbook 1997–1998. P. 527; Jane's Ammunition Handbook 2000–2001. P. 607; Jane's Armour and Artillery 1986–1987. P. 752; Jane's Armour and Artillery 2000–2001. P. 792–793; Jane's Armour and Artillery 2005–2006. P. 962.
- ²⁸ Jane's Armour and Artillery 1984–1985. P. 659; Jane's Armour and Artillery 1986–1987. P. 737; Jane's Armour and Artillery 2000–2001. P. 756, 758; Jane's Ammunition Handbook 1997–1998. P. 529; Jane's Ammunition Handbook 2000–2001. P. 610; The Brazilian armed forces: budgets and ambitions diverge // International defense review. 1989. Vol. 22. № 7. P. 933.
- ²⁹ Jane's Armour and Artillery 1986–1987. P. 772–773; URL: <http://kr.blog.yahoo.com/shinecommerce/folder/58.html?m=lc&p=17&tc=108&tt=1267960783&pc=5>; URL: http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/lav_ad/lav_ad.shtml
- ³⁰ The Far East – страны восточной Азии, обычно включающие Китай, Японию, Северную и Южную Корею, Индонезию, Малайзию и Филиппины: иногда подразумевают все территории восточнее Афганистана. – The Far East the countries of E Asia, usually including China, Japan, North and South Korea, Indonesia, Malaysia, and the Philippines: sometimes extended to include all territories east of Afghanistan. Электронный переводчик ABBYY Lingvo 12. Ключевое слово Far East.
- ³¹ Greek lightweight MRL. // International defense review. 1990. Vol. 23. № 11. P. 1244; URL: http://www.ordtech-industries.com/2products/Launcher_Rocket275/LR275.html
- ³² Правильно НАР – неуправляемая авиационная ракета.
- ³³ Ермаков В.Ф. Афганский зной. М.: Эксмо, 2014. С. 174, 175.
- ³⁴ Архив фотостудии «Шурави – 2003 – Тула» Тульской областной организации «Российский Союз Ветеранов Афганистана» (ТОО «РСВА»); Данные о временном периоде предоставлены Владимиром Михайловичем Пузанковым из указанной фотостудии. URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/afghan>
- ³⁵ URL: <http://adt.by/aleksandr-metla-i-ego-avtomobili/>
- ³⁶ Географические названия мира: Топонимический словарь: Около 5000 единиц. 2-е изд., стереотип. / Отв. ред. Р.А. Агеева. М.: Русские словари, Изд-во «Аст-рель», Изд-во «АСТ», 2001. С. 31.
- ³⁷ URL: <http://shushpanzer-ru.livejournal.com/1018949.html>; Рекламный разворот. Многофункциональные блоки для неуправляемых авиационных ракет. ROCKETS LAUNCHER. Открытое акционерное общество «АВИААГРЕГАТ».
- ³⁸ Jane's Armour and Artillery 1991–1992. P. 691.
- ³⁹ URL: <http://djon-66.livejournal.com/49266.html>
- ⁴⁰ URL: http://www.armourbook.com/forum/topic_1157/4; Чернов П.Б. История создания неуправляемых авиационных ракет // История вооружения авиации России. С. 76, 79; Географические названия мира: Топонимический словарь. С. 338.
- ⁴¹ URL: http://www.armourbook.com/forum/topic_1157/4; URL: <http://cuxymu.livejournal.com/57670.html>; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Флаг_Грузии. Идентификация флага; URL: <http://vikond65.livejournal.com/107132.html?thread=1275260>; URL: http://www.armourbook.com/forum/topic_1157/4; URL: <http://www.militaryphotos.net/forums/showthread.php?99988-Russian-Photos-%28updated-on-regular-basis%29/page2688>
- ⁴² URL: <http://shusharmor.livejournal.com/572796.html#cutid1>

- ⁴³ URL: http://www.armourbook.com/forum/topic_1157/4
- ⁴⁴ URL: <https://pp.vk.me/c323328/v323328883/cf78/AQrAegIXs0Q.jpg>; URL: https://vk.com/wall-51977722?offset=60&q=%23Самодельки&z=photo-51977722_306425245%2Fwall-51977722_807; URL: <http://www.armamentresearch.com/wp-content/uploads/2014/01/ARES-Research-Report-No.-1-S-5-Rockets-in-Land-Warfare.pdf>
- ⁴⁵ URL: http://content.foto.mail.ru/mail/de_mabas/233/i-2162.jpg (Босния и Герцеговина); URL: http://foto.mail.ru/mail/de_mabas/233/2162; URL: http://oklop2.tripod.com/made_in_war/war1.htm; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ульяновский_автомобильный_завод
- ⁴⁶ URL: http://content.foto.mail.ru/mail/de_mabas/233/s-7153.JPG (Сербия); URL: http://foto.mail.ru/mail/de_mabas/233/6731#7153; URL: <http://oklop2.tripod.com/KRNJO3.jpg>
- ⁴⁷ URL: <http://www.armamentresearch.com/wp-content/uploads/2014/01/ARES-Research-Report-No.-1-S-5-Rockets-in-Land-Warfare.pdf>
- ⁴⁸ URL: http://content.foto.mail.ru/mail/de_mabas/233/i-2161.jpg (Сербия); URL: http://foto.mail.ru/mail/de_mabas/233/2161; URL: <http://www.armamentresearch.com/wp-content/uploads/2014/01/ARES-Research-Report-No.-1-S-5-Rockets-in-Land-Warfare.pdf>
- ⁴⁹ URL: http://www.armourbook.com/forum/topic_1157/4
- ⁵⁰ URL: <http://www.armourbook.com/forum/post/14881.html>; URL: http://www.armourbook.com/engine/modules/imagepreview.php?image=http://www.armourbook.com/uploads/forum/posts/1292031236_000thqgf.jpg; Горшунова Е.В., Яблонский Е.В. Модельный ряд вертолетов ОАО «МВЗ им. М.Л. Миля» // История вооружения авиации России. С. 444, 445.
- ⁵¹ URL: http://community.livejournal.com/shushpanzer_ru/tag/PCЗО; URL: <http://uriadnik.livejournal.com/293261.html>
- ⁵² Jane's Armour and Artillery 1997–1998. P. 770.
- ⁵³ URL: http://ic.pics.livejournal.com/477768/45283359/345027/345027_original.jpg; URL: http://ic.pics.livejournal.com/477768/45283359/345307/345307_original.jpg; URL: http://ic.pics.livejournal.com/477768/45283359/345378/345378_original.jpg; URL: <http://shushpanzer-ru.livejournal.com/1486917.html>; Слободчиков В.Н., Прянишников О.В. Указ. соч. С. 71, 72.
- ⁵⁴ URL: http://foto.mail.ru/mail/de_mabas/233/8066; Слободчиков В.Н., Прянишников О.В. Указ. соч. С. 72.
- ⁵⁵ Jane's Armour and Artillery 2000–2001. P. 794.
- ⁵⁶ Jane's Ammunition Handbook 1997–1998. P. 529; Jane's Ammunition Handbook 2000–2001. P. 609; Jane's Armour and Artillery 2000–2001. P. 779–780; Lt. Col. Pierre Crèvecoeur. Belgium's Defence Industry – A Starwart NATO Partner. FZ (Forges de Zeebruges) // Armada International. 1985. Vol. 9. № 7. P. 23–24; Jane's Armour and Artillery 2005–2006. P. 947.
- ⁵⁷ Рекламный разворот и листовка. Многофункциональные блоки для неуправляемых авиационных ракет. ROCKETS LAUNCHER (ROCKET LAUNCHER). Открытое акционерное общество «АВИААГРЕГАТ».
- ⁵⁸ URL: http://bratishka.ru/archiv/2004/4/2004_4_1.php; URL: http://www.militaryparitet.com/nomen/russia/rocket/nureaktsys/data/ic_nomenrussiारocketnureaktsys/9/; URL: <http://www.russianarms.ru/forum/index.php?topic=924.msg1279#msg1279>; URL: <http://www.russianarms.ru/forum/index.php?topic=924.msg1281#msg1281>

- ⁵⁹ URL: <http://grani.ru/politics/world/europe/georgia/m.139768.html>
- ⁶⁰ Гуров С.В. Указ. соч. С. 281; URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2015/04/27/2015042700974.html.
- ⁶¹ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/lybia1>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/lybia2>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/lybia3>
- ⁶² URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/syria1>; URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/syria2>;
- ⁶³ URL: http://www.trend.az/media/thumbnails/512x512/President_171212_9.jpg; URL: http://www.trend.az/media/thumbnails/512x512/President_171212_10.jpg; URL: http://www.trend.az/media/thumbnails/512x512/President_171212_12.jpg; URL: <http://www.trend.az/news/politics/2100083.html>
- ⁶⁴ URL: <http://www.wam.ae/en/news/idx/1395277040182.html> от 24.02.2015 г.; URL: <http://www.janes.com/article/49352/idx-2015-raytheon-partners-with-nimr-on-talon> от 23.02.2014 г. (Jeremy Binnie, Abu Dhabi – IHS Jane's Defence Weekly); URL: http://vpk.name/news/127160_idx_2015_broneavtomobil_nimr_s_16_raketami_talon.html; Рис. 10 Демонстрационный образец опытной БМ для ракет Talon (ОАЭ, выставка IDEX-2015, 2015 год. Источник: Army Recognition).
- ⁶⁵ Рекламный разворот. Многофункциональные блоки для управляемых авиационных ракет. ROCKETS LAUNCHER. Открытое акционерное общество «АВИААГРЕГАТ».
- ⁶⁶ URL: <https://topwar.ru/86633-prognoz-zimney-eskalacii-na-tvd-donbassa-poslednee-nastuplenie-vsuh.html>
- ⁶⁷ Jane's Armour and Artillery 1984–1985. P. 662,663.
- ⁶⁸ URL: <http://www.milnavigator.com/gruziya-sozdala-sobstvennoe-proizvodstvo-armejskoj-texniki/>; URL: <http://bmpd.livejournal.com/1319136.html?thread=106817248>
- ⁶⁹ При стрельбе с закрытой огневой позиции.
- ⁷⁰ Возможно, указана длина без взрывателя.
- ⁷¹ Возможно, указан вес без взрывателя.
- ⁷² URL: <http://rbase.new-factoria.ru/news/aviacionnye-bloki-orudij-variant-suxoputnyx-rszo-fotoreportazh/>
- ⁷³ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/aviationforground.shtml>

С.В. Гуров (Тула)

**ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕНЕЖКИН.
МОМЕНТЫ БИОГРАФИИ.
ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ**

«...я занимаюсь тем, что повышаю ущерб нашим недругам»

Г.А. Денежкин

с накатывающимися слезами на глазах¹

13 ФЕВРАЛЯ 2016 г. не стало первого заместителя генерального директора по научной работе – главного конструктора Акционерного общества «Научно-производственное объединение “СПЛАВ”» (Тула) Г.А. Денежкина. Ушел из жизни человек-легенда, «Дед», как его называли сотрудники предприятия, проработавший здесь более 61 года.

В статье представлены основные биографические данные и воспоминания об известном конструкторе-оружейнике, профессиональная жизнь которого долгие годы была связана с разработкой, отработкой и организацией производства реактивных систем залпового огня (РСЗО) для сухопутных войск, военно-морского флота и ряда боеприпасов для военно-воздушных сил, а также с развитием артиллерийских гильз.

Геннадий Алексеевич Денежкин родился 28 января 1932 г. в г. Карабаново Владимирской обл.² Так написано во многих изданиях. Но если быть исторически точным, то он родился в селе Карабаново Ивановской обл., так как городом Карабаново стало только в 1938 г. С 1929 по 1944 гг. село, а затем город входили в состав Ивановской промышленной области³. Родители – Алексей Николаевич и Клавдия Яковлевна Денежкины – оба 1908 года рождения, уроженцы д. Погорелки (д. Дубки, как указывалось после 1954 г.⁴) Романовского сельсовета Александровского района Владимирской обл. Со временем в

семье появилось еще трое детей: Евгений (1935 г. р.), Владимир (1936 г. р.) и Татьяна (1945 г. р., в замужестве Шмик) (ил. 1, 2). В 1939 г. Геннадий поступил в первый класс Карabanовской средней школы № 1, которую окончил в 1949 г. В том же году поступил в Тульский Механический институт и в 1954 г. окончил его по специальности № 31 (так в дипломе). Решением Государственной экзаменационной комиссии от 24 июня 1954 г. Денежкину была присвоена квалификация инженера-механика⁵. С 21 августа 1954 г. он приступил к исполнению обязанностей инженера отдела главного механика⁶ (по трудовой книжке – главного конструктора) п/я 18 (НИИ-147) – ныне НПО «СПЛАВ» (ил. 3), где проработал до своей кончины. Его трудовой путь был следующим:

Предприятие п/я 18:

- с 21.08.1954 г. – инженер отдела главного конструктора,
- с 04.08.1955 г. – старший инженер отдела главного конструктора,
- с 01.08.1956 г. – руководитель группы отдела главного конструктора,

**Ил. 1. На заднем плане – родители.
На переднем плане: Гена – 8 лет,
Женя – 5 лет, Володя – 4 года.
5 сентября 1940 г.
Фотография из семейного архива**

**Ил. 2. Евгений, Татьяна, Геннадий, Владимир Денежкины. 1948 г.
Фотография из семейного архива**

с 06.05.1961 г. – исполняющий обязанности начальника бюро отдела № 6,

с 22.03.1965 г. – заместитель главного конструктора – начальник отдела № 6,

с 17.12.1966 г. – уволен в порядке перевода в Тульский государственный научно-исследовательский институт точного машиностроения. Так стало называться предприятие п/я 18 (НИИ-147).

Тульский государственный научно-исследовательский институт точного машиностроения:

с 17.12.1966 г. – принят в порядке перевода в отд. № 6 на должность заместителя главного конструктора – начальника отдела,

с 20.02.1968 г. – главный конструктор – начальник отдела № 19,

с 06.01.1972 г. – начальник научно-исследовательского отделения № 6, заместитель главного конструктора,

с 03.01.1983 г. – исполнение обязанностей заместителя генерального директора по научной работе конструкторского направления -первого заместителя генерального директора,

Ил. 3. В рабочей обстановке. Фотография из семейного архива

с 28.02.1983 г. – первый заместитель генерального директора по научной работе – главный конструктор.

Государственное научно-производственное предприятие «Слав» (ГНПП «Слав» (с 30.01.1992)):

01.1992 – 10.1998 г. – первый заместитель генерального директора по научной работе – главный конструктор.

Государственное унитарное предприятие «Государственное научно-производственное предприятие "Слав"» (с 02.10.1998):

10.1998 – 03.2001 г. – первый заместитель генерального директора по научной работе – главный конструктор.

Федеральное государственное унитарное предприятие «Государственное научно-производственное предприятие "Слав"» (с 16.03.2001):

03.2001 – 07.2012 г. – первый заместитель генерального директора по научной работе – главный конструктор.

Открытое акционерное общество «Научно-производственное объединение "Слав"» (ОАО «НПО "СПЛАВ"» (с 02.07.2012):

07.2012 – 09.2015 г. – первый заместитель генерального директора по научной работе – главный конструктор.

Акционерное общество «Научно-производственное объединение “СПЛАВ”» (АО «НПО “СПЛАВ”» (с 08.10.2015):

с 10.2015 г. – первый заместитель генерального директора по научной работе – главный конструктор акционерного общества «Научно-производственное объединение “СПЛАВ”»,

13.02.2016 г. – трудовой договор прекращен в связи со смертью работника.

В первый же год своей работы за высокие производственные показатели, достигнутые в предмайском соревновании, Г.А. Денежкину была объявлена благодарность с занесением в личное дело и с вручением почетной грамоты. Во второй год трудовой деятельности Денежкину также за высокие производственные показатели, достигнутые в предмайском социалистическом соревновании, была объявлена благодарность. *В дальнейшем он был удостоен следующих наград, званий и степеней:*

- Лауреат премии им. С.И. Мосина (1964, 2001⁷)⁸;
- Лауреат Ленинской премии (1966)⁹;
- юбилейная медаль «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД. В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА» (1970)¹⁰;
- знак «Победитель Социалистического соревнования 1973 года» (1973);
- знак «Ударник девятой пятилетки»(1974)¹¹;
- орден Ленина (1976¹², 1989¹³);
- Золотая медаль ВДНХ (1977)¹⁴;
- звание «Лучший изобретатель Министерства» (1980)¹⁵;
- знак «Ударник X пятилетки»(1980);
- юбилейный знак «600 лет артиллерии» (1982)¹⁶;
- ученая степень кандидата технических наук (1983)¹⁷;
- звание «Заслуженный ветеран труда»(1984);
- медаль «Ветеран труда»(1985)¹⁸;
- звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «СЕРП и МОЛОТ» (1989)¹⁹ (ил. 4);
- медаль им. академика С.П. Королева (1992)²⁰;
- орден «За заслуги перед Отечеством III степени» (1995)²¹;
- член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук²² (1995);
- медаль «300 лет Российскому флоту» (1996)²³;
- Лауреат Государственной премии (1997)²⁴;

**Ил. 4. Москва, Кремль. 29 апреля 1990 г.
После вручения наград СССР. Фотография из семейного архива**

- ученая степень доктора технических наук (1998)²⁵;
- звание «Заслуженный конструктор Российской Федерации» (2002)²⁶;
- Почетный гражданин города Тулы²⁷ (2002)²⁸;
- медаль «За выдающиеся достижения» (2004)²⁹;

- нагрудный знак «Почетный работник отрасли боеприпасов и спецхимии» (2004)³⁰;
- медаль «За укрепление боевого содружества» (2005);
- юбилейная медаль им. министра машиностроения СССР Бахирева В.В. (2006)³¹;
- звезда «За заслуги и верность делу» (2007)³²;
- памятная медаль «Адмирал Кузнецов» (2007)³³;
- памятная медаль «Адмирал Горшков» (2007)³⁴;
- орден «За заслуги перед Отечеством II степени» (2007)³⁵;
- почетное звание Тульской области «Почетный гражданин Тульской области» (2009)³⁶;
- знак отличия «За вклад в химическое разоружение» (2009)³⁷;
- академик Российской академии ракетных и артиллерийских наук³⁸ (год не установлен);
- медаль «За выдающиеся достижения в создании оборонной техники» (2012)³⁹;
- Почетная грамота администрации города Тулы (2012);
- Почетная грамота Президента Российской Федерации (2012);
- юбилейная медаль «300-летие начала государственного оружейного производства в городе Туле» (2012);
- медаль «За укрепление государственной системы защиты информации» II степени⁴⁰.

Вероятно, это не все награды, звания и поощрения Геннадия Алексеевича, так как в копии трудовой книжки не указан ряд из тех, что перечислены выше.

Уже в начале 1960-х гг. отмечалось, что характерным в работе Денежкина и руководимого им коллектива является разработка конструкций с максимальным использованием пластических материалов, технологичных в производстве и совершенных по металлоемкости⁴¹.

Как ведущий инженер он провел большую работу при отработке комплекса 9М22 (стоит понимать, снаряд М-21ОФ индекса 9М22⁴²)⁴³. В результате творческой инициативной работы Денежкина как одного из ведущих разработчиков в этом комплексе были получены высокие технические характеристики, и он был принят для эксплуатации заказчиком. С высокими показателями Денежкиным как заместителем главного конструктора отработки

и руководимым им коллективом было отработано и сдано для серийного производства изделие «Облако», имеющее большое народно-хозяйственное значение. В разное время, с конца 50-х гг. и в 60-е гг. XX в., под руководством и непосредственным участием Г.А. Денежкина был выполнен ряд опытно-конструкторских работ, изделия по которым приняты в серийное производство. Среди них реактивные снаряды 9М22, 9М22М (для системы «Град-П»), 9М22М1 (для системы «Партизан»⁴⁴), 9М23 (для системы «Град»). Также был проведен ряд научно-исследовательских работ, в которых решен ряд сложных технических вопросов, имеющих практическое значение в обработке изделий⁴⁵.

Геннадий Алексеевич являлся ведущим конструктором по разработке, производству и внедрению в народное хозяйство высокоэффективных систем «Град», «Град-1», «Град-П», «Град-М»⁴⁶. В качестве главного конструктора осуществил разработку и изготовление новых систем (изделий): «Прима», «Смерч», «Ураган», «Капюшон», «Казантин-1», «Прозаик», «Приклад», «Абрис» (вероятно, «Абрикос»), «Ровесник», «Укрошение», «Удав»⁴⁷.

Г.А. Денежкин внес основополагающий творческий вклад в создание РСЗО «Град-1», «Град-2»⁴⁸, «Прима», «Ураган», «Смерч» для реактивных снарядов калибров 122 (первые три системы), 220 и 300 мм. Совместно с коллективом им были предложены технические решения, которые со временем стали классическими для РСЗО. Большинство оригинальных решений Геннадия Алексеевича защищены авторскими свидетельствами на изобретения, многие из которых внедрены в производство и дали большой экономический эффект⁴⁹. На указанные им решения лично и в соавторстве им было получено 256 (или более) авторских свидетельств и патентов, подтверждающих высокий уровень и приоритет создаваемых образцов новой техники⁵⁰. В частности, из 182 свидетельств на изобретения 76 были внедрены в производство⁵¹.

При создании системы 9К59 («Прима»⁵²) Денежкин лично предложил принципиально новую схему изделия с разделением отсеков, оригинальные решения по конструкции основных узлов изделия и системы, что обеспечило пятикратное повышение эффективности по сравнению со штатными образцами⁵³.

Предложенные Геннадием Алексеевичем Денежкиным идеология и схема построения, структура системы управления из

двух подсистем позволили создать принципиально новую, не имеющую зарубежных аналогов систему 9К58 (РСЗО «Смерч»), имеющую высокие характеристики по точности на больших дальностях, высокую эффективность.

Для комплекса III (Удав) Денежкин лично разработал принцип эшелонированного функционирования при новых типах изделий и конструкторское решение основных их узлов, что обеспечило повышение вероятности решения задач в 8 раз⁵⁴.

С 80-х гг. XX в., работая первым заместителем генерального директора, Г.А. Денежкин возглавил новое научное направление по созданию дальнобойных корректируемых снарядов систем залпового огня, обеспечивающих повышение точностных характеристик и снижение технического рассеивания в 1,5...2 раза по сравнению с достигнутым к тому времени уровнем⁵⁵. Это было продолжение работ, проводимых на предприятии с 60-х гг.

Под руководством и при непосредственном участии Денежкина были проведены теоретические и экспериментальные работы по выявлению конструкторских особенностей образцов изделий. Результаты работ нашли широкое отражение при конструировании и производстве, что, в свою очередь, позволило повысить надежность эксплуатации новой техники и вести крупносерийное и массовое производство изделий на заводах отрасли⁵⁶.

Под руководством Денежкина проводились работы по созданию образцов новой техники и отдельных их элементов, а также научные исследования по дальнейшему развитию и совершенствованию образцов в направлении повышения основных технических характеристик, повышение технологичности, снижение металлоемкости и трудоемкости и др.

Коллективом конструкторов под руководством и при непосредственном участии Геннадия Алексеевича Денежкина были организованы и проведены испытания систем нового поколения.

При его участии и под его руководством подготовлены и успешно защищены кандидатские диссертации, по крайней мере, шестью работниками предприятия. Под его председательством в тесном контакте с Советом молодых ученых и специалистов предприятия на протяжении ряда лет успешно и организованно проводились научные конференции молодых ученых и специалистов. По крайней мере, в советские годы свою производс-

твенную деятельность Геннадий Алексеевич успешно сочетал с общественной работой. Он являлся постоянным членом президиума областного Совета научно-технического общества, ректором университета научно-технических и экономических знаний объединения, был избран членом Тульского обкома КПСС⁵⁷.

Несмотря на распространение систем в мире в 60-х – 80-х гг., в работе над которыми принимал участие Геннадий Алексеевич, побывать за границей ему удалось только начиная с конца 80-х гг. XX в., хотя нельзя исключать возможность неучтенных или не указываемых в личном деле заграничных командировок. Он побывал в служебных командировках в следующих странах: Болгария (1989, 1990, 1998); КНР (1992, 1993, 1994, 1996, 1997, 2000, 2001); ОАЭ (1993, 2001); Турция (1993, 1996, 1998); Греция (1994); Венгрия (1995); США (1996); Малайзия (1996, 1999, 2000); Индия (2001, 2002, 2006); Югославия (2002); Франция (2002); Казахстан (2003); Таиланд (2003)⁵⁸.

Отличительными чертами Денежкина являлись скромность, внимательное отношение к людям, простота и доступность, он был на равных в общении с вышестоящими и подчиненными ему работниками⁵⁹.

К работе Денежкин относился добросовестно, при необходимости выполнения срочного задания не считался с личным временем⁶⁰. На момент смерти имел 59 календарных дней, не использованных за отпуск⁶¹.

Занимаясь подготовкой материалов статьи, мне удалось пообщаться с вдовой и рядом сотрудников НПО «СПЛАВ», работавших с Геннадием Алексеевичем Денежкиным. Также включены воспоминания старшего сына Г.А. Денежкина – Владимира Геннадиевича Денежкина – на церемонии прощания 16 февраля 2016 г. и представителей бывшего военного представительства № 232 Министерства обороны СССР.

Нонна Михайловна Денежкина – вдова Геннадия Алексеевича Денежкина:

«Он был порядочный человек. ... Он даже за детей не ходил просить. Как?! Наверно, так Клавдия Яковлевна – мать – его воспитала в детстве.

Он нас обеспечивал. Был непритязательным. Не требовал сверхъестественного. Любил детей и внуков. На втором месяце болезни сказал мне готовить завещание на детей и внуков.

Очень были дружные братья и сестра. Они, наверное, гордились им, что он достиг таких высот. Он помогал им... Братев не бросал.

На детей никогда не кричал. Старшему даже дал денег на мотоцикл, несмотря на то, что ранее на велосипеде тот попал в аварию с трамваем. Я не хотела давать денег, сказала – проси у папы, на что сын ответил, что отец скажет – проси у мамы. Геннадий Алексеевич объяснил свой поступок тем, что он (сын) впервые попросил сам у него денег.

...

Единственный раз, когда он поднял голос на подчиненного при телефонном разговоре из дома, был связан с аварией и невыполнением обязательств. Но это было один раз.

Он был весь в работе. На начальном этапе совместной жизни, лет 20, было так, что месяц он был дома, а месяц на полигоне. Работа – на первом месте. У старшего сына – также.

Мы с Геннадием Алексеевичем ни разу не оставляли детей. Воспитывали их вместе с родственниками. За 53 года мы ни разу не поругались серьезно. Жили мирно.

Он выращивал на даче розы. Холил и лелеял их.

Тяжело без него. Единственное, что я сказала детям, оставшись одна, что в Москву не поеду. Здесь теперь могила Вашего Отца. Пока буду здорова и в памяти, никуда не поеду отсюда. Ну а если случится, заболею, тогда...»

В ходе беседы Нонна Михайловна несколько раз говорила, что стали забывать ее и только Николай Александрович Макаровец постоянно участвует в ее жизни.

Владимир Геннадиевич Денежкин – старший сын Геннадия Алексеевича Денежкина (из речи на церемонии прощания в новом здании «Музея оружия» в Туле 16 февраля 2016 г.):

«Для кого-то из вас он был учителем, для кого-то другом, но для меня он прежде всего был отцом, и он был хорошим отцом. Он любил нас с братом со всей своей страстью, со всей страстью, с которой он отдавался всем делам, которыми⁶² он занимался. Он учил нас верить в себя, полагаться на себя. ...»⁶³

Владимир Константинович Ганов – главный специалист:

«Жизнь человека это, прежде всего, встречи. Не всегда человек способен высказать все, что он думает – ускользают нужные слова и точные определения, да и у человеческой памяти есть

одна особенность: мы привыкли события чужой жизни преломлять через свою жизнь, свои впечатления и ассоциации.

Я познакомился с Г.А. Денежкиным до своего поступления на предприятие. В доме, в котором я жил, находилось общежитие для молодых специалистов, среди которых был и Денежкин. Личности многих людей, проживающих в том общежитии, были окружены ореолом поклонения, как создателей сложной техники, особенности и назначение которой мы тогда не знали.

В отличие от прочих специалистов Геннадий Алексеевич пользовался среди нас, молодежи, наибольшим уважением и популярностью.

Когда я начал свою трудовую деятельность на предприятии в 1967 г., Геннадий Алексеевич был заместителем начальника отдела № 6, который занимался в то время разработкой основных составных частей корпусов РСЗО.

Мне особенно запомнился период работы с 1980 по 1983 гг., когда узкой группе специалистов, в состав которой входил и я, пришлось целенаправленно заниматься отработкой и созданием технологии производства элементов точной механики, разрабатываемых отделом № 35.

Наиболее действенную помощь мы получали от конструкторов-разработчиков элементов СУ и Главного конструктора Ганичева А.Н. и Денежкина Г.А. Запомнился такой эпизод. Советание у А.Н. Ганичева. Один из участников совещания выдал непроверенную информацию о результатах испытания изделия, ставящее нас, технологов, в недвусмысленное положение. В пылу полемики я высказал в адрес нерадивого товарища, который был в полтора раза старше меня, обидное замечание. После совещания Г.А. Денежкин оставил меня в кабинете Ганичева и лично сделал замечание по поводу моего некорректного поведения по отношению к старшему товарищу.

“Руководителями не рождаются, ими становятся. Сотни людей помогают их становлению, помогают им проявлять свои лучшие качества”, – сказал один из создателей ракетной техники. Геннадий Алексеевич всегда считал, что главный конструктор – это десятки людей, от его заместителей по направлениям работ до рядовых работников института и завода. Геннадий Алексеевич был прост и доступен в общении. В нем жили и Главный,

и рядовой инженер. Он становился, когда нужно, большим начальником и одновременно был хорошим товарищем.

В его поведении не было фальшивого заигрывания. Он умел в каждом вопросе выделить главное, не относился предвзято, пытался понять доводы каждого, а затем находил оптимальное решение. Его отличала хорошая техническая интуиция, основанная на колоссальном опыте и отличных знаниях предмета.

В 1983 г., в силу ряда обстоятельств, мне довелось присутствовать в Министерстве машиностроения при утверждении Г.А.⁶⁴ в должности Главного конструктора. После утверждения у министра Г.А. вышел в приемную, где среди прочих работников ТУЛ-ГОСНИИТОЧМАШ присутствовал и я. В его поведении не было рисовки, напыщенности и гонора. Он спокойно принимал поздравления коллег и даже несколько смущался от избыточного внимания к своей персоне. Таким он оставался и все последующие годы...»

Виктор Михайлович Петрушенко – токарь-расточник:

«...Помню случай на рыбалке. Поймали крупного сазана. Он держит, а я луплю сазана, чтобы оглушить. Сазан был килограммов на десять.

...Он ходил пешком. Доезжал до Лентяевки, шел к гаражу, где мы встречались перед работой. Постоим, поговорим и идем на работу. Любил общество».

Николай Александрович Макаровец – первый заместитель генерального директора – генеральный конструктор по спецтехнике (бывший генеральный директор предприятия, работавший с Г.А. Денежкиным более 30 лет):

«Геннадий Алексеевич Денежкин – выдающийся конструктор в области РСЗО. Начинал с гильзового производства. Активно участвовал в развитии “Града”. Один из самых молодых или самый молодой Лауреат Ленинской премии. Это огромное признание.

Для меня как генерального директора это был абсолютно надежный человек. Уезжая в командировки, я был уверен в нем. Он никогда не участвовал в интригах. ... Для него разработка РСЗО – огромный труд. Поэтому он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. У него было много заслуженных наград. Его вклад высоко оценен государством. Он заслуженный конструктор России, у него два ордена Ленина и другие награды...

Сейчас мы делаем все для увековечения его памяти. 19 сентября 2017 г. будет открыт бюст на Аллее у здания Музея оружия в Туле.

Его уникальная черта характера – был доступный для всех человек, щедро дарящий свои знания. Был желаемым человеком в любом обществе. ...и очень интересный человек благодаря своему высокому интеллекту».

Виктор Иванович Трегубов – первый заместитель генерально-го директора по производству – директор завода:

«Он был очень порядочный и обязательный человек. С точки зрения его работы он был человеком принципиальным. Несмотря на отрицательное отношение большинства к событию или вопросу, он мог выхватить суть и отстаивать свою правоту. Он находил правильное решение, несмотря на то что мог быть в меньшинстве. Отличался профессионализмом... Он был человеком с большим багажом знаний, большим практическим опытом. С ним было легко работать. Любой вопрос, в том числе и житейский, решался быстро и без проволочки. У него было умение из множества предложений по вопросу выбрать принципиально единственное решение.

Чисто его человеческие качества – он был очень доступный человек. Он ... обладал душевными качествами, которые притягивали к нему людей. Он располагал к себе, не был высокомерным...

Своими генетическими качествами, своим багажом знаний, способностью прийти в житейском вопросе на помощь каждому сотруднику он снискал тот авторитет и уважение среди всех, работавших с ним.

В нерабочее время он был заядлым охотником. Он был рыбаком. Даже среди охотников своим неформальным общением он как бы заражал коллектив своим оптимизмом. Любовь к жизни была высокой. Он радовался общению с природой. Он любовался красотой леса. Мог остановиться, приглядеться и сказать: как красива наша российская природа.

Не проходит дня, чтобы мы не вспоминали его. Не всем людям дано влиться в коллектив и кого-либо повести за собой. Он мог проявить жесткость и принципиальность и потребовать от сотрудника выполнения порученного ему задания.

...Будут вспоминать его афоризмы, краткие суждения. Он выразил очень кратко и понятно любой вопрос...

Я очень благодарен судьбе, что мне довелось работать с таким исключительным человеком, который многому научил меня – как работать, как относиться к своей работе. Я благодарен судьбе, что на моем жизненном пути встретился такой человек».

Виктор Петрович Брусенцев – начальник производства:

«Работаю на “Сплаве” с 70-го года и буквально с первых дней знал Геннадия Алексеевича, который был начальником отдела. Он курировал сдачу “Урагана”. Это был 72-73-й годы. ...Были сложности, их было много. Эта его энергия, его подъем сохранились на всю его жизнь. ...

Что в нем характерного как в человеке? Это высочайшая дисциплина, которую он передавал подчиненным.

Введенное им правило в конце 70-х – начале 80-х гг. встречаться ведущим конструкторам и производственникам на участке сборки действует до сих пор. ...Производственники ставили задачи конструкторам и наоборот.

...Он называл меня по имени, просто «Вить». Прежде чем уйти с участка сборки, спрашивал: “Вить, у тебя есть ко мне вопросы?” И только убедившись, что на данный момент вопросов нет, он уходил.

За 2 дня до болезни в 2015 г. шел разговор о невыдаче плана по НИОКР на 2016 г. После разговора с ним план был выдан на следующий день.

Отмечу его незаурядность. Были интересные беседы, разговоры.

Он говорил то, что было у него на душе. Первым, с кем он встречался в начале рабочего дня, так это со мной и на сборке встречи заканчивал со мной. Говорил, что, если есть вопросы, давай решать. По выходным работали... Все рождалось в муках, проблемах.

Он был отличный аналитик. Из всего мог выбрать главное».

«Порой он выслушивал подчиненных с закрытыми глазами, – вступает в беседу *Борис Викторович Кулыгин, отставной офицер бывшего военного представительства № 232, ныне начальник СТК.* – Потом откроет глаза и выскажет свое мнение, мог вставить и крепкое словцо». В этот момент *Виктор Петрович Брусенцев* слушает и молча соглашается. «Где-то за полгода до смерти, – продолжает *Виктор Петрович,* – у Геннадия Алексеевича сильно поднимается давление, которое по показателям доходило до 300. Врач областной больницы Морейко говорит

ему, что лечение должно продлиться не меньше месяца. Денежкин говорит, что ему надо на работу. В пятницу он был у себя в кабинете.

Для него санаторий – работа».

Анатолий Николаевич Буров – начальник отделения – главный конструктор направления:

«Хороший человек во всех отношениях, как конструктор и профессионал. Всегда делился опытом. Рассказывал нам, что у него было в таких-то случаях, как выходили из ситуаций. Когда к нему приносили чертежи общего вида, сборки, то он всегда давал совет, как лучше делать и к кому, при необходимости, обратиться за советом.

В человеческом отношении – никогда не грубил, был эмоционально сдержан в общении с людьми. И, как говорится, никогда никому нервы не трепал, не портил.

Один момент. Если он обращался к нижестоящим по должности для выполнения работы в нормальных условиях, то называл их по имени. Если высказывал замечания, то обращался по имени-отчеству. Такая особенность».

Владислав Владимирович Королев – ведущий конструктор:

«...работаю на нашем предприятии с августа 1974 г.

Впервые я убедился в ... возможности предвидеть возникновение сложных ситуаций в создании нового образца техники при выполнении ОКР “Град-Прима”, где я был назначен ведущим конструктором по теме. Смеею напомнить, что данная работа являлась модернизацией серийного корабельного комплекса А-215 (морской “Град”). Работа началась в известные тяжелые 1989–1990 гг., когда многие предприятия нашей отрасли просто “разваливались”. Работа не была завершена из-за отсутствия финансирования... Однако опыт и предвидение Геннадия Алексеевича, его государственная ответственность позволили создать технический задел в работах по применению изделий сухопутных войск в морских условиях. Данный задел позволил нашему предприятию позднее выполнить и реализовать ОКР “Река-Море” (комплекс А-215М), который смонтирован на больших десантных кораблях проекта 1171.

Считаю необходимым отметить его понимание ответственности как руководителя и подхода к выработке дальнейших технических и организационных решений. Пример – предваритель-

ные испытания в настоящее время принятой на вооружение и серийно изготавливаемой РСЗО “Торнадо-Г”. Были неудачи в отработке одного типа РС. Специалисты знают, что в случае неудачного функционирования РС для выяснения причин отказов материальной части ведется поиск обломков изделия. Полигон на ст. Донгузская, Оренбургской обл., осень, сырость, достаточно прохладно, степь с ее обильной растительностью и неровностями поля, а уважаемый Геннадий Алексеевич, семидесятилетний “старик” идет с нами, ему годящимися в сыновья, по степи и ищет “обломки” РС.

Это ли не показывает его как человека с большой буквы, обладающего огромной ответственностью и пониманием создавшегося момента и стремлением как можно быстрее разобраться в проблеме и решить ее.

Честь и хвала Геннадию Алексеевичу! Светлая ему память».

Валентин Павлович Орлов – бывший начальник отдела № 29:

«Расскажу случай. Едем в трамвае – Денежкин, Чуков и я. В вагоне пьяный стал приставать к женщине. Геннадий Алексеевич первый пришел ей на помощь, выдворив его из трамвая.

Я работал в тесном контакте с ним с 64-го года. До конца работали вместе. Вместе были на полигонах (на Ржевке, в Донгузе), в Китае, в Томске. Очень человечный, вежливый как со своими, так и со смежниками. Его за это все уважали. Не допускал грубости ни в разговорах, ни в переписке. Говорил: «Напиши мягче». Обладал даром анализа, на основе которого давал полезные советы...»

Павел Владимирович Золотавин – пенсионер Министерства обороны, полковник, участник Великой Отечественной войны, лауреат Мосинской премии, бывший руководитель военного представительства № 232 Министерства обороны СССР:

«По приказу командира войсковой части 64176-С меня перевели из военного представительства 1839 МО при КБП в военное представительство 232 МО на замену руководителя военного представительства подполковника Кожевникова С.П. без моего согласия.

С июня 1972 по декабрь 1987 гг. работал с Геннадием Алексеевичем.

В это время система “Ураган” проходила заводские испытания, результаты испытаний были положительные.

Денежкин Г.А. руководил отделением, которое вело разработки по реактивным системам залпового огня, т. е. отделение решало все комплексные вопросы по системам и по носителям. Надо отметить, что технические проекты, конструктивные разработки проводились ответственно, серьезно и качественно. Замечания военного представительства были, но они, в основном, носили не принципиальный характер и устранялись после обсуждения в спокойной обстановке.

С Геннадием Алексеевичем у меня сложились спокойные, доверительные взаимоотношения, можно сказать дружеские.

Рабочая обстановка на предприятии “Сплав” была напряженной, так как велись разработки систем и изделий по заказам следующих Главных управлений МО СССР: ГРАУ (управление производства и управление НТК), ВМФ (управление артиллерийское и минно-торпедное), Инженерное, Авиационное. Кроме того предприятие вело изготовление серийных и опытных гильз по заказам управлений МО.

В афганской войне реактивные системы “Град”, “Град-П” и “Ураган” показали большую огневую мощь и надежность. За всю афганскую кампанию не было ни одного отказа в реактивных системах залпового огня при боевом применении. Снаряды “Ураган” с объемно-детонирующей смесью показали хорошие результаты по уничтожению закрытых целей.

Три раза продолжительностью по месяцу в качестве представителя ГРАУ командировался в Афганистан для оказания помощи войскам по эксплуатации реактивных систем залпового огня.

После смерти главного конструктора А.Н. Ганичева встал вопрос, кого ставить на должность главного конструктора. Войсковая часть 64176-С запросила мое мнение по данному вопросу. ... предложил поддержать назначение на должность главного конструктора Денежкина Г.А.»

Артур Андреевич Андерсон – бывший первый заместитель начальника военного представительства № 232 Министерства обороны СССР:

«Есть такая русская пословица “Терпение и труд все перетрут”. Это полностью относится к Г.А. Денежкину. Он всего добился сам, без протекции. Он был предан своему делу, которому посвятил всю свою трудовую жизнь. Он жил только этим – своей работой. Остальное – второстепенное. Пример: в марте 72-го

Ил. 5. Среди военных. Фотография из семейного архива

года мы поехали в Пермь, где был изготовлен первый образец “Урагана”. После работы пошли в ресторан, где он сказал: “Можешь поздравить меня. У меня родился сын”.

Следующая его черта – он был терпелив к любым людям. Ко всем относился ровно. Удивляла его терпимость к недостаткам других людей.

Самая поразительная черта – простота. Никогда не показывал заслуг. Он был из простой семьи, семьи рабочих. Он был, по современной терминологии, демократичным. Без всякого высокомерия. ... Себя вел по-домашнему. Мог поругать. В отличие от других начальников никогда не унижал человеческого достоинства за промашки. Когда ему пытались сказать что-то не по существу, у него было выражение: “Ты такую птичку знаешь Нефертити?”» (ил. 5).

Леонид Игоревич Обозов – начальник отдела:

«В 1983 г. в октябре в НТИИМ (Н. Тагил) успешно завершились предварительные испытания системы “Смерч”. На заключительном заседании приемочной комиссии, включавшей всех соисполнителей работ, представителей Минмаша и заказчика, все говорили о большом будущем этой системы. В заключение слово взял недавно назначенный ГК⁶⁵ Денежкин Г.А. Отметив перспективность созданного оружия, Г.А. Денежкин вполне се-

рьезно заявил, что лет через 20 мы создадим “Смерч” с полноценной системой управления повышенной дальности. Эти слова оказались пророческими. В 2004 г. “Сплав” приступил к летным испытаниям первого в мире управляемого реактивного снаряда залпового огня».

Вадим Юрьевич Травин – заместитель главного конструктора, кандидат технических наук:

«Геннадий Алексеевич всегда был для меня образцом для подражания. Спокойный, рассудительный, профессионал в технике, где надо – тонкий политик. И всегда – стремление пойти навстречу, помочь, будь то просто совет в работе или конкретная материальная помощь ветерану. Если что-то проваливали смежники и обращались к нему с просьбой разрешить ситуацию, говорил: “Надо помочь!” На бумаге это лишь два слова, а вот интонация – тревога, искреннее переживание за коллег – вдохновляли лучше любого сухого приказа! Подписывая документы, в частности письма, другим организациям, Геннадий Алексеевич тщательно прочитывал текст, проводил анализ по технике дела, по сути вопроса, субординация в подписании, запятые, и иногда от него можно было услышать: “Мужики, да вы хоть это сами читали?!” А в зависимости от степени неправильности подписываемого документа мог и крепкое словцо добавить. Но – никакой злости в голосе! Покажет, что не так, выслушает твое мнение, спокойно разъяснит свою позицию...»

Людмила Павловна Грибкова – начальник сектора переводов:

«Геннадий Алексеевич Денежкин для меня был и остается человеком безграничной души, огромнейшего таланта, скромности, человечности и доброты. В нашей совместной с ним работе, включавшей проведение переговоров как на территории предприятия, так и за границей, участие в международных выставках, Геннадий Алексеевич всегда являл пример, достойный для подражания. Всегда выдержанный, спокойный, добросердечный, отзывчивый, он достойно представлял как родное предприятие, так и нашу страну, вызывая заслуженное признание со стороны наших партнеров. Светлая ему память!» (ил. 6).

Жанна Николаевна Кузнецова – начальник отдела системы качества и менеджмента:

«С Г.А. Денежкиным мы взаимодействовали на протяжении последних 15 лет. Он курировал создание системы менеджмента».

Ил. 6. Среди коллег и членов индийской делегации. Около директорского корпуса на территории предприятия «Сплав» (Тула). 1999 г. Фотография предоставлена Л.П. Грибковой

та качества (СМК) на нашем предприятии. В 2009 г. он был назначен ответственным представителем руководства по качеству. Так как в начале 2000-х мало кто понимал необходимость и значение этого направления работ, поддержка главного конструктора была очень важна. Его богатый опыт и обширные знания в области разработки и производства продукции определили высокий уровень управления СМК. Хотелось бы отметить высокую степень ответственности, с которой Геннадий Алексеевич подходил к этой области деятельности, хотя руководство СМК было для него, в общем, общественной нагрузкой. Г.А. Денежкин пользовался большим авторитетом и у организаций, проводивших сертификацию СМК АО «НПО «СПЛАВ»», что повышало статус нашей организации в системе добровольной сертификации СДС «Военный Регистр».

Хотелось бы отметить, что при общении Геннадий Алексеевич всегда проявлял уважение к личности собеседника, был доступен, внимателен, умел выслушать подчиненного и учитывал его мнение».

Ил. 7. После удачной охоты. Фотография из семейного архива

Александр Васильевич Чумичев – персональный водитель Геннадия Алексеевича Денежкина:

«Персональным водителем Геннадия Алексеевича я стал в 1988 году. Проработал с ним неполных 28 лет. По стечению обстоятельств, мой папа родился в один день и в один год с Геннадием Алексеевичем. ...он стал моим вторым отцом, большим другом. Приходилось работать и днем и ночью, в любую погоду. За время работы я не слышал от него грубого слова. Он был доброжелательным и уважительным человеком. Работать с ним было легко. В машине были слышны только шутки, веселые истории из его интересной жизни. И в их семье я стал родным человеком. Он навсегда останется в моей памяти, и при первой возможности я стараюсь помогать Нонне Михайловне, которую стали забывать некоторые, кто ранее был рядом».

Евгений Алексеевич Минаев – начальник Тетеревского охотничьего хозяйства (Тульская обл., Заокский район):

«Я проработал начальником охотничьего хозяйства более 13 лет. За все это время постоянным членом нашего охотничьего хозяйства был Денежкин Геннадий Алексеевич. О нем можно говорить много и долго и только хорошее. Но, в главном, это сводится к следующему: это его глубокая порядоч-

Ил. 8. На рыбалке. Фотография из семейного архива

Ил. 9. Сильная женщина Сильного мужчины в минуты скорби.
16 февраля 2016 г. Фотография Сергея Гурова

ность, любовь к природе, простота, умение находить общий язык с людьми, высокое чувство ответственности перед коллективом...» (ил. 7).

Виктор Сергеевич Ермолов – бригадир Тетеревского охотничьего хозяйства (Тульская обл., Заокский район):

«Мое знакомство с Геннадием Алексеевичем Денежкиным произошло с момента начала работы на предприятии «СПЛАВ» в 70-м году. Среди охотников он был душой коллектива, которого все любили и уважали и которого теперь нам всем не хватает. При неудачах, промахах Геннадий Алексеевич искал не виновных ..., а выход из ситуации» (ил. 8–10⁶⁶).

Дополнительные материалы публикуются в статье автора⁶⁷. Продолжение будет опубликовано в сборнике материалов конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции» (Тула, 29 ноября – 1 декабря 2017 г.).

Ил. 10. Геннадий Алексеевич Денежкин. Человек с умными глазами. Фотография из фотоархива АО «НПО «СПЛАВ»» (Тула)

¹ Оружие национальной гордости. Реактивная система залпового огня «Град». Документальный фильм. ОАО «Научно-производственное объединение «СПЛАВ»», 2013 г.

² Анкета (поступающего на работу). Август 1954 г.

³ URL: http://www.aleksandrov.ru/mr_infosmi/51/40/1/3067/

⁴ Личный листок по учету кадров. 2009 г. // Личное дело Г.А. Денежкина.

⁵ Анкета (поступающего на работу). Август 1954 г.; Копия диплома З № 799785 об окончании Тульского Механического института // Там же.

⁶ Из документа о направлении на работу // Там же.

⁷ Копия диплома Лауреата премии им. С.И. Мосина № 6. 17.12.2001 г. // Там же.

- ⁸ Справка. Денежкин Геннадий Алексеевич. Без даты // Там же.
- ⁹ Диплом Лауреата Ленинской премии Денежкина Геннадия Алексеевича. 1966 г. // Личный архив Денежкиных.
- ¹⁰ Копия удостоверения на юбилейную медаль «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД. В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА» // Личное дело Г.А. Денежкина.
- ¹¹ Копия трудовой книжки Г.А. Денежкина // Там же.
- ¹² Копия документа о награждении орденом Ленина (орден № 424548) от 15.03.1976 г. // Там же.
- ¹³ Копия документа о присвоении звания Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «СЕРП и МОЛОТ» № 20953. Орден № 460010. 1989 г. // Там же.
- ¹⁴ Справка. Денежкин Геннадий Алексеевич. Без даты // Там же.
- ¹⁵ Копия удостоверения № 2. 1980 г. // Там же.
- ¹⁶ Копия трудовой книжки Г.А. Денежкина // Там же.
- ¹⁷ Копия диплома кандидата наук ТН № 064992. Москва, 17 августа 1983 г. // Там же.
- ¹⁸ Копия трудовой книжки Г.А. Денежкина // Там же.
- ¹⁹ Копия документа о присвоении звания Героя Социалистического Труда... (см. ссылку 13).
- ²⁰ Справка. Денежкин Геннадий Алексеевич. Без даты // Там же.
- ²¹ Копия документа о награждении орденом «За заслуги перед Отечеством III степени». Награда № 58; Копия Указа президента Российской Федерации «О награждении государственными наградами Российской Федерации работников акционерных обществ, предприятий, организаций и военнослужащих» о награждении Денежкина Г.А. 26 июня 1995 г. № 636 // Там же.
- ²² Копия диплома № 054-ЧК Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Год не указан // Там же.
- ²³ Копия документа Б.№ 0222761 на медаль «300 лет Российскому флоту». 1996 г. // Там же.
- ²⁴ Копия удостоверения № 1230 о присуждении Государственной премии. 1997 г. // Там же.
- ²⁵ Копия диплома доктора наук. ДК № 012276. 1998 г. // Там же.
- ²⁶ Копия документа о присвоении почетного звания «Заслуженный конструктор Российской Федерации». 2002 г. // Там же.
- ²⁷ Копия удостоверения № 41 Управы города Тулы // Там же.
- ²⁸ Справка. Денежкин Геннадий Алексеевич. Без даты // Там же.
- ²⁹ Копия документа на медаль «За выдающиеся достижения». 2004 г. // Там же.
- ³⁰ Копия документа № 288 на нагрудный знак «Почетный работник отрасли боеприпасов и спецхимии». 2004 г. // Там же.
- ³¹ Копия трудовой книжки Г.А. Денежкина // Там же.
- ³² Копия удостоверения № 45 о награждении звездой «За заслуги и верность делу». 2007 г. // Там же.
- ³³ Копия документа № 03 на памятную медаль «Адмирал Кузнецов». 2007 г. // Там же.
- ³⁴ Копия документа № 12 на памятную медаль «Адмирал Горшков». 2007 г. // Там же.
- ³⁵ Копия удостоверения к государственной награде. № 536318. О награждении орденом «За заслуги перед Отечеством II степени». Награда № 172. 2007 г. // Там же.

³⁶ Заверенная Аппаратом Администрации Тульской области (Управление делопроизводства) копия Постановления Губернатора Тульской области «О присвоении почетного звания Тульской области “Почетный гражданин Тульской области” Денежкину Г.А.». Тула. 9 сентября 2009 г. № 42-ПГ // Там же.

³⁷ Копия. Выписка из приказа начальника Федерального управления по безопасному хранению и уничтожению химического оружия № 360 от 8 декабря 2009 г. // Там же.

³⁸ Копия приказа ФГУП «ГНПП «СПЛАВ» от 27.01.2012 г. О поощрении Денежкина Г.А. // Там же.

³⁹ Заверенная Аппаратом Правительства Тульской области (Управление по делопроизводству и работе с обращениями граждан) копия указа губернатора Тульской области «О награждении медалью “За выдающиеся достижения в создании оборонной техники”. 18 сентября 2012 г. № 120 // Там же.

⁴⁰ Копия трудовой книжки Г.А. Денежкина // Там же; Собрание законодательства РФ. 2012. № 7, 13 февр. Ст. 842. С. 2271.

⁴¹ Характеристика на начальника конструкторского бюро предприятия п/я 18 тов. Денежкина Геннадия Алексеевича. 10.02.1964 г. Рукопись // Личное дело Г.А. Денежкина.

⁴² Таблицы стрельбы осколочно-фугасными реактивными снарядами М-21ОФ. ТС-74, ТС-74М, ТС-74Б. Изд. 2-е. М.: Воениздат МО СССР, 1975. С. 81, 87; РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 298. Оп. 1. Д. 2940. Л. 37, 38; АП РФ (Архив Президента Российской Федерации). Ф. 93. Коллекция постановлений. Копия постановления: URL: <http://rbase.new-factoria.ru/gallery/kopiya-postanovleniya-soveta-ministrov-sssr-ot-28-marta-1963-goda-no372-130-opriinyatii-na-vooruzhenie-sovetskoy-armii/>

⁴³ РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1712. Л. 70; ГУ «ГАТО» (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. Р-3428. Оп. 1. Д. 448. Л. 359, 383.

⁴⁴ ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 81. Оп. 856348сс. Д. 205. Л. 75.

⁴⁵ Характеристика на первого заместителя генерального директора по научной работе – главного конструктора НПО «СПЛАВ» т. ДЕНЕЖКИНА Геннадия Алексеевича. 22 декабря 1989 г.; Ходатайство на первого заместителя генерального директора по научной работе – главного конструктора НПО «Сплав» в адрес Первого секретаря Тульского обкома КПСС т. Литвинцева Ю.И. 29.03.89 ОК/130 // Личное дело Г.А. Денежкина.

⁴⁶ Характеристика... 22 декабря 1989 г. // Там же.

⁴⁷ Там же; ГУ «ГАТО». Ф. Р-3428. Оп. 1. Д. 1161. Л. 40.

⁴⁸ ГУ «ГАТО». Ф. Р-3428. Оп. 1. Д. 994. Л. 38, 44, 46, 55, 57, 62; Д. 992. Л. 20, 27, 36, 46, 52, 90, 100.

⁴⁹ Копия тезисов доклада на квалификационной комиссии Министерства по представлению 1-го заместителя руководителя предприятия по научной работе – главного конструктора предприятия п.я. Г-4575 // Личное дело Г.А. Денежкина.

⁵⁰ Характеристика первого заместителя генерального директора по научной работе – главного конструктора ФГУП «ГНПП “Сплав” Денежкина Геннадия Алексеевича. Без даты. // Там же.

⁵¹ Характеристика ... 22 декабря 1989 г.; Ходатайство на ... 29.03.89 ОК/130 // Там же.

⁵² Паспорт экспортного облика № 2552/00/НЭК «122-мм реактивная система залпового огня 9К59 “Прима”». Перерегистрирован: 02.09.2004 г. Копия.

- ⁵³ Характеристика на первого заместителя генерального директора по научной работе – главного конструктора НПО «СПЛАВ» т. Денежкина Геннадия Алексеевича. Не ранее 1985 г. // Там же.
- ⁵⁴ Ходатайство... 29.03.89 ОК/130 // Там же.
- ⁵⁵ Характеристика... Денежкина Геннадия Алексеевича. Без даты // Там же.
- ⁵⁶ Ходатайство на первого заместителя генерального директора по научной работе – главного конструктора НПО «Сплав» в адрес министра машиностроения СССР т. Белоусова Б.М. № 545, 12.12.1988 // Там же.
- ⁵⁷ Характеристика... // Там же.
- ⁵⁸ Справка. Денежкин Геннадий Алексеевич. Документы на выезд в Югославию. Без даты // Там же; Личный листок по учету кадров. 2009 г. // Там же.
- ⁵⁹ Характеристика... 22 декабря 1989 г. // Там же.
- ⁶⁰ Служебная характеристика первого заместителя руководителя предприятия по научной работе – главного конструктора (конструкторское направление) т. Денежкина Геннадия Алексеевича. 31 января 1986 г. // Там же.
- ⁶¹ Копия приказа (распоряжения) о прекращении (расторжении) трудового договора с работником (увольнении) от 24.02.2016 г. в отношении Денежкина Геннадия Алексеевича // Там же.
- ⁶² Так в речи.
- ⁶³ URL: <http://tula.rfn.ru/rnews.html?id=36130>
- ⁶⁴ Геннадия Алексеевича.
- ⁶⁵ Главным конструктором.
- ⁶⁶ Сильная женщина Сильного мужчины в минуты скорби. 16.02.2016 г. Новое здание «Музея оружия» (Тула). Фотография: © Сергей Гуров
- ⁶⁷ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/pub/denezhkin-ga.shtml>

М.Ю. Данков (Петрозаводск)

**«ПУЩИЙ В ПРОМЫСЛУ» СЕРЖАНТ
И СТРАХИ ФЕЛЬДМАРШАЛА
(О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
М.И. ЩЕПОТЕВА И Б.П. ШЕРЕМЕТЕВА)**

НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ЭПИЗОД, характеризующий взаимоотношения сержанта Михаила Щепотева и фельдмаршала Бориса Шереметева, в момент разгрома Астраханского мятежа 1705–1706 гг. хотя и вызывает любопытство, к сожалению, оказывается без внимания специалистов¹. Факт малоизвестный, учитывая, что, скорее всего, исследователи впервые в истории могут встретиться с экстраординарным событием, «разрушающим» уставную субординацию в русской армии. Трудно вообразить, чтобы «безродный» сержант сначала «с легкостью» ухитрился навязать свою волю командующему, а вскоре вмешался в политический процесс и, без лишней крови, разрешил государственный кризис.

Между тем, если о карьере виднейшего дипломата, графа и фельдмаршала историки имеют внятное представление, то романтически притягательная и остросюжетная биография «бонбардира» Преображенского полка Михаила Ивановича Щепотева до последнего времени оставалась малоизвестной². В современном исследовании попытаемся рассмотреть некоторые обстоятельства приключенческой судьбы гвардейца «несказанной отваги», чье имя прочно связано с деяниями царя Петра Алексеевича. Одновременно делается попытка ответить на вопрос, почему Михаила Щепотева панически страшился Б.П. Шереметев, вынужденно терпел А.Д. Меншиков, а государь безмерно обожал и защищал от досужих «наветов». В этом смысле остановимся на отношениях сержанта и фельдмаршала, которые скла-

дывались на фоне подавления стрелецкого восстания в Астрахани, названного в историографии «свадебным бунтом».

Обнаруженные архивные и фольклорные источники скромно повествуют о жизни М.И. Щепотева, но все-таки позволяют выстроить яркий образ инициативной личности. Карьера царского любимца началась в 1690-е гг., когда он появился сначала среди «потешных», а вскоре в непосредственном окружении государя. Тогда, в 1694 г. под Москвой из фактурных претендентов стала формироваться бомбардирская рота. Щепотев вместе с князьями М.М. и А.Б. Голицыными, Ю.В. и В.В. Долгорукими и ближними стольниками Ф.И. Троекуровым и А.Н. Урусовым, а также В.Д. Корчминым попал в стартовый элитный набор «бомбардиров»³.

В 1693, 1694 и 1702 гг. М. Щепотев троекратно сопровождал царя в экспедициях по Русскому Северу, что позволило «исполнительному служнику» ворваться в самый доверительный круг соратников государя. Первый раз Щепотев попал на Северную Двину в команде «40 стрельцов, 8 певчих, двух карлов и 10 потешных с трубачом»⁴. По воле юного государя, бомбардир на зиму задержался в Архангельске, чтобы привести в «причинный вид» заложенную царем яхту «Св. Павел»⁵.

«Едва сдерживая нетерпение», государь 18 мая 1694 г. второй раз прибывает в Архангельск и остается довольным судовой работой своего протеже⁶. В этой связи упомянем одно этнографическое свидетельство. Мол, «идет царский указ ... будет-де скоро царь приготовьтесь ... Ждут... хотя его лик государский видеть... Смотрят, на балкон вышел кто-то. Лоцмана пали на землю ... и слышат “Встаньте-де, православные – не царь я, а генерал Щепотев. Петр Алексеевич сзади едет и скоро будет”»⁷. Любопытно, что задолго до астраханских событий 1706 г. сержант М. Щепотев в глазах народа однозначно ассоциировался с генералом.

Между тем, визиты на Север, особенно в 1702 г., продемонстрировали не только «менеджерские» таланты преображенца, но и готовность к «испытанию властью». Подтвердим, государь нуждался в деятельных сотрудниках, у которых не только «Бахус почитается... и своими листьями заслоняет очи»⁸.

Летом 1702 г. М. Щепотев из «фаворита стола» превратился в сакральную фигуру. Он выполнял тайное задание Петра Алексеевича, прокладывая «Осудареву дорогу», секретный маршрут от берега Белого моря к Повенецкому ряду на Онежском озе-

**Стольник И.А. Щепотев,
участник «Всепянейшего собора
Всешутейшего князь-папы». Неизвестный
художник, после 1698 г. Собрание
Государственной Третьяковской галереи**

ре. Недавно в фонде «Приказные дела новых лет» Российского архива древних актов обнаружены и проанализированы уникальные корреспонденции со строительства трассы в Карелии, принадлежащие руке блистательного сержанта⁹.

Возведение менее чем за месяц «мостовой» перспективы в 174 версты «там где и елень не проходит беспечно», о которой спустя столетия народ сохранил сказочные предания, для Щепотева оказалось «звездным часом»¹⁰.

«Наказная память» и «Статьи для ведома» от 8 июня 1702 г., за подписью боярина Ф.А. Головина, предписывали М. Щепотеву, И. Муханову, А. Головкину и М. Волкову «провесть ... сухов путь ... от города ... до Ладоги», чтобы определить «переволоки от урочища до урочища в дальнем же расстоянии, и на скольких верстах», с целью прохода «его великого государя служилым людям безо всякие остановки»¹¹. Преодоление трассы в Карелии позволило 12 октября 1706 г. «на аккорт» взять шведскую цитадель Нотебург (с 1323 г. новгородский Орешек), а в мае 1703 г. заложить Санктпитебурх. Так стратегический маршрут, обустроенный М.И. Щепотевым, получил общенациональное значение.

В числе фаворитов, сопровождавших государя на «Осударевой дороге», также находился однофамилец бомбардира, ближний стольник Иван Давыдов Щепотев, имя которого указано в

Граф Б.П. Шереметев.
Неизвестный художник, XVIII в.
Собрание Останкинского дворца-музея

«Записках» в «Двинских церквях найденных»¹². Являлся ли он отцом Михаила Ивановича Щепотева, ответить невозможно.

Также трудно подтвердить семейное родство с Алексеем Ивановичем Щепотевым, известным морским офицером, отправленным в 1711 г. для обучения в Голландию¹³. Между тем, А.И. Щепотев (Щепотьев), который изучал за границей «навигацкую науку», принадлежал к «самой знатной фамилии»¹⁴.

Хочется указать на еще одно свидетельство, принадлежащее

шведскому капитану Ф. Страленбергу, издавшему в 1730 г. в «Шток-Хольме» свои «Записки», в которых он подтвердил, что среди друзей царя, «между знатнейшими», находился и «Щепатов» (Щепотев), которому «худая кончина воспоследовала»¹⁵.

Между тем, масштаб миссии М. Щепотева в 1702 г. трудно переоценить. Помимо устройства пути, государев любимец у Повецкого рядка на Онежском озере выстроил два судна «про копитана» (Петра I) и для адмирала Ф.А. Головина¹⁶. Об этом свидетельствует записка – «Да моей, Михайловой, работы два судна. Одно оснащено, а другое почал снастить и к вашему приезду будет в готовности. А те суды зделаны одно так, как в Новгороде делал Александр Данилович, а другое, какое я зделал в Новгороде»¹⁷. Народные предания с любовью культивируют образ сержанта, обладающего харизмой, который как «тень» ходил

«об-руку с царем». В поморскую деревню Нюхча, откуда стартовала «Осударева дорога», государь «пришел ... со своим любимцем Шепотевым, погулял по ней, показал народу свои царские очи»¹⁸. Сержант определенно притягивал к себе людей и имел над ними власть. Он обладал не только силой воли, но и даром убеждения. Однако за нерадивость и медлительность он научился наказывать, опасаясь, что своеволие способно поставить под удар сокровенные цели царя.

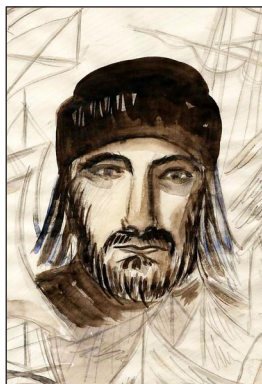
Впечатляющая атака Нотебурга в октябре 1702 г. превратилась в прелюдию плана Петра I по овладению Невой, Бнгрией и Балтикой.

Не прошло и месяца, как «Михайла Иванов сын Щепотев» вновь «в посылке», он сопровождает «свейских полонных людей» от Ладоги к Москве¹⁹.

Новый этап кампании, в котором задействован неумолимый сержант, относится к зиме 1703 г. Тогда обширная территория Приневья «зачищалась» русскими «летучими» отрядами, включая диверсионную группу М. Щепотева, отличившуюся «от города (Ниеншанца. – *Авт.*) в 100 сажнях и меньше». Александр Меншиков 6 февраля 1703 г. с завистью сообщал царю: «Михайло Щепотев ходил к Канцам ... в полоне взял мужеска и женска пола 54 человека». Кроме того, «побили шведских драгун человек с 40, лошадей взяли до 60, а быков и коров больше 100 скотин выгнали и роздали по полкам»²⁰. Отряд М. Щепотева, исповедуя партизанскую тактику, «поворотятся от Канец в версте», сжег избу с запасом сена для шведских драгун, и в итоге комендант новозавоеванного Шлиссельбурга отметил, «наши слава Богу все в целости»²¹.

Между тем, особо, государю пришлась по душе инициатива Щепотева, который вечером 28 апреля 1703 г., находясь в засаде на острове Витусаари (ныне остров Гутуевский) с ротами дозора, «засек» в устье Невы военную эскадру шведского адмирала Гедона фон Нумерса²².

Гвардеец пленил лазутчика, после чего «копитан» Петр Михайлов и поручик А. Меншиков, «понеже иных, на море знающих не было», атаковали шняву «Астрильд» и вице-адмиральский бот «Гедан»²³. Современники оценили викторию как победу, «никогда не бываемую», и 10 мая 1703 г. Ф. Головин в походной церкви вручил героям орден Св. Андрея Первозванного.

**Сержант
М.И. Щепотев.
Художник
Е.В. Игнатенко.
1990-е гг.**

Досталась ли какая-либо награда «бомбардиру» Щепотеву, мы не знаем, однако исполнительного солдата слава, похоже, не волновала, ему было довольно, что он находился в самом близком государевом круге.

Вскоре мы видим сержанта на реке Свирь где 24 марта 1703 г., «по указу Великого государя ... и по приказу губернатора А.Д. Меншикова», состоялась закладка первых кораблей²⁴. Кроме фрегата «Штандарт», были возведены четыре буера – «Бир-Драгер» («Разносчик пива»), «Вейн-драгер» («Виночерпий»), «Гельк-сак» («Денежный мешок») и «Соут-драгер» («Возчик соли»). М. Щепотев курировал строительство «Бир-Драгера», отделанного «августа в 22 день». Со-

хранились «розмерения» судна – «длина 80 фут., ширина 24 фута, вышина 9 фут. голландских»²⁵. Учитывая «книгу корабельного строения 1703 года», к штурвалу «Штандарта» встал царь, а на буере «Бир-Драгер» капитаном «пошел Михайло Иванов сын Щепотев»²⁶. С этого времени берет начало традиция командования кораблями бомбардирами Преображенского полка²⁷.

Жизнь беспокойного гвардейца впечатляет насыщенностью, ежеминутной востребованностью и жаждой постоянных перемещений по стране. В феврале 1704 г. он в Тверском уезде занимается армейским оргнабором для И.И. Чамберса и сообщает А.Д. Меншикову: «...с помещиков, и вотчинниковых, и с крестьянских, и з бобыльских, и з задворных, и з деловых дворовых людей принято в Великом Новгороде 3154»²⁸. В мае ижорский губернатор встречает М. Щепотева на проселке между Новгородом и Свирью, о чем сообщает государю: «...поехал было отсюда к вам на олонецкую верфь, да встретил меня на дороге Михайло Щепотев, с которым я к милости вашей писал сего месяца мая в 8 день»²⁹.

Вскоре бомбардир на «тайной работе» под Нарвой, где руководит строительством моста в устье реки Нарова. В депеше от 18 мая 1704 г. Щепотев докладывал Меншикову: «...пришел

шведский флот ... 40 кораблей ... пушек по 20 и по 24 видел сам». И добавляет: «А по ведомости взятых языков ... на тех кораблях солдат 1000 человек»³⁰.

В 1705 г. незаменимый «бонбардир» находится «в посылке» на Воронеже, а затем участвует в боевых операциях под Биржей³¹. Походный журнал Б.П. Шереметева от 4 августа 1705 г. сообщает, мол, «отправил в партию Михаила Щепотева да майора Чекина с шквadroном и курских калмыков, которые той партии шведов много побили, а в полон взяли 16 человек»³².

Вскоре, 30 июня 1705 г., в Астрахани, на традиционно старообрядческой территории, начался последний в истории России бунт стрельцов, организованный И. Шелудяком и П. Насоновым. Мятеж свидетельствовал о беспорядках в «зарождающейся» империи. Формальным поводом для бунта стали нелепые слухи о запрете «православных свадеб» и отказ русских девушек выходить замуж за немцев. Стрельцы воспротивились носить европейское платье и брить бороды. Восставшие в 1705–1706 гг. настаивали на ликвидации коррупционных налогов на соль, бани, погреба и печи. Царская политика «европоцентризма» не нашла отклика не только в Астрахани, но и в Терках, Гурьеве, Красном и Черном Яре, где к началу XVIII столетия квартировало до 10 000 солдат. Стрельцы занимались городской службой, выполняли полицейские функции, а в 1704 г. из астраханского гарнизона на фронт было мобилизовано 882 чел.³³

Драматические события, в которых зимой – весной 1706 г. приняли участие М. Щепотев и Б. Шереметев, связаны с захватом Астрахани восставшими стрельцами и горожанами. Бунтовщики, по решению круга, еще летом 1705 г., казнили «копьем» астраханского воеводу Т. Ржевского, отменили непопулярные налоги и указы о ношении иноземного платья и бранобрития. Между тем, поднять восстание в других городах «казацкой республики» мятежники не смогли. Донские и поволжские казаки не поддержали астраханцев, а военные неудачи вызвали раскол среди бунтовщиков.

Петр I, обеспокоенный антиправительственным мятежом на юге страны, отправил через Саратов и Царицын войска, во главе с «генерал фельдмаршалом» Б.П. Шереметевым³⁴.

А уже 10 января 1706 г. государь повелительно уведомлял фельдмаршала о командировке к его армейскому штабу сержан-

та М. Щепотева. Царь рекомендовал командующему, «и что он вам будет доносить, извольте чинить»³⁵. Было бы заблуждением считать, что Петр I не догадывался о взрывных взаимоотношениях фельдмаршала с сержантом. Однако, возможно, именно это решение позволило государю создать прецедент, «не всякий командующий имеет верх над солдатом». В этом смысле, при всем уважении к опыту и заслугам Б.П. Шереметева, царь осознанно приставил к полководцу доверенное лицо, своего рода советчика и контролера, в чине сержанта³⁶. По его задумке, М.И. Щепотев должен был предупреждать фельдмаршала от проявлений слабости и самодурства. Бомбардир наделялся обязанностью открыто смотреть за делами военачальника, чтобы «исправно было, буде за какими своими прихоти не станут делать, или станут, да медленно, – говорить». В противном случае, когда командующий мог отказаться прислушаться, или в случае другой прихоти царь рекомендовал сержанту просто напомнить фельдмаршалу, «о том писать будешь ко мне». Представляет интерес приписка к документу, сделанная рукой Петра Алексеевича, «сего фельдмаршалу не писано». Ремарка позволяет считать графа человеком уважаемым, но по каким-то причинам оказавшимся в зоне недоверия³⁷.

Гвардейский сержант М. Щепотев, обладая неограниченными полномочиями правительственного агента, получил не только власть над командующим армией, но и карт-бланш в переговорах с восставшими стрельцами, имея возможность проявить себя дипломатом и «прекрасным переговорщиком». Имеет значение тот факт, что деликатное задание монарха свидетельствовало о близости друзей «по марсовым потехам», тем самым подтверждалось влияние гвардейца на государя. А вот престарелый командующий «нежданно» угодил в своеобразную западню. Беспokoясь о карьере, он через силу терпел настырного и склонного к авантюризму «бомбардира».

Между тем, М. Щепотев не ограничился фискальными функциями. Он стремился разобраться в причинах происходящего и, донося государю, открыто утверждал: «А некоторые ... стрелецкие головы и астраханским стрельцам и всяких чинов жителем обиды превеликие чинили»³⁸.

Когда же дотошный преображенец оказался в Царицыно, Б. Шереметев несказанно обрадовался тому, что освободился от

**Рядовой, сержант и офицер Преображенского полка.
Художник А. Шарлемань. Начало XVIII в.**

внимания сержанта, который «якобы» постоянно вмешивался в его дела. Пользуясь отсутствием командующего, «уандер офицер» перехватил инициативу и со стольником С. Сухановым и дворянином И. Бакулиным отправил из Царицыно в ставку восставших в Черный Яр устрашающий «Указ». Якобы «послан с Москвы ... к ковалеру Борису Петровичу Шереметеву... Преображенского полку бонбандирской роты Михайло Иванович Щепотев ... а с ним ... солдатских пехотных полков двенадцать», которым «велено соединясь ... идти на низ до Астрахани»³⁹. Однако бунтовщики не поверили «именному де великого государя указу» и через лазутчика, стрельца И. Красникова, выяснили, что

имеют дело с армейской дезинформацией. На самом деле «пехотных служилых людей не будет и две тысяч человек, а что де он, Михайло ... рассказывает, идет де с Борисом Петровичем служилых людей 40 тысяч и то де он Михайло, все обманывает»⁴⁰.

Государь знал обстоятельства усмирения восставших и до получения сведений о покорности «черноярцев» инструктировал сержанта М. Щепотева: «Ты спрашиваешь, ежели что доброе будет на Черном Яру, что с ними делать? На что ответствую: кроме прощения и по старому быть, иново ничего». И далее: «Также и везде не держайте не точию делом, ни словом жестоким к ним поступать, под опасением живота»⁴¹. В ночь на 11 марта 1706 г. войска Б. Шереметева, несмотря на сопротивление восставших, которые с вала Ивановского монастыря «начали стрелять из пушек и кинули три бомбы», штурмом взяли церковную обитель. Вскоре разгорелся ожесточенный бой у стен Земляного города. Астраханцы отступили в Белый город, закрыли все ворота и начали обстреливать царские войска со стен башен. Б.П. Шереметев, понеся значительные потери, приказал отступить, а к стенам для бомбардирования города подтащить полковую артиллерию.

В переломный момент «чашу терпения» командующего переполнила неожиданная «выходка» М.И. Щепотева, который с пятью гвардейцами, по своей воле и без оружия, отправился в астраханский лагерь бунтовщиков. У «Кабацких ворот» города «бомбардир» был «взят под караул» и атаманом Е. Зиновьевым препровожден в кремлевскую «бутку». Непонятный, на первый взгляд, поступок «добровольного заложника» взбесил фельдмаршала, который, не разобравшись, объяснил действия тем, что М. Щепотев был «гораздо пьян»⁴². А ведь бомбардир, увенчанный царской поддержкой и народным обожанием, выиграл не только время, но ухитрился, находясь в прямом контакте с восставшими, «разрулить» тяжелейший кризис. В момент бомбардировки Белого города лидеры «атаманского круга» Астрахани пришли в камеру к арестованному М. Щепотеву, и тот дипломатично убедил бунтовщиков направить выборных представителей «из тутошных жителей» к Б.П. Шереметеву.

Подсказка сержанта «под опасением живота» предотвратила большую «кровавую резню». Восставшие «ввечеру выслали из города конных и пехотных полков пятидесятников с повин-

Перспективный план Астрахани. Стольник Т.И. Ржевский (?), до 1705 г. Собрание ОР БАН

ною», которые заявили командующему, что астраханцы «от того кровопролития перестали и чтоб он, генерал фельд-маршал приказал над ними милость и шел в город»⁴³. В результате, 13 марта 1706 г. мятежники на «милость» победителя сдались. Обращенный неожиданной удачей Б. Шереметев парламентариям «вины ... отдал» и потребовал выдать старшин и «всех полков урядников». Лишь в последнюю очередь «фельд-маршал» вспомнил о заложнике, которого освободили поздним вечером⁴⁴. Между тем командующий прекрасно осознавал шаткость своей виктории и, как мог, пытался скрыть значение поступка настыр-ного «уандер-офицера».

В мартовской корреспонденции Ф.А. Головину, похожей на рядовой донос, он жаловался: «Когда Михайло Щепотьев сидел у них в Городе, они чаяли, что он-то пуций будет в промыслу и бомбардир; для того больше и держались»⁴⁵. Однако не в силах совладать с эмоциями и параноическим страхом, признавался, «как я вступил в Город и пришел на свой двор», сержант, не скрывая полномочий, «говорил на весь народ, что прислан за мною смотреть: что станет доносить». Между тем, главное, с чем Шереметев не мог смириться, было требование сержанта, чтобы «во всем ... я его слушал». Униженный фельдмаршал трусливо добавлял: «Я не знаю что и делать»⁴⁶.

Первый в России генерал-фельдмаршал Ф.А. Головин в корреспонденции от 1 апреля 1706 г. поддержал струсившего командующего: «О Щепотеве я известен, все знают его какой человек», и далее, опираясь на слова солдата: «ныне» он «писал ко мне, жалуясь на тебя, что будто ты немилостив больно по нанесу злодеев, которые ко взяткам склонны»⁴⁷.

Спустя месяц, 5 мая, Б.П. Шереметев вновь унижается: «Если мне здесь прожить, прошу чтоб Михайло Щепотьева от меня взять. Всенародно говорит, что хочет меня государю огласить», и далее: «...не знаю чем и с Александром Даниловичем ссорит и говорит Я-де тебя я ним помирю». Растерянный фельдмаршал депешу Головину завершил ультимативным вердиктом: Щепотев «непрестанно пьян. Боюсь, чего б надо мною не учинил; ракеты денно и ночью пускает; опасно чтоб город не выжег»⁴⁸.

Однако, Михаил Щепотев, находясь в гуще событий, 7 мая 1706 г. обращается к царю с вопросом: «Изволь ты ко мне писать, как фельдмаршалу с астраханцами поступать», и уточняет,

мол, Шереметев от его вопроса просто отмахнулся, потому что «у него» будто бы «нет ... никаких статей»⁴⁹.

В реляции сержант сообщал, что «фельдмаршал, выбрав 200 дворян лучших и богатых», определил их «в выборный шквадрон», и, несмотря на требование Щепотева оставить их «себе», командуящий людей намеренно «не отдал». Здесь же сержант утверждал, что «явилось в его (Б.П. Шереметева. – *Авт.*) разборе воровство». «Капитан ... Григорий Писарев» из батальона фельдмаршала «хотел взять поступное письмо у дворянина на деревню», однако солдат «бомбардирской твоей роты» Никифор Соловьев «схватил» его «на площади ... и отвел к фельдмаршалу», но тот «никакого штрафа Писареву не учинил»⁵⁰.

Происшествие послужило причиной к очередному скандалу, учитывая, что: «С самого начала фельдмаршал стал на меня (М.И. Щепотева. – *Авт.*) гневаться за то, что я говорил ему противно»⁵¹.

Как верховный арбитр и прекрасный психолог, государь отказался мирить противников и предпочел встать над схваткой. В то же время, не понаслышке зная о напряженных взаимоотношениях, Петр I продолжал открыто симпатизировать «бомбардиру», веря в его честность, распорядительность и профессионализм. В депеше от 23 апреля 1706 г. он сообщал М. Щепотеву, «благодарим вас за ваши труды и прочее. По получении сего письма Вы поезжайте к нам наперед тогда, когда фельдмаршал с полками из Астрахани к Смоленску пойдет»⁵².

Вскоре М.И. Щепотев в новой «посылке» и через Киев выехал «ко флоту» на Балтику, где, по словам царя, его ждала печальная, но «неслыханная слава». Под Выборгом 11 октября 1706 г. М. Щепотев и А. Дубасов в ночном дозоре натолкнулись на адмиральский шведский бот «Эсперн» и в абордажном бою погибли. Текст «Гистории свейской войны», отредактированный Петром Алексеевичем, сообщал: «На сем бою, наших от 48 человек осталось 18 живых и в том числе только четверо не раненных»⁵³.

Тело легендарного бомбардира лейб-гвардии М. Щепотева, впервые в истории российского ВМФ, транспортировалось на судне под Андреевским флагом в Петербург. Государь повелел «погресть» своего любимца на «кладбище, с провожанием единого батальона и о сем приобщить велению вице-адмирала и прочих»⁵⁴.

Надгробная рака графа Б.П. Шереметева. Церковь Св. Лазаря в Александро-Невской лавре. Фотография М.Ю. Данкова. 2016 г.

На что «Smirennuyu Anikit» (Н.М. Зотов. – *Авт.*), ответил: «Вечно достойный, не смертельной памяти непобедимых воинов ... господ Щепотева и Дубасова, всякия почести годные (и истинно рещи святые) телеса погребению преданы с подобающею честью октября в 21 день» и добавил: «...причем и г. вице-адмирал (К. Крюйс. – *Авт.*) был же»⁵⁵.

Когда М.И. Щепотева «предали» земле с «пушечною пальбою и мелким ружьем»⁵⁶, Петр I находился в Выборге. В этот траурный день он получил корреспонденцию и от К. Крюйса: «Поздравляю ваше величество от всего сердца с таким добрым военным обмогательством: таких случаев мало бывает и не часто то чинится»⁵⁷.

Между тем, вопрос о месте захоронения легендарного «уандер офицера» по-прежнему открыт. Версия, что его могила находится на кладбище Невского монастыря, ошибочна⁵⁸. Некрополь лавры Александра Невского стал складываться лишь в 1717 г., после возведения церкви Святого Лазаря⁵⁹. Также трудно представить, что сержанта погребли у церкви Сампсония Странноприимца, возникшей на Выборгской стороне около 1710 г.⁶⁰, или на погосте деревянной церкви Св. Исаакия Далматского, известной с конца 1706 г. у Адмиралтейства⁶¹.

Трагедия настолько потрясла государя, что тот долго не мог смириться с потерей сержанта, которого оплакивал в тече-

ние нескольких месяцев, а вспоминал до конца своих дней. В письме «из лагеря от Выборха» царь сообщал А.Д. Меншикову: «...еще посылаю присем во извещение, о чудном и никогда не слыханном морском партикулярном бое, журнал, который учинил господин Щепотев, и сею неслыханною славою живот свой окончил»⁶². Представители российской элиты, во многом завистники солдата, А. Меншиков, Б. Шереметев, Г. Головкин, Г. Долгорукий, видя печаль Петра Алексеевича, попытались 24 ноября 1706 г. успокоить царя: «О Щепотьеве не надлежит много рассуждать, понеже никогда без того и не такая игра бывает»⁶³.

Итак, на примере завораживающей биографии доверенного лица государя, бомбардира Преображенского полка М.И. Щепотева, и не менее интересной судьбы фельдмаршала Б.П. Шереметева нам удалось прикоснуться к драматическим событиям, связанным с подавлением в Астрахани стрелецкого мятежа, что позволило частично восстановить один из любопытных эпизодов истории отечества начала XVIII столетия.

¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 1, Ч. 2. Приложения. СПб., 1863. 629 с.; 706 с.; Голикова Н.Б. Астраханское восстание. 1705–1706 гг. М., 1975. 332 с.

² Данков М.Ю. «Неистовый» гвардеец царя Петра // Петровское время в лицах – 2004. Государственный Эрмитаж. СПб., 2004. С. 122–130; Его же. Сержант бомбардирской роты Преображенского полка // Чело. № 2 (33). Великий Новгород, 2005. С. 42–49; Его же. Материалы к биографии: М.И. Щепотев – сержант бомбардирской роты Преображенского полка // Защитники Отечества. Материалы XVII региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2005. С. 15–33; Его же. Бесстрашный рейнджер царя Петра // Север. 2011. № 9+10. С. 168–176; Данков М., Лапшов С. Сержант Петра Великого // Рейтар. Военно-исторический журнал. № 34 (1/2007). С. 26–38.

³ Чичерин А. История лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1725. Т. 1. СПб., 1883. С. 55.

⁴ Гиппиус В.И. Лейб-гвардии Бомбардирская рота в царствование Императора Петра Великого. Исторический очерк. СПб., 1883. С. 70.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Беснятых Ю.Н. Второе «пришествие» Петра I в Архангельск // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 98.

⁷ Цит. по кн.: Максимов С.В. Год на Севере. Т. I: Белое море. Гл. X. СПб., 1859. С. 600–601.

⁸ ПиБ (Письма и бумаги императора Петра Великого). Т. 1. СПб., 1887. С. 23–24.

⁹ Кротов П.А. Осударева дорога. 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 178–220; Данков М.Ю. Тайственный архив мегапроекта XVIII ве-

ка (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Петровское время в лицах – 2007. Труды Государственного Эрмитажа. XXXVIII. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 76–88; Его же. Таинственный архив мегапроекта XVIII в. (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги 1702 г.») // Петровское время в лицах – 2008. Труды Государственного Эрмитажа. XLIII. Материалы научной конференции. СПб., 2008. С. 83–87; Его же. Донесения строителей «Осударевой дороги» 1702 года // Двинская земля. Вып. 5. Материалы пятых межрегиональных общественно-научных, историко-краеведческих Стефановских чтений. Котлас, 2007. С. 8–21; Его же. Письма с Осударевой дороги // Чело. Альманах № 1. Великий Новгород, 2008. С. 26–35; Кротов П.А. Парская дорога 1702 г.: Исторический опыт взаимодействия центра и регионов // Центр и регионы в истории России. Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. СПб., 2010. С. 222–251; Его же. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. 309 с.

¹⁰ Криничная Н.А. Северные предания (Беломорско-Обонежский регион). Л., 1978. С. 126–162; Ее же. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 203.

¹¹ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 70. Л. 1–9.

¹² Новиков Н.И. О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно прибывших...// Иждивением Н. Новикова и компании. М., 1783. С. 108; Гиппиус В.И. Указ. соч. С. 59–60.

¹³ Веселаго Ф.Ф. Общий морской список. Ч. 1: От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 433.

¹⁴ Пекарский П.П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 142.

¹⁵ [Страленберг Ф.И.] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Т. 1. М., Л., 1985. С. 118.

¹⁶ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 109. Л. 22.

¹⁷ Там же. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 395.

¹⁸ Цит. по кн.: Максимов С.В. Указ. соч. С. 603.

¹⁹ ПиБ. Т. 2. СПб., 1889. С. 303.

²⁰ Там же. С. 331.

²¹ Там же.

²² Тимченко-Рубан Г.И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 66.

²³ Там же. С. 73.

²⁴ Елагин С.И. Материалы для истории русского флота. Ч. 1. СПб., 1865. С. 16.

²⁵ Исходя из современной метрической системы 80 x 24 x 9 фут. сегодня соответствуют 22,64 x 6,79 x 2,55 м. См. также: Куратов А.А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991. С. 12.

²⁶ Елагин С.И. Указ. соч. С. 17.

²⁷ Гиппиус В.И. Указ. соч. С. 121.

²⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 11. Оп. 3. Кн. 1. Л. 754.

²⁹ Цит. по кн.: Елагин С.И. Указ. соч. С. 36.

³⁰ Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 305.

³¹ Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 433–434.

- ³² Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения тех городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы Военно-ученого архива Главного Штаба. Т. 1. Ч. III // под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1871. С. 190.
- ³³ Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 490.
- ³⁴ Чичерин А. Указ. соч. С. 223.
- ³⁵ ПиБ. Т. 4. Ч. 1. № 1013, 1019, 1021, 1022. СПб., 1900; См. также Голикова Н.Б. Астраханское восстание. 1705–1706 гг. М., 1975. С. 258.
- ³⁶ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 258.
- ³⁷ Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 495.
- ³⁸ ПиБ. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1900. С. 771.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 77. Д. 3. Л. 65 об.–66. См. также: Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 285.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 77. Д. 3. Л. 95–96 об.
- ⁴¹ Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 497.
- ⁴² РГАДА. Ф. 158. Д. 10. 1706. Л. 8.
- ⁴³ Там же. Ф. 6. Д. 17. Л. 194–196.
- ⁴⁴ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 301.
- ⁴⁵ Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 503.
- ⁴⁶ Цит. по кн.: Чичерин А. Указ. соч. С. 225; См. также: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 405.
- ⁴⁷ Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 504.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 413.
- ⁵⁰ Там же. С. 414.
- ⁵¹ Цит. по кн.: Чичерин А. Указ. соч. С. 225; См. также: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 413.
- ⁵² Цит. по кн.: Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. XIV. М., 1788. С. 276.
- ⁵³ Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 493.
- ⁵⁴ Мегорский В.П. Осударева дорога // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1906. Петрозаводск, 1906. С. 329.
- ⁵⁵ Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 437.
- ⁵⁶ Цит. по кн.: Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 434.
- ⁵⁷ Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 437.
- ⁵⁸ Азанчевский М.П. История Преображенского полка. М., 1859. С. 74.
- ⁵⁹ Богданов И.А. ...Или забвение? // Нева. 1988. № 3. С. 196
- ⁶⁰ Квятковский А.В. Захоронения при Сампсониевском соборе в Санкт-Петербурге // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. СПб., 1996. С. 89.
- ⁶¹ РГА ВМФ. Архив Морского министерства, отдел Адмиралтейской канцелярии. Д. 16. Л. 288–295. См. также: Окунев С.Н. Загадка первой Исаакиевской церкви // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. СПб., 1995. С. 26.
- ⁶² Цит. по кн.: Устрялов Н.Г. Указ. соч. С. 447.
- ⁶³ Там же. С. 128.

А.Р. Джисоева (Санкт-Петербург)

ПРИНЦ ЛЮДВИГ ГЕССЕН-ГОМБУРГСКИЙ – ПОЛКОВНИК НАРВСКОГО ПОЛКА (1723–1727)

В НАУЧНОМ АРХИВЕ Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) сохранилось несколько дел, сформированных из писем Людвигу Гессен-Гомбургскому и нескольких его черновиков в бытность принца полковником Нарвского пехотного полка в 1723–1727 гг. Этот период остался неосвещенным в известном очерке истории полка¹, поэтому приводимые в публикации материалы могут быть полезны для уточнения одной из полковых историй. Кроме того, интересны также сведения о принце Людвиге, который, несмотря на блестящую карьеру в годы правления императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, звание генерал-фельдмаршала, которое он получил в 37-летнем возрасте, и должность генерал-фельдцейхмейстера, которую он занимал последние 10 лет своей недолгой, но очень яркой жизни, остался персонификацией странного образом почти незамеченной в отечественной историографии. О первых годах его пребывания в России тем более никто не вспоминал, известно лишь то, что он, едва поступив на службу в Русскую армию, наделал долгов и по финансовым же причинам не смог явиться на коронацию Екатерины Алексеевны в мае 1724 г.

Данная публикация едва ли может продолжить ряд апологетических работ последних лет о принце Людвиге, но представленные материалы архива ВИМАИВиВС дают хотя бы некоторое представление о личности принца в годы юности во время военной службы в России и дополняют историю его успешного продвижения по службе и при дворе.

Итак, Людвиг Гессен-Гомбургский (1705–1745) начал свою карьеру в России в чине полковника Нарвского полка. Зачислен был 1 ноября 1723 г., явился в полк в начале января 1724 г. в возрасте 19 лет. Передал свой пост родному брату Карлу 1 декабря 1727 г., получив чин генерал-майора Рижского гарнизона.

Очевидно, что принцу подобрали должность не слишком обременительную. Здесь он мог без особого труда адаптироваться к российской службе: в подчинении был подполковник-иноземец А.П. Девиц, на которого принц мог полностью положиться, да и все офицеры, списки которых регулярно встречаются в бумагах полковника², – русские и иноземные – в своих донесениях подсказывали принцу, что он должен делать, в форме просьбы о том или ином его распоряжении по текущему вопросу.

Квартировался полк в указанный период (1723–1727) в основном в Ревельской губернии, население которой имело знакомые принцу речь и менталитет (с 1726 г. – во Владимирской провинции).

При Гессен-Гомбургском Нарвский полк входил в дивизию генерал-аншефа и Киевской губернии генерал-губернатора князя Ивана Юрьевича Трубецкого, к которому и были обращены многие письма о судебных делах и наказаниях, переадресованные затем принцу³. По некоторым спорным вопросам к нему обращались как к полковнику Нарвского полка из Ревеля в Петербург уже летом 1723 г., поскольку о его готовящемся назначении, видимо, уже было известно. Так, 12 июля 1723 г. в ответ на майское письмо принца прапорщик Протопопов оправдывался в связи с жалобой гапсальского мещанина Гекеля. Этот пострадавший доложил принцу, что Протопопов не хотел слушать о его обидах от некоего солдата, да еще и нос ему перебил. Теперь прапорщик «рабски доносил», что помянутый Гекель часового, который у ящиков патронных стоял, шельмой и канальею называл, а на прапорщиковы требования изъяснений отвечал «с криком по-немецки», в итоге и получил ненароком «малую тростию» по лицу⁴. Это был не единственный случай стычки местного населения и представителей Русской армии. Письма по спорным делам и прошения постоянно приходили принцу и дальше на протяжении всей жизни, отличаясь по хронологическим периодам все более высоким рангом просителей. Жалобы на грубое обращение, даже с нарушением субординации, никогда не иссяка-

ли. И так, пришлось принцу знакомиться со своим полком не с парадного строя, а сразу с конфликтных вопросов, в том числе по делам предыдущих лет. Однако, учитывая, что в полку было около полутора тысяч человек и они в указанный период находились на недавно завоеванной территории, можно считать, что конфликтов все же было не много.

Личный состав полка на 4 декабря 1723 г. имел 4 штаб-офицера, 16 обер-офицеров при 8 ротах, 60 унтер-офицеров и 970 рядовых – всего «под ружьем» 1050 чел.; с больными и «добавочными» – 1263; на 102 больше с «неслужащими» (лекарями, профосами, плотниками и музыкантами (8 гобоистов и 16 барабанщиков)); итого всех чинов по табелю – 1366 (так в тексте), а с добавленными сверх табеля (клирики, аудитор, пушкари и др.) – 1481⁵. Там же указано количество лошадей: всего 252, из них артиллерийских – 12.

В одной из ведомостей, адресованных полковнику, приведен список всего полка поименно⁶. По табелю на 5 августа 1724 г. всего в полку всех чинов с «добавочными» было 1488 чел.⁷

Так и после, на протяжении 1723–1727 гг., при полку числилось до полутора тысяч человек⁸. Часть полка, надо полагать, регулярно занималась строевой подготовкой, около половины служащих направлялось на разные работы, например несение караульной службы в Ревеле, Москве, работы на Ладожском канале, помощь в Рогервике (видимо, в снаряжении экспедиции под руководством полковника Емельяна Маврина). В 1726 г. более 227 чел. были командированы в Низовой корпус⁹.

Постоянно было некоторое количество отсутствующих по причине отпуска домой или по болезни, а также командированных, как правило, на закупки для нужд полка куда-нибудь неподалеку, или же в Москву для получения «амуничных вещей», или в Санкт-Петербург за денежной казной¹⁰.

Особое внимание в полку всегда уделялось музыкантам и так называемым великанам. Музыканты – гобоисты – держались, видимо, особняком: одно время они пребывали в Ревеле, куда не без хлопот им доставляли положенный им провиант. С ними в их повозке как-то раз собирался отправить свой багаж при переезде на новые квартиры господин полковник¹¹. Гобоисты были при штабе и по одному человеку в каждой роте. Их имена с говорящими фамилиями (Дроздов, Соловьев) приведены в ведомос-

тях полка¹². Незадолго до вступления принца Людвига в должность полковника в Нарвском полку «убыло» 2 гобоиста: один умер в марте 1723 г., а другой летом «зарезался сам»¹³. Это влекло за собой хлопотливые поиски новых музыкантов или обученные кого-то из рядовых.

Что касается состава штаб- и обер-офицеров, молодой полковник старался по возможности подбирать на открывавшиеся «вакансии» людей, владеющих и русским, и немецким языками. Так, в челобитной Ее Императорскому Величеству в феврале 1725 г. он писал: «...понеже мне, яко чужестранному, вельми потребно, ежели таких афицеров получю, которые в немецком и российском языках искусны... прошу... определить при моем полку в подпоручики кондуктора Андрея Инглиса, которой при инженерном штате обретаецца»¹⁴ (позже, в 1727 г., он упоминается в чине прапорщика¹⁵). В 1726 г., также по просьбе принца Людвига, был принят в полк в солдаты лифляндский шляхтич Фридрих Александр Эссен¹⁶.

Правда, в результате соотношение иноземцев и русских обер-офицеров почти не изменилось. По ведомости 1723 г. в полку среди штаб-офицеров иноземцами были подполковник Андрей Петрович Девиц, поручик 1 роты Иван Иванович Дрозман, капитан 2 роты Николай Христофорович Де Энгельбрехт, капитан 3 роты Яков «Кашперов сын» Раковской, капитан 6 роты Герман Фридрих фон Дельви́г и лекарь Вилим Клернер¹⁷. Летом 1724 г. в полку появился майор Дебособр (de Beausobre, сын известного протестантского религиозного деятеля), или «Де Беаусобре», как сам он подписывал свои рапорты русскими буквами¹⁸. Однако, по ведомости 1725 г., почему-то названы все те же имена иноземцев, что были в 1723 г., добавилось лишь уточнение о том, где они служили прежде¹⁹. В списке офицеров 1727 г., достойных к произведению в следующий чин, добавилось еще несколько западноевропейских имен²⁰.

Вообще вопросы по личному составу (о принятии в полк, переводе, повышении или отставке) в рассматриваемый период занимали довольно значительную часть переписки полковника в сравнении с остальными – о несении службы, например. Боевых задач, понятно, в эти годы в этих землях вообще не ставилось. Это еще раз указывает на довольно спокойные условия службы принца в Эстляндии. Сохранилась довольно обширная перепис-

ка по поводу перевода в Нарвский полк гренадера Ингерманландского пехотного полка Ивана Оболянинова, ввиду «малова числа в Нарвском пехотном полку умеющих грамоте»²¹. В обмен вместо него просили перевести Андрея Журавлева, самого высокого солдата в полку²². Затем цепочкой потянулись ходатайства о повышении Оболянинова чином и т. д.²³ В итоге Иван стал более или менее доверенным лицом принца, так как оставался приглядывать за обозом принца в его отсутствие, и позже сопровождал в Петербург²⁴. Не удалось выяснить, отдали ли в итоге Журавлева, но чертова дюжина таких «великанов» готовилась к отправке в Пруссию, очевидно в знаменитую гвардию прусского короля Фридриха Вильгельма²⁵.

Не последнюю роль в суете с новыми назначениями и повышениями по службе сыграло и то, что Нарвской полк, как внезапно «стало известно», имеет «великое счастье... дал Бох в полк милосердного полковника, яко отец к детям»²⁶. Поэтому, как только по Ревелю проносился слух, что кто-то из офицеров берет себе «апшит», сразу начинали писать прошения милосердному полковнику.

Однако же, если вернуться к делам, собственно, службы, то по многочисленным табелям, прилагаемым к донесениям, видно, что только половина полка всегда была «налицо» в боевой готовности²⁷. Так как большинство рапортов были написаны подполковником Девицом из эстляндских мыз (Киды, например, или Альт Гарма), а позднее из Гапсаля, можно предположить, что полк располагался лагерем или же в «квартирах» в соответствующих поселениях. Видимо, эта часть и занималась строевой подготовкой. Примерно десятая его часть (иногда более 200 чел.) несла караульную службу в Ревельской крепости²⁸. Там же, вероятно, и квартировалась. Больные в лазарете, арестанты с конвоирами, а также отпущенные домой и командированные по делам полка в Ригу, Москву и Петербург составляли вторую половину. По табелю от 2 февраля 1724 г. почти половина полка была командирована на Ладогу на работы по рытью канала – 730 чел., включая обер-офицеров и музыкантов²⁹. Небольшая часть личного состава (54 чел.) и полковых лошадей была отдана в Рогервик под руководство полковника Емельяна Маврина, участвовавшего в подготовке так называемой Мадагаскарской экспедиции. Узнаем об этом из рапортов: когда в ноябре 1724 г. пришло

время полку сняться с места и маршировать в Нарву, полковник Маврин долго не отдавал лошадей и их погонщиков и обозных «без особого указа»³⁰.

В конце 1724 г. принцу Людвигу пришел указ о его назначении в Нарву комендантом. Но вскоре, в начале 1725 г., пришел другой указ: о переправке полка к строительным работам на Ладожском канале до марта 1725 г.³¹ В еще одном, повторном, указе содержались категоричные формулировки, грозящие трибуналом, так как принц промедлил с его исполнением, потратив время на уточняющие запросы в Военную коллегияю. Однако 25 января ему уже докладывал поручик Трегубов о том, что он прибыл с отряженной частью полка на Ладогу, как того требовал указ, и явился к генерал-лейтенанту фон Миниху³².

В апреле и летом 1725 г. появляются рапорты о сборе подушных денег в «Володимерской провинции» и осмотре мест будущего расквартирования полка во Владимирском уезде³³. Это и было наиболее важной задачей в наступившее мирное время – собрать подать и прокормиться на часть собранных денег.

В мае 1725 г. полк готовился стоять «в полатках» летним лагерем³⁴. Затем вернулся в Ревель, а позже должен был маршировать на зимние квартиры во Владимирскую провинцию. Места выдачи полку провианта по маршруту следования указывают на кратчайшую дорогу из Ревеля до Владимира: Ревель, Нарва, Вышний Волочек, Тверь, Москва, Владимир³⁵. Часть полка зимой 1726 г. была направлена в Низовой корпус, включая гобоистов и 23 барабанщика³⁶.

Полковник и подполковник (принц Людвиг и А.П. Девиц) зимой 1725–1726 гг. были отпущены в Санкт-Петербург. Тогда же подполковник Девиц получил чин полковника и исчез из ведомостей полка. На его место был из майоров пожалован в подполковники Сава Михайлович Шушерин, возглавивший роту, направленную в Персию³⁷.

В 1727 г. полк готовился к отправке на запад в Смоленск «в помощь цесарскую»³⁸ ввиду развернувшейся дипломатической борьбы между Венской коалицией, в которую вошла Россия, и противостоявшим ей Ганноверским союзом. И судя по донесениям полковнику, присылаемым из разных пунктов Ост-зейдского края о происшествиях осени 1727 г., полк действительно продвигался на запад.

Заметно, что в наступившее относительно мирное время задачи, стоявшие перед полком, не требовали сверхчеловеческого напряжения сил, как это было в его недавнем героическом прошлом. Однако в новых условиях службы определенно нужно было иметь терпение, так как начался период опробования и становления новой системы содержания регулярной армии. Как известно, по мысли государя-реформатора, полки должны были собирать в казну подушную подать с населения назначенного каждому полку «дистрикта», уметь себя прокормить из этого же источника и еще располагаться большею частью в домах все этого же, вроде бы, не вражеского, но бесконечно отягощаемого населения. Так что тяжело было всем, но каждой стороне по-своему.

Провиант в Эстляндии штаб полка получал каждый месяц: 66 порций рационов из семи мыз, а рационные на каждую роту собирались с более двухсот мыз из почти трех десятков кирхшпилей (их перечень сохранился)³⁹. Служащие, пребывавшие в Ревеле, иногда получали провиант с перебоем, так как в мызах местные обыватели своих подвод не давали, а казенные тоже были не всегда. Так, например, было в случае с задержкой провианта 2 писарям, цирюльнику, 7 гобоистам и 2 солдатам, «которые на гобоях учатца играть»⁴⁰. В другой раз дожидались по переезде на новое место «кухарной палубы», о которой долго не было известий. Впрочем, рапорт о начавшемся движении по хозяйству и обещание, что «фурман и кухен начнем делать скоро», все же через несколько месяцев пришли⁴¹. Поступавшие порции рационов на вакансии распределялись на усмотрение подполковника Девица с рассуждением, и почему-то часто в пользу обозных⁴². Свои «рационы» полагались, естественно, и лошадям⁴³. По особой инструкции получали провиант также на артиллерийских служителей⁴⁴.

Провиант представлял собой порции муки, крупы и соли.

Более изысканные продукты доставляли полковнику. Так, в одном из донесений ему от Девица говорится, что «люди Вашей светлости Фолц и Франц прибыли в Ревель для покупки вина, вести в Гапсаль, в которое вино класть будут огородные овощи по приказу Вашей светлости»⁴⁵.

С жалованьем дела обстояли немного иначе. Выплаты задерживали на полгода и больше, причем всем – от рядовых до пол-

ковника. Свои деньги принц не мог получить больше полугода (с соответствующим дальнейшим отставанием)⁴⁶. Это легко объясняет тот факт, что принц не смог прибыть на столь важное для него мероприятие, как коронация Екатерины Алексеевны.

Только в начале лета 1724 г. обер-комендант Ревеля генерал-майор фон Дельден получил указ императора от 24 апреля о том, что полковнику Нарвского полка надлежит получить жалованье, положенное по регламенту, однако для этого, как выяснилось, необходимо переслать полученный указ в кригс-комиссариат. Таким образом, выплата жалованья полковнику задерживалась еще на неопределенный срок. Летом 1725 г. вопрос по поводу жалованья принца все еще решался⁴⁷. Тревожные рапорты об ожидании комиссара с жалованьем за 5 месяцев «прошлого года» регулярно встречаются в бумагах походной канцелярии полковника. Ожидали, судя по тем же рапортам, амуничные вещи, барабанные перевязи, потом барабаны и гобои и многое еще привычно терпеливо ждали, и, в конце концов, все, что давно было так нужно, действительно появлялось. Ожидание это, впрочем, не было пассивным. Необходимо было заранее учесть разные важные нюансы: например, работающие в Рогервике должны были вовремя просить не вычитать им из жалованья мундирные деньги, так как они получили мундиры от тамошнего руководства⁴⁸.

Заботы об обновлении амуничных вещей тоже требовали выдержки и приложения больших усилий. В 1724 г. после составления подробных ведомостей о состоянии амуниции ветхие вещи были отправлены в Петербург, в том числе 8 знамен, 8 значков, 1200 шпаг, 25 солдатских палаток, 2 барабанных намета и многое другое⁴⁹. Одновременно из Пскова были привезены сапоги, башмаки, «чюлки валенные московской работы», полотна на рубашки и порты. Кое-что приходилось шить на месте, прямо в полку. О том, насколько это бывало неудобно, свидетельствует сумбурный рапорт поручика Дрозмана от 17 марта 1724 г., в котором он докладывает полковнику, что нашел портных, но организация процесса пошива мундира была рассчитана на понимание всеми причастными сложности ситуации: «Но токмо подкамисар Ланга напрасно меня... оболгал, будто поставил в квартиру ему, Ланге, 10 человек..., разве он на то почитает..., что у него 6 человек портных шили, и... иначе было обойтйтца нельзя, ибо солдаты,

которые шьют – 30 человек, и всем в той избе, где я стою, шить невозможно; и в моей квартире этако 10 человек шьют»⁵⁰.

В экипировке огнестрельное оружие и шпаги были, в основном, исправные, а вот кожа и текстиль истлели – все солдатские кафтаны были признаны негодными даже в починку, также штаны, шляпы, ранцы и ремни⁵¹. К концу апреля почти все, что требовалось, было получено, включая кисти к протазанам: золотые – полковнику, серебряные – подполковнику, майору – золотые с серебром и по 8 штук шелковых белых капитанских, зеленые «поручиковых» и красных «подпоручиковых»⁵².

Заботы об амуниции были ежегодными, но вариативными. В один год получают чулки и барабаны, в другой кафтаны из «калиминковой» ткани «российской фабрики» с соответствующим «прикладом»⁵³. В 1726 г. было заказано литье эфесов шпаг с золочением и темнением⁵⁴.

Амуничные вещи даже «российской фабрики» были так дороги, что в рапорте о бежавшем солдате, судя по точному перечню бежавших с ним кафтана, камзола, шляпы, штанов, епанчи, шпаги с портупеей, фляги водоносной и ранца, большую озабоченность вызывала пропажа мундирного комплекта⁵⁵. Иногда с этими комплектами происходили совсем удивительные вещи. Как-то раз шедший по полковому заданию солдат подвергся нападению грабителей. Едва живой, он на следующий день был найден добрым крестьянином, который приблизился к избитому солдату в его платье и милосердно напоил пострадавшего из его же рожка⁵⁶.

Отметим также некоторые обстоятельства проживания служащих полка. Есть письма, в которых немного проясняется место квартирования полка – в основном, где-то под Нарвой и в Ревеле. Так, например, в одном из рапортов октября 1724 г. полковнику от некоего сержанта говорится, что «квартира полку нашего от Нарвы в близости, от Ревеля в дальнем расстоянии, и будет в том нам великой труд... в полку нам евиться своему камандиру»⁵⁷. Кроме того, мы не раз встречали самые разные названия мест в Эстляндии, из которых полковнику рапортовали его ротные командиры. Зимой 1725 г., когда полк направлялся к Ладогe, полковник Маврин советовал принцу добиваться винтерквартир там же⁵⁸, что наверняка и было сделано. С первых чисел лета 1724 и 1725 гг. полк «вступал в ла-

герь» в предместье («форштадте») Ревеля⁵⁹. Зимой 1726 г. полк из Ревеля перебрался на «винтерквартиры» во Владимирскую провинцию Московской губернии. Слободу для размещения полка в этом новом месте, в 10–20 верстах от Владимира, было велено строить к 1726 г. – еще за 2 года до переезда⁶⁰. Таким образом, Нарвский полк был постоянно в движении, очень недолго стоял на одном месте и, как минимум, 2 раза в год переезжал: в летний лагерь и из него, но не обязательно на прежние квартиры.

Многие дома, где стояли солдаты, нуждались в серьезной починке, а некоторые горели от недостатка бдительности обитателей. Так, в одной избе, где заночевали капрал и 14 чел. солдат, хозяйка в полночь проснулась, засветила огонь и закурила трубку, а потом опять легла спать. В доме начался пожар, так что 2 шпаги, 2 португеи, шляпа черная, две сумы и ружье со штыком сгорели⁶¹. К слову об амуниции, напомним, что иногда прямо на квартирах могли шить портные. Многие серьезные затруднения следовали во время самих переходов на новое место расположения: подвод не хватало, также и саней (когда дело было зимой). Переписка в ноябре 1724 г. в ожидании саней из Ревеля для переезда «на вечные квартиры» была достаточно напряженной: сани нужны были под артиллерию, патронные ящики, под церковную палубу, кухню, и аптеку⁶².

Трудности своего рода были и у высших чинов полка. Так, сам полковник долго не мог выбрать себе квартиру в Ревеле, пока, наконец, не удалось договориться о сходной плате за покои с 5-ю комнатами⁶³. В них, скорее всего, должны были проживать оба брата-принца со своими денщиками и «кухарем». Кроме того, как выясняется из рапортов, «по закону веры христианския надлежит быть церкви и священнику при квартере вашей светлости» (речь шла о квартире в Гапселе)⁶⁴, что, учитывая лютеранское вероисповедание полковника, тоже могло быть несколько стеснительным.

Позднее, когда братья Гессен-Гомбургские были отпущены в Петербург в 1726 г., жилье, которое им было предоставлено на Адмиралтейской стороне, опять было неудовлетворительным – людских покоев не хватало. Принцы вызвали строителей-плотников для постройки дополнительных помещений для прислуги, но работы были остановлены полицмейстером. Пришлось

писать императрице и полицмейстеру, чтобы разрешили достроить еще помещения для прислуги⁶⁵.

Однако при всем сочувствии к принцам мы не можем оставить без упоминания действительно ужасные лишения, которые порой претерпевали рядовые в лазаретах.

Несмотря на то что в рапортах обнадеживающе звучат сообщения о прибытии полковой аптеки в очередное место квартирования полка⁶⁶, все же медикаменты любого времени бессильны перед небрежением к людям. Подполковник Девиц докладывал принцу о необходимости позаботиться о больных, «которые в лазарете претерпевают великою нужду в неимении провианту, понеже оным из роты провиант не присылали прошедшаго октебря на вторую половину и на нынешней ноябрь, и почти оныя по миру ходят...»⁶⁷, и дело старались исправить. Однако в лазарете регулярно кто-то умирал⁶⁸. В апреле 1724 г. скончался гобойист Иван Коренев⁶⁹, о чем полковнику отдельно сообщил полковой лекарь.

Лекарь Клернер, вероятно, был человеком самоотверженным и определенно посвящал себя больным: сохранилось письмо Девица от 21 февраля 1725 г., в котором он передает просьбу лекаря оставить его во время присяги в лазарете с тяжелыми больными, «дабы ему присягать в обще, как больныя станут присягу чинить»⁷⁰. Сохранился доклад от 18 января 1725 г. о больных из всех 8 рот Нарвского полка, написанный рукой Вильяма Клернера, полкового хирурга, как сам он подписывался на латыни⁷¹. К сожалению, благородное его служение людям сопровождалось досадным несовершенством системы, вызывавшим нехватку провианта у его пациентов из-за недосмотра командиров и постоянную поломку колес «медикаментного» ящика⁷². Вместе с тем, это было время, когда уделять внимание хотя бы аптекарским ящикам считалось целесообразным, и в ответ на жалобу принца в Медицинскую канцелярию, что «полковой лекарской сундук стался ветох», был получен ответ, подписанный рукой самого Иоганна Блюментроста – президента Медицинской канцелярии, соратника Петра I и некогда его личного врача. В письме сообщалось, что новый сундук «дастся из аптеки», и по дороге к зимним квартирам лекарь может заехать в Санкт-Петербург и сундук забрать, а «для воски онога лошадей и на них корму благоволите требовать из военной коллегии⁷³».

Отметим также гуманное отношение в полку к солдатам с увечьем: так, офицеры полка и лекарь, по предложению генерал-майора фон Дельдена, курировавшего расследование инцидента, в котором был ранен солдат⁷⁴, свидетельствовали, что солдат Степан Скопин из-за отнятого пальца «мушкетерскую службу действительно снести не весьма может, понеже, как повелено будет ему... держать ружье на плече, то... четырьмя пальцы держать будет с трудом»⁷⁵. Причем, по данным, приведенным ниже, речь шла об отнятом мизинце левой руки.

В полку время от времени проводились медицинские осмотры нижних чинов для освидетельствования состояния здоровья. Списки негодных к службе по старости или болезням подписаны офицерами полка и полковым хирургом Вилимом Клернером. В 1727 г. из 41 чел. 22 получили отставку по старости и дряхлости, в основном в возрасте около 50 лет, остальные в среднем были на 10 лет моложе и большею частью с диагнозом «животом скорбен». Были также страдающие цингой, чахоткой и французской болезнью, ломотой в костях и разными увечьями от ранений и несчастных случаев⁷⁶.

Еще одна фигура в полку должна была быть если не примером гуманности, то олицетворением милосердия. Полковой священник Феодор Полозов должен был причащать святых таинств личный состав полка, отпевать «убывших» по воле Божьей, а также вести церемонию присяги. Обитал он в Ревеле, регулярно исповедуя караульных. Но для проведения присяги он должен был прибыть в Гапсаль к «указному» числу февраля 1725 г. за 2 дня до церемонии, чтобы походную церковь «поставить благо-временно»⁷⁷. Однако священник по своей немощи, как он писал полковнику, «службы Божии в церкви отправлять» не мог, по ротам ездить также не мог, да «и не на чем, понеже лошади худы»⁷⁸. Тогда, действительно, в полку пало много лошадей⁷⁹. Тогда подполковник Девиц изыскал возможность привезти священника в Гапсаль, и присяга была проведена под бой обшитого черным сукном барабана (ввиду траура по государю императору).

Священник Феодор Полозов, видимо из-за слабого здоровья, со своими обязанностями справлялся не вполне. Так, его больше двух недель ждали для отпевания умершего извозчика на одной из квартир за пределами Ревеля⁸⁰, в итоге, видимо, пришлось похоронить без отпевания. Зато, как сам священник пишет в чело-

битной принцу, когда «урядники и солдаты и прочие волею Божиею от сего света в вечное блаженства» отходят, «до прибытии к полку... высококняжеской светлости за некоторых умерших получал себе по обхаждению российскому по духовности за труд свой остаточные от умерших деньги». Но с появлением принца, по словам пишущего ему священника, хотя и многие «от сего света отошли в вечное блаженство», за которых он в церкви Божьей поминовение отправлял, «а после оных умерших остаточные их деньги собраны в полку, а именно 14 рублей 87 копеек»⁸¹, но без повеления его светлости священнику за его труд денег не отдают.

Кроме того, в соответствии с указом из Правительствующего Сената и Святейшего Синода, полковой священник должен был «сыскивать» раскольников и объявлять о них командиру. Так, в донесении от 9 июня он писал полковнику, что солдат Петр Шолохов «креститься раскольниковым крестом» (двумя перстами), а на исповеди ничего о себе как о раскольнике не объявлял⁸². Таким образом, священник, действительно, по мере своих сил старался исполнять свои обязанности добросовестно, а то, что не выезжал на отпевание к умершим на большом от него расстоянии, так это, возможно, от того, что все равно «остаточные» деньги ему за это давать перестали.

Были в полку также грубые нарушители закона. Нередки были стычки между служащими полка и местным населением. К примеру, майор Василий Нармоцкий 4 мая 1724 г. принял под караул по ордеру генерал-майора фон Дельдена солдата, обвиняемого в «убийстве бабы»⁸³. 12 декабря 1724 г. испустил дух извозчик (тот самый, к которому долго не ехали отпевать), избитый бобылем, прибывшим с работы в Рогервике⁸⁴. Среди арестантов в 1724 г. был также подполковник Грефс⁸⁵.

В апреле 1725 г. семь мужиков «Кульмиц мызы» напали на солдата и «двух человек офицерских» в корчме у кирхи Ерьгин. В драке мужики ножами серьезно повредили кисти рук солдата и денщика. Двое мужиков были пойманы, остальные пять разбежались⁸⁶. Пострадавшие были доставлены к ревельскому лекарю, в результате чего у солдата палец левой руки был отнят. Судил виновников местный суд – «ман рихтер Тизенгаузен»⁸⁷. В полку же стали хлопотать о возмещении ущерба пострадавшему штрафом⁸⁸, и в итоге, действительно, один из схваченных му-

жиков Юрий Вала по решению суда и ордеру от коменданта фон Дельдена был приговорен к 20 парам розг и штрафам в пользу солдата Степана Скопина в размере 20 ефимков, денщику Федору Афонасьеву – 2 ефимка, лекарю – 6 ефимков. Другой мужик был приговорен к 10 парам розг.

В феврале 1727 г. разбиралось дело об упущении колодника лейб-гвардии Семеновского полку капрала Ивана Юрлова, который содержался в своем же доме, и об изготовителе фальшивого паспорта Федоре Чернышеве, которому было определено тяжелое наказание розгами⁸⁹.

В феврале же 1727 г., предположительно во Владимире, из запечатанной «палубы» (парковой повозки) пропал холст для палатки. Ответы допрошенных караульных, в чье дежурство была совершена кража, рисуют картину безмятежности: караульные ничего не видели, печать не осматривали, поэтому ни взлом, ни подмену обнаружить не могли⁹⁰. Были они наказаны или нет – выяснить не удалось.

Было и еще одно загадочное происшествие: 23 октября 1727 г. полк маршировал из Владимирской провинции на Запад, и уже где-то в Эстляндии капитан Фридрих Вильгельм Удам отклонился в сторону от дороги к одной мызе, в дом ландрата Бедбера, точнее к его жене. Выбил стекла «в избе», потом дрался со служителями, жившими в этом доме, потом ландратша послала за майором Нармоцким с жалобой. У зачинщика инцидента служители отняли шпагу, а когда все помирились, шпагу вернули. Капитан же поехал почему-то ночевать к арестантам и там еще отхлестал по щекам подпоручика Анзера⁹¹. Вопрос должен был быть разрешен полковником. Возможно, эта история как-то повлияла на карьерный рост капитана, так как в списке офицеров полка с отметкой, кто достоин и кто не достоин «к произведению в чин», напротив его имени слова «к произведению был достоин» стерты, о чем можно догадаться по едва видимым очертаниям остатков записи, совпадающих с графикой этой формулировки напротив других фамилий ниже.

Таким образом принц Людвиг в относительно мирное время постигал особенности службы в Русской армии. Не все всегда шло гладко, бывали перебои с провиантом, задержки жалования, задержки в переправке полка из-за недостатка подвод или саней и т. д., но, в целом, он быстро сориентировался. Был од-

нажды неловкий случай, о котором мы уже упоминали, когда принц получил указ из Военной коллегии следовать с полком в Нарву, а ему быть комендантом Нарвы, и вслед за ним другой – от генерала Трубецкого – следовать на «канальные работы» на Ладогу. Имея на руках два указа, Людвиг Гессен-Гомбургский выбрал к исполнению первый, который, видимо, ему понравился больше, и стал писать в Военную коллегия, чтобы уточнить, как следует поступить. Незамедлительно и резко ему растолковали, что не следует входить дискуссии по вопросам приказов, исходящих от непосредственного командира⁹². Это, пожалуй, на первых порах был самый серьезный урок, который ему преподнесла служба.

Принц изучал русский язык, пробовал писать и довольно скоро научился неуклюжей размашистой скорописи. Но были у него и вполне аккуратные записки. Среди бумаг 1724 г. есть черновик, в котором под списком прибывших и принятых припасов старательным почерком теми же чернилами, что и список, выведены аккуратные слова, как кажется, принадлежащие принцу. Они написаны со школярским старанием и с ошибками, похожими на акцент иноземца: «Вели примать Артилерние припаси в савтре безотменно; доношение об жалование на две месяца 1724 году Гранодерской роте, а на весь 1723 оной же роте; доношение об фуриера Каплунова и салдате Соколове; писаря Ивана Ефремова сыскать; Нелюбова: капитана сисши скоро и скажи, что князь ево спрашивать. Пади скоро, господин мой, пади, не упрямяся, не честь твоя, врюшь, не дури, не шели, полно...»⁹³ Возможно, что это были штудии разговорной речи. Почерк похож на его же аккуратно выведенную подпись под письмом подполковнику Степану Тимофеевичу Грекову от 11 декабря 1724 г.⁹⁴

Возможно, самой большой и болезненной неожиданностью для принца была чудовищная задержка жалованья, из-за которой принц попал в глупейшую ситуацию. Как мы уже писали выше, вопрос назначения ему жалованья только начал решаться в переписке летом 1724 г. Неудивительно поэтому, что он не смог в апреле 1724 г. явиться из Ревеля на коронацию Екатерины Алексеевны в Москве.

Перечень имен приближенных лиц, сопровождавших Екатерину Алексеевну во время церемонии, был доставлен ему в Ре-

вель 22 мая 1724 г. В нем также отмечены фейерверки, взрывающиеся гирляндами света вокруг «короны цесарской» и подушки со скипетром и державой. Над всем этим было написано: «от Бога... и супруга». Было также отмечено, что «во время ж того фейерверку выпущено ракет полу 3-х пудовых, 6 и 4 полупудовых и прочих больших, средних и малых..., такожде и на Москве реке учинен был особливой фейерверк и сожжен»⁹⁵. Далее шло «известие» с перечнем повышений присутствовавших при коронации персон.

На похороны Петра I в марте 1725 г. принц все же, конечно, поехал. Правда, императрица Екатерина Алексеевна, предвидя затруднения, в указе, которым повелевала ему явиться в Санкт-Петербург «для погребения блаженныя и вечно достойныя памяти его императорского величества», приказала также выдавать «его светлости по учрежденным почтам... пять почтовых подвод с проводники, имая поверстные деньги по шести копеек на десять верст»⁹⁶. Однако проблемы безденежья по-прежнему продолжались: перед самым отъездом принца, в конце февраля, комендант Ревеля генерал-майор фон Дельден, написавший принцу подорожную 3 марта, просил возвратить ему долг – 200 р.⁹⁷

Принц, отправляясь в Петербург, собирался подать челобитные (их черновики остались в его бумагах): в одной он просил императрицу «Катарину Алексиевну» об Обольянинове, за которого, в свою очередь, были просители перед ним самим, а в другой, в Адмиралтейскую коллегияю, он хлопотал о внешнем виде гребцов, которые были при нем с братом Карлом и которым «нужно выдать чулки и прочее ради печали по государю»⁹⁸. К услугам братьев Гессен-Гомбургских, которые, очевидно, все это время жили и держались вместе, были выделены по приказу генерал-адмирала графа Федора Матвеевича Апраксина квартирмейстер, 10 гребцов и шляпка⁹⁹, на которой, видимо, в основном и перемещались принцы вдоль берега, где, скорее всего, были размещены части полка. Из Адмиралтейства же приходили на гребцов новые «особливые» мундиры, а в 1725 г., по словам принца, «они гребцы как мундир, так шулки, башмаки и рубахи не получали, и по все поре... адмиралитетской мундир с гербом и носят»¹⁰⁰. В связи с этим Людвиг Гессен-Гомбургский просил Адмиралтейскую коллегияю выдать греб-

цам для «ниннешни печаль» черный мундир, кафтан и остальное, как в прошлые годы.

Несмотря на то что он, вероятно, понимал свою скромную роль при полку, в котором его подчиненные офицеры прекрасно справлялись со всеми задачами, следуя не столько распоряжениям полковника, сколько инструкциям, еще и подсказывая юному командиру ожидаемые от него действия, он все же ответственно подошел к исполнению этой своей роли и делал все, что от него требовалось. Но так как, тем не менее, ему было важно «снять» все, что происходит под его, пусть номинальным, руководством, он крайне раздражался, когда рапорты к нему приходили с задержкой. Так, он писал подполковнику Девицу 18 апреля 1725 г. из Санкт-Петербурга (приводим первый черновой вариант, многие слова которого зачеркнуты и заменены): «Я уже два раз к тебя писал, а не токмо некоторой ответству не получила, такожде рапортов или табелув не какову от тебя не видаль, хотя я уже больше полтара месяцев от полку отъехал, того ради таво часу по получения сего изволите репорту и табелув к нам прислать неумедленно, или коли не слушать мне станезь, то буду я просить на тебя суда в Военную калегию»¹⁰¹.

На протяжении всего срока пребывания полковником Нарвского полка принц регулярно получал письма на «чюжеземском» языке, о которых ему докладывали среди прочего в рапортах¹⁰². Именно эта тесная связь с европейским миром делала принца особенно востребованным позднее, в правление императриц Анны и Елизаветы, стремившихся европеизировать придворную культуру не меньше, чем Петр I свою армию. Когда принц Людвиг успешно прошел испытания первых лет службы в Русской армии, и с 1730-х гг. его военная карьера стремительно пошла вверх, международная переписка принца велась, кроме немецкого, на польском и арабском языках, включала шифрованную тайнопись резидентов в Турции и латынь просвещенных священнослужителей.

Бумаги полковника Людвиг Гессен-Гомбургского выпали из поля зрения исследователей полковой истории Нарвского пехотного полка почти случайно. Они продолжали оставаться в походной канцелярии принца до последних дней его пребывания в должности генерал-фельдцейхмейстера, которую он занимал с 1735 по 1745 гг., и после смерти принца отложились в ар-

хиве Канцелярии артиллерии и фортификации, где их, естественно, никто не искал. Но мы надеемся, что представленные в этом сообщении материалы заинтересуют исследователей полковых историй и новых биографов принца Людвига и будут использованы в их трудах.

¹ Российский М.А. Очерк истории 3-го Пехотного Нарвского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. 1703–1903. М., 1904.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 3. Д. 57. Л. 16.

³ Там же. Л. 1–3.

⁴ Там же. Л. 8–9.

⁵ Там же. Л. 4 об.–5.

⁶ Там же. Л. 16–33 об.

⁷ Там же. Л. 96.

⁸ Там же Л. 143, 162; Д. 92. Л. 77, 104–105; Д. 165. Л. 98.

⁹ Там же. Д. 107. Л. 142–146 об.

¹⁰ Там же. Д. 92. Л. 166.

¹¹ Там же. Д. 57. Л. 146.

¹² Там же. Д. 92. Л. 217–236 об.

¹³ Там же. Л. 239.

¹⁴ Там же. Л. 56–56 об.

¹⁵ Там же Д. 165. Л. 76.

¹⁶ Там же. Д. 107. Л. 17.

¹⁷ Там же. Д. 92. Л. 16–33 об.

¹⁸ Там же. Д. 57. Л. 75 об., 78.

¹⁹ Там же. Д. 92. Л. 210–211 об.

²⁰ Там же. Д. 165. Л. 98–101.

²¹ Там же. Д. 92. Л. 71.

²² Там же. Л. 75–76 об.

²³ Там же. Д. 57. Л. 125–126.

²⁴ Там же. Д. 92. Л. 172 об.

²⁵ Там же. Д. 57. Л. 143.

²⁶ Там же. Д. 92. Л. 149–150.

²⁷ Там же. Д. 57. Л. 143.

²⁸ Там же. Л. 42, 143.

²⁹ Там же. Л. 87–88.

³⁰ Там же. Л. 69–72.

³¹ Там же. Д. 92. Л. 14–14 об.

³² Там же. Л. 23–24.

³³ Там же. Л. 91, 117–118.

³⁴ Там же. Л. 82–84.

³⁵ Там же. Л. 212 об., 243–244, 252–262, 274–275, 291–293. Среди бумаг 1726 г. есть роспись мест несения караула Нарвского полка в Москве (Там же. Д. 107. Л. 189–190).

³⁶ Там же. Л. 20, 142.

³⁷ Там же. Л. 22.

- ³⁸ Там же. Д. 165. Л. 42–43.
³⁹ Там же. Д. 57. Л. 59–62 об.
⁴⁰ Там же. Л. 88–90.
⁴¹ Там же. Л. 85; Д. 92. Л. 73.
⁴² Там же. Д. 57. Л. 160–161.
⁴³ Там же. Д. 92. Л. 183.
⁴⁴ Там же. Д. 107. Л. 255.
⁴⁵ Там же. Д. 92. Л. 180 об.
⁴⁶ Там же. Д. 57. Л. 68.
⁴⁷ Там же. Д. 92. Л. 142–142 об.
⁴⁸ Там же. Д. 57. Л. 169–170.
⁴⁹ Там же. Л. 92–93 об.
⁵⁰ Там же. Д. 57. Л. 112–113.
⁵¹ Там же. Л. 6 об.–7.
⁵² Там же. Л. 47.
⁵³ Там же. Д. 92. Л. 65; Д. 165. Л. 1–11.
⁵⁴ Там же. Д. 107. Л. 85–86.
⁵⁵ Там же. Д. 92. Л. 95.
⁵⁶ Там же. Д. 107. Л. 323–323 об.
⁵⁷ Там же. Д. 57. Л. 79.
⁵⁸ Там же. Д. 92. Л. 67.
⁵⁹ Там же. Л. 102, 103 об.
⁶⁰ Там же. Д. 57. Л. 109; Д. 92. Л. 196.
⁶¹ Там же. Д. 165. Л. 88–91.
⁶² Там же. Д. 57. Л. 156–159, 167–168.
⁶³ Там же. Л. 139–142; Д. 92. Л. 82–82 об., 153–155, 158–159 об.; Д. 107. Л. 1.
⁶⁴ Там же. Д. 92. Л. 30–31.
⁶⁵ Там же. Д. 107. Л. 379, 382.
⁶⁶ Там же. Д. 57. Л. 147–148 об.
⁶⁷ Там же. Л. 153.
⁶⁸ Там же. Д. 92. Л. 118.
⁶⁹ Там же. Д. 57. Л. 114.
⁷⁰ Там же. Д. 92. Л. 50–50 об.
⁷¹ Там же. Д. 92. Л. 123–123 об.
⁷² Там же. Л. 108–109.
⁷³ Там же. Л. 245–245 об.
⁷⁴ Там же. Л. 102 об.–103.
⁷⁵ Там же. Л. 156 об.–157.
⁷⁶ Там же. Д. 165. Л. 20, 28–29, 69–84 об.
⁷⁷ Там же. Д. 92. Л. 44–45.
⁷⁸ Там же. Л. 32.
⁷⁹ Там же. Л. 39–40.
⁸⁰ Там же. Д. 57. Л. 138.
⁸¹ Там же. Д. 92. Л. 207.
⁸² Там же. Д. 57. Л. 48–48 об.
⁸³ Там же. Л. 115–115 об.
⁸⁴ Там же. Л. 127.
⁸⁵ Там же. Д. 57. Л. 143, 147–148 об.
⁸⁶ Там же. Д. 92. Л. 60–61 об., 98–99, 100–101; 102–103 об.

- ⁸⁷ Там же. Л. 100.
⁸⁸ Там же. Л. 98–99.
⁸⁹ Там же. Д. 165. Л. 12–12 об., 30–30 об.
⁹⁰ Там же. Л. 65–68.
⁹¹ Там же. Л. 92–93.
⁹² Там же. Д. 92. Л. 14–15.
⁹³ Там же. Д. 57. Л. 67.
⁹⁴ Там же. Л. 125 об.–126.
⁹⁵ Там же. Л. 83–84 об.
⁹⁶ Там же. Д. 92. Л. 57.
⁹⁷ Там же. Л. 49–49 об.
⁹⁸ Там же. Л. 58–59.
⁹⁹ Там же. Л. 241.
¹⁰⁰ Там же. Л. 59.
¹⁰¹ Там же. Д. 92. Л. 80.
¹⁰² Там же. Л. 21–22 об.; Д. 165. Л. 19–20.

Х.М. Доного, С. Алиева (Махачкала)

«ЗНАТНОЕ» ОРУЖИЕ В СОБРАНИИ ДАГЕСТАНСКОГО МУЗЕЯ

В НОЯБРЕ 1923 г. был создан музейный комитет – Дагглавмузей – под председательством А. Тахо-Годи. Составляется план общей структуры и разрабатывается программа пополнения всех его отделов. В государственных музейных фондах СССР в Москве, Тбилиси, Пятигорске и других городах были выявляются многие экспонаты, имеющие отношение к Дагестану. В результате активной переписки, переговоров, ценные исторические реликвии, например оружие, знамена, живопись, графика, фотографии, передаются в республику. Так, например, огромная коллекция князей Барятинских, находившаяся в их фамильном дворце Марьино (с. Ивановское Курской губ.), вывезенная в 1918 г. в Москву, содержала интересные Дагглавмузей предметы. Ходатайство Дагестанского музейного комитета об уступке их Дагестану Главмузеем было удовлетворено, и в августе 1924 г. экспонаты прибыли в Махачкалу. В составе этой коллекции находилось «много оружия и художественных произведений большой ценности, имеющих непосредственное отношение к прошлому Дагестана»¹.

Велось собирание экспонатов и в самой республике, в виде экспедиционных изысканий, индивидуальных поисков и покупок, широко практиковались и пожертвования отдельных лиц.

Сегодня собрание Дагестанского государственного объединенного историко-архитектурного музея включает в себя огромную коллекцию холодного и огнестрельного оружия, описание некоторых предметов, владельцами которых в свое время были известные исторические деятели, представляется в настоящей статье.

Клинок сабли Наполеона (ил. 1)

Сталь. Гравировка. Европа, начало XIX в.

Клинок дуодольный, слабой кривизны. Ножны и рукоять отсутствуют. Размеры: длина – 83 см, ширина у пяты – 3,5 см.

На клинке имеются надписи на французском языке: «Императору Франции и королю Италии», «От 1 конногвардейского полка» (ил. 2).

Клинок поступил в музей из Московского главного музейного фонда в составе коллекции кн. А.И. Барятинского.

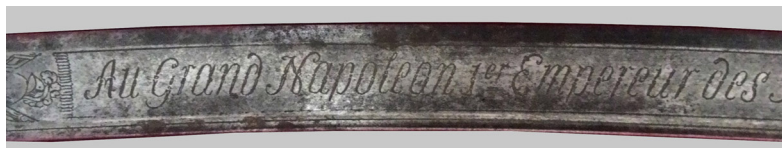
Клинок был вручен Наполеону после образования Королевства Италия, когда Наполеон получил титул короля. Напомним, что фактически королевство было подчинено Французской империи и использовалось для получения ресурсов в пользу Франции, а также в качестве плацдарма против Австрии во время войн коалиций.

По поводу воинского подразделения, предположительно подарившего клинок, можно отметить, что с подобным названием во французской армии были два полка.

Один из них входил в состав армии Королевства Вюртемберг, правитель которого курфюрст Фридрих II в 1805 г. заключил союзный договор с императорской Францией, понимая, что в Центральной Европе доминирующей силой является Наполеон. Пресбургский мир, подписанный с Австрией 26 декабря 1805 г., возвел Вюртемберг в ранг королевства. Согласно статьям дого-

Ил. 1. Клинок сабли Наполеона

Ил. 2. Клинок сабли Наполеона (фрагмент)

вора, Вюртемберг обязан был поставить 12 тыс. солдат в императорскую армию. В результате вюртембергская армия оказалась вовлеченной в многочисленные кампании, в том числе и в России (1812). Конногвардейский полк (Garde-Regiment zu Pferd) 4-эскадронного состава (всего 530 чел.) был основан в 1809 г. и с тех пор вел боевую жизнь в составе французской армии².

Еще один подобный полк, основанный в 1809 г. (куда входили гусары и кирасиры), находился до составе армии Королевства Голландия, где трон занимал младший брат Наполеона Луи, до 1810 г.³

Как клинок оказался в коллекции князя А.И. Барятинского, пока остается под вопросом.

Кинжал цесаревича Александра Николаевича (ил. 3)

Сталь, нефрит. Золотая насечка по металлу. Шемаха, 1850 г.

Клинок однодольный. Размеры: длина общая – 52 см, ширина у пяты – 4,8 см. Рукоять в оправе из нефрита. Гвоздики и черен рукояти украшены золотой насечкой (ил. 4). Ножны отсутствуют.

На клинке с обеих сторон имеются надписи. На одной стороне: «ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ» Между двумя пальметтами, в центре, изображение орла, клюющего льва, и птицы, клюющей змею. На другой стороне: «ГОРОДЪ ШАМАХА АВГУСТА 1=ДНЯ 1850 Г. ГАВРИИЛЪБЕКЪ ТЕРСШЕПАНОВЪ».

Клинок поступил в музей из Московского главного музейного фонда в составе коллекции кн. А.И. Барятинского.

С 12 сентября по 28 октября 1850 г. цесаревич Александр Николаевич находился в путешествии по Кавказу, с тем, чтобы «не только ознакомиться с богатствами природы и разнородным составом населения этого отдаленного края, но и благодарить войска, в нем находящиеся, за трудную и боевую их службу»⁴. Он начал путешествие с Тамани, проехал по Черноморской кордонной линии, побывал на Кавказских Минеральных Водах, а потом по Военно-Грузинской дороге направился в Тифлис, заложив в Дарьяльском ущелье каменный мост через Терек. «Эта поездка была отмечена пышными приемами, банкетами, иллюминациями, парадами, артиллерийскими салютами и танцами местных жителей»⁵.

Ил. 3. Кинжал цесаревича Александра Николаевича

Ил. 4. Кинжал цесаревича Александра Николаевича (фрагмент)

29 сентября цесаревич оставил гостеприимный Тифлис, вполне довольный приемом, сам очаровав всех и каждого в древней столице Грузии. В дальнейшем следовании по Закавказью Александр Николаевич почтил посещение именитейших из местных вельмож в их поместьях, а в Кутаисе принимал владельцев Абхазии, Мингрелии и Сванетии. Перевалив через Сурам, он осмотрел Ахалцых, укрепления которого показывал ему участвовавший во взятии этой крепости генерал князь Бебутов; доехав до крайнего пограничного пункта в Александрополе, остановился в Эчмиадзине, где встречен был с подобающими почестями патриархом – католикосом всех армян, и в Эривани принимал Азис-хана, чрезвычайного посла, приветствовавшего его от имени персидского шаха. Затем цесаревич направился через Елизаветполь в Баку. В пути была сделана остановка в Шамахе, где наследнику был подарен кинжал работы мастера Гавриилбека Тершешпанова. Дата на клинке – 1 августа 1850 г. – скорее всего, символизирует дату окончания работы мастера над кинжалом. Роскошная надпись на клинке, выполненная в технике насечки золотом по металлу, напоминает о первом путешествии цесаревича на Кавказ, пребывании его в Шамахе. Здесь же, в Шамахе цесаревич лично одобрил место закладки православной церкви, строительство которой было завершено к августу следующего года. Далее, следуя вдоль берега Каспийского моря, наследник проехал через Дербент и тогда незамиранный еще Дагестан, на

левый фланг Кавказской линии. Поездка примечательна еще и тем, что в предместье реки Рошни цесаревич участвовал в стычке с чеченцами, за что был награжден орденом Святого Георгия.

Впоследствии кинжал был подарен императором Александром II князю А.И. Барятинскому, возможно в год назначения последнего наместником Кавказа (1856). Кинжал пополнил и без того богатейшую коллекцию Барятинских.

Кинжал Абу-Муслима шамхала Тарковского (ил. 5)

Сталь, дерево, кожа, ткань, серебро, слоновая кость. Гравировка, чернь, золотая и серебряная насечка по кости, эмаль. Дагестан, 1853 г.

Клинок, однодолный. Размеры: длина общая – 54 см, ширина у пята – 5 см. Рукоять в костяной оправе, с лицевой стороны стилизованный узор в технике золотой насечки, по бокам и сзади – насечка серебром. Деревянные ножны в коже и бархате. Серебряный наконечник и устье с лицевой стороны украшены зигзагообразным мелким растительным черневым орнаментом. На выпуклом пояске цветная перегородчатая эмаль.

Клинок – мастер Шахман. Оправа – мастер Муртазали (Муртазали – сын Салтана, мастер серебряного дела из Черкессии).

В 1926 г. кинжал был куплен у Омара Шахшаева за 35 р.⁶

Кинжал был изготовлен для Абу-Муслима (1797–1860), одного из влиятельнейших владетелей на Кавказе (ил. 6). Он был наследником скончавшегося старшего брата Сулеймана-паши (1794–1836). 20 июня 1836 г. ему, полковнику, была пожалована инвеститурная грамота об утверждении его в достоинство шамхала Тарковского, владетеля Буйнацкого и валия Дагестанского, с дозволением носить перо на шапке. В следующем году Абу-Муслим уже генерал-майор. За дальнейшую службу, находясь уже в чине генерал-лейтенанта (1846), именным указом, данным Правительствующему Сенату 21 декабря 1849 г., в награду особенных заслуг и постоянной преданности престолу возведен в княжеское достоинство, с тем, чтобы он именовался впредь князем Тарковским и чтобы это достоинство и титул переходили к старшему из потомков мужского пола по прямой линии. В 1856 г. в бытность свою на коронации Его Импера-

Ил. 5. Кинжал Абу-Муслима шамхала Тарковского

торского Величества Абу-Муслим удостоен был назначения генерал-адъютантом⁷.

1853 г. Кавказская война в самом разгаре. Именно на этот год приходится изготовление данного кинжала для шамхала Тарковского.

На лицевой стороне клинка выбита дата «1270» (1853/1854 г.). На обратной – клеймо мастера, изготовившего клинок («Амила Шахманай» – «Работал Шахманай»). Мастер Шахманай (Шахман) из селения Гелли Темир-Хан-Шуринского округа в Дагестане был известным оружейником своего времени. Г. Хелемский отмечал, что владельцы сохраняли как святыню кинжалы этого мастера и были готовы, скорее, продать последнюю корову или лошадь, чем расстаться с ними⁸. Изделия Шахманая экспонировались на Парижской Всемирной выставке в 1867 г.⁹ Э.Г. Аствацатурян приводит информацию о том, что «шамхал заказал ему (Шахманаяю. – Авт.) такую шашку, чтобы одним ударом можно было разрубить ишака. Сам мастер якобы считал, что шашку не следует покупать, если ею нельзя этого сделать»¹⁰.

Ил. 6. Генерал-адъютант князь Абу-Муслим-Хан шамхал Тарковский. С фотографии. Из собрания портретов Императорской главной квартиры

Ножны кинжала также несут характеристику обладателя оружия и его изготовителя («Сахибуху Абумуслимхан-шамхал вали Дагистан. Амила Муртаза Али 1270» – «Владелец его Абу-Муслимхан-шамхал, валий Дагестана. Работал Муртаза Али 1270 (1853/1854 г.)»). В нижней части ножен, на обратной стороне есть надпись на русском языке – «Муртазали». Можно предположить, что она сделана специально для человека, имеющего отношение к российской службе, т. е. для Абу-Муслима, на тот момент генерал-лейтенанта.

Возможно, автором ножен являлся Муртаза-Али, черкесский мастер-серебряник, который занимался оформлением не только холодного оружия, но и огнестрельного¹¹. Однако смущает фрагмент ножен, выполненный в технике перегородчатая эмаль, что не было характерным для черкесских мастеров. Подобное практиковалось в Закавказье. Да и густой и мелкий орнамент, состоящий из коротких толстых веточек с округлыми или заостренными листочками, чаще присутствует в работах закавказских мастеров, поэтому автором ножен мог быть и мастер, работающий, например, в Тифлисе.

Шашка имама Шамиля (ил. 7)

Сталь, дерево, бархат, серебро. Гравировка, чернь, позолота.

Клинок массивный, с двумя небольшими долами. Размеры: длина – 109 см, ширина у пяты – 5 см.

Мастер – Геурк Элиазаров (работал в Тифлисе в середине XIX в.).

На обухе клинка надпись по позолоте: «Е.И.В. Оружейникъ Геуркъ» (ил. 8). Деревянные ножны обклеены бархатом вишневого цвета. Прибор ножен из серебра с гравированным растительным орнаментом и чернью. На ножнах сзади, на устье арабская надпись: «Если ты в битве не бездействуешь, то страха у тебя быть не может. Смерть есть чаша – каждый ее испьет, могила есть дверь – каждый в нее войдет».

Шашка поступила в музей из Московского главного музейного фонда в составе коллекции кн. А.И. Барятинского.

Автор изделия – один из известных мастеров Тифлиса. О Геурке Элиарове (Элиазарове, конец XVIII – 1850-е) и его рабо-

Ил. 7. Шашка имама Шамиля

Ил. 8. Шашка имама Шамиля (фрагмент)

тах достаточно подробно рассказывается в книге Э.Г. Аствацатурян¹². Изделия оружейника хранятся в Государственном Эрмитаже, Историческом музее в Москве, музее «Царское Село».

Шашка принадлежала имаму Дагестана и Чечни Шамилю. Заслуживает внимания гравированная надпись на арабском языке на оборотной стороне ножен. Известно, что Элиаров арабским языком не владел, поэтому осмелимся предположить, что надпись сделана уже после того, как она оказалась в руках Шамиля. Как же она оказалась у него? Вряд ли Элиаров делал ее по заказу для имама. Возможно, это подарок или же это трофейный образец. С ней Шамиль находился на Гунибе в августе 1859 г., когда 25-го числа, выйдя на переговоры к князю А.И. Барятинскому из осажденного селения, прекратил сопротивление. Немецкий художник Теодор Горшельт, очевидец этого памятного события, впоследствии, по заказу князей Барятинских, напишет большую живописную картину на данную тему, где изобразит и эту шашку на Шамиле. После окончания Кавказской войны Шамиль поддерживал отношения с А.И. Барятинским, они переписывались и не раз встречались, в том числе и в имении Барятинских. Получив уже от имама в подарок шашку, А.И. Барятинский, будучи большим ценителем кавказского оружия, выставил ее в своей экспозиции во дворце в Марьино, что зафиксировано на фотографии одного из залов.

Револьвер генерал-майора Юсуф-бека Кюринского (ил. 9)

Сталь, кость. Воронение, гравировка, золотая насечка по металлу. Россия, Тульский оружейный завод, середина XIX в. Револьвер системы Адамс.

Размеры: длина общая – 32,8 см, длина ствола – 19,5 см, калибр – 12 мм.

Ствол восьмигранный, нарезной, представляет единое целое с рамкой револьвера. Барабан гладкий, с пятью камерами и полукруглыми прорезями, в которых размещены брандтрубки. С задней стороны барабан имеет зубцы; стопорный механизм находится внутри рамки. Вращающийся с помощью курка барабан заряжался зарядом пороха. Он воспламенялся при ударе курка по капсюлю, надетому на брандтрубку, ввинченную напротив каждой пороховой камеры. Ударно-спусковой механизм куркового типа, самовзводный. С левой стороны оружия крепится рычажной шомпол. Барабан и дульный конец покрыты стилизованным растительно-геометрическим орнаментом, выполненным в технике золотой насечки. Сверху, на казенной части золотой насечкой располагаются надписи: «Свиты ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Генераль Маіору Юсуфъбеку въ память 26 СЕНТ. 1858 ГОДА» и на стволе – «Тульскихъ Оружейниковъ», а также изображение герба Тулы. По бокам, сзади от барабана, изображения солдата с ружьем на посту – с од-

Ил. 9. Револьвер генерал-майора Юсуф-бека Кюринского

ной стороны, с другой – два солдата на привале. Все поле барабана в гравированном изображении всадников и пеших воинов в восточных одеждах. Щечки рукояти в костяной оправе с резным растительным орнаментом. Навершие рукояти в виде головы льва с раскрытой пастью.

Передан в дар музею от военного комиссара Дагестана Муслима Атаева в 1929 г.¹³

Револьверы системы Адамс Тульского оружейного завода представляли собой главным образом подарочные образцы. Например, в 1859 г. здесь были изготовлены три револьвера для подарка принцам Баденским. Эти изделия имели, согласно предписанию, «самую щегольскую отделку». Стоимость каждого в футляре с принадлежностями составляла 100 р.

Экспонат дагестанского музея не стал исключением. Обладателем его являлся участник Кавказской войны генерал-майор Юсуф-бек (1806–1878) (ил. 10), сын Тагир-бека, сына Шахмардан-бека, сына Мухаммадхана Гази-Кумухского.

Поступив на военную службу, Юсуф-бек с 1823 г. принимал участие в кавказских милицейских формированиях против горцев, и довольно успешно: в 1832 г. он произведен в прапорщики, в 1839 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, в 1844 г. – орденом Св. Георгия 4-й степени. Произведенный вслед за

**Ил. 10. Свиты Его Величества
генерал-майор
Юсуф-бек Кюринский**

тем в майоры, Юсуф-бек в 1845 г. награждается золотой саблей с надписью «За храбрость»¹⁴, в 1849 г. он полковник, а в 1852 – генерал-майор. 26 августа 1856 г. Юсуф-бек зачислен в Свиту Его Величества.

История получения Юсуф-беком револьвера Адамса такова. Осенью 1858 г. в свое первое путешествие на Кавказ и в Закавказье отправились Великие князья Николай и Михаил Николаевичи. 26 сентября 1858 г. они посетили Дербент, где осмотрели цитадель Нарын-кала, домик Петра I, Джума-мечеть. В прогулке по городу и его окрестностям великих князей сопровождал Юсуф-бек, который своей обходительностью и радушием, видимо, произвел впечатление на высоких гостей. Уже позже великими князьями был отправлен Юсуф-беку подарочный револьвер «въ память 26 Сент. 1858 года». Продолжая службу на Кавказе, Юсуф-бек с 1859 г. был управляющим Кюринским ханством в Южном Дагестане, а в мае 1876 г. вышел в отставку.

¹ В Дагестанском музее. Махачкала, 1926. С. 7.

² Оливер М., Партридж Р. Армия Наполеона. Самый полный справочник по армии Франции и ее союзников 1799–1815. М.: АСТ, Астрель, 2005.

³ Там же.

⁴ Ольшевский М.Я. Цесаревич Александр Николаевич на Кавказе с 12 сентября по 28 октября 1850 г. // Русская старина. 1884. Т. 43. Сент. С. 576.

⁵ Анри Труайя. Александр II. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. С. 35.

⁶ ДГОИАМ. Книга поступлений 1926–1929 гг. Оп. 4. № 1260.

⁷ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Отд. IV. С. 65.

⁸ Хелемский Г. О кустарной промышленности Закавказья. М., 1910. С. 54–55.

⁹ Указатель Русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г. СПб., 1867. С. 103.

¹⁰ Аствацатурян Э.Г. Дагестанское оружие. Махачкала: ИД «Эпоха», 2009. С. 181.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. Изд. 2-е, доп. СПб.: Изд-во «Атлант», 2004. С. 393–400.

¹³ ДГОИАМ. Кн. 1 по инвентаризации. № 1255.

¹⁴ Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров. 1788–1913. М.: Старая Басманная, 2007. С. 218.

А.М. Егоров (Псков)

**РЕКРУТСКАЯ ПОВИННОСТЬ
СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ПРИГОВОРЕННЫХ
К ССЫЛКЕ В СИБИРЬ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

РЕКРУТСКАЯ СИСТЕМА комплектования регулярной армии и флота России в XVIII–XIX вв. распространялась на податные сословия (крестьян, мещан и др.), обязанных поставлять в армию и на флот определенное число рекрутов. Для представителей большинства населения она являлась тяжелой обязанностью, от которой были избавлены только привилегированные сословия. Правительство периодически испытывало трудности в процессе рекрутирования качественных новобранцев.

Во второй четверти XIX в. после восстания декабристов правительство Николая I уделяло большое внимание армии, военная служба при этом оставалась очень суровой. За императором прочно закрепилось прозвище «Палкин», так как именно при Николае I солдат стали гонять сквозь строй, подчас превращая их наказание в завуалированную казнь¹. Неудивительно поэтому, что рекрутская повинность по степени тяжести вполне могла восприниматься как равноценная, по меньшей мере, ссылке в Сибирь (ил. 1).

Попытка упорядочения практики рекрутирования ссыльных была предпринята уже в 1827 г. Обобщенно порядок рекрутирования данной категории лиц можно свести к следующим распоряжениям Собственной Его Императорского Величества канцелярии:

1. Арестанты, приговоренные к наказанию или назначенные к ссылке в Сибирь на поселение, если на их счет имелось так называемое Высочайшее повеление об отдаче в солдаты, передавались на его основании в военную службу;

Ил. 1. Художник Л.И. Соломаткин. Проводы рекрутов

2. В случаях, когда соответствующее распоряжение приходило на лиц уже отправленных в Сибирь, они должны были быть остановлены на этапе и переданы на военную службу в ближайших рекрутских присутствиях. Сведения о таких арестантах сообщались всем губернским властям по тракту их следования. Этот порядок не касался тех из них, которые к моменту получения императорского повеления уже были наказаны кнутом;

3. Арестанты, которые по судебному приговору уже были наказаны и водворены на прежнее место жительства (вероятно, данный пункт касался арестованных за бродяжничество и беглых), до получения о них специального повеления из императорской канцелярии, должны были оставаться на месте, если только их хозяева сами не пожелают отдать их в солдаты. Однако и в этом случае требовалось разрешение императора;

4. При наличии соответствующего распоряжения в военную службу отдавались также арестанты, уже подвергшиеся наказанию, но не водворенные на прежнее место жительства;

5. Арестанты из дворян и чиновников, назначенные в солдаты, поступали на военную службу лишь в том случае, если приговаривались к лишению дворянства или ссылке в Сибирь на поселение. Судебные приговоры по таким лицам подлежали передаче в установленном порядке на утверждение императору;

6. Среди рекрутов могли оказаться и осужденные иностранцы. Назначенные в солдаты арестанты из иностранцев в случае,

если суд определял их к высылке за границу, должны были незамедлительно выдворяться из Российской империи. Те же из иностранцев, кого суд приговаривал к отбыванию наказания на территории России, поступали на военную службу на основании последовавшего о них стандартного Высочайшего повеления;

7. Если представители любой из вышеперечисленных категорий арестантов оказывались совершенно негодными для несения военной службы, то над таковыми исполнялся судебный приговор узаконенным порядком;

8. Не должны были забираться в солдаты те из арестантов, с кого в результате судебного разбирательства либо полностью снимались обвинения, либо они были связаны с долгами и влекли лишь временное содержание «в тюрьме и заработках»².

Это распоряжение касалось приговоренных к ссылке в Сибирь на поселение, но без каторжных работ. Зачислению в рекруты подлежали также лица, подвергшиеся наказанию по обвинению в краже на сумму свыше 500 р.

На основе изложенных выше правил, губернские власти на местах и подбирали подходящий контингент рекрутов среди арестантов. Примером может служить приведенная в табл. 1 ведомость из архивов Псковской губернии...

Как видим, социальный состав потенциальных рекрутов из числа арестантов был довольно пестрым. По распоряжению императора, лица из указанных в ведомости двадцати девяти человек, чья вина будет признана судом, должны были быть отданы в солдаты без назначенного им наказания. В инструкции генерал-губернатору Ф.О. Паулуччи от 15 декабря 1828 г. предписывалось набирать рекрутов из таких арестантов, «коль скоро они окажутся не только годными по правилам рекрутским, но просто способными нести военную службу, а малолетних из них определять в батальоны военных кантонистов – всех без зачета за рекрут»⁴.

Таким образом, в период правления императора Николая I военная служба официально использовалась властями в качестве альтернативы уголовному наказанию на регулярной основе.

¹ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2. М.: Изд-во «Голос», 1992. С. 38.

² ГАПО. (Государственный архив Псковской области). Ф. 238. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 12.

**Ведомость об арестантах, содержащихся в городах
Псковской губернии и назначенных в солдаты (1828)³**

№ п/п	Имя рекрута	Социальное положение	Обвинение
Псков			
1.	Николай Венский	канцелярист низшее должностное лицо без классного чина	кража
2.	Федор Степанов	дворовый человек	кража
3.	Иван Романов	не помнящий своего родства	бродяжничество
4.	Ганс	крестьянин (дело передано из Эстляндского губернского правления)	дурное поведение
5.	Семен Савельев	удельный крестьянин	корчемство
6.	Семен Иванов	незаконнорожденный сын девицы Елены, не помнящей родства	бродяжничество
7.	Семен Егоров	экономический крестьянин бывшие монастырские крестьяне в 1764 г. выведенные в коллегию экономи	кража
Великие Луки			
8.	Аким Никитин		причинение побоев воинским чинам во время поимки оними корчемников
9.	Яков Трофимов		-
10.	Иван Ивлев	назвался сначала крепостным помещичьим человеком, а потом – солдатским сыном	побой и воровство
11.	Федор Козьмин	помещичий крестьянин	побег из вотчины и корчемство во время побега

Рекрутская повинность среди заключенных и ссыльных при Николае I

Холм			
12.	Семен Потапов	казенный поселянин	возмущение и неповиновение власти
13.	Тимофей Богданов	не помнящий родства крестьянин	бродяжничество
14.	Андрей Павлов		просрочка паспорта
15.	Никита Семенов	не помнящий родства крестьянин	бродяжничество
16.	Савелий Герасимов	помещичий крестьянин	побег из вотчины
Опочка			
17.	Николай Андреев	казенный крестьянин	побег и использование фальшивого письменного вида
18.	Кирило Васильев	мещанин	отсутствие письменного вида
19.	Михайло Семенов	казенный крестьянин	кража
20.	Прокофий Прохоров	дезертир	побег
21.	Иван Никифоров	удельный крестьянин	корчемство вином
22.	Федор Романов	удельный крестьянин	корчемство вином и кража
23.	Василий Тарасов	удельный крестьянин	корчемство вином и кража
Торопец			
24.	Кондратий Кириллов	помещичий крестьянин	буйство и побои священника
25.	Иван Григорьев, сын Афанасьев	коллежский регистратор низший гражданский чин 14-го класса	неповиновение местному начальству
26.	Иван Филиппов, сын Жеребцов	коллежский регистратор	утрата казенной суммы в бытность казначеем
27.	Павел Петров, сын Черепнин	губернский регистратор 12 класс	подозреваем как соучастник
28.	Александр Иванов, сын Хвалынский	канцелярист	подозреваем как соучастник
29.	Дмитрий Иванов, сын Иванов	канцелярист	подозреваем как соучастник

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

**«СОВЕРШЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ОТ ВСЕХ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ
БЕСПОКОЙСТВ». РУССКАЯ АРМИЯ
В МЕКЛЕНБУРГЕ В 1712–1719 ГОДАХ**

НА ФОНЕ грандиозных событий Великой Северной войны (1700–1721) пребывание русской армии в Мекленбурге (Мекленбург-Шверине) кажется маленьким и незначительным эпизодом. Большинство исследователей, изучавших историю этой войны, начинают с описания Нарвской «конфузии» (в ноябре 1700 г.), подробно останавливаются на дополтавском и полтавском этапах войны. Военные действия после неудачного Прутского похода 1711 г., за исключением морских побед при Гангуте и Гренгаме, как правило, лишены детализации и воспроизводятся лишь в общих чертах. В качестве примера достаточно привести претендующую на академизм историю Северной войны. Русско-мекленбургскому союзу в ней отведено... три строки!¹ В других современных исследованиях достаточно подробно освещается Померанский поход русской армии, подготовка десанта на территорию Швеции, но о событиях в Мекленбурге вообще не упоминается².

Между тем, пребывание русских войск в Мекленбурге и союзные отношения Петра I с герцогом Карлом Леопольдом составляли один из самых острых вопросов европейских международных отношений во второй половине 1710-х гг. Перспектива русского господства над западной частью Балтийского региона и над выходом из него в Северное море превращала «мекленбургский вопрос» в краеугольный камень, на котором испытывались отношения России в ее роли первостепенной державы с рядом европейских государств.

Мекленбург-Шверинское герцогство в начале XVIII в.

Датский король Фредерик IV

Отвлечение основных сил стран – участниц антишведской коалиции – России, Саксонии и Польши (Речи Посполитой) – на войну с Турцией весной – летом 1711 г. сказывалось и на обстановке в Германии. Датский король Фредерик IV, вновь вступивший в войну после Полтавской победы, был разбит шведами 28 февраля 1710 г. у Хельсингборга. Под предлогом отсутствия средств на формирование новой армии король всячески уклонялся от испол-

нения своих союзнических обязательств. Кроме того, датского монарха абсолютно не устраивало усиление русского влияния в Балтийском регионе.

После заключения Прутского мира 1711 г. с Османской империей Петр I стал перебрасывать свои войска на север Польши и заставил активизироваться датчан. В конце июля 1711 г. датская армия, предварительно оккупировав под предлогом защиты от шведов Шлезвиг-Гольштейн, вторглась в Мекленбург. По согласованию с Саксонией и Россией объединенные войска союзников должны были осадить Штральзунд – главную шведскую крепость в Померании, граничившей с Мекленбургом. Датский король настоял на том, чтобы его войска осадили Висмар – крепость, расположенную на границе его владений. В 1711–1712 гг. русско-датско-саксонские войска находились в Померании, Бремене, Вердене и под Висмаром. Союзников раздирали противоречия, поскольку каждый намеревался захватить максимальное количество шведских владений в Северной Германии, заявить на них свои права, а затем использовать как предмет политичес-

кого торго. Петра I беспокоили слухи о переговорах между шведами, датчанами и саксонцами о сепаратном мире³.

Ситуация резко изменилась, когда 4 ноября 1712 г. у Штральзунда высадилась шведская армия под командованием фельдмаршала Магнуса Стенбока. Саксонцы, уклоняясь от боевого столкновения, отошли от крепости. Причем пехота была отослана в Польшу, а кавалерия двинулась на соединение с датчанами в Мекленбург.

Петр I

Петр I писал 12 ноября из Дрездена датскому королю, чтобы тот приехал к своим войскам и соединился с русскими для нападения на неприятеля. Несмотря на требования врачей закончить курс лечения после приема минеральных вод, царь обещал немедленно выехать к армии⁴. Командующему русскими войсками в Померании князю А.Д. Меншикову царь приказывал атаковать шведов, если их будет менее 20 000 чел., не дожидаясь подхода датчан⁵.

Однако сложилась совершенно другая ситуация. Стенбок, присоединив к своей армии часть штральзундского гарнизона, силами в 12 000 чел. при 20 орудиях выступил из крепости в направлении Шверина в Мекленбурге. По дороге шведы захватили Росток. Шведский фельдмаршал намеревался деблокировать Висмар и выбить датско-саксонские войска из Бремена и Вердена.

Датско-саксонская армия находилась в это время в Гадебуше и Гюстрове в северо-западном Мекленбурге. Датчан было 13 200 чел., а саксонцев – 3800. Армией командовали сам король и саксонский генерал-фельдмаршал Я.Г. фон Флемминг. Рус-

**Шведский фельдмаршал
Магнус Стенбок**

ские войска занимали квартиры за реками Нёбель и Реквиц.

Царь, прибывший к тому времени уже в Гистроу, спешно отправил нескольких курьеров с рекомендациями не вступать в сражение до подхода русских сил, тем более что они находятся всего лишь в трех милях от союзников. Однако «господа датчане, имея ревность не по разуму», как писал позднее Петр, вступили в битву 9 декабря 1712 г., не дождав-шись русских полков, и были наголову разбиты⁶.

После этой победы Стенбок вторгся в Голш-

тинию, взял контрибуцию с Гамбурга и в конце года сжег принадлежавшую датчанам Альтону (ныне один из гамбургских районов)⁷.

Узнав о поражении союзников, Петр вернулся назад в Гистроу, куда датский король приехал с просьбой о помощи.

Первоначальные планы вывести основные русские силы, в том числе и гвардию, под командованием А.Д. Меншикова в Лифляндию, оставив в Померании корпус генерала Никиты (Аникиты) Ивановича Репнина⁸ в количестве двадцати пехотных и драгунских полков, пришлось пересмотреть. Вся русская армия была вынуждена остаться на зимовку в Померании и Мекленбурге⁹.

В начале 1713 г. русские войска двинулись за шведами в Голштинию, разбили их при Швабштеде и прогнали из Фридрихштадта.

Итак, первый раз русские войска вошли в Мекленбург в ходе военных действий на территории Северной Германии в нояб-

ре 1712 г. О стратегическом значении этой территории русского дипломата князя Б.И. Куракина в это же время предупреждал знаменитый имперский военачальник принц Евгений Савойский. Полководец заявил, что если шведские войска займут Мекленбург, то это приведет к их усилению. Поэтому неприятеля надо искать и принуждать к биталии. Когда, якобы, посланник прусского короля предупредил шведского генерала Стенбока, что вступление его армии в Мекленбург будет расце-

Генерал Н.И. Репнин

нено как нападение на часть империи, тот заявил, «что не знает ни цесаря, ни цесарство, ни их членов, но хочет вверх тому последовать, как указы короля его повелевают». Таким образом, занятие Мекленбурга русскими войсками, по мнению принца, будет воспринято при венском дворе как меньшее из двух зол¹⁰.

Русский посланник при венском дворе И.-Х. Урбих сообщал канцлеру Г.И. Головкину в ноябре 1712 г., что опасение от вступления шведов в Мекленбург таково, что мекленбургский посланник в Вене открыто просит о вводе русских войск в герцогство. При этом высказываются надежды, что русские не причинят ущерба и будут (или хотя бы пообещают) платить за провиант и фураж¹¹.

В Мекленбург, формально соблюдавший нейтралитет, вошли русские войска под командованием генерал-фельдмаршала князя А.Д. Меншикова. Это было сделано под предлогом защиты герцогства от возможного захвата его шведскими силами.

Пребывание здесь огромной русской армии вызывало ряд проблем с размещением и питанием. О том, что русские войска

в Померании испытывали проблему с продовольствием и фуражом, отмечается в «Военно-походном журнале» генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева¹². Меншиков сообщал Петру о трудностях с продовольствием и о том, что солдаты в осадном лагере под Штральзундом вынуждены питаться кореньями¹³.

В ноябре 1712 г. Петр I писал князю А.Д. Меншикову: «О пропитании наших людей в Мекленбургской земле сумневатца не надобно, ибо шведы зачали и берут не только провиант и фураж, но и деньги. И для того свободно и нам брать, только зело надлежит з добрым порядком и чрез доброго камисара»¹⁴.

В то же время, по сравнению со шведами, русские войска отличались дисциплинированностью. Позднее гофмаршал мекленбургского герцога барон Эйхгольц вспоминал о том, какой превосходный порядок русские соблюдали в 1712 г., при том, что «поддержание этой дисциплины ничего не стоило, кроме лучшего коня из герцогской конюшни, со сбруею, купленною в Париже за 1800 талеров, и кошелька с 1000 червонцами, доставшимися в подарок главнокомандующему кн. Меншикову»¹⁵.

Тем не менее положение герцогства было незавидным. Оно разорялось войсками воюющих держав, которые никакого внимания не обращали на его нейтралитет.

В начале февраля 1713 г. шведские войска под командованием Стенбока заняли голштинскую крепость Тённинг. Вслед за шведами туда подошла и союзная русско-датско-саксонская армия, осадила крепость и после года осады принудила шведов к капитуляции.

В сентябре 1713 г. капитулировал шведский Штеттин. А.Д. Меншиков заключил с Пруссией мирный договор. В обмен на нейтралитет и денежную компенсацию Пруссия получила Штеттин, а шведская Померания была разделена между Пруссией и Голштинией (союзницей Саксонии).

В том же году произошло событие, способствовавшее усилению русского влияния в Северной Германии и, в частности, в Мекленбурге. 31 июля 1713 г. правящий мекленбург-шверинский герцог Фридрих Вильгельм I скончался, возвращаясь из Шлангенбада близ Майнца. Несмотря на то что от многочисленных любовниц герцог имел как минимум девятерых детей, его законный брак с Софией-Шарлоттой Гессен-Кассельской, дочерью ландграфа Карла Гессен-Кассельского оказался бездетным.

Заметим, что в 1692 г. Фридрих-Вильгельм также наследовал своему бездетному дяде – герцогу Кристиану Людвигу I Мекленбургскому.

На престол взшел 35-летний младший брат покойного – Карл Леопольд¹⁶, который до этого принимал участие в военных походах шведского короля Карла XII. Мекленбуржец не только восхищался шведским абсолютным монархом, но и подражал ему в одежде, жестикуляции и манере речи. Вскоре он прослыл чудаком, за что принц Евгений Савойский называл его «обезьяной Карла XII». Кроме того, новый герцог

Герцог Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский

был человеком скандальным, отличался лживым, высокомерным и непостоянным характером, требовал от окружающих слепого повиновения. При этом он отличался крайней скупостью, его любимая поговорка была: «Старые долги не надо платить, а новым надо дать время состариться»¹⁷.

Карл Леопольд был женат трижды. Его первой супругой стала София Хедвига Нассау-Дицкая, дочь Генриха Казимира II Нассау-Дицкого. Брак был расторгнут в 1710 г. по причине, якобы, бесплодности супруги. Затем Карл Леопольд сочетался морганатическим браком с Кристиной Доротеей фон Лепель. Брак оказался несчастливым, и Кристина вскоре уехала в Любек к своей матери.

Намереваясь установить абсолютистскую власть в герцогстве, Карл Леопольд пытался ограничить права дворянства и городов, безжалостно вводил новые налоги, начал создавать регулярную армию. Стремление подражать политике своих современников – королей Швеции и Пруссии – принимало у герцога «мелочные и уродливые формы»¹⁸.

С недовольными он поступал самым безжалостным образом: бросал их в тюрьмы без суда, лишал имущества, отправлял на эшафот.

Ради достижения своих целей он был готов перейти в католичество, надеясь при этом получить руку одной из австрийских эрцгерцогинь, а в качестве приданого Неаполитанское королевство или Нидерландские владения. Впрочем, ходили слухи, что герцог искал руки и шведской принцессы¹⁹.

Вступив на престол, герцог не преминул пожаловаться русскому государю на действия его войск в Мекленбурге, от которых страдает население. Герцог писал царю, что его покойный брат, объявив о нейтралитете герцогства, вынужден был терпеть огромные убытки от поборов воюющих сторон, которые превысили несколько миллионов талеров. С его смертью ситуация не изменилась. Петр отвечал, что «не мы (т. е. русские. – *Авт.*), а наши неприятели шведы к сему причину и случай подали». Русская армия вынуждена преследовать неприятеля, куда бы он ни пошел. Поэтому весь убыток и вред, который от этого происходит герцогству, надо приписать шведам и от них же требовать компенсации. В этом русский монарх обещал охотно и сколько возможно помогать Карлу Леопольду²⁰.

Аналогичный ответ Петр I дал и на претензии императора Карла VI, объясняя все «резонем воинским и натуральными правами» преследовать шведов, которые и должны возмещать убытки нейтральному герцогству²¹.

В 1714 г. в Швецию вернулся фактически высланный из Османской империи Карл XII и военные действия возобновились с новой силой. Центром военных действий стал Штральзунд, оборону которого возглавил сам король. В мае 1715 г. в ответ на требование о возвращении Штеттина и других территорий Пруссия объявила Швеции войну.

Осенью 1715 г. вместо отозванного с театра военных действий командующего князя А.Д. Меншикова во главе русской армии Петром I был назначен опытный генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев. Дело в том, что в предыдущую кампанию действия Меншикова вызвали сильное неудовольствие у датчан и основательные сомнения в бескорыстности его услуг прусскому королю. Кроме того, светлейший князь оказался под следствием, подозреваемый в огромных злоупотреблениях и казнокрадс-

тве, и лишился доверия царя.

Теперь русская армия была разделена на два больших корпуса. Первым командовал генерал князь Н.И. Репнин. Корпус состоял из Первого и Второго гренадерских полков, а также из пехотных полков: Бутырского, Смоленского, Черниговского, Ренцелева, Белгородского, Пермского, Ярославского, Нарвского и Невского²².

Второй корпус был отдан под начало генерала А.А. Вейде²³

и включал в себя Гренадерский полк, которым командовал сам Вейде, Лефортовский, Киевский и Вятский пехотные полки. При полках находилось необходимое количество артиллерии с боеприпасами²⁴.

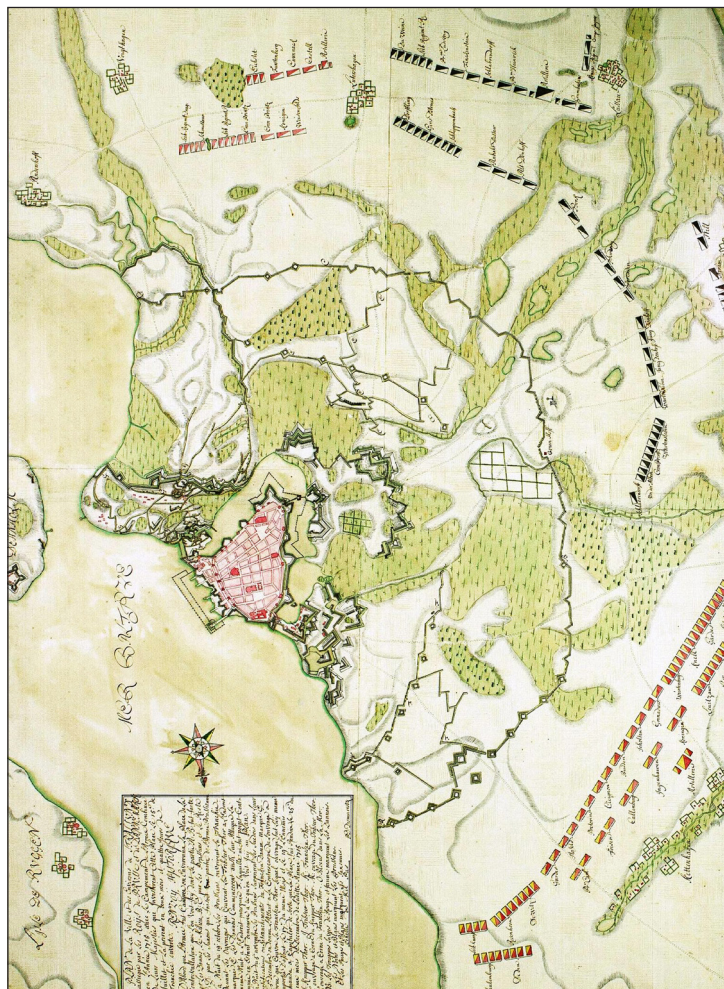
Тремя драгунскими полками (Киевским, Пермским и Новотроицким) командовал генерал-поручик Родион Христианович Боур (Баур). Численность конных полков по приказу Петра I должна была быть не менее 1200 чел. в каждом²⁵.

Все эти подразделения шли через Польшу своими маршрутами и соединились в октябре 1715 г. в Палтуске. Оттуда русская армия двинулась в Померанию²⁶.

Датский флот тем временем одержал победу у Фемарна, а затем у Бюлка. После этого Пруссия и Ганновер, захвативший шведские владения Бремен и Верден, заключили с Данией союзный договор. В конце декабря 1715 г. союзная русско-датско-саксонско-прусская армия под командованием прусского генерал-фельдмаршала Леопольда Анхальт-Дессау взяла Штральзунд.

Шведский король Карл XII

План осады Штральзунда. Гравюра 1715 г.

Параллельно с этими событиями велись переговоры о брачном союзе между новым мекленбургским герцогом Карлом Леопольдом и одной из племянниц царя. В 1714 г. к Петру I в Ревель прибыл герцогский посланник барон Г.Б. Габихтсталь с предложением заключить брачный договор между Карлом Леопольдом и вдовствующей курляндской герцогиней Анной Иоанновной (дочерью покойного брата и соправителя русского государства Иоанна V Алексеевича). Герцог надеялся вместе с брачным венцом получить в качестве приданого и саму Курляндию. Однако Петр I был очень расчетливым человеком, в качестве кандидатуры он предложил родную сестру Анны – царевну Екатерину Ивановну (Иоанновну). Вялые попытки Габихтсталя настоять на кандидатуре Анны разбились об угрозы Петра I отправить дипломата без лишних слов в Сибирь.

Генерал-поручик Р.Х. Боур

Герцог надеялся вместе с брачным венцом получить в качестве приданого и саму Курляндию. Однако Петр I был очень расчетливым человеком, в качестве кандидатуры он предложил родную сестру Анны – царевну Екатерину Ивановну (Иоанновну). Вялые попытки Габихтсталя настоять на кандидатуре Анны разбились об угрозы Петра I отправить дипломата без лишних слов в Сибирь.

Как полагают некоторые исследователи, такой династический союз был вполне обусловлен не только политическими предпосылками, но и традиционными русско-мекленбургскими связями²⁷.

Тем не менее опытный дипломат князь Б.И. Куракин предупреждал Петра I, что брак русской царевны с герцогом Мекленбургским противен интересам английского двора, а развод Карла Леопольда с Софией Хедвигой еще не утвержден императором. «Не знаю, – писал Куракин, – можно ли получить столько же пользы от герцога Мекленбургского, сколько от тех, которых дружбу для него можно потерять»²⁸.

**Герцогиня Екатерина Ивановна
Мекленбург-Шверинская**

Находившемуся в незавидном положении герцогу выбирать не приходилось. 22 января 1716 г. в Петербурге был составлен брачный договор. Герцог Карл Леопольд обязался предоставить своей супруге свободное отправле- ние веры греческо- го исповедания, также и всем ее служителям, и назначить место для построения «*надворной капели*» (т. е. домово- й церкви); обязался еже- годно выплачивать ей по 6000 ефимков шка- тульных денег и давать содержание придвор- ными служителям; в

случае вдовства герцогиня получит ежегодно по 25 000 ефимков и замок для жительства. Царь обещал снабдить свою племянни- цу надлежащими «*ювелиями*» (ювелирными изделиями), плать- ем, уборами и экипажем. Кроме того, он обязался содействовать всеми силами, чтоб герцог получил Висмар со всеми владения- ми, также Варнемюнде. Для этого Петр обещал послать к Висма- ру корпус своих войск, а в случае неудачи заплатить ему не ме- нее 200 000 рублей²⁹.

В феврале Петр I с царицей Екатериной Алексеевной и ца- ревной-невестой Екатериной Ивановной прибыли в Данциг, где находилась главная квартира русского генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Туда же приехал герцог Карл Леопольд, а так- же польский король и саксонский курфюрст Август II Сильный.

Пышная свадебная церемония состоялась в Данциге 8 апреля 1716 г. Герцог нацепил на себя по шведской моде здоровенную шпа- гу, при этом забыв надеть манжеты, что вызвало недоумение даже у простолюдинов. Выходя из кареты, Карл Леопольд зацепился па-

риком за обивочный гвоздь и должен был стоять несколько минут с непокрытой головою посреди народа, покуда гофмаршал Эйхгольц не снял парик с гвоздя и снова надел ему на голову³⁰.

Свадьба совершилась в четыре часа дня в присутствии российского государя, его супруги, польского короля, министров и придворных. Обряд венчания по православному обряду совершил архимандрит Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге и любимец царя Феодосий Яновский. Закончилось все фейерверком, во время которого царь лично поджигал ракеты³¹.

В день свадьбы был подписан союзный договор между Россией и Мекленбургом, в который вошли и все пункты брачного соглашения.

В секретных артикулах к договору предусматривалось выделение девяти или десяти пехотных полков в помощь герцогу, содержание которых за исключением денежного жалования брал на себя мекленбургский правитель. Царь мог заменять эти войска на другие, а также использовать их для своих военных операций. Герцогу гарантировалась дипломатическая поддержка при императорском и других европейских дворах, в том числе и от притязаний местного дворянства, а также «совершенная безопасность от всех внутренних и внешних беспокойств». Русские получали свободу торговли и пользования портами на территории герцогства, права свободного прохода военных сил через территорию герцогства и использование его гаваней военным флотом³².

Придворные поэты тут же обосновали единство древних коренной мекленбургской (вендской) династии и русского народа:

Что ты, о Мекленбург, весь воссиял от счастья?
Твой высочайший Князь сам светится, как солнце,
В супруги герцогиню выбрал он себе,
И в том весь Мекленбург нашел свое богатство,
Что Рус и Венд соединились в браке вновь.
Все стало, как и прежде, как при Ободритах,
Когда держал наш Мекленбург и трон, и скипетр:
И власть у нас от тех Рифейских Ободритов,
Оттуда, где и ныне правит Русский царь.
И им благодаря, во время войн и мира,
Мы были в прочной дружбе, браком скреплены.
Сегодня же напомнить должно то,
Что были Венд, Сармат и Рус едины родом³³.

Спустя несколько дней польский король устроил для высоких гостей прием с различными развлечениями и забавами: «Мясники, езда на лошадях, рвали голову от живого гуся, который был повешен за ноги на протянутой веревке; також плотники корабельные с топорами танцевали, да на высоком столбе положено было несколько денег и мундиру, на который лазил старик без лестницы и достал все»³⁴.

Однако эти увеселения никак не могли скрыть весьма прохладного отношения герцога к своей супруге и ее русской свите.

Между Екатериной Ивановной, отличавшейся веселым нравом, но не имевшей практически никакого образования, а тем более европейского воспитания, и Карлом Леопольдом отношения не сложились с самого начала. Герцог относился к «варварскому» браку как к вынужденной мере. Темпераментная и не блестящая манерами московская царевна явно не смогла покорить чопорную мекленбургскую знать, находившуюся в состоянии перманентного конфликта со своим правителем. В скором времени за Екатериной Ивановной закрепилось пренебрежительное прозвище – «*Die wilde Herzoginn*» («Дикая герцогиня»)³⁵.

12 мая 1716 г. русский царь приехал к Карлу Леопольду в Шверин. Специально к приезду Петра покои во дворце оббили красным бархатом и шпалерами. Навербованные по приказанию герцога войска стояли парадным строем при въезде Петра. Впрочем, впечатлили они не столько русского монарха, сколько самого герцога. Проезжая мимо строя, Карл Леопольд всячески выражал свое удовольствие при виде столь прекрасных солдат. Царь был принят в мекленбургской столице с императорскими почестями. Ему отведены были лучшие комнаты во дворце.

Однако, когда на следующее утро Эйхгольц явился к царю для поклона, он не нашел никого в передних покоях монарха. Проходя чрез несколько комнат и не встречая никого, он вошел в приготовленную для августейшего гостя спальню и увидел, что кровать осталась нетронутой. Вдруг он услышал, что кто-то ходит по потаенной лестнице, пошел по ней и застал царя под крышей дворца, в простой каморке, приготовленной для его камердинера, в кровати которого Петр и изволил почивать³⁶.

Как известно, Карл Леопольд начал формировать собственную регулярную армию. При этом в личную гвардию он, вероят-

Шверин. Гравюра второй половины XVII в.

но беря пример с прусского короля Фридриха Вильгельма I, зачислял высоких солдат с пышными усами.

Тот же Эйхгольц рассказывал: «В Шверине царь любил обедать в герцогском саду, из коего прекраснейший вид на Шверинское озеро. Герцог всегда требовал, чтобы его дворцовый караул занимал все посты. Эта герцогская гвардия состояла из людей исполинского роста, с огромными усами, и чем они видом были страшнее и суровее, тем более нравились герцогу. Во время обеденного стола всегда четверо стояли тут с обнаженными шпагами. Царь, любя быть без принуждения и не на виду, неоднократно просил герцога избавить его от этих излишних почестей; но не успел в своей просьбе. Однажды вечером, когда комары стали беспокоить компанию, речь зашла о том, как бы скорее избавиться от них. Царь Петр Алексеевич сказал герцогу: “Вот эти мужичины с обнаженными шпагами ни к чему иному не годны; велите им подойти и отгонять комаров огромными своими усами”»³⁷.

Взбалмошный и упрямый нрав герцога не мог укрыться от Петра I, хотя русский монарх, также не отличавшийся мягкостью характера, старался терпимо относиться к своему новоявленному родственнику. Царь даже съездил с Карлом Леопольдом в Шве-

рине на охоту и убил оленя, хотя, как известно, терпеть не мог это развлечение, считая его абсолютно пустым занятием.

Герцог умудрился даже схлестнуться с царем в споре о том, что лучше для кавалерии: колоть по-шведски или рубить по-русски? Петр, естественно, отстаивал последнее мнение, в то время как Карл Леопольд усердно и упорно превозносил шведов. Спор был столь горячим, что верного Эйхгольца от страха «бросало в пот, как Иуду». Возвращаясь домой, он заметил герцогу: «Ради Бога, ваша светлость, берегитесь! Вы имеете дело с таким государем, с которым надобно обходиться осторожно. Какое вам дело, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы приехали сюда, чтобы колоть». Герцог самоуверенно отвечал, что заблаговременно «должно приучить царя так, как ему нужно»³⁸.

Несмотря на формальный приказ царя генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву с запретом «чинить обиды мекленбургским жителям», герцог Карл Леопольд использовал русские войска и для решения своих внутривластных проблем. Так, например, в июле 1716 г. восемь местных дворян были арестованы русскими за неповиновение герцогу и «поносительные речи» на герцогиню Екатерину Ивановну. Для того чтобы впредь предотвратить вмешательство русского командования во внутренние дела герцогства, к Петру I от мекленбургского дворянства был послан депутат Петерсдолф. Снисходя на просьбу депутата, царь отдал распоряжение генералу Н.И. Репнину отпустить арестованных³⁹.

Надо полагать, что царь не особо вдавался в тонкости вольностей и привилегий имперского дворянства и, возможно, искренне недоумевал, как подданные могут противиться воле своего сюзерена, а тем более жаловаться на него. Ведь в России все были «рабами великого государя», чьи судьбы он решал своей самодержавной властью.

Пребывание огромного количества войск в небольшом герцогстве тяжело отражалось на его жителях. В ноябре 1716 г. мекленбургский дипломат Габихтсталь жаловался в Любеке царю на генерал-лейтенанта И.И. Бутурлина, отягощавшего население тяжелыми постоями, и на генерал-майора Штофа, который привязывал к столбу (вероятно, позорному) городских бургомистров.

Для того чтобы снизить усиливающееся в герцогстве напряжение, вызванное пребыванием русских войск, царь на основании донесения Шереметева предложил вывести из дворянских имений, по крайней мере, четыре полка и разместить их по городам⁴⁰.

В ответ на это герцог самонадеянно заявил, что его крестьяне в состоянии прокормить все русские войска, и никакой нужды размещать их по городам нет. Здесь следует отметить, что Карл Леопольд в своей борьбе с местным дворянством опирался на города. Поэтому герцог был лично заинтересован, чтобы основные тяготы от пребывания в герцогстве русских войск легли на плечи непокорного дворянства.

Нужно сказать, что сам мекленбургский герцог относился к пребыванию русских войск в своих владениях весьма легкомысленно. Его министр и гофмаршал барон Эйхгольц предостерегающе заметил: «Берегитесь, ваша светлость, чтобы эти Русские не пожрали целого Мекленбурга». В ответ герцог заявил: «Пустое, они нам ничего не сделают. Нет народа, который довольствовался бы столь малым. Русские едят траву и пьют воду».

Однако в скором времени самому герцогу удалось испытать на себе неудовольствие русских солдат. Возвращаясь из Ростка, рассказывал Эйхгольц, Карл Леопольд остановился на обед в Пассене. Квартирующие там русские солдаты жестоко бранили управителя этого имения за то, что выданный им хлеб плохого качества, и требовали лучшего, угрожая правителю, что в противном случае они поколотят его по-русски. Управитель спасся от них в комнате, где герцог обедал. Но раздраженные солдаты в открытые двери бросили туда данный им хлеб. Эйхгольц, смеясь, спросил герцога: «Неужели это те самые люди, которые довольствуются водою и травою? Господи упаси меня от такого тестя (т. е. царя Петра. – *Авт.*), коего люди так бы со мною поступали!» Герцог молчал в изумлении. Эйхгольц заметил, что если русские так поступают в его имениях, каково должно быть их поведение в дворянских владениях, и что он, как владетельный князь, «пред Богом и пред собственною своею совестью обязан поговорить о том с царем»⁴¹.

Командующий русской армией Б.П. Шереметев вынужден был решать еще одну задачу. Герцог жаловался, что прусские и датские войска, проходя Мекленбург, также брали с несчастного

населения провиант. Петр рекомендовал своему военачальнику поступать с союзными войсками «политично и ласково», но не допускать, чтобы они реквизировали продовольствие и фураж безденежно, поскольку это еще больше отягощает и озлобляет жителей герцогства⁴². В конечном счете герцог, вероятно, начал осознать, что к внутривосточному кризису, в котором пребывал Мекленбург из-за затянувшейся распри между правителем и его подданными, добавляется и экономический кризис. Герцогство разорено постоянными проходами через его территорию крупных военных контингентов противоборствующих сторон. Пребывание русской армии пагубно сказывается на населении герцогства, которое вынуждено бесплатно содержать огромное количество солдат.

Карл Леопольд терпел, надеясь получить в качестве свадебного подарка Висмар. Еще в конце марта, в преддверье герцогской свадьбы, Петр отдал приказ генералу Н.И. Репнину, находившемуся с русскими войсками в Мекленбурге, с четырьмя полками и отрядом в 500 драгун следовать к Висмару, который в это время (с июня 1715 г.) уже осаждали датско-пруско-ганноверские войска под командованием генерала от кавалерии Франца Иоахима фон Дёвица (Franz Joachim von Dewitz). Зная о приближении отряда Репнина, союзники направили коменданту крепости Шульцу ультиматум, в котором угрожали ему, что если капитуляция произойдет после подхода русских сил, то сдавшиеся шведы могут отправиться напрямиком в Сибирь. В результате крепость сдалась союзникам (страх перед мнимой Сибирью оказался сильнее), которые наотрез отказались впустить в нее русских. Дело чуть было не дошло до открытого вооруженного столкновения. Только осторожность и сдержанность Репнина устранили эту опасность. Несмотря на длительные дипломатические переговоры, проблема Висмара так и не была решена. Петр I вынужден был проглотить горькую пилюлю ради переговоров с датским королем о высадке десанта на территорию Швеции. Крепость осталась в руках союзников, а тяготы Мекленбурга еще более усилились из-за пребывания там прусских, датских и ганноверских войск⁴³.

3 июня 1716 г. Петр I и датский король Фредерик IV подписали в Алтоне под Гамбургом конвенцию, которая обязывала обоих монархов в том же году предпринять высадку десанта в Ска-

План осады Висмара. Гравюра 1716 г.

нии. Русский царь надеялся, что шведская империя, потерявшая в Северной Германии свою последнюю опору – Висмар, после перенесения войны на ее территорию вынуждена будет заключить мир. Мекленбург играл роль важного плацдарма для русских войск до тех пор, пока Карл XII не будет разбит на своей территории.

Русская армия была поставлена на квартиры в Мекленбурге и ожидала отправки в Швецию⁴⁴. Галерный флот в количестве до 50 судов, на котором находились гвардейские полки, размещался в Ростоке⁴⁵.

Ставка главнокомандующего, генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева находилась в Гистроу⁴⁶. Одновременно готовился русский десант на шведское побережье, численностью в 21 тыс. чел. с Аландских островов.

В Алтонской конвенции выражалась надежда на то, что английская эскадра, ожидаемая на Балтике для охраны британ-

**Король Великобритании
и курфюрст Ганновера Георг I**

ских торговых кораблей, примет участие в военных действиях и прикроет высадку десанта в Скании. Английский король Георг I одновременно являлся и ганноверским курфюрстом, поэтому его очень волновало, кто будет править в Северной Германии после изгнания оттуда шведов. Он был напуган возросшим русским влиянием в Мекленбурге, граничащем с Ганновером. Кроме того, воинственно настроенная мекленбургская знать пользовалась

большим влиянием в Англии и при датском дворе. Премьер-министр Георга I по ганноверским делам и его ближайший советник Андреас Готлиб фон Бернсторф, владевший вотчинами в Мекленбурге, считался центральной фигурой в борьбе мекленбургской знати против введения Карлом Леопольдом абсолютизма в этом герцогстве. Среди многочисленных мекленбуржцев на службе у датского короля были И.Г. Гольштейн – один из четырех министров в Тайном совете Фредерика IV, генерал Дёвиц – главнокомандующий датскими войсками в Северной Германии. Они установили тесные связи с Бернсторфом и играли важную роль в так называемой «ганноверской хунте», повлиявшей на отношения России и Дании в 1716 г.⁴⁷

Прусский посланник с насмешкой писал, что как только мекленбургские вельможи при датском дворе получают послание от Бернсторфа, то выстраиваются за ним в процессию и почитают как святыню⁴⁸.

Члены «хунты» распространяли слухи, что Петр намерен включить Мекленбург в состав России, хотя у царя не было планов присоединить герцогство к своим владениям. Напротив, мекленбургские порты хорошо вписывались в его планы на будущее России в качестве посредника в торговле между Востоком и Европой. Азиатские и российские товары со складов в мекленбургских портах было легко переправлять по Эльбе для продажи на огромном центральноевропейском рынке.

**Премьер-министр по ганноверским
делам А.Г. фон Бернсторф**

Петр I даже рассматривал проект прорытия канала, с целью соединить Балтийское и Северное моря через территории герцогства. Осуществление этого плана позволило бы русским судам миновать Зундские проливы и освободиться от уплаты Дании так называемой «зундской пошлины»⁴⁹. Проект предусматривал соединение Балтийского и Северного моря посредством Эльбы и ряда озер, связанных каналами⁵⁰.

Русский царь не скрывал своих планов и часто обсуждал их с иностранными купцами. Ганноверские и британские министры воспринимали их как серьезную угрозу английской торговле. В результате чего в мае–июне 1716 г. им удалось без особого труда настроить английское министерство и парламент на принятие более враждебной линии по отношению к России⁵¹. 1716 год не стал последним годом Северной войны, по меткому выражению С.М. Соловьева, «русский богатырь был опутан паутиною интриг»⁵².

Не избежал этих интриг и датский двор. Переговоры об организации десанта затянулись. Пребывание царя в Копенгагене практически не сдвинуло дело с мертвой точки. Доходило до абсурда: концентрацию русских войск в Мекленбурге датский двор расценивал как угрозу Копенгагену.

В результате проволочек Дании и Англии операцию было решено перенести на весну следующего года, но она так никогда и не состоялась. Борьба за влияние в Мекленбурге между Россией и Данией привела в дальнейшем к выходу последней из антишведского союза⁵³.

Русские войска вновь были расквартированы в Мекленбурге в ожидании весны 1717 г., когда подготовка десанта должна была возобновиться. Пребывание в Северной Германии большого контингента русских войск, по мнению англо-ганноверского двора, нарушало «равновесие сил» на Балтике.

Неожиданную поддержку Петр I нашел у Франции, которая была заинтересована привлечь Россию к союзу против Австрии. Более того, французское правительство выражало желание, чтобы Россия утвердилась в какой-либо части имперских земель и постоянно держала там войска. Пруссия также высказывала желание, чтобы русские войска оставались в Мекленбурге. Получив при содействии России значительные территориальные приобретения, Пруссия могла надеяться удержать их только при помощи русских войск. Этим объясняется лояльная политика Фридриха Вильгельма I по отношению к России. В ноябре 1716 г. при свидании русского царя и прусского короля в Гавельсберге был подтвержден союз между Россией и Пруссией. В следующем году, после посещения Петром I Парижа и переговоров с регентом Франции герцогом Филиппом Орлеанским в Амстердаме был подписан союзный оборонительный договор между Россией, Францией и Пруссией⁵⁴.

Между тем антирусские настроения в Северной Германии усиливались. Особенно этому способствовал англо-ганноверский двор, которому содействовала мекленбургская знать. В герцогстве распространялись слухи, что русские планируют вывести из Мекленбурга насильно ряд оппозиционно настроенных дворянских семей. Тем, кто сотрудничал с русскими, угрожали подвергнуть имения разорению после ухода войск. Многие семьи в страхе уезжали в соседний Ганновер.

О том, какие настроения царили в Ганновере, можно судить по мемуарам шотландского офицера на русской службе Питера Генри Брюса, бывшего в то время адъютантом генерала Вейде. В какой-то момент в Мекленбурге распространилось известие, что под Гамбургом формируется армия из имперских войск, с намерением выгнать российские войска из герцогства. В этой связи русская армия оставила квартиры и встала лагерем у Гадебуша, под командой генерал-лейтенанта Ласси, генерал-майора Шлипенбаха и бригадира Лефорта. Генерал Вейде был в это время в Гистроу и послал Брюса выяснить, сколько войск собралось в лагере неприятеля. Брюс не нашел никакого лагеря и обратился за сведениями к русскому резиденту в Гамбурге. Но услышал не о войсках, формируемых против нас, а о том, что русская армия собирается вторгнуться в Ганновер (!), откуда уже началось бегство состоятельных людей в Гамбург и другие безопасные места. Это произошло в связи с появлением русского лагеря в Гадебуше. Когда Брюс вернулся в Гистроу и доложил ситуацию, то был немедленно отправлен в лагерь с приказом войскам немедленно разойтись по квартирам⁵⁵.

На специально созванном съезде мекленбургские дворяне постановили ничего больше не давать добровольно русским войскам, призывали покинуть свои имения и уходить вместе с крестьянами. Когда А.А. Вейде потребовал от них объяснения, дворяне заявили, что они больше не рабы русских и не хотят ими быть, а продовольствие и фураж более давать не будут. В ответ русский генерал применил репрессивные меры. Он приказал брать хлеб и скот в первую очередь у зачинщиков, использовать под выпасы кавалерийских лошадей их луга и поля, а самих бунтовщиков «брать за караул»⁵⁶.

Русские войска в Мекленбурге находились между двумя враждебными силами, которые обе действовали за пределами страны: герцог с женой требовали от Петра помощи, а дворянство обращалось к правящим европейским дворам, опасавшимся укрепления России на западных берегах Балтики и усиления русского влияния в немецких землях⁵⁷.

Ситуация накалилась до такой степени, что герцог отправил Эйхгольца к Петру I, который находился в то время в Аахене, с просьбой вывести из Мекленбурга русскую армию, кроме семи полков. По мнению Карла Леопольда, эти полки должны были

защитить его как правящего государя от внешней и внутренней угрозы. На просьбу герцога Петр отреагировал следующим образом. Он поручил А.И. Остерману хорошенько объяснить Эйхгольцу, что семь полков составляют 11 000 чел. и что такое количество войск будет герцогству в тягость. Царь соглашался оставить два полка и советовал разместить их равномерно на кварталы в городах, в дворянских и герцогских имениях.

Кроме того, царь заявил: «Я для герцога не намерен ссориться с императором и империей»⁵⁸.

На самом деле вопрос об эвакуации русских войск из Мекленбурга был решен Петром I еще в Париже в июне 1717 г.⁵⁹ Воспользовавшись прошением от всего мекленбургского дворянства о выводе из герцогства русских войск как удобным предложением, царь распорядился начать подготовку к эвакуации⁶⁰.

Обрадованное известием о выводе войск мекленбургское дворянство послало к генералу А.А. Вейде двух представителей, которые задали вопрос, сумеет ли он вывести войска за границы герцогства за десять дней, если они будут полностью обеспечены питанием и фуражом. Получив утвердительный ответ генерала, дворяне кинулись скупать хлеб в городах и деревнях, не задетых реквизициями, лишь бы не было задержки с выводом русских полков⁶¹.

Вместе с корпусами Н.И. Репнина и А.А. Вейде из Мекленбурга в Ригу в июне 1717 г. были вывезены все артиллерийские припасы русских войск: 220 бочек пушечного пороха, 223 бочки мушкетного пороха, 83 бочки «худого» (т. е. некачественного) пороха, а также запасы серы, свинца для литья пуль, бомбы (в том числе и трофейные шведские), зарядный и шанцевый инструмент⁶².

В конце июля 1717 г. русская армия в составе двух корпусов (А.А. Вейде и Н.И. Репнина) выступила из Мекленбурга к польским границам⁶³. За время ожидания так и не состоявшегося десанта солдаты изрядно пообносились. Так, например, артиллеристы жаловались своему начальству, что «обретаются без мундиров»⁶⁴.

Тем не менее, отлично понимая, что власть его нового родственника держится в герцогстве во многом на русских штыках, Петр принял решение оставить в Мекленбурге два пехотных полка с приданными им двумя гренадерскими ротами. Эти пол-

ки переходили под командование самого Карла Леопольда, который должен был их содержать за свой счет. Формально эти войска должны были составить личную гвардию герцогини Екатерины Ивановны.

Естественно, что с желанием русских солдат, остававшихся в Германии на всю оставшуюся жизнь, никто не считался.

Генералу А.А. Вейде поручено было согласовать с герцогом места дислокации этих полков. Русским солдатам запрещалось брать с местных жителей все, кроме установленного им пропитания⁶⁵.

«Присматривать» за герцогом, а заодно и за русским контингентом, был отправлен Михаил Алексеевич Салтыков – родственник вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны (матери герцогини Екатерины).

Салтыков, скорее всего, обладал довольно широкими полномочиями. По крайней мере, когда в сентябре 1718 г. Карл Леопольд арестовал командира Вятского полка Ивана Вольнского за некие нарушения присяги и непослушание, Салтыков от имени своего государя заявил герцогу, что если полковник не будет освобожден, то все русские войска покинут территорию Мекленбурга. Герцог, несмотря на свой скверный характер и упрямство, поспешил исполнить требование и выпустил Вольнского на свободу⁶⁶.

Итак, в Мекленбурге остались Вятский и Ярославский пехотные полки.

Вятский пехотный полк первоначально назывался солдатским полком полковника Павла Павловича Бернера (напомним, что в России наименования полков часто давали по именам их командиров). Он был сформирован в 1700 г. комиссией генерала Н.И. Репнина в Казани из даточных людей. В 1706 г. он стал именоваться полком Ивана Яковлевича Шанбурха (Шнеберха, Шнеберка), а затем – князя Алексея Борисовича Голицына. В 1708 г. получил название Вятский солдатский полк.

Полк действовал в 1702 г. под Нотебургом, в 1703 г. – у Ниеншанца, в 1704 г. – под Нарвой и Печорским монастырем, в 1709 г. – под Полтавой, в конце 1709 г. сопровождал Петра I в Пруссию. Вятский пехотный полк в 1711 г. участвовал в Прутском походе, затем в 1712–1714 гг. находился в Померании у Тенингена, Штеттина, потом в Мекленбурге и Люненбурге⁶⁷.

В 1711–1712 гг. полком командовал полковник Иван Панин, а с 1712 г. – полковник Иван Вольтинский. К сожалению, архивы полка интересующего нас периода сильно пострадали: «...с начала регулярной армии, от [1]700 году, в полку до [1]712 году обстоятельных ведомостей... нет, понеже письма утрачены в Турецкой акции. И в бытность в Мекленбургии [ведомости], по которым от излежания за негодностию выправиться было невозможно, брошены за неимением подвод, по выступлении из оной земли в Россию, в прибытие линбурцев» (корпуса люнебургских войск)⁶⁸.

Ярославский пехотный полк был сформирован в 1700 г. из «урядников и солдат старых города Симбирска, из солдатских детей и братьев, 1007 человек». Первоначально именовался солдатским полком полковника Ивана Ивановича Трейдена. В 1700 г. полком командовал полковник Филипп Гаврилович Кар, в 1706–1708 гг. – подполковник Алексей Кузьмич Балабанов (Болобонов), в 1708 г. – Петр Матвеевич Апраксин, затем (до 1715 г.) вновь Балабанов, в 1715–1717 гг. полковник Иван Панин⁶⁹.

В 1708 г. он был переименован в Ярославский солдатский полк. В 1700 г. он действовал под Нарвой, в 1703–1705 гг. участвовал в третьем и четвертом «Свейских походах» в составе корпуса П.М. Апраксина, затем нес гарнизонную службу в Ямбурге и Нарве. В 1709 г. действовал под Полтавой и Ревелем, в 1711–1718 гг. – в Померании. В 1713 г. принимал участие во взятии Штеттина. В 1719 г. находился в Мекленбурге.

Подобно большинству пехотных полков полевой армии, Ярославский и Вятский состояли из восьми мушкетерских рот каждый (одну восьмую часть рядовых солдат в 1715 г. вооружили пиками). Гренадеры уже несколько лет как были сведены в отдельные полки, и, чтобы не лишать гвардию царевны этой ударной силы, к Ярославскому и Вятскому пехотным прикомандировали две роты из Первого гренадерского полка (в данном случае речь идет о гренадерском пехотном генерал-майора Питера Эдмонда Ласси, хотя на почетное звание «первого» претендовали впоследствии и другие гренадерские полки). Полковая артиллерия по обыкновению насчитывала пару медных пушек (итого четыре) с укрепленными на их лафетах чугунными или железными мортирами⁷⁰.

Поступая «во ус-
лугу Его Светло-
сти», пехота остави-
ла российские зна-
мена и получила вза-
мен мекленбургские
(по два на полк или
по одному на баталь-
он). Согласно описа-
нию 1719 г., знамена
Ярославского полка
были из тафты – одно
белое, другое василь-
ковое, «на них гербы
мекленбургские на
золоте».

На время пребы-
вания в Мекленбур-
ге жалование и об-
мундирование рус-
ской пехоте полага-
лись от герцога Карла
Леопольда. В 1718 г.
оба полка получили
«васильковый мун-
дир» – картузы, каф-
таны и чулки на пол-
ный комплект, а так-
же около 100 шляп

с позументом, камзолов и штанов на полк – надо полагать, для
урядников. Плащи и прочие вещи остались российские. В том же году (быть может, по желанию герцога) полки обзавелись хо-
рошей духовой музыкой: в каждом – хор гобоев, хор флейтузов,
пара валторн, а в Вятском – еще и пара фиолей.

Вятским пехотным продолжал командовать полковник Иван
Волынский. Полковника Ярославского полка Ивана Панина в
1717 г. взяли на службу в Комиссариат, поэтому герцог произвел
в полковники своего офицера Ягана (Johann) фон Тилли. На-
звания полков стали звучать как *Tilly zu Fus* (пехотный Тилли)

**Ярославский пехотный полк.
Мушкетеры и пикинеры. 1717 г.
(Иллюстрация из статьи: Егоров В.И.
«Под гербом мекленбургским»
в Германии и в России. Гвардия царевны
и Мекленбургский корпус 1717–1743 гг. //
Наш восемнадцатый век.
Военный сборник. М., 2014)**

Форма мекленбургской пехоты. 1717–1719 гг.
(Из книги: Hall R. Mecklenburg's Military from 1650 to 1719. 2003)

и *Valinsky zu Fus* (пехотный Вольнского). На немецкий лад переименовали и офицерские звания – так, поручики стали премьер-лейтенантами.

Гренадерами командовали их капитаны: ротой при Ярославском полку – Иона Волков, ротой при Вятском полку – Никита Кабановский.

В 1717–1719 гг. герцог повысил чинами некоторых россиян – в том числе за храбрость в сражении – и определил в полки немецких офицеров (в основном это коснулось Ярославского пехотного). Причиной тому послужили освободившиеся места⁷¹.

Еще один занятный момент связан с массовыми отставками русских офицеров, находившихся на мекленбургской службе. Большинство офицеров в то время происходили из дворян и несли обязательную пожизненную личную воинскую повинность под угрозой лишения поместий и прочих наказаний. Увольнение со службы можно было получить только по состоянию здоровья, да и то власти могли принудительно определить на какую-нибудь гражданскую службу.

Однако в Мекленбурге русские офицеры вдруг выяснили, что местный герцог свободно отпускает со службы в отставку, причем его грамота («абшид») признается в России. Многие воспользовались этой лазейкой и спокойно вернулись домой в свои поместья, не опасаясь репрессий со стороны начальства.

По мнению исследователя В. Егорова, русской «гвардии» в Мекленбург-Шверине жилось совсем неплохо. От дезертирства оба полка страдали ничуть не больше, чем в иные годы Северной войны. Если в 1712 г. из Вятского пехотного бежало свыше 100 чел., так что в назидание остальным двое пойманных дезертиров были расстреляны, двое повешены и еще одному отрублены руки и ноги, то в 1717–1719 гг. тот же полк недосчитался всего 40 беглецов. Некоторые «явились из бегов» добровольно. Приходили и те, кто дезертировал раньше из других полков и устал от вольной жизни на чужбине; вернулись даже четверо солдат, завербовавшихся в прусскую армию и теперь бежавших уже оттуда. Правда, они недооценили *Ordnung* в хвалёных полках короля Фридриха Вильгельма I – на обратном пути из Мекленбургии, в городе Пазволе, «брандбурцев» опознали, насильно вытащили из строя и увели всех четверых вместе с их фузеями, шпагами, пистолетом и пикинерским копьём...⁷²

Между тем, сословия герцогства пожаловались на Карла Леопольда за его злоупотребления в имперский суд, и тот в октябре 1717 г. вынес вердикт в пользу восстановления *status-quo*. Естественно, что герцог отнюдь не спешил с исполнением судебного решения, надеясь на грозную русскую силу.

Тогда император назначил над герцогством военную экзекуцию, с целью выполнения решения суда. Право на проведение так называемой имперской экзекуции⁷³ было выдано Брауншвейг-Каленбергу (Ганноверу) и Брауншвейг-Вольфенбюттелю как гарантам Нижне-Саксонского округа, к которому относился и Мекленбург, и сформирован специальный «штрафной корпус» (*Strafkorps*). Для управления герцогством от имени императора Карла VI была создана специальная комиссия⁷⁴.

Однако, вплоть до зимы 1719 г., пока в Северной Германии и Польше находилась крупная русская группировка (около 30 000 солдат), о военной операции никто не помышлял, но после ухода русских войск все изменилось.

Одновременно с готовящейся экзекуцией, воспользовавшись жалобами населения Мекленбурга и Польши на произвол герцога Карла Леопольда и русских войск, принц Евгений Савойский, ганноверский министр Альфонс-Мари-Луи Сен-Северен и саксонский фельдмаршал Якоб Генрих фон Флемминг подписали 5 января 1719 г. Венский договор между Австрией, Ганновером и Саксонией. Он предусматривал принятие мер не только против мекленбургского герцога, но и против возможной агрессии со стороны России, Швеции и Пруссии⁷⁵.

Союзный контингент составляли 8000 пехоты и столько же кавалерии от Австрии, 10 000 пехоты и 4000 кавалерии от Англии и Ганновера, по 2000 драгун и 4000 пехоты от Саксонии и Речи Посполитой и 4000 польской шляхетской конницы. Для восстановления порядка в Мекленбург должен был быть направлен 50-тыс. экзекуционный корпус⁷⁶.

Кроме того, на тот случай, если герцог воспротивится проведению имперской экзекуции, весной 1719 г. в Силезии были размещены пять цесарских полков, готовых к маршу на Мекленбург⁷⁷.

В феврале 1719 г. Петр I получил известие о том, что ганноверские войска численностью в 8000 чел. под командованием под командованием генерала от кавалерии К.Дж. фон Бюлова (Cuno Josua von Bulow) вступили на территорию герцогства.

Спустя некоторое время произошли столкновения между ганноверскими и мекленбургскими войсками, в которых приняли участие и русские.

Перейдя 25 февраля Эльбу по льду, Бюлов 3 марта подошел к Хагенау. Затем ганноверцы повернули на север, надеясь отрезать небольшую мекленбургскую армию под командованием генерал-майора К.К. фон Шверина (Curt Christoph von Schwerin).

Вечером 5 марта пехотный полк де Лёра (de Lueur) занял Вальсмюлен (Walsmühlen) на правом берегу Зуде. Три роты заняли мост непосредственно в городке, еще одна рота заняла позицию у мельницы, а рота капитана Шредера – мост рядом с городком. Соседний Родемулен (Rodemühlen) был занят ротой капитана Шуленбурга из полка Бёллинга (Belling). Драгунский полк Вендта (Wendt) расположился на ночь в Паруме (Parum) между Виттенбургом (Wittenburg) и Вальсмюленом. Штаб-квартира Бюлова находилась в Гаммелине (Gammelin). Между Виттенбургом и Родемуленом находились кавалерийские полки Шлуттера (Schlutter) и Сен Лорана (St. Laurent).

Мекленбуржцы выступили из Виттенбурга в Шверин вечером 5 марта, стремясь форсировать Зуде до того, как ганноверцы займут все переправы. У генерала Шверина был приказ герцога Карла Леопольда по возможности избегать столкновений с ганноверцами и вступать бой только в случае вражеской атаки. В Паруме мекленбуржцы захватили несколько офицеров из полка Вендта. Шверин написал в своей реляции, что он мог с легкостью разгромить и пленить весь полк, но вместо этого приказал отпустить с извинениями пленных офицеров. В ночь с 5 на 6 марта шедший в голове колонны полк Тилли (Tilly) подошел к Вальсмюлену, где выяснилось, что мост разрушен, а на другом берегу занял позиции полк де Лёра. По словам Шверина, ганноверцы первыми открыли огонь, убив унтер-офицера и четырех солдат. В ответ русские гренадеры под прикрытием двух полковых пушек переправились по льду на другой берег и атаковали противника.

Ганноверцы были отброшены, потеряв более 120 чел. и два знамени. Русские потеряли в этом бою убитыми капитана Афанасия Петина и 25 нижних чинов, еще 15 нижних чинов скончались позднее от ран. Отбив переправу, мекленбуржцы немедленно приступили к ее починке. Первой через реку перепра-

вилась пехота, затем следовала конная гвардия, затем обозы, и в арьергарде – драгуны под командованием Якоба Карла фон Лиллиенштренга (Lilienstreng). В момент переправы конногвардейцы были атакованы драгунами Вендта, под удар попала замыкавшая колонну рота полковника Веллинга (Welling). Шверин лично возглавил контратаку, и ганноверцы были отбиты, после чего мекленбуржцы продолжили переправу. К утру все мекленбуржские войска находились на равнине к юго-западу от Вальсмиюлена.

Тем временем Бюлов, получив известия о бое при Вальсмиюлене, собрал полки Вендта, Шлуттера и Сен Лорана (всего 8 эскадронов) и, переправившись у Родемиюлена, бросился на перехват Шверина. Атака ганноверской кавалерии была отражена Вятским пехотным полком, выпалившим в ходе боя 3820 ружейных патронов и 2038 зарядов картечи. Также две его полковые пушки дали 10 картечных выстрелов. Исходя из численности полка, в ходе боя им было дано 5 залпов, в том числе два с близкой дистанции картечью. Понеся серьезные потери, ганноверцы отступили, не нанеся русским никакого вреда. На отходе ганноверцы схватились с мекленбургской кавалерией (конной гвардией и драгунами Лиллиенштренга), нанеся ей серьезный урон.

После боя Бюлов отступил на юг, а мекленбургский командующий продолжил марш к Шверину, куда прибыл в тот же день, 6 марта. Вероятно, бои у Вальсмиюлена были не единственными, и в районе реки Зуде 5–6 марта произошло еще несколько боестолкновений меньшей интенсивности, так как в списках потерь упоминаются ганноверский кавалерийский полк Бюлова и пехотный Бёллинга (Belling), а также мекленбургский полк Цюлова (Zulow)⁷⁸.

«Поденная записка» Петра I описывает это столкновение следующим образом. В полутора милях от Шверина генерал-майор К.К. фон Шверин получил приказ герцога двигаться с двумя мекленбургскими конными полками и с российскими пехотными, которые были там дислоцированы, к Ростоку. Во время марша он обнаружил ганноверский regiment, стоявший на переправе. Шверин послал к ганноверскому командиру требование пропустить его полки, обещая при этом «не учинять никакой противности» и выдать заложников. Мотивировал он это тем, что не имеет никакого приказанья сражаться с ганноверцами, а

лишь следует в Росток. Но «эксекюторы» не только не пропустили мекленбургцев и русских, но, подпустив их ближе, дали по ним залп. В результате этого погиб русский капрал и четыре солдата. Тогда Шверин «вооруженною рукою» прошел через переправу, разорил regiment, захватив при этом несколько знамен и пленников.

Во время перехода переправы ганноверцы предприняли попытку атаковать аррьергард мекленбургского войска, но были с «немалым уроном отбиты». На следующий день ганноверский генерал вновь атаковал фон Шверина, но был отбит⁷⁹.

В послужных списках (сказках) офицеров Вятского пехотного полка сохранились записи об их участии в сражении с ганноверскими войсками. В частности, указано, что были в баталии «с линебургцы и ганноверцы» подполковник Лангерман, премьер-майор Ю.Ю. Шарф, капитаны А.Ю. Шарф, П.С. Кичигин, С.В. Токмачев, В.А. Похвистнев, А.Д. Сытин, В.И. Гагин, В.Я. Нирот, поручики М.С. Скрыплев, М.Д. Воейков, Ф.Н. Шапошников, И.К. Радищев, Е.М. Гагин, Г.Ф. Новиков, подпоручики А.Е. Зубов, И.А. Юшков, Я. Агеев, П.М. Иванчин, Д.Т. Тяняков, А.О. Хрипунов, С.А. Портной, прапорщики И.И. Гагин, С.Е. Шошин, Ф.Ф. Сангуров, И.С. Щипицын, Ф.З. Токарев, А.И. Хлопов, А.И. Кузнецов, полковой квартирмейстер И.Д. Лихачев, полковой писарь И. Тюляминов, полковой аудитор А.С. Потапов и полковой фискал В. Югатов⁸⁰.

В сражениях с эксекуционным корпусом отличились и офицеры Ярославского пехотного полка. Премьер-майор Август Кених «был во услуге его светлости герцога мекленбургского в 719 году против нападения от ганноверского войска»⁸¹. Подпоручик Илья Петин был произведен герцогом в капитаны⁸². Прапорщик Василий Воробьев – в подпоручики⁸³. Капитанами стали Иван Чабуков, Василий Барсенов и Иван Черевин, также бывшие «на баталии марта 6 дня от нападения ганноверских войск».⁸⁴

Такое же звание получил Федор Старков за участие в сражении⁸⁵. Глеб Немцов был ранен в бою 24 февраля 1719 г., у него была пробита пулей левая нога. За это он был произведен в капитаны и получил подписанный самим герцогом патент⁸⁶.

Ранен в ногу был и Астафий Мещаринов, пожалованный в поручики⁸⁷. За то же сражение Тихон Тишков, Яков Тишков и Дмитрий Трубников стали поручиками⁸⁸.

Степан Рукин за участие в боевых действиях 22 февраля 1719 г. пожалован герцогом в поручики⁸⁹. В подпоручики были произведены Василий Щелин, Матвей Шемановский, Марко Русинов и Петр Ушаков⁹⁰. Прапорщиками стали Спиридон Просин, Максим Стаханов, Григорий Алютин⁹¹.

Алексей Соболев стал полковым адъютантом, Ефим Бубнов – полковым писарем, а Иван Барышников – полковым профосом⁹².

Николас Фридрих фон Якин сообщал о себе, что служил в венецианских войсках и сражался против турок, затем взял «абшит», и «пришел в... Мекленбургскую землю, и явился его светлости герцогу мекленбургскому в городе Росток в 1718 г., и его светлость пожаловал меня в Ярославский пехотный полк в прапорщики, и, пожаловав, приказал дать мне патент августа с 1-го числа. И будучи в оном полку, 719 году марта 6 дня был на баталии против линебургского войска в деревне Вальсмюлен»⁹³.

Заметим, что это единственное упоминание в офицерских сказках деревни, где произошло сражение. Очевидно, что к 1720-м гг., когда они составлялись, для большинства офицеров точное название далекого мекленбургского местечка уже стерлось из памяти.

Имперская экзекуция была исполнена весной 1719 г. Карл Леопольд вскоре покинул страну. Управление Мекленбург-Шверинем в качестве исполнителей взяли на себя курфюрст Ганновера и король Пруссии. После смерти курфюрста в 1727 г. имперская экзекуция была снята.

Российские государи Петр Великий (в 1721 г.), Екатерина I (в 1726 г.), Петр II (в 1729 г.), Анна Ивановна (в 1730 г.) хлопотали о судьбе герцога, обращаясь к императору Карлу VI, но безрезультатно. Кайзер считал, что герцог мекленбургский должен дать отчет в своих действиях перед Имперским судом. В апреле 1725 г. Имперский надворный совет (*Kaiserliche Hofrath*) дал герцогу четыре месяца «на покаяние». После опубликования Карлом Леопольдом в марте 1729 г. оскорбительной декларации против императора суд Имперского сейма (*Reichstagsrecht*) лишил герцога владений. Управление княжеством было передано его младшему брату, герцогу мекленбург-стрелицкому, Кристиану Людвигу II, которому при поддержке прусских войск пришлось устранять последствия политики своего предшественника.

Сам Карл Леопольд неоднократно обращался к российским монархам за военной помощью в деле возвращения власти, но неизменно получал отказ и совет повиниться перед императором. Вице-канцлер А.И. Остерман рекомендовал русским дипломатическим представителям за рубежом (в частности, делегатам Суассонского конгресса А.Г. Головкину и А.Б. Куракину) «добрым порядком от сего мекленбургского дела освободиться». В 1727 г. герцог покинул Россию и обосновался в Данциге. Его жена, пытавшаяся оказать Карлу Леопольду поддержку, и дочь Елизавета Катерина Кристина, будущая правительница Анна Леопольдовна, остались в Санкт-Петербурге.

Во время войны за Польское наследство в августе 1734 г. Карл Леопольд через тайного посла, надворного советника Хайля предлагал императрице заключить негласный союз с Францией, признать Станислава Лещинского польским королем и дать ему 12 тыс. солдат для возвращения Мекленбурга. Этот проект показывает, насколько мало герцог разбирался в европейских делах и интересах России. В январе 1735 г. он был вынужден извиняться перед Анной Ивановной за свои предложения.

Русский двор давно охладел к герцогу. После смерти в 1733 г. Екатерины Ивановны и перехода в православие ее дочери под именем Анны Леопольдовны судьба Карла Леопольда уже никого не интересовала. В 1736 г. он был выслан из Данцига в Висмар (бывшая шведская Померания). Анна Леопольдовна в 1739 г. вышла замуж за принца брауншвайг-бевернского Антона Ульриха, и «*мекленбургский вопрос*» был фактически закрыт. Карл Леопольд поселился в своем имении Дёмнице в прусской Померании, где и скончался осенью 1747 г., обиженный на весь мир, потерявший герцогство, жену, дочь и внука – малолетнего российского императора Иоанна Антоновича⁹⁴.

В марте 1719 г. после обмена дипломатическими демаршами между Веной и Петербургом Петр I принял решение о выводе «мекленбургского корпуса», включая русские полки, в Россию⁹⁵. Слезные просьбы герцогини Екатерины Ивановны не лишать защиты ее супруга царь оставил без внимания. Летом 1722 г. Екатерина приехала в Россию и никогда уже ее не покидала⁹⁶.

На такое решение Петр пошел ввиду заключения Англией и Ганновером мира со Швецией и присоединения Пруссии к Венскому договору.

В конце апреля 1719 г. мекленбургские войска подошли к польскому Шверину. Начальствовали над ними генерал-майор фон Флор, которого в документах именуют также де Флеор или фон Флорен (von Flohren), бригадиры фон Кальден (von Kahlden) и фон Вальдов (Вальдоу). Эвакуация в Россию уже была делом решенным, и в Шверин для сопровождения приехал полковник Степан Вельяминов. Дальнейший ход событий трудно угадать. Мекленбургский командир Ярославского полка и некоторые офицеры-иноземцы ретировались одними из первых: «Полковник Тилли до прибытия моего, – писал Вельяминов, – от полку отлучился и не надеюсь, чтоб оный к полку прибыл, понеже багажу его при полку ничего не осталось». Повернули назад, оставив своих людей, и шефы немецких полков – генерал-майор Флор, бригадиры Кальден и Вальдов. От мекленбургского «генерального штаба» (генералитета) никого не осталось уже в начале мая 1719-го, и корпус возглавил драгунский полковник Якоб Карл фон Лиллиенштрэнг. Большинство нижних чинов, очевидно, разделяло мнение генералов о путешествии в Московию. Когда два русских полка и гренадерские роты бодро двинулись походным маршем от Шверина, мекленбургское войско потянулось вослед, «но токмо во оных во всех шести полках, – продолжал Вельяминов, – драгун и солдат с 1000 человек или и меньше обретается, понеже бегут целыми ротами, а маршируют от российских полков во отдалении миль по 7 и больше». Письма и уговоры были тщетны – похоже, Лиллиенштрэнг умышленно медлил и держался подальше от русских, давая возможность соотечественникам сделать свой выбор⁹⁷.

25 апреля 1719 г. при польском Шверине мекленбургская кавалерия насчитывала 27 штабных чинов, 39 обер- и 97 унтер-офицеров, 717 рядовых и 844 лошади; инфантерия – 25 штабных чинов, 90 обер- и 101 унтер-офицера, 775 рядовых; итого 1871 чел., включая генерал-майора фон Флора, командовавшего полками последние дни перед своим отъездом. В мае–июне из-за массового дезертирства мекленбургские войска таяли на глазах: в иных ротах рядовых оставалось по два-три человека, а то и вовсе были одни офицеры. Полк в 16 драгун или батальон в 13 солдат скоро стали обычным для Мекленбургского корпуса явлением, при этом на каждого уцелевшего рядового в среднем приходилось по офицеру, капралу либо штабному. По дороге в

Россию от кавалерийского лейб-регимента не осталось ни одного человека, и полк этот выбыл из списков⁹⁸.

Степан Вельяминов доносил в мае 1719 г. из Пултовска, что мекленбургские полки специально отделились во время марша от русских, хотя их подхода ждали на привалах по три-четыре дня. Полковник писал, что от шести мекленбургских полков осталось не более 1000 чел., так как рейтары и драгуны отъезжали целыми ротами, а от лейб-регимента не осталось совсем никого. В заключение он высказывал сомнение, что вообще сумеет довести эти полки до российской границы⁹⁹.

Переправившись через Вислу и впусую прождав пять дней, Вельяминов решил продолжить марш самостоятельно. На тот момент в Ярославском и Вятском пехотных полках и в обеих гренадерских ротах налицо состояло до 2900 чел. всех чинов.

В июле 1719 г., после прибытия в Ригу, пути бывших товарищей по оружию разошлись окончательно. Мекленбургские полки отправили напрямик на Украину, к находившемуся там конному корпусу, а российские были «введены в гарнизоны»: Вятский полк – в Ригу, Ярославский – в Динаминдшанц (гренадеров отдали обратно в полк Ласси)¹⁰⁰.

В январе 1731 г. Карл Леопольд потребовал отпустить к нему мекленбургский корпус или дать денег на наем войск, обеспечить их оружием и провиантом. В середине июня Анна Иоанновна дала твердый ответ: денег герцог не получит, а корпус может быть перевезен в Любек (эти части уже не представляли никакой серьезной силы).

История «мекленбургского корпуса» закончилась печально. Только в 1744 г. после 25-летнего пребывания его в России императрица Елизавета Петровна разрешила мекленбуржцам вернуться на родину. К тому времени от корпуса осталось всего 109 чел. (в том числе 15 офицеров) – постаревших и немощных¹⁰¹.

Под давлением международной обстановки, из-за обострения противоречий внутри Северного союза, приведших к фактическому его распаду, русское правительство решилось на вывод войск из Мекленбурга. Эта мера существенно осложняла поставленную Петром I военную задачу – осуществление союзного десанта на территорию Швеции и победоносное окончание войны. В то же время вывод войск позволял снизить внешнеполити-

ческое напряжение в результате формирования антирусской коалиции, создаваемой англо-ганноверским двором. Человеческие потери, страдания местного населения, чувства русских солдат, оторванных от родины и отправленных на чужбину, никто не брал в расчет. Судьба русского солдата и немецкого крестьянина мало интересовала тех, кто вершил судьбы целых стран... Огнем и мечом перекраивались европейские границы, гибла шведская империя и рождалась новая – Российская.

¹ История Северной войны. 1700–1721 гг. / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1987. С. 142.

² Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 374–376.

³ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. I. М., 2004. С. 380.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т. XII. Вып. 2 (Июль – декабрь 1712 г.). С. 218.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ Karl XII på slagfältet. Vol. IV. P.A. Norstedt och söners förlag, Stockholm. 1919. S. 936–941; Беспалов А.В. 1) Участник Северной войны фельдмаршал граф Магнус Стенбок (1664–1717) // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 176–183; 2) Сподвижники Карла XII. М., 2003. С. 140–143.

⁷ История Свейской войны. С. 387.

⁸ Репнин Никита (Аникита) Иванович (1668–1726), князь, поручик Потешной роты (с 1685), генерал-аншеф (с 1696), генерал-майор (с 1699), ливляндский генерал-губернатор (1710, 1719–1726), президент Военной коллегии (1724–1725), генерал-фельдмаршал (с 1724).

⁹ Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. / Под ред. А.З. Мышлаевского. СПб., 1898. С. 205, 207.

¹⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XII. Вып. 2. С. 427.

¹¹ Там же. С. 468.

¹² Фельдмаршал граф Б.П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. С. 196.

¹³ Павленко Н.И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 145.

¹⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XII. Вып. 2. С. 210–211.

¹⁵ Карл Леопольд, дед императора Иоанна Антоновича. Рассказ барона Эйхгольца (Из бумаг П.П. фон-Геца) [Извлечение] // Русская старина. 1875. Т. 12. № 1. С. 2 (Далее: Рассказ барона Эйхгольца). С. 10.

¹⁶ О герцоге Карле Леопольде см. подробнее: Heitz G. Herzog Carl Leopold von Mecklenburg-Schwerin // Kaiser. König. Kardinal – Deutsche Fürsten 1500–1800 / herausg. von Rolf Straubel und Ulman Weiss. Leipzig-Jena-Berlin: Urania-Verlag, 1991; Grijsorian V. Zarenschicksale – Glanz und Skandale am Hofe der Zarendynastie Romanow / Holstein-Gottorp. Leipzig: LeiV Buchhandels- und Verlagsanstalt GmbH, 1987; Vallotton H. Peter der Große – Russlands Aufstieg zur Großmacht. 2. Aufl. München: Verlag Georg D.W. Callwey, 1978.

¹⁷ Рассказ барона Эйхгольца. С. 2.

- ¹⁸ Полиевсктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.). СПб., 1907. С. 39.
- ¹⁹ Брикнер А.Г. Путешествия Петра Великого за границу в 1711 и в 1717 гг. // Русский вестник. 1880. Т. 150. С. 572.
- ²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XIII. Вып. 2 (14 июня – декабрь 1713 г.). М., 2003. С. 240, 573.
- ²¹ Там же. С. 241.
- ²² Переписка Петра I с графом Б.П. Шереметевым // Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 25. СПб., 1878. С. 425.
- ²³ Бобровский П.О. Вейде Адам Адамович, один из главных сотрудников Петра Великого и его Военный устав 1698 г. Казань, 1887. С. 26.
- ²⁴ Переписка Петра I с графом Б.П. Шереметевым. С. 425–426.
- ²⁵ История Свейской войны. С. 462; Переписка Петра I с графом Б.П. Шереметевым. С. 423, 425.
- ²⁶ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 134.
- ²⁷ Pade W. Reise um den Mecklenburgischen Globus. Rostock, 2000. S. 59–85.
- ²⁸ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. IX. Т. 17–18. С. 47.
- ²⁹ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Мартенс. Т. V (Трактаты с Германией, 1656–1762). СПб., 1880. С. 136–144.
- ³⁰ Рассказ барона Эйхгольца. С. 10–11.
- ³¹ Походный журнал 1716 года. СПб., 1855. С. 19.
- ³² Собрание трактатов и конвенций. С. 144–151.
- ³³ См. подробнее: Меркулов В.И. Гюстровская ода и мекленбургская генеалогическая традиция (Электронный ресурс). URL: <http://www.hrono.ru/statii/2004/merk0904.html>
- ³⁴ Походный журнал 1716 года. С. 20.
- ³⁵ Курукин И.В. Анна Леопольдовна. М., 2012. С. 16.
- ³⁶ Рассказ барона Эйхгольца. С. 14.
- ³⁷ Там же. С. 15.
- ³⁸ Там же. С. 7–8.
- ³⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2 (Германия и Италия). М., 1896. С. 109.
- ⁴⁰ Там же. С. 110; Заозерский А.И. Указ. соч. С. 143.
- ⁴¹ Рассказ барона Эйхгольца. С. 14.
- ⁴² Заозерский А.И. Указ. соч. С. 143.
- ⁴³ Подробнее о висмарской проблеме см.: Tessin G. Wismarschwedische Regimenten Nordischen Kriege // Jahrbuch des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 101 (1937). S. 101–156; Bd. 102 (1938). S. 201–252; Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 89–96; Mediger W. Mecklenburg, Russland and England – Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Hildesheim, 1967. S. 282–291.
- ⁴⁴ Архив ВИМАИВиВС (Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 54–55.
- ⁴⁵ Брикнер А.Г. Указ. соч. // Русский вестник. 1881. Т. 151. С. 160.
- ⁴⁶ Переписка Петра I с графом Б.П. Шереметевым. С. 447.
- ⁴⁷ Багтер Х. Петр I в Дании в 1716 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 191.

- ⁴⁸ Там же. С. 201.
- ⁴⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I / Под ред. Б.Б. Кафенгауза и Н.И. Павленко. М., 1954. С. 574. Зундская пошлина (дат. *sundtolden*) – пошлина, взимавшаяся Данией в XV–XIX вв. за проход иностранных судов через пролив Эресунн (Зунд).
- ⁵⁰ Поливекстов М.А. Указ. соч. С. 39.
- ⁵¹ См. подробнее: Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 124–163.
- ⁵² Соловьев С.М. Указ. соч. С. 47.
- ⁵³ О подготовке и срыве операции в Сканию см.: История Свейской войны. С. 445–463; Фейгина С.А. Указ. соч. С. 96–105; Баггер Х. Указ. соч. С. 190–201. История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 41–42.
- ⁵⁴ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 40–41.
- ⁵⁵ Bruce P.H. *Memories of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain...* London, 1782. P. 199.
- ⁵⁶ Фейгина С.А. Указ. соч. С. 114–115.
- ⁵⁷ Там же. С. 115.
- ⁵⁸ Рассказ барона Эйхгольца. С. 19.
- ⁵⁹ Фейгина С.А. Аландский конгресс. С. 115.
- ⁶⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 110.
- ⁶¹ Там же. С. 116.
- ⁶² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 213–214 об.
- ⁶³ История Свейской войны. С. 467; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217. Л. 246, 250 об. – 251.
- ⁶⁴ Там же. Л. 55 об. – 56.
- ⁶⁵ История Свейской войны. С. 465.
- ⁶⁶ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 112.
- ⁶⁷ Рабинович М.Д. Полки петровской армии (1698–1725). Краткий справочник. М., 1977. С. 39.
- ⁶⁸ Татарников К.В. Русская полевая армия 1710–1730. Обмундирование и снаряжение. М., 2008. С. 132.
- ⁶⁹ Рабинович М.Д. Указ. соч. С. 33. Татарников К.В. Указ. соч. С. 155–156.
- ⁷⁰ Егоров В.И. «Под гербом мекленбургским» в Германии и в России. Гвардия царицы и Мекленбургский корпус 1717–1743 гг. // Наш восемнадцатый век. Военный сборник. М., 2014. С. 94.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ В Священной Римской империи имперская экзекуция (*Reichsexekution*) была связанным с военной силой мероприятием для проведения решения рейхстага или императорских распоряжений. Поскольку императору не хватало необходимых средств для поддержания своей власти, то одному или нескольким князьям империи поручали приведение в исполнение имперской экзекуции.
- ⁷⁴ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. С. 193; Фейгина С.А. Восточные и западные проблемы дипломатии в конце Северной войны // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 44, 47.
- ⁷⁵ Никифоров Л.А. Внешняя политика России. С. 64–70.

- ⁷⁶ Droysen I.G. Geschichte der preussische Politik. Т. 4. Bd. I. Leipzig, 1869. S. 247–248; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII века. М., 2010. С. 10.
- ⁷⁷ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011. Ч. III (1715–1723 гг.). С. 126.
- ⁷⁸ См. Hanoverian invasion in Mecklenburg. Action at Walsmuhlen on 5–6 March of 1719 (Электронный ресурс). URL: <http://rusmilhist.blogspot.ru/2014/06/mecklenburg-army-in-march-1719.html>
- ⁷⁹ История Свейской войны. С. 478–479. Гец П.П., фон. Карл-Леопольд герцог Мекленбургский (Заметка к рассказу барона Эйхгольца) // Русская старина. 1875. Т. 13. № 5. С. 146–148.
- ⁸⁰ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сб. док. в 2 т. / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. 2. С. 1537–1553.
- ⁸¹ Там же. С. 2389.
- ⁸² Там же. С. 2390.
- ⁸³ Там же. С. 2401.
- ⁸⁴ Там же. С. 2391–2392, 2393.
- ⁸⁵ Там же. С. 2392–2393.
- ⁸⁶ Там же. С. 2394.
- ⁸⁷ Там же. С. 2399.
- ⁸⁸ Там же. С. 2395–2397.
- ⁸⁹ Там же. С. 2400.
- ⁹⁰ Там же. С. 2402–2404.
- ⁹¹ Там же. С. 2405–2406.
- ⁹² Там же. С. 2407–2408.
- ⁹³ Там же. С. 2405.
- ⁹⁴ Нелипович С.Г. Мекленбургский вопрос в начале XVIII века // Наш восемнадцатый век. Военный сборник. М., 2014. С. 105.
- ⁹⁵ История Свейской войны. С. 479.
- ⁹⁶ Курукин И.В. Указ. соч. С. 17–18.
- ⁹⁷ Егоров В.И. Указ. соч. С. 96.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова. Ч. III. С. 138–139.
- ¹⁰⁰ Всего по состоянию на 20 июля 1719 г. штаб и пять воинских частей Мекленбургского корпуса насчитывали примерно 800 чел. всех чинов, из которых около четверти приходилось на кавалерию. В октябре того же года, в Смоленске, мекленбургцев было уже 700 чел. Остается удивляться, что хотя бы эти остатки герцогской армии добрались до России. Поход их продолжался с февраля 1719 г., жалованья не платили с весны; мекленбургцы шли на Украину потрепанные и усталые, особенно пехота, которая «в весьма разодранном платье и босыми ногами туда марширует», – печально констатировал Лиллиенштрэнг. Привыкший не церемониться со своими полками и тасовать их в зависимости от обстоятельств, Петр повелел все мекленбургские войска свести в один пехотный полк, «понеже ... за таким малолюдством разным полкам быть не для чего». Полковника и остальных офицеров надлежало выбрать из самих мекленбургцев; тех же, кто останется сверх комплекта – распределить по российским полкам на плац-вакансии. Указ этот (от 22 января 1720) вызвал много протестов и не был исполнен.

Лиллиенштрэнг объявил, что должен сначала известить герцога мекленбургского, который отдал свои полки в Россию лишь на сохранение и со временем надеется принять их обратно. Более того, Карл Леопольд поручил ему устно осведомиться, не соизволит ли Царское Величество «помянутых полков дополнить» и употребить пока на русской службе? Однако никаких шагов в этом направлении не последовало, и герцогское войско продолжало неуклонно сокращаться. К мекленбургцам вообще не проявляли особого интереса. Осколки побежденной армии, численностью около батальона, с невнятным статусом, они скорее расценивались как лишняя обуза (чем еще могли быть в России наемные войска, вырванные из привычных европейских условий). Согласно именному указу от 3 июня 1719 г., офицеров содержали наравне с «иноземцами старых выездов» (в более высоком «новом иноземческом» жалованье было отказано), урядников и рядовых – как русских драгун и солдат. Довольствие поступало не всегда своевременно; кроме того, из-за несовпадения российских и мекленбургских штатов некоторым чинам платили меньше, чем они привыкли получать. Местом постоянного квартирования была Украина. В конце 1720 г. полковник фон Лиллиенштрэнг испросил позволение уехать, и команду над корпусом принял подполковник фон Шак (Егоров В.И. Указ. соч. С. 97–99).

¹⁰¹ Там же. С. 99.

С.В. Ефимов (Санкт-Петербург)

ЦАРЕУБИЙСТВЕННЫЙ КИНЖАЛ. ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТИЛЕТОВ

КЛАССИЧЕСКИЙ СТИЛЕТ является одной из разновидностей европейских кинжалов XVI–XVII вв. Однако история его уходит в глубокую древность.

Свое название стилет получил от стилоса (стило, от древнегреч. *στῦλος* – столб, колонна, писчая трость, грифель) – инструмента для письма в виде остроконечного цилиндрического стержня (длиной 8–15 см и диаметром около 1 см) из кости, металла или другого твердого материала. Стилос широко применялся в античности и средневековье. Заостренный конец стилоса использовался для нанесения (процарапывания) текста (как правило, черновых записей) на восковых табличках (церах, от лат. *tabula cerata*). Противоположный конец делался уплощенным (в виде лопаточки) и округлым, чтобы стирать написанное. Именно таким стилосом вынужден был обороняться Юлий Цезарь во время нападения на него заговорщиков в римском сенате.

Гай Светоний Транквилл в «Жизни двенадцати цезарей» писал: «Он (Юлий Цезарь. – *Авт.*) сел, и заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тотчас Тиллий Цимбр, взявший на себя первую роль, подошел к нему ближе, как будто с просьбой, и когда тот, отказываясь, сделал ему знак подождать, схватил его за тогу выше локтей. Цезарь кричит: “Это уже насилие!” – и тут один Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану пониже горла. Цезарь хватается Каску за руку, прокалывает ее грифелем (т. е. стилосом. – *Авт.*), пытается вскочить, но второй удар его останавливает. Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинуд на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристой-

Копьеносцы. Фрагмент фрески Беночцо Гозолли «Шествие трех королей». 1459–1560 гг. Капелла дворца Медичи во Флоренции

Археологические находки в Новгороде и других городах подтверждают его использование. Исчезли они только с широким распространением бумаги в XIV–XV вв., когда надобность в восковых табличках отпала.

Предшественником стилета был кинжал *рондел* (исп. *rondel*, франц. *rond* – круг), или *шайбендолх* (нем. *Scheibendolch* – кинжал с шайбами / дисками). Он существовал уже в эпоху викингов и получил свое название благодаря двум железным дискам, укрепленным по оба конца рукояти для защиты руки. Когда кисть, защищенная кольчужной или латной перчаткой, смыкалась на рукояти, пластинки перекрывали отверстия в кулаке, и одновременно нижняя пластина становилась удобной опорой для другой руки, благодаря чему представлялась возможность

нее упасть укрытым до пят; и так он был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испутив не крик даже, а стон, – хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: «*И ты, дитя мое!*»¹ Это стало первым в истории упоминанием стилоса в качестве оружия.

Скорее всего, заговорщики также использовали для убийства стилосы, поскольку вход в сенат с оружием был запрещен, хотя в источниках упоминаются мечи и кинжалы².

Именно древнегреческий / римский стилос стал далеким предшественником классического стилета эпохи Ренессанса и раннего Нового времени.

Стилосы получили распространение во всем христианском мире – от Англии до Руси. В русских землях стилос, например, называли писалом.

Поединок на шайбендольхах. Иллюстрация из книги Ганса Тальхоффера «Fechthandbuch» (1467)

нанести более сильный удар и пронзить доспех противника. Средняя длина шайбендольха была около 40 см, хотя некоторые экземпляры достигали и полуметра. Такие кинжалы рыцари носили в украшенных ножнах. Шайбендольх пережил все моды XIV–XVI вв. и остался в своей первоначальной форме. Клинок у этой разновидности кинжала мог быть разной формы: начиная с колющего четырехгранника и заканчивая асимметричным, обоюдоострым ножом. Кинжал с четырехгранным клинком назывался *Misericordia* (франц. *misericorde* – милосердие, пощада), так как зачастую его использовали для «избавления» от страданий поверженных в бою рыцарей³. Кинжалы такого типа изображены на фрагменте «Копьеносцы» знаменитой фрески Беночцо Гозолли «Шествие трех королей» (1459–1560) в капелле дворца Медичи во Флоренции. Таким же кинжалом поражает себя Лукреция на многочисленных полотнах Лукаса Кранаха Старшего, созданных в 1530–1540-е гг.⁴

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранится шайбендольх первой половины XV в. Общая длина его составля-

Лукреция.
Лукас Кранах Старший. 1530-е гг.

рушку, предмет кокетства... Сечения клинков демонстрируют все воображимые формы; они бывают как круглыми, так и трех- и четырехгранными, имеющими форму листа, с гребнями, ребрами, с кровостоками, скважинами для яда и сложными вогнутостями»⁵.

В своем классическом исследовании по истории оружия П. фон Винклер пишет: «Под именем стилетов, для которых Италия представляет нечто вроде монополии, следует подразумевать теперь маленькие городские кинжалы, носившиеся в сапогах, пристегиваясь к подвязкам, в рукавах или под курткой. Треугольный клинок этого оружия утончался постепенно, подобно острию циркуля, и делался таким образом крайне острым. Такие кинжалы были положительно самыми смертельными: их тонкое острие проникало через толстую одежду, и человек, сваленный и подмятый под колена своего противника, мог вытащить из сапога свой стилет и всадить его в живот врага»⁶.

ет 32,9 см, длина клинка – 23 см, ширина клинка – 1,4 см (инв. № 0120/698).

Недостатком шайбендольха была его большая длина и массивность. Носить такое оружие, незаменимое в бою, повседневно, с гражданским платьем, а тем более скрытно было довольно сложно. На смену ему приходят другие европейские кинжалы, в том числе и стилет.

Историки оружия расходятся во мнениях относительно времени появления стилета и его технических характеристик. Согласно В. Бехайму, стилет принадлежал к клинкам, «которые были особенно модны в Италии и своими размерами скорее напоминали игру-

Автор фундаментального словаря оружия Дж.К. Стоун определяет стилет как «маленький кинжал с тонким клинком, предназначенным для нанесения только уколов»⁷.

Классик современного оружейоведения Эверт Окшот писал, что «красивый, ужасный, маленький» стилет был одной из последних форм кинжалов, сформировавшихся до 1700 г.⁸

Польский историк оружия Влоджимеж Квасневич подразумевает под стилетом в широком смысле слова все европейские и восточные кинжалы для нанесения колющих ударов. В то же время он, противореча сам себе, включает в понятие «стиллетто» итальянские кинжалы эпохи Ренессанса, обладавшие длинной крестовидной рукоятью, с прямой короткой гардой и коротким, узким, обоюдоострым клинком. При этом исследователь подчеркивает, что это оружие применялось только для колющих ударов⁹.

По словам Тадеуша Круликевича, «в эпоху Возрождения в Италии появился, а потом распространился и в других государствах короткий кинжал *stiletto* – стилет. Он был излюбленным дворцовым оружием, а также оружием для сведения счетов, кроме того выступал в различных драмах, как, например, в шекспировских трагедиях. Длина стилета не превышала 230–250 мм, в виде исключения попадались более длинные экземпляры, длиной около 500 мм. У них были колющие клинки (в поперечном сечении трехгранные или четырехгранные) либо узкие колюще-режущие клинки (двулезвийные либо однолезвийные). Крестовины и тонкие рукояти (в поперечном сечении круглые) изысканно украшались»¹⁰. Подобной же точки зрения придерживается отечественный исследователь П. Югринов, подчеркивая при этом, что стилет не имел режущей кромки¹¹.

Известный шотландский оружейовед, реконструктор старинного оружия и доспехов Тобиас Кэпвелл пишет, что «стиллеты появились в начале 1600-х гг., когда в Европе стали выходить из моды поединки на шпагах и дагах. Шпаги стали легче и меньше, и по мере того, как в моду входили поединки только на шпагах, кинжалы стали быстро выходить из употребления. Ношение кинжала стало считаться свидетельством отсталости или даже дикости. И к концу XVII в. кинжалы решительно устарели и сохранились только в небольших традиционных общинах. А собственно стилет произошел от уменьшенной формы дуэльного кинжала»¹².

Гарольд Петерсон полагал, что первые стилеты вполне могли произойти от кинжалов северного типа для левой руки. Поскольку кинжал для левой руки (дага) являлся более ранней формой, то стилет может рассматриваться как продукт эволюции этого кинжала. Однако, далее исследователь замечает, что никаких доказательств этому нет, «да и эволюционный ряд построить невозможно». По мнению Петерсона, стилет – прежде всего итальянское оружие, появившееся в северных районах полуострова в конце XVI в. Пика своей популярности стилеты достигли к середине XVII в.¹³

Датировка стилетов весьма затруднительна. Почти нет современных им изображений, а упоминания в исторических источниках крайне редки. На клинках только в исключительных случаях присутствуют клейма мастеров или владельческие знаки¹⁴. Например, в богатейшем оружейном собрании Уоллеса (англ. Wallace Collection) в Лондоне из двадцати представленных в каталоге стилетов только четыре имеют клейма. Три из них – достаточно невнятные оттиски многолучевых звезд, и лишь одно с изображением одноглавого орла на щите с литерами «SS» над ним¹⁵.

Классические стилеты изготавливали и в XVIII–XIX вв. При этом следует отметить, что своим внешним видом они несколько не отличались от стилетов XVII в. Например, в собрании Королевской Оружейной палаты в Стокгольме из девяти хранящихся там стилетов восемь сделаны в 1800–1850 гг. (в одном случае использован клинок 1600–1650 гг.)¹⁶.

Считается, что клинок стилета с 1650-х гг. практически не изменился, в то время как рукоять принимала различные формы, хотя преимущественно оставалась стальной и резной¹⁷. По данным Э. Окшота, клинки стилетов варьируют от 12,5–15,25 см (маленькие) до 30,5–33 см (длинные)¹⁸.

Логан Томпсон, изучавший короткоклинковое оружие в собрании Уоллеса, отмечал, что стилеты, сделанные в Германии в 1600–1615 гг. (шесть экземпляров), отличаются большей длиной клинка (от 34,9 до 41,27 см), чем изготовленные в Италии между 1615–1660 гг. Десять итальянских стилетов из того же собрания имели клинки от 15,87 до 33,65 см. Размеры клинков других стилетов не превышали 20,3 см¹⁹. Известно лишь несколько стилетов длиной от 48 до 50 см, но они являются скорее исключением из правил²⁰.

Для рукояти стилета характерно короткое перекрестье, на концах которого были небольшие диски («пуговики») или шарики. Наконечники рукояти могли быть дисковидными, сферическими или яйцевидными, а также в форме различных фигур. Сама рукоять была чаще всего стальной, иногда сделанной из кости или рога. Рукояти были гладкими и резными, украшенными самыми разнообразными способами – обточенными деталями, чеканкой и др.²¹

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится несколько стилетов XVII в. Два из них поступили из Областной ленинградской милиции по акту от 4 октября 1935 г. Скорее всего, они были конфискованы у кого-то из арестованных (возможно, во время «чистки» Ленинграда после убийства С.М. Кирова). Общая длина первого стилета (инв. № 0120/555) 26,4 см, длина рукояти (оплетена железной проволокой) – 12,8 см, ширина четырехгранного клинка – 1,8 см. Общая длина второго (инв. № 0120/554) – 31,4 см, длина рукояти – 11,7 см, ширина клинка – 1,4 см. Оба стилета изготовлены в Италии.

Еще три стилета определены как испанские, что, впрочем, не мешает им происходить из итальянских владений Испании. Первый (инв. № 0120/558) имеет общую длину 18 см при длине рукояти в 8,5 см, ширина клинка ромбовидного сечения – 0,8 см. Рукоять стилета железная, витая, наконечник рукояти и перекрестья гарды украшены шарами. В верхней части клинка – клеймо, аналогичное клейму на стилетах из собрания Уоллеса²². Это клеймо атрибутируется как знак оружейников г. Брешиа (Северная Италия, Ломбардия) в 1650–1660-х гг. Брешиа была крупным центром производства различных видов оружия еще со времен Древнего Рима.

Второй (инв. № 0120/559) стилет – общей длиной 20,2 см – имеет рукоять длиной 11 см, ширина четырехгранного клинка – 1 см. Рукоять клинка железная, витая.

Третий стилет (инв. № 0120/560), при общей длине в 19,5 см, имеет рукоять длиной 10 см, ширина ромбовидного сечения клинка – 1 см. Рукоять покрыта геометрическим узором. Клинок истерт.

Эти кинжалы были приобретены в 1930-х гг. у жительницы Ленинграда Александры Васильевны Линдровс – родственни-

цы арестованного по сфабрикованному в 1935–1936 гг. делу так называемой «Российской националистической партии» («Дело славистов»). По этому делу были арестованы заведующий Отделением оружия Государственного Эрмитажа профессор

Стилет. ВИМАИВиВС, инв. № 0120/554

Стилет. ВИМАИВиВС, инв. № 0120/555

Стилет. ВИМАИВиВС, инв. № 0120/558

Стилет. ВИМАИВиВС, инв. № 0120/559

Стилет. ВИМАИВиВС, инв. № 0120/560

Александр Александрович Автономов и его помощник Эмиль (Эмилий) Оскарович Линдровс²³. Их обвинили в снабжении оружием украинских националистов. Поводом для этого послужила следующая история. В Эрмитаж поступил запрос из Харьковского художественно-исторического музея (Харьков в это время был столицей Украинской ССР) с просьбой передать на постоянное хранение несколько предметов старинного вооружения. После соблюдения всех официальных формальностей и получения разрешения из Комитета по делам искусств, в Харьков были отправлены несколько двуручных мечей XVI в. и другое старинное оружие²⁴. Всего был передан 31 предмет западноевропейского и 21 – восточного оружия. Вероятно, эти древности, по убеждению бдительных сотрудников НКВД, и планировали использовать украинские националисты в борьбе с Советской властью²⁵.

В августе 1936 г. А.В. Линдровс продала музею из коллекции своего родственника несколько роскошных пороховниц с художественной резьбой по кости и гравировкой по металлу и четыре стилета XVII в.²⁶ 15 октября 1937 г. немецкий полудоспех XVII в., состоящий из кирасы с набедренниками, спины, ожерелья, оплечья и шлема, два оплечья с латунной отделкой от немецкого доспеха, наколенники от доспеха (с позолоченными клеймами), наручи, ожерелье и оплечья от швейцарского доспеха XVII в. и испанский стилет XVII в.²⁷

Иногда стилеты богато украшались и превращались в настоящие произведения искусства. Английский историк оружия Э. Окшот отмечал, что наиболее ранние формы стилетов отличаются изяществом и высокохудожественными рукоятками, в то время как позднейшие «как будто выточены на токарном станке»²⁸.

В собрании Государственного Эрмитажа хранится итальянский стилет середины XVII в. (инв. З.О. 1640). Стальная рукоять сделана в виде обнаженной женщины, стоящей на спине мифического животного, обвивающего ее ноги хвостом. Перекрестье гарды представляет собой двух львов или леопардов²⁹.

Еще один стилет (инв. З.О. 1653) из собрания Эрмитажа имеет также рукоять в виде обнаженной женщины, попирающей голову тритона. Другой тритон обвивается вокруг шеи женщины. Концы крестовины сделаны в форме голов тритонов, из пастей которых выходят женские полуфигуры³⁰.

Великолепный стилет, изготовленный в 1653 г. для герцога Эрнста Саксен-Юлих-Клевского и Бергского, хранится в соборной церкви Весте Кобург (Veste Coburg), известного также под названием «Корона Франконии». Изящная проволочная рукоятка тонкого плетения прекрасно сочетается с клинком, украшенным изображениями богини Правосудия – Фемиды (или Немизиды) – и богини Войны – Беллоны, виньетками и девизами. Считается, что этот кинжал герцог использовал на охоте, наподобие «оленьего кинжала» (хиршфингера), служившего для добывания загнанного животного. В пользу этого говорит и большая длина стилета – 53,5 см³¹.

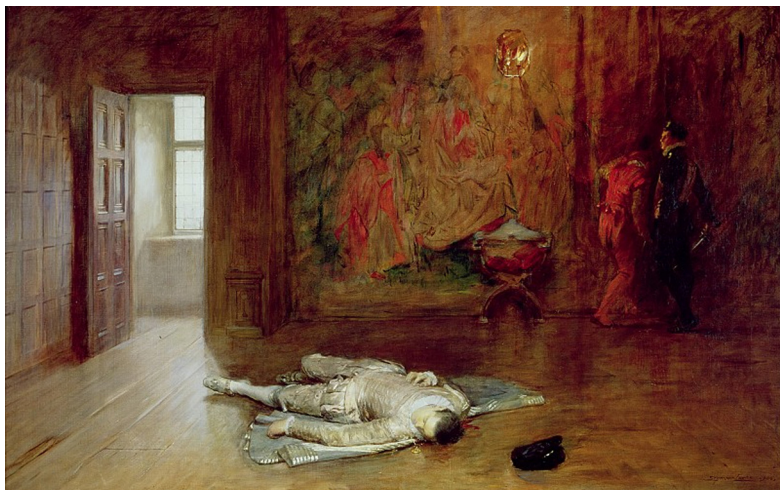
На аукционе старинного украшенного оружия известного антикварного дома «Von Morenberg Casa d'Aste», проходившем в ноябре 2010 г. в Палаццо Бартолацци в Тренто, был продан великолепный стилет, изготовленный в Италии в XVIII в. Декоративное оформление навеивает мысли о мрачном предназначении оружия. Основанием рукояти служит стальной череп, а крестовина представляет собой берцовую кость³².

Проданный на аукционе «Hermann Historica» в 2011 г. стилет был изготовлен во Фландрии и датируется 1680 г. Стиллет венчает серебряная рукоять, верхняя часть которой представляет собой сидящего льва с геральдическим щитом в лапах, на концах перекрестья гарды – человеческие головы, чертами лиц напоминающие негритят³³.

Часто стилеты украшали уже в XIX в., в так называемую эпоху «историзма». Старые клинки XVI–XVII вв. дополняли новыми гардами. Примером такого оружия может служить стилет, проданный на аукционе «Hermann Historica», рукоять которого сделана в виде маскарона, в верхней части которого находится ангелочек – путтик³⁴.

Стиллет как короткоклинковое оружие предназначался, прежде всего, для тесной схватки и по своему действию рассчитан на короткие, быстрые, колющие (тычковые) удары, но его использовали также как вспомогательное оружие для того, чтобы окончательно добить поверженного противника.

Это было гражданское оружие скрытого ношения. Стиллет был предназначен для внезапного, резкого и, желательно незаметного, смертельного удара. Небольшие размеры этого оружия позволяли носить его в складках одежды, в голенище сапога, даже в ру-

Замолкший. Художник Джон Сеймур Лукас. 1905 г.

кавах. Изобрели даже специальные ножны для скрытого ношения стилета, позволяющие вынимать его очень легко и абсолютно бесшумно, для ношения же его без ножен были придуманы целые системы креплений, состоящие из крючков, петель и т. п.

Удар стилетом, в отличие от режуще-колющих кинжалов, позволял пробить несколько слоев одежды (иногда стеганой и достаточно плотной) или легкую кольчугу (доспех). Если резанные раны в те времена уже умели неплохо лечить, этого нельзя сказать о колотых ранах. Клинок стилета входил глубоко в тело жертвы (на 15–20 см) и повреждал жизненно важные органы. Стиллет можно было вонзить быстро и с большой силой, при этом граненое лезвие не застревало в теле и достаточно легко извлекалось.

Раны от такого оружия, особенно трехгранного, заживали намного дольше и тяжелее, нежели круглые или вообще порезы от ножа. Грани клинка стилета часто затачивались – но это не являлось полноценным лезвием и не давало возможности нормально резать, однако позволяло наносить секущие удары. Такой удар стилетом, нанесенный умелой рукой, мог легко рассечь кожу, мышцы, связки. Разумеется, из-за очень большого угла заточки удар гранью стилета не мог справиться даже с плотной одеждой, не говоря уже о доспехе. Заточка ребер носила, скорее, вспомо-

гательный характер, так как основная функция стилета заключается именно в колющих ударах.

Стилет благодаря самой конструкции имел значительно более высокую прочность на излом, нежели простой нож или кинжал.

Итальянские классические стилеты быстро завоевали популярность во всей Европе. Они были весьма востребованы не только в дворянской среде, но и у богатых ремесленников и купцов, использовавших их для самообороны. Стилет стал одним из многих типов кинжалов, которые охотно использовали и женщины. Небольшой размер позволял спрятать его в складках пышного платья или даже в прическе, как полагают некоторые исследователи. Иногда стилет называли еще «дамским кинжалом».

Небольшой размер стилета сделал его популярным у наемных убийц и заговорщиков. Жертвами стилетов были даже европейские монархи. Недаром великий русский поэт А.С. Пушкин навечно закрепил за ним эпитет «цареубийственный кинжал»:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луний дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

(А.С. Пушкин «Евгений Онегин».
<Десятая глава>. Строфа XV)

Напомним, что именно декабрист Иван Дмитриевич Якушкин (1793–1857) предлагал проект цареубийства.

23 декабря 1588 г. в замке Блуа произошло убийство Генриха (Анри) I де Лоррена, по прозвищу *Меченый* или *Рубленый*,

3-го герцога де Гиза (1550–1588). Герцог был известным военным и государственным деятелем эпохи религиозных войн во Франции и главой Католической лиги.

Предысторией этого убийства были религиозные войны между католиками и протестантами во Франции, печально знаменитая Варфоломеевская ночь, смерть короля Карла IX и его младшего брата Франсуа Анжуйского. На престол взшел последний из четырех сыновей Екатерины Медичи Генрих III Валуа (1551–1589). Поскольку он не имел детей, весьма вероятным становился переход короны в руки Генриха Наваррского, лидера протестантов. Это, разумеется, не могло устраивать католиков, и они выдвинули своего кандидата – главу Католической лиги – Генриха де Гиза. Герцог вел себя дерзко: не скрывая своих претензий на королевский престол, он распорядился составить генеалогическое древо своего рода, восходившее к императору Франкской империи Карлу Великому. В мае 1588 г. герцог, несмотря на запрещение короля, приехал в Париж. Парижане встретили лидера Католической лиги восторженно и незамедлительно подняли восстание против Генриха III. Тот вынужден был бежать, укрывшись сначала в Шартре, а затем в замке Блуа. Гиза стали именовать «королем Парижа», его сторонники поднимали бокалы «за нового французского монарха», а его сестра герцогиня де Монпансье демонстративно носила на поясе ножницы, объясняя это тем, что хочет выстричь на голове Генриха III тонзуру (знак принадлежности к духовенству). Королю прочили насильственный постриг в монахи. Однако Гизы рано праздновали победу. Несмотря на то что Генрих III был слабым правителем и постоянно шел на уступки своим оппонентам, он втайне готовил ответный удар.

Генрих де Гиз. Неизвестный художник. Около 1588 г.

16 октября в замке Блу торжественно открылось заседание Генеральных штатов, созванных королем. Сюда съехалось около пятисот депутатов, большинство из которых открыто поддерживали де Гиза. У короля оставалась лишь одна возможность избавиться от своего ненавистного соперника: физически устранить его. Убийство было запланировано на 23 декабря.

Около 8 часов утра Генрих III отправил к герцогу де Гизу посыльного с приглашением пройти в его «старый кабинет». Для того чтобы сделать это, необходимо было пересечь королевские покои, где герцога уже ждало восемь человек из личной охраны Генриха III. Войдя, герцог приветствовал их и, получив ответное приветствие, направился к дверям кабинета. Восемь королевских охранников последовали за ним. Приблизившись к де Гизу они внезапно стали беспорядочно наносить ему удары стилетами, кинжалами и шпагами. Сраженный герцог рухнул рядом с королевской кроватью.

По свидетельству очевидца, выйдя из своего кабинета и увидев на полу распростертого де Гиза, Генрих III воскликнул «Боже мой! Какой же он огромный! Мертвым он кажется еще больше, чем когда он был живым!» Король отдал приказ умертвить также брата герцога, кардинала Лотарингского. Тела обоих де Гизов были сожжены, а пепел сброшен в Луару³⁵.

Спустя некоторое время жертвой удара стилетом стал и сам французский король Генрих III. Место убитого Генриха де Гиза во главе Католической лиги заняли его младший брат герцог Майенский и его сестра герцогиня Монпансье. В церквах католические проповедники призывали отомстить за смерть де Гиза и его брата и убить «короля-еретика». На призывы проповедников вскоре откликнулся 22-летний монах-доминиканец Жак Клеман. Ограниченный фанатик, решительный и энергичный, он идеально подходил для роли исполнителя воли Гизов. Психологическую обработку Клемана вел приор монастыря на улице Св. Якова. Интенсивность ее была такова, что несчастный юноша даже поверил в свою способность по воле Божьей делаться невидимым для чужих глаз. Клемана представили герцогине Монпансье, и, чтобы укрепить его решимость, она сказала, что в качестве заложников будут арестованы сторонники Генриха III в Париже. Так и было сделано. 300 человек были взяты под стражу в столице, которой владела Католичес-

**Убийство герцога Генриха де Гиза 23 декабря 1588 г.
в королевском замке в Блуа. Гравюра конца XVI в.**

кая лига. Клеман получил разрешение от приора покинуть монастырь и в тот же день отправился в предместье Парижа Сен-Клу, где размещалась ставка короля. Прибыв туда, Клеман заявил, что он – секретный посол Католической лиги и уполномочен сделать королю предложения. Приближенные короля поверили монаху. На другой день, 1 августа 1589 г., он был принят Генрихом. Клеман сумел в складках рясы спрятать стилет и во время аудиенции, передав королю фальшивое письмо, мгновенно выхватил оружие и ударил Генриха в живот. Король не успел защититься и только в ужасе воскликнул: «Проклятый монах, он убил меня!» Клеман, веруя в свою неуязвимость, даже не пытался бежать, и вбежавшая в кабинет охрана короля тут же убила его. Генрих III умер не сразу, он промучился еще сутки, обнадеживаемый врачами. Однако медицина того времени была бессильна спасти его, и король 2 августа скончался. Труп Клемана был доставлен к месту казни, четвертован (разорван четырьмя лошадьми) и сожжен³⁶.

Благодаря сохранившемуся подробному описанию вскрытия и бальзамирования тела короля можно представить себе пос-

Убийство короля Генриха III. Художник Гуго Мерль. 1863 г.

ледствия от удара стилетом. Генриху был нанесен единственный удар в низ живота справа. По глубине только конечная часть тонкой кишки была повреждена, проткнута насквозь, приведя не только к обильному внутреннему кровоизлиянию, но и к выходу фекальных продуктов (приведших к инфекции и перитониту). По пути удара были порезаны кровеносные сосуды (вены и артерии), еще больше увеличивая потерю крови. Король умер от геморрагического и септического шока в течение всего нескольких часов. При тогдашних врачебных и хирургических знаниях никто не был в состоянии излечить монарха³⁷.

Существует распространенное мнение, что довольно часто клинки как стилетов, так и других видов кинжалов смазывали ядом³⁸. Тем не менее, практически не сохранилось сведений, существовало ли это в реальности, и насколько такое отравленное оружие было эффективным. Считается, что так называемые «флорентийские» кинжалы имели в рукояти полость для яда, который по каналу вдоль клинка должен был стекать в рану.

Смертельное зелье, якобы, изготавливали на медовой основе, чтобы предохранить его от преждевременного стекания и испарения.

Здесь нельзя не отметить, что большинство ядов, известных в Европе в XVI–XVII вв., действовали не сразу и не могли мгновенно умертвить жертву³⁹. Однако, сама по себе рана, нанесенная стилетом, оценивалась как достаточно тяжелая. Учитывая уровень медицины и гигиены в эпоху его бытования, смерть наступала в большинстве случаев если не от повреждений жизненно важных органов, то от банальной инфекции. Ее-то и принимали за отравление. Способствовали этому слухи, сплетни и, конечно же, литературные образы. Достаточно вспомнить отравленный клинок одного из героев шекспировского «Гамлета»:

Лаэрт:

Да! Так! Вдобавок
Я острие свое намажу ядом.
Мне лекарь продал это зелье: стоит
Конец рапиры намочить немного,
И никакие снадобья подлунной
От смерти не спасут, хотя бы только
Царапина пустила каплю крови.
Я этим ядом намочу клинок,
И легкое его прикосновенье
Ему даст смерть.

(Пер. П.П. Гнедича, 1917 г.)

Все это заставляло относиться к «отравленным» клинкам весьма серьезно. 25 апреля 1478 г. в собор Санта-Мария дель Фьоре, где во время утренней мессы находились правители Флоренции братья Лоренцо и Джулиано Медичи, вошли заговорщики – члены семьи Пацци и их сторонники. С ними были также связаны некоторые священники, находившиеся в соборе. Все они были политическими противниками семьи Медичи. В одежде заговорщиков были спрятаны кинжалы и стилеты. После слов священника «С миром изыдем» они бросились на шествовавших к выходу братьев. Первый удар клинка одного из за-

Медаль на заговор Пацци (аверс). Лоренцо Медичи отбивается от заговорщиков. Скульптор Бертольдо ди Джованни. 1478 г.

Медаль на заговор Пацци (реверс). Джулиано Медичи падает под ударами заговорщиков. Скульптор Бертольдо ди Джованни. 1478 г.

говорщиков – Бандини пронзил грудь Джулиано, он зашатался и упал. Франческо Пацци яростно набросился на лежащую жертву и нанес Медичи такое количество ударов и с такой силой, что сам себя серьезно ранил в ногу. Джулиано был мертв. Его брат Лоренцо был ранен в шею, но, вырвавшись от схвативших его клириков-заговорщиков, накинул на левую руку плащ, чтобы парировать удары, выхватил шпагу и, отбиваясь, смог укрыться со своими сторонниками за тяжелыми дверями ризницы. Посчитали, что кинжал (или стилет) священника мог быть отравленным, и тогда друг Медичи – Антонио Ридольфи – вылезал высосать кровь из раны и принять смерть⁴⁰. К счастью, яда на клинке не оказалось, а легкой повязки хватило, чтобы остановить кровь. Заговор был подавлен в тот же день. Семейство Пацци было практически полностью истреблено. Бандини бежал ко двору турецкого султана Мехмеда II, но Лоренцо добился его выдачи. Заговорщик был повешен на оконной решетке дворца Барджелло, где его труп зарисовал молодой, но уже тогда прославленный Леонардо да Винчи⁴¹.

В собрании Арсенала в Царском Селе хранилось несколько восточных и один итальянский кинжал, смазанные ядом. По крайней мере, об этом пишет составитель арсенального каталога Карл

Посмертный портрет Джулиано Медичи. Художник Сандро Боттичелли. 1478–1480 гг.

Иванович Седжер⁴². Хотя спустя чуть более полувека хранитель эрмитажного Арсенала Э. Ленц полагал, что истории о смазанных ядом клинках (особенно он отмечал прорезные клинки кинжалов, в отверстиях которых, якобы, задерживается зелье) относятся «к числу многих романтических вымыслов позднейшей эпохи»⁴³.

Стилет был излюбленным оружием не только политических заговорщиков, но и наемных убийц, которых в Италии называли «браво» (итал. *bravo*, от лат. *bravium* – происш. от греч. *brateion* – награда за победу). По другой версии название убийц происходит латинского «*pravius*», что означает «плохой, злой».

На картине великого художника эпохи Возрождения Тициана «*Bravo*» (1520), хранящейся в собрании Художественно-исторического музея (Kunsthistorisches Museum) в Вене, запечатлен именно такой наемный убийца. Одетый в кирасу, он останавливает в темноте ночи молодого мужчину, положив руку ему на плечо. Мужчина, вероятно возвращающийся с веселого пиршества (голова его увита виноградной лозой), настороженно оглядывается... Еще секунда-другая, и безжалостный bravo недругнувшей рукой нанесет кинжалом свой смертельный удар... Видна лишь рукоять клинка, по которой кинжал больше напоминает рондел (шайбендолх), чем стилет⁴⁴.

Особенно широко процветали bravo в XVII–XVIII вв. К ним обращались в тех случаях, когда была нужна тайно расправиться с человеком. Заказать убийство вполне мог любой состоятельный горожанин, не желавший простить кому-либо личную обиду, но при этом боящийся подвергать опасности свою собственную жизнь или репутацию. Широко практиковали нелегальные

Браво.

Художник Тициан Вечеллио. 1520 г.

убийства по политическим мотивам и сами венецианские власти, не брезговавшие услугами браво.

Именно стилетом пытались убить Паоло Сарпи (1552–1623) – венецианского ученого и политического деятеля, монаха и доктора богословия. Наряду с теологией он занимался медициной, физикой, математикой, был советником по богословским вопросам правительства Венецианской республики. Юношей Сарпи поступил в орден сервитов (служителей Божьей Матери) и со временем

стал генерал-прокуратором в Риме. Инквизиция обвинила его в сношениях с еретиками и евреями и мешала его дальнейшей деятельности, пока республика Венеция в споре с папой Павлом V не избрала его своим богословом и консультантом.

Сарпи отправился в Венецию и успешно отстаивал ее интересы, пережил несколько покушений. Сарпи отличал партию римского папы от католической церкви, открыто высказывался против вмешательства духовной власти в светские дела, против непогрешимости пап, против слепой веры и иезуитизма, стараясь расширить права государства по отношению к духовной власти.

25 октября 1607 г., после полудня, когда Сарпи возвращался в монастырь и спускался по ступеням моста Санта-Фоска, на него напали убийцы, которые, прежде чем убежать, трижды ударили его стилетом – дважды в шею и один раз в голову, где клинок, войдя в правое ухо, глубоко застрял в скуле. Чудом он оправился от ран; позднее, когда ему показали оружие, он осмотрел острие, болезненно улыбнулся и нашел в себе силы пошутить, что узнает «стилистическую точность» римской курии, имея в виду стилет. Предполагаемые убийцы – которых к тому времени

опознали – немедленно бежали в Рим, где потом разгуливали по улицам, вооруженные до зубов, и где им не было предъявлено никаких обвинений. Более того, им были назначены пенсии от испанского вице-короля Неаполя Педро Тельес-Хирона, 3-го герцога Осуна⁴⁵.

В современной Венеции в память о браво сохранилось название небольшой улочки – калле Рио Терра Ассассини. Некогда на месте этой улочки проходил канал, в окрестностях которого располагалось большое количество публичных домов и других злочных мест. Подгулявших горожан убийцы-грабители поджидали на мостике через канал. Заколотую и ограбленную жертву спускали в мутные воды, а мост получил название Ассассини – мост убийц.

Стилеты любила использовать аристократическая прослойка преступного мира Испании – «молодцы» (valentones) и «убийцы» (matones), одетые в костюмы, напоминавшие одежду солдат (многие когда-то ими и были). Эти работники «плаща и кинжала» носили шляпы с широкими полями, камзол из буйволовой кожи, под которым часто была надета кольчуга, длинную шпагу на поясе и стилет. Они работали сами на себя или оказывали услуги тем, кто хотел избавиться от неудобного человека, пользуясь для этого специально спровоцированной дракой или совершая самое обычное убийство⁴⁶.

Как уже отмечалось выше, стилет представлял собой исключительно оружие для обороны или убийства, никаких других

Паоло Сарпи. Гравюра начала XVII в.

способов применения у него не было. В отличие от ножа или кинжала использовать его в хозяйственных нуждах было просто-напросто невозможно.

Исключением служили только специальные артиллерийские стилеты или стилеты бомбардиров. Впервые они появились в Венеции в XVII в. и получили название *fusetto* (итал. «пробиватель кольчуг») или *stilette degli bombardiere* (итал. «стилет бомбардира») ⁴⁷.

Артиллерийские стилеты также называли еще и *centoventi* (итал. – сто двадцать), поскольку на клинке часто были выбиты цифры 1, 3, 6, 9, 12, 14, 16, 20, 30, 40, 50, 60, 90, 120, что соответствовало калибрам пушек, использовавшихся в Италии в XVII в. ⁴⁸ Между каждой цифрой была проведена линия, так что цифры образовывали своего рода шкалу.

Как правило, артиллерийские стилеты были более крупным оружием, нежели простые стилеты. Самые маленькие из них имели в длину до 30 см, а самые большие – до 45–50 см ⁴⁹.

Артиллерийские стилеты использовались для определения диаметра канала ствола артиллерийского орудия, подбора снаряда по калибру; вскрытия бумажного или тканевого зарядного картуза с порохом перед закладкой в ствол; протыкания картуза с порохом через затравочное отверстие и прочистки запального отверстия. При зарядании орудия с большим углом возвышения (например, мортиры) требовалось закрыть запальное отверстие при засыпании пороха. Мортиры заряжались почти в вертикальном положении, и важно было, чтобы зарядный порох не попал в затравочное отверстие, так как туда засыпали специальный порох более тонкого помола. Для этого отверстие затыкали клинком стилета.

Превратности войны иногда требовали, чтобы орудия быстро были выведены из строя, например при угрозе захвата их противником. В таком случае легче всего и эффективнее было заклепать запальное отверстие. Стилет с силой вбивали в это отверстие, полностью деформируя клинок, чтобы извлечь его обратно было максимально сложно ⁵⁰.

Первоначально артиллерийские стилеты были оружием и профессиональным инструментом венецианских морских бомбардиров и изготавливались в Брешии. Вскоре они стали пользоваться большой популярностью, так как в Венеции никто не

имел права носить никакого другого оружия, кроме необходимого ему в силу профессиональной специфики. На некоторых стилетах даже стали делать фиктивную цифровую шкалу, чтобы выдать их за артиллерийские. Спустя столетия это сильно запутало оружейников, которые долго не могли понять, что за артиллерийские шкалы применяли в то время, поскольку поддельные кинжалы в реальности не соответствовали никаким калибрам.

В XVII–XVIII вв. бомбардирские кинжалы стали распространяться в армии не только Венецианской республики, но и в других европейских странах.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится артиллерийский стилет (инв. № 0120/553) XVII в. Длина его клинка – 33,9 см, длина рукояти – 11,9 см, ширина клинка – 1,3 см. На клинке нанесены деления от 1 до 120. Стиллет поступил из Областной ленинградской милиции по акту в 1935 г.

Существовала еще одна форма стилета, связанная как с артиллерией, так и с военными инженерами. Такие стилеты имели расщепленный на две части клинок и могли использоваться как компас или циркуль-измеритель⁵¹. При необходимости их можно было использовать и по прямому назначению – в качестве оружия.

В Музее истории оружия в Запорожье хранился такой клинок, состоящий из двух половинок, шарнирно закрепленных между собой в головке рукояти. При сильном сжатии рукояти половинки образуют ромбический в сечении клинок длиной 31,2 см и шириной 0,9 см. Общая длина оружия составляет при этом 44,2 см⁵².

Артиллерийские стилеты в некоторых случаях украшали, делая настоящими произведениями искусства⁵³. Возможно, эти экземпляры предназначались для командного состава артиллерии и имели, скорее, парадную, нежели утилитарную функцию. Нельзя исключить и возможность изготовления таких роскошных стилетов не для артиллеристов, а для лиц, выдававших себя за таковых и располагавших средствами, чтобы избежать запрета на ношение оружия.

Первоначально стилет получил большую популярность в Италии и, прежде всего, в северной ее части. Обилие городов и городского населения диктовали необходимость в повседневном

Артиллерийский стилет. ВИМАИВиВС, инв. № 0120/553

гражданском оружии, которое могло служить защитой от нападения на тесных городских улочках.

Распространяясь на юг Апеннинского полуострова, стилет стал использоваться и в папских землях, а затем в Неаполе и Сицилии, входивших тогда в состав Испанского королевства. Можно предположить, что именно с этих южно-итальянских территорий началось его проникновение на Пиренейский полуостров, Сардинию и Корсику. Во французские владения стилет попал через Испанию и Северную Италию. Оттуда же он пришел в Швейцарию и Германию, хотя и не получил там большого распространения⁵⁴.

Популярность стилета в Южной Европе была столь велика, что на Сицилии появилась даже специальная школа боя на стилетах («scherma di stiletto siciliano»)⁵⁵. Одним из приемов этой школы было вращение рукояти стилета в теле противника пос-

ле нанесения удара, что приводило к тяжелым внутренним повреждениям при внешне незначительном входном отверстии.

В середине и второй половине XIX в. стилет стал популярен среди представителей первой волны итальянской иммиграции в американском Новом Орлеане и штате Луизиана. Уличная поножовщина и убийства приобрели там такой размах, что городские власти категорически запретили в 1879 г. продажу стилетов. Несмотря на это, их продолжали изготавливать кустарным способом⁵⁶.

Стилет как оружие для сведения счетов не исчез с течением времени. Его активно использовали для политических убийств в XIX в. революционеры и заговорщики всех мастей, в том числе и русские народовольцы.

4 августа 1878 г. революционер С.М. Кравчинский (в эмиграции известный писатель, публицист и переводчик Степняк-Кравчинский) заколол стилетом шефа жандармов и главу Третьего отделения генерал-лейтенанта Н.В. Мезенцева. Последний любил прогуливаться в центре Санкт-Петербурга и посещать часовню у Гостиного Двора. Кравчинский выследил его на Итальянский улице, подошел вплотную (стилет был спрятан в большой лист бумаги), всадил клинок в живот по самую рукоять и даже успел его провернуть (напомним, что именно так рекомендовала действовать сицилийская школа боя на стилетах).

Применение именно стилета привело к тому, что ни сам Мезенцев, ни сопровождавший его подполковник Макаров не поняли, что произошло. Генерал ощутил боль, но крови не было. Он сам доехал до дому, и, когда обнаружилось ранение, было уже поздно: «Приглашенный в 11 часов утра доктор Мамонов, осмотрев больного, нашел, что положение его серьезное. И действительно, несмотря на помощь, оказанную ему докторами во главе с знаменитым тогда хирургом Богдановским, в 4 часа в области раны и желудочной полости открылись сильнейшие боли, и в 5 часов 15 минут в ужасных страданиях Мезенцев скончался»⁵⁷.

За несколько месяцев до этого события (24 мая 1878) в Киеве был заколот адъютант Киевского губернского жандармского управления штаб-ротмистр Отдельного корпуса жандармов барон Густав Эдуардович фон Гейкинг. Исполнителем террористического акта стал революционер-народовец Г.А. Попко. Он нанес Гейкингу смертельную рану в области поясницы, от которой

тот и скончался спустя несколько часов. Знаменитый террорист, впоследствии монархист, Лев Тихомиров писал об этом: «Убийство Гейкинга было большой мерзостью. Этот Гейкинг совершенно никакого зла революционерам не делал. Он относился к своей службе совершенно формально, без всякого особого усердия, а политическим арестованным делал всякие льготы. Его “политические” вообще любили, и Гейкинг считал себя безусловно в безопасности. Но именно потому, что он не берегся, его и порешили убить... Но ничего нет легче, как убить Гейкинга, который всем известен в лицо и ходит по улицам не остерегаясь»⁵⁸.

Удачное покушение на Гейкинга и Мезенцева привели к тому, что многие народовольцы поспешили обзавестись кинжалами. К сожалению, из следственных дел и воспоминаний самих членов «Народной воли» не всегда понятно, что это было за оружие – стилеты или клинки другого вида. Известно, что кинжалы были у Н.А. Морозова, В.Д. Дубровина, Ф.Н. Юрковского, С.Ф. Халтурина, О.В. Аптекмана, А.К. Преснякова, А.И. Желябова, Н.Н. Рысакова и др.

Несмотря на то что классические стилеты изготавливались и в XVIII, и в XIX вв., появились различные формы примитивных (или, как их называет один из исследователей – «дегенеративных») стилетов. К ним можно отнести так называемые скьявонские («славянские») кинжалы из Венеции и Далмации (напомним, что существовало и одноименное длинноклинковое оружие с корзинчатой гардой), крестьянские стилеты с одной дужкой гарды, бывшие в ходу в Испании и Италии в XVIII в.⁵⁹

Заметим, что подобием стилета служили даже простые заостренные палочки. Именно с помощью такого «оружия» дети и подростки, входившие в отряды чешских гуситов (таборитов), справлялись с ранеными на поле боя немецкими, австрийскими и венгерскими рыцарями. Они выкалывали им глаза, втыкая палочки сквозь визиры на шлемах. Даже если им и не удавалось добить врага, то он все равно становился слепым.

Примитивным вариантом стилета может служить шило, которое не оставляет заметного следа на теле жертвы. Не случайно исполнители приговоров воровских сходов предпочитали ножу шило. Вариантом подобного оружия могла служить и вязальная спица, но ею не били как шилом, а придерживая второй рукой, «совали», как перо. Популярностью в преступном мире пользо-

вались «заточка» или «пики», используемая для криминальных разборок и до настоящего времени. Под первой подразумевают практически любой остро заточенный металлический прут, надфиль или арматурную проволоку. Под вторым – стилет, сделанный из трех- или четырехгранного напильника, которым наносились короткие удары снизу вверх в живот и в область сердца. При повороте «пики» в ране штырь на конце мог отломиться, и все лезвие оставалось в теле жертвы⁶⁰.

Однако жертвами самодельных примитивных «стиллетов» были не только криминальные личности. 13 апреля 1820 г. французский ремесленник, противник монархии Луи Пьер Лувель смертельно ранил шилом при выходе из оперного театра наследника французского престола Шарля-Фердинанда, герцога Беррийского. Лувель рассчитывал, что, убив герцога, он пресечет род Бурбонов, так как старший сын графа д'Артуа, герцог Ангулемский, был бездетен. (Он не знал, что жена герцога ждала ребенка, который вскоре родился и получил имя герцога Бордосского). Убийство герцога Беррийского вызвало широкие отклики не только во Франции, но и во всей Европе. Передовые умы видели в этом благоприятный симптом, который заставит образумиться черную реакцию. Так, например, А.С. Пушкин показывал своим друзьям портрет Лувеля, под которым было подписано: «Урок царям». Герцог скончался на следующий день после покушения, а Лувель был приговорен к смертной казни и обезглавлен на гильотине⁶¹.

Другой жертвой самодельного стилета стала Елизавета Австрийская (1837–1898) – супруга императора Франца Иосифа I. 9 сентября 1898 г. инкогнито приехала в Женеву и поселилась в одном из отелей под именем графини фон Хоэнемс (по названию австрийского городка). Ее сопровождала всего лишь одна фрейлина – графиня Ирма Стараи. Но газеты на следующий же день сообщили: «Ее величество, австрийская императрица прибыла в Женеву... и остановилась в гостинице “Бо-Риваж”». Среди многих заметку прочел итальянский анархист Луиджи Люкени.

Луиджи родился в Париже в 1873 г., отца и мать не знал, работал строителем, кочевал из одной европейской столицы в другую. Очутившись в Женеве, Люкени увлекся идеями социалистов и анархистов. Он часто посещал кафе, где бывали представители этих революционных течений. Анархические идеи за-

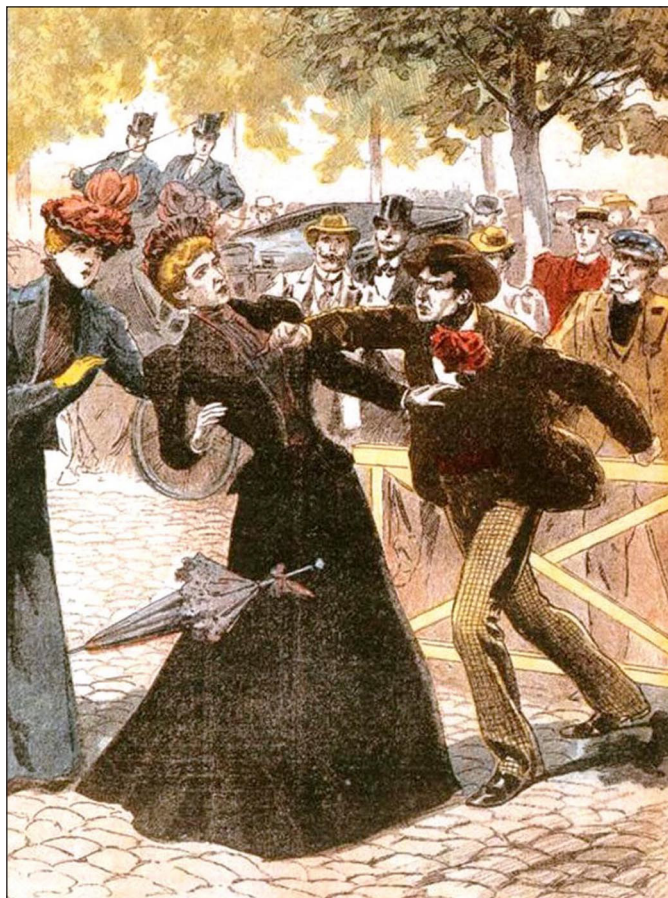
жгли в нем неугасимую ненависть к богатым и знатным людям. К этому добавились непомерные амбиции самого Люкени, и он решил убить кого-то из царствующих особ, причем неважно кого: итальянского короля Умберто, русского царя Николая, герцога Орлеанского... По дешевке он купил орудие для осуществления замысла – напильник длиной 16,5 см. Приделав к нему самодельную деревянную ручку и заточив наконечник, Луиджи стал всегда носить напильник с собой. Вскоре на глаза попала заметка о приезде австрийской императрицы, и Люкени тут же сделал окончательный выбор, тем более, что однажды он видел Елизавету в Будапеште и запомнил ее внешность.

10 сентября 1898 г., выйдя из гостиницы чуть позже полудня, Елизавета и ее спутница направились на пароход, пристань была совсем рядом. Стоявший у парапета набережной мужчина (а это был Люкени) бросился к ней и неожиданно нанес удар в грудь. Елизавета упала, нападавший бросился бежать, выбросив по дороге орудие преступления. Прохожие и фрейлина помогли императрице подняться. Елизавета сама дошла до пристани и поднялась на палубу. «У меня немного болит грудь», – сказала она спутнице и, добавив: «Кажется, я побледнела», – зашаталась и упала. Ее подняли, положили на скамью. На платье из прорезанного корсета стала проступать кровь. Елизавета потеряла сознание, началась агония – напильник попал под четвертое ребро и повредил сердце. Капитан отдал команду развернуть пароход к пристани. Соорудили из шестов и подушек носилки. Когда императрицу спустили по трапу на берег, она была уже мертва...

Убийцу схватили и приговорили к пожизненному заключению. Через двенадцать лет (в 1910) он повесился в женевской тюрьме, успев написать мемуары под названием «Я не жалею»⁶².

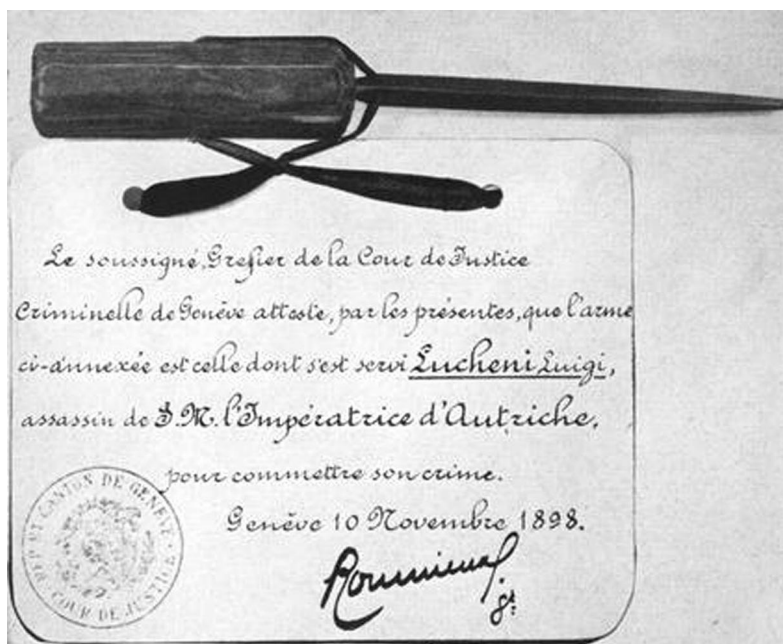
Неприметное орудие убийства хранится в Хофбурге – венской резиденции австрийских императоров, где открыта постоянная экспозиция, посвященная жизни австрийской императрицы Елизаветы, ныне более известной под уменьшительно-ласкательным именем Сисси и ставшей одним из символов современного европейского феминизма⁶³.

Боевые стилеты вполне официально применялись вплоть до середины XX столетия, хотя их использование значительно сократилось с исчезновением доспехов. Вот что пишет об этом историк оружия Поль Дитмар: «В 1914 году немецкие войска на

**Луиджи Люкени наносит императрице Елизавете смертельный удар.
Журнальная иллюстрация. 1898 г.**

западе быстро продвигались по территории Бельгии и Северной Франции. Но к концу первого года войны линия фронта оставалась неизменной. Ни одна из сторон уже не имела решающих успехов, и вскоре протяженная сеть траншей покрыла участки, где велись боевые действия. Таким образом, началась позиционная война. Попытки изменить данное положение массированными наступлениями, как правило, не удавались и заканчивались большим кровопролитием.

Самодельный стилет, которым была убита императрица Елизавета

Перед каждой подобной атакой было очень важно иметь по возможности больше информации о численности войск и полевых укреплениях противника. Данная задача возлагалась на разведывательные дозоры и боевые разведывательные группы, действия которых уже тогда отличались от операций традиционных патрульных подразделений. Нередко такие, как правило, ночные операции заканчивались для многих участников трагически, так как во время изнурительного возвращения на свои позиции несли своих раненых солдат и вели пленных солдат противника, открывавшего огонь сзади. Во время таких вылазок брали с собой, по возможности, только ручное оружие, ружейный штык (байонет) с длинным клинком оказывался абсолютно непригодным. Обе стороны начали форсированно изготавливать импровизированные траншейные ножи. Клинки штыков укорачивались до удобного размера и затачивались или же брали металлический прут от проволочных заграждений и обрабатывали и затачивали его до

тех пор, пока не получались клинок и рукоятка (так называемый «французский гвоздь»)»⁶⁴.

В 1925 г. в Италии для офицеров добровольной милиции национальной безопасности, колониальной полиции и ряда других подразделений был официально принят на вооружение стилет, изготовленный на основе итальянского штыка образца 1870 г. карабину Веттерли-Витали⁶⁵.

После Второй мировой войны английские и американский спецслужбы любили использовать цельнометаллические кинжалы OSS «Sleeve Dagger», которые представляли собой стальной стилет длиной 178 мм с трехгранным клинком колющего типа, достигающим 89 мм длины⁶⁶.

Даже такого небольшого размера оружие, как стилет, все равно старались замаскировать и спрятать. Так, в Музее Армии (Musée de l'Armée) в Париже экспонируется стилет, спрятанный в распятие испанской работы, датированный 1640-ми гг. Считается, что такие стилеты использовали паломники для защиты от разбойников.

В XVII–XIX вв. стилеты прятали в трости. Это элегантное оружие спасало жизнь лондонских джентльменов и парижских щеголей на темных городских улицах от любителей легкой наживы⁶⁷. Подобные трости-стилеты производятся и сейчас, но уже в качестве сувениров.

В середине 1980-х гг. ножевым дизайнером Патом Крауффордом была разработана современная версия рукавного кинжала времен Второй мировой войны, которому он дал название «Дьявольский дротик» (Devil Darts). Это клинковое оружие с большой пробивной способностью в виде стилета с трехгранным лезвием. «Дьявольский дротик» был изготовлен из нержавеющей стали 440 С и имел полную длину 18 см (лезвие – 8,2 см), а вес менее 30 г. Для ношения дротика были разработаны пластиковые ножны из кайдекса двух типов – с прорезями для крепежных лент или ремней и с цепочкой для ношения на шее, а в дальнейшем и ножны из нейлона для крепления на предплечье в стиле «запястных ножей» прошлой войны. Кроме этого выпускалась и модель дротика, изготовленная из титанового сплава. Это оружие благодаря своей эффективности пользовалось большой популярностью и послужило основой для создания множества его вариаций. На основе этого дротика компанией «Cold Steel» была создана пластиковая версия этого оружия.

Среди оружия скрытого ношения нельзя не упомянуть оригинальное комбинированное устройство – «Оружие ближнего боя Мак Лаглена» – «Пескетт». Это устройство было многофункциональным и состояло из небольшой дубинки, стилета и шнурка-гаротты. Стиллет выдвигался из корпуса устройства под силой тяжести. Для этого нужно было нажать на специальную кнопку.

Гораздо менее известны образцы маскированного оружия – карандаши, перьевые и авторучки со встроенным стилетом⁶⁸.

Появившись в своем классическом виде в конце XVI в., стилет прожил долгую жизнь, видоизменяясь и трансформируясь. Он по-прежнему в ходу, а его история требует серьезного дополнительного изучения.

¹ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Изд. подг. М.Л. Гаспаров, Е.М. Шгаерман. М., 1993. С. 31.

² См., например, Аппиан. Римские войны. СПб., 1994. С. 163.

³ Laking G.F. A Record of European Armour and Arms. London, 1920. Vol. III. P. 16–30; Müller H., Kölling H. Europäische hieb- und stichwaffen. Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik. 1986. S. 36–38; Бехайм В. Энциклопедия оружия / Пер. с нем. А.А. Девель, В.В. Демидова, В.А. Кондрашева и др. СПб., 1995. С. 218–220.

⁴ Шаде В. Кранахи – семья художников / Пер. с нем. Г.Ю. Бергельсона. М., 1987. С. 79–80; Кранахи. Между Ренессансом и маньеризмом. Каталог выставки. М., 2016. С. 112. Лукреция (ум. 510 г. до н. э.) – по преданию, римская женщина, славившаяся своей красотой и добродетелью. Жена римского патриция Тарквиния Коллатина. Известнейший римский историк древности Тит Ливий писал, что Секст Тарквиний (сын древнеримского царя Тарквиния Гордого) пленился красотой Лукреции и, угрожая ей оружием, изнасиловал. Лукреция рассказала обо всем своему мужу и заколола себя на его глазах. Это событие послужило началом восстания, поднятого Луцием Юнием Брутом, которое привело к свержению царской власти в Риме и к установлению республики. Изображения добродетельной римлянки и сюжеты, связанные с ней, были излюбленной темой ренессансной живописи.

⁵ Бехайм В. Указ. соч. С. 220.

⁶ Винклер П.П. фон. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М., 1992. С. 173–174.

⁷ Стоун Дж.К. Большая энциклопедия оружия и доспехов. Оружие и доспехи всех времен и народов / Пер. с англ. Л.И. Здановича. М., 2008. С. 576.

⁸ Oakeshott E. European Weapons and Armour: From the Renaissance to the Industrial Revolution. Woodbridge: Boydell Press, 2000. P. 231.

⁹ Квасневич В. Лексикон холодного и метательного оружия / Пер. с польск. И.Ф. Нафтгульева. СПб., 2012. С. 199, 201.

¹⁰ Круликевич Т. История холодного оружия: корды, кинжалы, ножи, штыки / Пер. с польск. М.Н. Саенко. Ростов-на-Дону, 2010. С. 111.

- ¹¹ Югринов П. Малая энциклопедия оружия. М., 2010. С. 192.
- ¹² Capwell T. The Illustrated Encyclopedia of Knives, Daggers and Bayonets. Lorenz Books, 2009. P. 12.
- ¹³ Петерсон Г. Кинжалы и боевые ножи Западной Европы. От каменных ножей до инкрустированных кинжалов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2008. С. 90–91.
- ¹⁴ Петерсон Г. Указ. соч. С. 94.
- ¹⁵ Mann J. Wallace Collection Catalogue. European Arms and Armour. Vol. II (Arms). London, 1962. P. 416–421.
- ¹⁶ Nordström L. White Arms of the Royal Armoury. The Royal Armoury Printed in Sweden by Bohusläningens Boktryckeri AB. 1984. P. 243–244.
- ¹⁷ Харисс В., Коэ М.Д., Коннолли [и др.] Холодное клинковое оружие / Пер. с англ. Р.А. Цфасман. М., 2006. С. 81.
- ¹⁸ Oakeshott E. Op. cit. P. 231.
- ¹⁹ Thompson L. Daggers and Bayonets: A History. Spellmount, Staplehurst, 1999. P. 36–37.
- ²⁰ Петерсон Г. Указ. соч. С. 91.
- ²¹ Там же. С. 92.
- ²² Mann J. Op. cit. Vol. II. S. 418 (A852), 419 (A853), 420 (A858).
- ²³ Автономов Александр Александрович (1884 – после 1938), научный сотрудник Эрмитажа, оружейвед. Арестован в 1933 г., осужден в 1934 г. на 10 лет лагерей, отправлен в БАМлаг. В 1938 г. повторно судим и приговорен к высшей мере наказания, сведения об исполнении приговора отсутствуют (Ашин Ф.Д., Алпатов Б.М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994. С. 41–43, 138, 202). Линдровс (Линдровс, Линдроз, Линдровз, Линдрозе) Эмилий Оскарович (1884 – после 1956), научный сотрудник Эрмитажа, оружейвед, коллекционер (в 1925 г. в его коллекции числилось 26 предметов старинного оружия). Арестован в 1933 г., осужден в 1934 г. на 10 лет лагерей, сначала в Сиблаге, затем в Усть-Ижме (Коми АССР), из-за войны задержан в лагере до 1945 г. С 1945 г. работал сторожем в леспромхозе Пестовского района Новгородской области (Там же. С. 41–43, 184, 204).
- ²⁴ Ашин Ф.Д., Алпатов Б.М. Указ. соч. С. 43.
- ²⁵ Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Париж, 1995. С. 208–209.
- ²⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 3 р. Оп. 9. Д. 300. Л. 56 об. – 57.
- ²⁷ Там же. Л. 65–65 об.
- ²⁸ Oakeshott E. Op. cit. P. 231.
- ²⁹ Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 34. № 54.
- ³⁰ Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2010. С. 232, 234. № 480.
- ³¹ Geibig A. Gefährlich und Schön. Kunst Sammlungen der Veste Coburg. Coburg, 2009. P. 121.
- ³² Armi Antiche Decorazioni Militaria. Von Morenberg Casa d'Aste. Trento-Palazzo Bortolazzi – 13 Novembre 2010. P. 92. № 434.
- ³³ Hermann Historica. A Selection of Collectibles. 63 Auktion 27 Oktober 2011. München, 2011. P. 218. № 2292.
- ³⁴ Hermann Historica. Alte Waffen, Jagdliches und Kunsthandwerk. Antique Arms & Armour, Hunting Antiques, Arts and Crafts. 61 Auktion 2–3 Mai 2011. München. P. 448. № 3538.

- ³⁵ Strage M. *Women of Power: The Life and Times of Catherine de' Medici*. New York and London: Harcourt Brace Jovanovich. 1976. P. 277–278; Minois G. *Le Couteau et le poison. L'assassinat politique en Europe (1400–1800)*. Paris, Fayard, 1997. P. 127; Балакин В.Д. Генрих IV. М., 2011. С. 169–173.
- ³⁶ Minois G. *Op. cit.* P. 223; Шевалье П. Генрих III. Шекспировский король / Пер. с франц. Е. Хохловой. М., 1997. С. 840–843; Балакин В.Д. Указ. соч. С. 178–181.
- ³⁷ Шарлье Ф. Тайны великих исторических преступлений. Ростов-на-Дону, 2014. С. 80–81.
- ³⁸ Бехайм В. Указ. соч. С. 220.
- ³⁹ Макиннис П. Тихие убийцы. Всемирная история ядов и отравителей / Пер. с англ. В. Болотникова. М., 2008. С. 274–276; Коллар Ф. История отравлений. Власть и яды от Античности до наших дней / Пер. с франц. Е. Лебедевой. М., 2010. С. 254–317.
- ⁴⁰ Клулас И. Лоренцо Великолепный / Пер. с франц. Н.Н. Зубкова. М., 2007. С. 140.
- ⁴¹ См. подробнее о заговоре: Макьявелли Н. История Флоренции / Перевод Н.Я. Рыковой. М., 1973. С. 298–307; Полициано А. О заговоре Пацци / Пер. с лат. и коммент. И.В. Шевченко // *Культура Возрождения и Средние века*. М., 1993. С. 206–216; Martines L. *April Blood: Florence and the Plot Against the Medici*. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 187–196.
- ⁴² [Седжер К.И.] Каталог редкого, старинного и восточного оружия, хранящегося в Собственном Его Императорского Величества Арсенале в Царском Селе: В 2 ч. СПб., 1840. Ч. 1. С. 65. № 28; С. 68. № 45; С. 71. № 62; С. 72. № 70; С. 80–81. № 140, 147; Ч. 2. С. 42–43. № 179. Седжер Карл Иванович (Sagger Charles, 1777–1840), управляющий библиотекой Императорского Эрмитажа (1837–1840). Начал карьеру в России в качестве придворного учителя английского языка, затем служил библиотекарем в Царском Селе и Эрмитаже (Зайченко М.Г. Чарльз Седжер – первый хранитель царскосельского арсенала // *Книжные памятники: авторы, издатели, владельцы: сб. ст. / под ред. Г.В. Вилинбахова*. СПб., 2004. С. 77–85).
- ⁴³ Ленц Э. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. I (Собрание оружия). СПб., 1908. С. 45.
- ⁴⁴ Существует точка зрения, в основу сюжета картины лег миф о том, что Пантеос, который был царем Фив и боролся с культом Вакха, приказал взять его под стражу. Мечь Вакха была ужасной. Пантеос был разорван на куски собственной матерью и сестрами. Выражение гнева и обещание суровой кары явно читается на лице божества, которого пытается остановить смертный человек (Кеннеди Й.Дж. Тициан. М., 2007. С. 20).
- ⁴⁵ Robertson A. *Fra Paolo Sarpi: the Greatest of the Venetians*, London: Sampson, Low, Marston & Co. 1893. P. 114–117; *The Cambridge Modern History*. Vol. 4. Cambridge University Press, 1906. P. 671; Норвич Д. История Венецианской республики / Пер. с англ. И. Летберг, Н. Омелянович, Ю. Федоренко. М., 2010. С. 676–684.
- ⁴⁶ Дефурно М. Повседневная жизнь Испании Золотого века / Пер. с франц. Т.А. Михайловой. М., 2004. С. 283.
- ⁴⁷ Terenzi M. 1) *Stiletto da bombardiere: considerazioni su di un tipo di pugnale detto*. Roma: Unione Tipografica, Spoleto, 1962. S. 1–11; 2) *Gunners' Daggers // Arms and Armor Annual*. Vol. 1. Digest Books, Inc., Northfield, Illinois. 1973. P. 170–179; Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. I. СПб., 2009. С. 255–256.

- ⁴⁸ Круликевич Т. Указ. соч. С. 111.
- ⁴⁹ Петерсон Г. Указ. соч. С. 93.
- ⁵⁰ Terenzi M. *Gunners' Daggers*. P. 174.
- ⁵¹ Петерсон Г. Указ. соч. С. 93–94. Фото 60.
- ⁵² Шлайфер В.Г., Волох А. Из истории стилета. По материалам Музея оружия (Запорожье) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международный науч.-практич. конф. 12–14 мая 2010 г. Ч. II. СПб., 2010. С. 418–419.
- ⁵³ См., например: Thompson L. *Op. cit.* P. 44; Terenzi M. *Gunners' Daggers*. P. 179.
- ⁵⁴ Bell J. *Bowyer, Assassin: Theory and Practice of Political Violence*, New Brunswick NJ: Transaction Publishers, 2005. P. 37.
- ⁵⁵ См. подробнее: Quattrocchi V. *The Sicilian Blade: The Art of Sicilian Stiletto Fighting*, J. Flores Publications, 1993.
- ⁵⁶ Margavio A.V., and Salomone J.J. *Bread and Respect: The Italians of Louisiana*, Gretna, LA: Pelican Publishing Co. Inc., 2002. P. 215.
- ⁵⁷ Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.): Исторические очерки. Ч. II. СПб., 1913. С. 249–250; Кравчинский С. Смерть за смерть (убийство Мезенцева). Петроград, 1920. С. 13.
- ⁵⁸ Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 392; Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 106–107.
- ⁵⁹ Петерсон Г. Указ. соч. С. 94. Рис. 63.
- ⁶⁰ Асмолов К.В. История холодного оружия. М., 1993. Ч. 1. С. 184.
- ⁶¹ Skuy D. *Assassination, Politics, and Miracles: France and the Royalist Reaction of 1820*. McGill-Queen's Press, 2003. P. 3–13; Шарлье Ф. Тайны великих исторических преступлений. С. 149–155.
- ⁶² Детальное описание последнего дня жизни императрицы и покушения на нее содержится в фундаментальной биографии: Корти Э.Ц.К. Елизавета I Австрийская (Серия: «След в истории») / Пер. с нем. А.П. Кравченко, А.Н. Парфеновой. Ростов-на-Дону, 1998. С. 567–607.
- ⁶³ Хаслингер И., Лиштшайдль О., Вольфарт М. Хофбург: Императорские покои, Музей императрицы Сисси, Серебряная кладовая. Инсбрук, 2010. С. 34–35; Чупшик К. Елизавета, императрица Австрии. Прага, 2014. С. 76–79.
- ⁶⁴ Дитмар П. Современные боевые ножи. Развитие. Применение. Модели и производители / Пер. с нем. А.С. Нечаев. М., 2004. С. 15.
- ⁶⁵ Марьянко А., Мак К. Армейский короткий клинок XX века: на земле, небесах и на море. СПб., 2007. С. 124.
- ⁶⁶ Марчингтон Д. Боевые ножи. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2004. С. 32.
- ⁶⁷ Образцы таких тростей см., например: Lewerken H.-W. *Kombinations waffen des 15.–19. Jahrhunderts*. Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik. 1989. S. 283–284.
- ⁶⁸ Фомин А. Холодное оружие: Клинковое оружие скрытого ношения // Братишка. Журнал для подразделений специального назначения. 2012. № 9.

А.П. Жарский, Д.В. Литвиненко (Санкт-Петербург)

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ ВОЙСК ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА В ФЕВРАЛЕ – АВГУСТЕ 1943 ГОДА (БОРЬБА ЗА РАСШИРЕНИЕ ПРИЛАДОЖСКОГО КОРИДОРА)

ПОСЛЕ ПРОРЫВА БЛОКАДЫ Ленинграда (18 января 1943) образовался Приладожский коридор шириной от 8 до 11 км, по которому была восстановлена сухопутная связь города со страной. Проложенная по этому узкому коридору (вдоль южного берега Ладожского озера) железнодорожная линия Шлиссельбург – Поляна¹ значительно облегчила положение войск Ленинградского фронта и жителей города.

Однако подвоз грузов в Ленинград железнодорожным путем был крайне затруднен. Отдельные участки пути находились под постоянным воздействием артиллерии противника и систематически разрушались. *Задание Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) о восстановлении сухопутных связей Ленинграда и Ленинградского фронта со страной в ходе проведения операции «Искра» было выполнено лишь частично*².

В целях разгрома мгинско-синявинской группировки противника и расширения Приладожского коридора силами войск Ленинградского и Волховского³ фронтов в 1943 г. было проведено три наступательные операции: *Тосненско-Мгинская*⁴ (10–27 февраля), *Войтолово-Мгинская* (19 марта – 2 апреля 1943) и *Мгинская* (22 июля – 22 августа)⁵. Данные операции оказались незавершенными. Задачи, поставленные войскам в оперативных директивах командующего фронтом, были не выполнены. Расширить коридор прорыва и обеспечить прочную железнодорожную связь со страной не удалось. Вероятно, это и стало одной из основных причин того, что описание этих «нерезультативных»

операций из контекста советской историографии битвы за Ленинград было «вычеркнуто».

В Советской военной энциклопедии упоминается лишь об одной из них – «Мгинской операции – 1943», в которой было задействовано более четверти миллиона человек (в ходе операции было потеряно около 80 тыс. чел.). На подготовке операции «Брусиллов» авторы, опираясь большей частью на документы, отложившиеся в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), хотели бы остановиться более подробно.

Как следует из письма Л.А. Говорова (№ 00 1530 от 8 апреля 1943 г.) И.В. Сталину, в котором командующий Ленинградским фронтом изложил «соображения об оперативных задачах Ленинградского фронта на весенне-летний период 1943 г.», операция «Брусиллов» должна была стать логическим продолжением незавершенных ранее Тосненско-Мгинской и Войтолово-Мгинской операций. В письме, в частности, подчеркивался тот факт, что:

«...наземные коммуникации (Ленинграда. – *Авт.*) не могут считаться надежно обеспеченными, пока в руках противника находится Мгинский узел, задача по овладению которым осталась невыполненной истекшей зимой. Наряду с этим, сам город продолжает находиться в сфере действительного артиллерийского огня, пока противник владеет ближайшими подступами к городу на Красносельском и Пушкинском направлениях.

Имея в руках Мгинский, Красносельский, Пушкинский и Красногвардейский узлы, противник продолжает угрожать Ленинграду, его коммуникациям и связывает возможности ленинградского фронта <...>

Овладение Мгинским узлом, с выходом на фронт Ульяновка, Шапки, надежно обеспечит наземные коммуникации Ленинграда. Выполнение этой задачи составляет ближайшую оперативную цель Ленинградского фронта и создает перспективу, в зависимости от обстановки, дальнейших действий на Кингисеппском и Лужском направлениях...»⁶

Для участия в «Мгинской операции – 43» (ил. 1) советское командование привлекало 67-ю армию (далее 67 А) Ленинградского фронта (командующий генерал-лейтенант М.П. Духанов)⁷ и 8 А Волховского фронта. Кроме того, в случае первоначально-

го успеха общее наступление должны были поддержать части 55 А Ленинградского фронта.

67 А наносила главный удар на участке Арбузово – Синявино; вспомогательный удар – восточнее синявинских высот на участке Синявино – Гонтовая Липка⁸. 8 А наносила главный удар из района Воронова на участке фронта шириной 13,5 км вдоль Кировской железной дороги сначала на Славянку, пос. Михайловский, затем – на Мгу; вспомогательный удар, для обеспечения левого фланга ударной группировки, наносился из района Погостя в направлении Карбусель – Турышкино вдоль железнодорожной ветки Мга – Кириши⁹.

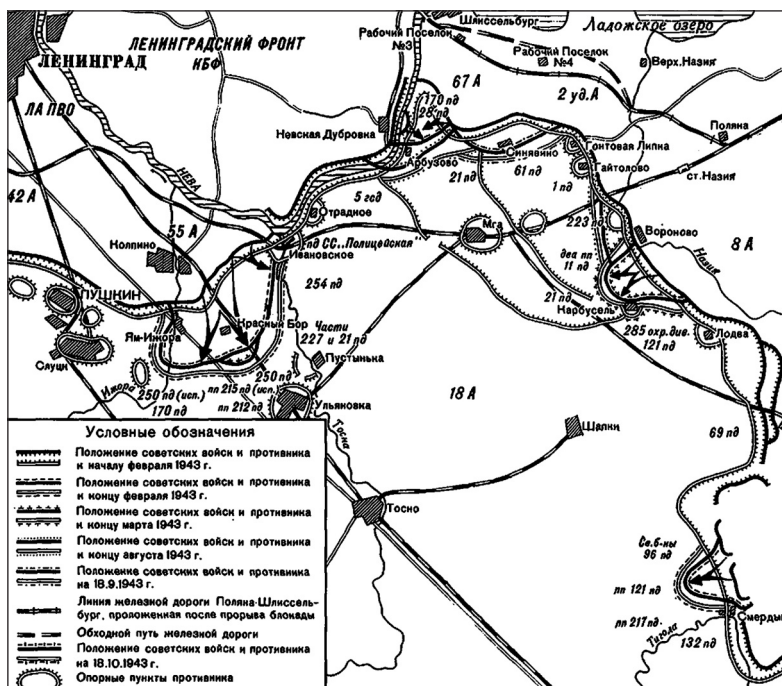
Всего для участия в операции в составе 67 и 8 А было привлечено 253 330 чел.¹⁰ и до 550 танков и САУ. Кроме того, с 29 июля по 12 августа поддержку наступающим войскам также оказывала авиация дальнего действия, нанося удары по коммуникациям противника в тылу группы армий «Север».

Обороняли мгинско-синявинский выступ семь дивизий 18 А группы армий «Север» (командующий генерал-полковник Георг Линдеман¹¹), и две дивизии находились в резерве. Всего группировка войск противника насчитывала до 100 000 чел. и около 150 танков. Поддержка с воздуха осуществлялась частью сил 1-го воздушного флота.

При подготовке операции «Брусиллов» значительное внимание было уделено изучению, обобщению и учету опыта предыдущих незавершенных операций (зимы и весны 1943). *На подготовку летней операции ушло более двух с половиной месяцев. При этом основные усилия были направлены на совершенствование знаний и навыков при наступлении на сильно укрепленную оборону противника в условиях лесисто-болотистой местности, а также организации взаимодействия войск.*

Публикуемая ниже (с незначительными изъятиями) стенограмма совещания, проведенного командующим Ленинградским фронтом генерал-полковником Л.А. Говоровым с Военным советом 55 А, дает авторам основание полагать, что оперативные звенья управления Ленинградского фронта в этот период еще не имели достаточного опыта в планировании и проведении крупных наступательных операций.

Вероятно, здесь нельзя (в определенной степени) не согласиться с весьма категоричной оценкой ситуации (сложившей-

Ил. 1. Боевые действия под Ленинградом в феврале – декабре 1943 г.

ся после двух неудачно проведенных операций), изложенной И.В. Сталину в апреле 1943 г. представителем Ставки ВГК К.Е. Ворошиловым¹²:

«...потери в людях в этих операциях весьма велики; расход боеприпасов, по сравнению с достигнутыми успехами, большой; потери в танках значительные.

Все это результат не только и, по-моему, даже не столько потому, что силен враг, сколько вследствие того, что мы недостаточно хорошо подготовились к этой операции <...>

Следует также учесть, о чем я однажды уже доносил вам, что войска, привыкшие сидеть длительное время в обороне, медленно усваивают даже элементарные приемы наступательных действий».

Впрочем, материалы публикуемого стенографического отчета, как авторам представляется, с вышеизложенными оценками согласуются¹³.

«Замечания Командующего фронтом Генерал-полковника т. Говорова, сделанные им Военному Совету 55 армии¹⁴»:

1. О противнике: знание противника Военным Советом 55 Армии никуда не годится; передний край проходит не там, где он имеется в действительности. Глубина обороны противника неизвестна. Никакого представления – ни о группировке противника, ни о системе его обороны, ни о глубине – “пустая карта” (Командующий войсками фронта потребовал приказ № 055 и процитировал указываемые в нем недочеты по вопросу об изучении противника и заявил: “Белую карту с одними стрелами смотреть не буду”).

2. **КВ¹⁵ [командующий войсками]:** – Установлено ли наблюдение за противником от Штарма¹⁶?

(т. Свиридов¹⁷) – Да, установлено.

КВ Фронтом: – Какие получены доклады? Плохо Вы знаете противника... Что делают командиры сд¹⁸? Имеются ли схемы построения их боевых порядков? Сколько стрелковых батальонов действует в первом эшелоне? Плотность бойцов, сколько метров интервалы между стрелками?

(т. Свиридов) – Командиры дивизий получили задачу (границы пока еще не даны) и завтра будут проводить свои рекогносцировки, приняв свои предварительные решения по карте. Общая плотность людей – 2 метра на одного человека.

КВ Фронтом: – (зачитывает доклад начальника отдела боевой подготовки) Действительно отдел подготовки прав, обвиняя Вас в том, что строите Вы свои боевые порядки с интервалом 1 шаг, а пулеметам места нет, и они идут сзади. Учим наступать батальоном на фронте 1000 метров, а воюем на фронте 500 метров, *а результат – 70 % потерь.*

Командующий Армией обязан сам решить вопрос о построении боевых порядков до батальона и знать их; должен учить командира батальона, ведь он лейтенант... Помогите ему грамотно воевать...

– Есть ли ориентированная карта с наименованием просек, лесных делянок?

(т. Свиридов) – Пока нет. Готовим.

КВ Фронтом: – Такая карта должна быть тщательно подготовлена, каждый квадрат лесных делянок должен быть четко обозначен. (Командующий армией с циркулем проверяет зада-

чи, поставленные дивизиям на главном направлении) – почему допускаете расходящиеся полосы для дивизий, действующих на главном направлении? Этого делать нельзя, такое решение неправильно, порочно, его надо браковать...

До сих пор еще не поставили задачу артиллерии? (Зачитывается требование приказа № 055).

Где штабы противника?

(т. Свиридов) – Я полагаю...

КВ Фронтом – Покажите на карте... Значит, задачу, поставленную Вам приказом по нарушению управления противника, Вы не выполнили?...

Предупредите Вашего начальника РО, что если он не организует добытие данных о противнике, то у него будут сняты оба ордена...

КВ Фронтом – Запишите: Артиллерия в период подготовки должна:

1) Подавить передний край обороны противника и его огневую систему на 1,5 км глубины (точно изученного противника);

2) Все землянки противника на глубине 2 км – глубина полка противника;

3) Места расположения штабов от ПБ до ПД (как это было сделано на “НЕВА”¹⁹), тогда не будут действовать и минометные батареи;

4) Обработать противника огнем на глубину 6 км.

Продолжительность артподготовки сколько у Вас?

(т. Свиридов) – 2,5 часа.

КВ Фронтом – А Ваш Начарт²⁰ докладывал, что 35 минут. Куда Вы будете палить в течение трех часов, не зная противника?

Дать массированные налеты, предусмотрев вариант в 35 минут с ложным переносом.

Как намечены тактические скачки пехоты? Методика ее действий в условиях лесного боя? – надо точно руководствоваться указаниями устава о бое сд в лесу (зачитывает устав)... Организовать обязательно разведку и охранение в лесу, как того требует устав.

Исходный плацдарм использовать:

1) Как укрытие;

2) Как огневой рубеж.

Иметь решение о построении боевых порядков за каждый сб с расчетом ширины фронта. Против обычных 1000 шагов на батальон иметь 600 шагов, увеличив глубину боевых порядков.

Темпы наступления. Не допускать никакого лежания. Остановка на месте только для занятия огневого рубежа. Если рота не продвигается в течение свыше 30 минут, то ксп²¹ обязан принимать немедленно решение о ее продвижении (помощь, маневр и т. д.), как того требует приказ № 055.

Организационные вопросы в процессе наступления. *Во все время наступления иметь полноценными, способными к выполнению боевой задачи подразделения – взвод, рота. Подразделения, понесшие потери, немедленно сводить, с таким расчетом, чтобы они имели возможность выполнять боевую задачу.*

О ночных действиях:

Правильно обвиняет отдел боевой подготовки штабы армии и дивизий в том, что они виноваты в невыполнении боевых задач подразделениями ночью, потому что ставят задачи на ночные действия уже в темное время. *Требую задачи на ночные действия батальонам ставить до 14.00 и не позднее.*

При подготовке плацдарма принять меры секретности; не допускать без надлежащих предупредительных мер использование свежих подразделений.

О строительстве дорог: на каждую сд иметь минимум одну дорогу.

Для ОП артиллерии оборудовать дерево-земляные укрытия»²².

Несколько позднее²³ командующий Ленинградским фронтом генерал-полковник Л.А. Говоров дает указания Военному совету 55А проверить, усвоили ли в звене стрелковый батальон – стрелковая рота – стрелковый взвод следующие тактические приемы действий по этапам:

«I-й этап – выход частей в исходное положение.

1. Маршруты подразделений.
2. Порядок занятия исходного положения (до отделения включительно).
3. Схема исходного положения (где, что и для кого подготовлено; исходное положение для танков, ОП, расположение людей и огневых средств).

Примечание: Командир батальона отвечает за каждого потерянного человека в исходном положении.

II-й этап – артподготовка.

1. Твердо знать график артиллерийской подготовки и распределение артиллерийских огневых средств по задачам.

2. Спланировать использование своих тяжелых огневых средств, участвующих в подготовке атаки.

III-й этап – бросок в атаку.

1. Иметь общий сигнал атаки – серия ракет (проверить в подразделениях, сколько имеется ракетниц, ракет и соответствие их цветов).

2. Спланировать – какие средства идут сразу с атакующими и какие огневые средства остаются на ОП и своим огнем поддерживают атаку (идут: 50мм минометы, 45мм пушки и $\frac{1}{3}$ 82мм минометов; остаются: 76мм орудия и 82мм минометов).

3. Выделить специальных ответственных лиц во взводе, роте, которые могут показать пример подъема бойцов в атаку.

4. Предусмотреть меры репрессивного характера против трусов. Командиры батальонов лично отвечают за быстроту подъема своих людей в атаку.

5. Предусмотреть подготовку специальных интервалов в боевых порядках для стрельбы станковых пулеметов, которые будут с места обеспечивать бросок в атаку.

IV-й этап – бой в глубине.

1. Проверить твердость знаний приемов борьбы за овладение лесными просеками и делянками (порядок вывоза и обработки артиллерией лесных делянок, занятых противником. Использование своей огневой группы для подготовки броска в атаку) <...>

3. Как уяснено командирами указание о сведении подразделений²⁴, потерявших боеспособность.

4. Что берется личным составом с собой при наступлении (вещевых мешков не брать, иметь с собой противогазы).

5. Какие меры приняты к отработке вопросов взаимодействия с подвижной группой.

6. Обратить особое внимание на обман противника»²⁵.

В контексте содержания последнего пункта вышеизложенного документа нельзя не остановиться на замечаниях начальника штаба фронта «по плану мероприятий по демонстрации наступательных действий на фронте 67 армии»²⁶. В нем излагается перечень мероприятий по дезинформации противника, кото-

рые должны проводиться как по линии войсковой разведки, так и каждым начальником родов и специальных войск.

Так, например, начальник штаба фронта требует:

«1. В течение ночи два стр. полка 90 сд с двумя батареями вывести на правый берег р. Нева и днем обратным маршем через две переправы – у Марьино и Черная Речка демонстрировать сосредоточение войск на левом берегу р. Нева.

2. [Организовать] Движение в дневное время 123 ОСБр группами до 70 чел., демонстрировать движение войск к переправам через р. Нева.

3. [Обеспечить] Выделение команд и частей в районы ложного сосредоточения войск с целью оживления последних – днем усилением движения, а ночью кострами (но в норму)...

По связи.

1. В лесах вост. Беляевское болото, южнее и юго-восточнее Нильня, Мельница... – организовать работу не менее 3-х радиостанций дивизионного типа и до 15 радиостанций типа полковых и батальонных. Обязать радиостанции дивизионного типа поддерживать периодическую связь с армейской радиостанцией на проверку связи и изредка передачу шифртелеграмм сверху вниз.

2. Организовать открытые телефонные переговоры в звене батальон, полк, дивизия, содержание которых характеризовало бы прибытие на фронт новых частей»²⁷.

О работе органов Полевого управления по анализу и обобщению опыта боевых действий в тактическом звене достаточно полное представление дают и стенографические отчеты «Совещания представителей полков и дивизий Ленинградского фронта – участников Красноборской операции»²⁸, проведенного 6 апреля 1943 г. отделом боевой подготовки Полевого управления фронта²⁹.

От Полевого управления фронта в совещании приняли участие: командующий войсками фронта генерал-полковник Л.А. Говоров, начальник штаба фронта генерал-лейтенант Д.Н. Гусев, член Военного совета генерал-майор Т.Ф. Штыков, член Военного совета генерал-майор Н.В. Соловьев и начальник отдела боевой подготовки фронта генерал-майор Никитин³⁰.

Не менее важным направлением работы органов Полевого управления фронта по учету и внедрению накопленного в ходе

предыдущих боев опыта стала разработка указаний и инструкций, обобщающих опыт боевого применения родов и специальных войск. В этой связи, прежде всего, заслуживают внимания указания командующего фронтом, изложенные в приказе № 0086 от 5 апреля 1943 г. «По вопросам боевого распределения артиллерии и о расходе боеприпасов». В них, в частности, указывалось:

«Операции, проведенные 67-й и 55-й армиями, показали огромное значение ударных артиллерийских группировок как мощного резерва, обеспечивающего прорыв укрепленной полосы противника. Артиллерийский и минометный огонь нанес огромный урон живой силе и технике противника. Одновременно выявлен и ряд крупных недостатков в использовании ударных артиллерийских группировок, снизивших результат их воздействия на противника и эффективность действий наших войск и повлекших неоправданный перерасход боеприпасов...

В боевом распределении артиллерии допущены следующие ошибки:

Стрелковые дивизии перенасыщались артиллерией. Опыт показал, что командование сд может справиться только с ограниченным составом артиллерии ПП. Управление созданными в дивизиях группами общего назначения для массированных ударов и контрминометными группами сказалось непосильной задачей для командиров дивизий и их командующих артиллерией.

Артиллерийские дивизии не использовались централизованно для решения задач контрбатареиной, контрминометной борьбы и поддержки пехоты, а дробились по дивизиям; штабы артиллерийских дивизий и бригад выключались из управления.

Артиллерийские группировки, приданные дивизиям, несмотря на изменения задач последних, в ходе операции оставались неизменными; были случаи, когда сд, перейдя на вспомогательные направления или к обороне, сохраняли ударную группировку артиллерии, что вело к огромному перерасходу снарядов.

Порочность применявшегося метода распределения боеприпасов заключалась в том, что на все артиллерийские и минометные полки давался один и тот же лимит, без учета их тактического назначения; в соединении с указанными выше недостатками боевого распределения и управления это приводило к тому, что уже в первый период боя вся артиллерия быстро расходовалась.

ла весь свой лимит, а далее или обозначала огонь, или, как правило, выходила из лимита. При назначении лимита совершенно не учитывалось, что для обеспечения непрерывности артиллерийской поддержки вовсе не требуется непрерывно вести огонь всеми полками ударной артиллерийской группировки»³¹.

В приказной части командующий фронтом требовал с учетом вышеизложенного: устранить «гибельную равномерность артиллерийского огня в бою по времени и месту» и исключить возможность недопустимого перерасхода боеприпасов.

Не менее, на взгляд авторов, значимы и рекомендации по тактике действий танков в условиях лесисто-болотистой местности, разработанные начальником штаба БТ и МВ Ленинградского фронта полковником Полевым³². Некоторые положения и выводы из этого документа, как нам представляется, имеет смысл привести, так как они не могли не оказать влияния на планирование боевого применения танковых частей при подготовке к полному освобождению Ленинграда от блокады в начале 1944 г. Так, в пунктах 4 и 5 рекомендаций обращается внимание на то, что:

«4. <...> Боевое применение танков в лесисто-болотистой местности возможно в узких коридорах вдоль дорог, просек, полосок межболотных пространств, различных по ширине и иногда не параллельных друг другу. В этих условиях нельзя вести развернутым строем не только ТБ, но даже и танковую роту. При попытках развернуть фронт танковой атаки мы сталкиваемся с массовым застреванием танков в болотах. Узкий по фронту, но глубокий боевой порядок танковой части является невыгодным, он чрезвычайно уязвим ПТ огневыми средствами противника. При узком боевом порядке танковые части попадают в огневой мешок ПТ огневых средств противника и бесцельно несут потери.

5. В лесисто-болотистой местности, при преодолении боевыми порядками пехоты и танков узких полосок танкодоступной местности, где нет возможности развернуть в боевой порядок даже танковую роту, танки должны наступать за пехотой. При этом только головные танки, выполняющие роль танков разведки, смогут своим огнем поддержать наступление пехоты, а танки,двигающиеся за головными, обязаны находиться в готовности к боевому развертыванию, как только будет допускать местность...»³³

В заключительной же части рекомендаций в резюмирующей форме указывается: наступление в лесах требует установления тесного взаимодействия танков с пехотой, поэтому пехоту следует прикрепить к танкам из расчета: танк – стрелковый взвод, танковый взвод – стрелковая рота, танковая рота – стрелковый батальон, танковый батальон – стрелковый полк; там, где участок между дорогами покрыт густым толстым строевым лесом, то действия танков будут ограничиваться вдоль дорог и просек; на каждую дорогу, просеку для взаимной поддержки нужно иметь от одного взвода до роты танков.

Танки, как правило, следуют в боевых порядках пехоты в 50–100 м позади ее передовых подразделений, а отыскание целей для танков производит пехота. Для этого на каждом танке должно находиться 1-2 чел. проводников-показчиков цели; причем эти же проводники предупреждают танки от возможного попадания их в воронки, канавы и т. п.; в глубине обороны противника возможны завалы, засеки, минные поля и пр., поэтому вместе с танками должны следовать группы разграждения с необходимыми средствами, из расчета: одна разградгруппа на каждую дорогу, просеку, где будут действовать танки; танкам должны быть выделены орудия сопровождения танков батальонного и полкового типа, из расчета 2-3 орудия на каждую танковую роту. Пехота должна установить наблюдение за каждым танком и не давать своим огнем подходить противнику к ним.

Определенный интерес представляет и «Инструкция по организации исходных (контрольных) пунктов, при выдвижении войск на исходные рубежи», разработанная заместителем начальника оперативного отдела полковником А.Ф. Щегловым³⁴. Необходимость такой инструкции была вызвана, прежде всего, недостаточно развитой дорожной сетью на ТВД, что создавало значительные трудности при перегруппировках и оперативном сосредоточении войск.

Кроме того, как показал опыт зимне-весенних боев, необходим был жесткий контроль за выполнением графика выдвижения войск и приоритетами в прохождении пунктов «регулирования движения войск, занимающих исходное положение для наступления». На некоторых пунктах этого документа следует остановиться:

«3. Начальником контрольного пункта назначается один из ответственных командиров Оперативного отдела Штаба армии, в помощь ему выделяются два-три средних командира.

4. Начальник контрольного пункта подчиняется непосредственно начальнику Оперативного отдела Штаба армии. Последний вручает начальнику контрольного пункта график (план) прохождения частей (соединений) через исходные пункты и маршруты движения их на каждые сутки и указывает на особенности прохождения войсками как исходного пункта, так и всего маршрута; какие части (соединения) должны быть пропущены через исходный пункт и в первую очередь <...>

8. Несвоевременное прибытие частей на исходный пункт доносится немедленно как о чрезвычайном происшествии для принятия мер начальником оперативного отдела штаба армии к выяснению причин опоздания».

Важнейший вопрос по организации взаимодействия войск Ленинградского и Волховского фронтов решался следующим образом. За два дня до начала операции (20 июля 1943) командующему 67 А Ленинградского фронта (копия – командующему 8 А Волховского фронта) была направлена инструкция, разработанная начальниками оперативного отдела Ленинградского фронта генерал-майором Гвоздковым и управления связи генерал-лейтенантом И.Н. Ковалевым, следующего содержания:

«В соответствии с договоренностью с Волховским фронтом, Командующий войсками фронта приказал: для взаимодействия войск 67 А с войсками 8 А Волховского фронта руководствоваться следующими указаниями: Обменяться ориентирными схемами-картами. При пользовании ориентирной схемой-картой, установить следующий пароль: для ориентирной схемы-карты Ленинградского фронта “Луч”; для ориентирной схемы-карты Волховского фронта “Экран”.

На случай компрометации этих ориентирных схем-карт или одной из них, немедленно переходить на запасные ориентирные схемы-карты, для чего нач. штаба 67 А подготовить запасную ориентирную схему-карту, которой обменяться с 8 А не позднее 21.7.43 г. Пароль для запасных ориентирных схем-карт установить: для ориентирной схемы-карты Ленинградского фронта “Звезда”; для ориентирной схемы-карты Волховского фронта “Радуга”».

Уже после начала операции (28 июля 1943) командующим 67 А, 13 ВА, артиллерией Ленфронта и заместителю командующего артиллерией Ленфронта по ПВО были отправлены указания начальника штаба фронта Д.Н. Гусева по вопросам взаимодействия с авиацией дальнего действия. В них, в частности, обращалось внимание на то, что в ночь с 29 на 30 июля в период 1 ч. 00 мин. – 2 ч. 00 мин. авиация дальнего действия произведет разрушения опорных пунктов противника перед фронтом 67 А, цели № 1 и 4.

Командующий войсками Ленинградского фронта приказал обозначить передний край своих войск на всем участке 67 А кострами, согласно прилагаемой карте. Костры должны были быть выложены на удалении 1 км от переднего края войск. Расстояние между кострами по фронту – 800–1000 м. Время зажигания костров от 00 ч. 30 мин. до 2 ч. 00 мин. 30 июля.

Во избежание бомбежки своих частей, было решено топографически проверить, чтобы костры были выложены точно на удалении 1 км от переднего края. В случае бомбежки своих войск установить сигнал «прекратить бомбометание» – крест из пяти костров. На фронте 67 А подготовить такие «кресты», из расчета по одному на стрелковую дивизию. Сигнал «прекратить бомбометание» подается распоряжением командира дивизии.

В период действия авиации, т. е. с 00 ч. 30 мин. до 2 ч. 30 мин. зенитного огня не вести, несмотря даже на появление одиночных самолетов противника.

Также сообщалось, что для обеспечения выхода своих самолетов на цель в районе Липки будет выброшена к 16 ч. 00 мин. 29 июля приводная радиостанция ПАР и прожектор ПС–6, луч которого дается в направлении цели от зенита до горизонта. Кроме того, для авиации установлены входные ворота шириной 4 км, которые обозначаются двумя неоновыми маяками красного цвета. Первый установлен в районе РП № 1, второй – в районе РП № 4.

Порядок взаимодействия войск 67 А с Краснознаменным Балтийским флотом (КБФ) и задачи флота в предстоящей операции были изложены в оперативной директиве штаба Ленинградского фронта № 0027/оп от 13 июля 1943 г., а взаимодействие с Ладожской военной флотилией осуществлялось в соответствии с боевым распоряжением командующего фронта командующе-

му флотилией капитану первого ранга В.С. Черокову³⁵, № оп/1066сс от 23 июля 1943 г.

Полевое управление Ленинградского фронта во время подготовки и проведения операции «Брусилов» эшелонировалось по трем ПУ: командному пункту (КП), размещенному в Шуваловском дворце; второму эшелону штаба (ТПУ) – во Всеволожске; вспомогательному пункту управления (ВПУ) – Вирки (около озера Коркинское)³⁶. Командующий фронтом генерал-полковник Л.А. Говоров (во время подготовки и проведения операции «Брусилов») находился на КП фронта (Шувалово).

Из вышеизложенного видно, что третья операция по расширению Приладожского коридора готовилась с учетом недостатков, имевших место при проведении предыдущих наступательных операций.

22 июля в 6 ч. 35 мин. после полуторачасовой артиллерийской подготовки и массированного удара авиации войска 67 А перешли в наступление. Соединения армии частично взломали оборону противника, но развить первоначальный успех не сумели. Немецкое командование укрепило свою оборону резервами, перебросив на это направление 58-ю, 126-ю (из состава 16 А), а в конце операции 61-ю пехотные дивизии, и наступление советских войск было остановлено. Ожесточенные бои продолжались в течение месяца. Части 67 А неоднократно атаковали позиции немецких войск (неся при этом большие потери), но всякий раз, не добившись успеха, отступали.

21 августа командующий войсками Ленинградского фронта Л.А. Говоров вынужден был доложить в Ставку ВГК: «Ход развития наступательной операции Ленинградского фронта по прорыву укрепленной полосы противника на синявинском направлении принял совершенно особый по упорству боев характер. Основной и главной причиной, определившей особый характер операции, явилась способность противника к непрерывному восстановлению обороны путем последовательной смены по мере уничтожения дивизий одного обороняющегося эшелона дивизиями второго, затем третьего эшелона и т. д.»³⁷

22 августа поступила директива из Ставки ВГК № 30175 следующего содержания: «Дальнейшее наступление с 22 августа прекратить. Перейти к жесткой обороне на всех участках фронта, имея задачей прочно удерживать занимаемые рубежи. Все

войсковые соединения пополнить за счет ресурсов фронта, создать на главных направлениях резервы и готовить войска к наступательным действиям. Одновременно с этим вести активную разведку и вскрывать намерения противника».

Таким образом, операции по расширению коридора прорыва, проведенные силами войск Ленинградского и Волховского фронтов в период с февраля по конец августа 1943 г., оказались незавершенными. Разгромить мгинско-синявинскую группировку противника, освободить Кировскую железную дорогу и обеспечить прочную железнодорожную связь Ленинграда со страной не удалось.

Однако, надо заметить, несмотря на то, что эти операции успеха не имели, их обобщенный опыт лег в основу боевой и оперативной подготовки войск, способствовавший успешному решению задач в Красносельско-Ропшинской операции по полному освобождению города от вражеской блокады в январе 1944 г.

¹ Первый поезд с Большой земли пришел на Финляндский вокзал утром 7 февраля 1943 г. Железнодорожная линия Поляна – Шлиссельбург («Дорога победы») действовала с 6 февраля 1943 по 10 марта 1944 гг. На некоторых участках железнодорожное полотно находилось в 3–4 км от немецких артиллерийских позиций, за что линию Поляна – Шлиссельбург часто именовали «коридором смерти».

² По плану операции «Искра» (12–30 января 1943) коридор должен был быть значительно шире. Однако противнику удалось удержать Синявинские высоты и железнодорожный узел Мга. Сосредоточив здесь значительные силы, противник продолжал угрожать сухопутным коммуникациям города.

³ Действия Волховского фронта (в рамках нашей статьи) мы будем рассматривать только в контексте взаимодействия его с войсками Ленинградского фронта. – *Прим. авт.*

⁴ В некоторых источниках эта операция упоминается под названием «Красноборской». См., напр.: История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1974. С. 329.

⁵ В различных источниках эта операция называется по-разному: Мгинской операцией Ленинградского и Волховского фронтов. – См.: История Второй мировой войны: В 12 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 7. С. 165; Мгинской операцией – 1943. – См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 438; операцией «Брусиллов». – См.: ЦАМО РФ. Ф. 424. Оп. 10246. Д. 69. Л. 86. В немецкой исторической литературе бои в районе Мги в июле – сентябре 1943 г. именуются «Третьей битвой у Ладожского озера» (нем. Dritte Ladoga-Schlacht).

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 4430. Л. 119–123.

⁷ Духанов Михаил Павлович (2 июля 1896 – 2 сентября 1969), генерал-лейтенант (1943). Участник Первой мировой войны, поручик. В Красной армии с 1918 г. В 1921 г. окончил Военную академию РККА. Занимал должности перед Великой Отечественной войной: начальника штаба кавалерийской дивизии, начальника оперативной части штаба кавалерийского корпуса, преподавателя Военно-технической академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского, начальника Ульяновской бронетанковой школы, начальника отдела управления вузов РККА, заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа. С августа 1941 г. помощник командующего войсками Северного фронта, а с 10 октября 1942 г. – командующий 67-й армией Ленинградского фронта. Армия под командованием М.П. Духанова приняла участие в операции по прорыву блокады Ленинграда (в январе 1943). Похоронен в Санкт-Петербурге на Богословском кладбище.

⁸ Перед началом операции в распоряжение командования Ленинградского фронта прибыла 13-я штурмовая инженерно-саперная бригада – специальное соединение для прорыва укрепленной обороны противника. Весь личный состав бригады был вооружен автоматами, владел опытом взрывных работ, имел на вооружении специальные (дымовые и с термитной смесью) гранаты. Кроме того, все солдаты были защищены стальными нагрудниками. Командование фронтом приняло решение придать бригаду побатальонно стрелковым дивизиям. – См.: Фомин А.И. На семи фронтах. М.: Воениздат, 1989. С. 271–273.

⁹ Шигин Г.А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери / Под ред. Н.Л. Волковского. СПб.: Изд-во «Полигон», 2004. С. 219–224.

¹⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. Табл. 142.

¹¹ Георг Линдеман (8 марта 1884 – 25 сентября 1963), генерал-полковник (1942). Участник Первой мировой войны. Окончил Военную академию Генерального штаба. Командовал полком, дивизией, корпусом. 50-й корпус Линдемана отличился в боях за Ленинград (при окружении 2-й Ударной армии). В 1942 г. назначен командующим 18-й армией. В честь генерала в 1942 г. Гатчина (Красногвардейск) была переименована в Линдеманштадт (Lindemannstadt).

¹² Координировавшим наступательные действия Ленинградского и Волховского фронтов.

¹³ В отчете сохранены все стилистические особенности, сокращения, условные обозначения и термины, присущие военной документации того времени. Погрешности текста, имеющие смысловое значение, оговорены в подстрочных примечаниях, явные опечатки исправлены без оговорок.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2185. Л. 96–98.

¹⁵ КА (командующий армией) – так в стенограмме. – *Прим. авт.*

¹⁶ Штаб – штаб армии. – *Прим. авт.*

¹⁷ Свиридов Владимир Петрович (до 1930 – Филимон Петрович Свирид), генерал-лейтенант артиллерии (25 ноября 1897, Могилевская обл. – 3 мая 1963, Ленинград). Окончил учительскую семинарию, ускоренный курс Виленского военного училища (1916), Высшую артиллерийскую школу (1922), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1930), Военную академию Генштаба (1938). Участник Первой мировой войны, командир взвода, поручик. В 1938–1941 гг. начальник артиллерии Белорусского Особого, Ленинградского военных округов. В начале Великой Отечественной войны начальник артиллерии Се-

верного фронта, затем начальник артиллерии – заместитель командующего Ленинградским фронтом. Один из организаторов обороны Лужского рубежа. С ноября 1941 г. командующий 55-й армией. После окончания войны – Верховный комиссар Австрии. Похоронен в Санкт-Петербурге на Богословском кладбище.

¹⁸ сд – стрелковые дивизии.

¹⁹ Имеется в виду операция по прорыву блокады Ленинграда.

²⁰ Начарт – начальник артиллерии.

²¹ ксп – командир стрелкового полка.

²² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2185. Л. 97.

²³ Через три дня после проведенного совещания с Военным советом 55-й армии (т. е. 15.03.1943). – *Прим. авт.*

²⁴ Здесь, вероятно, имеется в виду объединение (т. е. сведение) подразделений, понесших значительные потери и потерявших боеспособность. – *Прим. авт.*

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2185. Л. 108.

²⁶ Там же. Л. 109–112.

²⁷ Там же. Л. 112.

²⁸ Коршунов Э.Л. Красноборская наступательная операция (10 февраля – 2 апреля 1943) // Исторический архив. 2010. № 2. С. 95–136.

²⁹ Круг заранее подготовленных (отделом боевой подготовки) и разосланных в войска вопросов был достаточно широк: ведение боя в лесисто-болотистой местности, знание противника, боевое обеспечение, построение боевого порядка, управление огнем, организация связи, организация взаимодействия с артиллерией и танковыми частями и подразделениями, техническое и тыловое обеспечение и др.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2185. Л. 117.

³¹ Там же. Ф. 424. Оп. 10246. Д. 69. Л. 131, 132.

³² Полевой Николай Андреевич, генерал-майор (1906–1976). В РККА в 1930–1946 гг. Участвовал в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг., в Великой Отечественной войне – помощник начальника штаба 40-й танковой бригады, начальник штаба 268-й стрелковой дивизии, начальник управления командующего БТ и МВ Ленинградского фронта, начальник оперативного отдела штаба 3-й Гвардейской танковой армии, начальник штаба управления БТ и МВ Белорусского военного округа. Генерал-майор. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова, Отечественной войны, медалями. После войны работал в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина – начальник штаба Гражданской обороны.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3300. Л. 9–13.

³⁴ Щеглов Афанасий Федорович – генерал армии, Герой Советского Союза, (2 (15) января 1912, Тверская обл. – 28 января 1995 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве). В Красной армии с сентября 1929 г. В 1933 г. окончил Объединенную военную школу ВЦИК в Москве. В 1939 г. Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе. Член ВКП(б) в 1939 г. С мая 1939 г. – начальник штаба 290 артиллерийского полка 104-й стрелковой дивизии. С июля того же года – помощник начальника отделения оперативного отдела штаба 7-й армии Ленинградского военного округа. В этой должности А.Ф. Щеглов участвовал в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С августа 1940 г. – старший помощник начальника отделения оперативного отдела штаба Ленинградского военного округа. С июня 1942 г. – заместитель начальника оперативного отдела штаба Ле-

нинградского фронта (с перерывом в сентябре – октябре 1942, когда командовал 3-й отдельной лыжной бригадой).

³⁵ Чероков Виктор Сергеевич, советский и польский вице-адмирал (10 (23) ноября 1907, Ордубад – 30 декабря 1995, Москва), командующий Ладожской военной флотилией (1943). Окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе (1930), командный факультет Военно-морской академии (1939). После Великой Отечественной войны командующий ВМФ ПНР (1950–1953); с 1960 по 1970 гг. начальник кафедры Военной академии Генштаба.

³⁶ В конце XVIII – начале XIX вв. в Корках и Вирках (близ озера Коркинского) находилась мыза графов Остерманов-Толстых.

³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143. Л. 202.

С.А. Иватук (Волгоград)

**НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ОБЪЕДИНЕНИЕ:
ПРОЕКТ 1918 ГОДА ПО ПЕРЕВОДУ
ПРОИЗВОДСТВ ОБУХОВСКОГО
СТАЛЕЛИТЕЙНОГО ЗАВОДА В ЦАРИЦЫН**

В ГОД СТОЛЕТИЯ революционных событий 1917 г. в России стоит вспомнить, что существенные изменения в этот период коснулись практически всех отраслей как политической и общественной жизни российского общества, так и военно-промышленной сферы. Смена власти и последовавшая за этим Гражданская война охватили всю территорию государства, от столицы до маленьких провинциальных городов.

Так, в 1918 г. в связи с организацией Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) встал вопрос о формировании в ее составе отдела по вооружению. На него возлагался ряд важных функций по учету вооружений и снабжению ими армейских подразделений. Кроме этого, отдел должен был заниматься организацией и контролем производства на пушечных и артиллерийских заводах¹. Первый год работы Главного артиллерийского управления – органа отдела по вооружению, выявил ряд существенных недостатков в работе военно-промышленного комплекса страны. Все это усугублялось угрозой наступления Белой армии и интервентов на северо-западном и южном направлении фронтов Гражданской войны. В сложившейся обстановке артиллерийские заводы требовали принятия экстренных решений по повышению их производительности, оптимизации производств, а в некоторых случаях и эвакуации под угрозой прорыва к ним войск противника².

Одной из таких непростых задач стала эвакуация Обуховского сталелитейного завода в 1918 г. в Нижнее Поволжье. Ему

предстояло объединение с Царицынским орудийным заводом, основанным накануне Первой мировой войны и имевшим хорошую базу для артиллерийского производства, которая с 20 сентября 1917 г. находилась в ведении государства и в подчинении у морского ведомства³. Из ряда источников, хранящихся как в государственных, так и в региональных архивах, становятся известны подробности этого достаточно сложного и наполненного трудностями процесса, который объединил бы два промышленных гиганта оружейного производства России начала XX в., но до конца так и не был доведен.

Правительство, оказавшееся в начале 1918 г. в кольце фронтов молодой Советской республики приняло решение об эвакуации части заводов вглубь страны. 27 марта 1918 г. на совещании Артиллерийского отдела Главного управления кораблестроения обсуждались темы, связанные с эвакуацией Обуховского сталелитейного завода. В первую очередь рассматривался порядок транспортировки грузов из района Петрограда на Царицынский орудийный завод. Эшелоны с оборудованием и деталями должны были следовать по маршруту: Ярославль – Нижний Новгород – Царицынский завод⁴.

Эвакуируемое имущество решено было разделить на три категории:

- 1-я – все, что может быть немедленно использовано для дальнейшей борьбы с противником (артиллерийские орудия различных калибров, готовая оптика, ценные металлы);
- 2-я – все, что может быть использовано в ближайшее время (пушки и станки среднего калибра, заводские станки);
- 3-я – все, что не может быть использовано, но представляет ценность для противника (оборудование, имеющее специальное артиллерийское назначение)⁵.

Для централизации процесса эвакуации с 1 апреля 1918 г. при Артиллерийском отделе Главного управления кораблестроения начала действовать специальная Комиссия по эвакуации. Она создавалась для «планомерного и целесообразного» осуществления переноса производства Обуховского сталелитейного завода на Царицынский орудийный завод. Ее председателем был назначен Г.Н. Пелль – бывший офицер Российского императорского флота, участник русско-японской войны и Цусимского сражения. В состав комиссии вошли Е.А. Беркалов – ученый в облас-

ти морской артиллерии, В.В. Чорбо, А.Г. Броневской, Р.И. Горленко, В.И. Суковотицын и др. Комиссией по эвакуации 16 апреля 1918 г. было утверждено, что в Царицыне должно быть сосредоточено производство артиллерии, снарядов, брони, мин и полуфабрикатов металлургии⁶.

Работа комиссии сразу же столкнулась с рядом причин, тормозящих процесс эвакуации. 23 апреля 1918 г. состоялось заседание Совета управления делами заводов морского ведомства, на котором рассматривались текущие вопросы. В том числе обсуждались и трудности, возникшие в ходе «пересадки некоторых производств заводов Морского комиссариата на Царицынский завод». В частности, обсуждались вопросы, связанные с необходимостью срочного перемещения станков и некоторых механизмов для «немедленного пуска в ход Металлургических и Механических оборудований» на Царицынском орудийном заводе⁷. Молодой Красной армии требовалось оружие и боеприпасы, поэтому уточняющие указания содержались в Протоколе № 1, в котором говорилось о том, чтобы «направить в первую очередь с Обух. завода готовые и полуготовые изделия и все оборудование для полевой артиллерии или могущей быть приспособленной, как полевая»⁸.

Энергичным действиям Комиссии по эвакуации постоянно мешали какие-то трудности. Одной из них было полное отсутствие с марта 1918 г. финансирования Царицынского орудийного завода. Для решения этой проблемы 24 апреля 1918 г. по рекомендации председателя Комитета хозяйственной политики Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) Ю.М. Ларина делегация рабочих завода была принята В.И. Лениным. Кроме общих вопросов, связанных с жизнедеятельностью завода, на встрече обсуждалась и эвакуация производств в Царицын с Обуховского и Ижевского заводов. «Вождь пролетариата» сделал себе пометки по итогам этой встречи – «Части отпустить с Обух[овского] и Ижев[ского] з[аво]дов»⁹. По окончании беседы В.И. Ленин пообещал положительное решение поднятых проблем.

Возможно, именно после этой встречи в конце апреля 1918 г. активизировались работы по переброске заводского оборудования в Царицын. В частности, 25 апреля Г.Н. Пель сообщал, что для этой цели к Обуховскому заводу в ближайшее время

будут поданы из Петроградского порта несколько барж грузоподъемностью 125 000 пудов¹⁰. И вновь, несмотря на оптимистичные доклады председателя комиссии, даже через месяц этих барж не было в наличии у Обуховского завода. Очередная просьба о срочной отправке 2-х железных барж для погрузки крупных готовых орудий поступила в Морской генеральный штаб 22 мая 1918 г.¹¹ Для этой же цели с Балтийского судостроительного завода был затребован 100-т плавучий кран¹². В это же время в Царицыне Комиссия по эвакуации также столкнулась с новыми трудностями. Было обнаружено, что на Волге тоже нет соответствующего оборудования, теперь уже для разгрузки. Чтобы как-то решить вопрос, 27 мая 1918 г. Г.Н. Пелль обратился с просьбой в Эвакуационную комиссию морского комиссариата об отправке к царицынским верфям из Петрограда одного плавучего крана мощностью в 100 т и 2-х плавучих кранов меньшей мощности¹³.

К тому же, в конце мая 1918 г. на Царицынском заводе сложилась крайне тяжелая обстановка в финансовом отношении, ввиду того, что вопрос с выделением 8 млн кредита «для пуска завода в ход» оставался открытым. Заведующий хозяйственной частью Народного комиссариата по морским делам докладывал 30 мая 1918 г. в Высший военный совет, что, если в ближайшее время не решится вопрос с кредитом, «будет расхищено имущество завода (Царицынского. – *Авт.*), что грозит потерей дорогих металлов и оборудования, как Царицынского завода, так и эвакуированных туда частей Обуховского завода»¹⁴.

К этому времени работы на предприятии были приостановлены. «В связи с политическим положением» эвакуация Обуховского завода в Царицын была временно отменена¹⁵. Основная причина остановки эвакуации состояла в том, что сформированная в мае 1918 г. атаманом П. Красновым Донская армия перешла в наступление на большевиков. Намечая себе цели для удара, П.Н. Краснов решил опереться на Царицын как важный железнодорожный узел и плацдарм для броска в Среднее Поволжье. Соответственно, над городом нависла угроза. Такая обстановка складывалась во многих регионах страны. Как сообщал в это время в Высший военный совет главный начальник снабжения РККА, «целый ряд пунктов, намеченных арсеналу как базы, оказался под ударами»¹⁶.

Тревожные вести из Царицына заставили в начале июня 1918 г. принять решение о закрытии «по стратегическим соображениям» орудийного завода. С таким же решением была направлена телеграмма Народному комиссару Царицына И. Сталину¹⁷. Выполняя требования руководства, правление Обуховского сталелитейного завода задержало движение грузов с оборудованием, следовавших в Царицын, а руководство Царицынского орудийного завода, в свою очередь, прекратило работы по подготовке и приему эвакуируемых производств. В связи со всем этим на заводе в Царицыне создалось «неопределенное положение в смысле его настоящей и будущей деятельности»¹⁸.

По этим причинам еще 8 июня 1918 г. на заседании Комиссии по эвакуации было принято решение об отправке в Москву председателя комиссии Г.Н. Пелля, который должен был поднять вопрос о дальнейшей судьбе эвакуируемого с Обуховского завода имущества. К середине июня 1918 г. войска Донской армии захватили ряд населенных пунктов на царицынском направлении и предпринимали попытки наступления на город¹⁹. Ввиду сложившейся опасной обстановки, необходимо было оперативное решение о выборе других заводов для организации производства артиллерийских орудий и припасов для Красной армии. Такими заводами могли бы стать Сормовский или Пермский, последний из которых к середине 1918 г. был единственным из заводов, не подлежащим эвакуации²⁰.

Через месяц, 6 июля 1918 г. на заседании Комиссии по эвакуации был заслушан доклад председателя комиссии, который к этому времени вернулся из Москвы после встречи с заведующим хозяйственной частью Народного комиссариата по морским делам. На этом заседании было принято решение о переброске производств и материалов с Обуховского завода в более безопасный район, которым Царицын на данный момент не являлся («вследствие угрожаемости г. Царицыну быть занятым неприятелем»²¹). Стоит отметить, что примерно в это же время в Царицыне правительственный инспектор орудийного завода докладывал И. Сталину, что с 4-х часов 9 июля 1918 г. завод закрыт, а 11 числа был выдан расчет мастеровым и служащим предприятия²².

Тем не менее, с полным расчетом рабочих Царицынского орудийного завода постоянно возникали трудности. По ряду при-

чин Советом народных комиссаров было отказано в утверждении кредита на оружейный завод Царицына. До конца июля 1918 г. от Комиссариата финансов удалось лишь добиться одобрения на выделение сверхсметного кредита в сумме 2,5 млн р. для эвакуации из Царицына имущества Обуховского завода в Пермь, а также на перевод в Казань производств Царицынского оружейного завода²³.

В августе 1918 г. Главное управление военной промышленности констатировало, что «Царицынский Оружейный завод закрыт 11 июля». При этом уточнялось, что «завод, как предприятие по изготовлению предметов военного снаряжения, функционировать не будет и военных оборудований с Обуховского и иных заводов, эвакуируемых районов <...> направлено также не будет»²⁴. Тем не менее городское руководство искало пути сохранения такой важной и технически хорошо оснащенной базы, как Царицынский оружейный завод, выдвигая предложения о возможном его использовании в качестве паровозоремонтной базы. Дело в том, что в период наступления Донской армии на Царицын оружейный завод стал для Красной армии основной базой по ремонту и формированию бронепоездов, бронекатеров и бронемашин, так как специалистами именно этого предприятия осуществлялся ремонт вооружения и установка его на технику²⁵.

21 сентября 1918 г. постановлением Совета народных комиссаров № 10884 было принято решение об ассигновании 2 500 000 р. из Государственного казначейства в распоряжение Народного комиссариата по морским делам. При этом 1 000 000 р. выделялся на расчет с увольняемыми рабочими, а 1 500 000 р. – на эвакуацию Обуховского завода из Царицына в Казань и Пермь²⁶. Несмотря на неоднократные попытки местного царицынского руководства вступить за оружейный завод, аргументируя это необходимостью его услуг по ремонту бронемашин, пулеметов и другого вооружения Северо-Кавказского фронта. Народный комиссар по военным делам Л. Троцкий был непреклонен и подтвердил окончательное решение о закрытии завода и расчете рабочих²⁷.

В начале декабря 1918 г. тема возобновления производства на Царицынском оружейном заводе была вновь поднята на коллегии Народного комиссариата по морским делам. В связи с тя-

желым положением на фронтах Гражданской войны, острой необходимостью в артиллерийских орудиях (в том числе 4-дюймовых) и при этом невозможностью восполнить их недостаток силами Обуховского завода, 9 декабря 1918 г. было выдвинуто предложение возобновить их производство в Царицыне на базе орудийного завода. Для изготовления пушек планировалось использовать поступившие в город, в период слияния двух заводов, полуфабрикаты орудий различного калибра²⁸.

Удаление или приближение фронта к Царицыну стало условным «барометром» по вопросу закрытия орудийного завода или налаживанию его функционирования в полную силу. Так, в феврале 1919 г. после отражения уже третьего наступления Донской армии на Царицын заводоуправлением был разработан план по преобразованию предприятия в «ремонтно-пароходо-паровозный» завод²⁹. Но события на фронте вновь внесли свои коррективы. В конце июня 1919 г. под угрозой наступления Кавказской армии П. Врангеля на Царицын правлению орудийного завода был отдан приказ на эвакуацию уже непосредственно самого предприятия. Баржи и железнодорожные вагоны с имуществом завода были направлены в Нижний Новгород, а оттуда в Пермь³⁰. По окончании Гражданской войны орудийный завод в Царицыне был восстановлен, но уже под новым названием – «Баррикады»³¹.

В настоящее время уже ничто не напоминает о несостоявшемся объединении двух орудийных заводов начала XX в., которые впоследствии выросли в мощнейшие современные предприятия военно-промышленного комплекса России, такие как АО «ГОЗ Обуховский завод» (г. Санкт-Петербург) и АО «ФНПЦ «Титан-Баррикады». Лишь иногда история напоминает о событиях столетней давности. Так, в 2015 г. в фонды музея-заповедника «Сталинградская битва» поступил ствол артиллерийского орудия, который был найден при строительстве автодороги в одном из районов Волгограда³². Сотрудниками музея было проведено атрибутирование данного предмета, в чем им оказали помощь коллеги из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. В результате удалось установить, что ствол принадлежал одной из 87-мм легких полевых пушек обр. 1877 г., отлитой на Обуховском заводе. Именно такого типа орудия использовались для оснащения бронепоездов и бронекатеров в пе-

риод обороны частями РККА Царицына в 1918 г. Изучив чертежи установки орудий таких типов на бронеплощадках, можно с большой долей вероятности утверждать, что этот ствол был одной из составляющих продукции, которую удалось эвакуировать с Обуховского завода³³.

¹ Бумагин А.А. Из истории деятельности Главного артиллерийского управления (1918–1919 гг.) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. II. Л., 1958. С. 77–78.

² Там же. С. 91.

³ Воронков А., Григорьев Г., Карапетян Г., Рябев А., Семенихина Г. Баррикадцы. Волгоград, 1989. С. 89.

⁴ РГА ВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота). Ф. Р-360. Техническое управление Управления Военно-Морских Сил РККА. Оп. 1. Д. 355. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об. – 3 об.

⁶ ГАВО. (Государственный архив Волгоградской области). Ф. 34. Царицынский оружейный завод РАОАЗ. Оп. 1. Д. 565. Л. 10.

⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1302. Морская часть при Совете военной промышленности. Оп. 1. Д. 4. Л. 217–224 об.

⁸ ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 565. Л. 3.

⁹ 1917 год в Царицыне (Сборник документов и материалов) / Под ред. М.Я. Клейнман. Сталинград, 1957. С. 110–115.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 355. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 47.

¹² Там же. Л. 49.

¹³ Там же. Л. 55–55 об.

¹⁴ Там же. Ф. Р-5. Управление делами Народного комиссариата по морским делам. Оп. 1. Д. 238. Л. 57–57 об.

¹⁵ Там же. Л. 59.

¹⁶ Бумагин А.А. Указ. соч. С. 91.

¹⁷ РГАСПИ. (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 558. Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). Оп. 1. Д. 5655. Л. 13.

¹⁸ ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 565. Л. 12.

¹⁹ Генкина Э. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940. С. 84–86.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 354. Л. 25; Бумагин А.А. Указ. соч. С. 91.

²¹ Там же. Л. 35–36.

²² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5655. Л. 5.

²³ РГА ВМФ. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 335. Л. 260.

²⁴ ГАВО. Ф. Р-127. «Производственное объединение “Баррикады”». Оп. 1. Д. 4. Л. 94.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 304. Л. 1; Д. 320. Л. 1; Горбункова В. Рабочие Царицына в обороне своего города в 1918 году // Исторический журнал. Кн. 5-6. (117-118). М., 1943. С. 71–72; Воронков А., Григорьев Г., Карапетян Г., Рябев А., Семенихина Г. Указ. соч. С. 121–123.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-360. Оп. 1. Д. 335. Л. 258.

²⁷ Там же. Л. 259–259 об.

²⁸ Там же. Л. 257.

²⁹ ГАВО. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 4. Л. 115–125.

³⁰ Воронков А., Григорьев Г., Карапетян Г., Рябец А., Семенихина Г. Указ. соч. С. 127–128.

³¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 2097. Учреждения по руководству военной промышленностью. Оп. 4. Д. 2068. Л. 32, 34 об., 35 об.; ГАВО. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 103. Л. 219.

³² Иванюк С.А. Музей и наука – неразрывная связь // Ежегодник 2015 / Министерство культуры РФ, ФГБУК «ГИМ музей-заповедник «Сталинградская битва»». Волгоград, 2015. С. 16.

³³ ГАВО. Ф. Р-127. Оп. 1. Д. 276. Разные чертежи.

К.Г. Игошин, В.Р. Новоселов (Москва)

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛЕВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ РОССИИ

В 2012 г., когда в России широко отмечался юбилей Отечественной войны 1812 г., авторы пришли к выводу о необходимости объединить свои усилия в изучении трофейной наполеоновской артиллерии: единой по своему происхождению коллекции, оказавшейся в XX в. разделенной между несколькими музейными собраниями России.

Уже тогда стало ясно, что данные, содержащиеся в первом и единственном исследовании коллекции, сделанном в 1911 г. членом Особого Комитета по устройству в Москве Музея 1812 г. артиллерии генерал-майором В.А. Петровым¹, нуждаются в существенной корректировке, связанной с актуальным состоянием этой коллекции и новыми сведениями, полученными в ходе ее изучения. В течение нескольких лет велось совместное изучение находящихся в Кремле орудий, архивных документов и литературы, были выработаны общие подходы к описанию и измеру стволов, накоплен значительный статистический материал. Были выявлены и описаны части коллекции, покинувшие в XX в. стены Кремля², предпринята попытка дать краткое описание современного состояния оставшейся в Кремле коллекции трофейных орудий³.

В 2015 г. был сделан опыт критического осмысления значения коллекции как исторического источника и перспектив его изучения⁴. Иных обобщающих работ, пусть даже на основании данных, полученных на промежуточных этапах исследования, опубликовано не было. Тем более, не было попыток присоединить к массиву памятников бывшей «Кремлевской коллекции» трофейные орудия из других собраний.

Идея этой статьи появилась весной 2014 г., когда в Москву приезжал коллега из Парижа, исследователь истории французской артиллерии периода революционных и наполеоновских войн Патрик Эресманн (Patrick Ehresmann)⁵. Одним из мест, которые мы осмотрели, был Музей-панорама «Бородинская битва», в особенности коллекция трофейных орудий, украшающих стилобат этого музея. Изучающий продолжительное время историю материальной части артиллерии французский исследователь смог, наконец, увидеть довольно значительное собрание сохранившихся орудий, получил возможность сравнить орудия, изготовленные на разных производствах, увидел разницу в оформлении и устройстве прицельных приспособлений, смог прикоснуться к памятникам, с которыми прежде был знаком только по чертежам. При этом многое из увиденного, по словам французского исследователя, ставило вопросы, требующие детальной проработки.

В дальнейшем, переписка с ним и другими зарубежными коллегами позволила выделить список обсуждаемых за рубежом проблемных тем, важные сведения по которым заключены в массиве находящихся в России трофейных французских орудий наполеоновского периода.

- Количество литейных и соотношение объемов произведенных артиллерийских орудий.
- Соотношение производства и использования орудий системы Грибовала и системы XI г.
- Использование не французских (трофейных) орудий французскими артиллерийскими ротами.
- Технические и декоративные особенности орудий, сделанных на разных литейных.

Имеющиеся в научном обороте сведения по этим вопросам не позволяют прийти к однозначным заключениям. Между тем, детальное рассмотрение колоссальной по своим размерам коллекции российских трофеев дает богатый материал для структурирования и анализа, позволяя в ряде случаев завершить дискуссию либо значительно сузить рамки обсуждения.

Сумма находящихся в настоящее время на территории России трофейных французских орудий периода наполеоновских войн складывается из трех разновеликих «коллекций». Первая и самая многочисленная из них, это «Кремлевская коллекция.

Стволы орудий-трофеев кампаний 1812 г. собраны в Московском Кремле в период 1813–1819 гг. Библиографию по истории этой коллекции мы уже привели выше.

В своей работе генерал В.А. Петров посчитал, что в Кремле находилось 358 стволов французского производства разных типов и калибров. На основании исследований последних лет удалось, в целом, локализовать местонахождение почти всех этих орудий. По нашему мнению в это число ошибочно попало несколько орудий не французского производства. Одна из таких пушек находится сейчас в коллекции Музея-панорамы «Бородинская битва» и была подробно описана нами ранее⁶. По своему устройству она скорее напоминает баварские пушки, но отличается от них в некоторых важных размерах. В будущем мы планируем вернуться к атрибуции этих орудий, в данном исследовании они рассматриваться не будут. Таким образом, сумма орудий из прежней «Кремлевской коллекции», которые мы сегодня можем уверенно определить как изготовленные во Франции для французской полевой артиллерии, составляет 350 штук.

В настоящее время они находятся в коллекциях следующих музеев: Музеи Московского Кремля – 297 орудий, Музей-панорама «Бородинская битва» – 30 орудий, Бородинский военно-исторический музей-заповедник – 21 орудие, Государственный исторический музей – 2 орудия.

Из этого числа 10 находящихся в Кремле орудий пока не были осмотрены и подвергнуты фотофиксации из-за труднодоступности расположения, и в данном исследовании будут учтены лишь некоторые известные их параметры. Из числа остальных 287 также есть необходимость уточнить отдельные данные у 57 стволов (в большинстве случаев вес или номер). 53 орудия, находящиеся вне стен Кремля, были изучены максимально подробно, в том числе методом измерений⁷.

Второй самостоятельной с точки зрения формирования и бытования является коллекция иностранных орудий Артиллерийского исторического музея (АИМ) в Санкт-Петербурге. В ее состав, в частности, входят как трофеи кампаний против французов 1799–1807 гг., так и трофеи Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. К сожалению, современное состояние историографии не позволяет достоверно установить обстоятельства пленения для большинства этих орудий.

Также как и в случае с «Кремлевской коллекцией», коллекция Артиллерийского исторического музея в XX в. была частично передана другим музеям, однако основная ее часть продолжает храниться в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС).

Существует всего два издания, в которых содержатся интересные нас сведения о трофейных орудиях. Это изданный в 1889 г. 3-й том Каталога Артиллерийского музея, составленный выдающимся российским историком и археологом, начальником музея генерал-майором (позднее генерал-лейтенантом) Н.Е. Бранденбургом⁸. А также составленное в 1862 г. заведующим Достопамятным залом И.Д. Талызиным и изданное в 2006 г. «Описание артиллерийского зала достопамятных и недопамятных предметов»⁹.

На основании содержащихся в этих изданиях сведений мы выделили 13 имевшихся в музее в XIX в. орудий, которые можно отнести к интересующему нас периоду. Одно из них сейчас находится в составе коллекции Государственного исторического музея в Москве (оно было изучено наиболее подробно), другое в Государственном мемориальном музее А.В. Суворова в Санкт-Петербурге. Из оставшихся 11 орудий девять нам удалось идентифицировать в современной экспозиции ВИМАИВиВС. Судьбу еще двух орудий при подготовке данной работы выяснить не удалось. Возможно, они также находятся в коллекции музея, но в фондах. Все 13 орудий учтены в данном исследовании, но для двух не обнаруженных мы использовали только сведения, предоставляемые каталогом Н.Е. Бранденбурга. Остальные орудия были осмотрены нами¹⁰.

Наконец, третьей частью суммы трофеев являются орудия-трофеи 1812 г., найденные после окончания формирования «Кремлевской коллекции» и оставшиеся на местах (в местных музеях или как часть мемориальных композиций). В настоящее время нами выявлено только одно сохранившееся такое орудие: в Смоленске, в составе памятника защитникам Смоленска 4–5 августа 1812 г. в Лопатинском саду¹¹. Этот образец также был исследован максимально подробно¹².

Таким образом, общее количество выявленных нами орудий французского производства – трофеев эпохи наполеоновских войн в российских музеях составило 364 штуки. Их распреде-

ление по типам, калибрам и музеям можно увидеть в Приложении 1.

Как мы уже писали в предыдущих работах¹³, массив собранных после кампании 1812 г. в Москве трофейных орудий составляет более 75 % от общего числа орудий Великой армии и союзных континентов. Но если вычесть из этого числа артиллерию вспомогательного Австрийского и X армейского корпусов, действовавших на фланговых направлениях и почти не понесших потерь в орудиях, то оставшиеся в России стволы составят порядка 85 % от артиллерии основной группировки Наполеона и вспомогательных корпусов, разгромленных на Березине и под Вильно. На этом основании мы полагаем, что рассматриваемая группа французских орудий является не просто репрезентативной выборкой, а дает весьма полное представление о состоянии материальной части наполеоновской артиллерии рассматриваемого периода.

Имеющийся в России массив трофейных французских орудий показывает, что в период революционных и наполеоновских войн (до 1813) во Франции действовало как минимум пять крупных производственных центров бронзовых орудийных стволов. Четыре из них (в Страсбурге, Дуэ, Меце и Турине) располагались на границах государства, позволяя снабжать армии на местах сосредоточения, еще одним производственным центром был Париж¹⁴.

Следует обосновать, почему мы относим орудия, произведенные в Турине, к французским. В период оккупации Пьемонта 1802–1814 гг. эта территория была включена в состав Франции, конскрипты – местные уроженцы – пополняли французскую армию, а на местной литейной было организовано изготовление орудий принятой в это время во Франции так называемой «системы XI г.» (An XI). На всех изготовленных в этот период в Турине орудиях нанесена французская система обозначений, а начиная с 1805 г. и императорский вензель, как признак национальной принадлежности. Сравнение туринских орудий и орудий, изготовленных для армии Итальянского королевства в Павии, при общем конструктивном сходстве показывает существенную разницу в их оформлении¹⁵.

Находящиеся в России французские орудия по месту производства распределяются следующим образом:

Страсбург – 146 орудий (40 % от общего числа французских трофеев).

Дуэ – 90 орудий (25 %).

Мец – 60 орудий (16,5 %).

Турин – 32 орудия (около 9 %).

Париж – 31 орудие (8,5 %).

Прочие – 5 орудий¹⁶ (более 1 %).

Разбивку по типам и калибрам, с указанием временного диапазона производства можно увидеть в Приложении 2. Обращает на себя внимание, что литейные в Страсбурге и Дуэ представлены орудиями, изготовленными еще в 60-х гг. XVIII в., когда система Грибоволя только была принята на вооружение (с 1765), и эти же литейные дали основное количество новых орудий уже в XIX в. Париж представлен только орудиями, произведенными в 90-е гг. XVIII в. Литейные в Меце и Турине представлены только новыми орудиями системы An XI, изготовленными главным образом в середине 1800-х гг.

Основную часть французских орудий в кампании 1812 г. составляли орудия системы An XI – 6-фунтовые пушки и 5,6-дюймовые гаубицы, которые предназначались для вооружения рот дивизионной артиллерии. При этом большая часть гаубиц была отлита в 1805-м, а большая часть 6-фунтовых пушек была изготовлена в период 1807–1809 гг. Несколько отличается ситуация для литейной в Турине, большая часть орудий которой изготовлена в 1804–1807 гг. Кроме того, только в Турине были произведены трофейные 12-фунтовые пушки системы An XI.

Вопрос одновременного сосуществования во французской артиллерии двух систем (системы Ж.Б.В. де Грибоволя, принятой на вооружение в 1765 г. и с перерывами просуществовавшей до 1827 г.; и системы An XI, существовавшей в период 1803–1815 гг.) обсуждался несколько лет назад среди специалистов и любителей истории наполеоновских войн. На смену господствовавшей прежде точке зрения, согласно которой система An XI так и не была реализована, пришло понимание, что на завершающем этапе наполеоновской эпопеи его войска в Центральной Европе были вооружены орудиями новой системы. Пожалуй, главную роль в осознании этого факта сыграли вернувшиеся в научный оборот сведения, заключенные в каталоге генерала В.А. Петрова¹⁷. На основании нового обследо-

ния российских трофеев мы имеем возможность добавить несколько уточнений.

По-видимому, вооружение наполеоновской артиллерии орудиями новой системы происходило поэтапно. Основные усилия литейных сначала были направлены на изготовление новых, не имевших аналогов в войсках гаубиц, в которых они испытывали острую потребность. Затем началось изготовление 6-фунтовых пушек, призванных заменить для сражавшихся в Центральной Европе войск 8-фунтовые. Судя по датам изготовления орудий и их порядковым номерам, уже к Австро-французской войне 1809 г. орудия системы Ап XI поступили в войска в необходимом количестве.

Особняком в этой схеме стоит производство 12-фунтовых пушек, которые предназначались для рот дивизионного артиллерийского резерва. Потребность в таких орудиях по сравнению с более легкими была существенно меньше. К тому же, значительная часть этой потребности покрывалась пушками, изготовленными в период 1765–1803 гг. Поэтому основную часть оставшихся в России 12-фунтовых пушек составляют орудия, отлитые во времена Республики, а 8 пушек были изготовлены еще при Старом режиме.

Введенная в 1803 г. система Ап XI включала в себя новые, несколько облегченные пушки калибром 12-фунтов. В Кремле и на Бородинском поле имеется всего 6 таких пушек, отлитых в 1804–1805 гг. в Турине. Принятая на этом производстве система маркировки (все изготовленные в один день орудия получали единый номер, независимо от калибра и типа орудия) не позволяет определить объемы производства этих орудий. Тем не менее, прежние пушки системы Грибоваля продолжали производиться и после 1803 г. Так, например, в Страсбурге в 1810–1811 гг. было изготовлено не менее двух десятков таких пушек (судя по номерам), 11 из которых сейчас можно увидеть в Кремле.

Данное обстоятельство позволяет несколько иначе взглянуть на процитированный французским исследователем А. Жераром фрагмент рапорта военного министра Наполеону от 10 января 1809 г., в котором предлагалось прекратить производство орудий системы Ап XI, так как сосуществование двух систем сильно усложняло логистику¹⁸. Мы можем предположить, что «не-

своевременным и вредным» признавалось одновременное сосуществование только 12-фунтовых пушек двух систем (требовавших разных лафетов), а не всех орудий системы An XI. Возможно, это объясняет, почему в России оказалось так мало 12-фунтовых пушек новой системы и почему их производство было налажено только на одной, новой литейной в ограниченный период времени.

Обращает на себя внимание, что в России почти отсутствуют французские гаубицы калибром 6,4-дюйма, которые должны были состоять в резервных ротах вместе с 12-фунтовыми пушками. В Кремле имеется всего две гаубицы системы Грибовалей¹⁹, еще 3 таких гаубицы находятся в ВИМАИВиВС и Государственном историческом музее. Кремлевские гаубицы, как принято считать, относятся к трофеям Отечественной войны 1812 г., остальные являются трофеями более ранних кампаний с французами. Что же касается введенных в 1795 г. так называемых «удлиненных» 6,4-дюймовых гаубиц, которые должны были заменить недостаточно эффективные короткие гаубицы того же калибра, то в России имеется всего одна такая. Гаубица № 28, изготовленная в Страсбурге в 1795 г., находится в коллекции ВИМАИВиВС. Скудные сведения о поступлении позволяют предположить, что она может являться трофеем Отечественной войны 1812 г. или Заграничных походов 1813–1814 гг. Вторая гаубица, которую мы в Приложениях также отнесли к «удлиненным» 6,4-дюймовым гаубицам, является, по видимому, экспериментальным орудием, памятником исканий решения проблем с дальностью и точностью грибовалевских гаубиц. По крайней мере, мы не нашли пока в литературе сведений ни о чем подобном. Также в затруднении оказались и наши зарубежные корреспонденты.

Мы полагаем, что фактическое отсутствие 6,4-дюймовых гаубиц среди трофеев Отечественной войны, наряду с наличием достаточно большого количества 12-фунтовых пушек из тех же рот, говорит о том, что во французских резервных ротах вместо французских использовались трофейные прусские и австрийские крупнокалиберные гаубицы. Более того, по нашему мнению, трофейные прусские и австрийские орудия также могли состоять и на вооружении французской дивизионной артиллерии²⁰. Соотношение количества трофейных французских орудий со

списочным составом участвовавших в походе рот французской полевой артиллерии можно увидеть в Приложении 3.

4-фунтовые полковые пушки системы Грибовалея в походе 1812 г. участвовали в ограниченном количестве, находясь на вооружении полковой артиллерии дивизий, переброшенных из Испании. Что же касается двух хранящихся в Петербурге 8-фунтовых пушек, то обе они являются трофеями ранних кампаний с французами. Все они изготовлены либо при королевской власти, либо в годы Революции.

Осмотр почти всех и обмер значительной части трофейных орудий позволили не только существенно уточнить и исправить данные, приводимые в «Описании» В.А. Петрова, но и определить сходства и различия между продукцией различных литейных.

В целом, мы можем утверждать, что на французских производствах была достигнута высокая степень унификации. Обмеры показали сходство однотипных орудий, сделанных на разных литейных. Размеры конструктивно важных частей ствола (размер и расположение цапф, центровка ствола, размеры канала) совпадают, незначительно различается от орудия к орудью только толщина стенок, что объясняется, по-видимому, настройкой обтачивающего резца. Также примерно одинаковым является и средний вес однотипных орудий разных производств. (См. Приложение 4.) На основании вышесказанного мы можем сделать предположение, что разборные металлические модели (болваны), при помощи которых изготавливались литейные формы²¹, были одинаковыми на всех предприятиях, возможно изготовленными в одном месте.

Самым существенным различием, которое можно отнести к конструктивным, является устройство прицельных приспособлений. В Приложении 5 эти различия для наглядности сведены в таблицу. Обращает на себя внимание, что почти все орудия системы Грибовалея снабжались выдвижными планочными прицелами. При этом конструкция прицелов, которые мы встречаем на трофейных стволах, в целом соответствует времени их изготовления: на ранних стволах это прицелы системы профессора Королевской артиллерийской школы в Оксонне Ж.-Л. Ломбара, а с начала 90-х гг. XVIII в. – это усовершенствованная модификация того же прицела, называемая в литературе моделью

1789 г.²² Есть, правда, одно любопытное исключение: на 12-фунтовой пушке, изготовленной в Страсбурге в 1784 г., был установлен прицел модели 1789 г.

Напротив, у многих орудий системы An XI прицельные приспособления менее совершенны. Так, у орудий, произведенных в Дуэ и Турине, планочные прицелы отсутствуют. На тех орудиях, где прицелы все же есть (Страсбург и Мец), это прицелы модели 1789 г. В ходе подготовки этой статьи мы не проводили исследований, были ли эти прицелы как-то конструктивно адаптированы к 6-фунтовым пушкам. Также нам не удалось найти в доступной литературе описаний прицельных приспособлений (возможно, накладных) для гаубиц.

Еще одной важной и интересной темой, которая в большой полноте раскрывается при обследовании трофейных орудий, являются специфические отличия в системе обозначений (маркировке) и декоративном оформлении стволов, изготовленных в разное время на разных производствах. Однако объем сведений, которыми мы теперь располагаем, превосходит размеры данной публикации. Мы вернемся к этой теме в отдельном исследовании.

Конечно, при всей представительности выборки, которой является хранящаяся в России коллекция французских трофейных орудий, ее нельзя назвать исчерпывающим источником. Анализ заключенного в трофейных стволах статистического материала позволяет выявить тенденции развития французской артиллерии периода революционных и наполеоновских войн, корректирует устоявшиеся представления, задает направления для поиска традиционных документальных источников.

Представляется, что сбор и обработка сведений по остальной части коллекции трофейных орудий даст не менее ценный и богатый материал для анализа и обобщения.

**Распределение находящихся в российских музеях
французских трофейных орудий по типам и калибрам**

Музеи	Пушки					Гаубицы				Всего
	12-ф. сист. Грибо- валя	12-ф. сист. Ап XI	8-ф. сист. Грибо- валя	6-ф. сист. Ап XI	4-ф. сист. Грибо- валя	6,4-д. сист. Грибо- валя	6,4-д. удлинен- ные	5,6-д. сист. Ап XI		
Музеи Московского Кремля	44	5	—	146	24	2	—	76	297 ¹	
Музей-панорама «Бородинская битва»	—	—	—	29	1	—	—	—	30 ²	
Бородинский музей-заповедник	6	1	—	8	1	—	—	5	21 ³	
ВИМАИВиВС	2	—	1	—	1	2	2	3	11 ⁴	
Государственный исторический музей	—	—	—	1	—	1	—	1	3 ⁵	
Мемориальный музей Суворова	—	—	1	—	—	—	—	—	1 ⁶	
Смоленск	—	—	—	1	—	—	—	—	1 ⁷	
Всего	52	6	2	185	27	5	2	85	364	

¹ Принято считать, что все эти орудия являются трофеями 1812 г. Однако в коллекции присутствуют три пушки, изготовленные в 1813 г.

² Все орудия поступили из «Кремлевской коллекции» трофеев 1812 г.

³ Все орудия поступили из «Кремлевской коллекции» трофеев 1812 г.

⁴ Все орудия, кроме 12-фунтовых пушек, поступили в музей в ходе или сразу после наполеоновских войн. Предположительно, пять из них являются трофеями Отечественной войны 1812 г. или Заграничных походов 1813–1814 гг., две – кампании 1806–1807 гг., а две принадлежали царевичу Константину Павловичу. Происхождение 12-фунтовых пушек неизвестно.

⁵ Два орудия поступили из «Кремлевской коллекции» трофеев 1812 г. 6,4-д. гаубица поступила из коллекции ВИМАИВиВС и является трофеем кампании 1806–1807 гг.

⁶ Орудие поступило из коллекции Артиллерийского исторического музея в начале XX в. (ныне ВИМАИВиВС). Трофеей сражения при Нови 1799 г.

⁷ Орудие найдено в Смоленске при строительстве мужской гимназии в 1856 г.

**Распределение французских трофейных орудий
по литейным, типам и калибрам, с указанием времени производства**

Литейные	Пушки						Гаубицы		
	12-ф. сист. Грибов-валя (1765–1827) ¹	12-ф. сист. Ап XI (1803–1815)	8-ф. сист. Грибов-валя (1765–1827)	6-ф. сист. Ап XI (1803–1815)	4-ф. сист. Грибов-валя (1765–1827)	6,4-д. сист. Грибов-валя (1765–1827)	6,4-д. удлинен-ные (1795)	5,6-д. сист. Ап XI (1803–1815)	
Страсбург	31 орудие 1765–1811	—	2 орудия 1767 и 1794	73 орудия 1802–1809	1 орудие 1792	4 орудия 1778–1801	2 орудия ² 1793 и 1795	33 орудия 1804–1805	
Дуэ	7 орудий 1765–1795	—	—	54 орудия 1804–1813	5 орудий 1765–1793	—	—	24 орудия 1803–1806	
Мец	—	—	—	42 орудия 1807–1808	—	—	—	18 орудий 1804–1805	
Турин	—	6 орудий 1804–1805	—	16 орудий 1803–1807	—	—	—	10 орудий 1803–1807	
Париж	13 орудий 1793–1798	—	—	—	17 орудий 1791–1796	1 орудие 1794	—	—	
Прочие³	1 орудие 1794	—	—	—	4 орудия 1793–1795	—	—	—	

¹ Указаны периоды существования систем, в которые могли производиться эти орудия.

² Обе гаубицы находятся в ВИМАИВиВС и по истории поступления могут быть предположительно отнесены к трофеям 1812–1814 гг. Одна из них (1793 г. отливки) весьма странная, по-видимому экспериментальная.

³ В данной строке собраны пушки революционного периода, отлитые в малых мастерских, а также орудия, на которых место отливки не указано и по косвенным признакам его установить не удалось.

Приложение 3

Соотношение трофейных французских орудий со списочным составом орудий полевых рот, участвовавших в кампании 1812 г.

	Пушки			Гаубицы	
	12-ф. обойх видов	6-ф. сист. Ап XI	4-ф. сист. Грибовала	6,4-д. обойх видов	5,6-д. сист. Ап XI
Предположительно участвовало в походе ¹	72	до 284	32	20	до 120
Осталось в России в виде трофеев ²	58	191	26	2	82
Процентное соотношение ³	80,5 %	67,3 %	81 %	10 %	68,3 %

¹ Количество орудий рассчитано на основании рапортов о состоянии личного состава армейских корпусов Великой армии и материальной части приданной им артиллерии, опубликованных Г.Ж. Фабри в 1903 г., с привлечением ряда других источников и литературы. Подробнее см.: Игошин К.Г. Наполеоновская артиллерия в Отечественной войне 1812 года: историография vs материальные источники. С. 283.

² Так как нет уверенности, что несколько орудий из коллекции ВИМАИВиВС имеют отношение к кампании 1812 г., в расчете учитываются только орудия из бывшей «Кремлевской коллекции» и пушка, найденная в Смоленске.

³ Соотношение менее 75 % нарушает среднюю пропорцию по коллекции и позволяет предположить, что вместо стволов французского производства использовались трофейные австрийские и прусские.

Приложение 4

Средний вес орудий разных производств

Литейные	12-ф. пушки, кг	6-ф. пушки, кг	4-ф. пушки, кг	5,6-д. гаубицы, кг
Страсбург	896	379,7	—	289
Дуэ	896	384,7	288,3	286
Мец	—	385,6	—	288
Турин	823 (Ап XI)	375,1	—	280
Париж	895	—	299,4	—

Приложение 5

Различия в устройстве прицельных приспособлений в зависимости от типа и места производства орудий

Литейные	Система Грибовалля			Система Ап XI	
	12-ф. пушки	4-ф. пушки	12-ф. пушки	6-ф. пушки	5,6-д. гаубицы
Страсбург	Литая мушка, планочный прицел	Литая мушка, планочный прицел	—	Литая мушка, планочный прицел	Продольный пропил на дульном кольце в верхней точке
Дуэ	Небольшая литая мушка, планочный прицел	Небольшая литая мушка, планочный прицел	—	Небольшая литая мушка, у отдельных орудий пропил на торельном кольце в верхней точке	По два разнесенных на четверть окружности продольных пропила на торельном и дульном кольцах

Мец	—	—	—	Литая мушка с пропиллом, продольный пропил на торельном кольце в верхней точке, планочный прицел	По два разнесенных на четверть окружности продольных глубоких пропила на торельном и дульном кольцах. На отдельных орудиях продольные пропилы на кольцах в верхней точке
Турин	—	—	Литая мушка, продольный пропил на торельном кольце в верхней точке	Нет никаких прицельных приспособлений	По два разнесенных на четверть окружности продольных глубоких пропила на торельном и дульном кольцах
Париж	Продольные пропилы в верхних точках, планочный прицел	Продольные пропилы в верхних точках. У примерно половины имеется планочный прицел	—	—	Нет никаких прицельных приспособлений

¹ Петров В.А. Орудия, отбитые у неприятеля в Отечественную войну 1812. М., 1911.

² Игошин К.Г. Описание коллекции трофейных артиллерийских орудий Музея-панорамы «Бородинская битва» (Электронный ресурс) // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 1-42. <<http://www.milhist.info/2012/03/29/igoshin>> (Дата обращения: 29.03.2012); Игошин К.Г., Хомченко С.Н. Трофейные орудия 1812 года из коллекции Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVIII Международ. науч. конф., 2–4 сентября 2013 г. Бородино, 2014. С. 111–131; Трофейные орудия 1812 года из фондов Музея-заповедника «Бородинское поле»: Каталог / Сост. С.Н. Хомченко, К.Г. Игошин. Бородино, 2014; Игошин К.Г. Трофейные орудия 1812 года из «Кремлевской коллекции» в собраниях музеев России и Белоруссии // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы XXI Всеросс. науч. конф. Малоярославец, 2014. С. 46–55. Готовится к публикации: Новоселов В.Р. Борьба Оружейной палаты за сохранение коллекции трофейных орудий Отечественной войны 1812 года в 1920-е годы // Материалы и исследования. Вып. XXVIII. М., 2017.

³ Новоселов В.Р. Поверженные боги войны: трофейные артиллерийские орудия Отечественной войны 1812 года. М., 2012.

⁴ Игошин К.Г. Наполеоновская артиллерия в Отечественной войне 1812 года: историография vs материальные источники // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды VI Международ. науч.-практич. конф. 13–15 мая 2015 года. СПб., 2015. Ч. II. С. 274–292.

⁵ Патрик Эресманн – автор ряда статей, посвященных истории французской артиллерии (в первую очередь, истории материальной части) периода революционных и наполеоновских войн. См., например: Ehresmann P. Le systeme Gribeauval 1765–1827 // Soldats Napoleoniens. 2011. N° series № 1; Idem. Les equipages mobiles de ponts militaires francais // Ibid. 2013. № 8. P. 38–54; Idem. Le caisson a munitions du systeme Gribeauval // Ibid. 2013. № 11. P. 18–40; Idem. Les munitions de campagne // Ibid. 2014. № 14. P. 4–31; Idem. Le caisson a munitions du systeme Gribeauval // Ibid. 2015. № 16. P. 38–61.

⁶ Игошин К.Г. Описание коллекции трофейных артиллерийских орудий Музея-панорамы «Бородинская битва». С. 19, 33.

⁷ Подробнее о методике см.: Игошин К.Г. Коллекция трофейных орудий 1812 года как исторический источник: цели и методика исследования // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: сборник докладов и материалов Международ. науч.-практич. конф. Уфа, 8–10 июня 2012 года. Уфа, 2012. С. 113–118.

⁸ Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. III (Приложение) / Сост. Н.Е. Бранденбург. СПб., 1889.

⁹ Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 г. СПб., 2006.

¹⁰ Помимо указанной литературы нами были обнаружены и использованы документы из архива ВИМАИВиВС, содержащие сведения о формировании как «Кремлевской коллекции», так и коллекции ВИМАИВиВС. К сожалению, они не содержат сведений, которые бы помогли точно идентифицировать и уточнить

происхождение хранящихся в Петербурге орудий. См.: Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Опись делам арсенальным. 1814 г. Д. 2317. О подаче г-ну военному министру по III отделению по I столу на 1813 г. отчетов; Там же. Д. 2319. Полугодовая ведомость о состоящих при здешнем арсенале курioзных орудиях и протчих достопамятных вещах 1814 года; Там же. Д. 2291. Л. 1. Господину военному министру и кавалеру Тверского плац майора Ахшарумова рапорт.

¹¹ См. подробнее: Игошин К.Г. Трофейные орудия 1812 года из «Кремлевской коллекции» в собраниях музеев России и Белоруссии. С. 51–52.

¹² Благодаря помощи заведующего экспозиционным отделом Смоленского государственного музея-заповедника В.В. Тараторина.

¹³ См., например: Игошин К.Г. Наполеоновская артиллерия в отечественной войне 1812 года: историография vs материальные источники. С. 282–289.

¹⁴ Авторы статьи подразумевают несколько парижских литейных предприятий, чьи орудия фиксируются в собрании трофейной французской артиллерии. Это Парижский Арсенал, литейня братьев Перье, предприятия мастеров Эбена Младшего, Тюри и Годеле.

¹⁵ См. подробнее: Игошин К.Г. Описание коллекции трофейных артиллерийских орудий Музея-панорамы «Бородинская битва». С. 15, 33.

¹⁶ Руан, Маромме, Валанс. На двух пушках нет сведений.

¹⁷ Dawson A.L., Dawson P.L., Summerfield S. *Napoleonic Artillery*. Ramsbury, 2007. P. 68–78.

¹⁸ Gerard A. *Le reglement de l'An XI (2)* // Tradition. № 80. 1993. P. 33.

¹⁹ Нам не удалось отыскать третью гаубицу, упоминаемую у В.А. Петрова (№ 119 на 64 стр.). Равно как не оказалось и одной описанной там 6-фунтовой пушки. Зато мы нашли две 6-фунтовые пушки, не описанные в этом труде. Полагаем, что третья 6,4-дюймовая гаубица является одной из многочисленных неточностей, встречающихся в этом описании.

²⁰ Мы писали об этом подробнее: Игошин К.Г. Наполеоновская артиллерия в отечественной войне 1812 года: историография vs материальные источники. С. 284–285.

²¹ См. подробнее: Монж Г. Искусство лить пушки. СПб., 1804. С. 66–88.

²² О прицелах см. подробнее: Ehresmann P. *Le systeme Gribeauval 1765–1827*. P. 24–26.

В.В. Ионов (Москва)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
СОЗДАНИЯ ГРУППИРОВКИ
И СИСТЕМЫ ОГНЯ АРТИЛЛЕРИИ
В ОБОРОНЕ 44-Й АРМИИ 4–8 МАЯ 1942 ГОДА
(К 75-ЛЕТИЮ КЕРЧЕНСКОЙ
ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ)**

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ ВЕРМАХТА планировало в летней кампании 1942 г. удар на правом крыле восточного фронта в сторону Кавказа¹. В то же время было решено перед наступлением на главном направлении улучшить оперативное положение своих войск на юге и захватить Крымский полуостров. Первоначально планировалось его блокировать и отрезать от Новороссийска и других портов Черноморского побережья Кавказа, разгромить большую группировку советских войск в Крыму – Крымский фронт, зачистить Керченский полуостров, а затем решительным штурмом овладеть Севастополем.

Захват Крымского полуострова создавал вермахту подходящие условия для удара на Кавказе как сухопутным путем от Ростова, так и через Керченский пролив. Успех наступления давал возможность Германии усилить политическое давление на Турцию и другие государства Среднего Востока, Балканского полуострова, а также высвободить 11-ю армию вермахта и румынские соединения для дальнейших операций на кавказском направлении.

28 марта 1942 г. А. Гитлер на совещании в «Волчьем логове», главной ставке фюрера, объявил общий план новой кампании. Начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Ф. Гальдер оставил запись в дневнике: «Крым. Керчь – сосредоточение основных сил авиации»². Позднее замысел ди-

рективы ОКВ № 41 от 5 апреля 1942 г. предусматривал: «Очистить от противника в Крыму Керченский полуостров и овладеть Севастополем»³.

Вскоре общий замысел в кабинетах ОКВ стал превращаться в конкретные планы операций различных масштабов. В конце апреля 1942 г. в командном комплексе верховного главнокомандования вермахта в лесу Герлиц на очередном совещании у А. Гитлера начальник штаба группы армий «Юг» генерал пехоты Г. Зондерштерн и командующий 11-й армией генерал-полковник Э. Манштейн доложили проект плана операции по разгрому Крымского фронта.

В то время командование Крымского фронта довольно плотно построило войска на ак-монайских позициях, при этом эта плотность оказалась неравномерной. Примыкавшее к Феодосийскому заливу левое крыло Крымского фронта, которое прикрывала 44-я армия, было значительно слабее, и прорыв на этом направлении давал возможность противнику выйти в тыл правого фланговой группировке двух армий – 47-й и 51-й. Реализовать план поручалось 30-му армейскому корпусу (генерал-лейтенант М. Фретгер-Пико) 11-й армии. Свежей 22-й танковой дивизии (генерал-майор В. Апель) и наспех сформированной моторизованной бригаде «Гродек» предстояло ударом из района Владиславовки взломать оборону на левом крыле Крымского фронта вдоль побережья Черного моря. Частью сил танковой дивизии следовало сделать поворот на север и, выйдя к Азовскому морю, окружить основные силы Крымского фронта. Другие части и подразделения дивизии вместе с пехотными соединениями должны были наступать на Керчь. Кроме того, германское командование наметило на открытом по морю южном фланге 44-й армии высадить в тылу атакуемой полосы шлюпочный десант. 46-я пехотная дивизия (генерал-майор Э. Хассиус) из 42-го армейского корпуса и соединения 7-го румынского армейского корпуса (генерал Ф. Митранеску) получили задачу провести отвлекающие наступательные действия против правого крыла Крымского фронта. Операцию с воздуха было поручено прикрывать самому боеспособному в люфтваффе 8-му авиакорпусу (генерал-полковник В. Рихтгофен), который обычно использовался на важнейших направлениях. В ходе планирования операция получила кодовое наименование «Охота на дроф».

Примерно в это же время Ставка Верховного главнокомандования, возглавляемая И.В. Сталиным, оценив обстановку, приняла решение о ведении весной и летом 1942 г. стратегической обороны по всему советско-германскому фронту. В то же время Ставка стремилась, во что бы то ни стало, удержать в своих руках стратегическую инициативу, с таким трудом добытую в Московской битве. Поэтому Генеральным штабом Красной армии были спланированы активные боевые действия на отдельных операционных направлениях. Прежде всего намечалось освободить Крымский полуостров и провести большое наступление в районе Харькова.

С февраля по апрель 1942 г. Крымский фронт (командующий – генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, члены военного совета – дивизионный комиссар Ф.А. Шаманин, В.С. Булатов, начальник штаба – генерал-майор Ф.И. Толбухин, с марта – генерал-майор П.П. Вечный) трижды переходил в наступление, но поставленные задачи не выполнил и был вынужден временно перейти к обороне. Между тем группировка войск фронта к маю по-прежнему оставалась наступательной, наступление же по ряду причин «все откладывалось, а оборона не укреплялась»⁴. Командование фронта не только не сумело своевременно подготовить очередное наступление, но и не провело соответствующих мероприятий, направленных на прочное закрепление соединений и частей на занимаемых рубежах.

Крымский фронт занимал оборону на сравнительно узком Ак-Монайском перешейке – шириной до 20 км. В составе фронта находились 44, 47, 51-я армии. Заметим, что общее соотношение сил и средств в первых числах мая оставалось в пользу Крымского фронта (табл. 1).

На 8 мая в состав фронта входили 16 стрелковых и кавалерийская дивизии, 3 стрелковые, 4 танковые бригады, 4 отдельных танковых батальона, 9 полков артиллерии РКК, 3 гвардейских минометных полка и другие части, которые в целом уступали противнику в качественных характеристиках. Командование фронта располагало только танковыми бригадами и отдельными танковыми батальонами, которые являлись танковыми подразделениями непосредственной поддержки пехоты. Оно также не предпринимало никаких мер по созданию средств противодействия глубокому прорыву противника – армейских подвиж-

Общее соотношение сил и средств на 8 мая 1942 г.⁵

	Крымский фронт	11-я армия, 7-й армейский корпус Румынии	Соотношение
Личный состав, тыс. чел.	250	150	1,7:1
Орудия и минометы	3577	2472	1,4:1
Танки, штурмовые орудия	347	180	1,9:1
Самолеты	400	700	1:1,8

ных групп в составе танковых, механизированных, кавалерийских соединений и противотанковых частей. Не учитывалось и то, что линия фронта была целиком открыта для вражеской воздушной разведки. Маскировка войск, командных пунктов и узлов связи практически отсутствовала. Поэтому противник в открытой степи сравнительно легко вскрывал оборонительные позиции соединений и частей Крымского фронта.

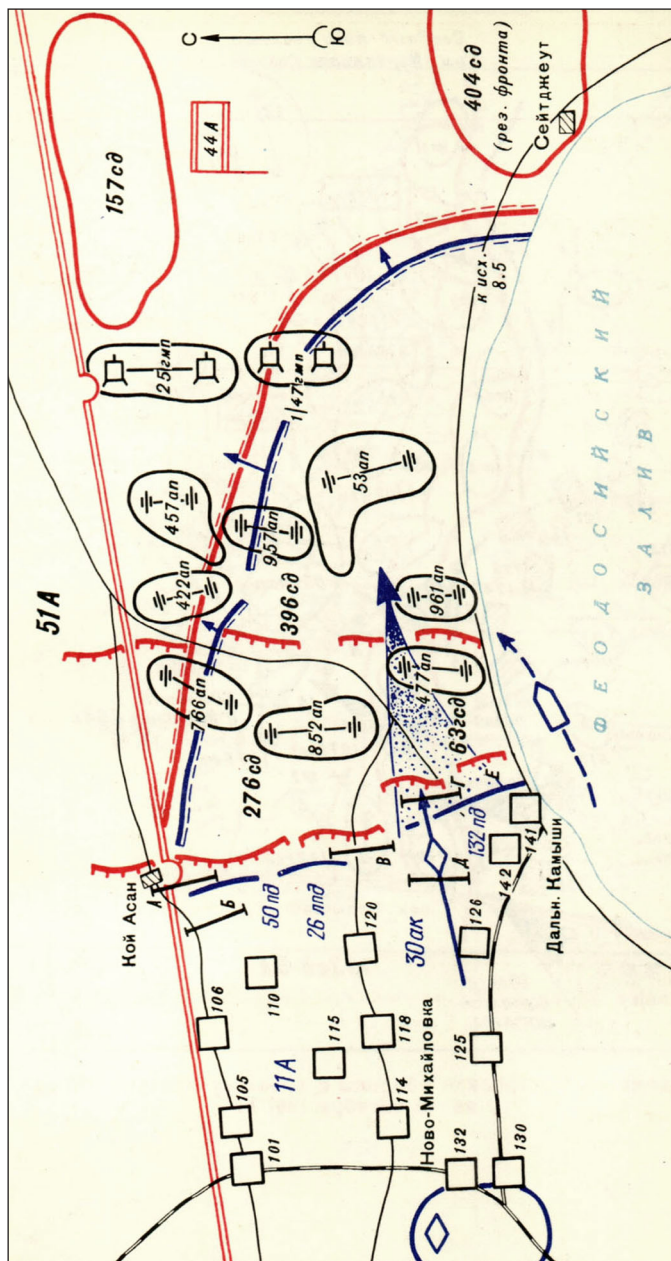
На левом крыле Крымского фронта оборонялась 44-я армия (командующий – генерал-лейтенант С.И. Черняк, член военного совета – бригадный комиссар А.Д. Сердюков, начальник штаба – полковник С.Е. Рождественский), имевшая в своем составе 276, 396, 157-ю стрелковые и 63-ю горнострелковую дивизии (ил. 1). Армия была заметно усилена тремя артиллерийскими полками, одним полком и одним дивизионом реактивной артиллерии гвардейского минометного полка (табл. 2).

В рассматриваемое время армия и ее дивизии имели довольно узкие полосы и небольшую глубину обороны, в связи с подготовкой к очередному наступлению Крымского фронта. Так, на левом фланге 63-й горнострелковой дивизии глубина обороны составляла всего 1–1,5 км. Между тем южный участок Крымского фронта, особенно там, где держало оборону соединение полковника М.В. Виноградова, был наиболее слабым. Части и подразделения дивизии в предыдущих наступательных боях понесли существенные потери и имели не более 40 % некомплекта в личном составе. Около 400 призывников из Закавказья не владели русским языком. Командиры и бойцы устали от много-

Боевой состав артиллерии 44-й армии на 4 мая 1942 г.⁶

Количество артиллерии	Наименование стрелковых дивизий и артиллерийских полков					Итоги
	276 сд	63 гсд	896 сд	157 сд	Артиллерия усиления: 457 пап, 53 пап, 766 ап, 25 и 1/46 гмп	
82-, 107-, 120-мм минометы	82	41	42	63	–	228
45-, 76-мм орудия	39	11	27	25	14	116
107-, 122-, 152-мм орудия	7	16	10	26	49	108
Всего орудий и минометов	128	68	79	114	63	452
БМРА	–	–	–	–	32	32
Ширина полосы, км	4,5	4,5	–	–	–	9
Плотность орудий, минометов и БМРА на 1 км	28	15	–	–	–	54

дневных боев и нуждались хотя бы в коротком отпуске. 29 апреля офицер Генерального штаба при штабе Крымского фронта майор А. Житник докладывал в Оперативное управление Генерального штаба Красной армии: «...настал момент, когда необходимо либо полностью вывести 63-гсд во второй эшелон (это самое лучшее), или хотя бы по частям. Ее направление – это направление вероятного удара противника... Вряд ли эти войска способны к серьезной, стойкой обороне». На этом документе сохранилась резолюция представителя Ставки ВГК армейского комиссара 1 ранга Л.З. Мехлиса: «Тов. Вечный, надо подготовить ряд указаний»⁷. Поскольку дивизия осталась на занимаемой позиции вплоть до 8 мая, можно предположить, что начальник штаба фронта генерал-майор П.П. Вечный по каким-либо веским причинам не смог кардинально изменить сложившееся

Ил. 1

положение. В итоге командование фронта не приняло необходимых мер по созданию глубокоэшелонированной обороны даже тогда, когда стали поступать сведения, что противник готовится к активным действиям.

Сейчас известно, что в полосе обороны 44-й армии шириной 9 км средняя плотность артиллерии была довольно высокой и составляла около 54 орудий (из них 13 противотанковых), минометов и боевых машин реактивной артиллерии на 1 км фронта. Например, в 1941 г. в ходе Московской битвы под Волоколамском плотность на 1 км фронта в 16-й армии (командующий – генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) составляла 5 орудий и минометов.

В первом эшелоне армии оборонялись 276-я стрелковая (полковник Д.М. Пономарев) и 63-я горнострелковая дивизии, которые были усилены соответственно 422-м и 961-м артиллерийскими полками из соединений второго эшелона⁸. Штабом артиллерии армии в дивизиях первого эшелона были созданы артиллерийские группы поддержки пехоты, в составе 1–2 дивизионов, и группы дальнего действия, в составе 2–3 дивизионов. 457-й и 53-й противотанковые артиллерийские полки составляли армейскую артиллерийскую группу. Армейская группа гвардейских минометных частей состояла из 25-го гвардейского минометного полка и 1-го дивизиона 46-го гвардейского минометного полка.

Артиллерия 44-й армии, согласно уставным документам, подготовила сосредоточенный и заградительный огонь перед передним краем и на флангах. При этом в основном артиллерийский огонь планировался в стрелковых дивизиях. Непонятно, почему подготовка массированного огня артиллерии в масштабе армии заблаговременно не предусматривалась, особенно для проведения контрподготовки. Поэтому не случайно 8 мая накануне артиллерийской подготовки противника по нему был произведен огневой налет всего лишь тремя дивизионами (по другим сведениям – двумя) из 19, имевшихся в армии⁹. Подготовка артиллерийского огня внутри армейской оборонительной полосы и организация взаимодействия артиллерии с пехотой также имели немало недостатков.

Противотанковая оборона штабом артиллерии армии строилась только штатными средствами дивизий. В 276-й стрелковой

дивизии было создано четыре, а в 63-й горнострелковой дивизии – два противотанковых опорных пункта. 766-й легкий артиллерийский полк создавал противотанковый район на правом фланге армии. Основными недостатками противотанковой обороны были ее небольшая глубина (2–3 км) и отсутствие противотанковых резервов в дивизиях и армии¹⁰. К.М. Симонов в своем дневнике так оценил построение обороны на Крымском фронте: «...как только мы выехали на 10 км в тыл, мы уже не видели ничего – ни войск, ни узлов противотанковой обороны, ни окопов, ни артиллерийских позиций. От фронта до Керчи было пустое пространство»¹¹.

В итоге, созданная группировка и система огня артиллерии 44-й армии также продолжали оставаться наступательными, хотя Ставке ВГК, штабам северо-кавказского направления Кавказского фронта и 44-й армии было известно, что Э. Манштейн готовится к наступлению. Так, в директиве Ставки ВГК № 170357 от 6 мая 1942 г. отмечалось: «Увеличение сил Крымского фронта в настоящее время произведено не будет. Поэтому войскам Крымского фронта прочно закрепиться на занимаемых рубежах, совершенствуя их оборонительные сооружения в инженерном отношении и улучшая тактическое положение войск на отдельных участках, в частности захватом Кой-Асанского узла»¹². На исходе 7 мая штабом фронта был издан приказ войскам, в котором сообщалось, что вражеское наступление ожидается в период с 8 по 15 мая¹³.

Разведывательные данные фронта точно указывали на то, что командование 11-й армии вермахта сосредоточивает основные усилия для нанесения удара против левого фланга 44-й армии. Более того, архивные документы свидетельствуют, что оперативным отделом штаба северо-кавказского направления (главнокомандующий – маршал С.М. Буденный) оперативный план противника в основном был раскрыт накануне наступления¹⁴. Как потом выяснилось, командование направления, фронта и армии не приняло решительных мер по подавлению наступления массированным огнем своей артиллерии.

Штаб группы армий «Юг» намечал приступить к проведению операции «Охота на дроф» 5 мая. Однако из-за задержки с переброской из-под Харькова 8-го авиакорпуса начало наступательной операции перенесли на три дня. 7 мая враг усилил массиво-

ванные налеты своей авиации по переднему краю, складам, командным пунктам, узлам связи и аэродромам Крымского фронта. Одновременно в налетах участвовало до 150 бомбардировщиков. В 5.30 8 мая после массированной артиллерийской подготовки, длившейся около часа, при поддержке штурмовой и бомбардировочной авиации противник перешел в наступление. Удар наносился прежде всего 30-м армейским корпусом, имевшим в своем составе 28-ю егерскую, 50, 132, 170-ю пехотные и 22-ю танковую дивизии в полосе 63-й горнострелковой дивизии. До 150 вражеских танков действовали на этом направлении. В их числе находилось около 20 модернизированных танков Pz.IV с удлиненной 75-мм пушкой. Они на равных могли противостоять на поле боя танкам Т-34 и КВ. Наряду с танками сильной стороной 22-й танковой дивизии являлась ее моторизованная пехота, в которой два батальона были на БТР «Ганомэг», и ее артиллерия.

От ударов штурмовой и бомбардировочной авиации и артиллерийского огня противника артиллерия 44-й армии понесла тяжелые потери. Прежде всего из-за нарушения управления и отсутствия заранее спланированного маневра огнем по наступавшему врагу огонь вела в основном только артиллерия, располагавшаяся на левом фланге армии. Плотность ее огня оказалась явно недостаточной для нанесения наступавшему противнику решительного поражения¹⁵.

Части и подразделения 63-й горнострелковой дивизии, не выдержав мощного удара, без приказа начали отход. Артиллеристы же вступили в единоборство с вражескими танками и пехотой. Активно и решительно действовали артиллеристы 477, 766, 852 и 53-го артиллерийских полков и минометчики 25-го гвардейского минометного полка. Противник сосредоточил именно против них основные усилия своей артиллерии и авиации. Практически все средства тяги были уничтожены бомбовыми ударами, а артиллерийские части 44-й армии вновь понесли тяжелые потери.

30-му армейскому корпусу генерал-лейтенанта М. Фреттер-Пико удалось в первый же день прорвать оборону 44-й армии и в полосе 63-й горнострелковой дивизии продвинуться вперед на глубину 7–8 км, достигнув рубежа совхоза Арма-Эли. Несмотря на то что фронт соседней дивизии был прорван и 276-я стрелко-

вая дивизия находилась в полуокружении, бойцы и командиры выполнили свой воинский долг и оставили позиции только после получения приказа командования армии на отход¹⁶. Артиллерии армии приходилось отходить вместе с пехотой и развертываться на вновь создаваемых оборонительных рубежах, непрерывно поддерживая войска своим огнем. К сожалению, действия артиллерийских частей в основном носили разрозненный характер, управление ими со стороны командующего артиллерией армии не осуществлялось из-за нарушенной связи.

К вечеру 8 мая оборона войск Крымского фронта оказалась прорванной на фронте 5 км и на глубину 8 км. В тот день успеху врага способствовала и высадка шлюпочного десанта (до 500 автоматчиков на 30 шлюпках) с моря, который состоял из усиленного батальона 426-го пехотного полка, 46-го саперного батальона и 902-й штурмовой десантной команды, в тылу 63-й горнострелковой дивизии, что вызвало в соединении панику и некоторую дезорганизацию.

Бывший командующий 11-й армией Э. Манштейн пишет: «8 мая армия начала наступление по плану операции “Охота на дроф”. 30 ак удалось преодолеть противотанковый ров и прорвать первую позицию противника. Высадка десанта с моря хорошо помогла войскам, наступавшим на фланге, так как застигла противника врасплох. Но все же бой был нелегок. Плацдарм, захваченный по ту сторону противотанкового рва, был недостаточным для того, чтобы обеспечить выдвижение танковой дивизии. Начавшееся позже наступление 42 ак продвигалось также только медленными темпами. Но, тем не менее, мы завязали уже бой с 10 дивизиями противника и разгромили его южный фланг. Резервы же противника, по всем признакам, продолжали оставаться позади его северного фланга»¹⁷.

В ночь на 9 мая по приказу командующего артиллерией 44-й армии провели перегруппировку артиллерии, что позволило в кратчайшие сроки восстановить управление и усилить ее огневое воздействие по врагу.

После первого удачного дня наступления противника командование Крымского фронта и представитель Ставки ВГК армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис¹⁸ еще и не помышляли об отходе на тыловые оборонительные рубежи. Приказов об их занятии они не отдавали. Более того, находившиеся во фронтовом

подчинении и расположенные у Турецкого вала¹⁹ 72-я кавалерийская дивизия (генерал-майор В.И. Книга) и 54-й мотострелковый полк получили приказ выдвинуться в полосу 44-й армии прежде всего для усиления ее обороны.

В это время командующий 11-й армией вермахта отдал приказ о введении в прорыв 22-й танковой дивизии. Но начавшиеся дожди сильно замедлили ее продвижение. Лишь 10 мая подразделения танковой дивизии смогли прорваться в глубину обороны Крымского фронта и, развернувшись на север, выйти на коммуникации 47-й и 51-й армий. Следом за танковой дивизией шли 28-я егерская и 132-я пехотная дивизии. В прорыв почти одновременно бросили моторизованную бригаду «Гродек», которая также 10 мая достигла Турецкого вала и захватила две господствующие высоты.

Наступил кризис всей Керченской оборонительной операции, после этого обстановка с каждым часом осложнялась и ухудшалась, что в конце концов привело к трагическим событиям. 12 мая был высажен парашютный вражеский десант на аэродром Марфовки, в тылу 44-й армии. Он создал условия для начала борьбы за Турецкий вал до выхода на его рубеж выдвигавшейся из резерва Крымского фронта 156-й стрелковой дивизии (полковник А.М. Алиев). 13 мая оборона в центре Турецкого вала оказалась прорванной. Своеобразие боев на Крымском фронте заключалось в том, что они проходили в своего рода коридоре, ограниченном с севера Азовским, а с юга Черным морями. Наступавшие пехотные дивизии на автомашинах и БТР стремились обогнать отходившие в беспорядке соединения и части 44, 47 и 51-й армий и ударами в направлении моря отрезать им пути отхода на Керчь.

В ночь на 14 мая Ставка ВГК была вынуждена признать неуспех Керченской оборонительной операции. Главнокомандующий войсками северо-кавказского направления маршал С.М. Буденный с санкции Сталина в 3.40 приказал начать отвод войск Крымского фронта на Таманский полуостров²⁰. Однако директива Ставки ВГК № 1700385 от 15 мая 1942 г. вновь потребовала от командования Крымского фронта: «Керчь не сдавать, организовать оборону по типу Севастополя»²¹.

Тем не менее, с 15 по 20 мая продолжалась эвакуация из Керчи на Таманский полуостров. Начальник Главного морского шта-

ба адмирал И.С. Исаков приказал командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф.С. Октябрьскому собрать в район Керчи с ближайших баз и портов все суда: баржи, сейнеры, тральщики, боты, баркасы и буксиры, торпедные и сторожевые катера²².

В ночь на 20 мая на суда под ожесточенным огнем минометов и пулеметов противника погрузились последние части и подразделения, прикрывавшие эвакуацию остатков войск Крымского фронта. После исчерпания всех возможностей к активному сопротивлению в Керчи защитники города ушли в Аджимушкайские каменоломни. По разным источникам, в них отступило от 10 до 13 тыс. чел. – подразделения 83-й морской стрелковой бригады, 1-го запасного полка фронта, пограничники 95-го пограничного полка, несколько сотен курсантов Ярославского авиационного училища, Воронежского училища радиоспециалистов и бойцы из других частей, горожане. Бывший начальник отдела боевой подготовки штаба Крымского фронта полковник П.М. Ягунов руководил обороной в Центральных каменоломнях, бывший командир 291-го горнострелкового полка 63-й горнострелковой дивизии подполковник С.А. Ермаков – в Малых каменоломнях. Путем непрерывных атак враг сумел загнать бойцов и командиров вглубь каменоломен. Но взять их не смог, все попытки штурма с применением газов провалились. Несмотря на острую нехватку воды, продуктов, медикаментов, боеприпасов, оружия, красноармейцы держали оборону около 170 дней. 30 октября 1942 г., полностью истощенные, попали в плен последние защитники «Керченского Бреста». В руки врага попало всего 48 чел.²³

Директивой Ставки ВГК № 170396 от 19 мая 1942 г. Крымский фронт и северо-кавказское направление были расформированы, а остатки войск направлялись на формирование нового Северо-Кавказского фронта²⁴.

С 8 мая 1942 г. Крымский фронт потерял 162 282 чел.²⁵, 3476 орудий и минометов, 347 танков, 400 самолетов²⁶, несколько тысяч автомашин, несколько сот тракторов и другое имущество. На Таманский полуостров удалось эвакуировать около 140 тыс. чел., 157 самолетов, 22 орудия и 29 установок РС. Германским командованием в качестве результата операции «Охота на дроф» было заявлено о 170 тыс. пленных, захвате и уничтожении 258 танков и 1133 орудий²⁷. Противник потерял 7588 чел.

Ставка ВГК в директиве № 155452 от 4 июня 1942 г. проанализировала причины поражения Крымского фронта. Основную причину неудачи Керченской оборонительной операции она видела в том, что командование фронта – генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, дивизионный комиссар Ф.А. Шаманин, генерал-майор П.П. Вечный, представитель Ставки ВГК армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис, командующие 44-й армии генерал-лейтенант С.И. Черняк и 47-й армии генерал-майор К.С. Колганов «обнаружили полное непонимание современной войны»²⁸.

Более того, Ставка ВГК потребовала от командующих и военных советов всех фронтов и армий действующей армии, чтобы они «извлекли уроки из этих ошибок и недостатков в руководстве командования бывшего Крымского фронта»²⁹.

Таким образом, организация и система огня артиллерии 44-й армии накануне и в ходе Керченской оборонительной операции в основном соответствовала существовавшим тогда взглядам и уставным требованиям, однако строилась без достаточного учета опыта первого года войны. Командованием артиллерии не планировался подвижный заградительный огонь для парирования атаки танков и БТР, сосредоточенный и заградительный огонь для обеспечения стыков между стрелковыми дивизиями, в глубине обороны и для отражения морского и воздушного десантов противника. Даже не предусматривался массированный огонь для проведения контрподготовки и поддержки армейского контрудара. Все это в целом не позволило в полной мере использовать возможности артиллерии общевойскового объединения для срыва и отражения вражеского наступления.

¹ Паротькин И. О плане летней кампании немецко-фашистского командования на советско-германском фронте в 1942 г. // Военно-исторический журнал. 1961. № 1.

² Гальдер Ф. Военный дневник. (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М., 2012. С. 601.

³ Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение «третьей империи». М., 1973. С. 317.

⁴ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. М., 1975. Т. 5. С. 123.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 331.

⁶ Передельский Г.Е., Токмаков А.И., Хорошилов Г.Т. Артиллерия в бою и операции. М., 1980. С. 90.

- ⁷ ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 215. Оп. 1185. Д. 91. Л. 23–24.
- ⁸ Во втором эшелоне 44-й армии на этом направлении были 396-я и 404-я стрелковые дивизии, 13-й мотострелковый полк и танковые бригады и отдельные танковые батальоны. Второй эшелон располагался в 3–4 км от переднего края, т. е. на уровне позиции полковых резервов. При столь малой глубине противник имел возможность нанести огневой удар сразу по двум эшелонам оперативного построения армии.
- ⁹ ЦАМО РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 158.
- ¹⁰ Передельский Г.Е., Токмаков А.И., Хорошилов Г.Т. Указ. соч. С. 91.
- ¹¹ Симонов К.М. Из военных дневников 1941–1945 гг. // Новое время. 1965. № 7. С. 27.
- ¹² Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 193.
- ¹³ ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 20. Л. 68–70.
- ¹⁴ Там же. Ф. 224. Оп. 760. Д. 1. Л. 56.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. М., 2015. С. 354.
- ¹⁷ Манштейн Э. Утерянные победы / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М., СПб., 1999. С. 264.
- ¹⁸ Рубцов Ю.В. Л.З. Мехлис – представитель Ставки ВГК на Крымском фронте (январь – май 1942 года) // Геополитика и безопасность. 1994. № 2. С. 97–105.
- ¹⁹ Турецкий вал не следует путать с Турецким валом на Перекопском перешейке. Это древние земляные укрытия, возведенные на Керченском полуострове между Казантинским заливом и озером Узинларское в 24–25 км западнее Керченского пролива. В некоторых оперативных документах он называется Татарским.
- ²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2012. Т. 3. С. 209.
- ²¹ Русский архив: Великая Отечественная... Т. 16 (5–2). С. 205.
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 38. Л. 11, 12.
- ²³ Абрамов В.В. Керченская катастрофа 1942. М., 2006.
- ²⁴ Русский архив: Великая Отечественная... Т. 16 (5–2). С. 209.
- ²⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 355.
- ²⁶ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 378.
- ²⁷ Манштейн Э. Указ. соч. С. 270–271.
- ²⁸ Русский архив: Великая Отечественная... Т. 16 (5–2). С. 236.
- ²⁹ Там же. С. 238.

А.С. Ирютин (Московская обл.)

ДИВЕРСИОННЫЕ ДЕСАНТЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ СЕВЕРНОГО ФЛОТА В 1942 ГОДУ, ИХ РОЛЬ В ОБОРОНЕ ЗАПОЛЯРЬЯ

МОРСКАЯ ПЕХОТА военных лет стала символом безудержной отваги, исключительной стойкости, особой удали, презрения к смерти, высокого боевого мастерства, любви к Родине и непоколебимой верности воинскому долгу. Именно в Великой Отечественной войне с наибольшей полнотой проявились высокие морально-боевые качества морской пехоты, выделившие ее как род сил с неповторимым национальным обликом. Лучшим средством военно-патриотического воспитания будущих защитников Отечества служит ознакомление их со славными победами в Великой Отечественной войне, примерами воинской доблести, проявленной соединениями и частями морской пехоты.

После наступательной десантной операции 12-й Особой бригады морской пехоты (ОБМП) Северного флота стало понятно, что в ближайшем будущем сил для перелома ситуации «позиционной» войны нет ни у одной из противоборствующих сторон. 14-я армия Карельского фронта не смогла прорвать оборону немецких горных егерей, что позволило противнику создать резервы и перебросить силы для ликвидации угрозы со стороны 12 ОБМП, которая добилась значительных успехов в десантной операции весной 1942 г. Опасения немцев о союзном десанте в Норвегии не подтвердились, и на фронте в Заполярье наступило затишье, прерываемое только стычками разведгрупп и артиллерийско-минометными дуэлями.

В сложившейся ситуации особую значимость приобрели действия мелких диверсионно-разведывательных групп, однако имели место и блестяще организованные и проведенные диверсион-

ные десантные операции с привлечением значительных сил. Что же представлял собой диверсионный десант в соответствии с военно-теоретическими взглядами руководства Вооруженных Сил СССР? Наиболее полно военно-теоретические взгляды на морские десантные операции в предвоенный период отразил в 1934 г. И.С. Исаков в своем научном труде «Десантная операция».

В теории И.С. Исакова диверсионный десант имел цель – проведение диверсионных действий в тылу противника, воздействие на устойчивость его экономической, политической или военной мощи. Состав десанта определялся каждый раз конкретной задачей и мог колебаться от одного человека до нескольких значительных групп, что, в свою очередь, определяло и время его проведения. Кроме того, на диверсионные десанты могли возлагаться задачи проведения демонстративных акций с целью отвлечения внимания противника от направления главного удара¹. Первый такой десант был высажен 14 июля 1941 г. в районе мыса Пикшув. В разведывательно-диверсионных десантах принимали участие в основном морские пехотинцы разведрот бригад, разведвзводов батальонов, а впоследствии и бойцы разведывательного отряда штаба Северного оборонительного района (СОР). Военные советы Карельского фронта и Северного флота систематически анализировали работу разведки в частях и соединениях и давали указания по ее организации, формам и способам ведения. Позиционный характер боевых действий позволял проводить интенсивную боевую подготовку диверсионно-разведывательных групп и совершенствовать тактику их применения. Пристальное внимание уделялось технической подготовке десантов и тыловому обеспечению диверсантов, многое зависело от инициативности командиров и рядовых бойцов. Вот что писал по этому поводу мурманский краевед А.С. Храповицкий: «Успех операции разведчиков основывается не только на личном героизме людей – каждая операция тщательно готовилась. И в этой подготовке не было мелочей: от знания местности, куда будет совершена высадка, до укладки рюкзаков, проверки оружия, одежды и обуви. Семен Флоринский считал, что в любой мелочи их неприхотливого быта есть практический смысл. Борис Иванов вспоминает, как однажды потребовалось добыть огоньку. Прикрываясь плащ-палатками, изводили одну за другой спички. И хотя они были предохранены от сырости, на этот

раз подвели. Семен тут же достал из кармана кремень, кресало и джуг. И тут помогла его смекалка»².

Временем расцвета диверсионных десантов морской пехоты можно назвать летне-осенний период 1942 г. Связано это с тем, что после Мурманской наступательной операции весны 1942 г. 12 ОБМП была выведена для пополнения и отдыха на полуострова Средний и Рыбачий, которые являлись удобным плацдармом для диверсионных десантов на побережье, занятое противником. К концу августа 1942 г. на основе полученных разведданных (показания пленных и анализ захваченных документов) было установлено, что на южном побережье Мотовского залива немцы создали систему опорных пунктов, своим огнем препятствовавших движению кораблей Северного флота в Мотовском заливе и осуществлению погрузочно-разгрузочных работ в губе Эйно и губе Озерко. При этом наиболее интенсивный огонь велся противником из района мыса Пикшуев. В боевой летописи разведчиков морской пехоты Северного флота чаще других мест упоминается именно этот, вдающийся в Мотовский залив, участок побережья близ устья реки Большая Западная Лица. Если учесть, что через упомянутый залив шло снабжение оборонявшихся хребет Муста-Тунтури частей и соединений морской пехоты СОР, то станет понятно серьезное внимание, которое уделяло немецкое командование мысу Пикшуев.

Точное расположение огневых средств, состав гарнизонов на южном побережье Мотовского залива – опорных пунктов противника – разведкой установлены не были, однако стало известно, что каждый из них включал до усиленной роты из состава 6-й немецкой горно-егерской дивизии. 16 октября 1942 г. от пленных были получены данные, что 6-я горно-егерская дивизия готовилась к отправке на Кавказский фронт. В целях удержания ее на мурманском направлении командующий Карельским фронтом приказал командующему 14-й армии и командующему Северным флотом систематически наносить удары по 2-й горно-егерской дивизии и держать противника в постоянном напряжении, заставляя его иметь в готовности резервы³. По имевшимся сведениям, командованием 19-го горно-егерского корпуса готовилось наступление на мурманском направлении, с целью овладения главной базой Северного флота – Полярным и Мурманском.

Командующий Северным флотом своей директивой от 25 августа 1942 г. поставил командующему СОР задачу систематически производить разведывательные поиски для выявления состава сил и намерений противника, а также высаживать диверсионные десанты для уничтожения вражеских опорных пунктов с обязательным захватом пленных⁴. Кроме того, высадка разведывательных и диверсионных десантов имела целью создать видимость подготовки крупной десантной операции с целью срыва предстоящего немецкого наступления путем нарушения его планомерной подготовки.

Энергичные действия морской пехоты вынудили противника создать сеть опорных пунктов с целью противодесантной обороны. По добытым разведанным, немецкое командование выделило 67-й самокатный батальон для противодесантной обороны побережья. По показаниям пленных удалось установить, что на побережье создана сеть в количестве 8 опорных пунктов (табл. 1)⁵.

Во исполнение директивы, СОР в сентябре 1942 г. осуществил две высадки крупных диверсионных десантов в районе мыса Пикшуев.

Наиболее эффективным боевым применением разведывательных подразделений и частей морской пехоты Северного флота явилась высадка 11 сентября 1942 г. сводного отряда 12 ОБМП. К этому времени визуальным наблюдением за огневыми точками противника, а также детальным изучением рельефа местности по карте было установлено, что естественным и наиболее вероятным рубежом для организации системы огня и взаимодействия основных огневых средств является участок побережья от безымянного ручья до мыса Пикшуев и далее на юго-запад. Основным районом сосредоточения сил и средств противника предположительно являлся район безымянных высот.

Замыслом боевых действий по уничтожению опорных пунктов 6-й горно-егерской дивизии на мысе Пикшуев предусматривалось произвести высадку сводного отряда 12-й Особой бригады морской пехоты в двух пунктах: № 1 – безымянный ручей – группа № 1, старшего лейтенанта Белозерова, и № 2 – лощина – группа № 2, старшего лейтенанта Н.И. Грачева. После чего, осуществив охват опорных пунктов с флангов, отрезать противнику пути отступления и не допустить подхода его резервов, а затем совместным ударом с тыла в направлении мыса

Табл. 1

№ п/п	Название опорного пункта	Кол-во л/с, чел.	Артиллерия	Минометы	Пулеметы	Фортификационные и иные сооружения	Направление огневой системы	
1	Могильный	80–100	1 (75 мм)	2	6	4 тяжелопулеметных ДЗОТа, 10 окопов для стрелков	В сторону Мотовского залива и Титовской губы	
2	Обергоф	100–120	-	2	11–12	4 тяжелопулеметных ДЗОТ, 5-6 легкочпулеметных ДЗОТов, до 15 окопов для стрелков, 12 землянок, НП, кухня	Круговая	
3	Пикшув	120	2 (75 мм)	2	10	2 тяжелопулеметных ДЗОТа, 8 легкочпулеметных ДЗОТов, 12 землянок, НП	Круговая	
4	Гольдберг	100	-	2	6	Нет разведанных		
5	Фишерштайн	Нет разведанных						
6	Герцогштайн	60	-	4	4	Нет разведанных		
7	Зоммерберг	20–30	Нет разведанных					
8	Зеэнге	40	Нет разведанных					

Пикшуев уничтожить живую силу и огневые средства противника в опорных пунктах⁶.

Основу успеха боя обеспечивали внезапность высадки и стремительность действий десанта на берегу, в тесном взаимодействии с поддерживающими силами и средствами.

В состав сводного отряда под командованием майора А.П. Боровикова, численностью 236 чел., вошли две разведывательные группы: № 1, включавшая отдельную роту автоматчиков бригады и два саперных отделения; № 2, включавшая отдельную разведывательную роту и саперное отделение. Кроме того, в каждую группу включались корректировочные посты, возглавляемые офицерами-артиллеристами.

Для перевозки десанта к пунктам высадки первоначально было решено привлечь три катера типа МО (морской охотник).

Артиллерийскую поддержку действий сводного отряда на берегу должны были осуществлять батареи 104-го пушечно-артиллерийского полка. 6 сентября 1942 г. штаб СОР вручил командиру 12 ОБМП полковнику В.В. Россохину боевой приказ на уничтожение опорных пунктов противника на мысе Пикшуев. Для принятия решения и подготовки подразделений десанта давалось пять дней.

7 сентября 1942 г. сводный отряд был сформирован и под видом проведения сбора автоматчиков сосредоточен в Майнаволоке в районе губы Зубовская (северное побережье полуострова Рыбачий). Полковник Россохин выбрал для подготовки отряда именно этот район, поскольку его рельеф и конфигурация были схожи с районом предстоящих боевых действий.

В течение 8 и 9 сентября проводилась интенсивная целенаправленная подготовка отряда к действиям в составе диверсионного десанта. Она имела целью усовершенствовать навыки командного состава в устойчивом и непрерывном управлении подразделениями при ведении боевых действий ночью в условиях горно-тундровой местности, а также обучить личный состав умелым и решительным действиям при высадке десанта и в ходе боя на берегу при уничтожении опорных пунктов противника.

Одновременно штабы Северного оборонительного района и 12 ОБМП Северного флота обрабатывали боевые документы. Для более эффективного и организованного применения подразделений десанта в ходе ведения боевых действий на берегу,

сводный отряд был разделен на пять групп (захвата пунктов высадки; прикрытия флангов и тыла; захвата опорных пунктов и прочесывания местности; подрыва ДОТ и ДЗОТ).

К ночи 10 сентября в районе бухты Эйно на южном побережье полуострова Рыбачий сосредоточился весь сводный отряд, все средства высадки. Первоначально намечалось произвести посадку десанта на корабли с 21.00 до 22.00, а его высадку на берег противника осуществить в период с 23.00 до 24.00. Однако хорошая видимость создавала опасность преждевременного обнаружения отряда противником, а вместе с этим и утраты одного из неперемных условий успешной высадки диверсионного десанта – внезапности. Поэтому было принято решение отодвинуть начало операции на один час.

Посадка на причалах Эйно началась в 22.00 и закончилась в 22.40. На борт поднялись 375 чел. личного состава с оружием и снаряжением.

По замыслу операции в 22.50 корабли с десантом выдвинулись к пунктам высадки двумя группами: 1-я группа состояла из одного малого охотника и трех сторожевых катеров; 2-я группа включала два малых охотника и два тральщика – катера.

11 сентября в 00.35 в пункте высадки № 1 в районе безымянного ручья успешно высадилась разведывательная группа под командованием старшего лейтенанта Белозерова. Высадку осуществили быстро и организованно без противодействия противника, который, как выяснилось позже, не обнаружил ни подхода кораблей к берегу, ни самой высадки. Выставив боевое охранение на своем правом фланге, группа, умело ориентируясь по компасам, начала стремительно развивать наступление на высоту под кодовым названием «Картошка».

Первым наступал разведывательный взвод 2-го батальона бригады под командованием лейтенанта Г.А. Поярко. Отлично ориентируясь на местности, вывел всю группу точно к месту планируемой встречи с разведывательной группой № 2 старшего лейтенанта Грачева.

В это время по стоявшим на рейде Мотовского залива мотоботам, в районе пункта высадки № 2, открыла огонь немецкая артиллерийская батарея, которую нашим группам предстояло найти и уничтожить. Таким образом, располагавшаяся на восточных скатах высоты «Картошка» батарея 75-мм орудий про-

тивника обнаружила сама себя. Кроме того, в этом же районе наши моряки обнаружили два 81-мм миномета.

Командир отряда майор Боровиков приказал командиру разведгруппы № 1 старшему лейтенанту Белозерову скрытно выдвинуть отдельную роту автоматчиков к батарее и уничтожить ее. Внезапной атакой морские пехотинцы в течение нескольких минут уничтожили личный состав немецкой батареи. При этом семь человек включая командира батареи были взяты в плен.

В ночном бою особо отличились командиры разведывательных подразделений лейтенанты Поярко, Головань, Пякулевич, политруки Сумарков и Васильев. После захвата немецкой батареи взвод Поярко был оставлен для подрыва, с помощью приданных ему саперов, четырех 75-мм орудий, минометов и складов с боеприпасами. Отдельная рота автоматчиков, оставив под охраной разведвзвода пленных, начала движение к месту боя разведгруппы № 2.

Разведгруппа № 2 высадилась менее удачно. Каменистое дно не позволило катеру МО-135 подойти близко к берегу. Положение спас командир отделения минеров старшина первой статьи Гольнев, который спрыгнул за борт и, стоя по грудь в ледяной воде, подпер руками сходню, дав возможность морским пехотинцам с оружием и полной выкладкой десантироваться на берег. Такой же героический поступок совершил и старшина второй статьи Чирков с катера МО-125.

Из-за сложного рельефа дна не смог подойти к берегу и сторожевой катер СКА-215. Во время отлива катер сел на камни, было необходимо быстро высадить десант, который превратился в неподвижную цель. Командир катера приказал спустить на воду единственную шлюпку, на ней разведчики высадилась на берег, матросы Царев и Русинов, спрыгнув за борт в ледяную воду, вручную переводили шлюпку к берегу и обратно.

Неудача высадки группы старшего лейтенанта Грачева определялась прежде всего тем обстоятельством, что она высадилась не в одном пункте, как это было определено боевым приказом, а в двух. При этом командир группы с двумя разведывательными взводами был высажен южнее установленного пункта высадки, а старший политрук Исаев, также с двумя взводами – севернее. Кроме того, высадка последних происходила под сильным огнем противника из района безымянных высот.

Высадка диверсионного десанта

Первым в пункте высадки № 2 оказался взвод отдельной разведывательной роты под командованием лейтенанта М.М. Зуева. При высадке десантники попали под пулеметный огонь противника, после некоторого замешательства взвод успешно атаковал опорный пункт врага. Бой был ожесточенным, переходящим в рукопашные схватки. Всего в опорном пункте противника было уничтожено два дота, два дзота и до 30 солдат и офицеров. В этом бою героически погиб старший политрук Исаев и был ранен командир взвода младший лейтенант Федоров.

После ранения командира взвода и гибели политрука лейтенант Зуев объединил оба взвода (1-й и 2-й) под своим командованием, начал выдвижение к высоте «Картошка», где было определено приказом место встречи 1-й и 2-й разведывательных групп сводного отряда майора Боровикова.

Успешно вела боевые действия на берегу другая половина роты, возглавляемая старшим лейтенантом Грачевым. После высадки командир группы № 2 с двумя взводами своей отдельной разведывательной роты начал атаку безымянной высоты, но, встретив сильное сопротивление противника, совершил обход позиций с фланга и атаковал опорный пункт с южных и западных скатов.

В результате пятичасового боя разведчики морской пехоты под командованием Грачева, овладев высотой, уничтожили шесть дотов, две землянки, две палатки, два продовольственно-вещевых склада и два склада боеприпасов. Кроме того, противник потерял убитыми 52 солдата и офицера.

11 сентября в 05.00 сводный отряд майора Боровикова достиг рубежа безымянных высот, где был встречен огнем противника. В это же время огневую поддержку своим соседям оказал гарнизон немецкого опорного пункта на высоте 415,3.

Правильно оценив обстановку, майор Боровиков решил частью сил сковать противника с запада, обойти его позиции с севера и юга, после чего одновременным ударом с двух направлений захватить опорный пункт Пикшуев. К 08.00 весь гарнизон на м. Пикшуев был уничтожен. При этом противник потерял только убитыми более 50 солдат и офицеров, были взяты в плен два солдата, саперы взорвали четыре дота и пять землянок.

К назначенному времени сводный отряд вышел к пункту сбора и без потерь погрузился на катера. В 9.30 командующему СОР было доложено об успешном выполнении боевой задачи.

В результате высаженного 11 сентября 1942 г. на мыс Пикшуев диверсионного десанта 12 ОБМП были полностью разгромлены три опорных пункта противника, уничтожено около 180 и взято в плен 9 солдат и офицеров, уничтожено 6 дотов, 13 ДЗОТов, три продовольственно-вещевых склада и пять складов боеприпасов, десять землянок, две палатки; захвачено четыре 75-мм орудия, четыре 51-мм, четыре 81-мм и два 120-мм миномета, сорок ящиков снарядов, 16 станковых и ручных пулеметов, 200 автоматов и винтовок, продовольствие, 63 ящика винтовочных патронов, одна ветряная и одна метеостанция. Потери отряда составили 24 чел. убитыми и умершими от ран (в том числе пять младших офицеров) и 37 раненых (из них три младших офицера).

Таким образом, цель операции – уничтожение опорных пунктов противника на южном берегу Мотовского залива была успешно выполнена.

Народный комиссар ВМФ в своей директиве дал высокую оценку действиям диверсионного десанта морской пехоты Северного флота и поставил его в пример всем флотам и флотилиям Военно-Морского флота.

Показания захваченных в ходе подготовки операции пленных подтвердились и были дополнены. Пленные показали, что после высадки 12 ОБМП в ходе Мурманской наступательной операции в апреле 1942 г. на фланге 6-й горно-егерской дивизии командование горно-егерского корпуса «Норвегия» приняло решение – для усиления своего приморского фланга возвести ряд опорных пунктов. Так на побережье Мотовского залива и губы Большая Западная Лица был оборудован ряд опорных пунктов: «Могильный», «Обергоф», «Лапенштайн», «Пикшуев» и «Гольдберг». Их обороняли три роты 67-го самокатного батальона, сменившие измотанные в боях с морскими пехотинцами подразделения 68-го самокатного батальона. В результате диверсионного десанта сводного отряда майора Боровикова были уничтожены три из шести опорных пунктов: «Лапенштайн» (нет данных), «Пикшуев», «Гольдберг».

По показаниям пленных, вдоль побережья Мотовского залива, восточнее уничтоженных опорных пунктов находятся еще три: «Фишерштайн», «Герцогштайн» и «Зоммерберг». Кроме того, пленный офицер дал ценные разведанные об артиллерийских частях в районе Титовки и подразделениях 193-го пехотного полка и 14-го моторизованного пулеметного батальона, занимавших участок фронта у полуострова Средний.

Несомненно, диверсионный десант морской пехоты, высаженный 11 сентября 1942 г., достиг своих целей, кроме того под его прикрытием на южном берегу губы Малая Волоковая была высажена разведгруппа 63-й бригады морской пехоты в количестве 15 чел., возглавляемая командиром отдельной разведывательной роты бригады старшим лейтенантом Юневичем. О высаженной разведгруппе ничего не было известно до 14 сентября, когда через четверо суток группа была снята торпедными катерами с побережья и доставлена на базу. В результате рейда разведчиками в районе озера Кернаваакин-Ярви была уничтожена засада противника, в ножевом бою 12 немецких солдат были убиты и один захвачен в плен. Пленный был доставлен на базу, где показал, что батальон 137-го горно-егерского полка сменил 14-м отдельным моторизованным пулеметным, а 388-й пехотный батальон был заменен 193-м пехотным. Эти показания полностью подтверждали сведения, полученные от пленных, захваченных разведчиками 12 ОБМП.

Как выяснилось из доклада командира разведгруппы, после удачного диверсионного десанта 12 ОБМП противник повысил бдительность и усилил охрану своих опорных пунктов. Это усилило нагрузку на немецкие войска, дополнительно выделяемые силы не могли действовать на мурманском направлении и на перешейке полуострова Средний. Войска противника уже испытывали затруднения в связи с нехваткой людских резервов.

17–18 сентября 1942 г. проводилась диверсионная десантная операция в целях уничтожения трех опорных пунктов противника на побережье Мотовского залива. Десант морской пехоты из состава разведывательных подразделений СОР включал сводный отряд 63-й бригады морской пехоты под командованием капитана Буянова и отряд 12-й бригады морской пехоты под командованием майора Боровикова. Одновременно на западный берег губы Большая Западная Лица была высажена усиленная разведрота 82-й отдельной морской стрелковой бригады главной базы флота в количестве 200 чел. Всего высажено около 890 чел. Однако, удачными стали действия только отряда майора Боровикова, который уничтожил более 100 солдат противника, 10 ДЗОТов и склад с боеприпасами.

В бою за опорный пункт «Обергоф» отличилась штурмовая группа в составе трех разведывательных взводов, взвода автоматчиков и двух отделений саперов под командованием лейтенанта М.М. Зуева. При высадке мотобот со штурмовой группой в двухстах метрах от берега сел на мель. Под огнем противника морские пехотинцы в ледяной воде вплавь добрались до берега. Захватив высоту, разведчики уничтожили стрелковый и пулеметный взводы, два пулеметных отделения противника, взорвали три землянки и два ДЗОТа. Получив приказ майора Боровикова прикрыть отход отряда, эта группа огнем своего и двух трофейных пулеметов остановила автомашины с немцами, первая из которых подорвалась на установленной разведчиками противотанковой mine. Под прикрытием пулеметов группа отошла в пункт посадки к ожидавшим ее катерам. Отряд капитана Буянова атаковал опорный пункт «Могильный», но был встречен пулеметным огнем и отошел в место высадки. Успехи диверсионных десантов продемонстрировали высокую боевую выучку и моральный дух морской пехоты Северного флота.

Военный совет Карельского фронта требовал от командиров всех степеней лично заниматься разведкой, комплектовать разведподразделения лучшими бойцами, а командирами назначать смелых, талантливых и инициативных офицеров. Именно таковыми являлись командиры разведывательных рот А.Я. Юневич, Н.И. Грачев, командиры разведвзводов старшие лейтенанты Г.А. Поярко, М.М. Зуев, И.Д. Федин, лейтенанты А.Т. Рудыкин, А.И. Кравцов и др.⁷

Без преувеличения можно сказать, что диверсионные десанты морской пехоты Северного флота в 1942 г. явились образцом планирования и проведения операций и заслужили высокую оценку командования. Их опыт был изучен и использован при проведении десантных операций в ходе освобождения Советского Заполярья и Северной Норвегии в 1944 г.

¹ Жуматий В.И. Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны. 1918–1945. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2011. С. 62.

² Киселев А.А. Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941–1945 годах. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 2002. С. 162.

³ Боевая летопись Военно-морского флота, 1941–1942. М.: Военное изд-во, 1983. С. 48.

⁴ Абрамов Е.П., Литвинов В.В. Презревшие смерть. СПб.: Творческое объединение «Пальмира», 2010. С. 106.

⁵ Таблица составлена автором на основе материалов ЦВМА. Ф. 1346. Оп. 27. Д. 6. С. 115.

⁶ Абрамов Е.П., Литвинов В.В. Указ. соч. С.107.

⁷ Там же. С. 114.

П.А. Кабанов, В.А. Соколов (Санкт-Петербург)

ОДНА ИЗ ТАЙН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПРОГНОЗИРУЯ ВЫСОКУЮ ВЕРОЯТНОСТЬ нового вооруженного конфликта в Европе в конце 1930-х гг., военное руководство Великобритании стало уделять существенное внимание различным вопросам медицинского обеспечения раненых и больных¹. Например, командование Королевских военно-воздушных сил (Royal Air Force (RAF)) справедливо полагало, что в военное время необходимо будет оказывать медицинскую помощь большому числу летчиков-истребителей и членов экипажей многомоторных самолетов с крайне тяжелым видом боевой травмы – со страшными, уродующими внешний вид человека ожогами. С той патологией, которая не имела перспектив к скорейшему возвращению пострадавшего не только к летной работе, но и к обязанностям военной службы². А это значительно уменьшило бы боеспособность английских ВВС, увеличило бы вероятность завоевания возможным противником господства в небе уже в начальный период войны.

Для лечения этих жертв, уже в предвоенные годы были развернуты четыре специальных отделения службы скорой медицинской помощи в ближайших окрестностях Лондона – одно из них в The Queen Victoria Hospital, East Grinstead. Вокруг зданий госпиталя были возведены армейские деревянные бараки, рассчитанные на размещение 120 раненых с различной этиологией травм. Так, первое отделение было предназначено для лечения пострадавших со стоматологической и челюстно-лицевой патологией. Во втором предполагалось разместить женщин и детей, пострадавших во время воздушных налетов и нуждавшихся в выполнении пластических операций, которые

не могли быть выполнены в Лондоне из-за угрозы воздушных налетов немецких ВВС (Luftwaffe). Третье предназначалось для лечения раненых военнослужащих с наиболее тяжелыми ожогами. В непосредственной близости от него развернули помещение для солевых ванн, 3 комнаты для отдыха, физиотерапевтический кабинет и блок трудотерапии. В главном здании больницы детское отделение было переоборудовано в большую операционную из двух залов³.

С 4 сентября 1939 г. работу специализированного отделения пластической хирургии возглавил Archibald Hector McIndoe (1900–1960). Это было не случайное назначение. Уроженец Новой Зеландии А. McIndoe имел опыт работы в США, затем переехал в Англию, где стажировался в клинике известного хирурга Sir Harold Gillies⁴. С 1930 г. проживал в Лондоне и вместе с другими специалистами занимался совершенствованием и разработкой новых методов кожной пластики⁵. К началу Второй мировой войны он уже стал консультантом по пластической хирургии RAF. Значимость этого назначения становится понятной, если учесть, что накануне Второй мировой войны это направление хирургии в мире только зарождалось⁶. Узких специалистов можно было пересчитать по пальцам. Так, по данным J.F. Fraser и C.S. Hultman⁷, к моменту начала боевых действий в Европе их было зарегистрировано в США всего 60 чел., а в Великобритании – только 4! Столько же проживало в Канаде⁸.

Понимая, что успех лечения обожженных будет зависеть не только от решения целого комплекса сложнейших вопросов, связанных с общим хирургическим лечением, но и последующей физической и психологической реабилитацией, начальник отделения все же смог собрать интернациональную команду специалистов, имеющих определенный опыт пластической хирургии, анестезиологии и реаниматологии, физиотерапии⁹. Например, вместе с ним работали: канадский врач Albert Ross Tilley¹⁰, Gerry Moore специализировался по лечению расщелин губ и неба, а Terence Ward – по травмам челюсти и рта, Benjamin Ryecroft имел большой опыт в пластике роговицы. Анестезию давали John Hunter и George Chadd. Физиотерапевтическим лечением и организацией трудотерапии занимался новозеландский врач John Blackie. Главной медицинской сестрой стала Jill Mullins. А непосредственной работой средне-

го и младшего медицинского персонала руководила ирландка Matron Hall.

Эскалация военных действий в Европе, нарастание интенсивности воздушных боев, количественный и качественный рост авиационного парка воюющих стран, численности участвующих в боях военнотружущих ВВС привели к резкому увеличению потерь среди личного состава RAF¹¹.

Первые авиаторы с термической травмой стали лечиться в The Queen Victoria Hospital во время битвы за Британию в 1940 г. Ими преимущественно были летчики-истребители. Позже, когда интенсивность стратегических бомбардировок промышленных районов и городов Германии увеличилась, среди пациентов стали преобладать члены экипажей бомбардировщиков. До конца войны их было 80 % от общего числа госпитализированных¹². В 1958 г. в своей лекции А. McIndoe привел данные о том, что за период 1939–1945 гг. только сгорели в своих боевых машинах 22 000 чел. из числа летно-подъемного состава английских ВВС. Приблизительно 4500 чел. с ожогами было извлечено из кабин самолетов или было спасено после прыжка с парашютом. Причем 3600 были доставлены в специализированные ожоговые отделения RAF¹³ и находились там на лечении. А в The Queen Victoria Hospital за 6 лет войны было госпитализировано не только 600 военнотружущих RAF, авиационных частей союзников, а также летчики-добровольцы с термической травмой из многих стран мира¹⁴. Из них 57 % были англичанами, 27 % – канадцами, 8 % – новозеландцами, 8 % – австралийцами. Однако, в музее The Queen Victoria Hospital есть сведения, что в отделении медицинскую помощь оказывали американцам, норвежцам, чехам и даже русским¹⁵! Более подробную информацию авторам настоящей публикации найти пока не удалось¹⁶. Обращение к сотрудникам Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации не прояснило ситуацию. Данный исторический факт требует дальнейшего изучения.

Авторы будут благодарны коллегам, располагающим более подробной информацией по этому малоизвестному факту. Мы готовы к проведению совместной работы по данной тематике, наши контакты: +79052712332; e-mail vsokolov60@mail.ru

- ¹ Hillary R. *The Last Enemy*. Vintage, 2010. 192 p.
- ² Джанелидзе Ю.Ю. Ожоги и их лечение. Л., 1941. 38 с.; Его же. Ожоги // Опыт Советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1951. Т. 1. С. 332–425.
- ³ Bennett J.P. A history of the Queen Victoria Hospital, East Grinstead // *Br. J. Plast. Surg.* 1988. Vol. 41. № 4. P. 422–440.
- ⁴ Ellis H. Two pioneers of plastic surgery: Sir Harold Delf Gillies and Sir Archibald McIndoe // *Br. J. Hosp. Med.* 2010. Vol. 71. № 12. P. 698.
- ⁵ Balfour D. The late Sir Archibald McIndoe, C.B.E., F.R.C.S // *Ann. R. Coll. Surg. Engl.* 1960. Vol. 27. № 2. P. 146.
- ⁶ Martin N.A. Sir Alfred Keogh and Sir Harold Gillies: their contribution to reconstructive surgery // *J. R. Army Med. Corps.* 2006. Vol. 152. № 3. P. 136–138.
- ⁷ Fraser J.F. America's fertile frontier: how America surpassed Britain in the development and growth of plastic surgery during the interwar years of 1920–1940 // *Ann. Plast. Surg.* 2010. Vol. 64. № 5. P. 610–613.
- ⁸ Wilton P. WW II «guinea pigs» played crucial role in refining plastic surgery in Canada // *CMAJ.* 1998. Vol. 159. № 9. P. 1158–1159.
- ⁹ Rees T.H. Sir Archibald McIndoe, C.B.E., F.R.C.S. // *Ann. Plast Surg.* 1979. Vol. 2. № 2. P. 167–175.
- ¹⁰ Mowbrey K. Albert Ross Tilley: The legacy of a Canadian plastic surgeon // *Can J. Plast. Surg.* 2013. Vol. 21. № 2. P. 102–106.
- ¹¹ Hastings M. *Bomber Command* (Pan Military Classics). Paperback, 2010. 544 p.
- ¹² Bishop E. *McIndoe's Army: The Story of the Guinea Pig Club and Its Indomitable Members*. Grub Street, 2002. 180 p.
- ¹³ Jackson D.M. McIndoe Lecture, 1978. Burns: McIndoe's contribution and subsequent advances // *Ann. Royal Col. Surg. Eng.* 1979. Vol. 61. P. 335–340.
- ¹⁴ Hammel E.C. A Yank in Bomber Command. Pacifica Press, 1998. 221 p.
- ¹⁵ Macnamara A.F. Sir Archibald Hector McIndoe (1900–1960) and the Guinea Pig Club: the development of reconstructive surgery and rehabilitation in the Second World War (1939–1945) // *J. Med. Biogr.* 2014. Vol. 22. № 4. P. 224–228.
- ¹⁶ Соколов В.А. Лечение термической травмы и ее последствий в СССР и Великобритании в годы Второй мировой войны. СПб., ВМедА, 2016. 48 с.

В.Г. Кикнадзе (Москва)

ПОДГОТОВКА ТРЕТЬИМ РЕЙХОМ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

НАЧАЛО РАЗВЯЗАННОЙ Третьим рейхом войны против Советского Союза отделяет от сегодняшнего дня почти восемь десятилетий. Рождение этих агрессивных, античеловеческих планов по отношению к нашему Отечеству и народу имеет еще большую, столетнюю историю. Многие радикальные идеи «русской политики» появились в Германии уже в годы Первой мировой войны. Дальнейшее их развитие связано с революциями в России 1917 г. и в Германии 1918 г., итогами Первой мировой войны, созданием на обломках Российской империи первого Советского государства – событиями мировой и русской истории, которые в канун их векового юбилея должны получить объективную оценку.

Историография данной проблемы, которая не теряет своей актуальности, весьма обширна и многогранна¹. Конечно, прежде всего это относится к отечественной исторической науке. Причем она решает не только задачи формирования единого понимания русской истории, но и защиты государственных интересов на внешнеполитической арене.

Доказательной базой для правовой оценки на международном уровне деятельности Третьего рейха в отношении СССР послужили *документы, опубликованные* в сборнике «Международный военный трибунал (Нюрнбергский процесс)»². На сегодняшний день этот сборник является последним по времени издания. Он прошел сверку с оригинальными немецкими документами. Наибольший интерес представляет 3-й том, который посвящен планированию и осуществлению агрессивных планов Третьего рейха. В главе «Агрессия против СССР» приводятся показания

ряда свидетелей, заявления обвиняемых, документы главного командования вооруженных сил фашистской Германии, письма и директивы А. Гитлера. Много материала посвящено переписке М. Антонеску с фюрером, его показаниям в ходе процесса. Эти сведения являются крайне ценными, ввиду того, что румынский диктатор был осведомлен о подготовке вторжения в СССР больше, чем некоторые подчиненные Гитлера.

Ценность представляют и другие сборники, которые содержат документы, не вошедшие в материалы Нюрнбергского процесса. Прежде всего, это подготовленный в 2015 г. коллективом авторов факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова при поддержке Российского гуманитарного научного фонда сборник «Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР»³. В сборник включены документы и материалы из крупнейших российских и германских архивов. В совокупности они призваны наиболее полно раскрыть политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР. Документы освещают контекст формирования, ход разработки и политико-экономическую подоплеку германских планов экспансии на Восток с конца 1920-х гг. до начала Великой Отечественной войны; военные планы агрессии; процесс планирования разграбления территории СССР и порабощения советского народа. Опубликованные материалы доказывают необходимость преодоления часто репродуцируемых фальсификаторских (в русле «ревизионистской» истории) подходов к освещению предыстории и начального периода Великой Отечественной войны и противодействия попыткам переписать историю войны под влиянием политической конъюнктуры, искажая суть подлинных человеконенавистнических замыслов руководства Третьего рейха в отношении СССР.

Для понимания факторов развития отечественной историографии, предпосылок появления «альтернативной истории» в постсоветский период, представляют интерес *публикации документов в российской периодической печати*. Важным источником информации о политико-стратегическом содержании планов Третьего рейха в отношении Советского Союза являются *документальные источники личного происхождения* – свидетельства разработчиков, авторов планов, тех под чьим руководством они исполнялись. Так, в 1993 г. в «Военно-историческом журна-

ле»⁴ были опубликованы краткие протокольные записи допросов в июне 1945 г. нацистских преступников – руководителей и высших военачальников Третьего рейха: начальника главного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршала В. Кейтеля; рейхсминистра авиации, главнокомандующего люфтваффе (ВВС) рейхсмаршала Велико германского рейха Г. Геринга, который заявил, что о готовящейся войне против России узнал за полтора-два месяца до начала войны и якобы неоднократно пытался отговорить Гитлера от его намерений воевать с СССР; заместителя начальника штаба оперативного руководства вермахта (до войны там же начальник отдела обороны страны) генерала артиллерии В. Варлимонта, которому стало известно о планировании войны против СССР в июле 1940 г.; командующего ВМФ Германии гросс-адмирала К. Дёница, который как командующий подводным флотом Германии (1935–1943 гг.) якобы лично принимал участие в разработке военных планов только против морских держав – Англии и Америки; начальника штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковника А. Йодля, подтвердившего факт издания Гитлером в ноябре 1940 г. предварительного приказа о предстоящей войне с Советским Союзом; командующего немецкими войсками в Дании генерал-полковника Г. Линдеманна.

Редакционная политика «Военно-исторического журнала» на этапе становления современного Российского государства сохраняла курс на публикацию и других документов, раскрывающих планы Третьего рейха в отношении СССР. Так, из публикации⁵ материала беседы сотрудника германского министерства иностранных дел доктора Клейста 2 мая 1939 г., отложившегося в фондах Российского государственного военного архива⁶, можно получить наглядное представление о планах Третьего рейха в отношении СССР: «За беспощадным очищением Востока следует “западный этап”, который должен будет окончиться поражением Франции и Англии, будь то военным или политическим путем. Лишь после этого можно будет рассчитывать на осуществимость разгрома Советского Союза»⁷. Особый акцент в планировании своих агрессивных намерений на Востоке и Западе руководители Третьего рейха, со слов Клейста, делали на нейтралитет Советского Союза, стремление избежать его вмешательства в силу заключенных договоров о ненападении.

Академические научные издания также выступали в защиту интересов России, публикуя в 1990-е – начале 2000-х гг. документы, в основном впервые вводимые в научный оборот.

Например, в четырех документах Архива Службы внешней разведки России⁸, подготовленных летом и осенью 1940 г. сотрудниками управлений НКВД, пограничных войск, внешней разведки, главного транспортного управления и опубликованных в 1997 г. журналом «Новая и новейшая история»⁹, отмечается начавшаяся концентрация германских войск на оккупированной нацистами польской территории и их увеличение в направлении советской границы. Авторами публикации отмечено, что среди разведывательных данных встречаются элементы дезинформации: сообщается о том, что Германия осуществит нападение на СССР после разгрома Великобритании. Советская внешняя разведка в то время еще не располагала возможностями распознать дезинформацию и исключить ее из своих сообщений.

В других четырех документах Архива СВР¹⁰ и Центрального архива ФСБ¹¹, подготовленных в марте – июле 1941 г., также отмечается увеличение концентрации германских войск на границе с СССР. Третий рейх осуществлял комплексные мероприятия по подготовке вермахта к ведению боевых действий против СССР. В целях маскировки отдельным видам подготовительных работ придавался якобы «оборонный» характер. Значительно возросла активность германской разведки в приграничной полосе; глубина ведения войсковой разведки составляла не менее 200 км¹².

В опубликованной шифротелеграмме¹³ полпреда СССР в Германии в 1940–1941 гг. В.Г. Деканозова из Берлина от 3 апреля 1941 г. (отложилась в фондах Архива внешней политики РФ¹⁴) содержатся сведения о подготовке Третьим рейхом агрессии против СССР. Важный аспект документа – направленность планов Третьего рейха в отношении сельскохозяйственных ресурсов Украины, что было связано с предполагаемым продовольственным дисбалансом Германии на 1941 г. и первую половину 1942 г.

Содержание планов Третьего рейха в отношении СССР нашло отражение в *фундаментальных многотомных трудах (ФМТ)*. Прежде всего, это разработанный Минобороны Рос-

сии в соответствии с распоряжениями президента России ФМТ «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» (в 12 томах). Первый том труда – «Основные события войны» – рассмотрел этот вопрос в разделах «Подготовка Германии к нападению на СССР» и «План “Ост” – план порабощения и уничтожения народов СССР». Авторы тома отмечают, что идея уничтожения СССР заняла особое место во внешнеполитической программе нацистской партии с выходом в свет в 1925 г. первого издания книги Гитлера «Моя борьба». Решение этой задачи должно было обеспечить Германии статус «мировой державы», способной вступить в борьбу за мировое господство. После назначения 30 января 1933 г. Гитлера рейхсканцлером подготовка к уничтожению СССР стала главным направлением внутренней и внешней политики Третьего рейха¹⁵. В итоге высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали планы не только ведения войны против Советского Союза, но и его экономической эксплуатации и расчленения¹⁶.

Событием в области информационно-идеологического обеспечения мероприятий, приуроченных к 70-летию Великой Победы, стал выход в свет *многотомного научно-публицистического сборника* с символическим названием «Великая Победа»¹⁷. Значительное место в 15-томнике уделено исследованию обстоятельств развязывания нацистской Германией агрессии против Советского Союза, причин поражений Красной армии и трагедии советского народа в начальный период войны.

Характеризуя *научно-справочные труды*, необходимо отметить, что в современной России первая изданная на государственном уровне (Минобороны России) тематическая энциклопедия о Великой Отечественной войне¹⁸ придерживается взглядов официальной советской историографии на политико-стратегические планы Третьего рейха в отношении СССР, излагая их лишь в новой стилистике. В обзорной статье «Обстановка накануне войны» указано, что «с началом Второй мировой войны, несмотря на внешне мирные отношения с Третьим рейхом, СССР усиленно готовился к отражению агрессии Германии, военные устремления которой были очевидны»¹⁹. Непосредственная подготовка Германии к нападению на СССР, по мнению авторов энциклопедии – сотрудников Научно-исследовательского института (военной истории) ВАГШ ВС РФ, – началась в ию-

ле 1940 г., после захвата Франции. «В войне против Советского Союза... немецкое руководство ставило целью ликвидировать Советское государство, физически истребить основную часть советских граждан и “германизировать” территорию страны вплоть до Урала, завладеть ее богатствами»²⁰.

Аналогичную данной энциклопедии целевую установку Третьего рейха в отношении Советского Союза приводит Военный энциклопедический словарь: ликвидировать Советское государство, завладеть его богатствами, физически истребить основную часть советских граждан и «германизировать» территорию страны вплоть до Урала. Так же, как и советские энциклопедисты, в статье «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.» российскими авторами выбрана концепция «СССР – главный противник Германии на пути завоевания мирового господства». При этом не находит основания выдвинутый российскими военными историками следующий тезис: Германия ради уничтожения Советского Союза отодвинула на более поздние сроки задачу разгрома Великобритании и всячески стремилась не допустить ее сближения с СССР. После победы над СССР Германия планировала нанести поражение Великобритании и принудить ее к миру на своих условиях. В отличие от других научно-справочных трудов, в Словаре пусть кратко, но приведены некоторые аспекты политико-стратегических планов фашистской Германии в отношении СССР: руководство Третьего рейха рассчитывало на политическую и экономическую слабость СССР, неизбежность социального и национального раскола советского общества, низкую боеспособность Красной армии и превосходство германской военной машины²¹.

Среди *монографических работ по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн* отметим книгу М.И. Мельтюхова²², в которой содержится отдельная глава «Место “Восточного похода” в стратегии Германии 1940–1941 гг. и силы сторон к началу операции “Барбаросса”». По мнению автора, антисоветская направленность политики Германии начала получать конкретные стратегические формы после июня – июля 1940 г.: понимая, что операцию «Морской лев» осуществить на данный момент невозможно, Германия начала поиски новых точек приложения своих вооруженных сил. Летом 1940 г. вермахт приступил к планированию операции против Советского Союза. Ис-

ходные установки были следующие: Россию невозможно завоевать в общепринятом понятии, ввиду огромности ее территорий; следует ограничиться захватом западных областей СССР по линии Архангельск – Астрахань, где расположены основные промышленные мощности и людские ресурсы; необходим быстрый разгром Красной армии для недопущения войны на два фронта. Впервые встречается количество разработанных вариантов планов нападения на СССР – около 12. Основной вопрос данных планов был связан с определением направления главного удара и концентрации войск. Нацистские стратеги пришли к выводу, что лишь захвата какой-нибудь значительной территории будет недостаточно – необходим полный разгром Советского Союза (С. 470–472). При этом Мельтюхов считает, что фюрер переоценил людские и сырьевые ресурсы Третьего рейха и его сателлитов (С. 488).

Тезис единоличной ответственности Гитлера за развязывание Второй мировой войны, отсутствия каких бы то ни было политических и экономических причин для ее начала, кроме амбиций одного человека, пропагандирует Л.М. Млечин. При этом он акцентирует внимание на том, что для Гитлера Россия была врагом и с первых шагов в политике фюрер откровенно говорил о намерении уничтожить большевистскую Россию как источник мирового зла. Нападение на Советский Союз было лишь вопросом времени, но чем быстрее он его уничтожит, тем лучше; все, что делал Гитлер, было направлено против Советского Союза²³. Главный объективный фактор агрессии Третьего рейха против СССР, по мнению Л.М. Млечина, – нехватка земли как результат Версальского договора, влиятельное немецкое аграрное лобби, которое видело выход из кризиса в территориальных приобретениях и потому поддерживало завоевательные устремления Гитлера.

Развязав Вторую мировую войну, Гитлер уточнил планы Третьего рейха: «Мне нужна Украина, чтобы нас не уморили голодом, как они это делали в ту войну (Первую мировую войну. – *Авт.*)»²⁴. В подтверждение агрессивных планов против Советского Союза и его народа Л.М. Млечин цитирует приказ командующего 4-й танковой группой генерала Э. Хёпнера от 2 мая 1941 г.: «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от мос-

ковско-азиатского нашествия, отпор европейскому большевизму. Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью...»²⁵

Отдельную подгруппу представляют *работы ревизионистского направления*, авторы которых стремятся доказать тезис о «превентивном», «оборонном» характере войны со стороны Германии, «необходимости защиты» от потенциально сильного противника в лице Советского Союза, который якобы сам готовил нападение на Германию.

Наибольшую известность в этой области получила трилогия («Ледокол», «День М», «Последняя республика») Виктора Суворова (В.Б. Резуна), по мнению которого «Сталин помог Гитлеру начать войну против коалиции западных держав (Англия, Франция и их союзники), для того, чтобы начавшаяся истребительная война разорила Европу, по пепелищу которой армиям Сталина предстояло пройти триумфальным маршем. В июне 1941 г. подготовка к этому маршу была прервана неожиданным ... вторжением вермахта»²⁶.

В дальнейшем, как утверждает Марк Солонин, гипотеза В. Суворова «продемонстрировала главный признак истинной научной теории... П. Бобылев, Т. Бушуева, В. Данилов, В. Кисилев, М. Мельтюхов, В. Невежин, И. Павлова, М. Солонин, Ю. Фельштинский – вот далеко не полный перечень российских историков, в работах которых приведены сотни документов и фактов, подтверждающих гипотезу В. Суворова и фактически переводящих ее из разряда “гипотезы” в ранг научно установленной истины»²⁷.

Так, М. Солонин пытается доказать активную наступательную политику Сталина, который, по его мнению, выбирал оптимальный момент для нанесения сокрушительного внезапного первого удара, для чего якобы разработал план подготовки «грандиозной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР». Причем, исходя из обстановки сроки начала «операции» менялись: первоначально это начало лета 1942-го или 1943 год, а затем – лето 1941 г.)²⁸. Объективности ради нужно отметить, что М. Солонин не говорит о действиях Германии как ответной реакции на якобы подготовку СССР упреждающего удара.

Борис Соколов поддерживает версию наличия у Сталина планов ударить первым в спину Гитлеру, когда тот увязнет на Западном фронте, и захватить как минимум пол-Европы. По его мнению, подготовка Красной армии к нападению на Германию началась еще в феврале 1940 г., которое первоначально планировалось на лето 1940 года. Однако «молниеносные» победы вермахта заставили советское руководство пересмотреть «планы нападения на Германию» – теперь наступление Юго-Западного фронта должно была начаться 12 июня 1941 г. (план «превентивного удара», по мнению Б. Соколова, был разработан в середине мая), но по причине низкой пропускной способности железных дорог задачи по сосредоточению советских войск оказались не выполненными и сроки начала наступления были перенесены на июль 1941 г.²⁹ При этом автор приводит выдумку пропагандистов Геббельса, которая была доведена до немецких солдат за семь часов до вторжения в Россию: «Товарищи! Советский Союз намерен 18 июля напасть на наше Отечество. Благодаря фюреру и его мудрой дальновидной политике мы не будем дожидаться нападения, а сами перейдем в наступление»³⁰.

Работы ревизионистского направления вызвали в России широкий интерес к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, особенно обстоятельствам их начала. Как результат, несмотря на утверждение М. Солонина, что «за истекшие после выхода в свет “Ледокола” двадцать лет альтернативных концепций сформулировано не было»³¹, все же появились *работы антиревизионистского направления*, авторы которых – так называемые антирезунисты.

Например, Олег Рубецкий, полагая, что именно тезис В. Суворова о подготовке Сталиным нападения на Гитлера в 1941 г. является самым популярным, аргументированно приходит к следующим выводам:

«...2. СССР не планировал завоевания Европы, не организовывал мировой войны, а наоборот, активно пытался ее предотвратить. Связь исторических фактов явно доказывает, что СССР в отличие от большинства своих соседей проводил миролюбивую политику.

3. СССР не планировал в 1941 г. агрессии против Германии. Нападение Германии на СССР было не превентивной войной, а неспровоцированной агрессией.

... [В. Суворов (В.Б. Резун)] сознательно занимается искажением истины. ... Утверждение В. Суворова о планомерной подготовке Советским Союзом агрессивной войны против Европы оказалось неправдой»³².

Михаил Мельтюхов также считает главными тезисами, которые пытался доказать В. Суворов, утверждения о том, что в возникновении Второй мировой войны виноват исключительно Советский Союз, а германское нападение на СССР было «превентивной войной». Позиция М. Мельтюхова по «доказательной» базе В. Суворова (умолчания и бездоказательные утверждения) ясна уже из названия одной из его работ – «Главная ложь Виктора Суворова»³³.

Исследуя произведения В. Суворова при помощи одной из методик, применяемых в разведке для анализа поступающей информации, Владимир Веселов в кратком очерке установил, что вскрытая по утверждению поклонников В. Суворова истинная картина военных приготовлений СССР против Германии далеко не полна и весьма противоречива. Например, рассказывая о явно превентивном характере немецкого удара, Владимир Богданович почему-то ни слова не говорит о том, когда именно и, главное, откуда Гитлеру стало известно о готовящейся агрессии со стороны СССР³⁴.

Евгений Дриг в своем исследовании³⁵ также делает вывод, что книги В. Резуна состоят из откровенного вранья, искажения смысла цитат и тому подобных «доказательств», их автор занимается не поиском истины, а пропагандой, зарабатывая на одурачивании людей.

Одним из основных приемов В. Суворова для «доказательства» превентивности действий Третьего рейха исходя из наличия угрозы со стороны Советского Союза, по мнению Алексея Исаева, является представление вполне рутинных мероприятий как имеющих тайную агрессивную подоплеку³⁶. Разоблачению «научной теории» В. Суворова посвящена отдельная работа А. Исаева³⁷.

Интерес представляют *монографические работы, предмет которых – история планирования в фашистской Германии агрессии против СССР*. Изучение монографии «Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны»³⁸ показало, что в основу планирования войны против СССР были положены са-

мые передовые на тот момент взгляды на ведение военных действий. Разгром противника осуществлялся не за счет последовательного «перемалывания» обороняющихся войск, а благодаря глубокому охвату и быстрому выходу мощных танковых группировок в его тыл, перерезания коммуникаций, дезорганизации управления и главное – деморализации войск, оказавшихся в окружении. Такой способ ведения боевых действий позволял немецким войскам меньшими силами громить войска противника, превосходящие их по боевому составу. Противник, зачастую имея численный перевес в силах и средствах, просто не мог реализовать боевые возможности своих войск. Указанный способ ведения операций был опробован немцами в ходе военных действий в Польше и во Франции и полностью подтвердил свою эффективность. Вместе с тем, планирование войны против СССР имело существенные недостатки, которые, в конечном счете, предопределили поражение Германии.

Таким образом, из анализа опубликованных источников и современной российской историографии можно сделать следующие выводы.

Во-первых, продолжительность генезиса планов Третьего рейха в отношении СССР составляет более четверти века. Если выделить четыре периода их развития, как предложил Д. Айхольц³⁹, то наиболее разработано в российской историографии политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР с 5 ноября 1937 г. по 22 июня 1941 г. (особенно с декабря 1940 г.) и в 1941–1944 гг. (третий и четвертый периоды соответственно). В меньшей степени изучены вопросы зарождения антисоветских (антикоммунистических) идей, их синтез с идеей необходимости расширения «жизненного пространства» до 1933 г. (первый период). Ограниченно освещен и второй период (1933–1937), когда с одобрения промышленной олигархией и при поддержке высшего военного руководства Германии радикальные идеи «русской политики», имея идеологическую основу, были развиты в первые проекты планов политического, экономического и военного уничтожения Советского государства, физического истребления русского народа.

Во-вторых, из множества аспектов планов Третьего рейха в отношении СССР (политический, экономический, военный) и направлений подготовки их реализации (внешнеполитическое,

пропагандистское, стратегическая маскировка, военно-промышленное, подготовка вооруженных сил и их всестороннее обеспечение и др.) в большей степени разработан военный блок вопросов. В историографии нашли отражение 12 вариантов планов нападения на СССР, «Барбаросса» (и его первоначальный вариант – «Отто»), развитие взглядов на стратегические цели, направления и продолжительность военной кампании, планы привлечения союзников к участию в войне против СССР, подготовка вермахта в целом, авиации (с 1938 г.), флота (с 1936 г.) и боевая подготовка сухопутных войск зимой 1940–1941 гг., маскировка, включая стратегическую дезинформацию, оценка и учет боеспособности Красной армии, особенности обращения немецких войск с населением на оккупированной территории, изменение планов Третьего рейха в отношении СССР в зависимости от обстановки на советско-германском фронте.

Дополнительного изучения еще требуют политический и особенно экономический аспекты планов Третьего рейха в отношении СССР. Прежде всего это относится к необходимости получения полной и достоверной исторической картины интересов и деятельности промышленной олигархии и монополистического капитала Германии и других стран в формировании германского фашизма, как «ударной силы капитализма, предназначенной для того, чтобы разделаться с Советским Союзом».

В-третьих, основные историографические концепции отражают два комплекса вопросов политико-стратегического содержания планов Третьего рейха в отношении СССР. Оба связаны с определением, точнее попытками пересмотра принятых на международно-правовом уровне решений об ответственности за начало Второй мировой и Великой Отечественной войн. Первая историографическая концепция посвящена «определению» государственной ответственности: «превентивного», «оборонного» характера войны со стороны Германии; «необходимости защиты» Германии от потенциально сильного противника и возможного союзника Великобритании и США в лице Советского Союза; теории «импровизации» планов Третьего рейха в отношении СССР. Одни авторы пытаются фальсифицировать историю, чтобы возложить ответственность за начало войны в Европе на Россию (Советский Союз), в том числе для получения «компенсационных» выплат, другие – им противодействовать,

защита интересов России. Вторая историографическая концепция связана с «определением» степени персональной ответственности: личная война Гитлера, переполненная идеологией геноцида; личная ответственность, доминирующая роль высшего руководства вермахта в разработке и реализации преступных планов в отношении Советской России и русского народа; личная ответственность бизнес-элит Третьего рейха.

¹ Оценку историографии по отдельным группам см.: Кикнадзе В.Г. Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР [опубликованные источники, фундаментальные исторические и научно-справочные труды] // Вопросы истории. 2015. № 6. С. 168–175; Его же. Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР: обзор публикаций в научных периодических изданиях // Клио. 2015. № 8 (104). С. 34–40; Его же. Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР. Обзор монографических исследований // Военно-исторический журнал. 2016. № 1. С. 47–54.

² Нюрнбергский процесс: сб. материалов. В 8 т. М., 1987–1999.

³ Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР: Сборник документов и материалов / Под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 2015.

⁴ Признания без покаяния (Из протоколов первых допросов нацистских преступников) / Публ. В.А. Лебедева // Военно-исторический журнал. 1993. № 6–11.

⁵ Под лозунгом «Паразиты у власти!» Гитлер начал готовить войну против Европы задолго до 1 сентября 1939 года / Публ. В.А. Пронько // Военно-исторический журнал. 1993. № 9. С. 93–96.

⁶ Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 269–274.

⁷ Под лозунгом «Паразиты у власти!» ... С. 94.

⁸ Архив СВР. Д. 21616. Т. 1. Л. 272–273; 295–296; Т. 2. С. 153–155; 167–169.

⁹ Новые документы из архивов СВР и ФСБ РФ о подготовке Германией войны с СССР 1940–41 // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 94–104.

¹⁰ Архив СВР. Д. 21616. Т. 4. Л. 13–18; Д. 21161. Т. 2. Л. 149–150.

¹¹ ЦА ФСБ. Ф. 10с. Оп. 10. П. 9. Л. 92–93; Ф. Зос. Оп. 8. П. 9. Л. 87–89.

¹² Новые документы из архивов СВР и ФСБ РФ... С. 103–104.

¹³ Соколов В.В. Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 82–89.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 59. Оп. 1. П. 342. Д. 2344. Л. 274–283.

¹⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 1: Основные события войны. М., 2011. С. 44, 45.

¹⁶ Там же. С. 50.

¹⁷ Великая Победа: В 15 т. / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. М., 2015.

¹⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Энциклопедия для суворовских военных, Нахимовского военно-морского училищ и кадетских корпусов. М., 2013.

- ¹⁹ Там же. С. 9.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 158.
- ²² Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000.
- ²³ Млечин Л.М. Случайная война: Вторая мировая. СПб., 2015. С. 121, 127, 214.
- ²⁴ Там же. С. 127, 233.
- ²⁵ Цит. по: Там же. С. 334.
- ²⁶ Солонин М.С. Запретная правда о Великой Отечественной. Нет блага на войне! М., 2014. С. 7–8.
- ²⁷ Там же. С. 8.
- ²⁸ Там же. С. 20–71.
- ²⁹ Соколов Б.В. Все мифы о Второй Мировой. М., 2013. С. 7, 8, 47–49, 51.
- ³⁰ Там же. С. 50.
- ³¹ Солонин М.С. Указ. соч. С. 8.
- ³² Цит. по: Рубецкий О. О главном // Исаев А.В. НЕправда Виктора Суворова. Два бестселлера в одном томе. М., 2009. С. 48.
- ³³ Мельтюхов М. Главная ложь Виктора Суворова // Исаев А.В. Указ. соч. С. 305–362.
- ³⁴ Веселов В. Расколота тумбочка // Исаев А.В. Указ. соч. С. 126–167; Веселов В. «Правда» Виктора Суворова // Там же. С. 280–304.
- ³⁵ Дриг Е. Про комбригов и комдивов // Исаев А.В. Указ. соч. С. 181–213.
- ³⁶ См.: Исаев А. Вертикальный охват // Исаев А.В. Указ. соч. С. 214–237.
- ³⁷ Исаев А.В. Антисуворов. М., 2004.
- ³⁸ Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / Под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 2015.
- ³⁹ См.: Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР. Об ответственности германских элит за агрессивную политику и преступления нацизма // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 62–89.

М.Н. Кирилов (Санкт-Петербург)

КАВКАЗСКИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 ГОДОВ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ и его кавказская администрация в своих планах борьбы против экспансии султанской Турции и шахского Ирана на Кавказе придавали большое значение организации воинских частей из представителей мусульманских народов. Основная причина – это нехватка собственных войск, особенно кавалерийских частей. Формирование из местного населения воинских и милицейских частей было одной из основных задач русского командования на Кавказе.

Мусульманская карта разыгрывалась перед каждой войной России с Персией или Турцией. Российскому военному руководству было важно привлечь на свою сторону мусульманское население Кавказа. Призыв мусульманского населения решал и еще одну важную задачу: «...удаления из края наиболее беспокорного элемента или занятия его ответственной и почетной службой в крае под руководством наших офицеров»¹. Эти меры были особенно уместны в отношении жителей Абхазии, Чечни, Дагестана, кумыков и главным образом «татарского населения» Закавказья.

Еще одна причина необходимости создания иррегулярных войск из мусульманского населения заключалась в том, что с началом войны линейные части уходили из мест дислокации и была острая необходимость в случае возникновения беспорядков среди двух миллионов мусульман иметь лояльные русской администрации подготовленные части. Некоторые части местных иррегулярных войск могли служить весьма существенным подспорьем действующим войскам, неся службу в гарнизонах, по охране коммуникаций и тыла действующей армии.

В XVIII в. российское правительство для защиты Кавказа начало создавать военные отряды и из мусульманского населения. Причем, в случае необходимости, кавказскому военному начальству «разрешалось сформировать и большое число войск из ингушей... и осетин для действия в их крае...» Этот шаг был вполне оправдан. Правительство в короткие сроки получало экипированное и мотивированное вооруженное войско, знакомое с театром ведения боевых действий. Серьезной военной подготовки оно не требовало. Как правило, одиночная подготовка всадников была на весьма достойном уровне. Они хорошо владели огнестрельным и холодным оружием, элементами джигитовки. Если позволяло время, с иррегулярными частями и милицией, в основном, проводилось боевое слаживание, действия всадников в составе подразделений и их взаимодействие с регулярными частями. На протяжении всей истории Кавказа создавались мусульманские части, по образцу казачьих, сначала как иррегулярные, а далее, в период Первой мировой войны, и как постоянные².

Историю формирования иррегулярных мусульманских кавказских частей условно можно разделить на три этапа. В разное время о пользе кавказского ополчения писали Г.А. Потемкин, П.Д. Цицигов, А.П. Ермолов, И.Ф. Паскевич и А.И. Барятинский. Первый этап начался в проекте русского государственного и военного деятеля, генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина. Наряду с другими титулами Г.А. Потемкин был обладателем наименования шефа иррегулярных войск. Он придавал большое значение развитию таких частей.

Второй этап связан с именем русского государственного и военного деятеля, генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. В течение 1827–1832 гг. он был командующим Кавказским округом. При нем формированию иррегулярных частей также было уделено большое внимание. Были приняты меры по их организационному совершенствованию, вооружению, комплектованию.

Третий этап охватывает период от начала 60-х гг. до конца 80-х гг. XIX в. Это уже новый этап в развитии кавказской милиции, в пользу уравнивания ее в правах с личным составом регулярных войск. Фактически некоторые иррегулярные формирования, такие как Дагестанский конно-иррегулярный полк, были уравнены в правах с регулярными частями русской армии. Пра-

вительство изучает формы и способы формирования Кавказских мусульманских иррегулярных частей. Этими вопросами занимались военное министерство, генеральный штаб и штаб Кавказского военного округа. Были решены вопросы об их количестве, порядке комплектования, вооружения, довольствия и обмундирования.

Определены задачи и основные правила формирования частей милиции. Сложилась практика их использования в военных действиях в качестве вспомогательной силы и для внутренней службы.

Формирование кавказских мусульманских частей в Русско-турецкую войну 1877–1878 г.

Значительный размах приняло участие кавказских народов в Русско-турецкой войне, начавшейся в апреле 1877 г. Она явилась следствием обострения противоречий великих европейских держав, прежде всего Англии, Франции, России, Австрии, в решении так называемого восточного вопроса. Боевые действия, как и во всех предыдущих войнах между Россией и Турцией, развернулись на двух фронтах: Балканском и Кавказском (Малоазиатском).

С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности из народов Кавказского края должны были комплектоваться пешие и конные части, причем из мусульман – конные. Отбывание ими воинской повинности должно было проходить преимущественно в Кавказском военном округе³. К осени 1876 г. в состав этого округа входил Дагестанский конно-иррегулярный полк, состоящий из шести сотен, всего 785 всадников⁴. С целью использования прекрасных боевых качеств воинственного населения Кавказа был так же важен, как и необходим, максимально возможный призыв из этого региона⁵. Предполагалось, что для ведения войны может быть предоставлено без особых усилий 25 200 всадников и 14 000 пеших воинов. Исходя из того, что с началом ведения боевых действий эмиссары из Турции, как правило, пытались поднять на восстание население Чечни и Дагестана и что для их усмирения потребуется какое-то количество войск, для ведения войны останется 25 000–30 000 чел. Из этого числа по-настоящему подготовленных, боевых, было около 12 000–15 000 шашек и около 6000 штыков. 10 000–12 000 ми-

лиции, в силу различных обстоятельств, следовало признать малоэффективными и не надежными для боевых действий.

С 1 ноября 1876 г. по 12 апреля 1877 г. проходили сбор и формирование иррегулярных частей. Было сформировано 44 конные сотни для главного и 9 конных сотен для Приморского театров военных действий. Мусульманские конно-иррегулярные части, в основном, вошли в главные силы и действовать должны были в Александропольском и Эриванском отрядах. На Кавказском фронте в боевых действиях приняли участие шестисотенные конные полки, Кабардино-Кумыкский, 2-й и 3-й Дагестанские, Чеченский. Двухсотенный Александропольский дивизион. Две отдельные сотни: Борчалинская и Тионетская. Всего 28 сотен, или 4 полка. Эриванский отряд: Закатальский, Елизаветпольский и Куртинский конно-иррегулярные полки⁶.

Из горских племен Кавказа сформировано: шесть конных полков, семь отдельных конных сотен, три конных и три пеших дружины; из населения Закавказья сформировано: восемь конных полков, семь конных дивизионов, одна конная дружина и двенадцать отдельных конных сотен⁷. Для формирования иррегулярных частей была создана специальная правительственная комиссия по изучению использования в будущей войне возможностей горцев. Члены комиссии отмечали универсальные качества горцев-бойцов: «...удар кинжалом верен и редко не смертелен, стрельба ночью навскидку, на звук, на огонек показывает также явное превосходство горцев в этом деле над обученными казаками, особенно над солдатами»⁸. Командование считало горцев незаменимыми для ведения разведки. Кроме того, они считались лучшими частями при преследовании неприятеля, совершении рейдов вглубь вражеской территории и действиях малыми группами.

В первую очередь зачислялись лица от 18 до 40 лет, обладающие крепким здоровьем и имеющие полное боевое снаряжение – коня, сбрую, теплую одежду, а также владеющие русским языком и грамотой, даже арабской. Полное снаряжение всадника стоило от 150 до 1000 р. Большинство из призванных таких денег не имели. По просьбе личного состава главнокомандующий разрешил выдать в качестве аванса треть будущего жалования, чтобы горцы смогли «снарядить себя всем необходимым к предстоящему зимнему походу».

Как каждая воинская часть, иррегулярные горские полки имели свое знамя, сотенные значки определенных цветов. Для отличия на светло-синих погонах писали начальные буквы названий полков. «ТГ» – Терско-Горский, «КК» – Кабардино-Кумыкский, «ЧЧ» – Чеченский.

На сборные пункты явилось такое количество добровольцев, что их оказалось достаточным для создания двух дополнительных полков. В связи с этим Дагестанский конно-иррегулярный полк, официально основанный в декабре 1851 г., был переименован в 1-й Дагестанский конно-иррегулярный полк⁹. Формирование 2-го Дагестанского конно-иррегулярного полка происходило в г. Темир-Хан-Шуре и завершилось в очень короткий срок – с 1 по 22 января 1877 г. Его командный состав комплектовался из уже существующих кадровых офицеров 1-го Дагестанского конно-иррегулярного полка и Дагестанской постоянной милиции. Командиром полка был назначен офицер 1-го Дагестанского конно-иррегулярного полка подполковник И.С. Квинитидзе¹⁰.

С 4 февраля на сборный пункт в с. Гели начал прибывать личный состав 3-го полка – 618 добровольцев практически из всех сельских обществ Дагестана. Добровольцами из Темирханшуринского округа поступило 107, из Даргинского округа – 70, Южного Дагестана – 45, Западного Дагестана – 240, Среднего Дагестана – 156 чел. В 3-й Дагестанский конно-иррегулярный полк также перевелись добровольцами 90 всадников из 1-го Дагестанского, который не вошел в состав Действующего корпуса Кавказской армии. Командиром 3-го Дагестанского конного полка назначен майор 15-го драгунского Тверского полка князь А.Г. Чавчавадзе¹¹.

В основной костяк офицерского состава обоих полков вошли офицеры-дагестанцы. Среди них заслуженные боевые командиры, награжденные многими орденами и медалями. С окончанием формирования всех этих частей было приказано приступить к формированию шестисотенного Эриванского конно-иррегулярного полка, двухсотенного Эриванского дворянского дивизиона, войск из перешедших на российскую сторону турецких карапахов Баш-Шурагельской и Темрюковской сотен¹². Конные иррегулярные полки были вооружены винтовками разных систем, 6- и 7-линейными системы Таннера казачьего образца и собственными «азиатскими» образцами¹³.

К концу 1876 г. из 13 формируемых иррегулярных частей семь были готовы, а в конце января 1877 г. практически все части закончили свое формирование, большая часть частей была в пути или готовилась к выступлению¹⁴. Обстоятельства войны очень скоро потребовали увеличения сил армии.

С 12 апреля по 28 июня 1877 г. был дополнительно сформирован и развернут в силах главного корпуса двухсотенный Баш-Шурагельский дивизион из турецких карапахов в четырехсотенный конно-иррегулярный полк. После взятия Ардагана Александропольский, Куртинский и Ахалцыхский дивизионы развернуты в полки. Специально для местной службы в Ахалцыхе и Ахалкалаки сформированы по две сотни конной милиции. В Эриванском отряде 5 мая были сформированы Баязетская и Ечмедзинские конные сотни. Формирование мусульманских иррегулярных частей продолжалось до 18 февраля 1878 г. Не считая 2200 милиционеров, явившихся на службу в армию из Турции¹⁵.

25 апреля все карапахи записались в разворачиваемый Шурагельский конно-иррегулярный полк четырехсотенного состава. Это было сделано, прежде всего, для того, чтобы обезопасить от набегов со стороны карапахов приграничные территории России. Так как в противном случае нужно было отвлекать большое количество российских сил для предотвращения набегов, а это в свою очередь привело бы ослаблению русского корпуса в предстоящих боевых действиях. Первые три сотни были поручены главным вожакам прежних шаек, а четвертая – Тагибеку, переселенцу из Эриванской губернии. Он пользовался большим влиянием как на карапахов, так и на курдов¹⁶. Каждому всаднику, согласно утвержденным главнокомандующим штатам, было назначено жалование по 10 р. в месяц, 6 р. провиантских и фураж на одну лошадь, что составило в общей сложности от 30 до 35 р. в месяц. Командиры сотен, кроме штатного жалования, получали еще по 100 р. в месяц. Таким образом, содержание полка в месяц обходилось казне в 15–20 000 р., и за все время его существования, в течение 7-ми месяцев, набралась сумма в 150 000 р. Расходы эти вполне себя оправдали, если учесть, что разбой карапахов в войну 1853–1856 гг. нанес огромный вред населению и экономике края. В рассматриваемый же период благодаря привлечению на службу более 500 карапахов,

не говоря о курдах, пограничное население не подверглось грабежам и русское руководство было избавлено от необходимости держать войска в тылу для прикрытия коммуникаций. Жители, не опасаясь разбойников, без всякого прикрытия, подвозили свои припасы прямо в отряды.

Мусульманские части приняли участие в боевых действиях и на территории Европы. С первого и до последнего дня войны на Балканском театре находился четырехсотенный Терско-Горский конно-иррегулярный полк, состоящий из осетин и ингушей¹⁷. По утвержденному временному походному штату, в его состав входило 15 офицеров, 8 юнкеров, 16 урядников, 480 всадников, 5 трубачей, 4 писаря, 1 врач, 2 фельдшера, а также 1 азиатский лекарь. Желание вступить в полк в первую же неделю его формирования изъявили 345 осетин и 324 ингуша. Всего же нужно было набрать 504 чел., т. е. 480 всадников, 8 юнкеров, 16 урядников. Командиром Терско-Горского полка был назначен начальник Владикавказского округа полковник П.Ф. Понкратов. В виде исключения каждому дивизиону было разрешено выступить в поход со своим собственным почетным знаменем. Эти знамена были пожалованы ингушскому народу за верность и преданность России в 1841 г., а осетинскому – в 1845-м. Осетинское знамя было небесно-голубым, а ингушское – алым.

К 25 ноября 1876 г. формирование Терско-Горского конно-иррегулярного полка было завершено и дивизионы его собраны на сборных пунктах: Осетинский дивизион – в селении Ольгинском, а Ингушский – в селении Базоркино. Командирами сотен были назначены из осетин Абубекир Дударов, из ингушей – Банухо Долгиев и Бетако Ужахов. 1 декабря в торжественной обстановке дивизионам были вручены знамена. 7 декабря Терско-Горский конно-иррегулярный полк в числе войск, «особенно способных к действиям малой войны в странах гористых», отправился по Ростово-Владикавказской железной дороге в Кишинев, где находилась главная квартира Дунайской армии, и прибыл туда 15 декабря.

Еще до начала военных действий Терско-Горский полк отправили в Бессарабию и расположили в селении Гуры-Гальбины, недалеко от Кишинева. В самом Кишиневе была создана Кавказская казачья дивизия, куда вошли Терско-Горский, Влади-

кавказский, Кубанский и Донской казачьи полки¹⁸. Как и вся дивизия, Терско-Горский полк был перевооружен скорострельными малокалиберными винтовками «Бердан № 2». Всадники получили по винтовке и 40 патронов, а урядники, кроме винтовок и такого же числа патронов, револьверы и к ним по 30 патронов. Всю зиму и почти всю весну 1877 г. Терско-Горский полк провел в Гуры-Гальбины. И это для него был период, насыщенный напряженной боевой учебой.

Чеченский, Кабардино-горский и Кабардинско-Кумыкский конно-иррегулярные полки

Чеченский, Кабардино-Горский и Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярные полки были сформированы приказом императора за № 212 от 25 января 1877 г. Действовали они на Кавказе, на русско-турецкой границе¹⁹. Причин вступления чеченцев в ряды конно-иррегулярных полков было несколько, и все они носили чисто экономический характер.

Во-первых, пример соотечественников, которые, вступив на военную службу еще в период Кавказской войны, достигли определенных чинов и званий, существенно подняли свое хозяйство, стали в скором времени крупными землевладельцами и предпринимателями.

Во-вторых – это награды, которые гарантировали их обладателям пожизненную пенсию, возможность получения доходной должности, право носить оружие и другие привилегии, которые ставили их на один уровень с русским населением империи.

В-третьих, сама служба в армии давала чеченцам неплохую статью дохода, который во многих случаях на скудных участках горских пашен получить было бы невозможно.

Все мероприятия по формированию полков проводились с учетом мнения влиятельных и почетных людей из числа местного населения. В состав командования вошли представители местной знати Кабарды, Дагестана. В Чечне и Ингушетии, где условной иерархии не было, офицерский состав пополнялся за счет кадровых военных, появившихся в период Кавказской войны. Сюда входили как местная горская милиция, так и отставные лица, служившие прежде в милиции, регулярной кавалерии и конвое императора. Командиром Чеченского полка стал генерал-майор Арцу Чермоев.

По окончании войны полки прекратили свое существование. Расформирование было постепенным и затянулось до 1879 г. Часть офицеров была переведена в другие полки, часть вместе с нижними чинами уволена в запас.

Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярный полк был также создан только на время военных действий, приготовления к которым начались еще осенью 1876 г. Офицерский состав был переведен из других, регулярных частей, с оформлением этого перевода как прикомандирования. Полк состоял из 6 сотен: 4 сотни – из кабардинцев – жителей Пятигорского округа, 2 сотни – из кумыков и салаватов. Командующим Кабардино-Кумыкского конно-иррегулярного полка был назначен полковник Мазарания. К 20 марта 1877 г. полк закончил в основном формирование и получил приказ из штаба войск Терской области о вступлении в крепость Александрополь, куда и прибыл 30 апреля 1877 г.

Боевая подготовка Кавказских мусульманских частей периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Военное дело у горцев Северного Кавказа было неразрывно связано с условиями их жизнедеятельности. Горца невозможно было представить без оружия, которое он носил с целью безопасности, защиты своей чести и чести своих родных и близких. Оружие для горца – также и средство добывания пропитания, неотъемлемая часть жизни. Культ оружия прививался с младенчества. Умение скакать на лошади – джигитовка, профессиональное обращение с холодным и огнестрельным оружием, наличие навыков рукопашного боя – было важной отличительной чертой жизни горцев. На праздниках и во время торжественных событий непременно демонстрировались воинские навыки. Эти качества помогали выживать в трудных природных условиях, наниматься на воинскую службу, но главным образом – защищать семью, род от многочисленных нашествий чужаков.

Следует особо остановиться на социальных факторах, объясняющих особое значение военного дела для жителей Кавказа. Традиционно кавказское общество было сильно военизировано, и другого занятия, достойного мужчины, кроме военного дела, горцы себе не представляли. Вождями племен и их приближенными становились прославленные в сражениях и боях муж-

чины, самые лучшие и искусные воины. Для того чтобы горцу подняться по иерархической лестнице, было жизненно необходимо стать лучшим воином. Немаловажным фактором в жизни мусульман Кавказа был давний обычай кровной мести.

Начиная с XV в., когда на Северный Кавказ распространилось влияние Османской империи, горцы, в силу развитых боевых традиций, нанимались к османским пашам. Так, в период Османской империи и Крымского ханства представители горской знати привлекались на службу сераскирами. Для горской знати это было почетно и престижно. А некоторые представители кабардинской знати поступали на российскую военную службу еще задолго до включения Кабарды в состав Российской империи. Это был их единственный способ существования.

С учетом умения виртуозно обращаться с оружием, в район боевых действий Кавказские мусульманские полки отправляли без специальной подготовки; изучались лишь элементы построения частей. Так как полки формировались по образцам казачьих, подготовка проводилась по инструкции 1875 г. для казачьих частей, по строевому и стрелковому образованию казаков и по I части устава о строевой казачьей службе (собственно одиночное образование)²⁰. Трубачи, лекари, мастера-оружейники и прочий вспомогательный состав подбирались из числа местных казаков, знавших язык и обычаи горцев.

Боевое применение Кавказских мусульманских частей в русско-турецкую войну

Кавказские мусульманские части в русско-турецкой войне получили самое широкое применение, был использован огромный опыт всех предыдущих военных кампаний, которые велись на Кавказе. Эти части, прежде всего, использовались для проведения всех разведывательных мероприятий в полном объеме. Из них формировались боевые разведывательные дозоры, разведывательные отряды. Подразделения Кавказских мусульманских частей успешно проводили засады, налеты и поиски, разведку боем. Мусульманская кавалерия действовала в составе специальных летучих отрядов. Кавказские мусульманские части привлекались для фельдъегерской службы, во время переходов действовали в боевом походном охранении, а в сражениях осуществляли охрану флангов войск. Эти части хорошо себя за-

рекомендовали во время блокады крепостей. Умело действовали в авангардных и арьергардных боях, при штурмах населенных пунктов. Широко применялись для отвлекающих действий и ложных маневров, выманивания основных сил турецкой армии. Под руководством офицеров русской армии у мусульманской кавалерии было налажено взаимодействие с регулярными частями. Нередко мусульманская кавалерия использовалась для организации прорывов и штурмов укрепленных позиций. Кавказские всадники одинаково хорошо действовали верхом на лошадях, спешившись, владели огнестрельным и холодным оружием, нередко в пешем строю действовали совместно с пехотными батальонами. С ростом числа турецких военнопленных Кавказские мусульманские части осуществляли их охрану и сопровождение вглубь России.

Первоначально, при формировании, в задачи Чеченского и Кабардино-Горского конно-иррегулярных полков входила охрана русско-турецкой границы в Аргунском округе Терской области на период русско-турецкой войны²¹. Но впоследствии Чеченский полк участвовал и в боевых операциях по взятию турецких укрепленных пунктов, например Аладжи, Ардагана, был задействован в боях у Зивина, в осаде Карса²². Во время крупной операции под Аладжи, в ходе которой турецкая армия понесла большие потери, чеченские всадники, выполняя приказ генерал-майора Комарова, атаковали неприятельские отряды, укрепившиеся на горе Малы Ягны.

13 апреля 1877 г. около двух часов ночи 2-я сводная кавалерийская дивизия, в состав которой входили 12 сотен 2-го и 3-го Дагестанских конно-иррегулярных полков, под командованием генерал-майора Лорис-Меликова, стянулись к Тавшан-Кишляку, в восьми километрах ниже селения Баяндур, и перешли турецкую границу. Задача кавалерии была помешать развертыванию турецких войск вблизи пунктов перехода границы. В 3 часа ночи, успешно окружив турецкие посты, без единого выстрела в плен взяли 6 офицеров и 96 нижних чинов²³.

16 апреля создаются специальные летучие отряды для ведения разведки и диверсионных операций, в которые входит мусульманская иррегулярная кавалерия. В состав отряда под руководством войскового старшины Ениколопова входят 4 сотни Александропольского конно-иррегулярного полка. В этот день

отрядом была уничтожена Карско-Эрзерумская телеграфная линия на протяжении 10 км²⁴.

Вновь сформированный Шорагельский конно-иррегулярный полк привлекается для ведения разведки. Карапахи были незаменимыми разведчиками, имея всюду родных, близких и много знакомых, доставляли командованию русских войск важные сведения о противнике. Знание ими местности избавляло от поисков проводников среди местного населения, которое, опасаясь мести турок, неохотно бралось указывать войскам дорогу. Карапахи часто заменяли казаков для дальних разъездов и поисков, а главное, служили нарочными для передачи депеш в дальние гарнизоны²⁵.

Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярный полк с 7 мая 1877 г. осуществлял прикрытие колонн на маршруте Александрополь – Кюрюк-Дара, с последующей дислокацией в Заимском лагере. Приказом начальника штаба Действующего корпуса от 7 июня 1877 г. полк был включен в состав гарнизона только что взятой крепости Ардаган. По приказу главнокомандующего армией от 28 июня 1877 г. полк располагался на линии сообщения от Александрополя до Тифлиса между станциями Ах-Булак и Ново-Актафинской, а также по линии Дилижана до Эривани, между станциями Дилижан и Нижние Ахты. На этих позициях полк и застало распоряжение о его расформировании. Командир полка получил приказ из штаба Действующего корпуса собрать сотни полка в г. Дилижане для следования в Терскую область, где и распустить нижние чины по домам, а офицеров отправить в свои полки. К 14 ноября 1877 г. полк был расформирован²⁶.

Знаки отличия мусульманских частей за участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

13 октября 1878 г. пожалованы знаки отличия на головные уборы «За отличия в Турецкую войну 1877 и 1878 годов» – 3-му Дагестанскому конно-иррегулярному полку и «За дело под Базетом в 1877 году» – 3-й сотне Закатальского конно-иррегулярного полка; 3-му Дагестанскому конно-иррегулярному полку – также и Георгиевское знамя – «За взятие Карса 6 ноября 1877 года». 6 января 1879 г. Александропольским конно-иррегулярным полкам – простые знамена²⁷. Отважно сражавшемуся добровольческому Чеченскому конно-иррегулярному полку, на-

граждениному императором Александром II «За подвиги мужества и храбрости, оказанные в продолжение Турецкой войны», 6 января 1879 г. было пожаловано знамя²⁸.

¹ Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863. С. 75–76.

² РГВИА. Путеводитель. Т. 2. Р. 8. С. 203–205.

³ Там же.

⁴ Колюбакин Б. Русско-Турецкая Война на Кавказе и в Малой Азии в 1877–1878 гг. Ч. I. СПб., 1906. С. 73.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ Шенк В. Казачьи войска. СПб., 1912. С. 44.

⁸ Шахбиев З. Судьба Чечено-ингушского народа. М., 1996. С. 479.

⁹ РГВИА. Ф. 15568. Оп. 1.

¹⁰ Там же. Ф. 3638. Оп. 1.

¹¹ Потто. Боевая хроника 21-й пехотной дивизии. Тифлис, 1888. С. 17–18.

¹² Колюбакин Б. Указ. соч. Ч. I. С. 121.

¹³ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Т. I. С. 69–70.

¹⁴ Колюбакин Б. Указ. соч. С. 121.

¹⁵ Там же. С. 147–148.

¹⁶ Там же. С. 53–55.

¹⁷ Шенк В. Указ. соч. С. 44.

¹⁸ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Ж. В. В. Д. Вып. II. СПб., 1898. С. 7.

¹⁹ РГВИА. Ф. 14505.

²⁰ Тактическая подготовка войск. Ч. I. СПб.: Издание Военно-Исторической Комиссии Главного Штаба, 1903. С. 7.

²¹ РГВИА. Ф. 14508.

²² Кимишев С. Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг. СПб., 1884. С. 156.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Там же. С. 45.

²⁵ Там же. С. 55–57.

²⁶ РГВИА. Ф. 14497.

²⁷ Шенк В. Указ. соч. С. 44.

²⁸ Там же.

Э.Г. Клейн (Кострома)

ГЛАВНЫЕ ВОЕННЫЕ ДИРИЖЕРЫ РОССИИ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В СБОРНИКАХ ТРУДОВ Международных научно-практических конференций «Война и оружие. Новые исследования и материалы» прошлых лет неоднократно поднимались проблемы изучения истории русской военной музыки в провинции. Предлагаемая читателям публикация посвящена одной из новейших страниц, связанных с историей военно-оркестровой службы Вооруженных сил Российской Федерации.

В сентябре 2002 г. в Костроме прошли торжества, посвященные 850-летию города. Одним из ярких творческих событий в палитре праздничных мероприятий стало выступление 6 сентября в Государственной филармонии Костромской области Центрального военного оркестра Министерства обороны Российской Федерации. Вместе с прославленным коллективом прибыл начальник военно-оркестровой службы Вооруженных сил РФ – главный военный дирижер заслуженный деятель искусств Казахстана генерал-лейтенант Виктор Афанасьев¹. Программа концерта состояла из произведений классической музыки, популярных песен из советских кинофильмов, военных маршей. В зале филармонии присутствовали руководители города и области, общественные деятели, управляющий Костромской епархией архиепископ Костромской и Галичский Александр. Финансирование данного концерта взяло на себя Костромское землячество в Москве, выделившее на проведение мероприятия более 100 тыс. р.

Наряду с генерал-лейтенантом Виктором Афанасьевым за дирижерским пультом в этот день стоял майор Сергей Дурыгин. В настоящее время заслуженный артист РФ полковник С.Ю. Ду-

рыгин является начальником Центрального военного оркестра Министерства обороны. Следует отметить, что генерал-лейтенант В.В. Афанасьев стал первым главным военным дирижером нашего государства, выступившим совместно с лучшим военным оркестром нашего государства на Костромской земле. Концерт в Костроме стал одним из последних в его творческой деятельности в должности главного военного дирижера (ил. 1).

Народный артист РФ генерал-лейтенант В.М. Халилов (1952–2016), назначенный на эту должность в 2002 г., посещал Кострому дважды. 16 мая 2006 г. он принял участие в выездном совещании руководящего состава центральных органов военного управления Министерства обороны РФ. Совещание, которым руководил статс-секретарь – заместитель министра обороны РФ генерал-армии Н.А. Панков, проходило на базе Костромского Высшего военного командно-инженерного училища химической защиты. Перед возвращением в Москву В.М. Халилов встретился с военным дирижером военного училища, поинтересовался проблемами оркестра, рассказал о своих творческих планах.

Многие костромичи с большой теплотой вспоминают авторский вечер В.М. Халилова, состоявшийся в Государственной филармонии Костромской области 16 декабря 2009 г.² Концерт проходил по инициативе коллектива военного оркестра Военной академии радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. Совместно с военным оркестром на сцене филармонии выступили лучшие солисты-вокалисты Костромской области (В. Шуть, заслуженная артистка РФ А. Лебедева, подполковник И. Сырников), а также вокальный ансамбль «Улыбка» (руководитель – Ирина Крапивина), детский хор «Благовест» (дирижер – Лариса Горичева), вокальный ансамбль «Калейдоскоп» (руководитель – Инна Герлиц) и Академический камерный хор под управлением Алексея Мелькова. В программу концерта были включены такие произведения генерал-лейтенанта В. Халилова, как «Адажио», марши «Кант», «Улан», «Генерал Милорадович», вальс «Бегония», песни «Армия – школа для мужчины», «Служу Отечеству», «И удача придет». В этот вечер композитор дважды вставал за дирижерский пульт, продирижировав маршем «Кант» и финальной песней «Навсегда – великая страна», которую исполнили все участники концерта (ил. 2).

Ил. 1. Генерал-лейтенант В.В. Афанасьев. 2002 г.

**Ил. 2. Генерал-майор (впоследствии – генерал-лейтенант)
В.М. Халилов во время концерта
в Государственной филармонии Костромской области. 2009 г.**

Ведущим вечера выступил заслуженный работник культуры РФ полковник Александр Савицкий. В зале филармонии присутствовали стат-секретарь губернатора Костромской области Н.Ф. Адильжанова, заместитель директора департамента культуры Костромской области Е.А. Чугунов, музыкальная общественность.

Перед началом вечера с высоким гостем общались корреспонденты Костромской государственной телерадиокомпании, а также журналист областной газеты «Северная правда» Д. Тишиков. Впоследствии он вспоминал: «С первых минут разговора генерал запомнился отменной выправкой, строгостью и даже какой-то уставной жесткостью. Отпечаток войсковой дисциплины во всем – от взгляда, осанки до тембра голоса»³.

В рамках творческой поездки В.М. Халилов посетил Богоявленский кафедральный собор, Свято-Троицкий Ипатьевский мужской монастырь, а также Военную академию радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (ил. 3).

В сентябре 2014 г. генерал-лейтенант В.М. Халилов передал для экспонирования на выставке «История военных оркестров Костромского гарнизона» свой повседневный китель. Открытие выставки, работавшей в течение трех месяцев, состоялось 25 февраля 2015 г. в военно-историческом отделе Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. В настоящее время этот экспонат хранится в фондах музея (ил. 4).

Назначенный в 2016 г. на должность начальника военно-оркестровой службы – главного военного дирижера заслуженный артист РФ полковник Т.К. Маякин также посещал Костромской край. В марте 2014 г. он, тогда еще заместитель В.М. Халилова, возглавлял комиссию военно-оркестровой службы по проверке оркестра Военной академии радиационной, химической и биологической защиты. В Белом зале бывшего Дворянского собрания проходило прослушивание концертной программы и служебно-строевого репертуара. Среди концертных произведений, исполненных военными музыкантами в этот день, был «Менуэт» из музыки к драме А. Доде «Арлезианка» Ж. Бизе, интродукция к опере «Алеко» С. Рахманинова, «Колыбельная» Дж. Ширинга и др. За отличное исполнение программы коллективу военного оркестра была объявлена благодарность (ил. 5).

Ил. 3. В.М. Халилов с коллективом военного оркестра Военной академии радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. 2009 г.

Ил. 4. Китель генерал-лейтенанта В.М. Халилова на выставке «История военных оркестров Костромского гарнизона». 2015 г.

**Ил. 5. Полковник Т.К. Маякин (в центре)
в Белом зале Костромского дворянского собрания. 2014 г.**

В заключение отметим, что во время подготовки данной статьи, в декабре 2016 г., произошла авиакатастрофа под Сочи. На борту потерпевшего крушение самолета находился и бывший начальник военно-оркестровой службы – главный военный дирижер генерал-лейтенант В. Халилов. В память о погибшем генерале в январе 2017 г. в «Костромской народной газете» была опубликована статья Дмитрия Тишинкова, а на Костромском областном радио вышла передача, подготовленная журналисткой Натальей Никитиной.

¹ Клейн Э.Г. Из истории военных оркестров Костромского края. Кострома: ДиАр, 2010. С. 166.

² Тишинков Д. Тысяча труб и одна палочка // Северная правда. 2009. 17 дек.

³ Тишинков Д. Медные трубы дирижера Халилова // Костромская народная газета. 2017. 11 янв.

С.Н. Ковалев, А.Н. Щерба (Санкт-Петербург)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРОНТ В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ НАРВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

К КОНЦУ ФЕВРАЛЯ 1944 г. войска Ленинградского фронта завершили освобождение Ленинградской области от немецких оккупантов и вышли к г. Остров и границе с Эстонией. Войска левого крыла Ленинградского фронта получили задачу развивать дальнейшие наступательные действия на прибалтийском направлении, для чего основные силы фронта начали концентрироваться на его левом фланге.

Прибалтика оставалась базой снабжения германской армии продовольствием и горюче-смазочными материалами. Так, только эстонский сланцевый бассейн позволял получать более 50 тыс. т нефтепродуктов и 3 тыс. т бензина в месяц, что позволяло полностью покрывать потребности германских войск на территории Эстонии и Латвии¹.

Замысел противника состоял в том, чтобы сковать в районе Нарвы войска Ленинградского фронта и сохранить эстонский плацдарм на стратегическом фланге советско-германского фронта. Это давало возможность нанести фланговый удар по советским войскам, быстро продвигающимся на запад. Из-за яростного сопротивления противника в феврале 1944 г. с ходу начать освобождение Прибалтики войскам Ленинградского фронта не удалось. В ходе Ленинградско-Новгородской наступательной операции был захвачен лишь плацдарм на левом берегу реки Нарва (юго-западнее одноименного города) до 35 км по фронту и до 12 км в глубину².

Войскам фронта противостоял 3-й танковый корпус СС, входивший в состав оперативной группы «Нарва». В состав корпу-

са входили: 11-я танково-гренадерская дивизия СС «Нордланд»; 20-я гренадерская дивизия СС; 300-я дивизия; 4, 5 и 6-я бригады СС. Противник создал здесь эшелонированную систему оборонительных укреплений, которая включала рубежи: основной – «Пантера», тыловой – «Рейер» и 3 промежуточных – «Блау», «Грюн» и «Браун»³.

В составе корпуса в боевых действиях участвовало значительное количество добровольцев из различных стран мира, и его части отличались высокой степенью боеспособности. В частности, дивизия «Нордланд» была укомплектована голландцами, 20-я гренадерская дивизия СС – эстонцами, бригада «Нидерланд» – добровольцами из различных стран Западной Европы. Части иностранных добровольцев СС проявляли высокую стойкость в предшествующих сражениях, поэтому оборону Нарвы стали называть «Битвой европейских СС»⁴.

Кроме того, для усиления группировки войск противника под Нарву были переброшены войска оперативной группы «Шпонхаймер» (по фамилии командующего 54-го армейского корпуса О. Шпонхаймера), состоящей из двух моторизованных дивизий, одной моторизованной и одной пехотной бригад, остатков одной пехотной и одной авиаполевой дивизий⁵.

В середине лета 1944 г. войска Ленинградского фронта занимали позиции от побережья Финского залива до Гдова Псковской области. Здесь были сосредоточены 2-я ударная армия (генерал-лейтенант И.И. Федюнинский) и 8-я армия (генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков), а также 8-й Эстонский стрелковый корпус (генерал-лейтенант Л.А. Пэрн). С воздуха их прикрывала 13-я воздушная армия (генерал-лейтенант авиации С.Д. Рыбальченко). Со стороны моря поддержку наступающим войскам должны были оказывать силы Балтийского флота⁶.

В соответствии с планом, разработанным штабом фронта, войска должны были наступать на двух направлениях – нарвском и псковском. Убедившись в прочности вражеской обороны со стороны Нарвского перешейка, командование фронта приняло решение нанести главный удар с псковского направления. Замысел операции заключался в том, чтобы ударами с северо-востока силами 2-й ударной армии через реку Нарва и с юго-востока силами 8-й армии окружить и разгромить 3-й танковый корпус СС и освободить Нарву⁷. Резерв фронта – 8-й Эстонский стрелко-

вый корпус – предназначался для развития наступления после форсирования реки Нарва и освобождения города⁸.

Особенностью Нарвской наступательной операции стало то, что при ее планировании оперативным отделом фронта были предусмотрены несколько этапов. Так, например, на первом этапе наступления удар наносили четыре стрелковых корпуса 2-й ударной армии. Затем планировалось наращивание сил и средств из глубины путем последовательного ввода в сражение еще пяти корпусов⁹. Это позволяло более гибко управлять ходом боевых действий с учетом реально складывающейся обстановки.

Еще одной отличительной особенностью Нарвской наступательной операции стала ее тщательная подготовка. Командование фронтом исходило из того, что противнику удалось создать прочную эшелонированную оборону, которую занимали соединения и части, имеющие большой боевой опыт и высокую боеготовность. С учетом этого, приказом командующего фронтом в боевые порядки наступающей пехоты вводился новый элемент – артиллерийская противотанковая истребительная группа. В ее состав включались 3-4 пушки калибра 76-мм, САУ 122-мм или САУ 152-мм. Одна-две группы включались в боевой состав стрелкового полка и подчинялись командиру полка. Орудия группы должны были занимать позиции на удалении 600–1500 м от противника и вести прицельный огонь по огневым точкам и бронетанковой технике противника¹⁰.

В связи с этим возникла необходимость обучать войска новому. В частности, разнообразным навыкам ближнего боя и умению координировать действия пехоты с артиллерией, быстро организовывать маневр огнем. Необходимо было обучать командиров умению грамотно сочетать маневр пехоты с огнем артиллерии¹¹.

Командованием фронта были разработаны рекомендации по обучению войск фронта тактике ведения наступательных действий с учетом особенностей организации обороны противника и рельефа местности. Особенно тщательно отработывалась работа артиллерии, которая должна была непрерывно сопровождать наступление пехоты. При подходе пехотных подразделений на дистанцию 80–100 м к передовой линии противника, артиллерийский огонь должен был постепенно «сползть на линию

блиндажей»¹². В соответствии с новой методикой, разработанной штабом фронта, координировать действия артиллерии и минометов должен был командир взвода – роты¹³.

Для отработки всех элементов взаимодействия командующий фронтом приказал провести боевую тренировку, которая началась 5 мая и проводилась в течение 20 суток. В течение этого времени отрабатывались действия пехоты в лесистой местности, методика ведения ближнего боя, а также ввод в бой вторых эшелонов¹⁴. Обучением подчиненных должны были лично руководить командиры частей и соединений. Они должны были лично провести по одному показательному занятию по ведению ближнего боя усиленной ротой. Для развития успеха в каждой стрелковой дивизии было приказано сформировать по одному штурмовому батальону¹⁵.

В приказе командующего фронтом предписывалось особое внимание уделить подготовке командиров артиллерийских батарей и минометных рот, начальников артиллерии стрелковых полков и дивизий – их умению в процессе боя оперативно подавлять огневые средства противника, мешающие продвижению пехотных подразделений, при необходимости в динамике боя массировать огонь для подавления укрепленных узлов сопротивления¹⁶.

В период подготовки Нарвской наступательной операции существенные коррективы вносились в порядок применения танков. Командующий фронтом в своем приказе определил: «Танковые полки прорыва и полки средних танков являются самостоятельным элементом боевого порядка стрелковой дивизии и в условиях открытой местности действуют в составе полка и имеют задачу непосредственной поддержки пехоты, решая самостоятельную тактическую задачу на главном направлении дивизии на всю глубину рубежа»¹⁷. В условиях пересеченной и лесистой местности группы танков и САУ было приказано придавать батальонам (танковую роту). Танковые бригады планировалось использовать для развития прорыва¹⁸.

Командующий фронтом поставил отдельные задачи для самоходной артиллерии. Ее подготовку приказано было направить на сколачивание батарей в огневом и тактическом отношении для действий на конкретной местности, для этого провести боевые стрельбы по подвижным и неподвижным целям¹⁹.

С воздуха войска фронта должны были поддерживать самолеты 13-й воздушной армии. Командующий армией получил задачу улучшить оперативность действия авиации и взаимодействие с пехотными частями. С этой целью авиационные соединения и части перебрасывались ближе к линии фронта²⁰. К 23 июля основные силы воздушной армии были сосредоточены на аэродромах нарвского направления (Гдовский и Молосковичский аэроузлы)²¹.

В систему управления авиацией был внесен новый элемент. Для улучшения взаимодействия с сухопутными частями, действующими непосредственно на направлении главного удара, и управления авиацией непосредственно на поля боя был организован наблюдательный пункт (НП), на котором находился заместитель командующего 13-й воздушной армией. Данный пункт управления находился в д. Кривасо на самом берегу р. Нарвы – в 22 км юго-западнее г. Нарвы. Командирам авиационных соединений было приказано выдвинуть свои НП в районы, где были дислоцированы КП командиров стрелковых корпусов, с которыми им надлежало взаимодействовать²².

При планировании боевых действий авиации особое внимание было уделено действиям истребительных частей. Специально для управления истребительной авиацией был организован Главный пункт управления командира 275-й истребительной авиационной дивизии в населенном пункте Мустайиэ – в 20 км юго-восточнее г. Нарва²³.

Необходимо отметить тщательную подготовку войск к наступлению, которая предпринималась и на армейском уровне. Так, например, пехотные подразделения 2-й ударной армии начали практически обрабатывать все элементы, связанные с предстоящим форсированием водной преграды. Командующий 2-й ударной армией утвердил «Указания по форсированию р. Нарва», где обращалось внимание на тщательную подготовку переправочных средств, которые должны были концентрироваться на специальных пунктах сосредоточения у самого уреза воды и тщательно маскироваться. Предполагалось создать резерв переправочных средств и подготовить пункты погрузки личного состава²⁴.

Проводились многочисленные тренировки марш-бросков с лодками на расстояние 150–200 м. Отрабатывались также элементы спуска лодок на воду и посадки в них личного состава,

гребля и даже замена гребцов на ходу. Значительное внимание уделялось привитию навыков ведения огня на ходу, высадке с лодки и плаванию в нагруднике при помощи подручных средств. Путем длительных тренировок командование армии добивалось от каждого бойца твердого знания установленного порядка преодоления водной преграды²⁵.

Отрабатывался ввод в сражение вторых эшелонов и обеспечение непрерывности управления войсками.

После проведения комплекса тренировок, в середине мая, по приказу командующего фронтом была проведена «силовая разведка» на участках 2-й ударной и 8-й армий, во время которой были применены все элементы, которые ранее отрабатывались во время тренировок. Боевая практика показала, что по-прежнему существует много недочетов в артиллерийском сопровождении наступающих войск и при взаимодействии пехоты и артиллерии. Огневую систему обороны противника подавить не удалось. Не все командиры пехотных подразделений оказались способны правильно руководить артиллерийским огнем²⁶.

Учитывая большое количество недочетов, в конце мая командующий фронтом приказал провести еще одну «силовую разведку» обороны противника, в ходе ее точно установить систему огня и характер оборонительных сооружений противника, захватить пленных и выявить количественный состав противостоящей группировки противника. Чтобы избежать больших потерь, было приказано перед началом «силовой разведки» провести мощную артиллерийскую подготовку в течение не менее 2 суток²⁷.

В середине июня, после проведения «силовой разведки» штаб фронта спланировал и организовал еще одну проверку готовности войск к наступлению, в процессе которой был выявлен еще целый ряд недостатков. Командующий фронтом приказал в штабах армий создать специальные проверочные группы – по одной на каждый корпус. С их помощью оперативно устранить существующие недостатки²⁸.

Следует также отметить, что командующий и штаб фронта начали предъявлять новые требования к организации разведки. Ведение разведки становилось важнейшей обязанностью командиров. Ее цели стали чрезвычайно разнообразны. Теперь она должна была устанавливать не только местонахождение, состав, группировку, боеспособность и намерения противника. Развед-

ка должна была четко выявить особенности местности и ее влияние на характер действия войск, особенно танковых, а также на использование артиллерии и военной техники.

Разведка начала вестись во всей полосе предстоящего наступления с использованием различных средств и способов: воздушной и наземной разведки, агентуры, разведки боем, постоянного наблюдения за противником, радиоразведки, опроса местного населения, изучения захваченных документов, допроса пленных и перебежчиков.

Войска связи фронта получили распоряжение скрытно организовать проводную связь со всеми частями и подразделениями, выдвигающимися на передовые позиции. Был предусмотрен и комплекс мероприятий по оперативной маскировке. В частности, предусматривалось создание ложных корпусных и танковых радиосетей, а также демонстративный показ на отдельных участках нарвского направления новых линий проводной связи²⁹.

В общей сложности, для проведения операции были привлечены 128 557 чел., 4154 орудия и миномета. Войска Ленинградского фронта имели превосходство над противником в людях, а также в артиллерии и минометах – в 2,5 раза, в танках – в 13 раз, в самолетах – в 3 раза³⁰.

Анализ деятельности Полевого управления Ленинградского фронта на этапе подготовки Нарвской наступательной операции позволяет сделать вывод о том, что характер его работы существенно изменился. Командование фронтом основной акцент сделало на самую тщательную подготовку наступательных действий. Основное внимание уделялось отработке тесного взаимодействия между различными родами войск. Чтобы добиться этого, командующий фронтом неоднократно откладывал сроки перехода в наступление.

После проведения ряда контрольных мероприятий, командованием фронта был сделан вывод о том, что основная часть недостатков устранена. 7 июля 1944 г. командующий Ленинградским фронтом подписал оперативную директиву № 074/оп, в приказной части которой указывалось: «Войска нарвского направления подготовить к переходу в наступление»³¹.

17 июля 1944 г. командующим Ленинградским фронтом Л.А. Говоровым была подписана оперативная директива № 79/оп о переходе в наступление с целью ликвидации нарвской группи-

ровки войск противника. Особенностью данной директивы было то, что войска 2-й ударной армии должны находиться в готовности к форсированию р. Нарва по особому приказу командующего фронтом после того, как войска 8-й армии овладеют узлами сопротивления противника Аувере и Ластеклония³².

В целях улучшения взаимодействия войск, 20 июля 1944 г. командующим фронтом была утверждена «Инструкция по взаимодействию родов войск в предстоящей операции». В ней были установлены сигналы для обозначения войск «Я – свой». Они предназначались для пехотных частей, бронетанковой техники, артиллерии и авиации.

Перед самым началом наступления, оперативной директивой штаба фронта № 83/оп от 23 июля 1944 г. предписывалось: «В состав войск нарвского направления включить подвижную танковую группу», которую возглавил генерал-майор А.М. Хасин. В состав группы вошли три танковых бригады, три танковых полка, два полка САУ, один броневой батальон и один мотострелковый батальон³³.

Танковая группа предназначалась для развития успеха наступающих войск. Сосредоточение большого количества бронетанковой техники делало ее уязвимой для авиации противника. Поэтому командующему 13-й воздушной армией была поставлена задача: выделить для прикрытия танков одну штурмовую и одну истребительную дивизию³⁴.

24 июля войска Ленинградского фронта силами левого крыла начали проведение Нарвской наступательной операции. В соответствии с приказом командующего фронтом, она началась в 6.00 с артиллерийского разрушения укрепленных позиций противника. Одновременно, по своему плану, удары начала нанести штурмовая и бомбардировочная авиация³⁵.

К исходу дня войска 8-й армии, овладев первой линией траншей, начали стремительно расширять прорыв. Командование группы армий «Север», понимая, что продвижение 8-й армии создаст реальную угрозу путям отхода оперативной группы, вынуждено было начать ее отвод из-под Нарвы³⁶. В этот же день Гитлер сменил командующего группой армий «Север» генерал-полковника Й. Фриснера жестким и бескомпромиссным генерал-полковником Ф. Шернером. Это свидетельствовало о его крайнем недовольстве тем, что немецкие войска начали отход от Нарвы³⁷.

Разведкой фронта был установлен факт отвода войск и то, что противник оставил на нарвском выступе лишь 20-ю эстонскую пехотную дивизию СС. Это свидетельствовало об очевидном успехе наступления. Однако, командующий фронтом Л.А. Говоров оценивал действия войск 8-й армии как неудовлетворительные. Имея многократное превосходство над противником в живой силе и технике, войска армии полностью выполнить боевую задачу не смогли. В оперативной директиве штаба Ленинградского фронта № 84/оп от 24 июля указывалось, что противнику удалось отвести основную часть своих войск, и была отмечена основная причина этого: «В силу неуспеха наступательной операции 8-й армии, объясняемого, прежде всего, плохим управлением войсками и недостаточным знанием противника»³⁸.

В связи с этим, командующему 8-й армией боевая задача была скорректирована. В частности, ему было предписано временно приостановить наступление в центре и на левом фланге и перенести главные усилия на правый фланг в направлении на Аувере. Командующему 2-й ударной армией было приказано осуществлять наступательные действия в соответствии со сложившейся оперативной обстановкой³⁹.

С утра 25 июля, не дожидаясь выхода соединений и частей 8-й армии в район Аувере, 2-я ударная армия перешла в наступление. В соответствии с приказом командующего фронтом артиллерия и авиация начали разрушение обороны противника в 7.00, а в 8.20 131-я и 191-я стрелковые дивизии при мощной поддержке артиллерии, авиации и кораблей Балтийского флота начали форсировать р. Нарва⁴⁰.

Основные силы авиации фронта были оперативно перенацелены на действия в полосе наступления 2-й ударной армии. 74 бомбардировщика Ил-4 из состава 113-й авиационной дивизии и 77 бомбардировщиков 276-й авиационной дивизии нанесли массированный удар по узлам сопротивления противника на западном берегу реки. Данный удар был весьма эффективным, что было подтверждено отзывом командующего армией генерал-лейтенанта И.И. Федюнинского⁴¹. 25 июля авиация фронта произвела 567 самолето-вылетов. В результате действий бомбардировщиков система обороны противника на западном берегу р. Нарва была нарушена⁴².

Уже через 20 минут наступления войска 2-й ударной армии овладели первыми траншеями противника, а еще через 20 минут все соединения и части первого эшелона армии были на левом берегу реки. Форсирование реки с огневых позиций, расположенных на восточном берегу Нарвы, поддерживала артиллерия 8-го Эстонского стрелкового корпуса, находящегося в резерве фронта. Преодолев мощную оборону противника, войска 2-й ударной армии продолжили наступление вдоль побережья Финского залива⁴³.

В ночь на 26 июля части 191-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии вышли к шоссе Таллин – Нарва и в 3.30 вступили на западную окраину г. Нарва. В этот же день город был полностью очищен от войск противника⁴⁴.

Таким образом, за три дня наступательных боев войскам Ленинградского фронта удалось прорвать многоэшелонированную оборону противника и потеснить его войска. Однако полностью выполнить боевую задачу по окружению и полному разгрому нарвской группировки противника не удалось. Противник сумел отвести часть своих войск на новые рубежи.

В результате Нарвской наступательной операции противник понес значительные потери и был отброшен на 20 км от Нарвы. Была потеряна практически вся бронетанковая техника. В распоряжении немецких войск осталось лишь артиллерийское вооружение. Оперативное положение советских войск для последующего удара в целях полного освобождения Эстонии и всей Прибалтики улучшилось⁴⁵. После мощных ударов наступающих войск Ленинградского фронта боевой дух немецких солдат и добровольцев из различных стран Западной Европы и Прибалтики сильно снизился. По меткому выражению известных английских историков, «потрясенным европейским добровольцам СС оставалось только ждать грядущего удара»⁴⁶.

¹ Калво А. Изгнание фашистов из Южной Эстонии. Таллин, 1976. С. 39.

² Петербургский – Петроградский – Ленинградский военный округ. В 2-х т. Т. 2. СПб.: ИПК «Вести», 2012. С. 27.

³ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 144–145.

⁴ Бишоп К., Эйлсби К. Войска СС на полях сражений Второй мировой войны 1939–1945 / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2006. С. 324.

⁵ Барбашин И.П. и др. Битва за Ленинград 1941–1944. М.: Воениздат, 1964. С. 385.

- ⁶ Петербургский – Петроградский – Ленинградский военный округ. Т. 2. С. 27.
- ⁷ Кривошеев Е.П., Костин Н.Ф. Битва за Нарву: февраль – сентябрь 1944 г. Таллин: Изд-во Эстираамат, 1984. С. 115–116.
- ⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4: Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012. С. 535.
- ⁹ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 201177. Д. 203. Л. 85–86.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 148.
- ¹¹ Там же. Л. 146.
- ¹² Там же. Л. 146–147.
- ¹³ Там же. Л. 147.
- ¹⁴ Там же. Оп. 33413. Д. 3. Л. 16.
- ¹⁵ Там же. Л. 17.
- ¹⁶ Там же. Л. 14–15.
- ¹⁷ Там же. Л. 18–19.
- ¹⁸ Там же. Л. 19.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Оп. 1291. Д. 359. Л. 5.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 8. М.: Воениздат, 1949. С. 91–92.
- ²⁵ Там же. С. 93–94.
- ²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 202.
- ²⁷ Там же. Л. 204.
- ²⁸ Там же. Л. 240.
- ²⁹ Там же. Оп. 201177. Д. 4. Л. 218.
- ³⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 4. С. 534.
- ³¹ ОНОХВИД НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ. Ф. 34. Оп. 341. Кор. 345. Д. 9. Л. 77.
- ³² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3891. Л. 241–243.
- ³³ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Т. 3: Операции Советских Вооруженных Сил в период решающих побед. М.: Воениздат, 1958. С. 523.
- ³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 314.
- ³⁵ Там же. Л. 318.
- ³⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 4. С. 535.
- ³⁷ Лиддел-Гарт Б. Вторая мировая война. Очерк / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1976. С. 551.
- ³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 96. Л. 104.
- ³⁹ Там же. Л. 105.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 319.
- ⁴¹ Там же. Оп. 1291. Д. 359. Л. 6.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 4. С. 535.
- ⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 3887. Л. 323.
- ⁴⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 4. С. 536.
- ⁴⁶ Бишоп К., Эйлсби К. Указ. соч. С. 328.

А.М. Колганов (Москва)

ОТКРЫТИЕ ВТОРОГО ФРОНТА И НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИЧЕСКИХ ВОЙСК В ЕВРОПЕ

ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, что правительства США и Великобритании приступили к подготовке открытия второго фронта в Европе, выполняя решения Тегеранской конференции («Эврика» – 28.11–1.12.1943). На самом деле еще на конференции «Аркадия» в Вашингтоне в декабре 1941 – январе 1942 гг. правительства этих двух стран договорились об открытии фронта с Германией в 1943 г. Открытие фронта тесно увязывалось с окончанием всесторонней подготовки США к ведению войны и с успехами союзников в борьбе на средиземноморском, североафриканском и тихоокеанском театрах военных действий.

Поэтому все действия вооруженных сил союзников начиная со второй половины 1942 г. (время перехода в стратегическое наступление) так или иначе были направлены на решение задач в указанных выше регионах в целях восстановления там своего влияния. Содержание стратегического наступления, формы и способы его ведения на каждом театре военных действий имели свои характерные особенности.

К примеру, стратегическое наступление в Северной Африке охватывало небольшую по фронту (60–300 км), но значительную по глубине (более 2000 км) территорию. Оно проводилось на узкой прибрежной полосе, ограниченной с одной стороны Средиземным морем, а с другой – пустынями. Поэтому состав сил и средств англо-американских войск был сравнительно небольшим и не превышал двух армий, поддерживаемых авиацией и ВМС. По содержанию стратегическое наступление представляло собой совокупность морской десантной операции («Торч», в ноябре 1942 г.), ряда последовательных по глубине армейс-

ких наступательных операций (8-й английской армии, октябрь 1942 г. – март 1943 г.) и операции 18-й группы армий в Тунисе на завершающем этапе кампании (17.03–13.05.1943). Особенностью операции было и то, что стратегическое наступление проводилось с двух встречных направлений.

Стратегическое наступление на средиземноморском ТВД представляло собой совокупность уже нескольких десантных операций и операций группы армий (Итальянская кампания). Проводилось оно путем последовательных стратегических десантных операций (по овладению Сицилией, операция «Хаски» – 10.07–17.08.1943, а также южным побережьем Италии – 3.09–6.10), а затем последовательных наступательных операций 15-й группы армий на Апеннинском полуострове.

Примечательно, что сицилийская операция была первой ВДО англо-американских войск, которая проводилась в рамках морской десантной операции с целью обеспечения высадки морского десанта и захвата острова для последующего его использования в качестве плацдарма при вторжении на Апеннинский полуостров. Десант высаживался в двух местах. Высадка прошла не совсем удачно, только 30 % воздушного десанта оказалось в запланированном районе, однако цели операции все же удалось достичь, и остров был захвачен. Поучительно, что из-за упущений в организации взаимодействия ВВС, ВДВ и ВМС 23 американских и 11 английских транспортных самолетов с десантом были сбиты огнем зенитной артиллерии своих же кораблей, а 27 английских самолетов (в ночь на 14.07.1943) вернулись, не выбросив десант из-за потери ориентировки. После сицилийской операции союзники особенно детально стали подходить к вопросам планирования и подготовки высадки десанта.

Как мы видим, по сути, уже это было реальным вступлением союзных сил на Европейский континент. Другой вопрос, что скорость продвижения войск англо-американской коалиции, а также решительность в проведении операций не могли идти ни в какое сравнение с этими показателями на советско-германском фронте. Ведь Апеннинский полуостров союзническими войсками освобождали с июля 1943 до апреля 1945 гг.

Что касается открытия фронта в Западной Европе, то на уже упомянутой Тегеранской конференции союзники оказались перед выбором: либо они вступят в открытую борьбу с Германи-

ей на западноевропейском ТВД, либо вермахт будет разгромлен Красной армией без их участия, со всеми вытекающими последствиями по послевоенному устройству мирового сообщества и легитимному доминированию в мировой политике.

В феврале 1944 г. объединенный англо-американский штаб определил цель операции – осуществить вторжение в Европу, затем совместно с войсками других союзников выйти в центр Германии и уничтожить ее вооруженные силы.

Операция по вторжению вооруженных сил США, Великобритании и их союзников в Северо-Западную Францию в июне 1944-го имела кодовое название «Оверлорд» и включала в себя захват стратегического плацдарма на побережье Северо-Западной Франции (Нормандская десантная операция) для последующего наступления к границам Германии. Ей предшествовала операция «Нептун» по высадке морского и воздушного десантов в Нормандии.

На 6 июня во Франции, Бельгии и Нидерландах находилась группировка немецких войск, включавшая группу армий «Б», командование армейской группы «Г» командования Запада (всего 58 дивизий, в том числе 42 пехотных, 9 танковых и 4 авиационных)¹. Командовали группировкой генерал-фельдмаршал К. Рундштедт, а со 2 июля генерал-фельдмаршал Г. Клюге. Из ее состава для противодействия силам вторжения союзников предназначались группа армий «Б», 1А, танковая дивизия командования армейской группы «Г» и резерв командования Запада – всего 49 дивизий, численностью 528 тыс. чел., 2 тыс. танков и штурмовых орудий, 6,7 тыс. орудий и минометов. Их поддерживали 3 ВФ (160 самолетов), часть сил ВМС командования Запада (259 кораблей и катеров), базировавшихся на северном побережье Франции. На участке побережья залива Сены, назначенном союзным командованием для высадки, занимали оборону 3 пехотных дивизии немецкой 7А (2 из них – стационарные, без автотранспорта)². Их позиции были слабо подготовлены в инженерном отношении, хотя этот оборонительный рубеж (кодовое название – «Атлантический вал») создавался с 1942 до 1944 гг. вдоль всего атлантического побережья Западной Европы (от Дании до Испании) как раз для предотвращения высадки англо-американских войск на континент. Его протяженность составляла свыше 4000 км³. Однако в связи с тем, что советско-

германский фронт отвлекал на себя все больше сил и средств, к лету 1944 г. строительство укреплений не было завершено. На участке пролива Па-де-Кале, где гитлеровцы ожидали высадку главных сил противника, план оборонительных работ был выполнен на 68 %, на остальном фронте – на 18 %. Основу укреплений составляли опорные пункты и посты, оборудованные полевыми инженерными сооружениями с долговременными огневыми точками в каменных зданиях и бетонных укрытиях, на глубину (от уреза воды) 2–8 км. Прикрывались они огнем стрелкового оружия, противотанковой и береговой артиллерии, а также минными полями и проволочными заграждениями. На важнейших направлениях устанавливались управляемые фугасы. Были подготовлены к обороне крупные порты – Дюнкерк, Булонь, Гавр и Антверпен. Значительная часть пехотных дивизий, предназначенных для обороны «Атлантического вала», были стационарными (без транспорта) или находились в стадии формирования. В целом, «Атлантический вал» по степени инженерного оборудования и боеспособности войск вермахта, выделенных для его обороны, не представлял серьезного препятствия. Однако немецкая пропаганда намеренно представляла его как непреодолимый оборонительный рубеж, чтобы запугать противника и укрепить веру немецкого народа в то, что вражеский десант не может прорвать этот рубеж. Эту легенду поддерживало и англо-американское командование, чтобы оправдать затягивание открытия 2-го фронта. К тому же союзники были уверены, что войска с восточного фронта не смогут усилить группировку немцев на западе, ввиду большой активности советских войск. Объединенный комитет начальников штабов союзников прямо говорил командующему экспедиционными силами в Европе генералу Д. Эйзенхауэру: «Установлено, что армии Советского Союза перейдут в наступление примерно в то же время, когда начнет осуществляться операция “Оверлорд”, что даст возможность предупредить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт»⁴. В итоге «Атлантический вал» был успешно прорван союзническими войсками в ходе Нормандской десантной операции.

При подготовке операции «Нептун» в Нормандии союзное командование уделяло большое внимание обеспечению высадки десанта. Умело проведенными мероприятиями оперативной

маскировки и дезинформации удалось ввести немецкое командование в заблуждение относительно района и времени высадки союзных войск. С конца апреля 1944 г. союзная авиация совершала систематические налеты на важные объекты противника во Франции и в течение мая – июня вывела из строя большое количество оборонительных сооружений, пунктов управления, аэродромов, железнодорожных станций и мостов. Стратегическая авиация в этот период наносила массированные удары по военно-промышленным объектам Германии, что резко снизило боеспособность немецких войск.

Для проведения операции предназначались американские и английские морские силы в составе более 1200 кораблей, свыше 4 тыс. десантных судов и высадочных средств и 864 торговых судов (командовал группировкой английский адмирал Б. Рамсей)⁵. Эти морские силы должны были обеспечить одновременную высадку 5 пехотных дивизий, для чего создавалось 5 десантных отрядов. Для высадки 1-го эшелона десанта командование союзников создало 2 группировки ВМС: Западное оперативное соединение, включавшее в основном американские корабли (3 линкора, 10 крейсеров, 30 эсминцев, более 280 кораблей других классов, 1700 десантных судов под командованием контр-адмирала А. Керка), и Восточное оперативное соединение – преимущественно английские корабли (3 линкора, 13 крейсеров, 30 эсминцев, 302 корабля других классов под руководством контр-адмирала Ф. Вайена). Высадку десантов и их бой на плацдарме поддерживали огнем 5 отрядов кораблей артиллерийской поддержки (всего 7 линкоров, 2 монитора, 24 крейсера, 74 эсминца).

Американские силы флота, выделенные для операции, сосредоточились в Белфасте, английские – в Гриноке. 10 групп эскорта, в которые входили эскадренные миноносцы, фрегаты и тральщики, а также самолеты берегового базирования патрулировали западную часть пролива Ла-Манш и служили защитным средством от немецких подводных лодок. Одновременно эскадренные миноносцы и торпедные катера охраняли подходы к месту высадки с запада. Командование экспедиционных сил создало надежную ПЛО, ПВО и противоминную оборону. В частности, чтобы не допустить выхода немецких кораблей из Бискайского залива и Северного моря в пролив Ла-Манш, были развернуты крупные корабельные дозоры, которые срывали попытки

подводных лодок и легких сил флота противника прорваться в районы стоянок десантных судов, а также отмечать места постановки мин немецкой авиацией и кораблями.

В ночь на 6 июня поддерживая переход морских десантов, авиация союзников нанесла удары по артиллерии, узлам сопротивления, пунктам управления, РЛС, районам сосредоточения и тылам противника. Переход десантных отрядов через пролив Ла-Манш в штормовую погоду оказался неожиданным для немецкого командования, которое только при подходе их к берегу стало приводить свои войска (силы) в боевую готовность. В 6 ч 30 мин 6 июня вслед за массированными ударами авиации и огневой подготовкой корабельной артиллерии началась высадка союзных войск на нормандское побережье. Обороняющие его немецкие войска, понесшие значительные потери от авиационных ударов и огня корабельной артиллерии, оказывали незначительное сопротивление. К исходу дня союзные войска захватили 5 плацдармов глубиной от 2 до 9 км. Немецкое командование очень медленно реагировало на высадку союзных войск и не выдвинуло из глубины оперативные резервы для ее срыва, все еще полагая, что главный удар будет нанесен в районе Кале. Сосредоточив за трое суток на захваченных плацдармах до 12 дивизий, союзные войска 9 июня возобновили наступление для создания единого плацдарма. К исходу 12 июня они заняли побережье протяженностью 80 км по фронту и 13–18 км в глубину и увеличили группировку войск до 16 дивизий и нескольких бронетанковых частей (3 бронетанковые дивизии)⁶.

В целом, морская десантная операция «Нептун» обеспечила успешное проведение Нормандской стратегической операции вооруженных сил союзников по вторжению в Северо-Западную Францию. К 20-му дню операции был захвачен стратегический плацдарм. К 30 июня плацдарм союзников достигал 100 км по фронту и 20–40 км в глубину, на нем находились войска 1-й американской, 2-й английской и 1-й канадской армий, были оборудованы 23 аэродрома для базирования тактической авиации. Им противостояли 18 немецких дивизий, понесших в предыдущих боях большие потери. Гитлеровская ставка по-прежнему не решалась усилить свои войска в Нормандии за счет переброски дивизий 15А, в полосе которой ожидалась высадка второго десанта. Постоянные удары авиации союзников и французских

партизан по коммуникациям противника крайне ограничивали возможности немецкого командования по переброске войск из других районов Франции. Однако главной причиной, не позволившей усилить войска вермахта на западе, явилось наступление Красной армии в Белоруссии, начавшееся 23 июня 1944 г.

К 60-му дню 1-я американская и 2-я английская армии вышли на рубеж южнее Сен-Назер, вдоль южного берега реки Луара, западнее Шартра, устье реки Сена. После переброски на плацдарм 3-й американской армии наступление развивалось на восток и юго-восток, через 3 месяца войска вышли на рубеж рек Сена и Луара, а на 120-й день союзники успешно овладели Парижем.

Нормандская десантная операция – самая крупная десантная операция Второй мировой войны. Она положила начало открытию второго фронта в Европе, который стал важным фактором успешного ведения военных действий антигитлеровской коалиции на завершающем этапе войны против Германии.

Операция характеризовалась длительностью планирования и подготовки; достижением скрытности подготовки и внезапностью высадки крупной группировки войск на необорудованном побережье; использованием для высадки морского десанта большого количества специальных десантно-высадочных средств; обеспечением тесного взаимодействия сухопутных войск, ВВС и ВМС при высадке и в ходе борьбы за плацдарм; переброской в сжатые сроки через проливную зону большого количества войск и материальных средств; массированным применением авиации по объектам противника; высадкой крупных воздушных десантов в его тылу.

Потери сторон были довольно значительными. Немецкие войска и силы потеряли 113 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными, 2117 танков и штурмовых орудий, 7 подводных лодок, 57 надводных кораблей и боевых катеров, 913 самолетов⁷.

Потери союзных войск и сил составили 122 тыс. чел., 2395 танков, 65 надводных кораблей и судов, 1508 самолетов (на 30 июня). Около 800 судов союзников при высадке десанта во время шторма были выброшены на берег и повреждены⁸.

В дальнейшем стратегическое наступление на западноевропейском ТВД проводилось достаточно значительными силами сухопутных войск, при активном участии авиации и военноморского флота (верховный главнокомандующий американский

Ил. 1. Стратегическое наступление англо-американских войск в Западной Европе в 1944-1945 гг.

генерал Д. Эйзенхауэр). Они включали 21-ю группу армий под командованием английского генерала Б. Монтгомери (1-я американская, 2-я английская, 1-я канадская армии, отдельные соединения и части), союзные экспедиционные ВВС, стратегическую авиацию, союзные экспедиционные ВМС под командованием английского адмирала Б. Рамсея. Всего в них насчитывалось: свыше 2876 тыс. чел.; около 11 тыс. самолетов, 2,5 тыс. танков⁹ (см. ил. 1).

В целом, на западноевропейском ТВД союзниками были проведены две наступательные кампании: в июне – декабре 1944 г. и в январе – мае 1945 г. Они имели своей целью разгромить противостоящие группировки немецко-фашистских войск, овладеть важнейшими районами Западной Европы и большей частью Германии до появления там советских войск. Цели стратегического наступления вооруженных сил Англии и США в Европе тесно увязывались с политическими интересами этих стран и послевоенной организацией мира.

Кампания 1944 г. по своему содержанию представляла собой совокупность морских десантных операций и наступательных операций групп армий, проводимых во взаимодействии с ВВС и ВМС. В ходе кампании были проведены: Нормандская стратегическая десантная операция (21-я гр. А, 6.06–24.07.1944); наступательная операция 21-й и 12-й групп армий на парижском направлении; десантная операция на юге Франции («Драгун», 15.08–3.09.1944); операции преследования трех групп армий (6, 12 и 21-й) до границы Франции с Голландией и Германией; Голландская операция (21-я гр. А, 17.09–10.11.1944, незавершенная). Завершилась она проведением Арденнской оборонительной операции (12-я гр. А, 16.12.1944 – 28.01.1945).

В ходе кампании 1945 г. были проведены наступательные операции 6, 12 и 21-й групп армий по выходу к Рейну (вторая половина января – начало марта), операции этих же групп армий по форсированию Рейна, Рурская наступательная операция (12-я и 21-я группы армий, 23.03–17.04.1945) и операции всех трех групп армий по преследованию отходящих немецких войск.

Способы ведения стратегического наступления англо-американскими войсками в кампаниях 1944 и 1945 гг. были различными. Кампания 1944 г. началась проведением морской десантной операции в Нормандии и последовательной по глубине наступа-

тельной операцией 21-й и 12-й групп армий на парижском направлении. В дальнейшем кампания проводилась путем одно-временных операций трех групп армий (6, 12 и 21-й) на нескольких стратегических направлениях.

После неудачной попытки осенью 1944 г. вторгнуться на территорию Германии и Голландии одновременно на нескольких направлениях и отражения контрнаступления немецких войск в Арденнах, стратегическое наступление в кампании 1945 г. проводилось путем последовательных по фронту наступательных операций групп армий. Наступление началось операцией 6-й группы армий на южном крыле (20.01.1945), через некоторое время (8.02.1945) удар был нанесен на севере 21-й группой армий и, наконец, в центре – 12-й группой армий (5.03.1945). После окружения рурской группировки вермахта три группы армий перешли к преследованию отходящего противника на всех стратегических направлениях. 6-я группа армий развивала наступление на юге Германии, в Австрии и Чехословакии, 12-я – на центральном, берлинском, 21-я – на северном, приморском направлениях.

Характерным для США и Англии было то, что стратегическое наступление начиналось, как правило, после длительной и тщательной подготовки. В ходе нее создавалось значительное общее превосходство в силах, особенно в технических средствах борьбы.

Наступление в основном велось последовательным продвижением от рубежа к рубежу без глубоких прорывов крупных группировок войск в тыл противника. Встречая активное сопротивление, войска останавливались и возобновляли наступление лишь после того, как вызванная авиация и поддерживающая артиллерия надежно подавляли оборонительные позиции противника. Этот чрезмерный методизм и крайняя осторожность приводили к замедлению темпов наступления, что позволяло противнику своевременно выводить свои войска из-под ударов и отводить их на тыловые рубежи.

Таким образом, в результате успешно проведенной операции «Оверлорд» в Европе был открыт второй фронт. Союзники провели крупнейшую десантную операцию по высадке значительных сил на побережье Франции в Нормандии. В дальнейшем, развивая наступление, англо-американские войска выдавили не-

мецкие войска из Франции, Бельгии, Люксембурга и части Нидерландов. Осенью они вышли к западной границе Германии почти на всем ее протяжении. С началом 1945 г. союзники освободили от немецко-фашистских войск западную часть Германии и на рубеже реки Эльба встретились с частями Красной армии.

¹ История Второй мировой войны, 1939–1945. М., 1978. Т. 9. С. 236.

² Мюллер-Гилленбранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1945 / Пер. с нем. Т. 3. М., 1976. С. 187.

³ Багреев А.Д. Военное искусство капиталистических государств. М.: Воениздат, 1960. С. 130.

⁴ Доклад Главнокомандующего экспедиционными силами союзников англо-американскому объединенному штабу в Вашингтоне (за период с июня 1944 г. по 8 мая 1945 г.). Вашингтон, 1945.

⁵ Белли В.И., Пензин К.В. Боевые действия в Атлантике и на Средиземном море 1939–1945 гг. М., 1967. С. 336.

⁶ История второй мировой войны. Т. 9. С. 247.

⁷ Там же. С. 251.

⁸ Военная энциклопедия. М., 2001. Т. 5. С. 514.

⁹ История второй мировой войны. Т. 9. С. 252.

*Э.Л. Коршунов, А.А. Михайлов, Н.Ю. Бринюк
(Санкт-Петербург)*

САНИТАРНО-ХИМИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ ВО ВРЕМЯ МИРОВЫХ ВОЙН И В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ войны на арену вооруженной борьбы вышло новое средство поражения – боевые отравляющие вещества (БОВ)¹. Новый вид оружия – химическое оружие (ХО) (собственно отравляющие вещества (ОВ) и средства доставки) – практически сразу нашел как сторонников, так и противников его применения. Но, несмотря на свои «антигуманные» свойства, химическое оружие прочно вошло в реалии войны: каждый второй снаряд, выпущенный противниками по позициям врага в 1918 г., стал снарядом в химическом снаряжении².

На Восточном фронте газовая атака впервые была применена германцами 31 мая (по новому стилю) 1915 г. в районе польских населенных пунктов Болимов и Воля Шидловская (около 50 км западнее Варшавы) против 55-й пехотной дивизии 35-го корпуса 2-й русской армии. В результате пострадало около 9 тыс. чел.

Сразу после первого массированного применения германской армией химических средств поражения возник вопрос о необходимости организации защиты от поражающих факторов нового оружия.

Российские врачи немедленно отметили, что борьба с «германскими газами» должна включать в свой состав «2 отдела: борьбу активную, сводящуюся к изготовлению и применению соответственных ядовитых газов, и борьбу пассивную, состоящую лишь в защите от действия неприятельских газов. Пассивная борьба, в свою очередь, может быть расчленена на само-

стоятельные части: 1) разработку способов предохранения отдельных бойцов от влияния газов; 2) изыскание способов предохранения целых районов от действия газов путем их обезвреживания или отгона и, наконец, 3) разработку распознавания и способов лечения последствий отравления»³.

Однако, в силу специфики своих познаний, они не включили в «борьбу активную» разведку и уничтожение средств химического нападения противника огневыми средствами, например артиллерийским огнем.

Рассматривая «пассивную борьбу», следует отметить, что наиболее энергично решалась проблема «способов предохранения отдельных бойцов от влияния газов».

Вскоре после газобаллонной атаки под Волей Шидловской в лечебные учреждения прибыли первые отравленные газами солдаты и офицеры. Они поступали на перевязочные пункты и в передовые лазареты большими массами спустя несколько часов после атаки. В варшавские госпитали пораженные были доставлены через сутки после отравления.

Врачи прифронтовых госпиталей оказались неподготовленными к оказанию медицинской помощи, так как в специальной литературе указаний по лечению таких видов поражений не было. Приборами для исследования крови медики также не располагали. Неизвестен был и состав примененных германцами отравляющих веществ.

Медикам пришлось самостоятельно исследовать каждый клинический случай и подбирать адекватные методы лечения: «... врачи как на перевязочных пунктах, так и в лазаретах и госпиталях испытывали то то, то другое средство»⁴. В случае легкого отравления оно состояло нередко в доставлении «большим душевного покоя, чистого воздуха, усиленного питания»⁵ и симптоматических мер. Больных помещали в «рощах», а затем отправляли в тыловой госпиталь. Пациентам с более тяжелой степенью отравления прописывали молочную диету, давали азотнокислое серебро, мышьяк, висмут, делали инъекции камфары, кофеина, морфия, физиологического раствора (NaCl), в терапии применяли ванны, массаж, кислородные подушки, банки, горчичники, компрессы, назначали отхаркивающие средства, всем больным прописывали строгий постельный режим, крепкий чай или кофе и т. п.

В Варшаве немедленно были образованы первые комиссии для разработки методологии лечения пострадавших от БОВ, созвано несколько совещаний с участием химиков, врачей, представителей медицинского руководства фронта. На одном из заседаний было высказано мнение, что «терапия здесь бессильна, что те больные, которым суждено было умереть, умерли бы при каком бы то ни было лечении...»⁶

15 июня 1915 г. Управлением главноуполномоченного Российского общества Красного Креста при армиях Северо-Западного фронта была издана «Инструкция для врачей» с описанием клинической и патологоанатомической картины имевшего место 18 мая отравления хлором⁷, затем инструкция по вопросу о предохранении глаз от действия газов. Появилось отдельное пособие для гвардейского корпуса. Кроме того, были развернуты исследования для определения веществ, используемых германцами при химических атаках. Врачи заговорили о том, что «если уже 100 лет назад, со времени незабвенного Ларрея⁸, выделилась в особую отрасль хирургии хирургия военно-полевая, то, быть может, настоящая война кладет начало военно-полевой терапии»⁹.

К концу войны были в целом выработаны основные правила помощи пострадавшим от БОВ. Как известно, территория страны была разделена на эвакуационные районы армий, передовые эвакуационные районы фронтов и внутренний эвакуационный район вне театра военных действий. В передовом районе существовали головные и тыловые, во внутреннем – распределительные и окружные эвакуационные пункты. В их распоряжении работали полевые подвижные и запасные госпитали. В дивизиях существовали перевязочные отряды; также им были приданы лазареты, по два составлявшие один полевой госпиталь¹⁰.

В отношении санитарной тактики при химическом нападении разрабатывались инструкции для разных уровней медицинской службы¹¹. Санитарам предписывалась срочная эвакуация пораженных из района газовой атаки. Параллельно линии фронта располагалась линия передовых пунктов медицинской помощи. Именно здесь должна была предоставляться первая помощь газотравленным.

Затем гужевым или автомобильным транспортом, в который должен был быть обеспечен доступ свежего воздуха, пострадав-

шие доставлялись в передовые лечебные учреждения фронта, где их ожидала первая медицинская помощь. От врачей этих учреждений требовалось знание общих приемов лечения, а от младшего медицинского персонала – обученность уходу за газоотравленными. Здесь раненые могли задерживаться для лечения, если обстановка на фронте не требовала срочной эвакуации.

Поступившие в госпиталь пострадавшие подвергались медицинской сортировке, по степени отравления, на тяжелых и легких. Вне зависимости от результатов сортировки, они размещались на проветриваемом месте, должны были быть переодеты и соблюдать постельный режим. Для облегчения состояния пораженных использовались алкалоидные и кардиостимулирующие препараты, давался кислород.

Эвакуация в тыловой район должна была осуществляться в комфортных условиях, не допуская переполнения военно-санитарных поездов. В передовых учреждениях оставались те, кто не подлежал эвакуации из-за тяжести своего состояния, а также те, чье отравление было незначительным, и потому им не требовалось продолжительного лечения. После эвакуации пострадавших в тыловые медицинские учреждения лечение проводилось в зависимости от состояния больного. Теоретически была признана необходимость организации на фронте специальных госпиталей или лазаретов для газоотравленных¹².

Таким образом, массовое применение БОВ в годы Первой мировой войны хотя и потребовало от врачей разработок в новой для них отрасли терапии, но почти не отразилось на системе организации и деятельности санитарной службы¹³.

В межвоенный период в ведущих странах мирах продолжалась гонка химического вооружения, а также разработка мер, направленных на защиту от ОВ, лечение пораженных и пр.

Несмотря на протокол, подписанный 17 июня 1925 г. на Женевской конференции и подразумевавший запрещение применения на войне удушающих, ядовитых и имеющих сходные свойства газов и бактериологических средств, и присоединение к нему 2 декабря 1927 г. Советского Союза, в нашей стране не питали иллюзий относительно реальных планов капиталистических держав. В СССР предполагали, что, в отличие от предыдущих войн, являвшихся, по меткому выражению Н.И. Пирогова, «травматическими эпидемиями», предстоящая война рискует

стать еще и «эпидемией химических поражений»¹⁴. К.Е. Ворошилов подчеркивал в своих речах: «...перед лицом химического оружия мы не будем безоружны. Мы сумеем защитить наши войска от химического нападения»¹⁵.

В литературе, изданной в 1920–1930-е гг., особое внимание уделялось подготовке армии и населения к масштабной химической войне с применением самого широкого спектра боевых отравляющих веществ, на возможность которой указывало быстрое развитие химической промышленности капиталистических стран и опыт Первой мировой войны. Наиболее значительный вклад в разработку медицинской помощи и моделей массовых и индивидуальных средств противохимической защиты внесли Н.Д. Зелинский, Г.В. Хлопин, С.В. Аничков, Б.К. Леонардов и другие отечественные медики и химики.

Применение БОВ в годы Первой мировой войны германскими войсками произвело на современников чрезвычайно сильное и гнетущее впечатление. Большинство военных специалистов не сомневалось, что отныне в вооруженных конфликтах химическое оружие будет играть очень видную (или даже ведущую) роль. Так, начальник химических войск США генерал Амос А. Фрайс в 1921 г. писал: «...химическая война не только должна получить в будущем признание всех цивилизованных стран, но и должна стать единственным способом, которым будут пользоваться все цивилизованные народы»¹⁶.

Брошюра А. Фрайса была довольно быстро издана на русском языке, причем перевод ее выполнил член Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления (ГАУ), ученый-химик М.Н. Соболев. В Советской России и СССР вообще весьма активно велись работы в области изучения БОВ и средств защиты от них.

В январе 1920 г. в Москве была учреждена Высшая военно-химическая школа РККА, начальником которой стал бывший офицер императорской армии, выпускник Михайловской артиллерийской академии М.К. Смысловский (1877–1922), который еще во время Первой мировой войны состоял заведующим средствами химической защиты при Управлении инспектора артиллерии Западного фронта. Должность военкома занял Я.Л. Авиновицкий (1897–1938), который, не будучи по образованию ни военным, ни химиком, явно обладал немалыми орга-

низационными способностями и ранее состоял военкомом Курсов военной газотехники. Для преподавания в школе привлекались многие видные специалисты, такие как: В.К. Аркадьев, П.А. Ребиндер, Н.А. Шилов, Н.Д. Зелинский и др.

В 1924 г. школу преобразовали в Высшие военно-химические курсы усовершенствования командного состава РККА. Командиром и комиссаром курсов стал Авиновицкий.

Наряду с системой подготовки военных химиков создавалась и совершенствовалась система руководства военно-химическим делом. В 1925 г. при начальнике Управления снабжения РККА было образовано Военно-химическое управление (ВОХИМУ), во главе которого встал Я.М. Фишман, ученый-химик и профессиональный революционер (был членом партии эсеров и, позже, большевиков). Пост заместителя начальника ВОХИМУ занял Я.М. Жигур, ранее служивший в Разведывательном управлении штаба РККА и военным советником в Китае. В 1928 г. при ВОХИМУ в Москве был учрежден Институт химической обороны (ИХО) РККА, на работу в который принят целый ряд видных химиков, медиков, физиков и др.

В мае 1924 г. для привлечения широких слоев населения к военно-химической подготовке была создана общественная организация «Общество друзей химической обороны и промышленности» («Доброхим»). Интересно и показательно, что на его учредительном собрании в Москве выступил выдающийся ученый-химик, академик В.Н. Ипатьев. Впоследствии его речь «Химическая промышленность – база химической обороны» была опубликована отдельной брошюрой¹⁷.

В 1920–1930-е гг. вышло в свет множество научных и научно-популярных работ, учебных пособий, книг, брошюр, статей, посвященных «химической войне». Большое внимание при этом уделялось медицинскому и санитарному аспектам, таким вопросам, как повреждающее действие химического оружия на организм, клиническое течение поражений, этапное лечение пораженных, разработка средств защиты от ХО, медицинских, медико-санитарных и санитарно-технических средств профилактики поражений, средств оказания первой медицинской помощи и самопомощи пораженным и др. Разрабатывались также официальные инструкции и наставления по медицинской защите личного состава от ХО. При этом, многие авторы, писавшие об ОВ и за-

щите от таковых, стремились хотя бы кратко проанализировать труды, созданные раньше. В итоге сложился значительный массив научной литературы.

Так, в 1923 г. вышли в свет «Сведения по военно-химическому делу»¹⁸, ставшие первой инструкцией по соответствующим вопросам для РККА. Освещались в них, хотя и кратко, медицинские и санитарные аспекты защиты от химического оружия. В том же году в серии «Библиотека красноармейца» вышло краткое пособие В. Пуськова «Борьба с газами»¹⁹. Его редакторами выступили И. Ключко, М. Рыбаков, В. Карпов, все трое – кадровые офицеры, военные специалисты, но не химики. Брошюра Пуськова носила сугубо прикладной характер и имела целью обучить бойца навыкам распознавания ОВ и самозащиты от них.

Активно публиковали работы руководители военно-химической службы. Так, в 1924 г. Я.М. Фишман выпустил небольшую брошюру «Химическое оружие»²⁰, в 1925 г. – работу «Химия в народном хозяйстве и обороне»²¹. Обе работы носили обобщающий характер, при этом предисловие ко второму сочинению написал выдающийся ученый, физик и химик В.Н. Ипатьев (1867–1952).

Я.М. Жигур в 1928 г. опубликовал брошюру «Будущая война и задачи обороны СССР», раздел которой был посвящен противохимической обороне²².

Несколько работ написал Я.Л. Авиновицкий. В 1924 г. в Ленинграде была напечатана его брошюра «Химическая война и оборона СССР»²³. Помимо авторского текста, она содержала список наиболее распространенных в то время ОВ, составленный Е.Н. Шиманским. В следующем году Авиновицкий опубликовал пособие по устройству и использованию противогаров, которое получило широкое распространение и выдержало шесть изданий²⁴. Он руководил также подготовкой учебного пособия «Военно-химическое дело», первая часть которого вышла в свет в 1927 г. с предисловием инспектора химической подготовки РККА В.Н. Баташева²⁵.

Краткая, но емкая характеристика основных БОВ содержалась в брошюре видного химика С.В. Лебедева (1874–1934) «Отравляющие вещества в военном деле» (1924), составленной по материалам лекции, организованной ячейкой «Доброхима» в Военно-медицинской академии (ВМедА)²⁶.

Во всех перечисленных выше работах авторы в той или иной степени касались проблем, которые применение БОВ поставило перед медициной и санитарным делом. Появились в 1920-е гг. также работы, специально посвященные данной проблеме. Значительный вклад в ее разрешение был внесен профессорами и преподавателями ВМедА. В 1925 г. вышла в свет работа профессора академии Г.В. Хлопина (1863–1929) «Оборона в химической войне»²⁷, а в 1926 г. им же была опубликована работа «Военно-санитарные основы противогазного дела»²⁸, которая затем переиздавалась еще два раза (1928, 1930).

Г.В. Хлопин – признанный авторитет в области гигиены, занялся проблемами воздействия БОВ на организм человека еще в Первую мировую войну. Он работал в действовавшем при ГАУ Химическом комитете, где состоял председателем Санитарной комиссии; в 1916 г. подготовил справочник для военных врачей по оказанию помощи отравленным БОВ²⁹.

Несколько работ было опубликовано профессором С.В. Аничковым (1892–1981), который с 1924 г. возглавлял в ВМедА кафедру фармакологии. В 1924 г. отдельной брошюрой была напечатана его лекция «Действие на организм боевых отравляющих веществ»³⁰. Под руководством С.В. Аничкова в академии был подготовлен сборник статей «Иприт», в работе над которым приняли участие видные специалисты в области гигиены Н.А. Зеленева³¹ и П.Н. Ласточкин (впоследствии – организатор кафедры общей гигиены Ленинградского медицинского педиатрического института и первый заведующий ею).

П.Н. Ласточкин в 1930 г. опубликовал отдельным изданием свою лекцию «Химическая оборона»³², редактором которой стал видный военный медик, начальник Военно-санитарного управления РККА М.И. Баранов (1888–1938).

Медицинские аспекты защиты от БОВ изучались и в других научных и учебных учреждениях страны. Токсикологию БОВ и фармакологические аспекты противохимической защиты изучал А.А. Лихачев (1866–1942)³³, заведовавший кафедрой фармакологии 1-го Ленинградского медицинского института. Вопросы терапии пораженных БОВ нашли отражение в трудах В.И. Глинчикова (1878–1933)³⁴. Отдельные виды ОВ и их воздействие на организм человека рассматривал начальник химической службы Ленинградского военного округа В.С. Мухачев³⁵.

В 1928 г. в Москве было выпущено учебное пособие А.Н. Гинсбурга, В.В. Некрасова, В.М. Янковского «Введение в изучение боевых отравляющих веществ»³⁶. Специальный раздел в нем был посвящен мероприятиям по оказанию первой помощи пораженным ОВ. Годом позже В.В. Некрасов опубликовал монографию «Химия отравляющих веществ» (под редакцией Н.Н. Наметкина)³⁷. Вопросы санитарной защиты в ней рассматривались крайне бегло, но имелась довольно подробная таблица токсичности ОВ, составленная В.М. Янковским.

В 1928 г. в Киеве была напечатана работа врачей: эпидемиолога Г.П. Славина (1885–1961) и гигиениста С.С. Познанского (1894–1983) «Санитарные основы военно-химического дела»³⁸. Авторы рассматривали цели и способы ведения химической войны, современные методы химического нападения, давали классификацию БОВ (общетоксического действия, раздражающие, чихательные, слезоточивые, нарывные) и способы защиты от них.

Проблемы воздействия БОВ на организм животных исследовал видный специалист в области ветеринарии и гистологии Н.А. Сошественский (1876–1941), который с 1921 г. и до конца жизни руководил кафедрой фармакологии Московского ветеринарного института. В 1928 г. он опубликовал обширное исследование «Патология и терапия отравлений животных боевыми отравляющими веществами»³⁹.

Популярность военно-химической тематики была настолько велика, что порой за нее брались лица, не имевшие отношения ни к армии, ни к химии. Так в 1924 г. вышла брошюра М.П. Павловича «Химическая война и химическая промышленность»⁴⁰. Под псевдонимом «Михаил Павлович Павлович» выступал член партии большевиков, публицист, востоковед и историк М.Л. Вельтман (1871–1927), основные труды которого были посвящены международной политике. Соответственно, и вопросы химической войны он рассматривал преимущественно в экономическом и политическом ракурсах. Автор доказывал, что развитие химической промышленности, являясь важнейшим условием экономического развития страны, одновременно жизненно важно для обеспечения ее безопасности.

Сходные мысли нашли отражение в книге британского офицера Виктора Лефевра «Загадка Рейна. Химическая стратегия

в мирное время и во время войны», которая была опубликована на русском языке в 1926 г.⁴¹ Предисловие к этой работе написал упомянутый выше М.П. Павлович, переводчиком выступил профессор Московского университета, ученый-химик Е.Ф. Денъгин, а редактором – В.Н. Ипатьев. Стоит заметить, что в 1920-е и позже, в 1930-е гг. иностранные работы по военной химии очень часто готовили к публикации самые видные российские ученые. Тезис о колоссальном потенциале военной химии для развития экономики и в мирное время находил отражение во многих работах того времени⁴².

В 1930-е интерес военного и политического руководства СССР, военных специалистов, химиков, медиков к перспективам применения на поле боя ОВ продолжал возрастать.

В августе 1931 г. в ВМедА создана кафедра военно-химического дела⁴³. Ее начальником стал бригадный врач М.Н. Лубоцкий (1901–1936) – выпускник академии, получивший подготовку по фармакологии и токсикологии под руководством С.В. Аничкова. Кафедра функционировала в четырех учебно-научных направлениях: противохимическое (руководители – Е.В. Алексеевский и, после 1933 г., С.А. Забоев), токсикологическое (Я.М. Давидсон), санитарно-гигиеническое (В.А. Виноградов-Волжинский), патолого-анатомическое (А.А. Васильев).

В мае 1932 г. на базе военно-химического отделения Военно-технической академии РККА и 2-го Московского химико-технологического института была создана Военно-химическая академия РККА, которую в 1937 г. переименовали в Военную академию химической защиты. Первым начальником академии стал Я.Л. Авиновицкий.

Научно-исследовательский сектор академии первоначально возглавил профессор Г.Б. Либерман, видный специалист в области токсикологии⁴⁴, но уже в 1933 г. его сменил К.Д. Гвоздилов (Игнатов-Гвоздилов). Среди кафедр академии имелись специализированные кафедры противохимической обороны (начальник А.Х. Мельников) и токсикологии и санитарно-химической защиты (А.Н. Гинсбург).

Институт химической обороны в 1934 г. был преобразован в Научно-исследовательский химический институт (НИХИ) РККА, сфера его исследований при этом значительно расширилась.

Исследования в области военной химии развернулись также в целом ряде вузов, например на специальном факультете Ленинградского химико-технологического института (ЛХТИ), где в конце 1931 г., под руководством Е.В. Алексеевского была сформирована кафедра «Химия защиты» (после Великой Отечественной войны она именовалась «Технология сорбционной техники»).

Количество публикаций по использованию БОВ и защите от них в 1930-е гг. чрезвычайно велико, в том числе по медицинским и санитарным аспектам проблемы. В 1931 г. сотрудниками Военно-медицинской академии С.В. Аничковым, П.Р. Ласточкиным, А.А. Лихачевым, Б.К. Леонардовым было опубликовано специальное пособие для медиков «Здравоохранение в условиях химической обороны»⁴⁵, снабженное, среди прочего, обширной библиографией (при каждой части и отдельных главах).

В 1933 г. С.В. Аничков, А.А. Лихачев и Б.И. Предтеченский опубликовали коллективную монографию «Медико-санитарные основы военно-химического дела»⁴⁶. В ней анализировались воздействие на организм человека различных БОВ, защита от них, оказание медицинской помощи отравленным, методы дегазации.

С.В. Аничков в соавторстве с А.А. Глебовичем в 1932 г. опубликовал работу о диагностике и терапии пораженных дифосгеном – весьма распространенным в то время отравляющим веществом⁴⁷.

Б.И. Предтеченский (1896–1958) в 1930-е подготовил первое «Руководство по санитарно-химической защите Красной Армии» (1934). Он также составил несколько пособий и памяток по оказанию помощи при поражении БОВ для бойцов и младшего командного состава⁴⁸ и «Пособие по санитарно-химической защите» для средних медицинских учебных заведений⁴⁹.

В 1933 г. Б.И. Предтеченский, в соавторстве с И.И. Федотовым, опубликовал предназначенный для врачей «Краткий справочник по токсикологии и терапии поражений боевыми отравляющими веществами»⁵⁰. Впоследствии, в 1942–1943 гг., Б.И. Предтеченский был главным токсикологом Воронежского фронта, в 1944–1955 гг. он руководил кафедрой санитарно-химической защиты ВМедА⁵¹.

Начальник кафедры военно-химического дела ВМедА М.Н. Лубоцкий в 1934 г. опубликовал работу «Первая помощь

при отравлении боевыми ОВ»⁵². Разделы «Первая помощь при поражении БОВ» и «Обработка ран у газоотравленных» вошли в пособие видного хирурга С.С. Гирголава «Краткий курс по военно-полевой хирургии» (1933). Основные вопросы защиты от ОВ и оказания помощи пораженным освещались в пособии «Краткий курс военно-химического дела», которое было составлено А.А. Глебовичем (редактор), А.Н. Григорьевым, Ю.Н. Друговым и адресовалось учащимся медицинских техникумов⁵³.

Учебное пособие по терапии отравления БОВ было подготовлено и опубликовано начальником кафедры патологии и терапии поражений отравляющими веществами ВМедА Н.Н. Савицким (1892–1984)⁵⁴. Н.Н. Савицкий составил также доклад «О преподавании вопросов военно-химического дела в медвузах», в котором ратовал за введение отдельного курса частной патологии и терапии интоксикаций.

Сжатым, четким изложением материала отличалось вышедшее в свет в 1933 г. в Харькове руководство директора Украинского рентгено-радиологического института И.П. Мищенко «В помощь войсковому врачу при обслуживании пораженных БОВ»⁵⁵. Не случайно уже на следующий год оно было переиздано.

Одновременно с первым изданием руководства И.П. Мищенко в Ташкенте была опубликована работа А.И. Картамышева «Медико-санитарная служба в условиях химических средств борьбы»⁵⁶. В 1934 г. вышла ее расширенная редакция, подготовленная Картамышевым в соавторстве с В.А. Болховитиновым⁵⁷. Анатолий Иосифович Картамышев (1897–1973) специализировался в области кожных болезней и поэтому, вполне закономерно, интересовался, прежде всего, кожно-нарывными ОВ. В 1932 г. он опубликовал посвященную им брошюру⁵⁸, в 1933 г. – отдельную работу о люизите⁵⁹. Сборник лекций об ОВ кожного действия был опубликован также А.В. Назаровым⁶⁰, который работал в Группе заочного обучения Наркомата здравоохранения. Редактором лекций выступил Б.А. Рейнер (автор учебника по дезинфекции).

Работу в области защиты от ОВ и лечения отравлений продолжал в 1930-е гг. Н.А. Сошестввенский. В 1933 г. им была опубликована монография «Токсикология боевых отравляющих веществ»⁶¹.

Вопросы медико-санитарной службы в условиях химической войны нашли отражение также в книге американского ученого, сотрудника Эджвудского арсенала Э. Веддера «Медицинские вопросы химической войны», русский перевод которой был опубликован в 1932 г. в Харькове⁶². Перевод книги выполнил выдающийся специалист в области ОВ С.В. Аничков, он же снабдил ее весьма содержательным предисловием.

В целом в 1930-е гг. был проделан чрезвычайно обширный комплекс работ, посвященных применению ОВ и защите от них, а также весьма детально были разработаны различные аспекты медицинской помощи и санитарного дела в условиях химической войны. Без этой напряженной работы химиков, медиков, военных специалистов едва ли было возможно создание надежной системы санитарно-химической защиты (СХЗ), обеспечения химической безопасности в годы Великой Отечественной войны.

Термин «санитарно-химическая защита» впервые нашел применение в 1934 г.⁶³ В уставных документах РККА, наставлениях для медико-санитарной службы того времени он представлен как комплекс организационных, профилактических и лечебных мероприятий, проводимых санитарной службой для обеспечения войск в условиях применения противником средств химического нападения⁶⁴. Мероприятия СХЗ входили в систему мер общей противохимической защиты войск, основной задачей которой являлось предупреждение поражений ОВ и обеспечение боевых действий войск в обстановке применения противником ХО. Конечной целью СХЗ ставилось предупреждение или ослабление последствий химических атак противника.

В задачи, поставленные перед комплексом мероприятий СХЗ, входило: проведение санитарно-профилактических мероприятий по предотвращению поражений БОВ; лечение и эвакуация пораженных ОВ и защита их на этапах санитарной эвакуации; проведение мероприятий по противохимической защите этапов санитарной эвакуации, обеспечивающих бесперебойность их работы в обстановке химнападения; санитарная экспертиза на зараженность ОВ воды и пищевых продуктов⁶⁵.

Согласно временному полевому уставу РККА 1936 г., на начальников санитарных учреждений возлагалась обязанность организовывать противохимическую оборону своих учреждений – пунктов медицинской помощи, госпиталей, лазаретов и пр., от-

вечая за противохимическую защиту не только подчиненного им личного состава и материальной части, но еще в большей мере за организацию противохимической защиты пораженных в бою и больных, находящихся на этапах и путях санитарной эвакуации. На санитарную службу возлагалась и задача индикации ОВ в воде и пищевых продуктах, а также санитарный надзор за применением средств противохимической защиты⁶⁶.

В состав Главного военно-санитарного управления входило научно-административное отделение санитарно-химической защиты. Его возглавлял главный токсиколог, которому подчинялись главные токсикологи фронтов, а тем, в свою очередь, токсикологи армий. В лечебных учреждениях и воинских частях вопросы СХЗ возлагались на токсикологов эвакоприемников, дивизионных токсикологов (командиров СХЗ отделений МСБ). После Советско-финляндской войны в состав санитарного взвода полка было введено отделение санитарно-химической защиты⁶⁷. В войсках систематически организовывались занятия по обучению личного состава приемам СХЗ и первой помощи пораженным.

К началу Великой Отечественной войны в Красной армии в целом была сформирована рациональная система этапного лечения раненых с эвакуацией по назначению, которая во время войны была значительно усовершенствована. Наиболее значимыми элементами этой системы являлись: батальонный пункт медицинской помощи, полковой пункт медицинской помощи, дивизионный пункт медицинской помощи, войсковой подвижной госпиталь на базе армии, эвакоприемники головного отделения полевого эвакуационного пункта (ГОПЭП) в районах станций снабжения и полевой эвакуационный пункт в районе распорядительной станции госпитальной базы армии и фронтовой эвакуационный пункт (ФЭП) в госпитальной базе фронта.

По мере удаления к тылу предусматривалась специализация по видам квалифицированной медицинской помощи: в ГОПЭП – госпитальных палат и отделений, в ФЭП – отделений и госпиталей⁶⁸. Госпитали оснащались средствами для оказания помощи пораженным отравляющими веществами. В большинстве из госпиталей предусматривался прием пострадавших в непосредственной близости от лечебного учреждения в индивидуальном порядке, но часть госпиталей предназначалась для массово-

го приема пострадавших от ОВ (например, в блокадном Ленинграде к середине 1942 г. таких госпиталей было два – № 1170 и № 2222)⁶⁹.

Решающая роль в оказании медицинской помощи и сортировке пораженных была предназначена полковому медицинскому пункту, где отравленные должны были подвергаться сортировке и направлению на тыловой этап санитарной эвакуации на соответствующем виде транспорта, в зависимости от состояния здоровья эвакуируемого, протекшего с момента поражения времени, срока, в течение которого тот или иной вид медицинской помощи сохраняет эффективность при его применении, и сроков доставки раненого имеющимися средствами санитарного транспорта⁷⁰. В то же время, в целях ускорения оказания медицинской помощи пострадавшим в случае применения особо токсичных ОВ, они могли быть направлены в подвижной госпиталь и даже ГОПЭП, минуя передовые этапы эвакуации.

Накануне Второй мировой войны химическое оружие вновь вышло на арену вооруженной борьбы. Так, в войне Японии с Китаем весьма широко применялись химические средства поражения как против вооруженных сил, так и против населения Китая⁷¹. В ходе Итало-эфиопской войны 1935–1941 гг. на африканском континенте итальянцы осуществили химическое нападение: 1935 г., в декабре – 3 раза; 1936 г., в январе – 2 раза, в феврале – 2 раза, в марте – 8 раз и за две недели апреля – 4 раза. В результате этих 19 химических атак было поражено около 15 тыс. абиссинцев, в том числе до 5 тыс. мирных жителей. Количество отравленных солдат составляло около 30 % всех потерь абиссинцев в войне⁷².

Приведем описание применения ОВ итальянской авиацией в мемуарах абиссинского негуса: «Итальянский Генеральный штаб, опасаясь проигрыша, вследствие обходного маневра в Макале и после вытеснения итальянских войск в Шире, решил применить другой метод химической войны, против которого ни один народ не в состоянии бороться, если в его распоряжении нет необходимых технических средств защиты. На самолетах были установлены распыляющие аппараты. Самолеты появлялись стаями по 9, 15 и 18 штук. Дистанция между ними была так рассчитана, что тоненькое облако, оставленное каждым из них, соединилось с другим в единое крупное облако. Любое жи-

вое существо, задетое этим мелким дождем иприта, падавшим с самолетов, выпившее отравленную воду, съевшее зараженную пищу, переживало страшные мучения. Оно лежало, с тем, чтобы умереть или в хижине, или в лесной чаще»⁷³.

20 ноября 1940 г. начальник генерального штаба германской армии Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Рассматривались вопросы создания ОВ и химических снарядов. Запас первой очереди – 1,3 млн снарядов для легких и тяжелых полевых гаубиц – будет создан к 1.4. Через три месяца после начала химической войны можно будет подготовить запасы второй очереди в тех же размерах. Затем каждые три месяца будет выпускаться такое же количество химических снарядов. Общий запас ОВ – 10 тыс. тонн. Из них 3 тыс. тонн – для нас (Сухопутных войск. – *Прим. авт.*), 7 тыс. тонн – для ВВС. Соотношение наступательных (боевые ОВ для заражения местности) и оборонительных ОВ может остаться в пределах 4:1»⁷⁴.

С началом Великой Отечественной войны, а особенно после разгрома и захвата секретных документов 52-го химического минометного полка германской армии⁷⁵, которые были представлены иностранным журналистам на специальной пресс-конференции⁷⁶, внимание к химической опасности, к функционированию систем противохимической защиты, санитарно-химической защиты значительно выросло и охватывало практически все органы военного управления, руководство взаимодействующих структур⁷⁷.

Высокая вероятность использования БОВ гитлеровцами осознавалась всеми звеньями советского военного командования, от Народного комиссариата обороны СССР и Ставки Верховного Главнокомандования до командиров и комиссаров частей. Данная проблема в течение войны приобретала то большую, то меньшую актуальность. Однако, на фоне стратегической обстановки, складывающейся на северном фланге советско-германского фронта, она вышла на первый план в весенне-летний период 1942 г., а также весной 1943 г., после прорыва блокады Ленинграда, когда германское командование рассматривало все возможности для применения ХО.

Пристальное внимание к вопросам санитарно-химической защиты объяснялось тем, что еще летом 1942 г., после срыва плана блицкрига германское командование отдало приказ о приме-

нении ОВ на Восточном фронте. Эти события были предотвращены лишь совместным демаршем антигитлеровской коалиции, заявившей о немедленном адекватном ответе на применение подобных средств вооруженной борьбы⁷⁸.

Документы, выявленные в германских архивах, в свою очередь, указывают, что гитлеровское командование планировало на 1 апреля 1943 г. широкую химическую атаку на Ленинград и его защитников, с целью уничтожения мирного населения и армии на территории около 200 кв. км⁷⁹. Однако, этот план не был приведен в исполнение.

¹ См. подробнее: Де-Лазари А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. М.: ГВИЗ, 1935. 144 с.; Сорокин С.Г. Хроника боевого применения отравляющих веществ, дымовых и огнеметно-зажигательных веществ с древнейших времен до наших дней // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 11. Военно-химическое дело / Сост. Э.Л. Коршунов. СПб.: ИД «Бранко», 2014. С. 16–75.

² Бринюк Н.Ю., Коршунов Э.Л. «Каждый второй снаряд – химический». Санитарно-химическая защита в годы Первой мировой войны // Сборник статей Межвузовской международ. науч. конф. «Русская армия в Первой мировой войне». СПб.: МВАА, 2014. С. 234–243.

³ Белов Н.А. Об отравлении германскими удушливыми газами // Русский врач. 1915. № 31. С. 730–731.

⁴ Колосов Г.А. К клинической картине и лечению отравлений удушливыми газами // Там же. № 45. С. 1069.

⁵ Востров Д.И. Отравление газами // Там же. № 20. С. 464.

⁶ Колосов Г.А. Указ. соч. С. 1069.

⁷ Бринюк Н.Ю., Коршунов Э.Л. Указ. соч. С. 234.

⁸ Ларрей Жан-Доминик (1766–1842) – французский военный хирург, участник наполеоновских войн, один из основателей военно-полевой хирургии.

⁹ Колосов Г.А. Указ. соч. С. 1066.

¹⁰ Будко А.А., Бринюк Н.Ю. «Русскую армию спасал Николай-угодник...» Проблемы медицинского обеспечения русских войск в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 6.

¹¹ См. напр.: Хлопин Г.В. Краткое описание действия ядовитых средств, применяемых для боевых целей, на человека и животных, способов защиты против них и подачи первой помощи при отравлениях: Справочник для врачей и инструкторов. Пг.: Тип. Военно-окр. Арт. управления Петроградского ВО, 1916. 58 с.

¹² Лавров Д.М. Оказание газоотравленным медицинской помощи в передовых лечебных учреждениях фронта. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского общества печатного дела, 1917. 32 с.

¹³ Леонардов Б.К. Санитарно-тактические основы хирургической помощи и лечения раненых в военное время // Материалы по военно-полевой хирургии (Статьи и очерки по данным империалистической войны 1914–1917 гг. и гражданской войны). М.-Л.: Медгиз, 1940. С. 10.

- ¹⁴ Мищенко И.П. В помощь войсковому врачу при обслуживании пораженных БОВ. Харьков: Гос. воен. изд-во «НА ВАРТИ», 1934. С. 10.
- ¹⁵ Де-Лазари А.Н. Указ. соч. С. 3.
- ¹⁶ Фрайс А., Вест К. Химическая война / пер. с англ. члена Артиллерийского комитета ГАУ М.Н. Соболева. М.: ГИВИЗ, 1924. С. 497–498.
- ¹⁷ Ипатьев В.Н. Химическая промышленность – база химической обороны. Речь, произнесенная на учредительном собрании «Доброхима» в Москве 19 мая 1924 г. Л.: Науч.-хим. техн. изд-во, Науч.-техн. отд. В.С.Н.Х., 1924. 30 с.
- ¹⁸ Сведения по военно-химическому делу. М.: Высш. воен. ред. сов., 1923. 164 с.
- ¹⁹ Пуськов В. Борьба с газами. М.: Высш. воен. ред. совет, 1923. 38 с.
- ²⁰ Фишман Я.М. Химическое оружие. М.: Гос. воен. изд-во, 1924. 67 с.
- ²¹ Фишман Я.М. Химия в народном хозяйстве и обороне. М.: Гос. воен. изд-во, 1925. 48 с.
- ²² Жигур Я.М. Будущая война и задачи обороны СССР. М.-Л.: Московский рабочий, 1928. 88 с.
- ²³ Авиновицкий Я.Л. Химическая война и оборона СССР. М.: Воен. тип. Штаб РККА [в Лгр.], 1924. 71 с.
- ²⁴ Авиновицкий Я.Л. Противогазы, их устройство и применение. М.: Изд-во Авиахим, 1925. 66 с.; Его же. Противогазы, их устройство и применение. 6-е изд. М.: Изд-во «Осоавиахим», 1929. 64 с.
- ²⁵ Авиновицкий Я.Л. Военно-химическое дело. Учеб. пос. для командного состава и военных школ. Ч. 1. М.: Военный вестник, 1927. 136 с.
- ²⁶ Лебедев С.В. Отравляющие вещества в военном деле. Лекция, организованная ячейкою Доброхима при Воен.-мед. акад. наук. Л.: Науч. хим.-технич. изд-во, Науч.-технич. отд. ВСНХ, 1924. 16 с.
- ²⁷ Хлопин Г.В. Оборона в химической войне.
- ²⁸ Хлопин Г.В. Военно-санитарные основы противогазного дела. Л.: Науч.-химико-техническое издательство, Науч.-техн. отд. В.С.Н.Х., 1926. 138 с.
- ²⁹ Хлопин Г.В. Краткое описание...
- ³⁰ Аничков С.В. Действие на организм боевых отравляющих веществ. Лекция, организованная ячейкой Доброхима при Военно-медицинской академии. Л.: Науч. хим.-технич. изд-во, 1924. 22 с.
- ³¹ Среди его работ: Зеленев Н.А. Принципы и методы противоэпидемической борьбы в войсках в военное время. М.-Л.: Гос. мед. изд-во, 1930. 28 с.
- ³² Ласточкин П.Н. Химическая оборона. М.-Л.: Гос. мед. изд-во, 1930. 30 с.
- ³³ Лихачев А.А. Фармакология химических средств борьбы. М., 1924.
- ³⁴ Глинчиков В.И. Клиника и терапия газоотравленных. М.: Гос. воен. изд-во, 1925. 144 с.; Его же. Клиника и терапия поражений боевыми отравляющими веществами. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.-Л.: Гос. изд-во, Отдел военной литературы, 1929. 194 с.
- ³⁵ Мухачев В.С. Средства химического нападения. Л.: Науч. хим.-технич. изд-во, 1924. 28 с.
- ³⁶ Гинсбург А.Н., Некрасов В.В., Янковский В.М. Введение в изучение боевых отравляющих веществ. М.: Моск. ин-т инженеров транспорта, 1928. 120 с.
- ³⁷ Некрасов В.В. Химия отравляющих веществ. II изд., перераб. и значит. доп. Л.: Науч. хим.-технич. изд-во, Науч.-технич. упр-ние В.С.Н.Х., 1929. 232 с.
- ³⁸ Славин Г.П., Познанский С.С. Санитарные основы военно-химического дела. Киев: Научная мысль, 1928. 336 с.
- ³⁹ Сошественский Н.А. Патология и терапия отравлений животных боевыми отравляющими веществами. М.: Военный вестник, 1928. 252 с.

- ⁴⁰ Павлович М.П. Химическая война и химическая промышленность. М.: Московский рабочий, 1924. 109 с.
- ⁴¹ Лефевюр В. Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны. М.: Военный вестник, 1926. 275 с.
- ⁴² См.: Угрюмов Г.Д. Мирное применение боевых отравляющих веществ // Военно-химическое дело. Труды военно-химического отделения В.Н.О. при высшей военно-химической школе РККА. Вып. 1. М., 1924. С. 140–163.
- ⁴³ См.: Имангулов Р.Г., Рыбалко В.М., Гребенюк А.Н., Носов А.В., Давыдова Е. В. Опыт организации медицинской противохимической защиты Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 11. Военно-химическое дело: (специальный выпуск). С. 210–211.
- ⁴⁴ Среди его работ: Либерман Г.Б. Льюсит (Хлорвинилхлорарсины). Л.: Военно-техническая академия РККА., 1926. 87 с.; Химия и технология отравляющих веществ. Л.: Военно-техническая академия РККА им. тов. Дзержинского, 1929. 403 с.
- ⁴⁵ Аничков С.В., Ласточкин П.Р., Леонардов Б.К., Лихачев А.А. Здравоохранение в условиях химической обороны. Пос. для врачей. М.-Л.: [Огиз], Гос. мед. изд-во, 1931. 648 с.
- ⁴⁶ Аничков С.В., Лихачев А.А., Предтеченский Б.И. Медико-санитарные основы военно-химического дела. М.-Л.: МедГИЗ, 1933. 152 с.
- ⁴⁷ Аничков С.В., Глебович А.А. Дифосген. Материалы по токсикологии, диагностике и терапии отравлений дифосгеном. М.-Л.: МедГИЗ, 1932. 160 с.
- ⁴⁸ Предтеченский Б.И. Памятка красноармейца о мерах санитарной защиты от ОВ. М.: МедГИЗ, 1932. 16 с.; Его же. Как оказать самопомощь и взаимопомощь при поражении ОВ. Памятка для бойцов и младших командиров РККА. М.-Л.: Наркомздрав СССР, Биомедгиз, 1937. 29 с. Его же. Первая помощь при поражении отравляющими веществами в бою. М.: Воениздат, 1939. 16 с.
- ⁴⁹ Предтеченский Б.И. Пособие по санитарно-химической защите. Для средней медицинской школы. Изд. 2-е. М.-Л.: МедГИЗ, 1940. 128 с.
- ⁵⁰ Предтеченский Б.И., Федотов И.И. Краткий справочник по токсикологии и терапии поражений боевыми отравляющими веществами. М.-Л.: МедГИЗ, 1933. 56 с.
- ⁵¹ См.: Имангулов Р.Г., Рыбалко В.М., Гребенюк А.Н., Носов А.В., Давыдова Е.В. Указ. соч. С. 214–215.
- ⁵² Лубоцкий М.Н. Первая помощь при отравлении боевыми ОВ. Л.-М.: ЛенмедГИЗ, 1934. 79 с.
- ⁵³ Глебович А.А., Григорьев А.Н., Другов Ю.Н. Краткий курс военно-химического дела. М.-Л.: МедГИЗ, 1933. 179 с.
- ⁵⁴ Савицкий Н.Н. Частная патология и терапия интоксикаций боевыми отравляющими веществами. Руководство для студентов и врачей. М.-Л.: МедГИЗ, 1938. 250 с.
- ⁵⁵ Мищенко И.П. В помощь войсковому врачу при обслуживании пораженных БОВ. Харьков: Держ. військ. вид-во «На варті», 1933. 76 с.
- ⁵⁶ Картамышев А.И. Медико-санитарная служба в условиях химических средств борьбы. М.-Ташкент: СаоГИЗ, 1933. 110 с.
- ⁵⁷ Картамышев А.И., Болховитинов В.А. Медико-санитарная служба в условиях химической борьбы. М.-Ташкент: СаоГИЗ, 1934. 244 с.
- ⁵⁸ Картамышев А.И. Поражение кожи боевыми отравляющими веществами. М.-Ташкент: ОГИЗ, Среднеазиатск. отд., 1932. 72 с.

- ⁵⁹ Картамышев А.И. Люизит. Ташкент: Воен. отдел Гос. изд-ва Уз. ССР, 1933. 20 с.
- ⁶⁰ Назаров А.В. Отравляющие вещества кожного действия (Кожные раздражители). М.-Л.: МедГИЗ, 1934.
- ⁶¹ Сошественский Н.А. Токсикология боевых отравляющих веществ. М.-Л.: Сельхозгиз, 1933. 355 с.
- ⁶² Веддер Э. Медицинские вопросы химической войны. Ч. 1. Харьков: Віиск. В[ид]-во України «На варті», 1932. 184 с.
- ⁶³ Санитарно-химическая защита // Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 4. М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1949. Стб. 1405.
- ⁶⁴ Кошелев С.П. Пособие по санхимзащите: Для врачей Красной Армии. Тбилиси: Грузмедгиз, 1942. С. 4.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Пособие по санитарно-химической защите / Под ред. Б.И. Предтеченского и Я.Б. Цлаф. М.-Л.: Наркомздрав СССР, Медгиз, 1940. С. 352.
- ⁶⁷ Гладких П.Ф. Медицинская служба Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. Б.В. Гайдара. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. С. 12.
- ⁶⁸ Медицинское обеспечение Советской Армии в операциях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Под ред. Э.А. Нечаева. Т. 1. М., 1991. С. 24.
- ⁶⁹ Документ № 91 // Химические войска Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы / Сост. Э.Л. Коршунов. СПб.: «Европейский Дом», 2010. С. 362–363.
- ⁷⁰ Мищенко И.П. Указ. соч. С. 8.
- ⁷¹ Де-Лазари А.Н. Химическое оружие в прошлом и настоящем / Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 1: Военно-химическое дело. СПб.: Политехника-сервис, 2011. С. 27–50; Катасонова Е. Фосген, иприт, люизит... Япония произвела горы боевых отравляющих веществ и широко их применяла еще до Второй мировой / Военно-промышленный курьер. № 35 (251). 2008. 3–9 сент.
- ⁷² [Сорокин С.Г.] Хроника боевого применения отравляющих веществ, дымовых и огнеметно-зажигательных средств с древнейших времен и до наших дней / Публ. подг. Э.Л. Коршунов // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 11. Военно-химическое дело. С. 66; Никольский А.В. Итало-эфиопская война 1935–1936 (41) гг. СПб., 2001. 232 с.
- ⁷³ [Сорокин С.Г.] Хроника боевого применения... С. 66.
- ⁷⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 2: От запланированного вторжения в Англию до начала восточной кампании (1.07.1940 г. – 21.06.1941 г.). М.: ВИ МО СССР, 1969. С. 253.
- ⁷⁵ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3: От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 г. – 24.09.1942 г.). М.: ВИ МО СССР, 1971. Кн. 1. С. 216.
- ⁷⁶ Секретные документы германского главного командования о подготовке немецко-фашистскими войсками широкого применения отравляющих веществ в войне против СССР // На страже Родины. № 175 (5858). 1941. 23 авг.; Внеочередная пресс-конференция иностранных корреспондентов // На страже Родины. № 176 (5859). 1941. 24 авг.
- ⁷⁷ Химическая война должна была начаться 1.04.1943 г. Планировалось в два этапа обрушить на Ленинград 1350 тыс. химических снарядов, с целью уничтожить

все живое на территории в 200 кв. км // Санкт-Петербургские ведомости. 1992. 15 окт.

См. подробнее: Химические войска Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы; Коршунов Э.Л. Опасность химического нападения в ходе блокады немецкими войсками Ленинграда // Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 22–25; Его же. Химические войска Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне // Там же. 2011. № 3. С. 20–23; Коршунов Э.Л., Рупасов А.И. Финские военнопленные о возможностях применения химического оружия // Там же. № 6. С. 22–24; Их же. «Зафронтотой агент “Римский” докладывает...» «Чекистский» контроль за состоянием противохимической защиты войск Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Там же. 2014. № 3. С. 36–40; Имангулов Р.Г., Рыбалко В.М., Гребенюк А.Н., Носов А.В., Давыдова Е.В. Указ. соч. С. 208–219.

⁷⁸ Имангулов Р.Г., Рыбалко В.М., Гребенюк А.Н., Носов А.В., Давыдова Е.В. Указ. соч. С. 216.

⁷⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1992. 5 окт.

С.А. Кочуков (Саратов)

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1876 ГОДА НА СТРАНИЦАХ ВОСПОМИНАНИЙ В.В. ЯЩЕРОВА

УЧАСТИЕ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ в Сербо-турецкой войне 1876 г. неоднократно являлось предметом исследования¹. Вместе с тем, среди мемуаров существуют исторические источники, которые позволяют по-новому взглянуть на внутривосточную ситуацию в Российской империи и на Балканах. В отличие от Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая активно освещалась в прессе и впоследствии получила широкое отражение в мемуарной литературе, участие русских добровольцев в Сербо-турецкой войне 1876 г. изображалось крайне скупо. Конечно, на страницах периодических изданий красочно описывались подвиги российских волонтеров², но данная информация была далека от истины, так как корреспонденты старались показывать лишь парадную сторону военных действий. Что же касается мемуаров и дневниковых записей, где бы характеризовалась и рассматривалась война 1876 г., то их чрезвычайно мало. Может быть, поэтому сама тема русских добровольцев на Балканском полуострове еще не получила в исторических исследованиях должного освещения. В отечественной историографии этот момент российской истории представлен чрезвычайно однобоко³. Большинство исследователей акцентируют внимание на непосредственно военной стороне деятельности добровольцев, что же касается формирования их взглядов, организации переправки на Балканы, то эти аспекты продолжают оставаться слабо изученными. Исключение составляет, пожалуй, статья Л.В. Кузьмичевой в сборнике «Россия и восточный кризис 70-х годов XIX века»⁴.

Отношение России к самому факту начала освободительного движения на Балканском полуострове было достаточно сложным и противоречивым. Безусловно, значительная часть русского общества, зная о бедственном положении южных славян, всегда готова была помочь и принимала активное участие в добровольческом движении. Об этом, в первую очередь, свидетельствуют пожертвования в пользу братьев-славян⁵, сообщения прессы и т. д. Но были и совершенно противоположные реакции на апрельское восстание 1876 г. В частности, газета «Набат» так определяла свою позицию по балканскому вопросу: «Возбуждающий и поддерживающий восстание славян совершает двойное зло: он обманывает разоренное население восставших мест, заставляя его проливать кровь и разорять еще более своих детей во имя обманчивого обещания ему лучшей доли, которой нет впереди; он бросает и забывает свою обязанность, как русского, бороться со злом дома или, по крайней мере, приготовиться к этой борьбе»⁶. Что же касается позиции официального Петербурга, то его осторожно-сдержанная реакция выразилась в опубликовании в «Правительственном вестнике» документов о «турецких зверствах»⁷.

Однако, несмотря на разброс мнений по балканской проблеме, желающих отправиться «пострадать за веру» и «защитить честной крест»⁸ было много⁹. Также был достаточно пестрым социальный состав русских добровольцев. В составе добровольческих дружин были профессиональные военнослужащие, которые, испросив отпуск у полкового начальства, отправлялись на Балканы, но в большинстве случаев это были люди, далекие от армии: канцелярские служители¹⁰, фельдшеры¹¹, студенты¹².

Среди мемуарного наследия русских добровольцев 1876 г. можно выделить воспоминания нижегородского помещика Василия Васильевича Ящерова¹³. Впервые эти записки были напечатаны в 1878 г. в журнале «Русский вестник». Затем они дважды переиздавались. Первый раз в 2006 г. в сборнике «Русские о Сербии и сербах» были помещены отрывки из этого источника¹⁴. Второй раз (полностью) мемуары В.В. Ящерова были опубликованы в сборнике «Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг.» в 2009 г.¹⁵ Но все эти переиздания выходили в свет без должных комментариев. В ряде исследований мемуары Ящерова упоминались, но их

детального рассмотрения не было. Тем не менее, этот исторический источник важен тем, что в нем Сербо-турецкая война 1876 г. и движение русских добровольцев рассмотрены «человеком из провинции».

Безусловно, желание Ящерова, как и многих других добровольцев, отправиться на Балканский полуостров и принять участие в войне против турок было подогрето выступлениями «народного диктатора» И.С. Аксакова, деятельностью Московского славянского благотворительного комитета, патриотическими публикациями в русской прессе. Вместе с тем, отправиться на театр военных действий было непросто. Губернские жандармские управления согласно циркуляру № 17 от 1875 г. должны были следить за стремлением отдельных представителей русского общества пополнить ряды добровольцев в Сербии и Герцеговине и всячески его пресекать¹⁶. С другой стороны, опять же согласно обзорам губернских жандармских управлений, обстановка в отдельных регионах страны не соответствовала той идиллической картине, которую рисовала русская пресса. В одном из таких обзоров указывалось: «...лучшее общество выражает свое желание, чтобы собравшиеся на политическом горизонте мрачные тучи рассеялись и дали России возможность заняться своими внутренними делами (а их у нас не мало), но для сего нужно полное внешнее спокойствие (а не стоять вечно на страже в полном вооружении), чтобы привести к благу и совершенству все то, что начато и делается на пользу человечества»¹⁷.

19 июля 1876 г. в Нижнем Новгороде был разработан проект по отправке добровольцев в Сербию. Главный вопрос, который был поставлен в этом проекте, касался в основном материальной составляющей, т. е. того, на какие средства добровольцы доберутся до Балкан и на какие средства будут там содержаться. Наряду с этим указывалось: «Если в Турции публично объявляют газават, или священную войну, против неверных, то полагаю, что и русское общество имеет полное право помогать со своей стороны восточным христианам, и наше правительство, наверное, не будет этому препятствовать, лишь бы оно само оставалось в стороне, и дело не носило официального характера»¹⁸. Вероятнее всего именно этот проект и повлиял на решение Ящерова отправиться на войну.

Само отправление в Сербию проходило сумбурно. Это подтверждает в своих воспоминаниях и сам доброволец: «Цель поездки, разлука с ближними, может быть, навсегда, – все это производило в голове такой хаос, что я не в состоянии дать себе отчет в волновавших меня ощущениях»¹⁹. Вместе с тем, если ориентироваться лишь на мемуары Ящерова, то возникает ощущение, что отъезд волонтеров в Сербию был делом легким и даже праздничным. Действительно, как только нижегородский помещик появился в дверях Славянского комитета, так сразу же он был экипирован всем необходимым, кроме того получил деньги на путешествие. Кажущая легкость определялась главным образом тем, что новоявленный доброволец в прошлом был военным, а Славянский комитет, безусловно, был заинтересован получить в ряды волонтеров профессиональных военных. Желавших отправиться на Балканский полуостров было много. Все добровольцы проходили определенную процедуру. Необходимо было направить в Славянский благотворительный комитет прошение. Писались подобные прошения одинаково, а состав волонтеров был достаточно пестрым: от сидельца в лавке до чиновника²⁰. Достаточно большое количество прошений было от женщин, которые хотели работать в среде волонтеров в качестве сестер милосердия.

Однако не стоит забывать, что среди добровольцев было множество всякого рода авантюристов. По мнению многих современников, главным недостатком сербской армии был ее разнородный состав. Протестуя против грубого и бестактного поведения некоторых добровольцев в Сербии, М.П. Драгоманов писал в то же время еще в 1876 г. такие строки: «...наших добровольцев не следует смешивать всех в одну кучу. Были между ними и такие, которые искренно и сознательно шли сложить свои кости за народную свободу, многие из них говорили, как тургеневская Елена, – “что делать в России”? Затем честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли “пострадать за веру” и защитить “честной крест”»²¹. Ящеров упоминал, что в Кишиневе недосчитались нескольких добровольцев, они просто сбежали с поезда по мере того, как приближались к театру военных действий²².

Мемуары Ящерова также дают возможность проследить, как менялись настроения среди волонтеров. Перед Кишиневом все

без исключения добровольцы были настроены драться до победы. И мемуарист даже сочинил по этому поводу стихи.

Смело, братцы, в бой кровавый.
В бой за веру и Славян!
С нами наш Черкасов бравый;
Разутешим мусульман!

Мы случайно здесь сошлись
С разных мест Руси родной
И пред Богом поклялись
Умереть за Крест Святой²³.

Но сразу же после первого боя восторженных настроений прибавилось. Налицо были нехватка оружия и амуниции, большие потери, отсутствие перевязочных средств и т. д.²⁴

Мемуарист далек от того, чтобы критически отнестись к поведению русских волонтеров. В воспоминаниях нет и намека на глубокую и детальную характеристику добровольческого движения. Фактически на протяжении всего изложения он отмечал, что «добровольцы держали себя прекрасно; ни ссоры, ни брани, ни пьянства»²⁵. Тем не менее, встречаются и совершенно противоположные описания русских волонтеров. В частности, один из офицеров Белевского полка заявлял: «Нельзя сказать, чтобы город был гостеприимен относительно нас. Все смотрели даже как-то не дружелюбно»²⁶. Причина в столь различных характеристиках заключалась, вероятно, в том, что Ящеровым еще владели своеобразные иллюзии. Ему казалось, как в принципе и многим, что достаточно будет перейти границу, оказаться в Сербии и кампания будет закончена. В частности, Ящеров так описывал сам факт перехода в Сербию: «Наконец-то мы стали на сербскую землю! Мы сняли шапки, молча перекрестились... Минута более чем трогательная»²⁷. Однако, ситуация оказалась сложнее, чем представлялось волонтерам.

Безусловно сильной стороной воспоминаний Ящерова является описание той обстановки, в которую попадали русские добровольцы. Мемуарист достаточно подробно характеризует повседневность в Сербии, в то время как в основной массе воспоминаний и дневников присутствует лишь батальная составляющая.

По всей видимости, он оценивал Сербию с хозяйственной точки зрения, так как основную часть своей жизни он провел в деревне и аграрные вопросы сильно занимали его. По словам Ящерова, «...сербское село представляет соединение множества хуторков, расставленных вдоль улицы и разделяемых в больших селениях еще переулками. Общий вид очень красив: белые мазанки с цветными крышами, одетые ползучими растениями... И не расстался бы с таким уютным, приветливым местечком!.. Молочного хозяйства нет. Сливки и масло можно достать только по заказу; зато нет ни одной кучи (так в книге. – *Авт.*), где бы не приготавливался овечий сыр – любимое кушанье сербского крестьянина... Сербия страна плодородная... Еще одно качество присуще сербскому народу: это замечательная честность; воровства здесь почти нет»²⁸. Очевиден подразумеваемый контекст сопоставления с реалиями жизни русских крестьян.

Постепенно даже у такого оптимистически настроенного человека, каким был Ящеров, стало проявляться разного рода недовольство. Еще не прозвучало первого выстрела, еще русские добровольцы не вступили в бой, как обнаружились серьезные недостатки организационного характера. Ящеров в связи с этим высказал критику в адрес Славянского комитета, откровенно намекая на халатное отношение к обязанностям. По словам мемуариста, «под названием “сборный пункт”, вероятно, вся читающая Россия подразумевала место, где добровольцы собираются, формируются в отряды, вооружаются и направляются к месту военных действий: следовательно, здесь уполномоченный славянских комитетов или его помощник, доверенный, назовите как хотите... Оказалось, что ничего подобного не было. Что нам собственным измышлением пришлось добратся до города пешком всею толпой – на это никто не был в претензии: какие подводки там, где все лошади и волю взяты в армию! Но чтобы некому было нас встретить на месте, указать помещение, руководить действиями нашими, этого никто не ожидал. А это было так! Господа уполномоченные русских комитетов, сидя в Белграде, упустили именно это из виду!»²⁹

Вообще из воспоминаний Ящерова складывается мнение, что волонтеры были предоставлены в Сербии сами себе. Несмотря на подобные трудности И.С. Аксаков продолжал обращаться к русскому обществу с призывами оказать материальную и во-

енную помощь славянам. В одном из таких документов отмечалось: «Московский славянский комитет взывает к русской общественной совести и молит о помощи жертвам восстания...»³⁰ В результате чего, действительно, желающих ехать на Балканы было предостаточно, но, прибыв на театр военных действий, в большинстве своем они были предоставлены сами себе. Поэтому, когда объединенные в отряды добровольцы под командованием М.Г. Черняева вступили в бой, они нередко показывали свою несостоятельность. Мемуары Ящерова это подтверждают. Он так описывает ситуацию с русскими добровольцами: «В Кладове мы нашли более сотни прежде прибывших добровольцев, которые тоже ждали. То есть без толку шлялись по “кафанам”, проедая все свои деньги в ожидании. Но никому не было до них дела. А как идти без провожатых, без пищи, без подвод, без оружия и куда? До сих пор вижу господина в цилиндре, в подбитом воздухом пальто, дрожащего от холода и просящего поделиться куском хлеба: у него не было ни гроша...»³¹ Впрочем, источники происхождения многочисленных проблем заключались не только в плохой организации добровольческого движения, но и в особенностях состава самих добровольцев. На их облик повлияли не только пропаганда славянских комитетов, информация прессы и настроения общественного движения, но и самый обыкновенный авантюризм. Не многие осознавали, что они делают на Балканах. Прозаик и публицист Григорий Де-Воллан в своих мемуарах так описывает русского волонтера, «случайно» отправившегося освобождать братьев-славян: «Один изящный, богатый офицер и не думал ехать в Сербию. Вся жизнь была для него поприщем радости и наслаждения. Он сознавался потом, что вся эта сербская история – ужасная глупость. Он возвращался с пирушки в Павловске, после музыки; какое-то грустное чувство овладело им, он не мог отделаться от него и на другой, и на третий день. Все казалось ему бессодержательно, мелко, пусто кругом. “Поеду в Сербию”, – решил он и поехал. А таких было много, и они делали свое дело»³². Но главное в том, что у русских добровольцев, рвавшихся на помощь славянам из самых разных побуждений, было совершенно неправильное понимание предстоящей войны и абсолютное незнание противника. Что собой представляет турецкая армия – «про то хорошо не знали: на месте будет виднее».

Лучше любого отрезвляющего действия на русских добровольцев оказывало появление первых раненых. Даже несмотря на то, что Ящеров был профессиональным военным и участником Венгерской кампании, он тоже был удручен: «При виде первых изувеченных не то чтобы боязнь овладела мною, но точно крючком зацепило сердце и потянуло медленно, медленно с места. И нам предстоит ли то же? Нет! Уж лучше смерть!»³³

Еще один факт, который заслуживает внимания, это столкновения на национальной почве. Между русскими добровольцами и сербами были моменты «выяснения отношений». Даже были случаи, когда волонтеры открыто называли сербов предателями. Но в данном конкретном случае речь шла о столкновении русских и поляков. По словам мемуариста, «разыгралась одна из безобразных сцен». Ситуация была «безобразной» еще и потому, что русские добровольцы считали, что дело освобождения славян должно исходить только от них и ни от кого больше. Ящеров так описывает эту сцену: «“Пустите! Всех побью! Как смеете вязать русского офицера!” – вопил он благим матом. Выговор так отдавал Варшавой, что сомненья не было: “русский буйан” был кровнейший поляк.

- Не смейте называться русским! – крикнул кто-то, зажимая ему рот»³⁴.

Столкновение с реальностью приводило к крушению иллюзий, а национальные стереотипы, которые по своей природе амбивалентны, начинали проявлять свою «обратную сторону»: «братья по вере», «братья-славяне», «угнетенные народы», «братушки» превращались в восприятии русских добровольцев в недисциплинированных воинов, плохих борцов за свою же собственную свободу и даже совсем не патриотов своего Отечества. Действительные причины взаимного охлаждения отношений, видимо, заключались в несовпадении представлений русских и славян о контурах национального строительства на Балканах. Распространенный в русском общественном сознании миф о славянском единстве вступал в противоречие с реальной сложной картиной их отношений³⁵; не принимались югославянской стороной и однозначные призывы к ориентации на православную религию (имеются в виду хорваты – католики). Кроме того, для болгар и сербов был естественен взгляд на Россию как всего лишь одну из внешнеполитических сил, на которые можно опереться.

В определенной степени воспоминания Ящерова это подтверждают. Пытаясь как-то объяснить поражение сербских войск и приданных им отрядов русских добровольцев, мемуарист отмечает: «...сама Сербия не может уже дать ничего, кроме второго и третьего класса войников. И что это за войники! оторванные от семьи, не умеющие взять ружья в руки, - могут ли они выдержать бойню?.. Видя пред собой “брата русса”, увлекаясь его отвагой, они на минуту одушевляются, в них пробуждается древний воинственный дух сербов, но это – мимолетная вспышка. “Брата русса” укладывает пуля, и робкий земледелец, бросив оружие, бежит»³⁶. Как видно, Ящеров виновником всех бед и поражений считал самих сербов, не умеющих, да и не желающих воевать. Мемуарист также недоволен тем, что этих «горе-вояк сербов» лучше кормят, чем их спасителей – русских³⁷.

Подобные настроения разделял в своих «Воспоминаниях» и князь В.П. Мещерский. Он писал, что главный недостаток сербской армии – «...это отсутствие чего бы то ни было похожего на патриотическое настроение во всех сербах, на спасение которых явился Черняев и явились сотни и тысячи русских добровольцев. А уж об отсутствии братского сочувствия к русским и говорить нечего: я его нигде не нашел в Сербии»³⁸.

Сам глава Московского славянского благотворительного комитета Аксаков мог судить о ведении боевых действий в Сербии только по корреспонденциям Черняева. А последний старался несколько залакировать действительное состояние вещей³⁹. Например, журналист Н.В. Максимов считал, что на какие бы единицы сербскую армию не делили, – получился бы один и тот же результат⁴⁰. Более того, он был совершенно убежден: «Горе армии (сербской армии. – *Авт.*) заключалось вовсе не в том, что она была разделена на бригады и батальоны; оно заключалось в том, что при наборе армии ускользнула целая масса здоровых, сильных, вполне годных в строй людей и ускользнула самым преступным образом»⁴¹. Интересные размышления о причинах взаимного непонимания русских и сербов можно встретить в мемуарах публициста Г.А. Де-Воллана: «Сербы не знали русского общества, не знали назревших в России вопросов, не знали стремлений русской молодежи. Для них впечатлительность русского образованного человека, требовательность его была новостью. Братья пришли и стали все мерить на свой аршин. Брать-

ям нужно скорее поспеть к Черняеву, им ничего не стоит загнать лошадь для такой цели. Что такое лошадь для русского? А для серба-поселянина это – все: на этом зиждется все благосостояние его семьи, а он любит свою семью больше всего... Серб видит одно разорение впереди, а у иных вырывается жесткое выражение: «Лучше турки, чем русские»⁴².

Вообще Ящеров старался в своих мемуарах сконцентрировать внимание на батальных сценах, описании подвигов, на полководческом даровании М.Г. Черняева, т. е. на чем угодно, только не на характеристике состояния русских частей. Красочно описывая прибытие в Сербию новых партий русских волонтеров⁴³, Ящеров не утруждал себя объяснить, почему добровольцы попадают на Балканы в таком плачевном обмундировании и почему Московский славянский комитет не обращает на них никакого внимания. Как ни удивительно, Славянские комитеты не оказали русским добровольцам должной помощи и даже бросили их на произвол судьбы. Разобраться в таком положении вещей не так сложно. Руководство Славянских комитетов было огорчено столь неудавшимся для России «блицкригом» на Балканском полуострове. Идея И.С. Аксакова, что турки «покатятся» к Константинополю, едва завидев русских волонтеров и сербские войска, была абсурдна с самого начала. Да и помощь «братьев славян» оказалось не такой существенной, как ожидалось ранее. С точки зрения русских добровольцев, сербы просто ждали, что свободу преподнесут для них русские как некий подарок, за который не надо страдать и умирать, а их действия ограничатся лишь «музыкой, звоном колоколов и служением молебнов»⁴⁴. Несмотря на всеобщее желание русского общества, воодушевленного призывами Славянских комитетов, оказать помощь братьям по вере, общая численность добровольцев на Балканах была невелика. Около 4 или даже 5 тыс. чел. не могли кардинально изменить сложившуюся ситуацию на сербо-турецком фронте. Кроме того, у Славянских комитетов появилось новое «увлечение» – «возрождением Болгарии»⁴⁵, на которую теперь переключалось их основное внимание.

Несмотря на то что мемуарист старался концентрировать внимание читателя на безукоризненном поведении русских волонтеров⁴⁶, существовали и абсолютно противоположные харак-

теристики. В.П. Мещерский писал от лица русского добровольца: «...я (имеется в виду русский доброволец. – Авт.) приехал сражаться, да; но я не хочу, чтобы у меня было отнято право располагаться своей личностью – и уходить, когда мне вздумается... Вот на этом-то праве “*поступить, куда я хочу*” и “*уходить, куда вздумается*” основали свои отношения к армии Черняева немало из добровольцев, и это-то, немислимое в действующей армии, начало ввело много и очень много путаницы и беспорядков в область штабного дела в Черняевской армии»⁴⁷.

Примерно такую же позицию в данном вопросе, как и кн. Мещерский, занимал русский писатель и публицист Г.И. Успенский⁴⁸. Он прибыл в армию генерала Черняева за несколько дней до ее разгрома под Джунисом. И на глазах Г.И. Успенского разворачивалась трагедия в рядах русских добровольцев. Это, безусловно, не могло не отразиться на взглядах публициста. Было совершенно очевидно, что русские добровольцы просто не готовы к войне, необходимо нечто большее, чем резкие безапелляционные высказывания и проклятия в адрес турок. Успенский так описывал обстановку в рядах добровольцев: «...возвращающиеся с поля битвы раздражены, оскорблены, обижены, недовольны тысячами вещей и лиц. Можно положительно сказать, что из всех приехавших в Сербию русских, в настоящую минуту не было ни одного, кто бы сказал о ком-нибудь хоть одно доброе слово, хотя каждый очень хорошо знает, что доброе слово можно и должно сказать о многом и о многих»⁴⁹.

Но, по мнению В.В. Ящерова, недостатки, если и присутствовали, то только в организационной составляющей. В частности, автор мемуаров жаловался на плохую экипировку⁵⁰. От всего остального Ящеров был в восторге. И от полководческого таланта М.Г. Черняева, и от поведения добровольцев, и от лазаретов, и от парадов.

Возвращение русских добровольцев в Россию было совсем не таким торжественным, как их отправка на Балканы. Из многочисленных источников следует, что все проходило достаточно тихо и буднично⁵¹. Но даже в этой ситуации Ящеров нашел причину радоваться. Если о рядовых добровольцах у него фактически нет ни слова, то очень подробно описан парад в Сербии 8 января 1877 г. Также в мемуарах Ящерова не представлен анализ неудач русских и сербских войск в 1876 г. Тем не менее, даже для

В.В. Ящерова было совершенно очевидно, что авантюра с добровольцами не удалась. В конце своих воспоминаний он вынужден был признать, что только объявление войны Турции со стороны России может исправить дело, а отряды русских волонтеров называются им «нестройными кучками и партиями»⁵².

Несмотря на то что мемуары В.В. Ящерова перенасыщены приукрашенными патриотическими настроениями и отличаются отсутствием в них серьезного анализа, тем не менее, они имеют свою ценность. Она заключается, главным образом, в характеристике Сербо-турецкой войны 1876 г. и добровольческого движения человеком из провинции. Безусловно, внешний лоск и парадная сторона дела доминируют в источнике, тем не менее, скрытая в нем информация выявляет многие критические моменты и по-своему дополняет ту мемуарную литературу, которая характеризует ситуацию на Балканах в 1876 г.

¹ См.: Кочуков С.А. Русские на Балканах в 1876 году в свете источников личного происхождения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История». Международные отношения. Вып. 1. Саратов, 2009. С. 65–69; Его же. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (Письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2009. Вып. 8. С. 119–123; Его же. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов 2012; Его же. Русские добровольцы на Балканах в 1876 году (по материалам визуальных источников) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. В 4 ч. СПб., 2015. Ч. 2. С. 386–399.

² Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 260–307.

³ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970; Его же. Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. № 7; Его же. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4; Козьменко И. Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5.

⁴ См.: Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.

⁵ См.: Поглубко К. Весна освобождения. Кишинев, 1978; ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233.

⁶ Цит. по.: Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 42.

⁷ Козьменко И. Указ. соч. С. 97. Осторожные действия официального Петербурга были в какой-то степени продиктованы достаточно резкими заявлениями определенной части русского общества. А.Д. Градовский отмечал: «Уважение Европы нужно нам, несмотря на то, что по существенным вопросам внешней политики мы расходимся с ней, что по славянскому вопросу мы сталкиваемся с про-

тиводействием. Именно теперь, когда вопросы поставлены резко, необходимо, чтобы не было сомнений в качествах знамени, находящегося в наших руках, в нашей способности поддержать его и довести дело до конца. Необходимо, чтобы и на попроще славянского вопроса в нас видели силу европейскую, а не какую-либо иную, чтобы в нас видели соперника равнородного, а не пришельца из другой части света». (Градовский А.Д. Трудные годы. (1876–1880): очерки и опыты. М., 2007. С. 297).

⁸ Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Париж, 1902. С. 62.

⁹ На войну 1876 г. из России было отправлено 3992 чел., из них больше всего из Одессы – 2000 чел., из Москвы – 1176 и Петербурга – 816, соответственно. (См.: Кузьмичева И. Указ. соч. С. 91).

¹⁰ См.: ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

¹¹ Там же. Л. 6–6 об.

¹² См.: Шипка и Плевна – слава русского оружия. М., 2003. С. 10.

¹³ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Кн. 1, 7.

¹⁴ См.: Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1. С. 243–247.

¹⁵ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. Самара, 2009. С. 237–297.

¹⁶ См.: Народы Поволжья и борьба южных славян за национальное освобождение 1875–1878 гг. С. 35

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 83. Л. 15.

¹⁹ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 188.

²⁰ Прошение отставного канцелярского служащего М.А. Липского: «Имею желание поступить в ряды русских добровольцев, сражавшихся против турок в княжестве Сербском, я покорнейше прошу комитет сделать распоряжение об отправлении меня куда следует и снабдить меня на экипировку и путевые издержки деньгами; т. к. я собственных средств на это не имею». (ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.); Прошение фельдшера А.Н. Черняева: «Имея в виду бедственное и несчастное положение в настоящее время наших единоверцев и желая верно служить в Сербии; по части фельдшерской... но не имея наличных средств проехать в Сербию, покорнейше прошу Комитет сделать распоряжения об отправке меня в Сербию на место военных действий и какое будет сделано распоряжение прошу меня уведомить». (Там же. Л. 6–6 об.)

²¹ Драгоманов М.П. Указ. соч. С. 62.

²² Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 192–193.

²³ Там же. С. 192.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ Там же. С. 196.

²⁶ Цит. по.: Кочуков С.А. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. Саратов, 2010. Вып. 8. С. 122.

²⁷ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 200.

- ²⁸ Там же. С. 201–202, 203.
- ²⁹ Так же. С. 203–204.
- ³⁰ Аксаков И.С. Собрание сочинений. В 8 т. М., 1886. Т. 1. С. 216.
- ³¹ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 204.
- ³² Де-Воллан Г.А. В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2. № 7. С. 355.
- ³³ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 130. № 1. С. 210.
- ³⁴ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Там же. Т. 136. № 7. С. 22.
- ³⁵ Уже после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сербский генерал К. Протич писал: «Я зол на русских... Русские отнимают у сербов сербской кровью искипленные и освобожденные сербские земли, отдают их болгарам, мы вынуждены угрожать оружием, только чтобы их удержать, и это русские, – сербские друзья» (Станић М. Коста Протић о Русима // Мешовита грађа, Београд, 2003. Књ. XXI. С. 100; См.: Кузьмичева Л.В. Современные проблемы историографии и источниковедения Великого восточного кризиса 1875–1878 гг. // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010. С. 107).
- ³⁶ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 32.
- ³⁷ Там же. С. 37.
- ³⁸ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 366.
- ³⁹ См.: ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 2. Д. 53. Л. 14.
- ⁴⁰ Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг... С. 189.
- ⁴¹ Там же. Н.В. Максимов называл еще одну слабую сторону сербской армии – дезертирство.
- «- Вы ранены, что ли?
- Ранены, господинэ, ранены! – таково жалостливо замотают сербы головами.
- Что же, все в руки ранены?
- У руки, господинэ, у руки.
- Ну-ка, покажи, разверни тряпку-то...
- Смотришь: между пальцами скользнула пуля, слегка задевши мягкую часть кисти. Отодранная когда-то от большого места покрылась уж пеленой новой, розовой кожицы». (Там же. С. 184).
- ⁴² Де-Воллан Г.А. Указ. соч. С. 356.
- ⁴³ Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 44–45.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 332. Л. 13.
- ⁴⁵ См.: Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. С. 95.
- ⁴⁶ См.: Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 48.
- ⁴⁷ Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 132. Выход, по мнению Мещерского, должен был заключаться в следующем: «Многие русские офицеры, сознававшие фальшивость положения русских добровольцев относительно главнокомандующего, высказывали мне то мнение, что следовало бы установить известную форму присяги знамени для всякого поступающего в армию, или же заставлять их подписывать известный договор, как это делалось в Америке, на

основании которого доброволец подчинялся безусловно всем правилам военной дисциплины» (Там же. С. 132).

⁴⁸ См.: Чешихин-Ветринский В. Глеб Иванович Успенский. Биографический очерк. М., 1929.

⁴⁹ Успенский Г.И. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С. 172.

⁵⁰ По свидетельству мемуариста, «1 декабря нам выдали полушубки и шинели, но что за полушубки! Что за шинели! Без крючков, из мерзейших овчин; кожа шершавилась, шерсть лезла пучками... Невольно вспомнились мне великолепные черные и коричневые, расшитые шелками полушубки, присланные из Англии в распоряжение английского консула и английского лазарета в Белграде; я увидел, когда их выгружали. А нам дали шинели короткие, выше колена, без пуговиц; одновременно выдали сапоги, из которых лезли двутесные гвозди; через неделю они уже никуда не годились» (Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 54).

⁵¹ Подробнее см.: Кочуков С.А. Русские добровольцы на Балканах в зеркале графики (1876 г.) // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов, 2015. Вып. 12. С. 90–101.

⁵² Ящеров В.В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 7. С. 64.

М.Б. Кративенцева (Тула)

К ИСТОРИИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЧАСТНЫХ ОРУЖЕЙНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ТУЛЕ. «ПЕРВАЯ ОРУЖЕЙНАЯ ФАБРИКА “ИНТЕРНАЦИОНАЛ”» (1917–1919)

В НОЯБРЕ 1917 г. после формирования II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов правительства, в России начался период организации нового типа хозяйственного устройства общества. Одним из первых мероприятий советской власти здесь стала национализация¹.

До 1917 г. значительная часть промышленных предприятий Тульской губернии (71,6 %) ² принадлежала частным лицам. Речь идет, главным образом, о мелких заведениях – скобяных и самоварных фабриках, винокуренных и крахмальных заводах и т. д. Юридические лица владели 25,1 % наиболее крупных предприятий – патронным, чугуноплавильными, железопрокатными заводами и т. д.; казна и органы местного самоуправления – 3,3 % общего числа предприятий – типографией, электрической станцией, казенными винными складами и Тульским оружейным заводом (далее – ТОЗ), занимавшим преобладающее место в промышленной жизни Тульской губернии³.

Во исполнение декретов центральной власти и распоряжений местных органов ко второй половине 1918 г. принудительное отчуждение коснулось 184 предприятий Тульской губернии, что составило 50,3 % всех заведений⁴. В их числе была «Первая фабрика огнестрельного и холодного оружия А.И. Кузнецова», после национализации получившая название «Первая Оружейная фабрика “Интернационал”».

Наиболее подробные сведения, касающиеся предприятия А.И. Кузнецова до 1917 г., представлены в исследовании Ю.В. Шо-

карева⁵; краткие отрывочные упоминания о фабриканте имеются в ряде работ по истории оружия и обобщающих работах на смежные темы⁶. Деятельность фабрики в последующие годы детально не рассматривалась исследователями. Ее национализация повлекла перемены в статусе еще нескольких тульских предприятий. В связи с этим выявление причин, формы и результатов перехода фабрики в ведение государства, а также системы управления ею необходимо для дополнения истории тульского оружейного производства в первые годы советской власти.

Андрей Иванович Кузнецов, Личный Почетный гражданин Тулы, с конца XIX в. был известен как оружейный мастер, а позже и до 1917 г. – как владелец оружейной фабрики, магазина и оптоворозничного склада металлических изделий, располагавшихся в центре Тулы. На фабрике А.И. Кузнецова изготавливали охотничьи одноствольные и двуствольные ружья⁷. В магазине он реализовывал не только собственную продукцию, но и охотничье оружие производства ТОЗ, европейских оружейных фабрик, порох; в принадлежавшем ему торговом киоске на станции «Тула» Московско-Курской железной дороги – металлические изделия⁸.

В период Первой мировой войны произошло значительное изменение характера и значительное расширение производства фабрики А.И. Кузнецова, что повлияло на ее дальнейшую судьбу. Так, в апреле 1915 г. фабрикант получил от Главного артиллерийского управления (далее – ГАУ) заказ на переделку в осветительные пистолеты для армии 10 тыс. револьверов Смита и Вессона⁹, в 1916 г. заключил несколько контрактов с Московским окружным артиллерийским управлением на сборку драгунских и казачьих шашек обр. 1881 г., изготовление ножен с прибором к драгунским шашкам. Вероятно, привлечение А.И. Кузнецова к производству оружия для российской армии было инициировано самим предпринимателем¹⁰. Необходимо отметить, что за выполнение указанных заказов он брался, не имея необходимого инструмента и опыта подобных работ. В настоящее время мы не располагаем сведениями о размерах и уровне налаженности производства холодного оружия на фабрике А.И. Кузнецова, однако известно, что еще в феврале 1917 г. он не имел специалистов по производству холодного оружия на своей «молодой фабрике», в связи с чем обращался к начальнику ТОЗ с ходатайством об обучении его рабочих на Златоустовской оружейной фабрике¹¹.

К осени 1917 г. вызванная войной хозяйственная разруха приняла катастрофические размеры и спровоцировала рост общественной активности рабочих как оружейного и патронного заводов, находившихся в лучших экономических условиях, так и более мелких тульских предприятий¹². В феврале 1917 г. работники фабрики А.И. Кузнецова также активно включились в борьбу за улучшение своего положения, выступая, как и большая часть пролетариата Тулы, исключительно с экономическими требованиями.

В марте 1917 г. общее собрание рабочих выдвинуло ультиматум об уравнивании заработной платы – своей и рабочих ТОЗ и патронного завода, где был введен минимум в 6 р. в день для мужчин и 4 р. для женщин, в то время как на фабрике А.И. Кузнецова он составлял от 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к. В случае отказа они решили бастовать. Собственник неоднократно предпринимал попытки уладить конфликт: увеличил зарплату на 32 %, ходатайствовал в ГАУ об увеличении стоимости шашки, чтобы иметь возможность произвести прибавку еще на 80 %¹³. Однако требования рабочих не были удовлетворены в полном объеме, и 13 июня 1917 г. на фабрике была объявлена стачка, продолжавшаяся до декабря 1917 г. Работники призывали граждан Тулы бойкотировать товары А.И. Кузнецова и обращались к представителям других тульских предприятий с просьбой об оказании им моральной и материальной поддержки¹⁴. В июне бастовало 30 чел.¹⁵, большая часть рабочих не пожелали продолжать забастовку и уволились. К стачке присоединилась тульская фабрика А.И. Назарова, занимавшаяся продажей самоваров, скобяных медных и чугунных изделий. За время забастовки были собраны пожертвования от рабочих ТОЗ, патронного завода и других предприятий¹⁶. Мерой поддержки со стороны Центрального заводского комитета ТОЗ было также решение о временном приеме рабочих А.И. Кузнецова на поденные работы¹⁷.

Ввиду невозможности гарантировать прибавку зарплаты в июле 1917 г., А.И. Кузнецов объявил об увольнении всех работников, не приступивших к исполнению обязанностей в течение трех дней. Фабричный комитет фабрики (он же стачечный), принявший на себя роль органа революционной власти с функциями по контролю над производством и финансами, признал это решение незаконным и решил продолжать стачку без усту-

пок. Таким образом, конфликт перерос в борьбу за контроль над производством. Поскольку предприниматель отказался подчиниться требованиям «рабочего контроля», стачечный комитет обратился за поддержкой в Тульский Совет рабочих и солдатских депутатов, взявший на себя роль арбитра в решении подобных трудовых конфликтов. 5 декабря 1917 г. Тульский Совет постановил передать фабрику и все ее торговые помещения в ведение стачечного комитета¹⁸.

В течение месяца велись переговоры о мирном соглашении рабочих с А.И. Кузнецовым через Конфликтную комиссию Профессионального союза промышленников-металлистов Тулы и губернии, в ходе которых рабочие добились от фабриканта согласия на полную оплату времени забастовки. По вопросу о том, кто будет определять размеры производства, соглашение не было достигнуто, и 11 января 1918 г. постановлением Временного Революционного Комитета при Тульском Совете управление фабрикой А.И. Кузнецова окончательно перешло к фабричному комитету¹⁹.

Следует отметить, что осуществленная революционной властью национализация фабрики в ноябре 1918 г. еще не была утверждена Высшим Советом Народного Хозяйства²⁰. Это связано с тем, что в первые годы советской власти еще не был окончательно разработан единый механизм национализации. Так, отчуждение крупнейших предприятий страны и отдельных отраслей промышленности осуществлялось декретами центральной власти, а реквизиция и конфискация мелких промышленных предприятий, в том числе оружейных – решением местных властей. Например, частное оружейное производство в Ижевске было ликвидировано в январе 1918 г. постановлением Ижевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о конфискации всех частных фабрик, которые были присоединены к Ижевским заводам²¹.

На первом этапе своей деятельности (1918 – первая половина 1919 гг.) национализированная фабрика «Интернационал» находилась в ведении отдела металла Тульского губернского Совета народного хозяйства. В данный период местные власти оказывали ей всемерную поддержку в целях сохранения военного заказа. Изначально рабочие бывшей фабрики А.И. Кузнецова намеревались организовать производство самостоятельно с янва-

ря 1918 г., полагаясь на имевшиеся в наличии ружейные стволы, а также заказы на соломорезки, переданные тульской фабрикой Медведева. Однако данные расчеты, в частности на сотрудничество с ТОЗ, не оправдались. К тому же на «Интернационале» при реализации системы «рабочего контроля» выявился один из основных ее недостатков, а именно низкая способность рабочих к руководству, в том числе распределению финансов. По свидетельствам самих работников, «в выдаче жалованья наблюдалась неправильность, объясняемая непривычкой фабричного комитета к практическому руководству финансовыми делами»²².

В мае 1918 г. Тулгубсовнархозом на фабрике было сформировано заводоуправление в составе представителей от Исполнительного комитета Тульского Совета рабочих и солдатских депутатов, тульского отделения Профессионального союза металлистов и рабочих фабрики. Одними из первых действий заводоуправления были меры по налаживанию производства: в марте 1918 г. была получена ссуда от Народного банка под залог 2000 стволов охотничьих ружей, которая позволила оплатить рабочим время забастовки и восстановить работу магазина²³. Служащие магазина А.И. Кузнецова, не принимавшие участия в забастовке, вскоре после его реквизиции пожелали присоединиться к рабочим и были восстановлены в прежних должностях²⁴.

Фабрике «Интернационал» были переданы часть национализированного у братьев Золотаревых каменного двухэтажного дома и одноэтажный корпус флигеля. Помещения площадью более 400 кв. м позволяли организовать до 120 рабочих мест и разместить необходимое оборудование. В распоряжении предприятия имелись склады, каретные и дровяные сараи, а также за пределами Тулы погреб для хранения пороха. Часть помещений была жилой: так, одну комнату с обстановкой в доме занимал управляющий²⁵. Фабрика обладала разнообразным и современным оборудованием. Функционировало более 20 станков отечественного и зарубежного производства: токарные, фрезерные, строгальные, сверлильные, полировочные, долбежные, револьверные, а также использовался слесарный и столярный инструмент. Оборудование приводилось в действие электрическими моторами, трансмиссиями и двигателями, снабжавшимися энергией с Тульской городской электрической станции²⁶. Известны случаи реквизиции необходимого для фабрики имущества

у частных лиц (сани, рессоры, пролетки, лошади и т. д.) по решению Тульского Совета рабочих и солдатских депутатов²⁷. В январе 1919 г. была сформирована круглосуточная внутренняя охрана предприятия²⁸.

Численность непосредственно трудившихся на фабрике работников постоянно росла: от 50 чел. в начале 1918-го до 223 в декабре 1919 г., не считая кустарей-надомников. В 1919 г. их рабочий день составлял 8 час. при 6-дневной рабочей неделе. Рабочие и служащие фабрики были освобождены от призыва на военную службу «как работающие на оборону Республики драгунские шашки по срочному наряду ГАУ»²⁹. К труду привлекались также женщины и несовершеннолетние для выполнения операций, не требовавших специальной квалификации (например, резка кожи для ножен).

Одной из наиболее важных проблем для руководства фабрики была необходимость повышения оплаты труда с целью предотвращения перехода рабочих на ТОЗ и патронный завод и обеспечения выполнения государственного заказа. Мерами поддержки рабочих стало решение о тарифных прибавках³⁰, а также получение с 1919 г. красноармейского пайка, который полагался и сторонним рабочим, участвовавшим в выполнении заказов.

Решение многих вопросов осуществлялось при непосредственном участии рабочих, что способствовало дополнительному улучшению их социально-экономического положения. Уже в июне 1918 г. были разрешены отпуска для рабочих и служащих, прослуживших на фабрике не менее года. В ноябре фабрике было передано под общежитие в арендное содержание сроком на год 10 меблированных комнат в доме № 26 на Суворовской улице с частью дровяного сарая и правом пользования общим двором. Годовщина начала забастовки была признана праздничным днем, на ее празднование заводоуправление выделило сумму в 1 тыс. р. Предоставлялись возможности для обучения – например, в 1919 г. работника Н. Терентьева командировали на учебу в Тульский коммунистический университет им. Ленина³¹.

В 1918–1919 гг. основным направлением деятельности фабрики «Интернационал» была сборка холодного оружия. Постановлением Военно-законодательного совещания при Революционном Военном Совете Республики от 17 июня 1918 г., контракт А.И. Кузнецова с ГАУ № 26959 от 25 августа 1916 г. перешел в

наряд на сборку драгунских и казачьих шашек общим количеством 23 929 шт. Согласно ему «Интернационал» должен был изготовить ножны, арматуру, осуществить заточку клинков и сборку шашек с использованием готовых клинков. Однако выполнение данной работы по-прежнему представлялось для фабрики проблематичным, так как в ее штате отсутствовали необходимые специалисты. Фактическая работа по выполнению заказа началась в июне 1918 г. Несмотря на то что был запланирован выпуск как драгунских, так и казачьих шашек, было собрано значительно большее количество драгунских (См. табл. 1). В марте 1919 г. последовало распоряжение ГАУ о прекращении производства казачьих шашек и переделке оставшихся 7675 казачьих клинков в драгунские³². Обязательства по данному контракту были выполнены в июле 1919 г.³³

Клинки поступали на «Интернационал» через Отдел ручного оружия Московского артиллерийского склада со Златоустовской оружейной фабрики³⁴. Для производства металлической фурнитуры и ножен привлекались сторонние тульские предприятия и мастера. Ножны изготавливала деревообделочная мастерская Я.Э. Боас; медную арматуру – медно-литейные заведения П.А. Костромина, Адрианова, Штанина, фабрика Серегина; конусные гайки – П.И. Горбунов. Пайку и отливку наконечников ножен осуществляла самоварная фабрика наследников Горнина; изготовление винтов – завод механических, самоварных, сельскохозяйственных, скобяных изделий «Социалист» (бывшая фабрика Медведева); полировку приборов к драгунской шашке – фабрика А.И. Назарова. Готовые шашки для технического контроля сдавались на ТОЗ.

Для выяснения статуса других контрактов А.И. Кузнецова и их переоформления на фабрику «Интернационал» служащие последней неоднократно командировались в Московское окружное артиллерийское управление³⁵. В настоящее время не удалось проследить исполнение ряда упоминаемых в архивных документах контрактов, например: № 3279 от 26.01.1916 г. на изготовление 30 000 ножен с прибором; № 361 от 26.01.1917 г. на изготовление эфесов, ножен и приборов и на сборку с их использованием 25 000 солдатских драгунских шашек обр. 1881 г. Однако в 1919 г. фабрика «Интернационал» продолжала получать крупные заказы с определенными для них сжатыми сроками, что поз-

воляет предполагать наличие у предприятия возможностей для их выполнения. Так, в июне 1919 г. фабрика получила наряд на изготовление 19 000 драгунских шашек до 01.11.1919 г. Однако к данному сроку он не был выполнен, к ноябрю изготовили лишь 7795 шт.³⁶ Вероятнее всего, это было связано с сокращением поставок клинков со Златоустовской оружейной фабрики, которая в связи со вступлением в город Чехословацкого корпуса стала выпускать оружие для Белой армии³⁷.

В ноябре 1918 г. руководство фабрики посчитало необходимым расширить ее производство на случай демобилизации промышленности. В связи с этим было решено занять помещение тульской оружейной фабрики А.М. Аверина с закупкой ее движимого и недвижимого имущества, на что 4 декабря 1918 г. дал разрешение Тульский Совет народного хозяйства³⁸. Вероятно, местные власти осуществили лишь реквизицию имущества данного предприятия, так как в данное время советское руководство еще не предполагало проводить широкомасштабную национализацию промышленности, за исключением имевших исключительное значение для республики предприятий³⁹. В пользование «Интернационала» перешли как оборудование (станки, моторы, инструмент), так и готовая продукция фабрики Аверина (охотничьи ружья и принадлежности, пистолеты) и материалы для производства оружия в общей сложности на сумму 61 тыс. 862 р. 08 к.⁴⁰ Таким образом, в 1918 г. фабрика «Интернационал» расширилась за счет еще одного оружейного предприятия Тулы. В этом втором отделении, возглавляемом С.А. Авериним, около 35 рабочих осуществляли сборку охотничьих ружей, стволы и детали которых, как правило, закупали на ТОЗ. Так, в 1918 г. было произведено 913 ружей; в январе – мае 1919 г. – 514⁴¹. Также осуществлялся ремонт охотничьих ружей и револьверов по частным заказам.

В апреле 1919 г. для более успешного выполнения военного заказа «Интернационалу» передано во временное пользование бывшее Полировочно-никелировочное заведение Т.Г. и М.Г. Розенталь. Оно составило третье отделение фабрики, где около 20 рабочих занимались полировкой арматуры к драгунским шашкам, а также слесарными работами⁴².

При фабрике «Интернационал» по-прежнему сохранялся магазин и торговый киоск в зале I-II класса железнодорожной

станции «Тула», в которых осуществлялась торговля оружием и оружейными принадлежностями, был представлен широкий ассортимент металлических изделий и товаров повседневного спроса. Также в сентябре 1918 г. магазин стал распределительным центром по снабжению населения Тульской губернии самоварами⁴³.

Особо следует отметить наличие в штате фабрики собственного конструктора. С 1 сентября 1918 г. в должности «военного изобретателя» здесь числился Петр Николаевич Фролов. Несмотря на то что его основным местом работы являлся ТОЗ⁴⁴, сотрудничество с фабрикой позволяло оружейнику улучшить свое материальное положение и дополнительно реализовывать изобретательскую деятельность по нескольким направлениям. Так, в 1919 г. П.Н. Фролов от имени «Интернационала» просил ГАУ об изготовлении опытных образцов револьвера Наган с экстрактором его конструкции⁴⁵. Во время работы на фабрике «Интернационал» главным изобретением П.Н. Фролова стала револьверная граната, которая разрабатывалась им с 1918 г. и получила одноименное название. В 1919 г. после испытания на Ружейном полигоне опытной партии Артиллерийский комитет ГАУ признал гранату данной системы непригодной для вооружения войск⁴⁶. С 1918 г. П.Н. Фролов также вел работу над охотничьим шомпольным ружьем, изготавливаемым из деталей 3-линейной винтовки. В 1919 г. был изготовлен опытный образец магазинного охотничьего ружья под наименованием «Ружье 3-зарядное “Интернационал”», на которое была получена привилегия и выплачено вознаграждение в 10 000 р.⁴⁷

Следующий этап в истории фабрики (май – декабрь 1919 г.) связан с изменениями в управлении советским хозяйством и характеризуется сокращением структуры предприятия и снижением объемов производства. В мае 1919 г. отдел металла Тульского губернского СНХ был реорганизован в Тульское агентство по учету продажи и распределения металла («Продрасмет»), и «Интернационал» был передан в его ведение.

Первым актом агентства в отношении фабрики стало изменение в ее руководстве: в мае 1919 г. было введено коллегиальное правление, в состав которого, кроме рабочих, вошли и представители «Продрасмета». В июне 1919 г. был закрыт магазин, а его товар сдан агентству. Для данного органа фабрика «Интернаци-

онал» являлась непрофильной, поэтому необходимо было решить вопрос о ее дальнейшей деятельности. 18 июля 1919 г. состоялось заседание коллегии агентства «Продрасмет», на котором принято решение о передаче производства холодного оружия «Интернационала» на ТОЗ и создании на базе ружейного производства Объединения кустарей-оружейников Тулы во главе с С.А. Авериным⁴⁸.

Вопрос о передаче «Интернационала» решался до ноября 1919 г., встретив сопротивление со стороны ТОЗ, считавшего невозможным выпуск шашек без ущерба для основного производства⁴⁹. Однако данный перевод было поддержан Советом военной промышленности при Чрезвычайном уполномоченном Совета обороны по снабжению Красной армии и флота, распоряжением которого в ноябре 1919 г. фабрика «Интернационал» утратила самостоятельность и была присоединена к ТОЗ⁵⁰. В структуре завода она образовала новое подразделение – шашечную мастерскую, так как в начале XX в. изготовлением холодного оружия на ТОЗ занимались починочная, кузнечная и штыковая мастерские⁵¹. Завод должен был немедленно приступить к отпуску всех необходимых для производства шашек материалов, финансировать его из своих средств до получения от Центрального правления артиллерийских заводов особого ассигнования.

Выявленные на настоящий момент документы не дают объяснения причин присоединения фабрики «Интернационал» к Тульскому оружейному заводу. Можно предположить, что его производственные возможности должны были способствовать ускорению и расширению выпуска шашек благодаря переходу к изготовлению клинков на самом заводе.

Ножны планировалось получать от деревообрабатывающей фабрики № 1 – бывшей фабрики Боас, в январе 1919 г. переданной в ведение губернского лесного комитета. Однако, принимая от ТОЗ материалы, фабрика к выработке ножен не приступала, обосновывая это тем, что является единственным в Тульской губернии заведением по изготовлению госпитальной мебели. В связи с этим в 1920 г. и это предприятие, как и фабрика «Интернационал», распоряжением Совета военной промышленности, нашедшего выпуск шашек более важным делом, чем изготовление мебели, была передана ТОЗ и включена в состав его модельной мастерской⁵².

Выпуск холодного оружия фабрикой «Интернационал»

	Шашки драгунские с длиной клинка 34 дюйма*	Шашки драгунские с длиной клинка 32 дюйма	Шашки казачьи
Контракт с ГАУ № 26959 от 25.08.1916 г. на изготовление 23 929 шашек			
1918 г.			
Январь – май	0	0	0
Июнь	1300	0	300
Июль	960	0	175
Август	970	0	280
Сентябрь	1450	0	100
Октябрь	520	350	270
Ноябрь	320	580	390
Декабрь	1230	960	280
1919 г.			
Январь	470	630	200
Февраль	60	1320	620
Март	20	3460	20
Апрель	10	1190	0
Май	50	2050	0
Июнь	0	2700	0
Июль	0	464	230
Итого, шт. 23 929	7360	13 704	2865
Наряд ГАУ № 3988 от 10.06.1919 г. на изготовление 19 000 шашек			
Июль	0	475	0
Август	0	2000	0
Сентябрь	0	2400	0
Октябрь	0	1720	0
Ноябрь	0	1200	0
Итого, шт. 7795		7795	

* См. ГАТО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 53. Л. 16–19.

Таким образом, фабрика «Интернационал» стала одним из первых частных тульских предприятий, перешедших в государственное ведение. Данный переход осуществился стихийно, во многом благодаря требованиям рабочих, что было связа-

но с политической обстановкой в Туле. Главным его результатом для внутренней жизни фабрики было создание органов рабочего контроля и управления. Благодаря их деятельности удалось сохранить за фабрикой военный заказ, приступить к его реализации, добиться поддержки со стороны местных властей и обеспечить стабильное положение рабочих. Однако в ходе дальнейшей деятельности «Интернационала» выявился недостаток его производственных мощностей для выпуска крупных партий оружия. К началу 20-х гг. XX в. выполнение государственных оборонных заказов окончательно монополизировал Тульский оружейный завод, в восстановлении производства холодного оружия на котором ведущую роль сыграл государственный аппарат по управлению экономикой страны.

¹ Развитие советской экономики. М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1940. С. 78.

² Список фабрик, заводов и др. промышленных предприятий Тульской губернии: по данным Всероссийской Промышленной и Профессиональной переписи 1918 года. Тула: Центр. тип-я Губсовнархоза, 1919. С. XV.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Шокарев Ю.В. Русское оружие: мастера и фирмы. М.: ПТП «Эра», «И.Д. Рученькиных», 2005.

⁶ См., например: Глазков В.В. Оружие Великой войны. Ручное автоматическое оружие Российской армии: автоматические винтовки, пулеметы, револьверы и пистолеты. СПб.: Гангут, 2015; Карклиныш И. Записки коллекционера // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2013. № 1; Список фабрик, заводов...; Художественно-иллюстрированный исторический альбом Царскосельской юбилейной выставки 1911 г. СПб.: Издание Б.Н. Клебанова, 1911. С. 24; Пинк И.Б. Производство сигнальных пистолетов в Туле в 1910-х годах // Война и оружие: новые исследования и материалы: материалы Второй Международн. науч.-практ. конф., 18–20 мая 2011 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. Ч. 2. С. 247–258.

⁷ Шокарев Ю.В. Указ. соч. С. 192–193.

⁸ ГАТО (Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области»). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1г. Л. 19.

⁹ Глазков В.В. Указ. соч. С. 330.

¹⁰ Пинк И.Б. Указ. соч. С. 253.

¹¹ ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 15. Л. 56.

¹² Симонова Е.В. Власть и общество в провинции в годы Первой мировой войны (по материалам Тульской губернии) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2015. № 1. С. 64.

¹³ ГАТО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1 б. Л. 2.

¹⁴ Октябрь в Туле. Сборник документов и материалов о борьбе за власть Советов в Туле и губернии в 1917 году. Тула: Тульское книжное издательство, 1957. С. 151.

- ¹⁵ Там же. С. 158.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 20. Т. 2. Л. 13.
- ¹⁷ Там же. Д. 1. Л. 511.
- ¹⁸ Там же. Д. 6 а. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Д. 11. Л. 47.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-610. Оп. 1. Д. 32. Л. 170.
- ²¹ Липина С.А. Частное оружейное производство по изготовлению охотничьих ружей во второй половине XIX – начале XX в. в Вятской губернии // Вестник Челябинского гос. ун-та, 2011. № 12 (227). С. 20.
- ²² ГАТО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 3а. Л. 1.
- ²³ Там же. Д. 20. Т. 2. Л. 14.
- ²⁴ Там же. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 2а.
- ²⁵ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 6 а. Л.2.
- ²⁶ Там же. Д. 9. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Д. 6. Л. 106.
- ²⁸ Там же. Д. 17. Л. 7.
- ²⁹ Там же. Д. 1. Л. 13.
- ³⁰ Там же. Д. 31. Л. 102.
- ³¹ Там же. Д. 11. Л. 124.
- ³² Там же. Л. 91.
- ³³ Там же. Д. 53. Л. 19.
- ³⁴ Там же. Ф. Р-220. Оп. 8. Д. 56. Л. 116.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 31. Л. 14.
- ³⁶ Там же. Д. 53. Л. 19.
- ³⁷ Секреты мастеров Златоуста. Искусство уральских оружейников XIX–XX веков. М.: Вече, 2015. С. 36.
- ³⁸ ГАТО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 3. Л. 65.
- ³⁹ Развитие советской экономики. С. 85.
- ⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
- ⁴¹ Там же. Д. 20. Т. 2. Л. 103.
- ⁴² Там же. Д. 53. Л. 9.
- ⁴³ Там же. Д. 6. Л. 145.
- ⁴⁴ Дроздова Е.Е. Опытные работы П.Н. Фролова на Тульском оружейном заводе в 1909–1925 гг. // Известия ТулГУ. Серия «История и культурология». Вып. 4. Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. С. 107–112.
- ⁴⁵ ГАТО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 3. Л. 71.
- ⁴⁶ Там же. Д. 10. Л. 7.
- ⁴⁷ Там же. Д. 5а. Л. 129.
- ⁴⁸ Там же. Д. 19. Л. 1.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 56. Л. 116 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 1067. Л. 132.
- ⁵¹ Глазков В.В. Оружие Великой войны. Холодное оружие Российской армии. М.: Фонд «Русские Витязи»; СПб: ИПК «Гангут», 2016. С. 32; Пинк И.Б. Производство холодного оружия на Тульском оружейном заводе в XIX – начале XX вв. // Из истории металлургии и металлообработки в Тульском крае: Сб. статей. Тула, 1994. С. 21.
- ⁵² ГАТО. Ф. Р-220. Оп. 8. Д. 56. Л. 586.

А.С. Кручинин (Москва)

«ТИХО, СКРОМНО, НЕЗАМЕТНО МЫ СЛУЖИЛИ...» СУМСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК НА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

1. **«МОСКОВСКАЯ ГВАРДИЯ» и московское подполье.** Тихо, скромно и незаметно – определения, решительно не подходящие гусарскому полку и «гусарским» традициям, какими они не только вошли в военную историю России, но и запечатлелись в ее литературе. И, услышав подобную характеристику из уст младшего однополчанина, уже XX в., Я.П. Кульнев, образец русского гусара, некогда служивший в Сумском полку, без сомнения, был бы разочарован и недоволен, а другой легендарный гусар, Д.В. Давыдов, конечно, вновь воскликнул бы с горечью и возмущением: «Где гусары коренные?!» Однако процитированная полностью фраза корнета В.И. Секалова, вступившего в ряды сумских гусар лишь в конце 1918 г., возможно успокоила бы обоих генералов былых времен, ибо говорила она о моральной устойчивости старых офицеров и молодых новобранцев в аморальное время «новой Русской Смуты»: «...Могу сообщить как честный участник Белого Движения и добросовестный “самовидец”, что к чести нашего доброй памяти командира Г.А. Шведа и других командиров, продолжавших честно и беззаветно вековую историю Сумского п[ол]ка, что за все время нашей борьбы за честь, счастье и будущее нашей многострадальной Родины у нас не было ни грабежей, ни излишних неоправдываемых насилий, ни бессудных расстрелов, ни буйных болезненных кутежей, также принципиально не было производств, тихо, скромно, незаметно мы служили»¹. На поле брани же или в той борьбе, которая велась втайне, сумские гусары не раз проявляли доблесть и мужество, и вправду достойные их славных предков.

Одна из старейших русских воинских частей, ведшая свою родословную с 1651 г., – Сумский полк под разными названиями (слободской казачий, легко-конный, драгунский, гусарский) два с половиною столетия с честью служил Московским Царям и Всероссийским Императорам, принимая участие в большинстве войн, которые вела Россия. Квартирова с 1876 г. в Москве и претендуя на роль «московской гвардии», полк был неотъемлемой частью Первопрестольной столицы, и именно здесь, возвращаясь на старые квартиры после трагического финала Первой мировой войны, гусарские офицеры начали борьбу против установившегося большевистского режима.

Организационно московское антисоветское подполье 1918 г. делилось между конкурирующими и до некоторой степени если и не враждебными, то недружелюбными – «организацией генерала С.А. Довгирда» («как называлась организация? – не знаю, по-моему, никак», – писал состоявший в ней сумский офицер) и «Союзом защиты Родины и Свободы» (СЗРиС). Созданная в эмиграции полковая история приписывает членство в первой, «за малым исключением, всем офицерам Сумского полка, бывшим в это время в Москве» (перечисляется 18 чел.)², однако правдоподобнее, что гусары все же разделились между обеими организациями, и если у Довгирда занимали видные посты ротмистр М.С. Лопухин (ил. 1) и штабс-ротмистр К.В. Соколов («начальник боевой группы из шести отрядов» и «начальник отряда», соответственно), то в СЗРиС одну из главных ролей («начальник кавалерийского центра») играл прапорщик из вольноопределяющихся А.А. Виленкин, а «...“командовал” 8-м полком и всеми летчиками» подполковник Б.Н. Говоров. Замалчивание участия сумцев в СЗРиС, вероятно, имеет психологическое основание в том, что номинальным руководителем здесь был известный в прошлом революционер-террорист Б.В. Савинков – личность одиозная для старых офицеров; военная организация СЗРиС, впрочем, находилась в руках полковника А.П. Перхурова, командированного в Москву из Добровольческой армии генералом Л.Г. Корниловым, и это, становясь известным вербуемым офицерам, многих примиряло с «савинковской организацией»³. С другой стороны, различие «организационных» симпатий и внешнеполитических ориентаций (на союз с Германией или с Антантой) не нарушало полковой дружбы, и Соколов

Ил. 1. М.С. Лопухин. Фотография из собрания ДРЗ

через двадцать лет вспоминал: «Встречались мы все чуть ли не ежедневно и у Лопухина, и у Говорова, и у Виленкина, или по шашлычным, как только пронохивали, где есть водка».

Различными были и предполагаемые цели организаций: если «савинковцы» после первоначального накопления сил приступили к перебазированию их на Верхнюю Волгу, собираясь разворачивать активные действия с опорой на поволжские города от Рыбинска до Казани, то подчиненные Довгирда, напротив, готовились к выступлению в самой Москве, и Соколов рассказывал о задачах своего отряда: «...разведка Замоскворечия в случае

атаки Кремля и оборона в случае прибытия красных со стороны Павелецкого вокзала». Однако способности боевых офицеров к конспиративной работе отнюдь не находились на должном уровне, и даже отношение к ней далеко не всегда было достаточно серьезным («...это не жизнь, это роман!» – восклицал склонный к иронии и самоиронии Соколов⁴): ряд провалов и удары ВЧК уже в конце весны – начале лета вынудили многих бежать из столицы на различные «белые фронты», а оставшихся ждала печальная судьба⁵.

2. Ни одного фронта без сумского гусара. «...Крови мы, Сумцы последних поколений, пролили столько, сколько, может быть, наши предки не пролили за все время существования полка, – писал в дни трехсотлетнего полкового юбилея Говоров. – Когда произошла революция и началась гражданская война, не было такой контрреволюционной организации, где бы не было Сумского гусара, и не было такого фронта, где бы не дрались Сумцы»⁶. Это не преувеличение: в рядах Белого движения сумские офицеры встречаются от Архангельска (характерна щепетильность старых гусар при написании полковой истории: «На Архангельском фронте находились: Снежков, Чеботарев, Завалишин, – но боевой деятельности они там не проявляли, а были в Красном Кресте. Таким образом, не распространяясь, надо просто кратко упомянуть: “На Северном фронте были имярек”»⁷) и Мурманска (где на этом единственном заполярном участке Гражданской войны служил бывший полковой адъютант поручик В.П. Будзко или Буцкой) до Кубани и Крыма, от Северо-Запада (один из младших членов полковой семьи, штабс-ротмистр А.В. Щуровский – прапорщик выпуска 1918 г., – служил в штабе С.Н. Булак-Балаховича, а затем в штабе 1-го корпуса Северо-Западной армии) и даже «русских войск на территории Польши» (полковник С.С. де Маньян, недолго служивший в Сумском полку до войны) до Дальнего Востока, откуда в 1922 г. ушел с последними бойцами Земской рати генерала М.К. Дитерихса ротмистр Е.Ф. Язвин...

Двое сумцев стали в те годы генерал-майорами: В.В. Крейтер («Крейтер 1-й», ил. 2), в 1915 г. причисленный к Генеральному штабу (полного курса академии не окончил), в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России (ВСЮР) служил на штабных должностях; и Б.Н. Говоров (ил. 3) – в

Ил. 2. В.В. Крейтер.
Фотография
из собрания ДРЗ

войсках Верховного правителя адмирала А.В. Колчака командовал 2-й бригадой 1-й кавалерийской дивизии, был произведен в генералы за бои на Тоболе, а у атамана Г.М. Семенова в Забайкалье в 1920 г. сменил несколько ответственных постов вплоть до последнего отступления в Китай. «Не буду касаться других боев, где мне пришлось командовать конницей 2-го корпуса, – вспоминал Говоров через много лет, – и, наконец, наступил мой, вероятно, последний бой в жизни, когда с юнкерами охранял 84-й разъезд уже всего в 20-ти верстах от Манджурской границы. Красные подошли со всех сторон, пришлось пробиваться, помню, как я прыгал

через трупы Енисейских казаков, но в общем выскочил»⁸.

Возможность создания полковой ячейки в Добровольческой армии, казалось, появилась после того, как туда перебрались летом 1918 г. штабс-ротмистры К.В. Соколов, В.А. Иванов и поручик Г.В. Крейтер 2-й (с ними «был собран отряд из юнкеров, кадет, всего 19 человек»). Направил их из Москвы на юг приезжавший с секретным поручением к столичному подполью генерал Б.И. Казанович, позже в воспоминаниях специально отметивший щепетильную честность начальника экспедиции Соколова в обращении с казенными деньгами. «Они пробрались в Новочеркасск и даже сдали в штаб армии остатки той скромной суммы, которую я

Ил. 3. Б.Н. Говоров
в эмиграции. Китай,
1930-е гг. Фотография
из собрания ДРЗ

**Ил. 4. К.В. Соколов
в эмиграции. Франция,
1939. Фотография
из собрания ДРЗ**

им выдал. Старшего из них (к сожалению, я забыл фамилию этого доблестного офицера) я встретил, впервые после свидания в Москве, уже в Севастополе [в 1920 г.] на костылях, без ноги; сам я был в лучшем положении, так как только прихрамывал после недавнего извлечения из ноги оболочки пули. Три года тому назад в Москве у нас были другие мечты»⁹.

Идентифицировать Соколова – «доблестного офицера с забытой фамилией» – позволяет именно полученное им увечье (ил. 4). Трое сумцев, вскоре после приезда на юг поступившие в 1-й Черноморский полк Кубанского казачьего войска (причем Соколов первоначально в качестве командира пулеметной сотни, вооруженной «пулеметами старого образца на лафетах», стрелять из которых молодого офицера – 1912 г. выпуска – уж точно не учили), неоднократно отличались в боях под Ставрополем во второй половине 1918 г., стоивших Иванову жизни (в октябре) и Соколову – тяжелого ранения (в декабре; Крейтер 2-й скончался от тифа в 1919 г.)¹⁰. «Меня на гангрене выдержали 6 дней, пока определилось. Боль была ужасная», – рассказывал позже Соколов¹¹, кото-

рому ампутация правой ноги ниже колена не помешала, как мы увидим, стремиться в ряды родного полка. Возродиться же кадру сумских гусар было суждено в составе другой части, уже не казачьей, а сводно-кавалерийской.

3. Против украинцев и большевиков. Старейший из полков Слобжанщины возродиться в армии «Украинской державы» гетмана П.П. Скоропадского не захотел. Только корнет Секалов,

**Ил. 5. Г.А. Швед в эмиграции.
Королевство СХС (Югославия),
середина 1920-х гг.
Фотография из собрания ДРЗ**

как уже упоминалось, поступивший в полк в 1918 г., вспоминал позже о «19-м конном Сумском полку» как кадре возрождавшейся старой русской части, называя местом формирования Одессу, а командиром – полковника Кохно¹² (в списках коренных сумских офицеров действительно находим Е.А. Кохно, впрочем покинувшего полк еще до Великой войны). В то же время вопрос о том, формировался ли полк с таким названием в Сумах на базе старого 10-го драгунского Новгородского полка как 10-й конный или в Одессе как 19-й конный, не разрешен даже украинскими историками, противоречащими друг другу и лишь соглас-

но называющими командиром «украинского Сумского» полка полковника В.В. Яненко¹³.

Как бы то ни было, восстание в ноябре 1918 г. социалистически настроенных шовинистов во главе с В.К. Винниченко и С.В. Петлюрой не только положило конец гетманской власти в Киеве, но и деморализовало гетманские части в провинции, и возрождение Сумского полка в Одессе началось в том же ноябре с пустого места. Первыми коренными гусарами здесь оказались Г.А. Швед (ил. 5), граф Г.Э. Борх и Берг, перед этим служившие в «добровольческих соединениях, отступивших перед армией Петлюры»¹⁴, а начиналось формирование в условиях конспиративных. «Помню, – рассказывает Секалов, – встретил я на улице [под]пол[ковника] Шведа: черное штатское пальто, высокая барашковая шапка, сапоги, а на ходу виднелись из-под пальто... краповые чакчиры. – Как же это Вы, г[осподин] Полковник? “А что я буду делать, у меня нет других штанов”, отвечает конспиратор»¹⁵. Конец конспирациям наступил, когда наскоро собран-

ные русские добровольческие части под общим командованием генерала А.Н. Гришина-Алмазова, в том числе группа Шведа из 10–20 чел. с ручным пулеметом Льюиса, приступили в первых числах декабря (по новому стилю) к очищению Одессы от украинских войск.

Получив приказание занять радиостанцию «в парке», маленький отряд во главе со Шведом, «...пользуясь всяким выступом, крыльцом, деревом и т. п. укрытием, осторожно, но настойчиво подвигался к парку. Стреляли отовсюду: с чердаков, с этажей, из подъездов, стреляли и вдоль улиц. Перестреливаясь с небольшими группами украинцев, а часто даже с невидимым противником, стрелявшим откуда-нибудь с крыши или из подворотни, идя зигзагами и обходя некоторые особенно жестоко обстреливаемые углы, – вспоминает участник боя, – мы вышли где-то возле Сабанеева моста в тыл украинскому пулемету, стрелявшему вдоль улицы. “Ура!” – и “Максим” с 3 номерами в наших руках. Это были наши первые пленные и первый трофей»¹⁶. Радиостанция была брошена противником после одного диска Льюиса, отстрелянного по воротам, а сама обстановка первого боевого дня оказалась хорошей увертюрой к новой войне, где противник был, казалось, едва ли не со всех сторон, но при этом нередко павовал перед доблестью и целеустремленностью.

Хорошо проявившая себя боевая группа Шведа и стала основой полковой ячейки, командование которой Швед уступил полковнику Г.Б. Алферову (ил. 6) как старшему (первый в полку с 1908-го, второй – с 1906 г.). Собирался кадр сумцев в Своднокавалерийском полку Отдельной бригады, которую начал формировать в Одессе приехавший из Добровольческой армии генерал Н.С. Тимановский. Корнет Секалов так описывал состав полка: «1-ый эс[кадрон] (возможно, впоследствии – Таврический конный дивизион. – *Авт.*) не носил имени какого-либо старого полка, состоял из солдат, большинство которых побывало в Доб[ровольческой] Арм[ии], командовал эс[кадрон]ом старый доброволец, энергичный рот[мистр] Двойченко, 2-ой э[скадрон] (впоследствии – Черноморский конный полк. – *Авт.*) под командой пол[ковника] Главче (Чечен[ского] кон[ного] п[олка]) тоже имел в своем составе много чинов 2-го Конн[ого] Дроздовского п[олка], 3-ий эс[кадрон] Рижского драг[унского] п[олка], ком[андир] пол[ковник] Громов, 4-ый эс[кадрон] Белорусского

гус[арского] п[олка], к[оманди]р пол[ковник] Флоров, 5-ый Сумск[ого] гус[арского] п[олка], к[оманди]р пол[ковник] Алферов, 6-ой Елисаветгр[адского] гус[арского] п[олка]. Кроме того, при полку формировалась Туземно-Казачья сотня»¹⁷. Другие мемуаристы называют в составе шестиэскадронного полка, помимо рижцев, белорусцев, сумцев и елисаветградцев, эскадроны чугуевских и смоленских улан; три гусарские эскадрона были пешими, остальные получили лошадей¹⁸.

Но первое выступление на фронт не принесло славы ни сумцам, ни их однополчанам. В условиях, когда русские части только начинали свое формирование, буквально на ходу обучаясь и сплачиваясь, главную роль в «Одесском районе» играли союзный французский контингент и его командование. Запутавшись в политических интригах и струсив перед наступающими частями

красных (частично – недавних «петлюровцев» вроде Н.А. Григорьева, бывшего «отамана» в войсках Директории Украинской народной республики), французы уже в марте 1919 г. начинают спешно сворачивать фронт, а затем и вовсе объявляют эвакуацию. Русским частям Тимановского приходится в тяжелых условиях отходить на территорию, занятую румынскими войсками, и лишь в апреле, изголодавшиеся и обносившиеся, добровольцы были перевезены морем в Новороссийск.

Некоторое время прошло в восстановлении сил и отдыхе, насколько отдых вообще был возможен на Гражданской войне с ее беспокойным «тылом». В июне последовало решение главного командования ВСЮР о переформировании регулярной кавале-

**Ил. 6. Г.Б. Алферов
на мировой войне.
Фотография из собрания ДРЗ**

рии, и полк, теперь именующийся 3-м конным, вошел в состав 2-й кавалерийской дивизии (5-й кавалерийский корпус Добровольческой армии). С июня до конца 1919 г. 3-й конный полк большую часть времени провел на фронте, участвуя в боях в Северной Таврии, наступлении через Полтавскую губернию на Киев, боях под Бахмачом и операциях против повстанцев в ближнем тылу Добровольческой армии, – а после того, как общее наступление ВСЮР, захлебнувшись, сменилось быстрым отходом на юг, полк двигался через Ромны – Лубны – Кременчуг – Кривой Рог, пытался прорваться к Одессе, но вынужден был, присоединившись к группе войск генерала Н.Э. Бредова, совершать фланговый марш от Тирасполя через Подольскую губернию в район расположения польских войск, где «бредовцы» и подверглись интернированию в марте 1920 г. За эти месяцы, среди побед и поражений, непрерывной боевой и походной страды, сложились многие характерные черты возрождавшегося Сумского полка, как присущие большинству тогдашних скороспелых формирований, так и определявшие его индивидуальный облик.

4. Непривычная война. Главной бедою, как и почти везде в Добровольческой армии, была малочисленность и вопиющая нехватка конского состава. Даже в самые благоприятные периоды сумский кадр не мог вырасти больше двухэскадронного дивизиона, значительную часть которого составляли «цуфусы» (от нем. zu Fuss – пешком). Примечательны воспоминания строевого офицера, далекого от подсчетов и оперирующего понятиями «больше» и «меньше»: «Состав его (эскадрона. – *Авт.*) во все периоды страшно менялся. Бесчисленно большой в Одессе, он сильно сократился во время Одесского похода (отступления в Бессарабию. – *Авт.*) и опять пополнился до огромных размеров в Тульче. В Новороссийске и потом в Аксае опять много народа ушло, а много и пришло. В Бердянске много записалось добровольцев, т[ак] ч[то] опять мы выходили на боевую работу с молодежью, еще не нюхавшей пороха, как это было и под Одессой...»¹⁹

Сборный и иногда случайный качественный состав, разумеется, также понижал боевую ценность сумского кадра. Первый, одесский, период его существования запечатлел корнет Секалов: «Были среди добровольцев офицеры разных родов оружия и разных чинов, юнкера, кадеты, гимназисты, студенты,

воен[ные] чиновники (у нас был кандидат на классную должность фельдшер Николаев, воен[ный] чин[овник] Терлецкий), 2 австрийских офицера (корнет Лацни, помнится, из 4[-го] гус[арского] венгерского п[олка] и поляк шт[абс]-рот[мистр], австрийский улан). Был старый воспитатель Одес[ского] Кад[етского] К[орпуса] пол[ковник] Копейка с 3 сыновьями, юнкером Елис[аветградского] Кав[алерийского] Уч[илища] и 2 мальчиками кадетами. Были и просто маменькины сынки, желавшие служить в кавалерии, из этой категории помню вольн[оопределяющегося] Л(елявского), явившегося в эс[кадрон] в сопровождении горничной, принесшей чемодан с его вещами. Был даже бывший полковой священник одного из пех[отных] полков, пожелавший служить у нас в строю»²⁰.

Первые испытания и неудачи, конечно, значительно проредили этот разнородный состав, однако и позже полковник Соколов сталкивался с добровольцами, которые «лошадей видели или на картинках, или у извозчиков»: «Хорошо помню, когда я приехал в эскадрон под Бахмач, то видел одного доблестного гусара, даже не юношу, а мальчика, в гимназической фуражке, но с кокардой, как он, бедный, на лошади держался, непостижимо, даже сразу не разберешь, у него ли винтовка за плечами или его привязали к винтовке, но на лице была отвага»²¹. Тем не менее и старые кавалеристы, и новички быстро усваивали гусарский дух и даже гонор, и летом 1920 г., после произошедшей перетасовки конского состава, сумцы ворчали: «Коней отняли, а теперь пешими воевать заставят. Мы пешком ходить не умеем»²², – естественно, безбожное преувеличение, но до чего характерное.

В бою приходилось приобретать не только необходимые качества (смелость, хладнокровие), но и самые элементарные навыки: «Открыла огонь большевистская артиллерия, и во взводе 3-го эскадрона есть уже убитый и раненые. Видно, как нашу необстрелянную молодежь бьет лихорадка. Подбадриваешь их шутками, а где и крепким словом. [...] Наши пулеметы выпустили по одному диску и застопорили. Понесли их в тыл починять. [...] Вскочил один молодой киевлянин и летит ко мне. – “Госп[один] прапорщик, госп[один] прапорщик, у меня винтовка не заряжается!” Даю ему под огнем противника урок зарядания винтовки»²³. Бывали, конечно, и примеры обратного – умелого владения оружием и должного поведения в бою (и то же

не со стороны старых солдат). Однополчанам запомнился, например, пулеметчик – младший унтер-офицер Рачек: «Это был храбрый, всегда спокойный доблестный гусар. Р[ачек] отличался силой и выносливостью. “Льюис”, весивший 25 фунтов, он возил на широком погонном ремне, как винтовку. [...] Р[ачек] часто стоя стрелял из “Л[ьюиса]” без всякого упора, как из обыкновенной винтовки, стрелял он из пулемета удивительно спокойно и очень метко»; вообще же практиковавшиеся сумцами приемы обращения с ручным пулеметом были зрелищными и неожиданными: «Наши пулеметчики почти не пользовались подставкой (ножками) при стрельбе лежа из “Льюиса”, обычно 2-ой номер “делал скамейку” (становился на четвереньки), первый номер клал ему на спину “Льюис” и стрелял. При стрельбе стоя 2-ой номер становился впереди первого, который клал ему на плечо свое ружье-пулемет»²⁴. Станковый же пулемет у сумцев был лишь один: «Единственный пулемет “Максима” разрывался на части: он успел побывать на всех заставах в тяжелые минуты и поддержать огнем потерявших надежду и дрогнувших было наших гусар...» – вспоминал об одном из боев его участник²⁵.

К сожалению, сравнительно высокий процент энтузиастов-добровольцев сам по себе не гарантировал от жестокостей и преступлений, с которыми дело обстояло вовсе не так радужно, как в цитате корнета Секалова, начинающей наше повествование. Но стремление сохранять честь полка побуждало к борьбе с этими, увы, распространенными на войне явлениями: к примеру, прапорщиков Чупарова и Валуева, в занятой деревне пошедших с обысками «по указанию мужиков, что здесь, мол, большевики живут», незамедлительно «попросили из эскадрона»²⁶ – а поступивший в Сумский эскадрон в Одессе прапорщик Курбедин после того, как выяснилось его участие в грабежах, предпочел бежать, может быть опасаясь однополчан больше, чем военного суда, и не ошибся: «Все переживали это, волновались, только и разговору было, что мы сами должны поймать его» (в результате преступника выследил вольноопределяющийся Янович, и в перестрелке Курбедин был убит)²⁷.

Разумеется, прискорбные явления сильно различались по степени тяжести, и если «история с чьими-то роялями», которые то ли продали, то ли хотели продать, еще могла восприниматься как «традиционное» гусарское озорство («музыкантов

постигла заслуженная кара», но, вероятно, не очень строгая), то самовольство поручика Трубникова, несколько раз расстреливавшего уличенных или только подозреваемых в большевизме, заставляло однополчан подозревать просто «проявление душевной болезни»²⁸. Противоестественная революционная обстановка вообще тяжело сказывалась на психике – в припадке душевного расстройств, например, застрелился прапорщик Кузнецов, которому не хватило нового английского обмундирования²⁹ (это было, конечно, еще и следствием вопиющего недостатка самого необходимого, что приводило к причудливому разнообразию в одежде и даже вооружении гусар).

Очевидно, что случайный по составу, не имеющий достаточного числа кадровых офицеров, плохо экипированный и далеко не всегда отличавшийся необходимою дисциплиной полк с трудом мог бы вести «регулярную» войну, и выручала лишь полная несхожесть Гражданской войны с регулярной и особенно – с мировой, с ее сплошной линией фронта и окопным сидением. «Оказывается, мы представляем центр отряда ген[ерала] Виноградова, – вспоминает поручик Оболенский о боевых действиях начала лета 1919 г. (и до чего примечательно это “оказывается”!), – и сегодняшним маршем сильно выдвинулись вперед, рискуя быть отрезанными. Эти два дня перед глазами все только бесконечные поля и поля, и как-то не можешь себе представить присутствие тут большевиков. Кругом тишина, не слышно ни стрельбы, ничего, а потому как-то совершенно забываешь, что ты на войне. Левее нас наступает пехота, но она идет своими путями, и мы только знаем, что она есть, а где она, сами не видим. Правее идут казаки, но и о них мы знаем только потому, что приезжало два разезда»³⁰. Вспоминая июльские дни того же года, когда значительную часть 3-го конного полка еще составляли «цуфусы», корнет Я.И. Елагин описывает не то обоз, не то табор, готовый, впрочем, в любую минуту развернуться в боевой порядок: «Странную и красивую картину представлял наш полк, растянувшийся подводами на несколько верст среди необъятных просторов золотеющей пшеницы под ослепительными лучами южного солнца. Впереди колонны на конях шел штаб полка с огромным русским флагом, по сторонам маячили немногочисленные конные дозоры, едва видные из-за густой и высокой пшеницы, а по дороге длинной лентой, скрывавшейся за горизонтом,

двигался бесконечный ряд телег. Картина эта ничем не напоминала современную войну, она уносила вглубь веков, к временам нашествий азиатских полчищ...»³¹

Правильно подмеченный архаичный характер Гражданской войны, со стратегической точки зрения являвшейся войною небольших армий на обширных пространствах, давал возможность для учебы, пополнения и обустройства на ходу, когда же походное движение сменялось кратковременными, но отчаянными схватками – сумские гусары не раз действовали доблестно и лихо, будучи достойными своего имени и памяти славных предков.

5. Последний бой сумских гусар. Сменивший в конце июня или начале июля 1919 г. полковника Алферова также произведенный в полковники Швед проделал во главе Сумского эскадрона, а затем двухэскадронного дивизиона всю оставшуюся кампанию этого переломного года Русской Смуты, неоднократно отличаясь в боях («кто виновник всех побед? – это наш полковник Швед!» – пелось в полковом «Журавле», шуточных куплетах на злобу дня), о человеческих же качествах командира сумцев говорит хотя бы такое его признание: «Я, давши слово сесть в эскадроне на коня последним, бывал всегда с “цуфусами”, рассчитывая, что, будучи при них, скорее посажу [их] на коней и тем сделаю конным весь эскадрон»³². Заболев в конце года тифом, Швед не совершал с полком «Бредовский поход» и сумел вместе с поручиком Ф.К. Водо (ил. 7) вновь сплотить в Крыму немногочисленный кадр сумцев в рядах 3-го, а затем 7-го кавалерийского полка (в августе 1920 г. этот кадр пополнился вернувшимися из Польши сумцами-«бредовцами», что повлекло доформирование и сравнительно продолжительное пребывание Сумского эскадрона в тылу). Во главе дивизиона 7-го полка Швед был тяжело ранен в одной из последних атак русской кавалерии 9 ноября 1920 г.: «Полковник Швед, ведя дивизион в атаку, что-то кричал. Пуля прошла рот и вышла через шею, не задев ни языка, ни зубов, ни позвоночника и ни одной крупной артерии, но оставив его на всю жизнь с глухим, хриплым голосом»³³, – и в последнем бою сумских гусар ими командовал ротмистр граф Борх.

Граф Борх представлял собою уходящий в историю тип «гусара старых времен». Гуляка, ловелас и задира (в 1913 г. отсидел на гауптвахте за скандал в ресторане, «не рекомендованном

**Ил. 7. Ф.К. Водо. 1919–1921 гг.
Фотография из собрания ДРЗ**

к посещению» приказом командующего войсками военного округа, а когда был «пропечатан» как скандалист в бульварной газете, явился в редакцию и избил редактора³⁴), он был и человеком отменного мужества и истинно гусарского отношения к войне: в 1914 г. принимал участие в импровизированном «братании» с германскими кавалеристами на нейтральной территории («обменялись рукопожатиями, пожелали друг другу победы и разошлись»: «острой ненависти к врагу не было, было только чувство долга,

“братание” это было лишь легкомысленным поступком с обеих сторон»)³⁵, а на Гражданской войне «часто даже в бою не носил шашки, будучи вооружен только браунингом, с которым нигде не расставался. Бывало, в последний момент перед конной атакой рот[мистр] Борх брал у кого-нибудь из гусар клинок, а гусара отсылал или к патронной двуколке, или к обозу»³⁶. И по своему символично, что именно этому офицеру, на которого, без сомнения, одобрительно посмотрели бы и Кульнев, и Давыдов, пришлось завершить боевую летопись Сумского полка.

Сумский эскадрон, не успевший получить лошадей, выступил на фронт вновь пешим – уже не в материковую Северную Таврию, а в северные уезды Крыма, в составе Сводного стрелкового полка конного корпуса. 12 ноября полк отступал на Джанкой, «имея целью прорваться к морю», и между 15-ю и 18-ю часами подвергся атакам и обстрелу красной конницы и пехоты. «Во все время отхода и боя, до последней минуты, в эскадронах сохранялся полный порядок и дисциплина, люди не выходили из подчинения и проявляли полную выдержку, спокойствие и от-

**Ил. 8. В.И. Секалов после бегства из Советской Республики некоторое время был в Румынии извозчиком. 1920-е гг.
Фотография из собрания ДРЗ**

вагу», – свидетельствовал корнет Секалов³⁷, чудом уцелевший в плену и в 1922 г. сумевший бежать в Румынию (ил. 8). Тем не

менее полк был смят, началась стихийная сдача в плен, и одними из последних, с разрешения своих офицеров, в безвыходном положении стали срывать погоны и последние сумские гусары. Граф Борх, хладнокровно командовавший огнем эскадрона и раненый в стрелковой цепи, по разным свидетельствам застрелился на поле боя или был добит противником³⁸.

Показательно, как обсуждали этот бой в эмиграции офицеры-сумцы. «Думаю часто о Гражданской, – писал Шведу Соколов в связи с подготовкой полковой истории, – мне кажется, что в Крыму (раздел книги. – *Авт.*) надо отметить, что был приказ не держать на фронте ввиду излишних потерь лишних офицеров (такой приказ, насколько помню, был), это объяснит, почему в погибшем эскадроне не были все офицеры. А также будет понятно, почему то “Леонтьев уехал в обоз” и другие. А то “современный читатель” подумает о других – ловчилах»³⁹. Более трех десятилетий спустя одноногий офицер, всю войну стремившийся в свой полк, несмотря на тяжелое увечье, если не в строй, то в полковой обоз, – беспокоился, как бы его и других несправедливо не обвинили в уклонении от фронта и «ловчении» (жаргонное – жульничество, стремление «устроиться»).

Не менее щепетильны и строги были старые гусары и в характеристике последнего боя. Когда после побега за границу Секалов подал рапорт о произошедшем, номинальный (в эмиграции) начальник кавалерийской дивизии генерал И.Г. Барбович наложил резолюцию: «Еще одна славная страница в истории конницы». Через полвека Секалов, вероятно, искренне, по памяти видоизменил этот отзыв в «еще одна славная страница в истории славного полка» и приписал его Главнокомандующему генералу П.Н. Врангелю⁴⁰. Однако при написании книги «Сумские гусары, 1651–1951» составителями не только было проверено по подлинному документу авторство, но и подверглась сомнению сама целесообразность цитирования резолюции.

«Очень меня смущает эта резолюция Барбовича “еще одна славная страница в истории Русской конницы”, – размышлял Соколов. – Я бы ее не помещал вовсе. Дело в том, что погибший эскадрон нам близок, как и близки люди, с ним погибшие, и мы с болью переживаем случившееся с ними. Судьба их трагична, будь мы на их месте, вероятно, и мы сделали [бы] то же самое. Но представь себе, что ты читаешь те же строки о каком-то неве-

домом тебе эскадроне, что ты скажешь – да, трагедия, но с точки зрения военного подвига сдача не есть “славная страница”. Барбович написал такую резолюцию, вероятно, для того, чтобы поднять дух, пошатнувшийся на чужбине. [...]

Ты подчеркнул трагедию словами “этим трагическим боем закончилась борьба Сумцев”... этим сказано все, а если поместить “славную страницу”, невольно вызовешь у читателя мысли, подобные моим»⁴¹ (в окончательный текст книги фраза Барбовича не вошла).

«Скромно и незаметно» погибли на своем посту и блестящий столичный гусар граф Борх, и пулеметчик из студентов Рачек, и их боевые товарищи-однополчане. Но, может быть, прав был и генерал Барбович, потому что верность долгу до последнего действительно является одной из составляющих воинской славы, той славы Русской Конницы, в историю которой год за годом и век за веком вписывали Сумские гусары страницы доблести и чести.

¹ Секалов В.И. Воспоминания о гражданской войне, 1918–1920 гг. Рукопись. Дополнение на отдельном листе // ДРЗ (Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына). Архив-музей. Ф. 107. (Ввиду того, что архивный фонд объединения 1-го гусарского Сумского генерала Сеславина полка находится в стадии обработки, при ссылках на него указывается название документа и авторская нумерация листов, если она есть.)

² Сумские гусары, 1651–1951 / [Под ред. Г.А. Шведа]. Буэнос-Айрес, 1954. С. 267.

³ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 17, 150.

⁴ Литтауэр В.С. Русские гусары: Мемуары офицера императорской кавалерии, 1911–1920 / Пер. с англ. М., 2006. С. 242.

⁵ Подробнее см. в нашей статье: Кручинин А.С. Сумские гусары в контрреволюционном подполье (1917–1918 гг.) // Материалы междунаrod. науч.-практич. конф. «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.» М.: ЦМВС, 2016. С. 154–159.

⁶ Сумские гусары, 1651–1951. С. 316.

⁷ Письмо К.В. Соколова – Ф.К. Водо, 27 апреля 1951. Рукопись // ДРЗ. Ф. 107.

⁸ Воспоминания Генерал Майора Говорова: (Из писем ротмистру Снежкову). Машинопись. С. 8 // Там же.

⁹ Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву», май – июль 1918 года // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. 7. Берлин, 1922. С. 198.

¹⁰ [Соколов К.В. (?)]. Сумцы в 1-м Черноморском Кубанского Казачьего Войска полку. Машинопись // ДРЗ. Ф. 107.

¹¹ Письмо К.В. Соколова – Н.П. Забелину, 19 сентября 1962. Машинопись // Там же.

- ¹² Секалов В.И. Указ. соч. С. 1 // Там же.
- ¹³ Тинченко Я.Ю. Українське офіцерство: шляхи скорботи та забуття. Ч. 1. Київ, 1995. С. 237 (табл. 3); Монкевич Б. Організація регулярної армії Української Держави 1918 року // Україна в минулому. Вип. 7. Київ; Львів, 1995. С. 95; ср.: Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 611.
- ¹⁴ Литтауэр В.С. Указ. соч. С. 260.
- ¹⁵ Секалов В.И. Указ. соч. С. 3 // ДРЗ. Ф. 107.
- ¹⁶ С. 5. // Там же.
- ¹⁷ С. 7. // Там же.
- ¹⁸ Сумские гусары, 1651–1951. С. 274.
- ¹⁹ Воспоминания поручика Оболенского о Гражданской войне. Рукопись. Тетрадь 4. С. 27 // ДРЗ. Ф. 107.
- ²⁰ Секалов В.И. Указ. соч. С. 8 // Там же.
- ²¹ Письмо К.В. Соколова – Ф.К. Воду, 18 сентября 1953. Машинопись // Там же.
- ²² Воспоминания Оболенского. Тетрадь 7. С. 6 // Там же.
- ²³ Воспоминания Оболенского. Тетрадь 5. С. 40 // Там же.
- ²⁴ Секалов В.И. Указ. соч. С. 63 // Там же.
- ²⁵ Анонимные воспоминания о Гражданской войне. Рукопись. С. 8 // Там же.
- ²⁶ Воспоминания Оболенского. Тетрадь 4. С. 47 // Там же.
- ²⁷ Секалов В.И. Указ. соч. С. 15–17 // Там же.
- ²⁸ Воспоминания корнета Я.И. Елагина. Рукопись. Тетрадь 3. С. 15; тетрадь 4. С. 11, 14 // Там же.
- ²⁹ Воспоминания Оболенского. Тетрадь 4. С. 2 // Там же.
- ³⁰ Воспоминания Оболенского. Тетрадь 4. С. 32–33 // Там же.
- ³¹ Воспоминания Я.И. Елагина. Тетрадь 4. С. 1–2 // Там же.
- ³² [Швед Г.А.]. Бой Сумского эскадрона 4-го Августа 1919 года под д[еревней] Вениславовкой Гадячского уезда Полтавс[кой] губ[ернии]. Рукопись. С. 1 // Там же.
- ³³ Сумские гусары, 1651–1951. С. 306.
- ³⁴ Сумские гусары, 1651–1951. С. 153; Литтауэр В.С. Указ. соч. С. 253.
- ³⁵ Сумские гусары, 1651–1951. С. 206.
- ³⁶ Секалов В.И. Указ. соч. С. 107 // ДРЗ. Ф. 107.
- ³⁷ Рапорт В.И. Секалова военному представителю Русской армии в Румынии от 28 августа 1922 г. за № 3. Заверенная машинописная копия // Там же.
- ³⁸ Сумские гусары, 1651–1951. С. 308.
- ³⁹ Письмо К.В. Соколова – Г.А. Шведу, 5 марта 1954. Машинопись // ДРЗ. Ф. 107.
- ⁴⁰ Рапорт В.И. Секалова...; письмо В.И. Секалова – Н.П. Забелину, 24 января 1971. Автограф // Там же.
- ⁴¹ Письмо К.В. Соколова – Ф.К. Воду, 20 февраля 1954. Машинопись // Там же.

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

**«С ОБЩАГО СОГЛАСИЯ ПОСТУПАТЬ» –
МАТЕРИАЛЫ ОБ УПРАВЛЕНИИ РУССКИМИ
ВОЙСКАМИ В ПОЛЬШЕ В НАЧАЛЕ 1735 ГОДА**

СРЕДИ МНОГИХ малоизученных вопросов военной кампании российских войск в Речи Посполитой 1733–1735 гг. стоит особо выделить вопрос организации командования этими войсками. Читая описания этих событий, на первый взгляд может показаться, что она была достаточно простой и строго иерархичной, но при углублении в тему все становится довольно запутанным. Даже присутствие в Польше во время осады Гданьска фельдмаршала Миниха не создавало систему полного единоначалия для всех находящихся там российских корпусов. Еще сложнее понять, из-за отсутствия четких правительственных указов, как распределялись полномочия и происходило взаимодействие между командующими этих корпусов с осени 1734 до апреля 1735 гг. В научном архиве ВИМАИВиВС, в делах архива генерал-лейтенанта принца Гессен-Гомбургского, хранятся документы, позволяющие несколько прояснить данные вопросы. Из писем генерала Петра Петровича Ласси к принцу и копий правительственных указов, дополненных некоторыми опубликованными документами, можно увидеть, как решались управленческие задачи в конкретных ситуациях.

В начале 1735 г. в Речи Посполитой находилось около 72 000 российских солдат, не считая казаков и гусар. Главная армия в 35 000 чел. располагалась непосредственно на территории Польши и находилась под командованием генерала П.П. Ласси. На территории Великого княжества Литовского находились корпуса генерал-лейтенанта Измайлова – от 5000 до 6000 и полковника князя Репнина – 4000 чел., в Курляндии – корпус генерал-майора Бисмарка от 8000 до 9000 чел. и на Волыни – корпус

генерал-лейтенанта принца Гессен-Гомбургского в 18 000 чел. Армия Ласси, в свою очередь, делилась на различные тактические соединения от двух до десяти полков, которыми командовали генерал-лейтенанты Загряжский, Барятинский и Урусов и генерал-майоры Бахметьев, Лесли и Бирон¹.

Поскольку корпуса вводились на территорию Речи Посполитой в разное время и с разными оперативными задачами, единого командующего этими войсками в 1734 г. не было. Соответственно, управление войсками и их снабжение строилось по довольно сложной схеме взаимоотношений между российским и польским правительствами, российским послом в Варшаве и командирами корпусов, определявшихся переплетением политических, военных и экономических интересов сторон. Иметь как можно более ясное представление об этой системе необходимо, на наш взгляд, для лучшего понимания эффективности использования войск и выполнения ими поставленных задач.

Все основные директивы генерал Ласси и командующие корпусами получали из Петербурга, где их предварительно согласовывали с польским послом, а тот со своим королем. Громоздкость этой конструкции хорошо понимали в кабинете министров, что видно, например, из высочайшего рескрипта генерал-лейтенанту Измайлову от 11 января: «...вы ныне уповательно, как с генералом Лессием, так и с Варшавою свободную коммуникацию имеете, того ради надлежит вам прилежно, как с генералом Лессием, так и с Нашим полномоченным министром в Варшаве, бароном Кейзерлингом, корреспондовать и для подобных и других ваших поступков потребное известие от них требовать, также и им, о чем надлежит, сообщать, дабы, по близости, тотчас с королевским двором могли о том сношение иметь и надлежащее определение учинить, ибо пока от вас о таких делах, о которых с польским двором наперед сношения иметь надлежит, известие сюда приходить и отсюда к министру Нашему в Польшу о том отписано быть может, то время довольно и напрасно проходить и в тамошних мерах остановка приключиться может, а в свободной такой корреспонденции крайняя нужда обстоит... И как с теми противниками поступать, о том надлежит вам, как с кн. Радивиллом, так и с прочими доброжелательными, также и с министром Нашим в Польше, и с ген. Лессием сношение иметь и в том поступать с общего согласия, как по

тамошним обстоятельствам наиболее полезно разсуждено будет»². Вот только приходило к общему согласию при решении различных вопросов оказывалось непросто, а иногда и невозможно, что приводило к возникновению конфликтов как между союзниками, так и внутри российского генералитета.

В первые месяцы 1735 г. действия российских войск в Польше определялись планом, разработанным в Петербурге и утвержденным 26 декабря 1734 г. Из сопроводительного именного указа Императрицы генералу Ласси, повелевавшей ему «по оному поступать и со всяким радением и возможным поспешанием в действо производить», следует, что план был сочинен в ответ на план Ласси от 21 ноября. Примечательно, что этот план в Петербурге сочли «не вовсе сходны» не только «с нынешними конъюктурами», т. е. с международной обстановкой, но и «с тамошними обстоятельствами» – ситуацией в Польше. Поскольку согласование действий с «его королевского величества с саксонским и коронными войсками» происходило через министра Кейзерлинга, ему также был послан план, «дабы он о том с его королевским величеством немедленно надлежащие меры взял», а Ласси следовало «с ним, бароном Кейзерлингом, потребное сношение иметь»³.

В общих чертах содержание плана известно не только по указу Ласси, но и по историческим трудам⁴. Но, поскольку этот документ являлся определяющей командной директивой для российских войск в Речи Посполитой, без знания его деталей будет сложно разобраться в дальнейших событиях. Основная часть плана – это 11 пунктов, адресованных генералу Ласси, где в первую очередь привлекает внимание большая степень подробности указаний кабинет-министров:

«1. Запотребно изобретаемую (?) дабы вся под команду генерала Лесия в Полше имеющаяся пехота по правую сторону Вислы около Кракова и в других тамо лежащих местах таким образом расставлена и на квартиры расположена была, чтоб она от Шлезских границ до Сендомира или до тамошней стороны распространилась.

2. При помянутой пехоте столько конницы оставить надлежит, сколько ко отправлению каких-либо партий и для збору потребного провианта и фуражу по разсуждению генерала Лесия надобно будет.

3. Насупртив этого достальной коннице по левую сторону Вислы стоять и от Сендомира до Ярослава и до Львова для субсистенции всевозможно распространена быть имеет.

4. Чего ради обретающаяся под командой генерала-лейтенанта Загряжского и генерала-майора Бахметева конница у Сендомира через Вислу перейти и с имеющейся при генерале Лесии совокупится имеет. Насупротив же того обретающейся под командою генерала Лесия пехоте у Казимера или Сендомира чрез Вислу переправится и с пехотою по правую сторону вышепомянутым образом стоящею соединиться надлежит.

5. После того ему генералу Лессию с имеющимся при себе корпусом прямо в Люблин, Казимер и Сендомир маршировать и по вышепомянутому плану растоновение войск, а именно пехоте по правую сторону Вислы от Сендомира до Шленских границ, но конницы по левую сторону Вислы от Сендомира до Ярослава и до Львова, в действо производить, однакож таким образом, чтоб сии войска немальми партиями разделены или же какому нечаянному неприятельскому нападению подвержены небыли.

6. Ему генералу Лесию при оной инфантерии самому пребывать, причем же он Краков взяв тамо магазейн учредить и тамошня дистрикты и обывателей к поставке потребного провианту надлежаще понуждать имеет.

7. В Ярославе, Сендомире и в других к тому удобных местах надобно ему генералу Лесию о учреждении таких же магазейнов равномерныя распоряжения учинить.

8. Ежели в Кракове и в тех местах, где пехота расставлена будет, довольного пропитания оной не сыщется, то ему генералу Лесию распоряжение учинить, дабы от стоящей по другую сторону Вислы конницы, в сендомирского, ярославского и других дистриктов потребныя припасы збираны и пехоте превожены были.

9. В Кракове быть российским войскам пока саксонские туда прибудут, тогда же российскому войску или выступить, или о совокупном тамо пребывании между собою согласиться можно, но во всяком случае ему генералу Лесию такмо магазейн сухарей и овса заготовить и к охранению онаго малую команду тамо оставить, и к тому удобные дома и места занять надлежит.

10. К содержанию свободной коммуникации между пехотою и конницею у Сендомира или в другом каком удобном месте, по благоизобретению командующего генерала, мост через Вислу

построить и как оной, так и особливой переезд под Краковым, надлежащими заставами укрепить надобно, чего ради в некоторых выгодных местах по обоим сторонам Вислы посты занять, и в Сендомире и где еще потребно гварнизоны поставить можно.

11. С принцем Гессен Гомбургским иметь прилежную коммуникацию и по тамошним обстоятельствам против неприятелей действовать и стараться, дабы оных в середину залучить и тако скорее сократить»⁵.

Оставшиеся же 3 пункта адресованы другим командирам корпусов и содержат лишь общие указания, приводимые в литературе.

Уже в январе 1735 г. «тамошние обстоятельства» потребовали корректировки плана: Август III настоятельно требовал от Петербурга оставить четыре полка с отрядом казаков от корпуса Ласси для закрытия прусско-бранденбургской границы. В рескрипте Ласси от 31 января, сообщавшем об опасениях и требованиях польского короля, в конце значилось: «...именно и накрепко вам повелеваем такие меры принять, чтоб отнюдь те противники паки в Пруссию ворваться и новое тамо усиление получить не могли, но паче как возможно от того отдалены и в тесноту и к скорейшему прекращению преведены были. А понеже мы также известие получили, что воеводство Краковское разорено и тако войску нашему довольную субсистенцию получить никак невозможно, того ради ныне надлежит вам повеленной поход во оное Краковское воеводство в действо производить, но паче войско наше в тех местах расставить и расположить, где оные свободное свое пропитание иметь могли и где вы смотря по тамошнему состоянию и обращениям со общаго согласия с нашим министром бароном фон-Кейзерлингом для общих интересов и скорейшего произвождения генеральной пацификации за благо и за потребно разсудите»⁶.

Генералу Ласси, находившемуся на месте событий, ситуация с противниками короля Августа виделась более спокойной и не требующей серьезного вмешательства. Такой она предстает в его письмах к принцу Гессен-Гомбургскому: «...здесь за помощью божеской состоит все благополучно, и ко успокоению здешних замешаней есть добрая надежда» (от 24 января)⁷, «...противные поляки приходят до единости и сейм пацификаций в апреле или мае месяцев совершенно быть может» (11 февраля)⁸ и «При том

имею честь Вашей светлости доносить: с Киевским воеводою и обретавшимися при нем коронными и протчими полскими войски по установлению армистицы, которой чрез нарочно посланного от генерала-майора господина Бахметева сообщено, производятся последние трактаты и надежно что на нынешних днях уже окончены и помянутого Киевского воеводу и маршалка коронного Мнишка в скорости в Варшаву ожидают.

Воевода Любельской каштелян Чирской староста (??) и каронной абозной Азаровский хотя от армистиции просили и для договору бискуп Куявский Шемкек был отправлен, как известно ежели саксонскими войски стоящими около Познани и генералом-лейтенантом князем Урусовым, которой следует с четьрьмя пехотными полками от Плотска к Ченстахову, переняты не будут, пошли в полские прусы» (16 февраля)⁹.

В это время в Петербурге, с подачи польской стороны, сложилось совсем иное представление и о развитии ситуации, и о действиях самого Ласси. Это привело, по словам иностранных дипломатов, к решению о смене командования российскими войсками в Польше: «Фельдмаршалу графу Миниху приказано возвратиться в Польшу и принять начальство над расположенною там русскою армией, так как Ея Величество признала необходимым поставить во главе своих войск лицо более энергическое и решительное, чем генерал Ласси» (К. Рондо лорду Гаррингтону. С.-Петербург, 15/26 февраля 1735 г.)¹⁰. Ту же информацию получил и польский министр в Петербурге граф Линар: «...часто получаемые в последнее время жалобы на медлительность и нерешимость генерала Ласси и опасение, что если при настоящем благоприятном положении дел восстановление спокойствия не удастся, то в таком случае оно долго не осуществится, – заставили Ея Императорское Величество решиться немедленно отправить в армию гр. фон-Миниха» (23 февраля 1735 г.)¹¹.

Ласси, тем временем, уже изменил свою позицию и стал действовать более активно, составив новую, отличную от плана кабинета министров, диспозицию своих войск. 16 февраля, когда было написано последнее процитированное письмо к Гессен-Гомбургскому, она была записана в его журнале:

«Его королевское величество польской изволил ко мне предлагать что польския противной конфедерации войска прошед Ченстахов, пошли к польским прусам, якобы с таким намере-

нием, чтоб приняв Станислава на пруской брандебургской границе, препроводя к Ченстахову короновать. И по тому известию, по силе Ея Императорскаго Величества высоких указов, для учреждения того их намерения и чтоб поворотясь не могли паки за Вислу к уходу способа получить, учинена следующая диспозиция:

1) Генерал-майор Лесли и полковник Кондырев, при обеих по 800-т доброконных драгун и около 600-т казаков, отправлены: Лесли к Лончицам, а Кондырев к Калишу с такими ордерами, чтоб, зближась к тем местам, имели частыя сношения с саксонским генералитетом и общее старание прилагали противничьи войска из польских прусов выгнать и поиск учинить.

2) Полки в способных по тем-же мерам местах квартирою расположены, а именно: в Сандомирском воеводстве при генерал-лейтенанте и кавалере князе Барятинском; в Радомском и Опочинском повете, от Вислы в 7-ми, от Варшавы 15-ти милях, пехотные Киевской и Архангелогородской; в Сандомире, от Радома в 15-ти, второй Московский пехотный.

В Пинчове от Радома в 20-ти, от Сандомира в 15-ти милях – Троицкой пехотной.

В Краковском воеводстве: в Щекотине, от Пинчова в 6-ти милях, Санкт-Петербургской драгунской.

В Кракове от Пинчова в 12-ти, от Щекотина в 10-ти милях – Новгородской и Воронежской пехотные.

В Жарках и Ченстахове, от Лелева в 4-х и 6-ти милях, Копорскаго пехотнаго полку по баталиону.

В Янове от Лелева и от Ченстахова в 3-х милях гусарская команда.

Гоупт-квартира имела быть в местечке Лелеве от Щекотина в 2-х, от Жарков в 4-х, от Ченстахова в 6-ти, от Еракова в 12-ти милях.

Генералу-лейтенанту князю Урусову с Углицким, Великолуцким и Псковским пехотными полками велено стоять в Ланчицком воеводстве. И все те места велено надлежаще, ради нечаяннаго неприятельскаго набегу и вреда, поукрепить и о движениях неприятельских разведывать.

Генерал-лейтнант и кавалер Загряской, с оставшими за командированием от 4-х драгунских полков людей и обозами – в местечках Люблине, Ополе и Юзефове.

Генерал-майор фон Бирон, с одним драгунским и тремя пехотными полками, около пруской бранденбургской границы в местечках: Ломзе и Новотротке (?), Остролинках и Пранищах.

Белозерской пехотной при содержании плененных при Таруне; Санкт-Петербургской пехотной батальон для поддержания с Станиславом камуникации в бискупстве Варминском»¹².

В Петербурге, на основании информации от польского короля и министра в Польше Кейзерлинга, сочинили свои поправки к плану, и 22 февраля Ласси был отправлен новый указ: «...сшим воеводою Любельским бывшие примирительные трактаты не токмо безплодно разорваны (?), но что и он воевода с своими единомышленниками всеконечно в Пруссию перебирается, и для того Его Королевское Величество просит чтоб от нашей тамо обретающейся коннице один корпус от пяти до шести тысяч человек с пристойным деташементом казаков... повелеваем вам по получении сего немедленно учредить и обретающейся тамо нашей кавалерии пять полков драгунских, а именно те которые в близости к тем местам находятся, дабы далними контрамаршами излишно утруждены не были, и один деташемент казаков в числе сколько пристойно, и приставя над ними генералитета пристойного одного или двух командиров, генерала маэора Бахметова или кого поблизости за благо рассудите, оной корпус и казаков в полную Его Королевского Величества диспозицию отдать, дабы он по неприятельским обращениям, запотребно рассуждено будет, действовать могли, но при том имеете вы определяемому над оными командиру накрепко повелеть того смотреть, чтоб войско наше нужды не потерпело, такожде излишно бы утруждено и в разорение приведено не было»¹³. Особенно интересно в этом указе решение передать значительный корпус русских войск в полное подчинение польскому королю, что было явным новшеством для данной кампании. Реализован указ не был, по всей видимости в силу значительного несоответствия обстановке, сложившейся в Польше на момент его там получения. Таким образом, можно заключить, что в показанной ситуации при решении проблемы более политической, чем военной, генерал Ласси принимал решения исходя сперва из своих представлений об оперативной обстановке и только после учитывал пожелания и требования польской стороны. Указания же кабинета министров серьезно отставали от развития ситуации.

Конечным результатом самостоятельного планирования и четких своевременных распоряжений Ласси стала последовавшая в марте ликвидация последнего крупного военного объединения противников Августа III в Польше.

Намного сложнее, чем разбить сторонников Лещинского, оказалось для генерала Ласси решать проблемы со снабжением своих войск продовольствием и фуражом. И дело было не только в том, что многие области страны были разорены противоборствующими польскими сторонами, но и в том, что вопрос этот был сильно политизирован и многие инциденты быстро переходили на дипломатический уровень. А Ласси, как и другим российским командирам, не раз приходилось оправдываться перед Императрицей и кабинетом:

«Чтож поляками внушается о равномерном взятъе с доброжелательных и противничьих маетностей провианта и фуража, о сем пред недавнем временем я доносил, что куда-б войска Ея И. В-ва ни прибыли, всякий является приятелем и, кроме известных противников, в редком дистрикте, кажется, противничья деревня, но из таковых нетолько войска удовольствоваться, но и сбавки с приятельских маетностей учинить неможно; одинаково поныне, сколько случая сыскаться могло, приятелям служил и на следующие при мне из-под Данцига полки поднесъ жалобы ни от кого не имелось, но от бывших в тех местах сеймиков присланы были, за доброе команды содержание, с письменным благодарением, послы, из каковых одно письмо при сем всеподданнейше предъявляю и впредь, по силе онаго Ея И. В-ва всемилостивейшаго указу, колико крайне возможно, наблюдать буду. На полки же, кои следовали из-под Данцига, по той сторон Вислы к Раве и Пентракову, в бытность мою в Варшаве, жалобы приношены были, якобы провианта и фуража взятъе чинено было непорядочно и будто-ж офицерам, за порции, браны деньгами, из чего, что то взятъе провианта и фуража чинено непорядочно, статья может, понеже обретающиеся около тех мест полки долговременно ожидали прибытия его королевскаго величества, а хотя от ген.-лейт. Загряскаго в лежащая около тех мест воеводства о привозе провианта и фуража универсалы были посланы, токмо оные добровольно по тем универсалам возили мало и затем он принужден был из ближних мест брать, где сыскать мог»¹⁴.

В феврале же 1735 г. дополнительную сложность в этом вопросе создало для отрядов Загряжского и Бахметева следование указаниям плана кабинет-министров от 16 декабря 1734 г. Дойдя в конце января до Сандомира и попытавшись, как им было предписано, расположиться «по левую сторону Вислы от Сандомира до Ярославла и до Львова», они обнаружили там войска корпуса принца Гессен-Гомбургского. Случилась эта накладка, по всей видимости, из-за неопределенности указаний, получаемых принцем из Петербурга, и сложных путей связи с ним. Управление его корпусом велось через Киевского генерал-губернатора гр. фон Вейсбаха, располагавшегося в то время в Белой Церкви, которому также 16 декабря 1734 г. был отправлен рескрипт со следующими распоряжениями:

«Что до ген.-лейтенанта кн. Гессен-Гомбургского принадлежит, то Мы уже в прежних Наших указах вам повелели, чтоб он с ген. Лесием и с другими Нашими корпусами искал иметь прилежное сношение, дабы, как возможно, с которою-нибудь командою, для захвачения воеводы Киевского с собранием его в середине и перенятия оного, соединиться и тако вкупе действовать, и каким образом толь скорее сокращен быть мог; и понеже как генерал Лесий, так и ген.-поручик Загряжский и ген.-майор Бахметьев разными корпусами маршируют к Сандомиру и Казимиру, того ради надлежит вам ему, князю Гессен-Гомбургскому, о том дать знать и подтвердить, чтоб он, всеконечно, искал со оными прилежное сношение иметь и для прекращения тамошних находящихся неприятелей, с общего согласия поступать и стараться как-бы тех неприятелей в середине получить и тем тамошним безпокойствам и замешаниям толь скорейшего окончания учинить»¹⁵.

Вслед за этим корпус Гессен-Гомбургского снялся с зимних квартир и двинулся навстречу войскам Ласси, 30 декабря заняли Львов, а авангард генерал-лейтенанта Кейта продвинулся до Яворова и Перемышля¹⁶. Доклад Вейсбаха об этом в Петербурге получили 5 января 1735 г.¹⁷, и 8-го Императрица подписала указ ему же с выдержками из плана, который генерал переслал Гессен-Гомбургскому только 22 января¹⁸. Указаний о том, какие именно войска должны оставаться в Русском воеводстве, не последовало, и командующим корпусами пришлось решать эту проблему самим. А вот тут, как можно заключить из писем генерала

Ласси к генерал-лейтенанту Гессен-Гомбургскому, «с общего согласия поступать» не получилось.

Первое из имеющихся писем было отправлено 11 февраля 1735 г. (следует отметить, что Ласси в это время находился в движении, что создавало дополнительные сложности в управлении войсками). Из него можно понять суть конфликтной ситуации – Ласси, руководствуясь планом, хотел разместить полки в Русском воеводстве и предлагал принцу Гессен-Гомбургскому освободить квартиры, а тот доказывал, что сделать этого не может:

«Вашей светлости высокосклоннейшее вторичное писание от 30 января и сего февраля 10 числа з должнейшим моим почтением принять получил, противу которого на аригинале сего февраля 5 к вашей светлости доносил. Инже паки имею честь доносить же чтоб по силе плана команды моей полки не разстановить без особливого Ея Императорского Величества на то указу учинить не могу, ибо тот план, как пред сим предъявлял, не толка что ради одного поляков сокращения, но и для того чтоб возможно было из тех по плану мест где общее Ея Императорского Величества [...] Ея Величества союзников ин же требует употребить. ...по силе имеющегося у меня особливого Ея Императорского Величества указу шестнадцать полков пехотных следуют уже к Кракову и к Шленским границам и для комплекту тех пехотных то ж драгунских полков обретаются в пути чрез Литву девять тысяч человек драгун и солдат, а на восемь тысяч драгун готовитца по подряду в Шлезии мундир которой имеет быть поставлен на границе в будущем марте месяце неотложно. Из чего Ваша светлость довольно признать можете, что по часту упоминаемому плану полки расставить, а особливо магазин неотложно и немедленно учредить надлежит. Однако по тем Вашей светлости письмам приказал я генералу-лейтенанту и кавалеру гну Загряжскому покудова корпусом своим уступить изволите по удержании в нынешних местах, того ради покорно Вашей светлости прошу егда ту уступку надлежащих мест учинить прикажете, дать ему гдну Загряжскому от себя знать. Так же ежели при уступлении том может быть остаточной во удовольствие провиант и фураж, имею надежду что прикажете дать на каманду оного господина Загряжского»¹⁹.

В письме от 16 февраля Ласси вынужденно соглашается подождать с перемещением полков: «...хотя по силе Ея Император-

ского Величества всемилостивейших указов и плана каманды моей драгунские полки неотменно от Ярослава ко Львову расставить по силе показанных от Вашей светлости резонов покудова уступить изволите принужден приказать, хотяб в супсистенции крайняя нужда имеется, генерал-лейтенанту и кавалеру гну Загряжскому полками остаться в прежних местах», т. е. в Люблине, Ополе и Юзефове Люблинского воеводства, и просит уведомить Загряжского о выступлении войск принца с квартир и оставить ему провиант. Примечательно здесь еще и то, что согласно пункту 8 плана с этих территорий предполагалось снабжать еще и пехоту. Принц Гессен-Гомбургский, впрочем, не желал расставаться не только с квартирами, но и со своими солдатами, определенными на пополнение полков Ласси: «Что же изволите припоминать дабы я мог следовать к Шлезии не занимая русского воеводства, чрез оное итить мне не надлежит, а будут поставлены до шлезской границы чрез краковское воеводство не только пехотных полков, також и команды Вашей светлости по силе указа драгун покудова следующие для комплекту команды моей полков драгуны и салдаты придут и за укомплектованием оными нужды не будет требованием обожду, однаково прошу приказать завременно оным командированным учинить дачу впредь по сообщении от меня могли в надлежащие отправлены быть без замедления»²⁰.

Тяжелая ситуация с продовольствием сложилась и в отряде генерал-майора Бахметева, что видно из письма Ласси от 24 февраля: «Понеже генерал-майор господин Бахметев ко мне репортовал, что при состоящих в ведении ево полках в супсистенцы состоит крайняя нужда и весьма (?) урону, а по нынешним конъюктурам вскорости откудова взять ево небезсумнительно, того ради Вашей светлости определенные на те обретающиеся при нем полки места, кои заняты командою Вашей светлости, егда ис того либо какой по тамошним вашим состояниям притчины быть не может, уступить»²¹. Тем не менее принц Гессен-Гомбургский, как видится, искать компромиссное решение не желал, руководствуясь больше интересами своего корпуса, а не общего дела, и даже пошел на обострение конфликта с полками Бахметева. Ласси же, лишенный возможности оперативно реагировать на развитие событий (письмо принца от 20 февраля он получил только 2 марта) и

беспокоясь о вверенных его заботам полках, был вынужден уступить:

«...состоящие в русском воеводстве поветы, с которых провиант и фураж на довольствие команды Вашей светлости берется, асигнованы были на полки команды моей обретающиеся генерале-майоре господине Бахметеве по силе плана, но когда уже Вашей светлости уступить нельзя и генералу-лейтенанту господину Кейту о недаче со оных на те состоящие при нем Бахметеве полки пропитания публиковать приказали. А и кроме оных, как Вашей светлости известно одно (?), что Вислою пресечено, другое пильзинской поветы по силе армистии на коронные состоящие под командою Киевского воеводы полские войска отданы. Третье: из-за Вислы за употреблением на состоящие при мне полки брать нельзя больше супсистенции ему Бахметеву иметь невозможно. Ежели Ваша светлость по нынешним конъюктурам и по заключенному с Киевским воеводою и вышепомянутым под командою его войски трактата, которым все Его Королевского Величества за законного своего короля и государя признали, асигнованы русского воеводства поветов уступить приказать не изволите, приказал я ему Бахметеву три пехотные полка отпустить ко мне за Вислу, а с прочими податься к Блину (?)» (письмо от 2 марта)²².

Проблема с размещением на квартиры на одной территории полков двух разных корпусов российских войск во время заграничных походов была не нова. Но в этот раз решить ее должным образом, насколько можно судить по неполному комплексу материалов, не удалось, в результате чего генерал Ласси должен был отказаться от выполнения части правительственного плана по размещению войск. Такое развитие событий стало результатом, с одной стороны, отсутствия единого командования войсками непосредственно на театре их действий, а с другой – отсутствия четкого разграничения зон полномочий генерала Ласси и генерал-лейтенанта Гессен-Гомбургского.

Дальнейшее изучение организации управления российскими войсками на отдаленных театрах военных действий, каковым являлась Речь Посполитая, важно не только для лучшего понимания событий 1733–1735 гг., но и последующей Русско-турецкой войны 1736–1739 гг.

- ¹ Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 3. Т. 4. 2-я пол. Описание Польской войны с 1733 по 1735 год. СПб., 1823. С. 86–87, 91–92.
- ² Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. 1735 г. // Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО). Т. 111. СПб., 1901. С. 9–10.
- ³ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 482.
- ⁴ Бутурлин Д.П. Указ. соч. С. 91–96; Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 145–146.
- ⁵ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ). Д. 209. Л. 114 об.–116. (Текст документов, для облегчения восприятия, частично приведен к современной орфографии, и местами расставлены знаки препинания.)
- ⁶ Там же. Л. 125.
- ⁷ Там же. Д. 490. Л. 22 об.
- ⁸ Там же. Л. 21.
- ⁹ Там же. Л. 19–20 об.
- ¹⁰ Переписка английских дипломатов // СИРИО. Т. 76. СПб., 1891. С. 367.
- ¹¹ СИРИО. Т. 20. СПб., 1877. С. 103.
- ¹² Журнал о воинских операциях с 1733 г. по 1737 г. // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 3. СПб., 1893. С. 157–159.
- ¹³ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 209. Л. 129–130.
- ¹⁴ Рапорт Ласси от 4 января 1735 г. // СИРИО. Т. 111. С. 19–20.
- ¹⁵ СИРИО. Т. 108. С. 468.
- ¹⁶ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 118. Л. 18.
- ¹⁷ СИРИО. Т. 111. С. 3.
- ¹⁸ ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 208. Л. 169.
- ¹⁹ Там же. Д. 490. Л. 18, 21 (из местечка Мудриц).
- ²⁰ Там же. Л. 19. (из местечка Сенно).
- ²¹ Там же. Л. 24. (из местечка Апатов).
- ²² Там же. Л. 57. (из местечка Пинчова)

А.С. Кудрец (Санкт-Петербург)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ П.Н. КРАСНОВА

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ Первая мировая война и революционные события преподносились, как правило, с позиции государственной идеологии, что особенно заметно отразилось в мемуарах современников и в художественной литературе. Первая мировая война обычно рассматривалась как пролог революции и практически не нашла отражения в отечественной литературе как война Отечественная, Великая, хотя именно так ее называли современники. По мнению некоторых современных исследователей, Первая мировая война «представляет значительно меньше возможностей для патриотического воспитания, нежели Великая Отечественная война»¹, однако с этим нельзя согласиться. Конечно, события революции и гражданской войны вытеснили в общественном сознании память о Первой мировой, но все же героизм защитников Отечества в 1914–1917 гг. не мог не найти отражения в художественной литературе современников, и здесь одним из наиболее ярких примеров является литературное наследие Петра Николаевича Краснова (1869–1947).

Личность одного из лидеров Белого движения генерала от кавалерии, атамана Всевеликого Войска Донского П.Н. Краснова в настоящее время воспринимаемая как неоднозначная и одиозная, привлекает особое внимание, так как начиная с 1990-х гг. в России переиздаются его литературные произведения. Особое место в творчестве П.Н. Краснова занимают события Первой мировой войны и революции, очевидцем и непосредственным участником которых он был. В справочнике В.И. Карпеева послужной список Краснова за время войны выглядит очень вну-

шительно. Уже в первые месяцы войны награжден Георгиевским оружием, в ноябре 1914 г. произведен генерал-майоры².

21 октября 1914 г. Краснов возглавил атаку на венгерских гусар в районе Хмельников, нанеся противнику значительные потери. В феврале – марте 1915 г., командуя 1-й бригадой 1-й Донской казачьей дивизии, участвовал в боях у Незвиски, где взял в плен венгерский батальон, а также нескольких немецких солдат и офицеров, при этом сам был ранен, но не оставил командование³. Бой проходил в сложных погодных условиях, при сильном буряне, также возникла опасность наступления противника, но казакам удалось не только отстоять свои позиции, но и захватить пленных⁴. Это событие позже было описано в рассказе «О чуде» как один из примеров чудесного спасения по молитве.

В 1915 г. 2-я Сводная казачья дивизия под командованием генерал-майора П.Н. Краснова проявила себя в боях на Юго-Западном, Западном и Северо-Западном фронтах «у Городка, Чертонова, Дзюрина, Миколаева, Мармарош-Сигета,.. на Дунайце, а также на Волыни у Железницы, а затем у Костюховки»⁵. П.Н. Краснов в числе 56 отличившихся офицеров дивизии был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени⁶.

П.Н. Краснов продолжает заниматься литературным творчеством. Надо отметить, что его военная корреспонденция пользовалась успехом у читателей и в годы русско-японской войны. В 1915 г. издан роман Краснова «В житейском море», повествующий о жизни офицеров⁷.

В 1916 г. Краснов, командовавший 2-й Сводной казачьей дивизией, участвовал в знаменитом Брусиловском (Луцком) прорыве⁸. Начавшийся сразу после февральской революции развал армии не позволил России завершить войну победоносно. Действия Краснова в 1917 г. были направлены на поддержание дисциплины и боеспособности вверенных ему частей.

Таким образом, в 1914–1917 гг. Краснов командовал кавалерийскими частями и лично принял участие в ряде сражений, а его собственные впечатления и воспоминания о войне нашли отражение во многих его литературных произведениях. Они охватывают события 1914–1917 гг. – как на фронте, так и в тылу, тема войны постепенно сменяется темой революции и гражданской войны.

Среди обширного литературного наследия генерала мы выбрали ряд художественных произведений, а также очерков и статей, где наиболее полно раскрывается тема Первой мировой войны. Эти романы, рассказы, очерки и статьи были написаны в 1920-е – 1930-е гг. в эмиграции. В центре нашего внимания будут такие романы, как «От Двуглавого орла к красному знамени», «Ненависть», «Единая-неделимая»; рассказы и повести «Рядовой Николаев», «Мы пойдем впереди с красными флагами...», «О чуде», «Две смерти»; очерки «Тихие подвижники», «Душа армии», «Служба в мирное и военное время», «Армия».

В них Краснов отразил собственные впечатления и наблюдения, а также воспоминания хорошо знакомых ему свидетелей и участников отдельных событий. Конечно, его можно упрекнуть в преувеличениях или в пропаганде, но в этой идеализации царской России чувствуется тоска по безвозвратно ушедшей эпохе. Для историков здесь важна не эмоциональная составляющая, а подробное описание военной жизни. Быт солдат и офицеров как в публицистике, так и в художественных произведениях описан с подробностями и вниманием к деталям. Краснов с максимальной точностью стремится изобразить привычную ему среду, подчеркивая происходящие в ходе войны изменения. Образы всех своих героев Краснов берет из жизни, из хорошо знакомой ему среды военных. В очерках представлены воспоминания и размышления Краснова о войне, солдатах и офицерах, военной психологии и политических событиях 1914–1917 гг.

В предисловии к роману «Единая-неделимая» Краснов объяснил цель написания своих самых известных романов: «Только в свободном художественном творчестве историко-бытового романа можно сочетать описание событий с бытом людей и дать полную картину жизни данного времени... Все сцены мирной жизни, войны и смуты описаны или по личным наблюдениям и переживаниям, или по донесениям разведчиков и протоколам полицейских и судебных властей. Те, кого я описываю, жили так, как это написано, и умерли тою ужасною смертью, как я это описал. Я ничего не преувеличивал, ничего не убавлял ни в изображении красивого прошлого, ни в изображении кровавого настоящего»⁹.

События Первой мировой войны и революции нельзя рассматривать по отдельности, так как Краснов постоянно изобра-

жает контраст в жизни, на фронте и в тылу до и после 1917 г. Революционный развал армии, страны и привычного уклада стал трагедией для целого поколения. Не приняв власть большевиков, Краснов в своем творчестве постоянно обращается к теме ушедшей России, воспевая идеалы русского солдата и офицера, русской женщины. В художественных произведениях особенно остро звучит тема разрушения старого мира. Здесь представлены типажи солдат на фронтах Великой войны и тыловые «революционные» солдаты. Описание подвигов на фронте сменяется сценами беснования вооруженной толпы.

Героизм участников войны стал одной из важнейших тем писателя. Обратимся к повести «Рядовой Николаев»¹⁰ (повесть вышла в 1917 г.) о девушке-дворянке Татьяне Николаевне Трубицыной, ушедшей на фронт под именем вольноопределяющегося Терентия Николаева. Это пример того героизма, который был характерен для Российской Императорской армии, не подверженной пропаганде. Тема революции здесь отсутствует. Это история любви на войне, подвиг женщины на фронте. По мнению С.В. Зверева, повесть основана на реальных событиях¹¹. Будучи корреспондентом в годы русско-японской войны, Краснов писал о «кавалерист-девице» Елене Михайловне Смолко. Ряд подобных примеров был и в годы Первой мировой войны: Мария Бочкарева, Мария Захарченко-Шульц, Антонина Пальшина и др. Вероятным прототипом героини повести мог быть доброволец Донского казачьего полка Ф. Балабина (Иван Петров), только после гибели которой выяснилось, что это была девушка. Краснов изложил историю девушки-добровольца как образец мужества и героизма¹².

В небольшом рассказе «Мы пойдем впереди с красными флагами...»¹³ представлены уже события, последовавшие за февральской революцией. Здесь изображается отчаянная и неудачная попытка возродить армию, заставить солдат подчиняться приказам, завершить войну победой. Но даже красные флаги и призывы защитить революцию не смогли подействовать на охваченных антивоенной агитацией солдат, и гибель храброго молодого офицера становится напрасной жертвой. Подобный случай мы находим и в рассказе «Две смерти»¹⁴, посвященном событиям на румынском фронте в 1917 г. Поддавшись революционным настроениям, солдаты отказываются рисковать ради военного ус-

пеха, несмотря на обещанные награды и отпуск. Тогда прапорщик Стойкин возглавляет атаку на немецкий пост и погибает на поле боя. Атака завершается успешно, немецкий часовой захвачен в плен. Контрастно показана другая, совсем не героическая смерть поручика Семенова из-за супружеской измены, ставшей причиной самоубийства на войне. В отличие от Стойкина Семенов занят штабной работой и практически не видит войны, не участвует в кровопролитных сражениях, в его деятельности нет проявлений героизма, а его смерть воспринимается с большим осуждением.

Тема женской судьбы в годы войны и революции раскрывается в романе «Ненависть»¹⁵. Хотя события на фронте в нем освещаются лишь фрагментарно, но они влияют на ход повествования: среди мужских персонажей многие уходят на войну. Так, в самом начале войны погибает сотник Сибирского казачьего полка Геннадий Гурдин, возлюбленный главной героини Жени Жильцовой, но о его смерти она узнает лишь спустя двадцать лет мучительного ожидания. Это история любви, верности, бесконечного ожидания и надежды. Политические события в романе отходят на второй план, здесь нет военного подвига, но сама жизнь героев превращается в борьбу за выживание. Это трагическая история не одной семьи, а всей страны. Революция тоже остается «за кадром», но сразу же происходят разительные перемены в Петрограде. Картины войны и революции переданы через изменения быта и общественной жизни в столице: проводы на войну, обсуждение фронтовых новостей, появление госпиталей и медицинских курсов, прибытие беженцев и военнопленных, ухудшение продовольственной ситуации, политическая пропаганда и распространение слухов.

Особого внимания заслуживает очерк «Тихие подвижники» (1923), в котором затронута проблема мемориализации Первой мировой войны в России, актуальная вплоть до настоящего времени. Очерк написан, вероятно, под впечатлением от памятных мероприятий в Европе, начавшихся сразу после завершения войны, в то время как в России и позже в Советском Союзе братские захоронения и памятники погибшим на фронте нередко подвергались уничтожению, а имена героев оказались забыты. Вероятно, впервые в русской литературе упоминаются символы памяти Первой мировой войны – маки, васильки и ро-

машки. В России только последние 10–20 лет их начали использовать при проведении памятных мероприятий, в то время как для других воевавших стран это распространенная практика.

В очерке отразился ряд сражений, в которых Краснов принимал непосредственное участие: стычка на австрийской границе у Равы Русской 1 августа 1914 г., бои под Залещиками в 1915 г., под Вулькой Галузийской в 1916 г. в ходе Луцкого прорыва, бои под Ивангородом и на Стоходе. Также упоминается гибель одного из казаков под Сарыкамышем. Краснов не воевал на турецком фронте, но он хорошо знал погибшего казака Пороха, с которым «изъездил все Семиречье»¹⁶. Большой интерес представляют упоминания о захоронении погибших в ходе этих сражений. Скорее всего, найти эти могилы уже невозможно. Многие события в этом очерке даются от лица сестры милосердия, имя которой не названо автором. На войне она потеряла жениха, спасла сотни солдат, работая в госпиталях и посещая лагеря военнопленных.

Патриотический подъем и мужество солдат исчезают под воздействием революционной агитации. На смену «тихим подвижникам», воевавшим за Родину, приходят толпы новых «революционных» солдат. Их типажи также нашли отражение в очерке. Краснов постоянно обращается к контрасту в изображении верных присяге солдат-героев и подверженных пропаганде «революционных» солдат, при этом отмечает, что пропаганда на фронте, в отличие от тыловых частей, практически не имела успеха. В плену были лишь отдельные случаи проявления революционных настроений. Кардинальные изменения произошли в 1917 г.: «Во время войны, до революции – два случая на сотни посещений. Потом... Потом все переменялось. Они стали правилом. Для солдат, даже и в плену, стало как будто каким-то шиком богохульствовать, смеяться над Россией, отречься от Родины»¹⁷.

В рассказе «О чуде» Краснов обращается к теме чудесного спасения по молитве и приводит описания нескольких таких случаев из своей жизни. Один из них произошел в 1915 г. в Галиции, где он командовал 10-м Донским казачьим генерала Луковкина полком. В холодные февральские дни немцы и венгры, имея численное превосходство в живой силе, предприняли попытку прорвать фронт, пользуясь неблагоприятными погодными условиями. Однако подоспевшая 5-я казачья сотня есау-

ла Тюрморезова решила исход сражения. Положение осложнялось сильной выюгой и морозом, при котором всё оружие замерзло и не могло стрелять, а среди солдат были случаи обморожения. Казачья сотня, шедшая на смену полевых караулов, атаковала венгерскую пехоту, предотвратив наступление противника¹⁸.

Самое крупное произведение П.Н. Краснова – роман «От Двуглавого орла к красному знамени», во многом автобиографичная история жизни офицера в 1894–1921 гг. Главный герой – Александр Николаевич Саблин – проходит путь от корнета до генерала. Значительную часть повествования занимают события Первой мировой войны и революции, в центре которых оказываются герои. Подробно дано описание сражения с венгерской конницей у города Владимир-Волынский, в ходе которого 65-й пехотный Лейб-Бородинский полк одержал решительную победу¹⁹. Некоторые эпизоды этих сражений переданы также в очерке «Тихие подвижники», но уже от лица самого Краснова, а не его героев. Следующая победа – у Вульки Щитинской и Замошья – становится для Саблина роковой: в этой битве он теряет своего сына Николая²⁰. Описания битв даны очень живо и подробно, чувствуется личное участие автора в изображаемых событиях. Здесь представлены и героизм солдат, и тяготы военного времени, и бессмысленные жертвы, и усталость от войны. Болезненно воспринимает герой революционные события и последовавший за ними развал армии. Здесь также чувствуется трагедия самого Краснова: для потомственного военного развал армии – величайшая катастрофа, остановить которую он был не в силах. Вместе с армией погибает и Россия. Отказавшись подчиниться большевикам, Саблин погибает от руки своего внебрачного сына, выросшего среди революционеров. Спасти из огня гражданской войны и от красного террора удастся лишь дочери Саблина Татьяне. Параллельно рассказана история любви хорунжего Алексея Павловича Карпова к Великой княжне Татьяне Николаевне. Карпов – пример верной службы Государю, он, как и Саблин, смело бросается в бой. Одним из отрицательных персонажей в романе является внебрачный сын Саблина Виктор, выросший в среде революционеров. Его «подрывная работа» в армии начинается с подлого убийства командира, к которому он вошел в доверие²¹.

В этом романе события Первой мировой и гражданской войн отражены наиболее полно. Перекликается с ним роман «Единая-неделимая», также посвященный событиям Первой мировой и гражданской войн, в нем намечается осознание одним из отрицательных героев большевистской лжи. Герои романа – молодой офицер, помещик Сергей Николаевич Морозов и крестьянин Димитрий Ершов. Обоих героев автор изображает и в мирной жизни, и на фронтах Первой мировой. В 1917–1918 гг. Морозов участвует в комаровских боях против австрийцев в 1914 г. на Холмщине²², затем вновь упоминаются события 1915 г., описанные в рассказе «О чуде»²³, но теперь уже глазами героев романа. Для офицера Морозова Первая мировая предстает войной Отечественной, полной героизма и самопожертвования. Ершов, не принимая участия в сражениях, видит совершенно другую картину: «Он не испытывал радости победы, когда после ужаса близкой смерти, частого и близкого щелканья пуль вдруг замирала ружейная перестрелка и наши цепи поднимались вперед, проходя по полям, покинутым неприятелем. Он не знал сладости опереться руками на еще теплое орудие, отбитое нашими у врага, или радости торжественного и медленного вступления в местечко или город, оставленные немцами. Он не знал, что значит ночь после жестокого артиллерийского огня, вдруг смолкнувшего, и что такое сознание, что многие убиты и ранены, а сам жив и цел и вел себя хорошо... Для него все дни были одинаковы. Медленно и скучно плелся он при обозе второго разряда, и война несла навстречу ему только свои отбросы...»²⁴ Подмеченную в этом романе разницу в восприятии войны Краснов осмысляет в публицистических произведениях.

Военная психология исследована П.Н. Красновым в очерке «Душа армии»²⁵, где рассматривается опыт как Первой мировой, так и предыдущих войн, а также опыт создания Красной армии. В значительной степени Краснов опирается на собственный опыт и наблюдения в мирное и военное время, с горечью замечая, что в 1917 г. армия стала не та: войска отступают, даже имея вооружение в достаточном количестве. Краснов разбирает опыт Первой мировой войны на таких примерах, как неудачное наступление армии генерала Самсонова в 1914 г.; приводит определения таких понятий, как «страх», «паника», «толпа», «храбрость»; обращает внимание на важную роль религии на фронте;

описывает влияние толпы и общественного мнения, сравнивает формирование общественного мнения в эпоху двух Отечественных войн – 1812 г. и 1914–1917 гг. – и делает выводы о значении морального воспитания народа и в особенности армии. Вопросам армейской дисциплины на фронтах Первой мировой посвящен также небольшой рассказ «Залещики», где приведено описание одного из сражений с венграми. Большое внимание уделяет Краснов таким атрибутам военной жизни, как знамя и обмундирование, видя в отходе от полковых традиций начало разрушения армии. Разрыв с вековыми традициями, отказ от религии и ненависть к «классовым врагам» наиболее полно отражены в принципах создания новой, Красной, армии. Необходимости воспитания патриотизма как в самой армии, так и в обществе по отношению к ней посвящен очерк «Армия»²⁶.

Таким образом, Первая мировая война занимает важное место в творчестве П.Н. Краснова. В художественных произведениях и публицистике генерал обращается к событиям недавнего прошлого, описывает последние подвиги в многовековой истории Русской армии. При этом автор обращает внимание на героизм «тихих подвижников»: простых солдат, казаков, сестер милосердия, чьи подвиги не были широко известны в годы войны, а после революции оказались совершенно забыты. Война в произведениях Краснова предстает в полном смысле слова Великой, Отечественной. Для него революция стала не просто политическим событием, а личной трагедией, гибелью того государства, которому он служил. Тема гибели России и Русской армии нашла отражение в лучших произведениях Краснова, переведенных на множество иностранных языков. В эмиграции писатель стремился донести до всего мира трагедию России. В публицистике он исследует опыт сражений Первой мировой войны, анализирует ход отдельных сражений, психологию солдат и офицеров, изменения в военной тактике, опыт участия кавалерии в войне. Его наблюдения и исследования остались, в основном, невостребованными в отечественной военно-исторической науке, хотя еще в 1920-е гг. советские историки обратились к изучению опыта Первой мировой войны. В настоящее время произведения П.Н. Краснова переиздаются в России и заслуживают внимания не только как художественная литература, но и как источники для изучения быта, психологии, религиозных взгля-

дов и общественно-политических настроений солдат и офицеров русской армии начала XX в.

¹ Ермаков А.М. История Первой мировой войны в российских школьных учебниках // Франция – Россия, 1914–1918 гг.: от альянса к сотрудничеству. Материалы франко-российского colloquiuma, 15-16 сентября 2014 г., Ярославль / пер. под рук. К.В. Игнатьевой. М.: Политическая энциклопедия, 2015 (Первая мировая. Великая. 1914–1918). С. 259–270.

² Карпеев В.И. Конница. Дивизии, бригады, корпуса. Соединения русской армии. 1810–1917. М.: Рейтар, 2012. С. 205.

³ Зверев С.В. Генерал Краснов. Информационная война. Красноярск: Тренд, 2015 (Белая гвардия) С. 5–6.

⁴ Рыжкова Н.В. Донское казачество в войнах начала XX века. М.: Вече, 2008 (История казачества). С. 114–115.

⁵ Карпеев В.И. Указ. соч. С. 53.

⁶ Зверев С.В. Указ. соч. С. 35.

⁷ Там же. С. 26–27.

⁸ Рыжкова Н.В. Указ. соч. С. 168–171.

⁹ Краснов П.Н. Единая-Неделимая. Роман в 4-х ч. / Пред. и примеч. А.В. Марыняк. М.: «Айрис-пресс», 2004 (Белая Россия). С. 34.

¹⁰ Краснов П.Н. Рядовой Николаев. Сильна как смерть // Нива. 1917. № 7–19.

¹¹ Зверев С.В. Указ. соч. С. 273–274.

¹² Там же.

¹³ Краснов П.Н. Мы пойдем впереди с красными флагами... Июнь 1917 года на N-ом фронте // Нива. 1917. № 38.

¹⁴ Краснов П.Н. Две смерти // Нива. 1917. № 28.

¹⁵ Краснов П.Н. Ненависть. М.: «Литературное наследие П.Н. Краснова», 2016. 324 с.

¹⁶ Краснов П.Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии (Электронный ресурс). URL: http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0060.shtml (Дата обращения: 08.12.2016).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Краснов П.Н. О чуде: личные переживания. [Б. м.]: Русская Церковная Типография Преп. Иова Почаевского во Владимировой у Свидника. Ч.С.Р., 1936. С. 7–10.

¹⁹ Краснов П.Н. От Двуглавого орла к красному знамени: 1894–1921. Роман в 8 ч. Т. 2. Ч. 3–5. Берлин: Русская типография Евгения Ал. Гутнова, 1921. С. 70.

²⁰ Там же. С. 163.

²¹ Там же. С. 225.

²² Краснов П.Н. Единая-Неделимая. С. 319–323.

²³ Там же. С. 332–336.

²⁴ Там же. С. 362.

²⁵ Краснов П.Н. Душа армии: очерки по военной психологии / С пред. проф. ген.-лейт. Н.Н. Головина. Берлин: «Медный всадник», 1927. 164 с.

²⁶ Краснов П.Н. Армия. Белград: «Старое время», 1924.

Н.А. Кузнецов (Москва)

Л.С. БАГРОВ – ОФИЦЕР РОССИЙСКОГО ФЛОТА И ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК КАРТОГРАФИИ

ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ БАГРОВ – всемирно известный историк картографии. Его работы по истории географической карты давно признаны классическими в этой области. Нельзя сказать, чтобы имя ученого было совершенно забыто на Родине. Ему посвящены статьи в Советской и Российской исторических энциклопедиях¹, биографией Багрова занимались исследователи из Дрездена – А.С. Володченко² – и Санкт-Петербурга – В.А. Данилова и О.А. Лазебник³. Две статьи, рассказывающие о его жизни, были напечатаны в основанном Багровым журнале «Imago Mundi» (в 1959 и 2014 гг.)⁴. Несколько биографических статей было опубликовано в зарубежных справочных изданиях. В настоящей работе хотелось бы рассказать о биографии Л.С. Багрова, опираясь, в том числе, на ранее неизвестные архивные материалы, сделав акцент на его службе в Российском флоте. Данный аспект жизненного пути Л.С. Багрова начал исследовать А. Володченко, опираясь на данные послужного списка, хранящегося в Российском государственном архиве Военно-морского флота. Результаты он опубликовал на страницах альманаха «Геоконтекст». Привлечение новых архивных материалов позволяет более подробно осветить биографию Л.С. Багрова и уточнить ряд ее моментов.

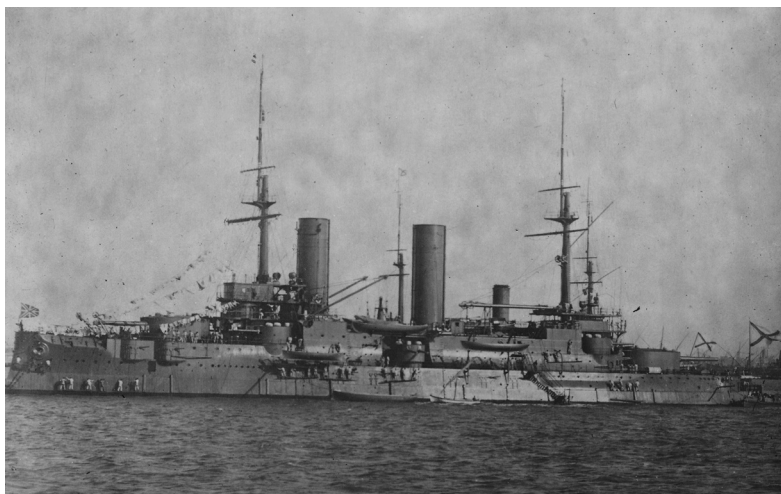
Лев (полное имя – Лев-Эдуард) Семенович Багров родился 12 июня 1881 г. на станции Веретье Пермской губернии в семье инженера путей сообщения Соломона Исааковича Багрова и Генриетты Евгеньевны, урожденной Клейдер⁵. Лев Багров потерял мать в раннем детстве, и его воспитывала мачеха⁶ – Мария Яковлевна, урожденная Рашкович⁷. Соломон (после перехо-

да из иудаизма в лютеранство его имя указывалось в документах как Соломон-Семен) Исаакович Багров (29 февраля 1851 – 28 октября 1928) окончил в 1876 г. Институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге со званием гражданского инженера и всю жизнь работал на железнодорожном транспорте. Он занимал должности начальника участка службы пути Уральской горнозаводской, Самаро-Уфимской и Самаро-Златоустовской железных дорог. В 1881 г., по выслуге лет, С.И. Багров получил чин титулярного советника. Помимо Льва, у него было еще двое детей от первого брака – дочь Полина-Берта (род. 5 марта 1884), сын Эдмунд-Григорий (род. 20 мая 1885) – и дочь Вера-Евгения (род. 11 июня 1894) от второго брака⁸.

В 1902 г. Л.С. Багров окончил частную гимназию Я.Г. Гуревича – одно из лучших средних учебных заведений Санкт-Петербурга. Еще во время обучения у него проявилась склонность к изучению истории, физики и космографии⁹. В 1902–1903 гг. Лев Семенович учился на физико-математическом факультете Императорского Петербургского университета¹⁰. С 1902 г.¹¹ слушал вечерние лекции в Императорском Санкт-

Л.С. Багров, 1902 г. Из фондов
Центрального государственного
исторического архива Санкт-Петербурга

Линкор «Слава» на Большом Кронштадтском рейде, 1908 г.

Петербургском археологическом институте, который окончил в 1904 г. как вольнослушатель¹². Одним из его учителей был историк С.М. Середонин (1860–1914) – специалист в области исторической географии¹³.

8 июня 1905 г. Багров поступил юнкером¹⁴ на флот и был зачислен в 18-й флотский экипаж¹⁵. В этот период он совершил ряд плаваний – на крейсере 1 ранга «Герцог Эдинбургский» (16 июня – 6 июля 1905), крейсере 2 ранга «Африка» (6 июля – 31 августа 1905) и пароходе Добровольного флота «Петербург» (1 ноября 1905 – 20 января 1906)¹⁶. 17 мая 1906 г. Багрова произвели в корабельные гардемарины, и 13 июля он был назначен в плавание на линкор «Слава» (фактически находился на борту с 15 июня)¹⁷.

Корабль, вместе с эскадренным броненосцем «Цесаревич» и крейсером «Богатырь», входил в Отдельный отряд судов, назначенных для плавания с корабельными гардемаринами. 8–11 июня корабли перешли из Ливавы в Кронштадт и начали подготовку к плаванию. В этот период ситуация на Балтийском флоте была очень напряженной из-за революционных выступлений. По свидетельству современного историка С.Е. Виноградова, «... обстановка на “Славе” была чуть ли не самой тревожной. На ко-

рабле до самых последних пор на разных доделочных работах были заняты рабочие Балтийского и Кронштадтского заводов, многие из которых были пропитаны левыми настроениями и активно несли их в матросскую среду»¹⁸. 8 июля на «Славе» был арестован 41 нижний чин. После этого корабли отряда перешли в бухту Рогервик, а затем в Ревель. 17 июля началось восстание в Свеаборге. Через два дня в район крепости для участия в его подавлении ушли «Цесаревич» и «Богатырь». На «Славе» в этот момент шла погрузка угля (возможно, что это было связано именно с недоверием командования к команде корабля). С 20 по 23 июля «Слава» стояла на внутреннем рейде Гельсингфорса. Затем корабли отряда перешли в Ревель, где находились до 5 августа. Силами их личного состава были обеспечены порядок во время следствия и суда над мятежниками, а также исполнение смертных приговоров (всего было расстреляно 35 человек). 9 августа корабли перешли в Кронштадт, где со «Славы» было списано еще 60 нижних чинов. Завершив подготовку к походу, 20 августа корабли вышли в заграничное плавание к берегам Мурман¹⁹.

Но Багров в этом походе не участвовал. Его плавательная практика ограничилась переходами по Балтике, правда в обстановке «приближенной к боевой». Начальство приняло решение об увольнении Льва Семеновича со службы. Об этом ходатайствовал командир гардемаринского отряда контр-адмирал И.Ф. Бострем в день выхода отряда в море²⁰. Неизвестно, что конкретно послужило причиной увольнения корабельного гардемарина Багрова. Скорее всего (как будет ясно из приведенных ниже документов), он просто не был расположен к строевой флотской службе. В некоторых документах фигурирует некий «дисциплинарный проступок», но о чем конкретно шла речь, выяснить пока не удалось.

Уволить Багрова оказалась не так просто. Это было связано с тем, что он поступил на флот юнкером, а срок его действительной службы (2 года) к моменту увольнения еще не закончился. Присвоить же ему офицерский чин ранее его сверстников – корабельных гардемарин, было бы несправедливо и нелогично. «Неудостоение производства в мичманы» нужно было обосновать решением совета офицеров корабля, которого не было. В случае, если бы Багров дослужил обязательный срок в звании

корабельного гардемарина, то его дальнейшая карьера тоже была бы не совсем понятна, так как во «Временном положении о корабельных гардемаринах» 1906 г. указаний по подобным случаям не имелось. Обо всем этом писал старший делопроизводитель VI класса полковник по Адмиралтейству В.Н. Давидович-Нащинский исполняющему должность начальника Главного морского штаба контр-адмиралу А.Г. фон Нидермиллеру 25 августа 1906 г. Последний наложил на рапорт резолюцию, в которой говорилось о полной бесполезности Багрова для флотской службы в настоящем и будущем и подчеркивалось, что он «...подлежит увольнению со службы, по производстве в подпоручики по Адмиралтейству, если можно, то даже без зачисления в запас. Увольнение его со службы не может быть согласовано с действующим законом, это верно, но уволить его нужно во всяком случае и непременно ближайшим приказом... [...] Это настолько необходимо, что морск[ой] минис[тр] согласен сделать о Багрове особый доклад...»²¹ 28 августа 1906 г. Л.С. Багров был произведен в подпоручики по Адмиралтейству и 18 сентября зачислен в запас по Петербургскому уезду²².

Уже задним числом, 6 сентября 1906 г. совет офицеров линкора «Слава», во главе с командиром корабля капитаном 1 ранга А.И. Русиным принял постановление о корабельном гардемарине Л.С. Багрове. В нем говорилось: «...гардемарин Багров в своих действиях и отношениях к службе постоянно проявляет недисциплинарность; при этом, т. к. он сам сознавал свою недисциплинарность и продолжал все-таки быть недисциплинарным, в особенности по отношению к младшим офицерам, то, следовательно, гардемарин Багров не хотел исправиться, подтянуться и быть дисциплинарным, рассчитывая, по-видимому, по тем или иным причинам, что к нему отнесутся снисходительно. Гардемарин Багров очень слаб в познаниях военно-морского дела и не проявлял никакого желания пополнить свои познания [и] являться аккуратнo на занятия.

Гардемарин Багров не умеет управляться на шлюпках и не выказывал никакого желания пополнить этот пробел.

Гардемарин Багров по личной инициативе никогда не занимался судовым делом и службою, а если чем и интересовался, то скорее вопросами посторонними, мало или совсем не относящимися к морскому делу.

Вообще гардемарин Багров представляет тип человека, интересующегося только тем, что не входит в круг его обязанностей и его прямого дела; обязанностями же и прямым своим делом гардемарин Багров манкирует, почему и является не только бесполезным и нежелательным для флота элементом, но даже вредным, т. к. подает собой дурной пример нижним чинам своей недисциплинарностью, неисполнительностью, отсутствием познаний в морском деле»²³.

В чем была причина столь быстрого завершения флотской карьеры Багрова, пока так и не выяснено. Казалось бы, служба в Российском Императорском флоте должна была остаться для него навсегда в прошлом. Но в дальнейшем он возвращался на нее еще два раза.

В 1906 г. Багров вместе со своим другом – однокашником по гимназии и коллегой – географом Д.Д. Рудневым (1879–1932) организовали при Петербургском университете первый в России студенческий географический кружок, преобразованный в 1910 г. в Географическое бюро при отделе естествознания Педагогического музея военно-учебных заведений²⁴. Помимо географии настоящей страстью Л.С. Багрова стала музыка. Он даже думал отказаться от научной карьеры в пользу музыкальной, но этому воспротивился его отец. Лев Семенович дружил с выдающимся русским композитором И.Ф. Стравинским и другими музыкантами. В 1909 г. Багров женился на Ольге Михайловне Ладан, с которой он познакомился несколькими годами ранее в Тамбове. Она была хорошей певицей, и они занимались музыкой вместе²⁵.

В 1907 г. Багров поступил вольнослушателем на кораблестроительное отделение Санкт-Петербургского политехнического института. В прошении на имя декана он писал: «...о приеме в институт я прошу с самого первого года его существования, но не мог быть принят, т. к. не удовлетворяю [условиям] конкурса аттестатов (имею в аттестате 4,5), в число вольнослушателей также не мог попасть в этом году, ввиду того, что недавно был выпущен в запас с флота в чине подпоручика по Адмиралтейству». В прошении Багров отметил: «...мне кажется, что я уже больше знаком с морским делом и кораблем, чем окончившие среднее учебное заведение»²⁶. Из Политехнического института Багров был отчислен «по случаю безвестного от-

сутствия»²⁷, вызванного участием в арктической экспедиции, в 1912 г. (о чем будет сказано ниже), хотя фактически он перестал там учиться раньше в связи с возвращением в состав военно-морского флота.

20 мая 1907 г. Багров подал прошение на Высочайшее имя о приеме на службу²⁸, и 27 октября 1908 г. он был зачислен в Кронштадтский флотский полуэкипаж. 16 октября 1909 г. его назначили производителем гидрографических работ в Отдельную съемку Каспийского моря (так в XIX – начале XX вв. назывались подразделения, выполняющие гидрографические работы). Ровно через месяц его прикомандировали к Главному гидрографическому управлению для занятий на зимнее время. 22 марта 1910 г. Багрова назначают производителем работ в Комиссию по обзору финляндских шхер. В это же время он сдал теоретические экзамены по курсу временных штурманских классов при Главном гидрографическом управлении²⁹.

22 июля 1911 г. председатель Комиссии по обзору финляндских шхер капитан 1 ранга И.В. Студницкий подал рапорт на имя начальника Главного гидрографического управления. В нем он писал: «...во вверенной мне комиссии подпоручик Багров состоит с весны прошлого 1910 года и ревностным исполнением своих обязанностей заслуживает милостивого внимания начальства, а потому ходатайствую о переименовании его в мичманы флота, как это имело уже пример с другими подпоручиками, произведенными из корабельных гардемарин вместе с ним»³⁰. Рапорт был поддержан, и 8 августа 1911 г. Л.С. Багрова перевели во флот мичманом со старшинством с 27 октября 1910 г.³¹ В аттестации от 23 августа 1911 г. Студницкий писал о Багрове: «Вообще очень сведущий человек. Окончил курс Археологического института и слушал курс Политехнического института»³². 15 апреля 1912 г. Багрова перевели в Сибирский флотский экипаж для службы на Амурской речной флотилии, но, по всей видимости, к месту нового назначения он не поехал, а 4 июня 1912 г. был зачислен в запас флота³³.

На становление Л.С. Багрова как ученого повлияло знакомство с коллекцией карт Н.А.Э. Норденшельда – выдающегося шведского геолога и географа, исследователя Арктики. Он ознакомился с ней в университете Гельсингфорса в период своих плаваний 1910–1912 гг.³⁴ Первая научно-популярная работа Багрова – «Че-

Судно «Нимрод» в Карском море, 1912 г.

ловек под водой» – была издана в 1910 г. Санкт-Петербургским педагогическим музеем военно-учебных заведений.

В том же году Багров и Д.Д. Руднев приняли участие в арктической экспедиции, которую проводили Почтово-телеграфное ведомство и Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов. Ее задачей было обеспечение приборами и оборудованием строящихся тогда же на побережье Карского моря первых радиотелеграфных станций. Постройкой зданий занималось Почтово-телеграфное ведомство (материалы доставлялись на трех зафрахтованных пароходах, среди которых были «Иоанн Богослов» и «Вассиан»), а обеспечением станций оборудованием – Русское общество беспроволочных телеграфов и телефонов (для обеспечения работ им было куплено судно «Нимрод»). Эту часть экспедиции и возглавлял Багров.

11 июля 1912 г. «Нимрод» покинул Кронштадт (куда пришел из Англии) и, зайдя в несколько норвежских портов, пришел в Александровск, откуда ушел 4 августа. 13 августа «Нимрод» подошел к острову Соколий в проливе Югорский Шар и участники экспедиции начали разгрузку материалов и оборудования

для будущей радиостанции. Удалось доставить материалы и на северную оконечность Вайгача, а вот к мысу Марс-Сале (расположенному в западной части полуострова Ямал) суда пробиться не смогли из-за тяжелой ледовой обстановки. Экспедиция оставила рабочих на Вайгаче и на побережье Югорского Шара (по два человека) и вернулась в Архангельск. 26 сентября ее участники прибыли в Санкт-Петербург³⁵.

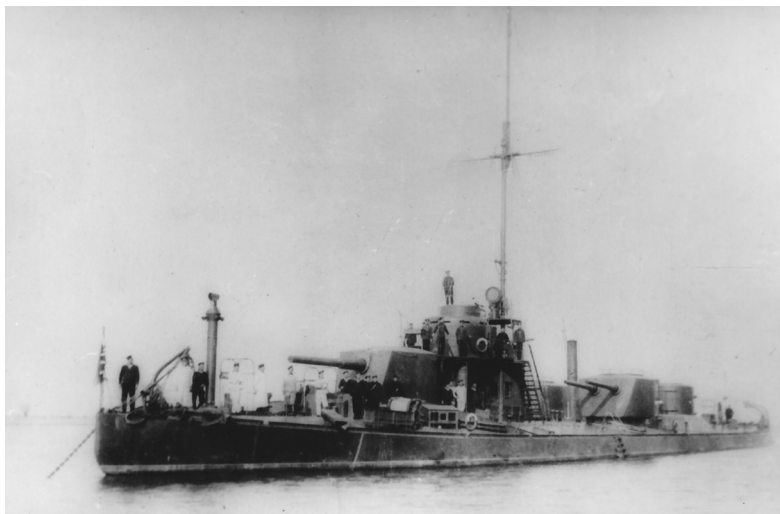
В том же году появилась первая работа Багрова по истории картографии – «Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря»³⁶.

В 1913 г. Багров организовал картографический отдел на выставке «Русская Ривьера», посвященной Черноморскому побережью Кавказа³⁷. В том же году он побывал на Дальнем Востоке, где работал над вопросами организации рыбной промышленности. Тогда же Лев Семенович посетил Японию, Корею, Китай, Сiam (ныне Таиланд) и Бирму, где пополнил свою коллекцию географических карт, которую начал собирать ранее³⁸. В 1914 г. при Докучаевском почвенном комитете были учреждены Высшие географические курсы, на которых Багров преподавал и был секретарем. В 1918 г. их преобразовали в Географический институт, который впоследствии вошел в состав Ленинградского университета в качестве географического факультета³⁹.

С началом Первой мировой войны Багров вновь вернулся на флот. 26 октября 1914 г. он явился по мобилизации во 2-й Балтийский флотский экипаж. Три дня спустя его прикомандировали для занятий к Петроградскому порту, а 10 ноября зачислили в экипаж с прикомандированием к Мобилизационному отделу Петроградского порта. 10 апреля 1916 г. Багрова произвели в лейтенанты (по линии)⁴⁰.

3 августа 1916 г. его перевели в Сибирский флотский экипаж для службы в Амурской речной флотилии, куда он прибыл 17 августа и 20 августа получил назначение исполняющего должность старшего офицера канонерской лодки «Шторм»⁴¹.

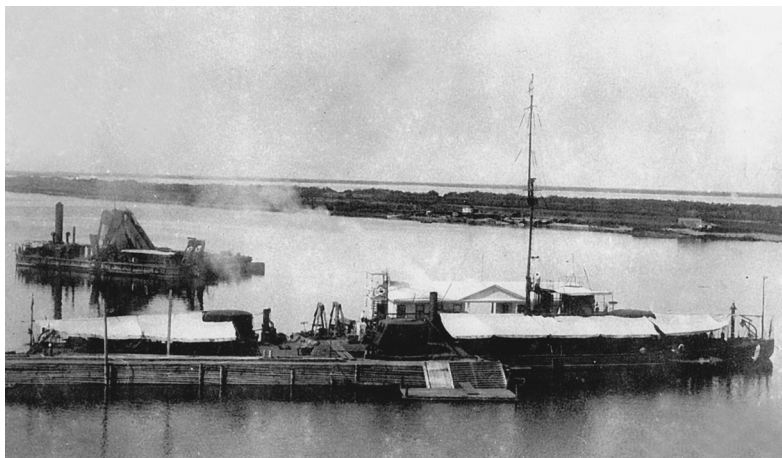
Сам Багров объяснял свой перевод на Амур участием в процессе по делу заведующего мобилизационной частью Петроградского порта А.Н. Афанасьева (подробности дела, к сожалению, неизвестны) и утверждал, что его показания «...были признаны, как защитой, так и судом, весьма важными и ... побудили прокурора отказаться от обвинения, а суд – считать капитана 1-го

**Канонерская лодка «Шорм» Амурской речной флотилии,
1910–1914 гг.**

ранга Афанасьева оправданным за неполучением должествующих указаний от Главного морского штаба»⁴². Багров утверждал, что его показаниями остался недоволен кто-то из высших чинов штаба. После этого он написал ряд рапортов на имя командира Петроградского порта (с предложением расследовать факт того, что якобы Багров дал на подпись своему начальнику бумагу, которую тот подписал не читая). Они остались без ответов, а «неудобному для начальства» лейтенанту предложили продолжить службу в Архангельске, хотя сам он настаивал на том, чтобы его откомандировали в Министерство земледелия, где он служил до войны. В итоге Багров отправился еще дальше, на Амурскую флотилию⁴³.

«С началом Первой мировой войны Амурская флотилия, представлявшая собой внушительную боевую силу, оказалась вне сферы боевых действий. В конце августа 1914 – первой половине 1915 года башенные лодки разоружили и сдали в порт на хранение. Четыре башенных лодки («Гроза», «Вихрь», «Тайфун» и «Вьюга») лишились всех механизмов, со «Шорма» и «Урагана» сняли по два из четырех дизелей, а со «Шквала» и «Смерча» – по одному.

Одна из канонерских лодок Амурской речной флотилии, 1917 г.

Сняли и отправили на фронт и всю артиллерию с шести кораблей (кроме “Смерча” и “Шквала”, которые и остались частично боеспособными)» – писал историк И.И. Черников⁴⁴. Неудивительно, что у Багрова во время службы на Амурской флотилии было время на продолжение своих научных занятий. Он участвовал в работе кружка офицеров Амурской речной флотилии, который выпускал свой журнал (на правах рукописи) – «Вестник Амурской флотилии». В 1915–1916 гг. в шести номерах «Морского сборника» вышла обстоятельная работа Багрова «Очерки Мировой войны на море» (фамилия автора указана только во 2-м и 3-м номерах журнала за 1916 г.), напечатанная в 1916 г. отдельной книжкой. В 1917 г. в Спасском Затоне на Амуре была издана небольшая книга Багрова «Пособие по истории географии»⁴⁵.

В конце января 1917 г. Багров подал рапорт о переводе его с Амурской флотилии на какой-либо другой флот и предоставлении ему отпуска по болезни⁴⁶. Его обследовала врачебная комиссия Хабаровского местного лазарета и 19 января 1917 г. выдала свидетельство о состоянии здоровья, в котором был указан диагноз: «Невралгия седалищного нерва, привычная головная боль, невроз сердца, катар евстахиевых труб». В заключении комиссии указывалась необходимость перевода Багрова для дальней-

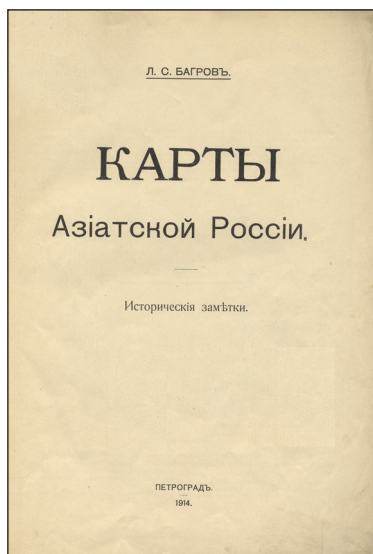
шей службы в более благоприятное место и предоставления отпуска для лечения на водах⁴⁷.

Пока между Петроградом и Хабаровском велись переговоры о возможности перевода Багрова на Балтику, он, беспокоясь о своей судьбе, 11 марта 1917 г. написал уже цитированный выше рапорт вице-адмиралу князю Н.А. Вяземскому, инспектировавшему Амурскую флотилию. В конце документа Багров пишет: «... я вижу, что я являюсь нежелательным элементом во флоте, так как все мои законные просьбы не удовлетворяются. Разве я не вправе просить по болезни отпуска и перевода, особенно когда соглашаюсь принять на свой счет переезд и когда имеется офицер, желающий меня подменить? Только условия военного времени не позволяют мне просить об увольнении меня совершенно от службы на Флоте, что я не премину сделать при первой возможности»⁴⁸.

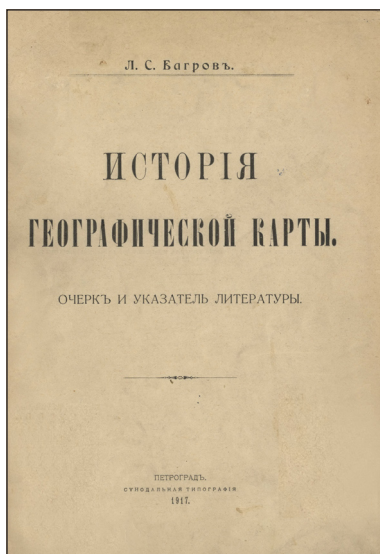
29 марта 1917 г. Багров отправил телеграмму на имя начальника Главного морского штаба. В ней он описывал свои «мытарства», связанные с переводом и выражал готовность лично приехать в Петроград для изложения подробностей непосредственно начальству⁴⁹. Приказ о переводе вышел 4 апреля 1917 г., а 16-го лейтенант Багров убыл в Петроград⁵⁰. Приказом командующего флотом Балтийского моря от 7 июня 1917 г. Багров из 1-го Балтийского флотского экипажа был списан в распоряжение Главного морского штаба, для назначения в распоряжение начальника Управления грузовыми перевозками Балтийского моря. Последней должностью Льва Семеновича в Российском флоте стало временное исполнение обязанностей начальника Управления грузовых перевозок Балтийского моря (об этом говорилось в приказе по флоту и морскому ведомству № 182 от 6 марта 1918 г.)⁵¹.

К моменту завершения своей флотской карьеры Лев Семенович Багров уже сформировался как ученый. К 1917 г. помимо статей вышел ряд фундаментальных исследований: «Первая карта Московской губернии (1711 г.)» (СПб., 1913); «Древние карты Черного моря» (СПб., 1914); «Карты Азиатской России» (Пг., 1917); «История географической карты. Очерк и указатель литературы» (Пг., 1917) и др.

В ноябре 1918 г. Багров вместе с женой (и, возможно, другими членами семьи) эмигрировал в Берлин, где они прожили 27 лет.

**Титульный лист книги
Л.С. Багрова «Карты Азиатской
России. Исторические заметки»
(Пг., 1914)**

**Титульный лист книги
Л.С. Багрова «История
географической карты. Очерк
и указатель литературы»
(Пг., 1917)**

За рубежом Л.С. Багров публиковался под именем Лео Багров (Leo Bagrow). В первые годы эмиграции ради заработка работал коммерческим агентом в различных фирмах. В 1923 г. в Берлине издательством «Б. Клейбер и Ко» была выпущена его работа «Структура предпринимательских организаций». Он посетил многие страны Европы, Азии, Африки и Северной Америки. Во время командировок пополнялась его коллекция карт, ему удалось заниматься в архивах и библиотеках⁵².

В начале 1920-х гг. Багров работал советником у крупного немецкого предпринимателя и политика Гуго Стиннеса (1870–1924). В 1923 г. он уговорил его приобрести «Хорографическую чертежную книгу Сибири» С.У. Ремезова (1697), выставленную на продажу в Москве, – ценнейший источник по истории и географии. После смерти Стиннеса в 1924 г. атлас оказался в распоряжении Багрова⁵³. Существует версия, что ученый сам вывез ее при эмиграции из России⁵⁴. В 1958 г. Багров издал этот памятник

ник в черно-белом варианте. Оригинал «Хорографической книги» был приобретен после смерти Багрова Гуфтоновской библиотекой Гарвардского университета (США) вместе с другими уникальными экспонатами его коллекции. Там он и хранится в настоящее время. В 2011 г. этот уникальный памятник был издан тиражом 600 экз. «Фондом возрождения Тобольска».

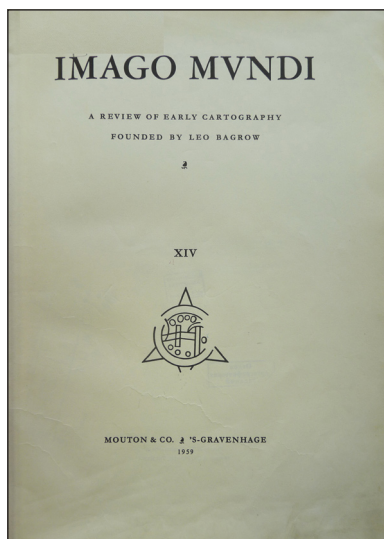
В марте 1927 г. Багров основал кружок любителей русской старины, просуществовавший до 1933 г. (годом ранее вышел единственный сборник его трудов, где была опубликована статья Багрова «Приоритет открытия Амура, Татарского пролива и Сахалина»). В 1934 г. часть коллекции восточных карт Багрова экспонировалась на выставке, организованной Японским институтом в Берлине⁵⁵.

В 1930-е гг. Багров задумал целый ряд глобальных проектов, относящихся к истории картографии. Среди них каталог карт XVI в. (сохранился в рукописи), энциклопедия ранних карт (ее создание не удалось осуществить), фундаментальная монография по истории картографии (работа завершилась в 1943 г., книга вышла в 1951 г., но автор остался недоволен качеством воспроизведения иллюстративного материала) и, главное, журнал по истории картографии, получивший название «Imago Mundi» («Изображение Мира»), другой вариант перевода – «Образ Мира»⁵⁶.

Его первый том вышел в Берлине в 1935 г., второй и третий – в Лондоне (в 1937–1938). Затем в издании наступил перерыв до 1947 г. Следующий выпуск появился в Швеции. После смерти Багрова журнал несколько раз менял места издания, главных редакторов и состав редколлегии. В настоящее время он издается в Великобритании и продолжает оставаться самым авторитетным

Титульный лист книги
Л.С. Багрова («История
картографии»), изданной в 1951 г.
в Берлине на немецком языке

**Обложка одного из номеров
журнала «Imago Mundi»,
основанного Л.С. Багровым**

изданием в области истории картографии⁵⁷.

Л.С. Багров готовил и другие работы, к сожалению не увидевшие свет. К 1930 г. он создал географическое описание СССР в форме словаря. В качестве образца был выбран «Географическо-статистический словарь Российской Империи», подготовленный русским географом и путешественником П.П. Семеновым-Тянь-Шанским и вышедший в 1863–1885 гг. Багров предполагал включить в свой словарь «...все населенные места, административные, крупные (до 3000 населения или исторически интересные) ... все железнодорожные станции, ... все совре-

менные административные деления, до уездов включительно, географические ландшафты, горы, реки, моря, озера и т. п., отдельные племена и народы»⁵⁸.

В 1943 г. Лев Семенович возглавлял авторский коллектив фундаментальной «Энциклопедии Россика», которая должна была объединять сведения по истории, географии, политике и другим вопросам России и СССР в период до 1939 г.⁵⁹

Во время Второй мировой войны научная деятельность Багрова в области истории картографии практически остановилась. В мае 1945 г. он вместе с женой и ручным воробьем (ученый всю жизнь очень любил птиц) перелетел из Берлина в Стокгольм на шведском самолете. Фактически для него началась вторая эмиграция. Часть коллекции и архива ему удалось передать в шведское посольство и впоследствии вывезти, но ряд материалов погиб. В Швеции Багров смог продолжить работу. Более того, по словам шведских ученых, «его энергия и энтузиазм пробудили интерес к истории картографии, который практически отсутствовал со времен Норденшельда»⁶⁰. Уже в 1947 г. Багров орга-

низовал выставку старинных карт. Возобновились и издание журнала, который взял под покровительство король Густав VI Адольф. В 1952 г. Багров стал гражданином Швеции (в Германии он был лицом без гражданства). Продолжались и его заграничные поездки, последней из которых стал визит в Эфиопию в 1956 г.

Скоропостижная смерть 9 августа 1957 г. прервала его плодотворную работу. Лев Семенович Багров похоронен на православном кладбище в Гааге⁶¹. Несмотря на то что он не состоял в каких-либо морских эмигрантских организациях и, по всей видимости, не поддерживал связей со своими сослуживцами по Российскому флоту, о его смерти сообщил «Бюллетень Общества офицеров Российского Императорского флота в Америке» – главный орган связи русского морского зарубежья в послевоенный период⁶².

Л.С. Багров
в последние годы жизни

В конце жизни Багров предложил приобрести свою уникальную коллекцию Академии Наук СССР (через президента Географического общества СССР в 1940–1950 гг. академика Л.С. Берга). 6 марта 1956 г. предложение (повторно поступившее через видного советского географа-картографа К.А. Салищева, встречавшегося с Багровым во время командировки в Швецию) рассматривалось на заседании Ученого совета общества, члены которого посчитали целесообразным принять его⁶³. 12 апреля 1956 г. президент общества академик Е.Н. Павловский обратился к председателю Совета министров СССР Н.А. Булганину с просьбой рассмотреть возможность выделения 29 тысяч долларов для приобретения коллекции Багрова. «Достоинство Советского Союза и интерес науки требуют, чтобы памятники прошлого, составляющие гордость русского народа, вернулись в нашу страну», писал Павловский⁶⁴. 19 июня 1956 г. начальник планово-финансового отдела Академии Наук СССР П.Г. Шидловский сообщил Павловскому, что предложение было рассмотрено Академией Наук и Министерством финансов СССР, которые пришли к выводу о том, что «...в настоящее время эта покуп-

ка не может состояться ввиду отсутствия средств»⁶⁵. В настоящее время коллекция Багрова хранится в США.

До последнего дня своей жизни Л.С. Багров мечтал о возвращении на Родину. Об этом он писал в предисловии к двухтомному труду по истории русской картографии в период до 1800 г., увидевшему свет лишь после смерти ученого: «...Я отложил публикацию настоящей книги, надеясь, что мне представится возможность завершить ее, изучив материалы, хранящиеся в русских библиотеках и архивах. Однако время идет, а шансов вернуться в Россию и возобновить там свою работу становится все меньше. Я боюсь, что, когда такая возможность появится, будет уже слишком поздно – я стану похож на белку из басни Крылова: “...дали орехов белке, когда зубов не стало”»⁶⁶.

Заслуги Багрова всегда признавались отечественными учеными. Несмотря на то что в эмиграции у него вышли всего три статьи на русском языке, К.А. Салищев справедливо отметил в 1974 г., что Багров всегда был «...русским ученым, каким он в своих научных интересах оставался до самой кончины»⁶⁷.

Автор благодарит за помощь в работе над статьей и предоставленные материалы кандидата исторических наук А.Ю. Емелина (Санкт-Петербург), заведующую Отделом картографических изданий Российской государственной библиотеки Л.Н. Зинчук (Москва), аспиранта Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Д.А. Тимохину (Москва).

¹ Гольденберг Л.А. Багров Лев (Лео) Семенович (1881–1957) // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. Ст. 37–38; Телицын В.Л. Багров, Лев Семенович (Лео Багров) (24.06.1881, Соликамск – 09.08.1957, Гаага) // Российская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 2015. С. 248.

² Wolodtschenko A. Leo Bagrow: einige Bemerkungen zum 125.Geburtstag // 13. Kartographiehistorisches Colloquium und 9. Dresdner Sommerschule für Kartographie. 20.-23.September 2006. Dresden, 2006. S. 211–214;

Wolodtschenko A. Leo Bagrow als Marineoffizier der Russischen Kaiserlichen Flotte // Alexander Wolodtschenko A., Schlichtmann H. Diskussionsbeiträge zur Kartosemiotik und zur Theorie der Kartographie. Internationales Korrespondenz-Seminar. Vol. 13/2010. Dresden, 2010. S. 50–51; Володченко А. Лев (Эдуард) Семенович Багров: лейтенант Российского Императорского флота // Геоконтекст. Научный альманах. 2015. № 3. С. 30–49.

³ Данилова В.А., Лазебник О.А. Историк картографии Лев Семенович Багров // Геодезия, картография, геоинформатика и кадастры. От идеи до внедрения.

Сборник материалов международн. науч.-практич. конф. Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2015 г. СПб., 2015. С. 245–248.

⁴ Skelton R.A. Leo Bagrow: historian of cartography and founder of Imago Mundi, 1881–1957 // *Imago Mundi*. 1959. Vol. XIV. P. 5–12. Heffernan M., Delano-Smith C. A Life in Maps: Leo Bagrow, Imago Mundi, and the History of Cartography in the Early Twentieth Century // *Imago Mundi*. 2014. Vol. 66. Suppl. 1. P. 44–69.

⁵ ЦГИА СПб (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга). Ф. 14. Оп. 3. Д. 39765. Л. 5.

⁶ Skelton R.A. *Op. cit.* P. 7.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 39765. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 7–8. Последние новости. Париж. 1928. 1 нояб. № 2780.

⁹ Там же. Л. 3об.–4.

¹⁰ Там же. Л. 3 об., 15.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Яковлев П.С. Памятная книжка Императорского археологического института в С.-Петербурге 1878–1911 гг. СПб., 1911. С. 64.

¹³ Skelton R.A. *Op. cit.* P. 7.

¹⁴ Юнкер флота – молодой человек с высшим гражданским образованием, поступивший на службу во флот с намерением сдать экзамен для производства в мичманы (с 1906 г. – в корабельные гардемарины) после установленной флотской практики (Лобыцын В., Савинов А. Словарь // *Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М. – Феодосия, 2001. С. 177*).

¹⁵ РГАВМФ (Российский государственный архив Военно-морского флота). Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 6 об., 9.

¹⁸ Виноградов С. Броненосец «Слава». Непобежденный герой Моонзунда. М., 2011. С. 66–67.

¹⁹ Там же. С. 67–69.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2321. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 10 об., 19.

²³ Там же. Л. 17–17 об.

²⁴ Володченко А. Указ. соч. С. 41.

²⁵ Skelton R.A. *Op. cit.* P. 7.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 3. Д. 358. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 20, 21.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2321. Л. 25.

²⁹ Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

³⁰ Там же. Ф. 873. Оп. 2. Д. 8. Л. 5.

³¹ Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

³² Там же. Ф. 873. Оп. 2. Д. 8. Л. 11 об.

³³ Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.

³⁴ Skelton R.A. *Op. cit.* P. 7.

³⁵ Багров Л. Экспедиция в Карское море // *Вестник телеграфии без проводов*. 1912. № 1. С. 14–20; 1913. № 3. С. 99–101.

³⁶ Багров Л. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря // *Записки по гидрографии*. 1912. Вып. XXXV. С. 1–112.

³⁷ Володченко А. Указ. соч. С. 39–40.

- ³⁸ Skelton R.A. Op. cit. P. 7.
- ³⁹ Володченко А. Указ. соч. С. 42–44.
- ⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.; Ф. 417. Оп. 4. Д. 2085. Л. 110.
- ⁴¹ Там же. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.
- ⁴² Там же. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2085. Л. 120 об.
- ⁴³ Там же. Л. 121.
- ⁴⁴ Черников И.И. Мониторы типа «Шквал». СПб., 2009. С. 20.
- ⁴⁵ Володченко А. Указ. соч. С. 34–36.
- ⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2085. Л. 120.
- ⁴⁷ Там же. Л. 122–122 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 121.
- ⁴⁹ Там же. Л. 134.
- ⁵⁰ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-136. Л. 6 об.
- ⁵¹ Информация предоставлена кандидатом исторических наук А.Ю. Емелиным.
- ⁵² Skelton R.A. Op. cit. P. 8.
- ⁵³ Heffernan M., Delano-Smith C. Op. cit. P. 46–47.
- ⁵⁴ Булатов В.Э. «Хорографическая чертежная книга Сибири» С.У. Ремезова // Ремезов С.У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск, 2011. С. 11–12.
- ⁵⁵ Skelton R.A. Op. cit. P. 8.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Heffernan M., Delano-Smith C. Op. cit. P. 47–50.
- ⁵⁸ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5865. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
- ⁵⁹ АРАН (Архив Российской Академии наук). Ф. 1609. Оп. 2. Д. 126. Л. 1.
- ⁶⁰ Skelton R.A. Op. cit. P. 9.
- ⁶¹ Там же. P. 10.
- ⁶² Association of Russian Imperial naval officers in America, Inc. Бюллетень. 1958. № 3. С. 53.
- ⁶³ НА РГО (Научный архив Русского географического общества). Ф. 1-1957. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 1-1956. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 5.
- ⁶⁵ Там же. Л. 15.
- ⁶⁶ Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 6. В 2004–2005 гг. московским издательством «Центрполиграф» были «пиратски» переведены и изданы две работы Багрова «История картографии» и «История русской картографии». Их перевод выполнен с настолько чудовищными искажениями, что пользоваться данными книгами практически невозможно. Хочется верить, что рано или поздно научное наследие Л.С. Багрова вернется к отечественному читателю в полном и неискаженном объеме.
- ⁶⁷ Полевой Б.П. Двухтомная история картографии России Л.С. Багрова (до 1800 г.) // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. 1979. № 5. С. 131.

*М.Р. Кулиев (Нахичевань,
Азербайджанская Республика)*

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КАЛБАЛЫ-ХАН II НАХИЧЕВАНСКИЙ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КАЛБАЛЫ-ХАН II, сын Эхсан-хана Нахичеванского, внес достойный вклад в историю русского и азербайджанского военного дела. Впрочем, то же можно сказать о многих представителях племени кенгерли, которые после 1828 г., когда завершилось соединение северо-азербайджанских ханств Россией, без преувеличения, вписали свои имена золотыми буквами в военную историю двух стран. Вот что написано в сообщении начальника Эриванского кавалерийского полка генерал-лейтенанта Врангеля на имя главнокомандующего Кавказской армией от 30 июля 1853 г.: «Считаю своим долгом еще раз засвидетельствовать перед вашим высочеством безграничную доблесть наших войск. Офицеры и солдаты идут в бой с охотой, легко раненные не покидают фронта, а раненые остаются на поле битвы, и фельдшеры оказывают им помощь прямо на месте. Кроме упомянутых в моем первом сообщении от 18 июля капитана Исмаил-хана и подпоручика Калбалы-хана, я должен назвать имена прапорщиков Али-хана и Паша-хана из мусульманской бекской дружины, капитана Гусейна Султана из 4-го мусульманского полка. Во время наступления Исмаил-хан и Калбалы-хан шли во главе своих частей, показывая пример бесстрашия. В боях они принимали участие наравне с теми, кто упоминается в этом сообщении»¹.

Упомянутый в сообщении капитан Калбалы-хан и есть будущий генерал-майор Калбалы-хан Нахичеванский, о котором пойдет речь ниже. Он родился в 1824 г. в Нахчыване. В его послужных книгах, которые хранятся в Российском государственном архиве военной истории и Национальном архиве Грузии,

нет упоминания даты его рождения². Начальное образование получил в родном городе, а затем отец, генерал-майор Эхсан-хан отправил его в Петербург, где он учился в Пажеском корпусе³. Согласно архивным документам, в 1846 г. он по болезни, с разрешения императора Николая I вернулся в Нахчыван, где некоторое время лечился⁴.

В 1848 г. Калбалы-хан был назначен начальником милиции в Нахчыване. Вскоре он получил приказ выступить во главе подразделения конницы кенгерли на Северный Кавказ, где Россия вела войну против горцев. Кавалеристы из Нахчывана приняли участие в знаменитых боях под Тергемилем 1848 г., где Калбалы-хан и получил первое офицерское звание⁵.

Нужно заметить, что после кончины Эхсан-хана император Николай I проявлял большую заботу о его детях, назначив его сыновьям «штабс-капитану Исмаил-хану и Калбалы-хану годовое содержание в 250 рублей серебром, а дочери Лалабейим – 150 рублей серебром»⁶.

21 мая 1849 г. Калбалы-хан был произведен в прапорщики. 14 апреля 1851 г. он с учетом собственного пожелания был назначен младшим чиновником по особым поручениям при губернаторе Иреванской губернии, а 13 декабря того же года – старшим чиновником. 30 января 1853 г. за образцовую военную службу он был произведен в подпоручики. К октябрю того же года Калбалы-хан уже подготовил отряд в 300 всадников. Однако в это самое время российское правительство приняло решение расформировать знаменитую конницу кенгерли, боясь возможного широкомасштабного восстания мусульманского населения на Кавказе. Тогда Исмаил-хан при помощи родственников сформировал в Иреване бекскую дружину, куда записы-

**Полковник Калбалы-хан
Нахичеванский.
Фотография 1864–1871 гг.**

вались сыновья ханов и беков. 14 мая 1854 г. Калбалы-хан был официально назначен начальником бекской дружины⁷. 17 июля в боях на высоте Чынгыл в ходе Крымской войны он проявил особую отвагу, за что 15 апреля 1855 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени⁸.

16 августа 1856 г., после заключения мира Калбалы-хан был принят в Гусарский полк лейб-гвардии императора в звании поручика. В следующем, 1857 году он был удостоен ордена «Лев и Солнце» 2-й степени иранской монархии⁹.

22 сентября 1859 г. Калбалы-хан как кадровый военный был направлен в Кавказскую армию, где быстро снискал уважение командования.

12 апреля 1859 г. был произведен в штабс-ротмистры, а 3 апреля 1860 г. – в ротмистры. 22 июня 1862 г. Калбалы-хан был уволен в запас и назначен инспектором по охране земель Иреванской губернии. 19 апреля 1864 г. ему было присвоено воинское звание полковника¹⁰. За время работы в области охраны земель Калбалы-хан активно участвовал в мероприятиях по строительству водопровода и ирригации в окрестностях Нахчывана и Иревана, а также в благотворительности¹¹.

19 июля 1867 г. Калбалы-хан был освобожден от должности инспектора и вновь призван на военную службу в Кавказскую армию. За заслуги в подготовке рядовых 28 марта 1871 г. был удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени, причем ему вручили вариант ордена для военнослужащих-мусульман, украшенный российской императорской короной¹². Калбалы-хан был назначен в кавалерийское соединение Кавказской армии, а 14 сентября 1874 г. произведен в генерал-майоры¹³. В этот период он служил при наместнике Кавказа великом князе Михаиле Николаевиче Романове (находясь в списке Гусарского полка лейб-гвардии Его величества), и поэтому жил в Тифлисе¹⁴.

22 сентября 1875 г. Калбалы-хан в связи с 25-летием офицерской службы был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Эта награда была подтверждена правительством 24 января 1876 г. После этого он принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Приказом по Кавказскому военному округу от 10 мая 1877 г. Калбалы-хан был назначен командиром бригады, сформированной на базе Иреванского иррегуляр-

**Генерал-майор Калбалы-хан
Нахичеванский.
Фотография 1878 г.**

ного кавалерийского полка. За проявленные в боях мужество и доблесть, а также за спасение от осады гарнизона крепости Баязит 11 декабря 1877 г. был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени (с саблями), а 2 июня 1878 г. – орденом Св. Станислава 1-й степени (с саблями). 13 июля того же года Калбалы-хан был назначен командиром 2-й кавалерийской дивизии. Отметим, что он одновременно командовал «кавказскими летучими отрядами», численность бойцов которых достигала состава дивизии. 23 октября 1877 г. Калбалы-хан отличился в бою у Девебойну поблизости от Эрзерума, за что 8 декабря был награжден Золотым оружием, украшенным бриллиантами. Интересно, что

этой награды во время Первой мировой войны были удостоены его внуки Калбалы III и Джемшид. 24 января 1879 г. Калбалы-хан за проявленную доблесть был удостоен ордена Св. Анны 1-й степени (с саблей). В 1878–1879 гг. Калбалы-хан командовал второй бригадой 2-й Кавказской дивизии, а затем второй бригадой 1-й Кавказской дивизии. 16 марта 1880 г. он был демобилизован – с оставлением в распоряжении Кавказской армии, как указано в послужных книгах. По данным на 7 июня 1882 г., Калбалы-хан получил годовое жалованье в 1524 р. и довольствие в 1800 р.¹⁵

В одном из документов 400-го фонда Российского государственного военно-исторического архива содержится весьма примечательная информация. Согласно документу, генерал-майор Калбалы-хан, сын Эхсан-хана, был смещен с занимаемой должности по представлению генерала от кавалерии князя А.М. Дондукова-Корсакова от 12 июня 1882 г. «за особые политические

взгляды»¹⁶. Автор этих строк ведет поиск новых данных по указанной теме.

После демобилизации Калбалы-хан вернулся в родной Нахчыван и занялся благотворительностью. Согласно документам из архивов Нахчывана, Баку, Тифлиса и Москвы, он, как и его брат Исмаил-хан, открывали школы, закладывали сады, всячески стремились облегчить положение неимущих земляков.

В 1874–1878 гг. Калбалы-хан был действительным членом Кавказского сельскохозяйственного общества. В тифлисских архивах хранится интересный документ, написанный им об азербайджанских кавалерийских лошадях¹⁷.

В 1861 г. Калбалы-хан взял в аренду на 25-летний срок водопровод, проложенный в Нахчыван, на условии выплаты в казну 150 р. в год. В документах указывается, что одна водопроводная линия была проложена в молельню, две – в уездную управу, одна – на кладбище, одна – в почтовую контору и еще одна – на большую площадь. Калбалы-хан проложил еще одну линию – в уездную школу.

В Нахчыване братьям Калбалы-хану и Исмаил-хану принадлежал кирпичный завод, действовавший с 1846 г., и целый ряд городских зданий выстроен из этого кирпича.

26 сентября 1867 г. Калбалы-хан обратился к военному губернатору Иревана генерал-майору князю Астафьеву за разрешением проложить из реки Элиндже-чай оросительный канал на его посеы в местечке Чешмебасар. Канал был открыт в торжественной обстановке.

В бытность гвардии полковником Калбалы-хан проявлял большой интерес к полезным ископаемым на своих землях. Так, согласно его прошению от 19 июля 1868 г. в Кавказское горнорудное управление в Ордубад приехали инженер управления Сумикидзе и секретарь Иреванской губернской канцелярии Хаманов, которые провели геологический анализ и выявили высококачественные полиметаллические руды (3 фунта металла на пуд руды). Калбалы-хан отправил образец руды в управление и обратился за разрешением начать разработку руд в окрестностях сел Парага, Тиви, Румус и Билев. В сообщении инженера-геолога Кавказского горнорудного управления И. Шутина нахчыванскому уездному начальнику от 17 сентября 1868 года говорится, что в отправленном образце содержа-

ние меди составляет 4 фунта на пуд и что разрешение на производство дано.

Калбалы-хан с Шахингиреем занимался также ирригацией. Важнейшим его подарком земледельцам родного края стал заложенный им в предгорьях горы Кечалдаг, у села Куку пруд Ганлыголь¹⁸.

Одним из зримых плодов любви и уважения народа стала ода поэта Хаджи Фагира Ордубади (отца известного азербайджанского писателя середины XX в. Мамеда Саида Ордубади) в честь Калбалы-хана и Исмаил-хана. Интересны также два его гасида, посвященные Калбалы-хану¹⁹.

Калбалы-хан умер в Нахчыване в первых числах апреля 1883 г., 59-ти лет от роду. Приказом военного министерства России от 30 апреля 1883 г. его имя было исключено из списков Кавказской армии²⁰. Калбалы-хан был с почестями предан земле в гробнице ханов Нахчыванских, которая стоит до сих пор.

Отметим, что Калбалы-хан II Нахчыванский был женат на дочери жителя Иревана майора Ахмед-хана Макинского Хуршуд. У них родились девять детей – пять дочерей и четыре сына: Зейнаббейим (1851– ?), Эхсан (1855–1894), Бедирнисабейим (1853– ?), Джафаргулу (1859– ?), Рагим (1860– ?), Чимназ (1860– ?), Шахджахан (Шахбейим, 1861– ?), Гусейн (1863–1919), Зерринтаджбейим (1866– ?)²¹. Московские авторы говорят о 8 детях Калбалы-хана, упоминая Шахджахан и Чимназ как одно лицо. Согласно историческим материалам, Чимназ была замужем за своим двоюродным братом Бахманом, сыном ее дяди Исмаил-хана, а Шахджахан (Шахбейим) в 1883 г. вышла замуж за представителя родственной семьи ханов Макинских. Оба эти брака засвидетельствованы документально²². Автор этих строк сумел разыскать родственников Шахбейим в Маку, а через них раздобыл ее фотографию у одного из потомков, живущего в Тегеране. Теперь этот снимок представлен в «Ханском дворце» в Нахчыване.

«В главном храме славы русского оружия, Георгиевском Зале Большого Кремлевского Дворца, на настенных мраморных досках покоятся имена Георгиевских кавалеров – родных братьев и братьев по оружию – Келбали- хана и Исмаил-хана Нахичеванских. На мраморной доске за № 23, относящейся к 1855 году, золотом высечено: Калболай хан Эксанъ Ханъ Оглы.

На мраморной доске за № 33, где указаны имена героев России 1877 года, высечено тоже золотом: Исмаил Ханъ Эксанъ Ханъ Оглы.

Высеченные золотом имена не окисляются. Золото вечно»²³.
Слава Георгиевским кавалерам!

¹ Назирли Ш. Откроются тайны архивов. Баку: Элм, 1999 (на азерб. языке). С. 14.

² РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 4–5, 11, 138–138 об.

³ НАГ (Национальный архив Грузии). Ф. 16. Оп. 1. Д. 7118, на 5-ти л.

⁴ Нагдалиев Ф.Ф. Ханы Нахичеванские в Российской империи. М.: Новый аргумент, 2006. С. 336.

⁵ Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры-азербайджанцы. М.: Герои Отечества, 2005. С. 96.

⁶ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1268. Оп. 2. Д. 7316.; Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 4–5, 11, 138–138 об.

⁸ Кавказ. 1855. № 72.

⁹ Нагдалиев Ф.Ф. Указ. соч. С. 337.

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 4–5, 11, 138–138 об.

¹¹ Новый Азербайджан. 2003. № 157, 163.

¹² Исмаилов Э.Э. Указ.соч. С. 98.

¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 4–5, 11, 138–138 об.

¹⁴ Нагдалиев Ф.Ф. Указ. соч. С. 337.

¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 20578. Л. 4–5, 11, 138–138 об.

¹⁶ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 79. Л. 5080 об.–5081.

¹⁷ НАГ. Ф. 4. Оп. 5. Д. 967, на 9-ти л.

¹⁸ Новый Азербайджан. 2003. № 157, 163.

¹⁹ Ордубади Ф. Плачет ручка в моей руке. Баку: Язычы, 1989 (на азерб. яз.). С. 140–142.

²⁰ Иванов Р.Н. Оборона Баязета: Правда и ложь. М.: Герои Отечества, 2005. С. 222.

²¹ Там же. С. 114.

²² Государственный архив Нахчыванской автономной республики. Ф. 807. Оп. 1. Д. 385.

²³ Иванов Р.Н. Указ. соч. С. 230.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бришок Надежда Юрьевна – НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ (далее – НИИ (военной истории)) (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Владимирова Екатерина Денисовна – Волгоградский государственный университет, аспирант.

Власов Николай Анатольевич – Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Волошин Адам – Институт истории Опольского университета (Республика Польша), аспирант.

Гезалов Парвин Фахраддинович – Национальный музей истории Азербайджана (Баку), доктор философии по истории, заместитель председателя общественной организации.

Головина Евгения Леонидовна – Центр документации новейшей истории Волгоградской области, специалист.

Гоманенко Олеся Александровна – Волгоградский государственный университет, доцент, кандидат исторических наук.

Горбунов Вадим Владимирович – Алтайский государственный университет (Барнаул), профессор, доктор исторических наук, доцент.

Громов Андрей Владимирович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – ВИМАИВиВС), научный сотрудник.

Гуров Сергей Викторович – НПО «СПЛАВ» (Тула), инженер 2-й категории.

Данков Михаил Юрьевич – Национальный музей Республики Карелия (Петрозаводск), научный сотрудник, действительный член Русского Географического общества.

Джиоева Анна Рослановна – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Доного Хаджи Мурад – Дагестанский государственный объединенный историко-архитектурный музей (Махачкала), научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

Егоров Андрей Михайлович – Псковский филиал Академии ФСИН России, полковник внутренней службы, кандидат исторических наук, доцент.

Ефимов Сергей Владимирович – ВИМАИВиВС, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Жарский Анатолий Петрович – НИИ (военной истории) (Санкт-Петербург), научный сотрудник, кандидат военных наук.

Иванюк Сергей Александрович – Музей-заповедник «Сталинградская битва», заместитель заведующего отделом, кандидат исторических наук.

Игошин Константин Георгиевич – Государственный исторический музей, заведующий сектором.

Изонов Виктор Владимирович – НИИ (военной истории) (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Ирютин Алексей Сергеевич – 84 межвидовой учебный центр 12 Главного управления Министерства обороны РФ (Московская обл.), старший преподаватель.

Кабанов Павел Александрович – Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова Министерства обороны РФ (далее – ВМедА), старший ординатор, майор медицинской службы.

Кикнадзе Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доцент (Москва).

Кирилов Михаил Николаевич – Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова (Санкт-Петербург), заместитель начальника факультета, капитан 1 ранга, кандидат военных наук.

Клейн Эдуард Григорьевич – Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома), кандидат культурологии, доцент.

Ковалев Сергей Николаевич – НИИ (военной истории) (Санкт-Петербург), ведущий сотрудник, кандидат исторических наук.

Колганов Андрей Михайлович – Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил РФ, доцент, кандидат политических наук.

Коршунов Эдуард Львович – НИИ (военной истории) (Санкт-Петербург), начальник отдела, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук.

Кочуков Сергей Анатольевич – доктор исторических наук, доцент (Саратов).

Крапивенцева Мария Борисовна – Тульский государственный музей оружия, хранитель.

Кручинин Андрей Сергеевич – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (далее – ДРЗ) (Москва), заведующий отделом.

Кудзеевич Леонид Владимирович – Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Кудрец Анастасия Сергеевна – ВИМАИВиВС, младший научный сотрудник.

Кузнецов Никита Анатольевич – ДРЗ, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Кулиев Муса Рагим-оглы – Нахичеванское отделение НАНА, Институт истории, археологии и этнографии (Азербайджанская Республика), доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник.

Литвиненко Дмитрий Васильевич – ВИМАИВиВС, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Михайлов Андрей Александрович – НИИ (военной истории) (Санкт-Петербург), доктор исторических наук, доцент.

Новоселов Василий Рудольфович – Музеи Московского Кремля, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Соколов Владимир Андреевич – ВМедА, ассистент, кандидат медицинских наук.

Щерба Александр Николаевич – НИИ (военной истории) (Санкт-Петербург), ведущий сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Власов Н.А.</i> Вопрос унификации артиллерийского вооружения Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны	3
<i>Волошин А.</i> Преобразования в структуре компута литовской армии в 1698–1717 годах	11
<i>Гезалов П.Ф.</i> Атрибуты президентской власти в Азербайджане	31
<i>Гоманенко О.А., Головина Е.Л., Владимирова Е.Д.</i> Участие ОСОАВИАХИМа в подготовке специалистов по ликвидации минной опасности в Сталинграде и области в 1943 году	41
<i>Горбунов В.В.</i> Вооружение тюрко-самодийских воинов юга Западной Сибири второй половины VIII – первой половины IX веков	46
<i>Громов А.В.</i> Кавказская артиллерия Шамиля. Трофеи из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	65
<i>Гуров С.В.</i> Блоки орудий и неуправляемые авиационные ракеты для пусковых устройств реактивной артиллерии	76
<i>Гуров С.В.</i> Геннадий Алексеевич Денежкин. Моменты биографии. Воспоминания очевидцев	98
<i>Данков М.Ю.</i> «Пуцций в промыслу» сержант и страхи фельдмаршала (О взаимоотношениях М.И. Щепотева и Б.П. Шереметева)	125
<i>Джиоева А.Р.</i> Принц Людвиг Гессен-Гомбургский – полковник Нарвского полка	142
<i>Доного Х.М., Алиева С.</i> «Знатное» оружие в собрании Дагестанского музея	162
<i>Егоров А.М.</i> Рекрутская повинность среди заключенных и приговоренных к ссылке в Сибирь в годы правления императора Николая I (по архивным материалам Псковской губернии)	173

<i>Ефимов С.В.</i> «Совершенная безопасность от всех внутренних и внешних беспокойств». Русская армия в Мекленбурге в 1712–1719 годах	178
<i>Ефимов С.В.</i> Цареубийственный кинжал. Из истории европейских стилетов	221
<i>Жарский А.П., Литвиненко Д.В.</i> Незавершенные наступательные операции войск Ленинградского фронта в феврале – августе 1943 года (Борьба за расширение Приладожского коридора)	256
<i>Иванюк С.А.</i> Несостоявшееся объединение: проект 1918 года по переводу производств Обуховского сталелитейного завода в Царицын	275
<i>Изошин К.Г., Новоселов В.Р.</i> Французская полевая артиллерия эпохи наполеоновских войн в музейных коллекциях России.....	284
<i>Изонов В.В.</i> Некоторые вопросы создания группировки и системы огня артиллерии в обороне 44-й армии 4–8 мая 1942 года (К 75-летию Керченской оборонительной операции)	302
<i>Ирютин А.С.</i> Диверсионные десанты морской пехоты Северного флота в 1942 году, их роль в обороне Заполярья.....	316
<i>Кабанов П.А., Соколов В.А.</i> Одна из тайн Второй мировой войны.....	329
<i>Кикнадзе В.Г.</i> Подготовка Третьим рейхом войны против СССР в современной историографии.....	333
<i>Кирилов М.Н.</i> Кавказские мусульманские части Российской империи в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов	347
<i>Клейн Э.Г.</i> Главные военные дирижеры России и Костромской край: исторические аспекты творческого сотрудничества	360
<i>Ковалев С.Н., Шерба А.Н.</i> Ленинградский фронт в ходе подготовки и проведения Нарвской наступательной операции.....	366
<i>Колганов А.М.</i> Открытие второго фронта и наступление союзнических войск в Европе.....	377
<i>Коршунов Э.Л., Михайлов А.А., Бринюк Н.Ю.</i> Санитарно-химическая защита: становление, развитие во время мировых войн и в межвоенный период.....	388
<i>Кочуков С.А.</i> Сербо-турецкая война 1876 года на страницах воспоминаний В.В. Ящерова	409
<i>Кративенцева М.Б.</i> К истории национализации частных оружейных предприятий в Туле. «Первая Оружейная фабрика “Интернационал”» (1917–1919).....	424

<i>Кручинин А.С.</i> «Тихо, скромно, незаметно мы служили...» Сумский гусарский полк на Гражданской войне	437
<i>Кудзеевич Л.В.</i> «С общего согласия поступать» – материалы об управлении русскими войсками в Польше в начале 1735 года.....	456
<i>Кудрец А.С.</i> Первая мировая война в творчестве П.Н. Краснова.....	470
<i>Кузнецов Н.А.</i> Л.С. Багров – офицер Российского флота и выдающийся историк картографии	480
<i>Кулиев М.Р.</i> Генерал-майор Калбалы-хан II Нахичеванский.....	499
Сведения об авторах	506

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Восьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 2

Редактор: *Е.М. Пожидаева*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 27.04.2017.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 16.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 150 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.
Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета промышленной технологии и дизайна
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 26.